Электронный сборник воспоминаний

ЖИВАЯ ИСТОРИЯ

выпуск 2

Проект реализован при финансовой поддержке Комитета по печати Ленинградской области

Ленинградская областная общественная организация социальных программ «Центр женских инициатив»

Анкудинова (Колосова) Тамара Николаевна

Я родилась 13 января 1927 года. Жили мы в Вологодской области, в деревне Кимшино - Чаровский сельсовет, Шекшинский район. Тогда начались колхозы. У меня маму звали Копосова Павла Ивановна, отца звали Копосов Акендим Александрович. Сколько им было лет, не знаю. Они нигде не работали, единоличниками были все там в деревне, сами на себя работали, рожь, картошку сажали.

Мне было уже шесть лет, я помню. Была лошадь Маруся - красивая, цирковая такая. Эта дедушка маме дал в приданое. Я и дедушку помню. Дедушку, маминого отца, убили в Кронштадте. Там он был сторожем, и его убили. Очень хороший был дедушка. У нас бабушка померла, его жена, 67 лет ей было, хорошая была бабушка, к нам относилась очень хорошо. Бабушка жила в деревне Ступново, и мама оттуда. У нас были корова, лошадь, овечка.

У меня две сестры, одна умерла, ей 18 лет было, а одна живет в Коркино, младше меня на два года. Она закончила наш техникум, работала она лесничим, училась на пятерки. Потом отправилась в Ильинский район, вышла там замуж, а муж попался милиционер. Раз идем с покоса, держала корову она с ним. А он ей говорит: «Я тебя убью сейчас, вот под эту кучу закопаю, тебя никто не найдет!» Ну, она взяла и с ним разошлась, приехала в Каменку. Она здесь года четыре работала. Лесники были только бы выпить, но она была строгая, следила, чтобы пьянки не было. А тот, который был до нее, он, конечно, рад был, что такая женщина у него.

Стали колхозы. Корову в колхоз отобрали, лошадь Маруську взяли в колхоз. Потом утром встаем, говорят, соседа выселили. Иван Ермолаевич его звали, а сын у них один - напротив нас жил, его Амелий звали. Потом увезли их, написали письмо, что как будто в Сибирь их увезли. Помню я его, этого дядю Ваню, Ивана Ермолаевича, и жену его помню.

Все отобрали, только овечка осталась. А отец любил лошадей, никакую технику не знал, ничего - только лошадей, лошадь по зубам определял. Это шел 1933-й год, мне было лет шесть. Мама уже работали в колхозе, а отец не знаю что.

В колхоз пошли работать, я еще не училась. Стали возить на нашей лошади навоз с Ивана Ермолаевича двора. Погнали на обед, а лошадь нашу не погнали к нам в сарай. И я целый вечер проплакала - с обеда до вечера. Потом мама мне акала. А я помню. Ну, конечно, успокоилась, лошадей потом отбирали у всех. Деревня Захариха, туда угнали.

Потом на второй год наша лошадь полный табун привела лошадей - и прямо к окошку. А отец все порядки же знал. Говорит: «Дай нам лукошко овса!» Он насыпал, мы ей скормили. Пришел конюх из деревни Захариха, всех лошадей угнали, и больше нашу лошадь не видела.

И отца не видела после, его посадили. Председатель сельсовета украл у нас сено с бригадиром, отец подал в суд на него. Отцу присудили полгода тюрьмы за это. А мы-то думаем, что отца нет - мама нам не рассказала. Ждем писем. Такой Клюсов был, почту носил. Как идет, мы к нему: «Письма нам нет?» «Нет-нет. Вам еще пишут!» Это еще в школу не ходила я, такое было дело.

Раньше с восьми лет учились. Я училась в Чаромской школе, сначала не очень. В первый класс брат пошел вперед меня, он был 1926 года рождения. Как физкультура - он убегал, как пение - он убегал. Потом я пошла в первый класс, учились средне. Учителя были, сначала одна была нерусская, одеть ей нечего было, мама ей давала какие-то ботинки, но ее перевели в другую школу. Стал учитель мужчина - Иван Иванович, по-моему, он нам не нравился, потом он вел физкультуру в третьем и первом классах. Он нас всех блядями обозвал. А Юрка, у него мать в Ленинграде жила, когда она приехала домой, он все рассказал матери. Мать подала на него в суд, ему дали год.

А потом учительницей была Тамара Ивановна - хорошая была. Перешли во второй класс. В Чаровской школе нас никуда не приглашали - ни на елку, никуда. Мы не знали, что такое елка, только богатых приглашали. Их потом всех выселили. Одних выселили, они оказались в Ленинграде. После войны мама встретила ее в Ленинграде, она к своим пришла, Поллинария Ивановна ей все рассказала. Она сказала, что зря та к ним не пришла, она бы маме всего надавала. А у них дом был большой, они держали магазин, все сами делали и продавали. Оказались в Ленинграде.

Много богатых было в селе. Народ неплохо жил. У кого были дома хорошие, тоже одного выселили, оказались они в Ленинграде. Потом ездили сюда в гости, в войну все трое братьев погибли.

А потом отец купил дом в другой деревне, когда я во втором классе училась. Там, правда, народ лучше был, учительница была хорошая. Учила она так: второй класс, четвертый класс. А одна была, Анна Павловна, она учила первый и третий класс. Хорошая тоже, но уже была пожилая.

1938. Семья Колосовых. В центре мать Павла Ивановна Колосова. Тамара справа. Слева сестры: Ия и Капиталина

Отец купил дом, мы переехали туда. Мы учились в школе, там и елка была, все было. Учительница была - у нее одна комната вся в иконах. Подарки нам давали там, собирали по два рубля на подарки хорошие. И рассказывала, что будем сидеть дома, будем видеть, что делается за границей, что делается в театрах, белый свет весь будет паутиной обмотан.

А потом мы в Ленинградскую область приехали в 1937-м году. В деревне жить не давали. Отец после отсидки пришел и говорит: «Не буду здесь жить». Тут ходил вербовщик, и он завербовался на судно. А в Лисино-Корпусе его брат двоюродный жил, он написал ему: «Приезжай сюда, работу найдешь». Переехали мы. Дом на Кимшине продали, а у нас там и деревня лучше была, и дом хороший. Отец завербовался, дали ему паспорт. И он приехал сюда, устроился лесником, потом приехал за нами и увез нас сюда. Так мы приехали сюда в Лисино.

Мы жили у брата двоюродного лето. А жили плохо: двадцать пять рублей осталось - ну что это? До ягод дожили, каждый день ходили за ягодами. Придем, ягод наберем, а эту деревню называли Наинекила. Лисино-Корпус - так называли лесхоз. Теперь все Лисино-Корпус. Только лето мы пережили, потом мы стали хорошо тоже жить, неплохо. Мама работала уборщицей. Около нашей комнаты было общежитие, вот она и работала здесь. Папа лесником работал. Потом мама тоже ему помогала. Этот лес они сажали, сосны, елочки - все отец с мамой сажали. Был еще кустарник, а теперь вот лес вырос.

Отец потом купил лошадь, выписал леса на дом, стали строить дом, срубили. А потом одна цыганка отцу говорит: «Давай я тебе погадаю!» Их было две - дочь с матерью, у соседа недели две жили. Она погадала и говорит: «Дом-то строишь, а жить-то не придется!»

В школу пошли. Учились хорошо, учителя нас хвалили. Неплохо жили. Как война началась, я помню. Помню, мы стояли за хлебом там, где перекресток. Вдруг двенадцать часов дня, подходят и объявляют, что началась война. Ну, народ весь такой расстроенный. Отец-то у нас был на той войне, так он знает. Он ту германскую был войну. Он нам никогда не говорил, что там в плену был. Он понемецки говорил, а мы и не знали ничего.

Объявили войну, и за три дня всех мужчин забрали. В Тосно и здесь всех забрали. Маму на окопы отправили, отца тоже на окопы, его не взяли в армию. Окопы были, где Киришское лесничество, а потом Аннолово. В Анналово есть речка, вот они там были на окопах. А мы остались дома. На нас лошадь и коза была с козлятами.

Остались две сестры и брат. Брат занимался с лошадью, с козлятами, а нам надо было хлеб до-

стать - по четыреста граммов в день давали. Мне было четырнадцать, сестра на два года моложе меня, она 1930 года рождения. А брат 1926 года рождения, он на год старше меня. У нас у всех работа была.

Потом мама у нас в Киришском лесничестве была. Они там в одном месте копали. Она наказывала, что я должна прийти, у нее хлеб есть, и она должна его отдать. Я пошла, мама дала хлеба. Потом их туда в Анналово отправили, к Федоровскому. И мама снова наказывает туда идти. И туда пошли. Потом ее отпустили на три дня, чтобы белье постирать. А у меня уже было все постирано, наглажено, убрано. Пришла, три дня отдохнула и опять ушла. А перед тем, как немцам прийти, их отпустили, и она опять пришла.

Немцы пришли в конце сентября. Еще в августе мне нужно было идти на завод здесь, в лесхоз. До войны там котельная была, мой дядюшка работал в котельной, свет давал. Видимо, котел сожгли, еще немцев здесь не было, и машину сожгли. Там был душ, мы к нему ходили мыться к этому дядюшке.

Перед приходом немцев залетал немецкий самолет - чернущий такой. И вот летает, стреляет, стреляет! Был сделан завод, где смолу гнали, еще что-то. Ну, пострелял, улетел. В воздух стрелял, там не по кому было стрелять, солдат не было. На второй день опять прилетел и шлепнулся об мостянки.

Лисино -Корпус, 1955 год

А там была дорога сделана, лес возили по ней. Говорят, поднимался-поднимался, все же поднялся, улетел.

А потом уже мы, конечно, в лес. Отец нас отвез, лошадь была своя. В лес по Тосненской дороге поехали. Там просев такой был, речка текла небольшая такая, там хорошо было - тихо, спокойно. Мы даже не знали, что стрельба есть. Ничего не слышно было. Я сходила посмотреть на этот завод - сожжен весь. Брат пошел тоже посмотреть. У нас дом-то был недостроенный. Говорит: «Как налетели, я лег в канаву» Насчитал восемь-десят шесть самолетов. Она и теперь, канава эта, отсюда так туда и идет.

Бомбили, много домов разбили. Потом один солдат попал в бомбежку. Его убило, в парке был похоронен. Уже в конце августа. А немцы в начале сентября пришли.

Когда немцы сюда пришли, мы из леса уже приехали. Нам сказали: «Кто в лесу, выходите!» А отец-то тоже попал туда к ним. Отец наш пошел проведать и попал под это под все. Он неделю был тут, потом при шел и говорит: «Немцы сказали: кто в лесу - приезжайте домой, живите дома!»

А много людей в лесу было. Партизаны половину поселка сожгли.

Мы там жили в Кубуче в двухэтажном доме. В нашем доме семья одна поселилась, у них был маленький ребенок, они не дали им сжечь. А рядом три дома сожгли. Сожгли-то наши. До немцев еще они сожгли, когда мы в лес ушли. Сожгли, потом давай один хвалиться, что сожгли здесь полпоселка - Богданов Николай, в партизаны ушел. Только его толком знали. Потом я расскажу про него, если интересно будет.

Ну, мы домой пришли из леса, намыли полы. Смотрим, немцы телефон тянут. Мы чего-то и не боялись их, ничего они нам не говорили. Мы как пришли - намыли, убрали, они пришли - нас выгнали, четыре одеяла отобрала от нас. Немцы нас выгнали из нашей комнаты, ведь там чисто было. Выгнали в другую комнату, которая немытая. А на второй-то день мы опять в свою комнату пришли. Вышли потом на дорогу. Столько идет наших солдат! Столько вели немцы пленных! Много наших солдат, я не знаю, куда их вели. Из Тосно в Вырицу или куда, этого мы не знаем. Они шли по дороге, не останавливаясь, немцы охраняли. Даже девушки были пленные в форме.

Лесхоз, там был завод, там был токарный цех, столярный цех, лошадей много было. Это после войны уже.

Мы как-то немцев не боялись. И за ягодами ходили. Пошли в 1941-м году за брусникой, там и черника росла, брусника. Проходят два солдата, такие парни - высокие ростом, красивые, разговор у

них такой приятный. Они говорят:

- Девочки, здравствуйте, нас человека четыре, как в Ленинград попасть? Кружимся, не знаем, куда выходить!

А тут железная дорога рядом была.

- Как вы туда попадете? Немцы уже в Пушкине, везде! Мы не знаем, как вы попадете. Только не выходите на железную дорогу. Лесом проходите, чтобы вас не увидели!

Сказали, где переход, где что. Не знаю, живы эти ребята остались или нет.

У Таси Калинцевой до войны дом был построен. У них была семья семь человек: пятеро детей, мачеха и отец. И наши сожгли и их дом. А мы в лесу остановились. Она говорит: «Как домик жалко, коровка рядом, все рядом, речка рядом». Стоим, смотрим. Машина стоит немецкая, и немец в рупор говорит: «Кто в лесу, выходите! Жизнь вам спасем!»

Мы остановились, слушаем дальше. Тася Калинцева стоит и кричит, сколько сил есть: «Какого вам х..., в плен сдаваться, у вас нет молока, нет масла, нет творога!» - нет того, нет другого - все матом кроет. А немец это все слушает. «И у вас нет мяса, хлеба, хорошего мыла!» И так пошло! Мне уже не рассказать, как она кричала. А надо выходить.

Выходим, стоит немец, смотрит на нас и смеется. Говорит: «Девочки, я дал бы вам хлеба, да у меня и у самого нет!» А мы говорим: «Угощайтесь ягодами!» «Нет, мы их не употребляем!» Он нам подозрительный показался. Ну, потом, конечно, мы попрощались. Дошли до дома - всю дорогу смеялись, вот так их Тася отчихвостила.

А потом в 1943-м году пошли мы за ягодами на болото. Набрали ягод с братом, вдруг смотрим - идет солдат наш. Подошел, поздоровался и спрашивает: «У вас спичек нет?» А брат-то у нас не курил. Он говорит: «Я не курю, если бы я знал, что кто-то встретиться, я бы взял! А вы откуда?» А он из лагеря убежал из Саблино. Начал спрашивать дорогу. А в парк проезжало много немцев с фронта. Туда, говорим, не выходите, лесом идите да подальше. Не знаю, куда он ушел.

У отца был полный сарай, а пришли после леса - в сарае сена нет. Отец взял сына, пошли за сеном. Приходят туда, а по лесу много ходило солдат. На них: «Руки вверх!» Те руки подняли. «А, это наши. Что вам надо? Говорите!» А они говорят: «Нам надо переодеться!» И отец показал, где пройти к нему, чтобы переодеться. Отец натаскал много посылок от тех, которых в армию брали. Домой-то не успели отослать эти посылки, свозили сюда. Натаскали полный сарай этих посылок. Отец из этого сарая к себе в дом недостроенный затащил много посылок. И сказал солдатам, как пройти: «Придете ко мне, я вас буду ждать».

Мы жили в казенном доме, а свой-то не достроен был. Немцы здесь были, в казенном. А наш дом был у нас построен к лесу. У нас дом был недостроенный восемь с половиной на семь с половиной метров, большой дом был. Ну, они пришли и у нас три ночи ночевали. Еще и офицеры, на них кубики были. Два офицера. Потом отец говорит: «У вас есть паспорта?» Они говорят: «Есть!» «Давайте!» А здесь такой Лазарев был, отец к нему пошел: «Виталий Александрович, надо мне два пропуска на Новгород». Лазарев пропуска для немцев что ли делал. Лазарев работал в комендатуре, он понимал по-немецки, у него жена была немка. Он инженером был. А потом немцы и жену убили, и его. Убили, а потом повесили, и он долго висел на дереве. Ну, видимо, связь имел с партизанами. А жену, говорят, убили: на коляске спустили с горки немцы. Она инвалидкой была. Комендатура была, где техникум. Техникум отстроили, он был разбомблен наполовину.

Отец офицеров куда-то еще довез. Увез офицеров до Тосно или куда на лошади на подводе, у нас же лошадь своя была. Он при немцах их отвез. Пропуск-то есть у них. Он научил: «Скажите, что вы работали на железной дороге». Положил разных тряпок, мол, идем с мешками. Не знаю, задержали где или нет, но они ушли. А отец приехал домой. Приехал домой, пропуск принес солдатам и говорит: «Чего, ко мне будете приходить?» А они и говорят: «Нет, мы к вам не пойдем. Мы как пришли незаметно, так и уйдем незаметно, чтобы вас не подозревали!» И так они ушли.

Потом такой Калинцев был. У него оружие было, кто-то донес, его убили немцы. Расстреляли

семь человек. Не знаю я, за что убили, потом такой работал в столовой Коля Симонов, молодой парень хороший. Кто-то сказал, что он партийный, и его убили. Они то здесь одну девушку застрелили, та работала в комендатуре - Валя Никарь, молодая такая.

Одна женщина, Михалева была ее фамилия, на нее наговорила, будто она посылки немецкие открывала, и девушку убили. Михалева больше сюда не приехала. А потом немцы сказали: «Вы сами своих продаете!»

Мы жили в Кубуче, нас они не трогали. А женщины как наехали из Павловска! Их привезли - так чистые проститутки были - из Павловска да из Пушкина. Потаскушки хорошие молодые были. Ну, понимаете, какие были. Эти женщины жили в своих комнатах, дали им жилье. Они жили и в нашем доме, и в большом двухэтажном, там тридцать две семьи помещались.

Наш дом двухэтажный был. Тут тридцать две семьи жили, а которые из Пскова были, они все

Латвия в оккупации молодые люди. 1943й год

уехали в Псков. Потом белый дом - там шестнадцать семей. Беженцев тут знаете сколько прошло? У нас сколько их ночевало. А потом, отец еще говорил: «Иду, где речка (это солдатский ручей назывался), смотрю, сидит солдат». Дождь идет, он палаткой накрылся. Отец открыл: «Ну что, друг, сидишь?» А он отвечает: «Ранен в обе ноги. Идти не могу». А тут жили такие Крыковы, двухэтажный у них кирпичный дом, там немцы были тоже. «Ну, пойду, попрошу носилки!» Подошел к одному, немец хорошо по-русски говорит. Я, говорит, спрашиваю: «Что вы, по-русски так хорошо говорите?» А он и говорит: «Мои родители в каком-то году переехали в Германию, и там жили, а я родился там в Германии, значит, я гражданин Германии!»

Отец принес носилки. Мой отец собрал еще четырех человек, и понесли его, где мы жили - к большому дому. Потом отец опять пошел к этому немцу и говорит, так и так. Немец говорит: «Сейчас его отправим в госпиталь!» А госпиталь был сделан в Вырице. Приехал на машине и отвез. Не знаю, какая судьба была у человека. Жив он остался или нет. И врать не буду.

Были лагеря, но там, говорят, много немцы убили людей. Лагерь был в лесхозе, около леса там был кирпичный завод, но его взорвали. Ну, мы от этого лагеря работали на дороге. Мне было пятнадцать лет, мы пошли на дорогу работать. Техникум, в котором сейчас студенты учатся, был разбомблен, и немцы жили внизу. Мы туда ходили, они дадут кирку, лопату на двоих, давал норму немец. Такой Пауль был. Отмеряет по девять шагов, и надо было рубить киркой лед на дороге и чистить лопатой. А лед толстый был. Он дает девять шагов на двоих, до трех часов сделать надо, потом домой. У меня подружка была хорошая, мы с ней хорошо работали. Все сделаем, а потом уже к трем часам и домой.

Пешком ходили. Они давали нам паек. Если отработаешь полностью, давали буханочку на двести граммов хлеба - вот такой кусочек на неделю. На неделю двести граммов. Раз ты отработал неделю, три кружечки муки, немножко маслица, немножко меда, какой-то крупы маленько. Если целая неделя, вот такой паек. Работать-то надо ходить. И вот работали.

Мама тоже работала. Они дрова пилили для кухни. На кухне-то, конечно, легче дрова пилить, чем... В 1941-м году здесь наши строили бумажную фабрику, а потом, когда началась война, куда-то эти котлы увезли все. А здание было вагонкой обшито. Когда немцы пришли, отец посмотрел и мне говорит: «Тамара, пойдем, ты вагоночку принесешь, а мы с матерью по две. Дом-то надо доделывать, а досок нет!»

Только снесли, идем. Идет Кокорев такой Василий Васильевич. «Вот тебе пропуск, свези Арнольда Анцмана в Каменку!» Отец маме и говорит: «В этой Каменке капусту сажали, много чего сажали, подсобное хозяйство было. Дай мне мешка четыре, я, может, от этой капусты крошева привезу.

Латвия, город Лизуш с подругой Валей. 1948 й год

Хоть питаться будет чем». Мама подала ему.

«Ой, дядя Акендим, возьми меня!» Этот Арнольд взял своего брата Альберта, жену взял, вот этого Диму взял. Потом один такой, Василий его звали, сына своего десятилетнего отправил: «Возьми, ему десять лет, он хочет лошадью поуправлять!» Поехали - и до сих пор без вести. Убили всех. А убили наши партизаны. Этот же Богданов

Потом женщина рассказала, где они ночевали в доме в Каменке. Она рассказала, что пришли какие-то в белых халатах в дом. Отца заставили лошадь запрягать, но он, видно, понял все. Он, говорит, почернел, как головешка. Он никакого слова не мог сказать. Ну, их увезли, там какая-то гора в Каменке. Всех семерых их там и убили. Потому что у немцев были.

А Богданова, когда немцев-то уже выгнали, его отправили в Ульяновскую область. Приехал оттуда, кочегаром работала здесь. Приехал, машинистом поступил, начал ухаживать за мной. Я уже знала, что это убийца отца. Больше некому там. Потом нам все рассказали. А потом его брат сказал, что так и так, я вашего отца убил. Не

Здесь до войны такой дядя Миша жил со станции Дно. Там семью бросил, а здесь сошелся с одной женщиной. Женщина девочку родила от него, но они жили хорошо. Улей держали, корову. Также пришли партизаны, мед весь забрали. Тетя Паня говорит: «Миша, сходи, пусть ведерко хоть дадут. Корову не во что подоить». Миша пошел. Домой не пришел. Пошли смотреть, а Миша лежит убитый. Вот такие были партизаны. А уж про них писали: пришли, при немцах завод подожгли, подорвали. А завод-то они сожгли, когда еще немцев не было. Потом давай врать, что между Лисино и Каменкой гараж построили немцы - они и гараж взорвали. А там никакого гаража не было. Много вранья было.

один убил, там была бригада. Вот они их убили всех. И мальчишек тоже.

В лагере военнопленных наши плохо выглядели. Плохо относились к ним. Убили много, как убили - не знаю, умирали многие от голода. И вот ведут они тоже на дорогу работать, не по дороге ведут, а по речке, и эта речка как раз на дорогу. Один идет - идти не может, его подтолкнут - он побежит. Потом один солдат подходит и говорит: «Иди хоть потихоньку. Он тебя сейчас застрелит». А я стою с пилой, как-то этот немец оказался у меня. А пила-то полтора метра, мы пилили вот такие чурки. И пилой ему по шее. Поцарапали. Так он на нее, но ничего, не ударил. К нему Яша подошел с Отто и говорит: «Она же тебя не нарочно, нечаянно». Мы не часто их видели, но они плохо себя чувствовали.

Наши здесь не бомбили, спокойно было. Потом и немцы не бомбили здесь. Уже после войны трактор взорвался от бомбы нашей русской, которая в свое время не взорвалась — в землю просто ушла. Дорогу расширяли, и он задел эту бомбу. Трактор на мелочь и тракторист тоже. Это уже после войны.

Сначала немцы ездили на дорогу, там были и бельгийцы, и румыны - разные здесь дорогу делали. У меня сестра младшая пошла побираться. Подходит один к ней и говорит: «Девочка, сюда больше не ходи. У тебя есть немецкий котелок?» Она говорит: «Есть!» «Приходи к школе. У меня дома четверо детей!»

И она ходила туда две недели. Придет, он ее уже встречает. Берет котелок, потом приносит. И всегда два кусочка хлеба или с маслом, или с чем-то, или с повидлом. Две недели отходила, а потом он говорит: «Приходи завтра пораньше!» Видимо, что-то ей хотел дать. Она опоздала. Приходит, а они уже на дороге, в машине сидят.

Были всякие, вот здесь через дорогу два немца тоже ходили, один немец был хороший, а второй с плеткой. Они потом к нам хорошо относились. А в лагере вообще хорошо относились. Местное население было в лагерь переселено. Их отправляли работать на дорогу. Жили там, а работать сами ходили.

А потом мы перешли на завод работать. Построили котельную, их котельная и теперь стоит. При

немцах сделали баню. А у всех вшей – жуть. Наше белье брали в парилку, женщины там работали. Выпарят все, потом и вшей не стало.

Церковь здесь в 1932 или в 1934-м году была. Раскурочили свои. Одна женщина такая была: прибежит, икону схватит - и в костер. И все вот так. Любой ее звали, фамилию забыла. Приходит домой, а ее девочка в баке утонула. Во время войны церковь так и стояла.

Перед войной тут ярмарку два раза устроили - в марте и в мае. А маме очень хотелось швейную машинку. И мы с Дусей, моей одноклассницей, просидели всю ночь на ступеньках церкви. А ночь холодная была. Мы с Дусей были первые. Потом в девять часов пришли, открыли. И одна женщина такая нахальная была. Вперед нас побежала. Мы пришли первые, а та вперед нас. А я продавщице и говорю: «Послушайте меня, мы охраняли ваш склад. Я первая, Дуся вторая. А потом отдавайте кому хотите эти машинки!» Она так и сделала.

Тогда мама моему брату костюм купила, ситца купили. Машинка стоила сто шестьдесят один рубль - не такие большие деньги. Вообще-то деньги были.

В лагере в Лисино-Корпусе было много военнопленных. В нашем - не было. Потом их увезли. Там, говорят, много их закопали. Их, видно, дальше куда-то отправили.

Потом перешли на завод работать, там баланду давали. Завод у них был сделан лесопильный. Пилорамы были, обрезной был станок. Сначала, когда я на завод пришла, был такой Генрих. Он на обрезном работал, а сосед помер, тот говорит: «Дайте мне эту девочку». Он мне показал и всегда брал рейки откидывать. Потом одна женщина работала на маленькой пилораме. Она посмотрела на меня и говорит: «Вот мне эту девочку дай!» Напарница ее не пришла. Я говорю: «Тетя Маня, да не знаю, как что делать!» «Я тебе всему научу». Потом меня поставили на большую раму, мы работали.

Немцы давали рукавицы. Летом мошкары много, сетки давали на лицо, чтобы не кусались. Всего было.

А в Латвию как забирали, мы работали на заводе, стали разбирать завод, нас погрузили в поезд. Все брали, что надо. Машинку взяли и одежду - много чего. Что было - все взяли. В вагоне я была, потом такой Толька рыжий и одна бабка еще, но она в другом была. В товарных вагонах ехали. Отправляли от завода, со станции Лустовка.

Довезли нас до Новолисино. Кормили даже, мы не голодные ехали. Привезли в Новолисино, потом в Гатчину, из Гатчины на Сиверскую. Потом на второй день до Пскова повезли. Потом на остров Латгалия и потом в Латвию. А там дорога, если встанешь посередине, она кривая вся. Туда привезли, там разгрузили нас - и во дворец всех.

Станция Лизумс. Наделали домов из щитов. Опять завод сделали, пилораму. А мы землю отвозили, мы их никого не боялись. То идем в туалет - пляску там устроим, немец идет за нами, ну, мы их не боялись уже. И они нас не трогали. Правда, там были пленные, немцы к ним хорошо относились, они немецкую одежду носили эти пленные, они лес пилили. Один бельгиец из нашего лагеря другому в живот стрельнул. Пока его до Гульбене-то везли, он помер. У немцев он был дежурный, в русского он выстрелил. А пуля это разрывная, у него в животе все разорвалось там. И немцы настояли, чтобы бельгийца на передовую отправили из-за этого парня. И его отправили. Он с одной русской девкой ходил - бельгиец этот.

Потом переехали в другой лагерь, там побыли 10 месяцев, дальше повезли. Там фанерные домики такие сделали. Я жила все время с мамой и братом в фанерном домике. Еще одна татарка с нами жила. Мама на заводе не работала, она в Латвии прясть ходила к латышам, а тут она не работала. Сестра коров пасла в Латвии, той паек давали латышский: масла два килограмма в месяц, молока давали каждую неделю. Брат на конюшне работал с лошадьми. А мы дорогу делали там, чтобы ходил мотовоз, бревна возили. А потом на заводе опять на пилораме работали.

Там сытно жили, там и обеды были хорошие. Там мельница была и пилорама была. Мы туда лес возили. Распилим, погрузим - и домой вечером. Мы так месяца два ездили работать. Латыши нормально к нам относились. Мальчишки раз в нас камнями бросили, а мы в них камнями. И их не боялись.

В Латвии устроили праздник, жердину поставили, колесо, туда всего навешали. Кто залезет, что достанет — заберет. Праздник хороший был. А потом на второй день — работать. Мы идем работать на пилораму, и вдруг собака воет, а те, которые с нами работали, говорят: «К покойнику или к пожару». Вечером пришли домой, ну, говорим, побыли на танцах. И вдруг залетал наш самолет, две бомбы сбросил. А третья взорвалась. Он улетел, не стал больше бомбить. А если бы еще бомбил, он бы весь лагерь разбомбил. Много убило, много ранило. Вот Ольга Крыкова, у нее была нога ранена. Мы всю ночь не спали. Потом больше не прилетал.

Мы, когда в Литву приехали, отработали там неделю в субботу до обеда, а немцы нам и говорят: «Сходите к литовцам, попросите баню». Потому что у нас в Латвии каждую неделю баня была. Ну, мама пошла, литовка не дала. На второй день пошли на Балтийское море, а там эти немцы, с которыми мы были. Они нам плохого ничего не делали. Делают прицеп на кузов, мы думаем: что же они русских не заставляют это делать? Идем обратно.

А мы привыкли ходить на танцы в Латвии. У нас танцы каждый день почти были там. Думаем, где гармошка играет? Нигде не играет. Потом слышим, такой Шукельберг Франц кричит немцам: «Кому нужны какие продукты, забирайте!» У него семью разбомбили американцы, и дети погибли. Мы с Женькой побежали, крупы ячневой мешок взяли. Сидим, делим, как порядочные.

Где мы в лагере были, где работали, утром просыпаемся - половины лагеря нет. У них барак около нас был. В общем, нас в шесть часов поднимали - и в строй, потом куда кого на работу. Работали так с шести до шести. Один обед. То глину возили, грузили на вагонетки. У нас полно было молодежи. Так вот эти немцы охранники ушли, наши русские их не захватили. А тут через полтора дня и наши пришли.

Мы не слышали ни бомбежки, как пришли, ничего не слышали. Нас потом к литовцам всех туда в дома. Мы жили, там такая комната сделана, две семьи жили, а к литовцам ходили в карты играть. А потом нас на работу давай гонять. Копали окопы, а песок около Балтийского моря сразу осыпается. Солдаты говорят: «Девочки, не копайте, лучше нам баню топите». Мы стали баню им топить. Месяца полтора протопили. А тут такой был повар у них. Наглушили рыбы: «Девочки, помогите рыбу почистить и пожарить!» «Ну что же, давай!» И нас рыбой накормит.

А потом нам надоело тут, мы пошли в городок Швентой, там наши были. Увидел нас один повар: «Девочки, почистите картошки мне». А со мной такая Тася Калинцева, мы с ней подружки были. Он нас и накормит. Два дня отработаем, он нам по буханке хлеба даст и каких-то концентратов, их уносили домой. К местному населению русские наши не слишком злые были.

Мы все ходили в карты играть к соседу - к литовцам. Со мной один капитан любил играть в козла. Мы козлами никогда не оставались. Ну, а к нам русские ребята не приставали. Их отправили перед новым годом на фронт. Там был староста литовец, они все по-русски говорили. И дети, у него две девки и парень, - все по-русски говорили. И он давай хлопотать, чтобы дали поезд, вагоны, потом дали лошадей, все погрузились и поехали.

Когда уже сюда приехали, в марте месяце допрашивал какой-то начальник. Где были, как и что. И здесь в Тосно вызывали, меня вызывали тоже. Спрашивали, кого знаю, что, а я откуда что знаю? Что я буду говорить?

Мы приехали сюда 1 марта 1945 года. Приехали и ночь на улице ночевали. Большой дом сожжен, второй тоже сожжен, половина домов сожжена. Мы приехали, уже народу порядочно здесь было. Мы выгрузились на второй день туда, где школа была, теперь контора техникума, там нам дали жилье. Мы там месяца полтора прожили, потом мама устроилась на работу лесником. Получили документы и на работу пошли.

Я пошла работать. Две сестры - в школу. А мне куда? Мать-то кормить надо. У меня пять классов. Потом курсы шоферов окончила, потом не поладила с директором и ушла. Не стала на машине работать. Летом нас научили косить, стога метать. Потом кочегаром устроилась. Нас взяли. А топка в Померанцево была. Учились. Отработали год, выгнали нас с треском. А за что выгнали. Моя смена

ночная с двенадцати седьмого ноября, Ольга Крыкова - в вечер, Рая Зобова в день была. Ольга погасила свет, обвинили нас с Раей - мы виноваты остались. Электричество от топки шло, паровые котлы стояли, машина была сверху и завод работал. Тогда праздник, собрание, а в это время свет погас. Я пошла на работу, прихожу, а Ольга сидит - руки на топке. Я говорю: «Ты чего это?» Она говорит: «А что я буду. Там полная топка забита. Я не могла сделать ничего!»

Я пять тачек выгребла, вывезла, залила уголь. Дали свет мы до шести утра. Неделю в день отработали, все спокойно. Потом пришли: «Ты виновата!» Рая уперлась в меня. У Раи девочка восемь месяцев, кто ее пошлет. А я пошла в лес. И хорошо, что в лесу работала, зарабатывала хорошо. Мы деревья валили, пилили дрова, бревна грузили, все делали. Так у нас всю молодежь собрали потом и всех в лес. А теперь разве пойдет молодежь в лес? Никто не пойдет.

А война закончилась, мы были на сплаве в Рубежах, на Тосне-речке, теперь-то там много дач, а это у самой речки, там были бункера. Мы у деревьев сучки рубили, и подходит женщина: «Война закончилась!» Кто плачет, кто радуется.

А мы сплав гнали, так норму дали пятьдесят кубометров на человека. А заработали за полмесяца семьдесят пять рублей. Ему, этому директору, понравилось, как мы работали, оставил нас сучки жечь. Жечь кучей: штук двадцать подожжём, садимся - и в карты. У меня карты с собой были. Сплавы в Ленинград гнали. Тогда было глубже.

Потом у меня отпуск был в 1949-м году, я в деревню съездила, где родилась, там целый месяц пробыла. А у меня была заначка еще с отпуска, приехала и паспорт получила. Машину дров погрузили. Потом стали девчонки с девчонками, а меня с мужиком. А я про себя ругаюсь и говорю, что мне с мужиком пилить. Стали пилить мы, придем на работу - до обеда перекура нет. Потом мастер спрашивает, как ей платить? А он и говорит: что ей, то и мне. Что она тянет за пилу, то и я тяну. Ну, хорошо зарабатывали.

Ануфриева (Назаров) Полина Владимировна

Я, Ануфриева Полина Владимировна, в девичестве Назарова, 1930 года рождения. Мы жили в Великолукской области, Идрицкий район, деревня Замошье. Дедушка построил для моего папы дом, выделил участок. У нас были коровы, лошади. Тогда у каждого свой участок был, поле, болота, лесавсе свое. Дедушку звали Назаров Кирилл, а отчество не помню. У дедушки детей было трое: два сына и дочь. Тетя Валя была старшая, папа второй, а дядя мой, Спиридон его звали, он был последний, младший.

Папу звали Варфоломей Кириллович Назаров. Маму звали Ефимия Кузьминична. Отец Кузьма был у мамы. Кузьма Михайлович дед был. Мама Голикова была, мама и дядя Голиковы. Жили мы в деревне. У нас была сестра, я и младшая сестра моя, и брат.

В доме была печка русская, а в печке русской был ящик сделан и засеки были разделяющие: пшеница в одном, рожь в другом, ячмень в третьем, овес в четвертом. И все это было накрыто, доски лежали на этом ящике, на досках - сеном или соломой набитые матрасы, а мы на этих матрасах, вот на этих досках спали. Занавеска висела, помню, завешены были все до русской печки. На русской печке спали.

1948 й год, гор. Резекне, Латвия

Родители спали на полатях, где постлано было. Здесь иконы большие стояли, цветы впереди, стол стоял обеденный. Комната была одна, стояли ведра с водой, бочки с водой - поить корову.

Когда была маленькая, играли: что-то продавали, делали. Зимой снег продавали, как будто бы мороженое. А летом траву какую-нибудь - листики такие, селедку как будто бы продавали. Куклы сами делали, но не я. Мама шила такие тряпочные: руки болтались, ноги. В ляльки играли. А на улице чертили, скакать чтобы. Начертим квадраты, встаем в кружок, где очерчено, прыгаем. Клали как из-под гуталина банку, и вот надо сюда запрыгнуть, здесь лежит баночка, ее толкнуть, чтобы она в другой квадрат попала. Если пролетела дальше черты, значит, надо выходить, ты

водишь. Уже не играешь, идешь обратно, в очередь встаешь. В огонь еще надо не попасть. И потом обратно сюда возвращаемся, если все хорошо сыграл, значит выиграл.

В лапту еще играли. Собиралось несколько человек. Такая была палочка, дощечка. Один мячик подбрасывает, а другой хватает. Кто- то поймает мяч, а там бегут несколько человек – четыре или пять, и кто поймал мяч и должен в кого-то ударить. Тот, в кого попали, идет лапту водить.

В деревне было восемь домов. Болото было большое, вокруг была малина крупная хорошая, земляника была. Было, может, по пятьдесят, по несколько соток. Там же рожь у деда сеялась, ячмень, пшеница, лен. Все сеяли, все свое было.

Где-то в 1934-м году у нас все отобрали - лошадей, коров. Колхозы же формировались, Ленин у нас начал колхозы делать. В 1930-х годах как раз он раскулачивал. Отбирали все, все в колхоз. И пошли работать в колхоз. Я только помню то, что последнюю корову вели, а я на подоконнике в своем доме сидела, смотрела и плакала. Мне жалко было эту буренку.

Одну корову оставили. Вот эту корову уже они продали, повели которую. И уехали, папа уехал в Ленинград, устроился на завод кирпичный. Мама работала: молотили, трепали лен - такая была работа в колхозе.

Нормально жили. Корова еще одна была. Почему-то не захотели родители жить в деревне. Дедушка с бабушкой остались, папа уехал, а потом и мама. Где-то в 1934-м году уехали. Поехала мама, приехали мы в Саблино к тетке. У мамы там жил брат, а эта тетка —его жена. Мамин брат тоже уехал в Никольское, он там познакомился с тетей Фросей, они поженились. Голикова Ефросинья Сергеевна.

Она работала на Никольском кирпичном заводе. Они построили дом в Саблино с моим дядей. В Саблино в 1934-м году мало было домов. На Карла Маркса у моего дяди был первый дом построен. Они на кирпичном работали и первый дом построили.

Потом начали строить, когда уже я приехала. Мы приехали к ним, немного пожили. Дядя тут был и тетя, и их дети тоже - трое детей. Мы играли, бегали, все. А потом мама нашла работу в Пушкине на молокозаводе - сепарировать молоко. Нашла работу и забрала нас. Дали ей комнату в Пушкине: Академический проспект, дом 15, квартира 14.

А папа работал в Ленинграде на кирпичном. Мама комнату получила, папа стал ездить в Пушкин. Поедет утром на работу, вечером приезжал в Пушкин. Мама работала, мы приходили к ней с сестрой за ручку, она нас напоит сметанкой.

Ходили мы пешком к маме на работу в Пушкине где- то, а может, и в Детском Селе, чего-то не помню, где этот завод. Потому что там же в Детском Селе колхоз был.

Пошла я в школу Пушкине в 1937-м году. Учительница была Галина Николаевна. А сестра 1933 года рождения, она не ходила, маленькая была. В классе у нас человек тридцать было. Помню, евреечка была, Бэби называли ее, подруга моя была. А так больше чего-то и не помню, много было народу. На переменах в кружок ходили, пели, что-то там говорили.

Школа была деревянная. Тогда в Пушкине все деревянные дома были - и двухэтажные, и бараки. Домов вот таких, как сейчас, я не видела до войны. Отучилась я три класса. С девяти пошли мы в школу. Пятого мая мне исполнилось 11 лет, а 22 июня началась война.

Началась война. У нас такие были радио - круглые тарелочки, передали, что началась война. Начались тревоги. Мама так же продолжала работать, пока война-то. Папу взяли в армию. Там в городе сразу забрали на войну. И дядю из Саблино забрали, и папу, те даже не приехали и не прощались. Потом начали самолеты подходить ближе.

Началась воздушная тревога, она бывала часто. По радио объявляют воздушную тревогу, мы бежим в бомбоубежище. Бомбили. Разбомбят — улетают, и мы выходим из бомбоубежища. Выходим, а потом, помню, что уже магазины разграбили. Уже начали ломать магазины, так как шли немцы, русские отступали. Наши танки шли, солдаты бежали за ними - за танками.

Один раз побежали в бомбоубежище. Воздушная тревога была. В чем ушли, в том и были, домой больше не попали. Пришел уже немец. Они к нам пришли в бомбоубежище. У них на ружьях такие штыки были острые надеты, нас штыками выгоняли оттуда на улицу. Выгнали нас, построили строем и погнали в Екатерининский дворец. Пешком гнали. Далеко. Далековато мы жили, но мы ходили пешком. Тогда же не было автобусов. Ходили по Пушкину - и в парк ходили, и в Екатерининский ходили со школой.

Гнали впереди, много нас было. Пригнали нас во двор в Екатерининский дворец, посадили там. И полетели наши самолеты. А наши хотели бомбить, наверное, я так думаю, Екатерининский, чтобы тем не досталось ничего. Там же все из золота, и картины такие все дорогое. Наши увидели, что сидят женщины с детьми, и улетели. И когда затихло все, улетели наши самолеты, нас опять построили в строй и погнали на вокзал в Пушкин.

И погнали, даже летели снаряды впереди на дорогу и людей убивали. Мы шагали через людей: люди смотрят нам в глаза, а мы шагаем через них. Еще глаза не закрыли. Вот такая была жизнь. Нас гнали в Екатерининский дворец, а на каждом столбе еврей висел. На столбах уже висит и досочка написана. Да, навешали быстро. Подвалы были под домом, загоняли туда евреев и водой заливали.

И гнали когда, а речка в Пушкине мелкая, так солдатик топился наш русский. Не хотел погибнуть, а мелко. Так они стоят и стреляют в него эти немцы. А нас когда гнали, мы уже на это не обращали внимания. Гонят - ну и что, ну и убили бы. И стреляли, и пули свистели около ушей.

Пригнали нас на вокзал в Пушкине и начали загружать в товарные вагоны. Раскрыли двери, а мы маленькие, нам не забраться. Так они нас бросали туда: берут и бросают. Матери забрались, а нас, детей, бросали. Набросали в вагоны. Целый эшелон загрузили. Ни документов, ничего не было. В чем

одеты были, когда ушли в бомбоубежище пошли - и все.

Долго нас везли голодных. Потом вдруг заходит с хлебом солдат немецкий. Хотел, видать, может, хлеба по кусочку дать, а все как налетели на него. Он убежал, бросил хлеб и двери захлопнул, испугался, чтобы его не разорвали. Там столько детей и женщин, сколько они везли, может, неделю мы не ели. Голодные были. Брату было два годика, он 1939 года рождения, там родился, в Пушкине.

Нас у мамы трое: я, сестра 1933 года рождения и брат1939-го. Мы в этих вагонах голых, брату два года, он орет - есть хочет. У мамы какая-то кружечка была, соль была в ней. Не знаю, откуда, а соль раньше была такая крупная, вот она даст эту крупиночку соли ему в рот, он пососет, помолчит, пока сосет. Ребенок, он же не понимает - есть хочет, орет. Мы-то уже понимали — сидели молча голодные.

Когда ехали в вагоне, тоже женщина молодая с нами, у нее маленький ребеночек был, помню. Орал ребенок, и мать сошла с ума. Она стала этого ребенка бить и ломать, и все. Сошла с ума. Женщины ее привязали в вагоне, чтобы она не трогала ребенка. Мама тоже соли давала этой девочке, девочка была.

Привезли куда-то, сказали, что Германия, а правда Германия это или нет — не знаем. Привезли. У каждого вагона сидел за столом солдат немец и отсеивали молодежь в Германию. А женщин с детьми - в Латвию. Сортировали, значит. Ну, мы все с мамой. Мы маленькие были. Нас в Латвию. А всех, у кого было по 14-15 лет детям и по 20 лет дети, девушки - всех в Германию. Там работать что ли некому было тогда, всех в Германию отправляли. Там рассортировали, и нас, женщин с детьми, обратно в состав - и повезли в Латвию.

Помню, ворота металлические такие большие, замки гремели, раскрыли - и нас туда погнали. Пригнали в лагерь Саласпилс. Как он выглядел? Такие комнаты большие, мы сидели, лежали на деревянных нарах. Закроют на день, потом откроют. Не было столов, печек не было. Почему - не знаю. Вверху высоко было маленькое окошечко, и то - решетка была на этом окне. В этом здании был туалет.

Матерей гоняли работать: где лошадей убитых надо убрать, кирпич разобрать. Матерей гоняли на работы. А нас не выпускали за лагерь. Только в бараке, никуда не ходили, приносили нам поесть. Вот, например, суп принесут - картошка нечищеная и конина. А конина жирная, жир этот такой противный. Помню, даже вот противно, когда жир во рту, хоть и голодные. А картошка нечищеная — мы достанем и почистим. Мы вот суп поедим и сидим.

Приходили к нам кровь брать. Они забирали человека и брали кровь ребят. У мальчишек больше брали. У меня не брали, потому что маленькая, худенькая была совсем. И сестра тоже маленькая и худенькая. Они у таких мальчишек кровь брали, которым от девяти до двенадцать лет было, они уже такие плотные были ребята. Потом они обратно придут. Кто чего говорил. Из вены кровь возьмут, да и все. Не плакали. Не было слез, ждали смерти и все.

А есть нечего! До чего кровь заберут, что уже скелет делается. Скелет уже не возвращается больше, сюда в комнату не приходит. Там был ров, мне говорили, в этот ров их бросали. Ров не закапывают, а постепенно заполняют. Бросают и закапывают. Уже мне говорили люди потом, что ров этот даже стонал. Они, видно, живых даже туда бросали в этот ров и закапывали. Потом в земле еще стонали дети. Всего с нами детей 50 было, из них 15 мальчиков погибло. Их так уводили, так матери и орали, и плакали. А нам было все равно, что война. Летели снаряды, нам наплевать было, шагали через людей. Мы были уже какие-то бесчувственные.

Детей не гоняли на работу. Мы просто лежали. Мама ходила. Мама ходила, дадут буханку хлеба - принесет нам два куска. Мы ели этот хлеб, а хлеб был с опилками. Из опилок испечен хлеб. Ну, мы рады были и этому хлебу.

Мы там пробыли, наверное, до 1943 года. В 1943-м году в конце стали распределять по хозяевам. Хозяева приехали зимой на санях, на лошадях. Приезжали и забирали семьи. Каждый хозяин должен семью забрать, это так немцы распределяли. И нас забрал хозяин Цветков Маркел. Резекненский район, деревня Тивены. У хозяина мы жили, мы его звали дедушкой.

У него была дочь Евдокия Маркеловна. Это теперь я так называю, тогда девочка была, мы даже

дружили с ней. И не ферма была, а просто дом был с огородом. Сажали огурцы, мама корову доила. Десять коров было у хозяина, лошади были. Я-то полы подметала, помню, другой раз ребенка покачать надо было. То корыто насыплют картошки и покажут - секи сечкой. Не понимали мы не по-русски. Ни они, ни мы. В общем, работали. Мама и лен мяла там, и веяли, и молотили.

Мы у хозяина до конца войны были. У хозяина этого мы жили, когда немцы стали отступать. Наши пошли, а мы в погреб спустились. Ну, фронт идет. Пошел фронт в Латвию. В погреб заходят наши солдатики. И главное, что такие тоже мокрые все, вспотевшие, сапоги большие - мальчишки молодые, шинели длинные у них. Раньше были длинные шинели. Бегут солдатики - только губы и глаза видно. Они же потные и в пыли все. Танки идут впереди, они бегут за танками. И забежали.

Я по-русски с ними стала говорить. Латыши же не понимают, они испугались. Гор. Ленинград, стадион1952 –й г. Немцев так не боялись, как наших испугались. Сидят, притихли, а я с ними вышла. У нас там вода была - бочка стояла с водой. Я им во фляги воды наливала, ребятам этим молоденьким, нашим ребятам, лейки не было - из кружечки. Там широкие горлышки такие. Налила этим солдатикам воды, они у меня спрашивают: «Вас не обижали тут?» Я говорю: «Нет. Не обижали, нормально у хозяина жили!»

А потом вышли и пошли домой, фронт уже ушел, стало тихо. Мы вышли из окопов этих - и в дом. Жили нормально, опять стали работать. Потом мама заболела: рак желудка. Хозяин возил в больницу, сказали: «Забирайте домой, не жилец уже!» И привезли обратно домой. Дома она лежала - кто будет лечить, война. И вот, мама лежит - ни лекарства, ничего нет. И мне уже было лет 14 -15. Война закончилась, надо бы в Россию ехать, а мама лежит, не встает - рак желудка.

Мама умерла, мне было уже 18лет, 19-й год. Это я уже пошла работать. Пошла работать буфетчицей. Я пошла в райком комсомола, уже он образовался, вступила в него, меня направили работать в столовую. Я уже работала не в деревне, ходила пешком на работу в Резекне, город это там недалеко. Тогда все ходили пешком. Ходила пешком на работу и шла с работы: мне дадут бидончики, бульона куриного - маму покормить. Она и сейчас существует эта столовая. Маленько иду и слушаю мама охает, значит жива, слава богу. Вот рады были: пусть лежит, но мама была бы.

Латыши нормально жили и уважали нас все. Я работала в столовой и обслуживала латышей, приходили обедать и на рынок приезжали.

Мама лежала. А мы что – дети, куда нам ехать, к кому? Мама умерла в 1949-м году, хозяева помогали похоронить. Потом хозяйка и хозяин умерли. А дочка их вышла замуж, они построили дом в Резекне. И меня взяли к себе, чтобы я не ходила в Тивены далеко, а в городе работала и к ним ходила. Когда мама умерла, я сестру одной тетке отправила, брат в ремесленном в Риге учился. Маму

похоронила, стала ходить в свет, на танцы лет в 18-19. Правда, год не ходила, после того, как маму похоронила, потом пошла в 19 лет.

Зал хороший был, бальные танцы были. Нас парни приглашали, мы танцевали - краковяк там, вальс, такие танцы. Я уже понимать стала и говорить с ними. Но больше по-русски говорили, все латыши в Резекне больше по-русски говорили. Я и сейчас езжу, они больше по-русски говорят, хоть им и запрещали, когда отделились, Хрущев всех отделил, вот они и потом запретили по-русски говорить. У меня латышка была подруга, так она писала, чтобы говорила только полатышски.

Латвия, город Резекне, 1948 год Столовая.

А сама поехала в Саблино к тетке на Карла Маркса, где до во- Справа Полина Владимировна йны еще жила. Мне тетя прислала письмо, мол, приезжай ты одна осталась, возвращайся к нам в Россию. Там и сестры были двоюродные, и тетка говорит: приезжай, чего одна будешь. А вот когда я в 1951-м году приехала, уже домов настроили. Уже улица Карла Маркса большая стала, уже домов было много, хорошо было.

Приехала, меня не прописывают, потому что я из Латвии вернулась. Тетя пошла, не знаю, можно говорить или нет, дала на лапу, и прописали меня. Тоже ходила на танцы в Саблино на Советский проспект. Был клуб деревянный, сгорел он. Советский проспект, дом не помню какой. А нам и не надо было, мы знали, где. Ходили на танцы, танцевали с ребятами, знакомились, ребята провожали нас домой. Нормально стали жить.

Из Саблино в войну все тоже были выгнаны, не было никого. Они не жили во время войны тут: кто в Латвии, кто в Литве, кто в Эстонии. Всех выгнали. Тетя моя тоже была угнана. В Литве были они, после войны приехали в свой дом, и дом остался целый.

А в 1954-м году вышла замуж. Познакомились на танцах с парнем. Мы с мужем взяли кусок земли, давали по 15 соток, и построили дом. Строили: нанимали, рубили, работали. Муж работал на Ижорском заводе, я в городе. В 1955-м году родилась дочь.

Большакова (Траскина) Зоя Николаевна

Я, Траскина Зоя Николаевна, родилась в Никольском 24 января 1932 года. В замужестве – Большакова. Семья у нас была небольшая: папа, мама и еще младшая сестра, на шесть лет меня младше – Юлия. Папа работал на завод. Раньше был пороховой завод Винера, до войны так было. Там была военизированная охрана, папа работал на охране как бы включения аварии. Я помню, если что-то случалось, за ним на лошади приезжали. И я просила: «Довези меня, папа, до прогона». Мне так казалось далеко. Папа довозил до прогона. Он из богатой семьи у нас был.

Отца звали Николай Аркадьевич. Он был родом из Луги, а отец его, мой дед, был меценат. У него был лесопильный завод там, электростанция. Есть книжка, где записано, какую он улицу осветил бесплатно, сколько рабочих у него было. У него было три сына и дочь. Два старших выучились, а папа не мог.

Бабушка уехала на воды, а здесь такая пертурбация. Неизвестно, где она пропала, а дед сбежал. Старшие братья в Санкт-Петербурге учились, остались там. Сестру свою выдали замуж за военного. Она умерла уже после войны, муж был полковник в отставке, у них был один сын. Они жили в Тбилиси, потом в Гаграх им дали землю, они там дом построили большой.

Мама у меня никольская, урожденная Хованская Анна Андреевна. Никого из бабушек, дедушек ни с одной стороны, ни с другой не знаю. Дедушку этого Аркадия, папиного папу, нашли. Он разыскал, когда один сын был в экспедиции по снятию папанинцев с льдины, об этом в газете было опубликовано. Дедушка в Москву прислал письмо. А его сыновья везде писали, что он погиб. Дед всех собрал. И

помню, папа ездил. Но в 1939-м году он умер. Он жил в Краматорске. Так что два года тому назад мы ездили в Лугу, но ничего не нашли. Там дом, вроде, есть, но ничего не нашли.

Вот так, а сюда мы после войны приехали, дом наш был разрушен. Когда я вышла замуж, мы стали его восстанавливать. Мама работала на заводе. До войны два класса закончила.

Такого торжества, как сейчас, раньше не было: в школу – и в школу. Но, наверное, это был первый класс или второй уже, елка была в Доме культуры. Вот это я запомнила, красивая елка была. Одна у нас была учительница, но после войны мы ее не нашли, наверное, она погибла. Клавдия, забыла как ее по отчеству, не помню.

От завода был лагерь. А в лагере, я помню, утром зарядка. Как раз у меня тетка в Саблино жила, где пионерлагерь. Где маленький водопад, там был лагерь. Я еще косички не умела заплетать, ко мне тетя приходила каждый день и заплетала косички. Там и в лапту играли, костер был в праздник: собирали ветки и жгли костер, приходили родственники, танцевали, пели.

А в школе ничего интересного, одну елку помню, только не знаю, первый это был класс или второй. Подарки были. Школа была такая маленькая, двухэтажная, вот в этой мы учились, в новой не учились еще. Там в новой старшие классы были, а мы здесь.

До войны мы только играли. Бывало, пожилые сидят на скамейке, мы в лапту играем, в казакиразбойники. А после войны у нас только танцы. Сначала клуб-то был у нас, как к церкви идти, там пруд и дом стоял по левой стороне, его уже разобрали. Вот там и был директор клуба еврей Абрам Иосифович. Он, оказывается, был и до войны. Он у нас еще и жил после войны. Хороший такой, туда на танцы ходили. Потом на заводе был клуб, там была самодеятельность, он организовывал. Так что я участвовала в самодеятельности.

Я не знаю, первый класс я закончила или второй, ничего у меня не написано. Сейчас завод военизированный, а до войны там были бараки, и люди жили. И помню, деревянные мосточки и детский сад. Меня папа в детский сад записал и водил. Ну, я сбежала оттуда, потому что там давали рыбий жир, я не могла его пить.

Ну, началась война. Конечно, было страшно, война — всегда страшно. Обстрелы, бомбежки, мы прятались. Были такие Сысоевы, у них высокий дом, в их подвал бегали, прятались. Голод был. Все это страшно. Когда объявили, я гостила у тети. Мама с папой пришли, и говорят: «Объявили войну!» Я говорю: «Ой, а в школу как же?» Они говорят: «Какая школа?» Я думаю: «Как хорошо, в школу не надо ходить!» А потом: хоть бы в школу ходить. Хоть был хлеба поесть, хоть бы война кончилась.

Мне пришлось ведь в Германии еще сколько прожить. Так что я даже не знаю, видели мы жизнь или нет. Потом стали устраиваться, детства и молодости не было у нас. Потому что молодость такая была: только и знали, что работать.

Нас оккупировали в январе. В январе месяце с саночками поехали, куда глаза глядят. Вот я пом-

ню, у меня 24 января день рождения, в какой-то деревне мы остановились, там были финны. Они по-русски не говорили, было очень страшно. Мы думали, что нас убьют – и все. Они нам у порога разрешили переночевать.

Страшно ехали. Мертвые были люди — сидели, лежали, у некоторых были выклеванные глаза, и мы все это видели. Мы остановились в деревне Уношковичи, Батецкий район. Бабушка и дедушка там жили, у них в Ленинграде была дочь. И они, видимо, пожалели нас. Был полустанок Русыня у железной дороги, мама

устроилась туда работать. Ночью приходили партизаны и взрывали, а днем работали люди — восстанавливали. Потом была казарма железнодорожная. Полная казарма была военнопленных, весной их угоняли куда-то. Мы заняли эту казарму, две комнаты там отремонтировали, подбелили, подкрасили и там стали жить.

Еще помню, двух покойников нашли голых. Похоронили, крест поставили, я всегда им носили цветы. А в 1944-м году уже мы слышали, что стреляли. Как бревна летят – такой вот звук, а это, видимо, было снятие блокады. И мама говорит: «Ну, все, немцы отступят теперь, нас освободят!»

И вдруг нас всех в товарные вагоны. С собаками за нами пришли. И все - повезли в товарных вагонах. Так было страшно, когда везли. Спали мы на сене, а в туалет ходили в ведро. Подвезли, видимо, к Карпатам - красивое место, горы, снега много. Там была санобработка, всех обработали, накормили, на нарах поспали - и повезли дальше.

Привезли в город Глайвиц. Там лагерь при железной дороге. Так как работали на железной дороге, привезли в железнодорожный лагерь. В нашем бараке было двадцать шесть человек и тринадцать ребятишек, я была самая старшая. Женщины уходили работать, а мы оставались. Я присматривала за младшими.

Когда нас привезли в этот лагерь, он уже был полный. Большая часть - молодые парни из Украины. Все работали на железной дороге. Мы, может, больше из-за них и сохранились, потому что, когда приходили вагоны на железную дорогу, они разбивали как-то вагоны и воровали, потому что голод же

был. Приносили нам немного, давали картошку. Я помню, потому что у нас была такая как плитка посередине, там варили. А женщины им что-то зашивали.

Давали деревянную такую обувь, стучали, такие колодки были. А женщины украинки работали в столовой, были очень вредные. Они нас обзывали. Вот я помню, приду с банкой, чтобы баланду получать, а они говорят: «Ну, что пришла, москалиха, оккупантка». Я думаю: какая я же оккупантка, это немцы оккупанты, а мы-то почему? «Мама, они нас зовут оккупанты!» Мама говорила: «Молчи, молчи!» «Мы голодали, а вот вы раньше разжирались!» - вот так рассуждали.

В лагере были поляки мужчины и французы. И здесь, по-моему, в начале 1945 года или конце 1944-го собрали всех и в армию немецкую забрали этих мужчин, почти всех. Только которые пожилые или больные остались, а эти ушли. А потом говорили: «Ну-ну, сейчас русские скоро придут».

И лагерь - фюрер прошел и сказал: «Утром все отступаем, уходим!» А после них прошли французы и сказали: «Кто хочет остаться - оставайтесь, мы возьмем под свой контроль!» И мы остались. А вот эти хохлушки все сбежали. Не знаю, как они все ушли, а освободили нас русские.

Рядом еще был лагерь евреев. Тех как-то с собаками охраняли. Куда они делись - не знаю. И был сборно - пересылочный пункт в этом городе 112. У меня еще есть документы, что мама там работали в медсанчасти. Еще шла война, а туда уже свозили тех, кто на заводах работал, из других лагерей. И даже были номера у некоторых. Громадный сборно-пересылочный пункт. Я вот сейчас говорю и вижу вот все. Там нас охраняли. И вот, как думаешь, что нам хотелось, когда была война? Мы хотели хлеба!!! Я вот в школу ходила к дочке и к внукам: «Вы вот бегаете и бросаетесь хлебом, а мы в детстве хотели хлеба!»

Когда я была в лагере, по воскресеньям разрешали ходить в церковь. Надо было бумажку написать, и можно было выходить. Недалеко была церковь. И я ходила в церковь, меня не выгоняли. Там они все сидели, а я прислонялась и стояла все время, молилась: «Помоги, Господи, чтобы русские нас освободили!»

Один случай был, наверное, в конце августа. Шла немка и собирала вишню, а я так смотрела. Она меня подозвала и горсть вишни мне высыпала. А я не ем. Она мне говорит: «Эссен, клайн, эссен». А я отвечаю: «Нет! У меня сестра еще там!» Я прижала и принесла, помню, разделила эту вишню. До сих пор запомнила это.

Ну, а здесь, когда русские нас освободили — откормили. Многие приезжали к нам, стали устраивать концерты. Я помню, в хоре выступали мы. И везде нас возили по госпиталям. Участвовали мы и в воинских частях. Два раза нас обстреливали, но ничего. А когда кончила война, день Победы, мы подумали, что опять расстреливают.

Это было 8 числа, на 9 мая. У нас было такое большое помещение на втором этаже: комната, коридор и окна. Может, там воинская часть когда-то стояла. Стали шторы скидывать с окон. Это же как маскировка была. Мы начали протестовать, а солдаты нам кричат: «Кончилась война! Победа!!!» Кричали все. Я помню, собрали нас, тех, кто в хоре участвует, быстро песню сочинили, а вечером концерт - праздник победы.

«Союз наш цветет,

Свободный народ наш идет и поет.

Море плакатов, победных знамен,

Гимны поются в честь главных имен».

Все так кричали: «Ура, ура!!!»

Обратно нас повезли в 1945 году. Это конец августа - начало сентября. Мы там все еще были на это сборно-пересылочном пункте. Везли нас на машинах. Все сидели, а ноги в борта. Много машин шло. Приехали в Раву-Русскую, там неделю на улице останавливались. Потом пришли составы, был митинг, сказали, что эти составы увозят раненых, а теперь вас везут на Родину. Когда мы проезжали Львов, Ужгород, нам сказали: «Не высовывайтесь в окна, бандеровцы стреляют!»

После войны мы приехали, здесь разруха была. Помню, первый класс и четвертый класс в один

были соединены. И помню, была Антонина Григорьевна - учительница. Когда приехала сюда, нас откормили, мою сестру младшую в город взяли, а мы с мамой на заводе, где сейчас пожарная, здесь такой дом был, еще деревянный был дом, - жили там. Был магазин, все только по карточкам. Мы съели на сегодня хлеб, а мама и говорит: «Слушай, сходи на завтра выкупи». И я пошла. А мама как сидела за столом, так и сидела, пока я не принесла на завтра хлеб.

Папина сестра после войны с мужем и сыном была в Германии, он полковник был. И она нам присылала посылки. Но присылать сюда нельзя было, только в город. К родственникам в город кое-что пришлет, мама продаст и что может купит. А так голодали много.

Мама работала у меня на почте, она заболела. И никакого больничного - ничего. А в городе у нас остались родственники, которые пережили блокаду, ее платно к врачу отправили. А мне пришлось за нее ходить на почту. Бросила школу, ходила на почту. А почта была в Саблино почти у вокзала. И я там, в поселке Юношества, разносила эту почту на завод. Приносила что надо, потом приходила одна в холод-

ный полуразрушенный дом.

Потом я пошла работать, учиться было некогда. Работала я на заводе паросмотрителем. Летом нас отсылали работать, мы же не могли ничего сказать. Где только я не работала! И на лесозаготовке, и на лесосплаве. По Тосно ходил раньше лесосплав. Удобрения в колхоз возила и на прополку, и на сенокос.

Ну, а что, потом я работала на «Пролетарской победе», была на почетном месте, на доске почета. Это после войны, потому что здесь уже на заводе я поработала, потом в Саблино работала, а родственники остались, они меня взяли. И там я работала на «Пролетарской победе». Хорошо там я работала, в декрет оттуда ушла. Три фотографии: одна была в цехе, другая на территории, третья - на Московском проспекте у дома культуры Капранова на 7 ноября.

Ну, тут танцульки. Ничего нет - ни театра, ничего. Потом уже, конечно, мы ходили с мужем в театр. Война страшная. Главное, что страшно - когда стреляли и голод хуже всего. Так хочется поесть.

25 ноября я родила, потом мне принесли большой портрет с надписью. А потом я работала в институте вакцины сывороток, 12 лет там отработала, с 50 лет на пенсию ушла. Перевели нас с Петроградской в Красное Село. Я стала болеть, и муж сказал уходить.

Я вырастила внучат, ни одного в садик не отдала. И так 58 лет с мужем, а теперь одна. Дочка: «Мама, давай к нам!» А я не хочу, вроде, устаю когда они приезжают. А уедут - мне тоскливо. А уезжают когда: «Мама, ну давай поехали!» «Нет, нет!»

Прожито все, страшно, ну теперь не будет такой войны, сразу сметут все. Не будет такой войны уже, ой, не дай Бог.

Боровская (Никитина) Валентина Александровна

Меня зовут Боровская Валентина Александровна. Девичья фамилия - Никитина. Родилась в 1928 году. Деревня Нурма.

Папа - Никитин Александр Федорович, мама - Никитина Елизавета Ивановна. Иванова - ее девичья фамилия. Я самая старшая - 1928 года рождения, брат Николай был 1930 года рождения, Виктор - 1932 года рождения, Люба - 1935 года рождения, Вовка уже - 1940 года рождения, Наденька была, умерла маленькой еще. А потом после войны Миша появился - 1947 года рождения. Никого не осталось, только Вова, он уже в городе живет.

В Пендиково нас одиннадцать человек было: дедушка, бабушка были и потом тетка, их родня, дочка была с города - они не успели уехать в город, разбомбили дорогу. И у тетки еще был захвачен мужа брат, и было одиннадцать человек - нас шесть и их пять человек. Мы жили в Пендиково.

Пендиково не больше Нурмы. Красиво, конечно, было. Озеро там было. До войны там дом отдыха стоял. Мы ребятишками до Иголенки бегали. Иголенка вела прямо на озеро. Сейчас там «Восточный», все застроено.

Иголенка чистая была. Как к Иголенке пойдем к реке по тропочке, к озеру подойдем. Иголенка вытекала прямо из озера

В Пендиково оно было половина финнов, половина русских. Вот Кекконен — финны. И русские были: вот Тамара Белаева жила в Пеньдиково. Валя Сергеева, Ковалев Петр. Тамара небольшая была - 1934 года рождения. У Тамары отец все-таки был - он был на брони, дома. У Вали Сергеевой тоже отец был с ними. А мы-то одинокие...

Они работали в колхозе. Колхоз «Нурма» назывался. Свинарник был, мама свинаркой работала, отец тоже. И председателем был одно время. Ну, работал, где просили. Ну, всякая была работа в колхозе. Денег не получали, не знаю, что им давали, за трудодни работали. Если давали что-то — то немного. Если осенью - так давали немного чего-то.

Я говорю, что жили лесом. На зиму клюкву носили, много на чердак носили, а потом зимой продавали. Иногда меня бабушка брала летом, когда в школу не ходила. Привозили гостинцев, радовались мы. Отец финскую войну воевал, а потом германскую. В первый день повестка пришла. Остались нас пять человек. Вот я самая старшая, остальные мал-мала

меньше: братик был 1940 года рождения - последний.

Мама она не нурминская сама, со Псковской. Уехала в шестнадцать лет, куда-то. На Украину ездили, а потом так больше туда не вернулась. И в Нурму приехала. Здесь познакомилась и вышла замуж. Отец 1905 года рождения, а мама 1903 года рождения.

Папа учился четыре класса. Конечно, писал письма, когда был в армии. А мама могла только расписаться. Она, говорит, один класс закончила, а дали там нянчиться где- то у священника во Псковской. А тогда же ведь посты соблюдали. И она такая была небольшая, лет восемь, и говорит: «Батюшка, а почему не поститесь? И сметану, и творог!» Он говорит: «Доченька, не что изо рта, а что в рот!» А учиться? Надо было

Никитины- Елизавета Ивановна, Александр Федорович -родители Валентины Александровны

работать, заставляли нянчиться, тяжело жили там.

Дедушка нурминский - Никитин Федор Виссарионович. Он в Пендиково умер. Нас тогда выселили туда. Их семья и наша семья в Пендиково были до войны. И братишка у нее там умер - Володя, 1940 года. А потом привезли после войны. Уже, когда очухались, бабушка говорит: «Что ж я, не могу на могилку ходить!» Перевезли прах в Нурму, похоронили на кладбище.

Наш-то небольшой тоже дом. Ну что: комнатка, чулан, печка была русская. Семья была большая, небольшое было у нас помещение. Лавки были, печка русская стояла, еще чугунку топили, когда холодно было. На кровати спали родители. А мы так на полу спали. Соломенные матрасы были. Все на полу, вся семья — ребятишки. А летом на сеновал уходили. А все равно вспоминается детство, как-то прошло все и вспоминается. И лежу так: у меня нога - перелом шейки бедра, уже четыре года как. А так я на огороде работала, полола там, все делала.

До войны я училась в нурминской школе - четыре класса. А потом пошла во вторую школу, помещик какой- то жил, и вот нам дали школу там учиться: четвертый-пятый там училась. А во время войны разбили эту школу, закончила пять классов.

В 1941-м году, когда война началась, мне было тринадцать с половиной лет. Первая моя учи-

Елизавета Ивановна, мама Валентины Александровны,

тельница - Антонина Степановна Грачева. Потом она вышла замуж за нурминского Носова Николая. Жили они напротив нашего дома. Не знаю, откуда она, конечно, приехала - не помню. Но она вышла замуж за нурминского Николая Носова. Еще до войны вышла. Потом учила нас замужняя уже. После войны в Тосно жила. Мы даже встречались. Она знала нас, что мы соседи, рядом жили до войны еще. Муж ее погиб во время войны. Потом она вышла за другого, жила в Тосно.

Еще у нас была одна учительница - Антонина Николаевна, немного учила. Она учила, когда война началась, они уехали и так не вернулись. Игнат Михайлович был муж у нее, наверное, нерусский.

В одном классе учились Валя Сергеева, она хоть 1929 года рождения, но мы пошли вместе в один класс, Кондратьева Лариса, Марии сестра, по-

том Анастасия Ковалева - рядом жили. Потом отставали, по два- три года сидели, Абрамов Александр, он был 1925 года, оставался, перегоняли их. Комагин был - перед войной в Тосно уехали. Потом эстонцы Фарглус, как же его... Отто его звать, вроде. Потом Лут, тоже эстонец, и когда хутора в Нурму перевозили, в 1938 году они ходили тоже в школу здесь, еще Эрих. По-русски говорили.

Тася была Федотова, а была Шумилина, тоже с нами училась, тоже оставалась на второй год, она была 1926 года. Учились в одном классе. Оставались, по два года сидели. Потом Яковлев Гриша, с ним я сидела за одной партой. Когда война закончилась, они приехали из оккупации. Мальчишки в лес пошли, он гранату взял, и она взорвалась в руках. Он погиб. Отца взяли у него в армию, он погиб, а мать до войны у него умерла. Я с ним училась, много ошибок делал по диктанту. А я любила русский язык и диктанты хорошо писала. Он раз списал с меня, и ему тоже отлично поставили. А потом учительница говорит, Антонина Степановна: «Гриша, я поставила тебе отлично, но знаю, что не ты писал!» Жалко этого парня: остался жив во время войны и погиб после нее.

У нас деревня-то была небольшая, так учеников-то не много. Когда мы учились, нас было шестнадцать человек Никитины- Елизавета Ивановна, Александр Федорович, когда училась уже во второмтретьем классах - и мальчишек было восемь, и девчонок было восемь. И вот надо было мальчишек с

девчонками сажать. А не хотели девчонки: «Ой, мы с ними сидеть не будем». А мальчишки хватали: кого поймают, значит, с тем садились. Я с Яковлевым Гришкой попалась. А вот по русскому очень плохо диктанты писал, ошибки в каждом слове. Списывал с меня. Ему отлично поставили. «Я поставила тебе отлично, но, конечно, это не твоя оценка», - учительница говорит. Знала, что он списал. Они по

математике лучше как-то разбирались. А по диктантам нет.

Я не хочу хвастаться: мою тетрадку пятого класса показывали. «Вот, смотрите: красиво, грамотно». Красивый был почерк. И мы писали пером под номером 86. А еще писали «пиявочкой», чтобы учительница не увидела, а потому что почерк менялся, и не разрешали.

Эстонцы с нами учились, Робина Люся еще такая была, тоже с хутора приходила. Жили на хуторе в лесу, в школу нурминскую ходила, в одном классе учились. Робина Люся тоже эстонка была.

И школа так и назвалась: Нурменская начальная школа. До четырех классов. Я до трех училась.

В четвертый уже пошли туда – в графский дом.

Школу уже под клуб сделали, это уже не школа была. Но некоторые учителя еще жили, кому негде было жить, а так пошли на Мызу в четвертый класс.

Там уже разные были учителя, еще Антонина Степановна учила, а по русскому языку была Софья Михайловна. Хорошо помню, я любила русский язык и литературу, рассказывала стихотворения, писала на «от-

лично». И думала, выучусь - буду педагогом. Хотела очень эти предметы.

Боровская (Никитина)

Валентина 1948 г.

Это было, когда в четвертый класс ходили. Была Финская война. Я помню, что отец служил и Финскую войну. Зима была холодная, морозы. Но школа, конечно, отапливалась. Была теплая школа, круглые печи стояли. Нам сказали, что в морозы не надо ходить, но мы ходили, валенки надевали и ходили в школу.

Нравилась школа - такая хорошая! Но там была семилетка, только семь классов.

Финны с нами учились. Горки были, еще была деревня Жоркино - все приходили сюда, там же не было школы. У нас в четвертом классе было сорок человек - самый большой класс, с Горок тоже. Я сейчас не помню все фамилии. Кяркенен там, Вайнен - такие были. В каком-то году приезжали с Финляндии и фотографии привезли. Меня позвали - узнаю или нет. Вместе в школе мы учились. Я забыла фамилию.

Прислали фотографию. И я там сидела. Наша школа была. Я помню, я сидела с Писяйнен Линдой. Я помню эту фамилию. А она, говорят, жива. Она такая худенькая была, а сейчас, говорят, полная.

Лариса Кондратьева со мной сидела, она умерла уже, Люся жива, последняя 1930 года рождения, я всех знаю, какого года.

Люся - это Марии Кондратьевой сестра родная. Она училась, но на два года шла позже, с моим братом Николаем. Он 1930 года рождения. Так они вместе учились, в одном классе. А брат закончить только три класса до войны успел.

Самый большой класс был на первом этаже. И самый большой был класс - это четвертый, это я помню. А там поменьше было учеников. Я даже помню учителей: Валентина Яковлевна была - ботанику и немецкий язык преподавала, Софья Михайловна - русский язык и литературу, Петр Леонардович - учитель географии и истории, Мария Петровна - директор была, она учила математику здесь. Ее строгой все звали. Она русская была. Софья Михайловна финка была, литературу и русский вела. Ходила в очках. А мы тогда удивлялись: мало, кто в очках ходил. Хорошая была такая учительница. Может быть, мне нравилось, так как я хорошо училась по этим предметам.

Я неплохо училась. Конечно, любила отдельные предметы. Ну что там - пять классов всего. Не-

мецкий учили. Валентина Яковлевна немецкий учила хорошо. Перед войной все это.

Придет Валентина Яковлевна и сразу по-немецки спрашивает. Дежурный отвечает все понемецки. И мы отвечали. К доске вызывала. Картинку повесит, и надо было рассказывать по ней что

там, по-немецки все. Она только, бывало, скажет: «Гуд ай грисайден». Когда немцы пришли, пригодилось.

Мы с Варькой Сергеевой шли, а немцы идут по дороге, а мы боимся, думаем, чтобы нам ничего не сделали, и идем: «Гутен таг, гутен таг!» Это когда немцы шли из Тосно на Шапки с оружием. Они шли туда, на Мгу, на Шлиссельбург.

Такой светлый класс был, там еще пруд был.

Такой светлый класс был, там еще пруд был. В сентябре месяце было жарко, мальчишки бегали купаться. Это в пятом классе, а в четвертом классе учились на первом этаже. Что еще было на первом этаже? Зал был, где зарядкой занимались, игры были, большой был зал на первом этаже. А еще на первом была комнатка - жил там кто-то из учителей. Наверное, большой зал был, выступали там, разные кружки были.

Праздники были Первого Мая, с флагами ходили. Ходили в Жоржино. Там почему-то был и клуб. Если теплая погода, помню, раздевшись с флагами ходили в советские праздники. Помню, как вступили в пионеры. В школе еще пионерами в четвертом

классе мы были. Когда галстук надели, уже сказать не могу, но так радовались, что галстук носили.

Бедненько жили и в обносках ходили, но помню все-таки в школу какой-то костюм мне мама купила. Не то, что форма, просто чистенько чтобы было. Обувь-то была разная - у кого что, и ботиночки были поношенные. Мне, помню, купили новые ботиночки. Бабушка меня взяла за ягодами и сказала: «Продадим и тебе купим платье, какое захочешь». Мы продали чернику, она меня завела в магазин, а там висят на вешалках платья. Она говорит: «Ну, показывай - какое?» Я показала, еще и ботиночки. Когда мы домой приехали, мне захотелось примерить, надеть. И я на дорогу вышла, чтобы посмотрели, что я в платье.

Пальтишко у меня было простенькое, воротничок и валеночки даже новые. Вот когда Ларисе Кондратьевой нужно было ехать в город, они даже приходили ко мне, чтобы валеночки мама дала - в город съездить. Может, шапочки носили, вязаные такие были шапочки. Бедненько жили, у всех детей по многу было, жили ровненько так.

Когда учились до третьего класса, рядом была школа, а потом мама бутылку молока мне наливала.

Я вот в Нурме даже не могу сказать, что кто-то был из богатых, все как-то ровненько, бедновато. Я вот говорю, что Ларисе нужно было поехать, она приходила за валеночками.

Зимой на лыжах, бывало, на санках с горки катались, все собирались ребята. Как только весна, все растает - и в лапту играли мальчишки и девчонки. В мячик играли. Я помню, с девчонками соберемся, всех расставим в стенку, и бросали через плечо, голову. Бросали и прыгали. А зимой, когда снег, с мальчишками из снега лепили разные фигуры, как в войну играли. И делали домик, вход такой был, и заходить можно было, и вот играли до войны.

Катались на лыжах, где сейчас свинарник на горе. Где Мария Кондратьева, напротив, там была такая горка, там стоял свинарник. Мама там работала моя, в колхозе с отцом работали. И мы там ка-

Боровская (Никитина) Валентина 1947 г.

тались на лыжах. Мальчишки трамплины делали по несколько штук, и мы на лыжах, как не падали еще. В школе всегда была физкультура, и всегда на лыжах ездили. На Ладогу на станции, где там дома сейчас стоят, там Ладыгина гора называлась, хутор был. Вот мы туда ездили на лыжах с учительницей, когда была физкультура.

Осенью на улицу выходили, занимались по-разному, и турники были. Потом уже в четвертом классе училась, как парк был, деревья были, летом молодежь там собиралась на танцы. И мы бегали. Было интересно, а мы все стеснялись: вдруг учительница придет, увидит, что мы там танцуем.

Гармонист - свой деревенский, так думаю, что Сергей Сулогин на гармошке играл. Потом у него брат был Виктор. Дядя Миша Спиридонов - женатый уже, до войны женился. Он тоже играл на гармошке. По-моему, Марии Кондратьевой брат играл - Саша. Были гармонисты в деревне. Все на гармошке, даже после войны на гармошке. Я и замуж-то вышла - гармошка была. Казалось нам, что весело, мы жили, и не казалось, что плохо жили. У нас ничего не было - колбасы мы не знали, ели простую пищу, что в огороде росло. Мама с папой работали в колхозе, деньги им там не платили, а бабушка и дедушка еще с ними жили. В лес ходили летом, продавали ягоды. И когда бабушка уже поедет продавать ягоды, гостинцы привезет. Так свободно не было, как сейчас, чтобы лежало на столе. Все равно думали, что хорошо живем.

Когда финская война началась, отношение к финнам не изменилось. Иногда мальчишки с мальчишками, бывало, что поскандалят. Даже на танцы они ходили до войны в парк, сюда приходили, танцевали.

Мы с девочками-финками дружили, даже письмо присылали. А у меня подход был, я со всеми хорошо. Другие как-то недолюбливали, я не то, что хвастаю, я как-то всегда просто со всеми. Девчонки - так с ними хорошо. Конечно, забыла их фамилии, но помню, что с Писяйнен Линдой я сидела, Кяркенен там была, вот эти фамилии, еще Вайнен. В Жоржино все были Вайненен. Идешь, на дома смотришь: Вайненен, Вайненен. А перед войной хутора перевезли в Нурму. Вот хутора перевозили на тракторе. Нам интересно было - мы бежали, смотрели, не ожидали, что трактор перевезет дом.

В земской школе был большой класс, потом еще был и маленький класс, и потом отдельно жили учителя. В большом зале было холодно зимой. Там учились первый и третий, второй, четвертый. А у нас совпадало, что мы в большом классе, и там всегда было холодно. Печка и здесь была печка, но продувало - все-таки зал большой. Видимо, были сильные морозы, и нам сказали приходить во вторую смену в маленький класс.

Был сторож. Помню, была такая Паня, да, Паня ее звали. Она носила воду, а потом и топила еще. Потом, может, кто и другой был, только ее запомнила. Прасковья, может, и Пименова была. векровь ее Пименова, я чуть-чуть ее помню.

Когда школа была построена - не знаю. Знаю, что в ней отец мой учился. А вот не знаю, дедушка учился или нет в этой школе.

Печка стояла, парты на двоих с откидной крышкой, сиденье стояло посередине. От чернил мазались. Обязательно писать пером. Перо должно быть под номером восемьдесят шесть.

Почему-то обязательно, только им, другими нельзя было писать, чтобы почерк не испортился.

Еще были такие перья - «пиявочка» назывались. Мягкие такие, хорошо было писать. Но нельзя было. Только такие перья, чтобы почерк не испортить. Чистописание было, я помню, у меня хорошо получалось.

Всегда было чисто, придешь - в школе чистота. Я знал, что, когда гнали немцев, вот эту школу, которая на Мызе была, разбили наши. С танка били по школе. С Горки. От старой станции, там был танк. Вот и били из танка по этой школе. Там офицеры немецкие размещались, поэтому разбили ее уже наши. У немцев, говорят, еще был наблюдательный пункт, поэтому наши стреляли по ним.

А вот по Нурме грязи-то хватало, на обуви носили грязь. Конечно, убирали потом. Вытирали

ноги, ну, конечно, грязи-то хватало. Тогда же грязно было, дорог не было, темно, с фонариком ходили. Такие фонари со стеклом. Лампы же были керосиновые в доме, все с керосином. Керосин продавали, ездили в деревне, и кричали: «Керосин, керосин!»

А магазинчик в Нурме был один продуктовый - маленький такой. У Марии Кондратьевой по этой же стороне, была библиотека одно время, там был магазинчик маленький. Но там, в основном, может быть, хлеб продавали, еще что - уже не помню.

Потом, когда война началась, продавца взяли в армию, магазин разорили. Кто рядом жил - обокрали. Нам даже и соли не досталось. Кто рядом жил, уже были здоровые, взрослые.

В 1938 году тем, кто в колхозе работал, поставили тарелки такие на стенку, и вот я помню, мы проснулись, мама говорит: «Ребятки, война». Это было двадцать второе июня, воскресенье, как сейчас помню. И вот из такой шумливой деревни - шумели, кричали - вдруг тишина, не слышно голосов, ничего.

А потом собралась молодежь в кучку, и вот стоят и между собой разговаривают, наверное, про войну. И вот, я помню, они запели: «Если завтра война, если темная сила нагрянет, как один человек, весь советский народ, за свободную Родину встанет».

Папе пришла повестка. За день забрали его. Мы остались пять человек детей, дедушка с бабушкой, еще тетя с маленьким ребеночком. Галя Милютина - она маленькая была, родилась седьмого июня, а война двадцать второго. Они в городе жили, а разбомбили все - немец быстро шел. Быстро война шла, через неделю уже полетели, и стрелки уже с черном крестом, полетели, а вскоре и бомбардировщики. Одна партия прилетает, другая партия прилетает.

Нурму бомбили, один раз я братика держу на улице, смотрю, самолеты летят обратно от Ленинграда, видимо, один самолет не все бомбы сбросил. Смотрю, летят бомбы, свистят. Я скорее с братиком в дом забежала и думаю: «Убьет - так вместе!»

Как грохнули! Вот там за старой школой воронка. Туда попали, окна дребезжали, было страшно. Нас одиннадцать человек было, когда война началась, одиннадцать человек семья. Ни запасов, ничего не было: что было в огороде, тем и питались. А потом, когда самолеты полетели и часто стали летать, вся деревня ушла в землянки. Копали землянки и все ушли в лес.

Скотина-то живая осталась, корова была, мама все ходила корову доила и большой чугун картошки варила, чтобы накормить хоть чем-то, семья же ведь.

И один раз она меня взяла: «Тоже пойдем, поможешь!» Мама сварила. Только хотели нести, и вдруг солдаты наши забежали. Мало говорили, только сказали: «У вас нет ничего покушать?»

И мама картошкой, которую сварила, накормили их. А остальное, что можно взять, они в карманы напихали. Молча. Спасибо сказали и побежали.

Мама снова стала варить картошку, чтобы в лес нести, и вдруг идут солдаты по дороге, с той стороны, где кладбище из леса. Видим, форма не та, а это немцы. Они не от Тосно, а из леса именно. Идут, озираются, в сапоги одетые, здоровые, сильные. Увидели дымок. Зашли к нам и спрашивают: «А где все?» Видят, что никого нет в деревне. Мама говорит: «Все в лесу». «Ну, вот передайте, скажите, чтобы все пришли из лесу, а то будем бить, как партизан». Конечно, было все сказано, и все пришли. Это было тридцать первого августа, был праздник Фролы, престольный праздник, и вот в этот день пришли немцы.

Потом немцы пришли из Тосно, а почему-то эти шли так. Много было, они прошли и пошли в сторону Шапок, а там с Тосно все время на Шапки все так и шли, все время там шли какое-то время. Эта дорога вела на Тосно. Они прошли, какое-то время не было их. Потом каждый день шли с Тосно на Шапки и на машинах ехали, на лошадях, на мотоциклах ехали.

Я помню только, что солдат наш из лесу шел. Наверное, из леса вышел, и не попасть было в часть. А немцы его заметили и хотели стрелять. Они кричат: «Поднимай руки, что, сдаешься?» А он не сдался, и они его расстреляли. За Витькой Спиридоновым туда в ту сторону к свинарнику он шел, вот

это я помню. А так, вроде, никого. Ну, конечно, боялись, когда немцы-то пришли, боялись, знали, что это немцы. Искали они коммунистов, евреев не любили они.

В Нурме не было евреев. Какие там евреи. Все деревенские, ну потом, когда они пришли, говорили: «Ленинграду капут!» А некоторые говорили: «Дай таге кафе» В кафе сидеть, кофе пить. А потом сочинили, что, когда немцы наступали и кричали: «Гуд, гуд», как ударила Катюша - и капут.

Во время работы, Юхманское 10.07.1950

Мы только слышали, как летели самолеты с бомбами. Ну, конечно, бои были. В Колпино, Поповке ни одного дома не осталось. Они же разбили там все. Все хотели в Колпино. В Поповке ни одного дома не осталось, а Саблино все-таки уцелело.

В Тосно пришли немцы быстро. И ничего не делали, раз там были. А когда они уже отступали, так уж не до чего им было. Не скажу так, может, конечно, где-то и было. По краям бомбили.

А в Нурме единственный был каменный дом — Мыза. У нас Абрамова Надя была переводчиком, она учила в школе немецкий язык, была учительни-

ца. Когда немцы пришли, нужен был переводчик. Вот она ходили по домам. У кого немцы отбирали скотину, у кого семья большая, то у них не брали пока корову. Она так переводила.

Потом она не вернулась в Нурму. Она там, где учила немецкий - в Строении или в Лисино-Корпусе - и продолжала учебу.

А потом, когда стало холодать, они стали занимать дома. А зима была холодная, четырнадцатого октября выпал снег и уже не растаял. Морозы сильные, немцам тоже это не нравилось, они: «Кальт, кальт». И стали из дома в дом выселять. И мы жили в Пендиково, а еды никакой. Мама говорит: «Ну что делать: или умирать, или ехать куда-то, есть совсем нечего!»

Тетка молодая была, Галя маленькая, дедушка, бабушка, у нее еще деверь с ней был. Она пошла, пристроилась в госпиталь немецкий. Там готовила, а может, она не готовила, а убирала, скорее всего. Там ей и давали супа какого. В бидончике принесет, а что - одиннадцать человек! Только одни слезы.

Мама смотрела: «Ребята, давайте сани собирать!». Собрали саночки, и мы на саночках в 1942-м году в марте месяце поехали, куда глаза глядят - во Псковскую. Мама там родилась, и вот мы поехали. По миру ходили, кто что подавал, уже не стеснялись, если картошину кто подаст, у самих ничего не было.

Это март месяц. В деревне пускали ночевать. К вечеру староста определял куда. Вот такие картошины насобирают, я помню, вымоют эту картошку, но не чистили - так нарежут и в воду. Суп, бульон такой ели. Один день запомнился: ехали, так было тепло, и сели отдохнуть. А тут немецкая кухня, ходил повар. И вдруг этот немец видит нас, сжалился и говорит: «Ком, ком, ком!» Мои братья побежали, и он дал буханочку хлеба. И показывает на бак, на котел: «Супе, супе, супе!» У мамы была взята кастрюля, ложки были взяты. Налил туда суп, и как мы ели! А у мамы слезы в глазах.

Вот так мы поели хлеб с супом и как будто сильнее стали, дальше поехали. По деревням ездили, по миру ходили, какие были тряпочки - поменяли. Мы ехали целый месяц. Ехали в ту деревню, где мама родилась. Та деревня была, а приехали - пять домиков: кого раскулачили, кто уехал уже. И в пяти

домиках было десять человек - по два человека в доме.

В первый домик пришли, где тетя Маша жили с дочкой, она, конечно, вспомнила, пустили нас, даже накормили. А потом по деревням ходили. Два брата, Витя и Коля, распределяли деревни: «Ты, Витька, в эту деревню иди, а я в эту». И в одной деревне по миру ходили, просили картошку и хлебушка. А потом мама променяла свое пальто осеннее, она, может, ни разу его даже и не надела, потому что в колхозе подарили новое пальто. А куда в деревне ходить в этом пальто, она ни разу не надевала. Променяла. Дали рожь. Не знаю, сколько там дали ржи, были жернова, мололи и потом пекли лепешки.

Немцев в деревнях не было, километрах в десяти оттуда были - там были бои все время. Партизаны были в Псковской области, все время шли бои, все время засады были. Ну, вот променяли пальто на рожь, потом я в няньках была, нянчилась. А братики, хоть и моложе меня, их взяли в пастухи. Одного в одну деревню, другого в другую. Они пасли за кормежку, и я нянчилась, чтобы покормили. Вот так и жили.

А так все время я была в большой деревне Цвей, так называлась, нянчилась. Очень часто немцы и партизаны, и все время бои были. Мама меня взяла, чтобы вместе быть с ней. Ну, а когда приехали, немецкое руководство приказало беженцем выдать картошки на семена, мы потом посадили картошку.

В 1942-м году мы приехали, этот приказ был к весне. А беженцев много было, кто на саночках ехал. А куда дальше было ехать, как не во Псковскую область? Так вот жили. И 1943-й год совсем уже такой. Видимо, они стали отступать. Все бои, бои. Стали деревни сжигать. Ну, а что - пять домиков было. А еще был такой случай. Они же делали засады, а мы жили там, на квартире. Домик в отдаленности. Вдруг ночью стучатся. Мама открыла дверь, а мы все вповалку спали на полу. Немцы зашли в дом, человек пять, наверное, а остальные, наверное, на улице сторожили. Ну, конечно, спрашивали у мамы чего-то, она отвечала. Где, говорят, ваш муж? Мама говорит: «Не знаю я». «Ну, посмотрите получше!» «Посмотрела! Нет, моего мужа здесь!» «Где муж?» «Началась война, взяли в армию. Служит, не знаю, жив или нет!»

Вот все выпытывали, выспрашивали, были ли партизаны, в общем, все такое. Мама говорит: «Никуда не хожу, семья большая, я ничего не знаю, не видела!».

Ну, ушли. Минут двадцать прошло. Стучатся. «Хозяюшка, не открывайте дверь, я только спрошу, немцы случайно не проходили, вы не видели никого здесь, мы партизаны, нам надо узнать, вроде, сюда они шли?»

Мама говорит: «Нет, никого не видели, в дом к нам не приходили!»

А оказывается, они послали человека специально. Если бы мама сказала, что были немцы только что, так, может, и расстреляли б нас.

В 1944-м году в марте месяце нас освободили наши. Война, конечно, еще не закончилась. Ну, мы жили, с голоду не умирали, картошку посадили. О Нурме ничего не знали. Потом написали письмо, а кругом деревни все сгоревшие, только Нурма осталась. Почему осталась? Немцы не успели ее сжечь. Они ночевали там, и им никак не удалось сжечь. Они бежали уже, так бы они сожгли. В Тосно пришло письмо, а там наша родственница жила. Почему-то она в Вырице, в церкви была она певчей, и она письмо видит от нас, и ответила нам, что деревня ваша целая и дом ваш цел. Ну, раз так она написала, мы уже в марте месяце опять собрали саночки и решили ехать домой. А еще война не кончилась.

Саночки взяли с собой и поехали до Шохачево. Станция - двадцать километров от того места, где мы жили. Так доехали мы. Стоял товарный поезд. Мама подошла: «Вы куда едете?» Они: «Направление к Ленинграду!» «А вы не возьмете нас с саночками?» «Ну, мы не знаем, где остановимся!»

И мы на платформу сели. А был снег. Вот мы доехали до Оредежа, и поезд остановился. Пошли на вокзал погреться. Там милиция, народ скопился, не пропускают. «Куда едете? Война не кончилась!» У мамы отобрали паспорт, а мы все равно на саночки и опять своим ходом добирались до деревни. Когда приехали в марте 1945-го, наш дом был уже занят, там деревни были сожженные.

Там живет семья из Пендиково, они заняли наш дом. Они приехали из Литвы, корова у них,

мужчина был и хлеб, наверное, был. Они, конечно, сытые. А мы приехали: ни денег, ни магазинов, ни работы - ничего. А эта женщина так и ахнула на маму: «Девка, куда же вы приехали, да вы тут с голоду помрете!»

Да, действительно такой голод был, ничего нет. Куда деться - не знаем. И одна сказала: «Идите в Пендиково. Там рожь была, там снопы остались не обмолоченные, может, там вы найдете что-то». Мама с братом пошли, и правда, нашли там снопы. Принесли ржи, жернова были у нас свои, намололи и лепешки напекли.

Потом в апреле приехал директор торфопредприятия и сказал, что здесь будут торфоразработки. Я и моя подружка, она даже троюродная сестра моя, устроились на работу. Ей было шестнадцать лет, мне было семнадцать лет. А работа еще какая! Народу никого нет, еще война не закончилась, и говорят: будете убирать бараки, где немцы жили. Много было бараков, там убирать надо было.

Возле Мызы бараки. Мы ходили убирать бараки. Нам дали карточки по пятьсот граммов хлеба и какие- то продукты. И надо было отоваривать в Тосно. Ходила пешком туда и обратно отоваривать. Так были рады, что хоть уцепились за это.

У них была семья большая и у нас. Так было трудно. А потом лес. Болото растаяло, решили пойти за клюквой. А обуви-то нет такой: наматывали портянки, разные тряпки на ноги и ходили в лес весной за клюквой. Вода холодная, набирали клюкву, приносили кустами. И ели эту клюкву, видимо, витаминов не хватало. У меня куриная слепота была приставши. Как солнце закатывается, я ничего не видела.

А потом уже поезда редко и мало, но, сколько-то ходили на Питер. Потом уже собирали в город, мама как-то возила. Там познакомилась: мужчина предложил ржи, видимо, работал где-то. Маленько взял, строго же было. Мать купит у него рожь, продаст ягоды, тут уже, конечно, нам стало полегче.

Семья Боровских: Муж Валентины Александровны Василий, Валентина Александровна, дочь Людмила, сын Алексей, на руках сын Андрей

Трудно было и в 1946- м году. Карточки были, семьи большие - трудно. Но хорошо то, что остался дом в деревне нашей. Уцелел. А так все кругом сожгли, все.

Рядом был дом пустой, все умерли почти. Дедушке Федору дедушка Иван был родной брат -

Никитин Иван Виссарионович. И Ирина - его жена. С голоду умерли. И крестная моя Ефросинья тоже умерла с голоду, и мальчик у нее был - тоже умер с голоду. Во время войны умерли с голоду. Только Тося у них осталась. Больная была. Они уехали добровольно в Германию, она осталась жива после войны. А вот Анна, Нюра, в Вырицу попала. Вот она доехала, а там была церковь Вырицкая, она была там певчей, так и выжила. А потом она в городе жила, на «Скороходе» работала.

Все нурминские девчонки, которые приехали позднее, мои ровесницы, постарше, помоложе они все устроились на «Скороход», а мы попали на торф, и там работали. Нам даже расчет не давали. Так мы остались неучи. В школу в Тосно потом ходила моя сестренка после войны пешком. Мои-то дети и то в Шапки ездили учиться.

Директора торфопредприятия звали Шорников Филипп Михайлович. Он жил в бункере, где нем-

цы стояли. Меня, как первую рабочую, он хорошо знал. Однажды ему надо было побелить, что-то подделать, глиной замазать. И я боялась, только бы меня не выбрал, а он так смотрит на всех и говорит: «Валю мне дайте!» И я все там делала: белила, замазывала глиной. В бункере он жил. Немецкий бывший бункер.

Полы там мыла. Валентина жена тоже у него была. А потом в доме жил он. Купили, наверное. У него родня с Вологодской области, он сам вологодский, так что он жил в доме. Не то, что построил, а в чьем-то доме жил со своими родственниками. У него были двое - сын и дочка, как звать - не помню. Они все в Нурме похоронены. И Шорников Филипп Михайлович похоронен в Нурме.

У нас был инструмент: лопата, топор, кирка, лом. Что мы делали? Торф добывали, сушили, в штабеля складывали, потом возили на станцию, в вагоны грузили, когда подадут. Когда в контору придет сообщение, что вагоны пришли, надо грузить - и нас вагоны грузить заставляли. Все делали: и лес корчевали, и пилили, и чего только не делали. Тяжелая была работа. На носилках носили. Положим в носилки, и девчонки по трапу бегом - кто быстрее вагон нагрузит. Тяжелая была работа. Зимой вагоны грузили и корчевали, и сучки жгли.

А вербованные - это уже потом стали. У нас Николай Иванович Ковалев все ездил вербовать.

Чувашей сначала в лаптях привозил, потом второй год они уже в галошах стали ездить. Бывало, соберутся тоже вечером и вот посвоему поют: «Карея, ка-ка, корейка буя, каре куба, карейка буя». Вот одно и тоже. Чуваши, а потом орловских стали, воронежских вербовать.

В 1947-м году уже награждали меня почетной грамотой. Вызвали, а мне стыдно идти на сцену. А

как раз солдаты стояли, которые служили семь лет. Все ждали, и меня Шорников хвалил. А мне стыдно, сижу, краснею. Вот такое было, все время фотографии на стенке вывешивали, кто хорошо работал.

Зарплата вся на семью шла. И мне тетя Лиза Прохорова потихоньку: «Валя, ты бы хоть с каждой получки откладывала бы помаленьку, а то семья большая - все равно все деньги расходятся».

А я никогда не могла этого сделать, никогда. Отец пришел - в пожарные устроился, в Тосно работал. А потом ребята уже подросли, они пришли на торф, они там пилили, пеньки распиливали, уже работали потом, по-

том уже легче стало, конечно.

Отец воевал, он ранен был под Псковом. Месяц лежал без сознания. Хотели руку отнять, но оставили, видимо, врачи были хорошие. Потом говорил, что температура была сорок, держалась, вот и хотели отнять руку. Но остался жив. В пожарной работал всю жизнь в Тосно.

Еще воевал Ковалев Павел, вот Анастасия Ковалева, около Вали Сергеевой дом, он тоже в колхозе. Всех колхозников забрали, кто работал в колхозе. А которые были на железной дороге, на брони остались. Легче было прожить с мужчинами. Ковалев Павел, потом Абрамов Александр Александрович, который тоже погиб, и Ковалев Павел погиб, потом Пименов Василий был взят, он тоже погиб, Яковлев Александр был в армию взят, тоже погиб, а отец наш остался жив.

Отец умер в 1981 году в сентябре месяце.

Когда мы ходили по лесу, такая страсть была! Как в лес пойдешь - патроны, снаряды, гранаты. Яковлев-то подорвался! Сколько мин было везде. Как они бежали - все осталось. Скелеты лежали. Как зайдешь, так неприятно даже ягоды было собирать.

Нурменская школа № 1, 3й класс, 1957-1958 е гг. Учительница Валентина Васильевна Хвощевская -Горячева

Конечно, потом подбирали трупы, захоранивали. Специальные люди хоронили, были такие, которые хоронили, вот здесь же хоронили, памятник стоит в Нурме. Это уже 1961-й год.

А вот сразу после войны подбирали и оружие собирали, что там было. Раз нас послали в бараки, столы там что-то собирать, где немцы жили. В Иголенку - были у них там склады.

С правой стороны Иголенки тоже были бункера, тоже немцы там жили. И у нас был такой начальник, бригадир. «Поедемте за трофеями, чтобы столы взять, привезти в бараки!»

Столько всего там было. Мы боялись, чтобы не подорваться.

Минеры там были. Помню, что еще Минаева там Зина была. Они разминировали, женщины даже были, нурминские три человека были. Они не учились на это, помогали просто. Вот Минаева и вот эта Дуся, я знаю, что Дуся звать. И Тася еще была Федотова, они просто помогали - ходили, разминировали.

Дорога-то была, а немцы, вроде бы, разрушили ее, отступая. Они пускали специальный поезд с крюками и шпалы вырывали. Железнодорожники восстанавливали. А это вот мостовая была двойная: с Тосно до Шапок дорога была. По мостовой ходили, из дерева была сделана дорога, называли - мостовая. Это, конечно, наши пленные делали, которые там жили. Мужчины ходили, делали, им что-то платить могли или давали что-то - не знаю. Бывало, если зарежут коня, немцы конину давали.

Когда немецкая кухня стояла, они своих накормят, если оставалось, то все приходили с бидончиками и совали, и совали, а я вижу - бесполезно, все равно не достанется. Встала, стою так и смотрю. А немец: «Ком, ком!». Я-то стеснялась. А все смотрят на меня, что вне очереди. И дал мне.

Кухня стояла, куда мы ходили с бидончиками, где Шурыгина Нина. Там Таня есть, две сестры остались живы, и там была в этом доме кухня, мы ходили сюда.

Когда приехали, в школе у немцев был пулемет на чердаке. Школа не открыта была, там нужно было какой-то ремонт делать, а вот в Тамарином доме ученики-то жили. Когда сделали ремонт, туда стали ходить. Брат мой Миша, 1947 года рождения, после войны уже туда ходил, сестренка Лиза.

Было подсобное хозяйство, были огороды, и там работали. Пропалывали огороды, свеклу, с Ленинграда приезжали, помогали на полях, что нужно было делать, помогали. Было подсобное хозяйство после войны сразу.

Уже война закончилась, тогда ходили с оружием, всяких было разных, которые предавали. А я пошла в Тосно, тогда пешком ходили карточки отоваривать в Тосно. А в один дом пришел с оружием солдат, попросил заночевать. Они пустили, а у них отец работал на линии, на железной дороге, а мать с дочками была дома. И он попросился заночевать у них. И что-то потом попросил у них. Расстрелял мать, девочки выскочили, убежали в деревню. А он расстрелял и пошел в Тосно с оружием. А я в это время шла из Тосно. А его обрисовывали, что черный, мол, нерусский, нос с горбинкой. Было описание, чтобы были осторожнее. И когда я издалека увидела, что идет, а зрение было хорошее, я и думаю: это тот.

Я еще не знала, что он расстрелял, я думаю: это тот, которого разыскивают. И он ближе, а я иду. Молюсь, во время войны научились молиться. Иду, молюсь: «Господи, спаси меня, мне еще шестнадцать лет, хочу жить!» Я про себя говорю. И он заметил и близко подошел, говорит: «Что, испугалась? Жить-то хочешь?» Я уж не знаю, как я побледнела. Говорю: «Конечно, хочу жить!» Что-то еще говорил, все-таки меня не тронул. «Иди, - говорит, - не оборачивайся и никому не говори». Так мне сказал.

Я иду, думаю: «Господи, наверное, приклад держит, как бы не расстрелял!» И оборачиваться боюсь. Потом отошла подальше, смотрю, пошел дальше. Ничего не сделал. Прихожу к этому дому, а там уже женщина лежит. Телефонов нет. Она расстреляна, и стали спрашивать. Я говорю: «Шшла, попался солдат» «Как ты осталась жива?» «Вот так вот!» Это был какой-то предатель видимо, террорист.

Васильева (Мухина) Валентина Евгеньевна

Я, Мухина, теперь Васильева, Валентина Евгеньевна. Я родилась в 1937-м году в Ленинграде, а потом папа ушел на Финскую войну и погиб. Мама вернулась в Рябово, так как там жили ее родители. Маму звали Татьяна Петровна, она из купеческой семьи в Рябово, они были кулаки, их должны были отправить на север. И вдруг открывается Николаевская железная дорога, и дедушку берут стрелочником, а стрелочникам надо иметь красный платок, у бабушки такой оказался. Его взяли, и в Сибирь на каторгу не отправили. Дедушка так и работал стрелочником. Из-за красного платка его не отправили. Мама говорит, что сидели уже на узлах, думали, что отправляют в Сибирь на каторгу, как раньше. И вот железная дорога спасла дедушку. Они имели корову.

А у мамы было так: тетя Маруся - старшая сестра, потом мама, брат Николай и Клавдия - четверо. Все Пимские. Мой родной отец - Игнатий Игнатьевич, но он погиб в Финскую войну. Мама не любила его вспоминать, он ленинградец был. Его родители были присланы Петром первым из Польши, они были купцы в чайной. У дедушки была на Лабораторной улице своя чайная, не у папы, а у дедушки. А когда прошла Революция, дед не выдержал - умер. А потом бабушка умерла.

Папа в Красную Армию пошел офицером, служил офицером в конной армии. А когда началась Финская война, его туда послали, и там он погиб. И когда он погиб, мама переехала в Рябово.

Мой отчим - Евгений Сергеевич. Как мама говорила, приехала к матери, а вот этот Мухин рядом жил холостой, как раньше говорили. Он разошелся с тетей Леной. Все говорили: «Танька, выходи

замуж, свекрови нет, будешь хозяйкой. Выходи за Женьку замуж!»
Я одна была у мамы. А потом, когда уже мама

Я одна была у мамы. А потом, когда уже мама стала с папой-то, появился в 1939-м году в сентябре брат. Но его сейчас уже нет, он умер. Мы жили на Московское шоссе, дом 43. Он сейчас продан, там уже новые жильцы живут. Он не перестроен. Так и стоит, как папа строил.

Про войну я не все хорошо помню, мне четыре года было. Русские собрались все и говорят: «Давайте в леса уходить. Немцы пройдут, война будет недолго!» У нас там были шалаши настроены из веток, и вот мы там жили в шалашах. И мы опять же недолго жили, потому что пришли немцы туда и сказали нам выходить, что бить никого не будут. Дома-то надо отапливать, воды-то надо горячей. Они же все время горячую воду брали для раненых. Я не

Слева - отец Валентины Евгеньевны - Мухин Евгений Сергеевич

знаю, они обмывали их или что, все время нужна была горячая вода. И всех нас из леса выгнали.

Мы пришли все из леса, никого не убили. Единственное, тети Оли Пимской, это мамина невестка, ее отца повесили. А как повесили? Он пошел в колонию, которая у нас была в Рябово. Между Жарами и Рябово была колония, и чего-то он туда попал. А там, может, военнопленные. Или сидели там люди. Может, небольшой срок или что. И там его избили и повесили.

Тетя Оля всегда говорила: «Чего папа туда пошел? Может быть, с партизанами был связан, а может быть, что проверять ходил». А вот что - история замалчивает, не знаю.

Помню, я смотрела в окно, там такой снежок, и прибыли танки. Помню, как тот танк врезался в наш дом. Он как-то не удержался и в угол ударился, а немецкие офицеры сидели и кушали. Нас же выгнали всех из домов, мы жили только на кухне, еще прислали к нам Канаевых, тетю Лену с семьей поселили - кучами все было. А этот немец чего-то такое расстроенный, может, он плакал. Я подошла, погладила его, и он взял меня в танк. Мама говорит, у нее онемело все - девку увозят. А он такой расстроенный, что его наказали, что танк в дом врезался. И вот он хотел меня прокатить в танке, как он потом говорил. Выскочили офицеры, как они его били!

Офицерье в черном. Вот тут плетка у сапога, сапоги до колен. Плеткой или палкой били. Меня, конечно, отвели. А его потом и не было. Его куда-то угнали.

А они шли все на Поповку, у нас как бы они формировались. Они шли день и ночь. Мама говорит, что через шоссе к соседке не перейти было. Немцы шли на Ленинград день и ночь. Как теперь мы знаем, от Поповки раненых привозили. У нас в доме стелили солому, на солому этих раненых, и мама все грела горячую воду в русской печке, а в русской печке сразу не растопить сырые дрова. У нас соседка рядом - тетя Саша. Мама и говорит: «Валь, иди, возьми поленцев. Я сейчас быстро растоплю!»

Немец увидел, что я украла поленце. Как он пришел со мной, автомат на меня наставил. Я плачу, папка выскочил. Я под кровать, он на папку. Я стала уже заступаться за папу, встала вот так за него. Как-то обошлось. И папу не расстреляли, только единственное - расстреляли кошку. В это время кошка прыгнула на стол, и они мигом. Мы не видели, мы только выстрелы слышали. И мама говорит: «Мурки нет!».

Отчим не попал в армию, он работал на Сортировочной машинистом. И они поехали. До Бологого доехали, а там немцы, их обстреляли - весь паровоз. Папа седой приехал. Весь седой был! Они шли пешком. Железнодорожники шли пешком. У нас в Рябово много железнодорожников - и все

Слева - мама Валентины Евгеньевны - Михина Татьяна Петровна

пришли пешком. Тогда уже в Рябово немцы были - и их на бойню, били животных. Они не были пленные, они как бы наемные. Ну, окружили Рябово, куда же им идти, туда ходили они на работу.

Папа кровь приносил, мама блины жарила. Папа ведро такое длинное принесет крови, а мама жарила блины из крови, муки добавляла, наверное, я не знаю. Ели такие блины. А папа, дядя Коля Бодунов, дядя Коля Григорьев, шли с работы после бойни, ехали немцы пьяные, и мотоцикл наехал на этих мужиков. Попал на папу, ему сломали ногу. Вот он и не попал в армию. Он уже в госпитале в лазарете лежал, был в Рябово немецкий госпиталь. Мы с мамой туда ходили, он там лежал весь полностью в гипсе, так клопы завелись. И вот мы все прутики ломали, он оттуда их выскребал. А мы на этом гипсе плясали. Он любил сказки рассказывать, мы, ребятишки, соберемся, на

гипс сядем и слушаем сказки.

У нас школа была, она на краю Рябова, как раз где поворот на станцию. Может, лазарет или что там сделали, но детей там не учили. Мы прятались за русскую печку, когда бомбили. У нас же поле большое, железная дорога рядом, и вот они туда все на Пельгору. Это болото Бабиково. Там все самолеты собирались, все там кружили. На шоссе падали бомбы. У нас был белый асфальт между Жарами и Рябовом, прямо на Московское шоссе немецкие сажали самолеты и взлетали. Особенно когда они шли на передовую сюда. Взлетали самолеты на белом асфальте. Вот мы все ходили на белый асфальт уже после войны, в войну из дома-то не выходили.

Потом в 1943-м году в октябре месяце нас стали эвакуировать. Когда приходили гестаповцы, немцы боялись. Сразу все по стойке смирно стояли. Гестаповцы на мотоциклах приезжали, не знаю, зачем они приезжали. Они все говорили, что тут партизаны. А партизаны были. У нас Николай Семенович Канаев был в партизанах, но они были молодые. Мама никогда не говорила, что в дом приходили партизаны.

Голодно было, ели все: крапиву, потом немцы давали нам хлеб с опилками. Невкусный. Всегда картошка - на поле ходили собирать картошку. Но я-то маленькая была - не ходила, мама ходила. После зимы она была такая мороженая. Крапиву как-то больше ели. Все говорят, что лебеду ели, а я не помню, чтобы мама говорила лебеду.

Меня подкармливали, честно. У нас был зубной врач немец. Наши женщины ходили зубы лечить. Ну, если болели зубы, так что делать. Он принимал, лечил. Он не оскорблял. Я брала веник, мама скажет: «Подмети!». Вот я пойду, подмету. Он мне даст то конфетку, то еще чего. Кормил меня сахарином. У меня не было ни одного зуба. И мы, когда приехали из Латвии, мне корешки таскали. У меня не было ни одного зуба из-за сахарина.

Когда мне было 16 лет, мне пришлось сделать фиксы металлические. Потому что девочка - и без

зубов. Я прихожу в клуб на танцы, а мне и говорят: «Мухина-то фиксы сделала!» Какие там фиксы, там ни одного зуба нет, вот так вот.

1 й класс

Ну, я скажу, немцы меня любили. Вот брата не любили, а меня почему-то любили. Или я маленькая и кудрявенькая была, или я общественная была. Веник возьму, подметаю хожу. Мне всегда со стола что-то дадут, я принесу. «Матка, гуд, гуд!» - перед мамой. Мама-то отбирала конфеты, сахарин у меня. Фотокарточка принесут, семью показывают, что вот тоже семья, дети на фотокарточке.

Отец так и не работал у них, так и лежал в гипсе. Долго лежал. 13 октября в 1943-м году нас эвакуировали в Латвию. Ну нас не в Латвию, нас везли в рабы, как немцы говорили. Товарные вагоны, в Ушаки на машинах. Брали только необходимое, а что там мама брала, не знаю. На машину нас погрузили, папу на носилках. Еще мы на носилки с братом пристраивались.

У нас немцы жили, раненые лежали на полу. Стоматолог в углу, а дальше солдаты лежали. Их забирали, вроде, потом новых опять. Может, в лазарет дальше отвозили, что у нас был по Мендовскому проспекту в лесу. Деревянный дом был выстроен такой длинный, сейчас его нет уже. Женщины там работали, есть-то охота, молодые работали. А мама не работала - двое детей, маму не заставляли работать.

Папа и в Латвию приехал, его сразу в Ригу. Лежал в больнице или в госпитале. Он так потом хромал, нога не сгибалась. Он потом на Сортировочной работал, так все ходил и хромал.

В Ушаки пригнали в теплушках товарных - несколько семей и нас. Сказали, везут рабами в Германию. Все люди плакали. Вдруг впереди идущий состав разбомбило. И нас всех в Латвию, в Гулбене, это рядом с Ригой. Всех высадили там, кто на платформе, кто где. Был построен барак, туда нас собрали как беженцев. А потом объявили: идут хозяева, выбирают. У кого поменьше семья, берут в рабочие, а у кого больше - в барак в этот. Как мама говорила, папа был сапожником. Он умел сапожничать, еще стекла вырезать, папа знал столярное дело. Все умел делать. Хозяева спрашивали, кто что умеет, и нас один взял. Взял нас, на бричку посадил и привез. Папу сразу же хозяин сказал отвезти в больницу. Его увезли в больницу, мы ходили к нему с мамой. Он вышел их больницы, но нога не сгибалась.

Мама умела косить. А мы сидели у хозяйка дома. У хозяина был деревянный пол в избе, а у нас земляной был. Блохи были, мама ловила. Земляной пол, колодки вот такой толщины - это в Латвии. Колодки - они из дерева, такие толстые и ремешки сделаны. «Коптилку не трогайте, ребятишки, чтобы блох меньше было». Как темно, так блохи прыгают, а при свете не так прыгают.

Знаете, клецки помню с мукой и молоком, давали нам. А если режут поросенка или что-то режут, так в кишки пихали мясо - колбаса была такая. Так вот и колбаски той давали. Хозяин давал, чтобы не видела хозяйка. Да, вот такая была хозяйка.

Мама коров доила еще. Косить потом не заставляли, а заставляли доить коров. Восемь коров. И вот мама вставала ни свет ни заря и этих коров доила. А у меня была такая зелененькая кружечка длинная эмалированная. И вот я эту кружечку под платье спрячу и приду к маме. Мама мне чирк-чирк! А чего - два раза, и кружка полная. Хозяйка увидела и маму била мешком. Почему? «Ах, поэтому корова не дает молока, что ты ребятишкам спаиваешь!» А вот такая чашечка.

Я с мамой ходила пасти коров, мама меня брала. Солнце встает красное - красивое солнце. «Доченька, вставай на колени, проси солнце оставить нас в нашей России. Проси Бога, чтобы нас взяли туда». Вот как увижу такое солнце, так не могу. Ну, у нас теперь редко стало такое большое солнце. Но когда на работу-то ездили в четыре утра, в пять сорок электричка. Так между Поповкой и Колпино поле, вот тут и видишь солнце большое.

Мама ушла от этой хозяйки. Рядом другая хозяйка жила. Такой дом высокий, бревенчатый и пол был. Может, та помогала, и мама перешла к другой хозяйке. Ну, не знаю, можно было или нельзя, но мама от этой хозяйки ушла, у другой жила. Там папа уже сапожничал, косы отбивал, сапоги, босоножки

шил, сандалии нам.

Нас, детей, не заставляли работать. Мы бегали по курятнику. Знаете, ребятишки соберемся в гнездах, где куры. Там по яйцу, может, по два украдем. Нас четверо было ребятишек. Приходила Тоня, помню, мальчика не помню, как звали. Тоже приезжие. Вроде ничего, в навоз закапывали мы. Поднимем сено, солому и туда запихаем, чтобы не видно было. А раз опростоволосились, хозяйка увидела и нас ругала. Не догнала нас, мы бежали, но ругалась здорово.

У хозяйки была дочь, она, вроде, училась. Как звали, не знаю. Но она любила всегда мне заплетать волосы. Марта вроде, взрослая была.

В Латвии немцы нас не трогали, нам этих латышей хватило. Когда стали подходить наши русские, приходит хозяин и говорит маме, что придут русские, говорите, что вам хорошо было, что вас не обижали. Мы уходим все в лес. А там лес – сосны, далеко видно. Такие красивые леса там. Были землянки настроены там. Папа, мама, я, хозяин с семьей. Ну, хозяин с семьей, может, дальше, а мы тут в одном окопе. Окоп выкопан из земли. Пришли наши советские солдаты. Все: «Ой, наши, наши!» Женщины с ребятишками выскочили. Как наши солдаты на наших мужиков поперли, на отца: «Ах ты, такая мать! Ты под подолом сидел, а я иду по болоту - воды полно!» А мама: «Да ты что! Он инвалид, нога у него не гнется!» «Ты его не защищай!» И с автоматами на нас. Так мама говорит, скорее еды выносить, задаривать солдат.

Действительно, шли солдаты, агрессивно шли. А оказалось, что эти солдаты из тюрьмы выпущены.

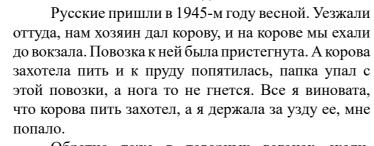
- Я отсидеть, - говорит, - не отсидел, так я здесь, а ты под маминой юбкой тут грелся.

Ой, мама говорит, еле успокоили. А кто посильнее мужики, так и из погреба не вышли. Никого не расстреляли, сказали: «Выходите все из леса, никого не тронем. Война заканчивается, никого не тронем». При нас никого не стреляли. Всех подняли нас, и потом, когда мы пришли в хутор, там валяется кукла - большая такая. Я взяла ее. Как папа на меня: «Положи эту куклу на место и не тронь. Это не твое, не тронь!» Такой заядлый коммунист. Карандаш в школе найдешь, карандаши были редкость у нас: «Отнеси обратно и положи!»

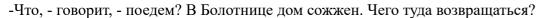
Такой отец был, как ремнем шлепнет, так бежишь и не оглядываешься. Насчет воровства вообще он строгий был, чтобы по его все было. Сели есть, значит есть, не хочешь есть - уходи.

Там я научилась говорить по-латышски у этой новой хозяйки. Маму посылали коров доить, а после доения туда на поле. А мама и говорит: «Так руки болят, а еще туда надо!» Слушайте, я это все перевела, что хозяйка будет ругаться, если не пойдешь на поле. Теперь ни одного не помню слова полатышски, а тогда могла разговаривать. Так хозяйка все боялась маму. Скажет: «Валя знает все, Валя

знает все!» А сейчас вот не одного слова не помню.

Обратно тоже в товарных вагонах ехали. Собирали всех, грузили потом. И все поехали. Не помню, война уже закончилась или война прошла через Латвию. Нас стали уже выгонять. Но многие русские здесь оставались. Вот из Болотницы, мама знала их, остались молодые.

Оставались. А мама на родину рвалась. Приехали - дом цел, крыша разбита, текло все. Пока жили у дедушки. У дедушки дом большой, и мы там жили. А потом покрыли крышу и стали в своем доме жить.

Отец пошел работать на Сортировочную, прежде он был машинистом. Его уже не приняли машинистом: нога не гнется, и в оккупации был. Если был - все, не принимали на работу. И он пошел мыть паровозы - на черную работу. Когда проходили, спрашивали, откуда приехал, ну, комиссия или кто еще, он всегда говорил: «Молчите, ничего не говорите! Не знаем ничего!».

Очень было все строго. Папа зарабатывал триста шестьдесят рублей, вот это я помню, когда на железной дороге работал. А мама корову купила, работала она рядом. Был сельсовет в Рябово на шоссе, она пол там подметала - уборщицей. Пойдет там уберет, а потом дома. Мы уже в школу пошли. Мама была дома все время. Она не восемь часов там убирала, уберет и придет

Я пошла в школу. Рядом с клубом был Пимский дом, тетя Тоня жила, это маминого двоюродного брата жена. У них был большой дом: две большие комнаты, кухня. Она сдала его под школу. Школа-то по шоссе стояла, но разбитая, надо ее отремонтировать. В эту школу нас отвели.

Парты у нас были, мы сидели за партами. Сколько человек было, не помню, был первый ряд, второй ряд и третий. Полные ряды были, еще был класс, там Клавдия, не помню отчества. А у нас Валентина Александровна была. Такая приятная, хорошая учительница. Она так почему-то любила нас, всех по головке гладила. Высокая такая Валентина Александровна. У нее пришел муж с войны, и она на радости этой: «Дети, я вас фотографирую бесплатно!» И всем фотокарточки раздавала. Хоть они маленькие, но все были бесплатно. Это потом нас уже фотографировали. Я не знаю, кто, но уже там платили. А вот она бесплатно фотографировала.

1947-й год уже более-менее жили. В школе не кормили. Только помню, что тетя Тоня всегда ставила ведро воды, кружка железная была. И вот мы подчерпнем и пьем.

Я 1937 года рождения, пошла в школу в 1947-м году, мне было десять лет. Раньше не пошла, потому что школы, наверное, не было, негде было учить. Не знаю, почему в школу не пошла.

Рябово не было сожжено или разбито. Дома сгоревшие были, так это по случайности, хозяйка разогревала плиту бензином. Архипова тетя Дуня плюхнула бензином, сама, во-первых, загорелась, выскочила на улицу, и дом сгорел. Вот такое было. А так чтобы разбитые дома - такого не было.

Были сожжены Ушаки, Соколов Ручей. В Рябово у нас не было сожженных домов. Может, оттого что жили немцы в этих домах.

Проучились в частном доме один год, наверное. Я училась плохо. Приду домой, коптилка там, надо писать, я не помню, чтобы на газете писали. Вроде, тетрадь была у меня. Учебники были у нас. Да, непроливайка наша - чернильница. Школу отремонтировали, но там у нас чернила замерзали. Печки были круглые, топила там у нас тетя Паня. Но, может, не нагревалась, может, раньше топить надо было начинать. Придем, а чернила замерзшие.

Уже в этой школе, которая открылась, второй, третий класс училась. У меня было коричневое платье. У меня тетка была, а у тетки не было детей. У кого-то в Ленинграде осталось, и она привезла мне коричневое платье. Папа шил сандалии, сапожки. Коньки только мне не давал брат. На одном коньке - и то не давал кататься. К валенку привяжем - и то отберет.

Машины тогда ходили редко по шоссе, но это уже после войны. Крючки были заделаны, за борт зацепятся - и на этих коньках едут, пока шофер не увидит. Шофер увидит, отругает. Если он затормозит, можно ведь под колеса попасть.

Почему-то я училась не очень хорошо. Меня на второй год оставили в четвертом классе. Спросили меня, в каком году и кто построил Ленинград. Я говорю: «Ленин». Никогда не забыть. Елена Михайловна была историком, но у нас вела одна учительница, а экзамены принимала другая. И вот опять она спросила. А я опять: «Ленин». И все, говорит: «Мухину на второй год!»

Обидно, плачу. И второй год, думаете, хорошо училась? Вот на сосны пойду качаться. В Рябово сосны рядом со школой росли. Подпрыгнешь и на суку качаешься, пока сук не сломается.

Потом я закончила всего пять классов. Это уже был 1953-й год. Моя бабушка в Ленинграде по папиной линии говорит: «Татьяна, давай Валю сюда, поможем устроиться. Пропишем в Ленинграде!» А только пообещали. Поставили меня с ребенком нянчиться, с Вериным ребенком. Вера - это уже двоюродная сестра, наверное. И вот я с ребенком. Мама спрашивала: «Ну что, Валя работает?» «Работает, Верке помогает!»

А потом на «Скороход» меня устроили. Уже папа приехал и говорит: «Не учится нигде Валька наша, ходит с этим ребенком. Давай забирай ее обратно! Никаких нам прописок не надо. Пусть она в Рябово получает паспорт и сидит в Рябово!»

Вот и из Рябово на «Скороход» ездила на работу. Меня взяли прямо на выработку канта. Работала такая машинка у меня. В четыре тридцать был у меня поезд, паровоз тогда ходил. У нас же железная дорога пошла здесь в 1960-х годах. Электрички пошли, даже в 1961 году, по-моему. Вот так и работала,

зарабатывала, приносила деньги. Принесу деньги: «Мама, дай двадцать копеек на танцы!» «Нет, доченька налог отдала!»

И стала я в Рябово в художественную самодеятельность ходить. Нас бесплатно пускали. Так и жила. У нас была мамина сестра младшая, крестная моя. Мы съездим с крестной в Пассаж, найдем платье себе. 1954 -1955 год был. Приеду, и крестная приедет со мной. «Евгений, купила Вальке платье. Не знаю, подойдет или нет». «Куру не накормишь, бабу не оденешь!» «Женька, посмотри, посмотри! Понравится тебе или нет?»

А платье-то я уже мерила - все тихо, спокойно. Папа был старшим, а его брат дядя Коля – средний. У дяди Коли была жена Клава,

жила на Измайловском. Я приезжаю, у нас были детские такие часики, они и сейчас продаются, но другой формы, у нас были кирпичиком. Я приезжаю, а она мне: «Ой, Валюшенька, у тебя часы!» «Да, тетя Клава!» «А сколько времени?» Я скорее на большие посмотрела. «Ой, твои часы-то отстают!» «Нет, тетя Клава, правильно ходят». А они же не ходили, они же детские, игрушечные.

Папа с работы заехал к дяде Коле. И тетя Клава: «Женька, ты женился, зная, что у Таньки ребенок. Почему Валька до сих пор с игрушечными часами ходит? Валька что, на часы не заработала?»

А тогда звездочка стоила триста шестьдесят рублей. Почему я помню папину зарплату? Мама говорила: «Ты все деньги отдал за часы! Как будем жить?» «Молочко да булочка, хлебец – как-нибудь проживем!» Поэтому я помню эти триста шестьдесят рублей.

Он привез мне эти часы. Тетя Клава его наругала, он и привез. Я их надела и вот так: «Ой, ой!» Мама говорит: «Спи, тебе на работу ехать, спи!» Сплю, а сама часы слушаю. Ой, какая была радость. Встала утром. «Снимай часы. Положи. Нечего на работу в часах ездить, оставляй дома!» «Мама, надо же похвастаться!» «Нет, нет!» Только разрешала на танцы. С танцев прихожу. В двенадцать ночи чтобы дома была. А раньше клуб рядом был. Песни пропели - меня нет. Папка маму в бок так: «Принесет в подоле. Принесет в подоле!»

Открываю дверь, вхожу. Мама спрашивает: «Где часы?» А я: «Мама, вот часы!» «Почему поздно?» «Мама, ну где поздно. Пока Лидия Семеновна закрывала клуб, мы помогали, ей не закрыть было, ну чего ты!»

Когда я замуж пошла, отец надел костюм новый. А так ходил все время в ватных штанах. Мама и говорит: «Петров день, мерзнешь, как поросенок!» Все время ходил в ватных штанах. А тут на свадьбу надел костюм.

В Рябово была свадьба. Записывались в Питере на Чернышевской. Папа встретил нас, все хорошо. Потом смотрю, Господи, за столом папа опять в рваных этих ватных штанах. «Папа, что же ты в этих штанах-то?» А он: «Доченька, капну на костюм-то, а еще хоронить меня надо. Нет, мне хорошо и в этом костюме!» Говорил еще маме: «Мать держись Вальки, держись Вальки. Сын тебе не подмога!»

С невесткой, видно, отец не ладил. Так и прожили всю жизнь, в 1982-м году умер папа, мама в 1995 году умерла. Копила деньги на похороны. Все мама говорила: «Належусь голой-то. И денег нет, на что хоронить!»

А я замужем была, жила отдельно. И вот, я потихоньку с получки тысячу накопила, чтобы папу похоронить и маму похоронить. Папу стали хоронить, мама говорит: «У меня есть деньги, не нужно твоих, мы похороним!» В Любань мы его хоронить повезли. Машину подали, и чего-то мы уложились, как говорится. А маму стали хоронить, тут я хорошо зарабатывала. А деньги-то есть на похороны мамы. И как тут закрутило у нас, и мои две тысячи пропали. Ой, Ельцин этот. Провались оно пропадом. Сколько было слез, в сберкассу ходили. «Нет и все!» «Дайте снять деньги! Срочно были положены!»

Нет, не давали деньги. Так и пропали. Потом вернули двести рублей. Так не знаю, выплатили мне эти две тысячи или нет. В общем, пропали и пропали.

Владимиров Федор Александрович

Меня зовут Федор Александрович Владимиров. Я родился в деревне Коротыша Тверской области Октябрьского района в 1944 году восемнадцатого апреля.

Отец служил во флоте, контузило его, мать - домохозяйка. Отец смог эвакуировать семью в 1943 году через Ладогу в Тверскую область к дедушке. Как немцев выгнали из Тверской, разрешили эвакуировать. Отец смог. Не так просто было из Питера эвакуироваться. Приехали голодные, дедушка спасал. Дети были голодные, хватали все. Он запер детей в чулане на замок, чтобы не ели. Иначе как? Ну, голодный ребенок, все голодные. Николай 1932 года рождения, Саша 1935 года рождения, меня еще не было. И младше меня две сестры - их тоже еще не было.

Потом побыли, поработали. Отец вспомнил, что дядя позвонил. Дядя водителем был хорошим. В Поповке на Советском купил участок и позвонил: «Давай, Сашка, напротив меня будешь строиться!» Приехал сюда отец раненый весь. Тогда радиоцентров и близко не было, были одни окопы в Поповке. Люди жили в землянках. Напротив магазина на Советской стоит дом - там люди в землянке были. Это я прекрасно помню. На вокзале были подбиты цистерны, там, где школа ваша, стоял танк подбитый. Ровно, где школа. Ну, может, плюс - минут пятьдесят метров. Мы еще пацанами бегали.

Отец начал строить дом. Потом приехал старший брат и стал ему помогать, чем мог. Потом нужно было прокормиться в первую очередь. Потом уже поступил учиться. Потом приехал Александр, а потом уже вся семья. Уже девчонки были - Надя и Зоя, тогда приехали в этот дом. Печка была русская, лавка на скорую руку. Отец был больной, работал сторожем. И скотину надо держать, кормить ее. Семья большая, и приемную еще приняли.

Отец поехал в деревню к деду - умерла бабушка Марфа. Он поехал узнать, как дед, чтобы его перевезти сюда. Раньше дружно было. Приехал туда, а у его друга мальчик погиб - мину нашли. И осталась девочка. Четырнадцать лет было ей. Привез отец эту Галю к нам. А она из деревни. Там от районного центра тридцать километров пешком. Он привез, поставил. На мать смотрит. А мать: «Саша, у нас же своих!» «Ну и что! Как-нибудь проживем!»

А потом, как сейчас помню, Галя посмотрела на маму, мама на нее: «Галя, иди в комнату, раздевайся, снимай все догола!» Дала ей вещи свои. Она ее раздела и кинула ее вещи в растопленную печку. А блохи аж прыгают. Вот так было. Она ее помыла. А потом они ее доучили до ПТУ, в семнадцать или в восемнадцать лет замуж выдали - и все. Она симпатичная девчонка, но лицо было осколками посечено.

Отец потом лошадь купил, стало полегче. Отец прожил ровно семьдесят лет, мать в шестьдесят пять умерла. Отец был усталый уже. Завод не бросишь, я на заводе был передовой человек, зарплата - триста, большие деньги. А мать была дома. Большая семья - надо постирать, чистые всегда ходили. Старший Сашка пошел в школу во второй класс. В 1948 году открыли школу в Поповке.

Николай учился в другом, уже в институт поступил, он башковитый

Маргарита Григорьевна, Вера Васильевна была по зоологии - худая такая. Таисия Федоровна директором была. Владимир Федорович, конечно, был. Он пришел из армии в 1949 году. Школа деревянная на ул. Культуры. Только кирпичом не обложена.

В классах в основном ребята постарше были. После войны света не было. Свет дали в Поповке примерно в 1950. При керосиновой лампе занимались. Что было, на том и писали. Я на газете написал. Мне учительница двойку закатила. Ну что, я буду объяснять, что детей много? Что мать будет бегать, а за хозяйством надо смотреть. Она газету оторвала - я написал. А учительница мне двойку поставила.

Я в школу пошел в 1951-1952 годах. По тридцать человек в классах. Потом стали арендовать, дети пошли после войны, детей много стало, помещений школы не стало хватать. Стали снимать за линией в частных домах.

Люди из Новгородской области после войны покупали дома. Построят, а жить некому. Арендовали - три школы было. А потом уже построили на Волжского, тогда уже я работал.

В первом классе нас учила Наталья Дмитриевна. Она саблинская, учила начальные классы. Ой, какая она добрая женщина. Вот запомнил: Гордеев Семен Александрович - директор. Лысый, аккуратный такой. Он же воевал у Федорова в отряде комиссаром. А как он с нами умел! Ну, мы все

хулиганы были! Он вызывает: «Кто-то там жалуется на вас, что вы такие плохие!» Посадит у себя в кабинете, а сам пойдет урок вести. Приходит: «Ну что, осознали?!» «Да!!!» «Идите, больше так не делайте!» Он душу вкладывал.

Потом его в райком партии взяли. И еще расскажу, пока не забыл. Мы, школьники, поехали на соревнования по лыжной эстафете в Тосно с Иваном Федоровичем. Со спортом, кстати, нормально дружили. И мы шлепнули всех. Семилетка шлепнула средний класс, мы, семилетка, всех десятилеток шлепнули. У Ивана Федоровича специального образования не было, но он душу вкладывал.

Марью Степановну Суровикову помню. Она была пионервожатая, она тоже умела с детьми ладить. Вот Владика Кустова мать. Она меня не учила, ее не очень любили, она строгая очень. И както чересчур. А дети не очень боялись. Потом Вера Васильевна - по химии, классный руководитель. Завучем была Фадина, потом она замуж вышла. Она строгая была, она русский и литературу вела. Чтобы и стихи учили.

Про Суворова, конечно, другой разговор. Он умел совладать с нами. Во-первых, он видный дядя, если кто нахулиганил, не бил, конечно, но два слова скажет – и достаточно. А у Таисии Федоровны Бабкиной на уроке слышно, как муха летит. Она математику вела.

Маргарита Георгиевна Суходольская-Киселева географию вела. Ее тоже уважали, она долго была директором, потом стали менять ее, Вера Васильевна вела зоологию. Иностранный у нас вела Адель Марковна - еврейка такая. Она хорошая, но после войны как-то немецкий не воспринимали, особенно дети. Потом пришел после ее студент или какой-то мужик, и то его фашистом ребята назовут, то еще кем. Он потом ушел переводчиком в аэропорт. Тоже нормальный мужик, я не помню, как его фамилия, но был такой. А вот ее помню, как сейчас. Адель Марковна - такого небольшого роста .

Вот есть люди, с которыми поздоровался, пообщался - и жить охота, а некоторые наоборот. Но видно так устроен мир. И к детям по-разному, некоторые со злостью, вот как Семен Александрович, он такой по природе человек.

Про труды я расскажу. У нас Василий Арсентьевич был. И Федорович немного подрабатывал. У Василия Арсентьевича дом от этой школы был. Скамейки делали. А мазурики все были: только зазевайся. Витька Кирпуха сделал скамейку, а у меня кто-то украл эту скамейку. За урок-то не сделаешь скамейку, тем более ребенок. Я прихожу - нет моих деталей. Я у Витьки Кирпухи украл, у меня украли, у него украли - ребятня! У нас станочки были такие небольшие. Смотрели, чтобы аккуратно все было, такие легонькие станочки.

Физкультура была обязательная. В Доме культуру проводили и кино показывали. Дом культуры тогда уже был напротив школы. Зала в школе не было никакого. Какой там зал - в коридоре! Строились там, умудрялись как-то - я даже со знаменем стоял. Мария Степановна, знаменосцы с двумя ассистентами. Интересно, конечно, когда со знаменем стоим.

Мы и в походы ходили с Владимиром Федоровичем. Владимира Федоровича давно нет, он много пережил, в Сталинграде выжил девятнадцатилетний парень. Хорошо к школе относился, он же бухгалтером работал в школе. Он был такой пунктуальный.

Учителя с нами ходили на пруды и на речку. По каждой дороге лыжня была на Тосна речку. Мы, пацаны, на карьеры ездили. Вот объявляют у нас мороз минус двадцать пять градусов. А мы хитрые такие были ребятишки. Придем, откроем форточку, а чернильницы-то были непроливайки! Форточку откроем - чернила замерзли. «Мазурики вы!» И нас отпускали.

Дети ушли, учителя чайку попьют, между собой поговорят. Они идут домой, а мы на лыжах - на карьеры. Вот помню, как танк в этом пруду вытащили пацаны у вокзала. КВ-34. За линией много там. Один достали танк наш КВ, заменили масло, топливо, с толкача завели, и он своим ходом до Московского шел. Находили останки в танке. Нашли одного, он был в каком-то звании солидном, ордена несли, вот я сейчас помню. В Поповке танков пять утонуло.

Гербарий мы собирали. Пацаны-то не очень, но старались. Еще у нас стоял теннисный стол. Владимир Федорович устроил, он любил такие вещи. И пушка стояла. Где живет зубной врач, там была пожарка. И там пушка стояла, мы пацанами приходили, рот открывши. Не знаю, откуда она там, я знаю, что потом увезли ее.

Потом был сад, а справа там были кусты всякие. Мы сами сажали - яблони сажали, и все это на серьезном уровне. Учителя относились серьезно: нужно сделать и яблони, и малину.

Был у нас директор такой Самауков Аркадий Петрович. Такой своеобразный человек. Мы все смеялись. Он такой неопрятный: выйдет на линейку на построение, пуговицы застегивает. Он возьмет и застегнет пуговицы - одна выше, другая ниже. И стоит так: «Равняйсь, смирно!» А ошибки делал! Напишет объявление, а учителя исправляли. Откуда такого взяли - не знаю, вроде, говорят, что-то преподавал. И у него жена была учительница. Как-то впечатления не оставил, директор есть директор, учителя его не любили. А когда уходил Семен Александрович в райком, школа немножко поднялась потом, все учителя были хорошие.

Поступать куда - это на первом месте было. Учителя уже приглядывались. Вот Юра Саломакин - он был химик. В областных спартакиадах участвовал, его в Москву послали, он не поехал что-то. Голова работала, а с порядком не очень, потом под машину попал.

В нашем классе Люся Каноникина была, она училась хорошо. Танька Ильина хорошо училась. А мы, пацаны, понимаешь, на пятерки не рвались. Но все в люди вышли.

Меня брат на завод взял работать, мне пятнадцать лет было в 1959 году. А потом дальше пошел учиться, заработок был хороший. Сашка ушел, он уже заканчивал Лесгафта, и Федорович ему узнал, что в Любани место свободно, и он пошел туда. Он сначала в Любанской школе, а потом, когда в Сельцо построили, его туда поставили. По тем временам все учились, работали и учились. В основном на вечернем, я не помню, кто мог на дневном.

В школе было строго. Нахулиганил в школе, учительница зовет мать. Ну, мать есть мать - не скажет ничего. Если позвала отца - то все. И из школы брали в ФЗО. Я помню, у нас Горяев такой был. Что-то он там сделал, позвали отца. Тот - работяга на заводе. Он пришел к учителям. Учительница: «Вы знаете, он не хочет учиться!» Он в коридоре взял его за ухо, перевернул. И потом в ФЗО. Нормальный парень вырос.

Так что школа свое давала. А родители все работали. На заводе вкалывали, скотину держали - без скотины никак, надо было накосить. Я приходил с работы, нужно было отцу помогать - отец инвалид. Двух коров держали - своих шестеро было.

Мать на огороде. И надеть надо. Я с отцом на рынок ездил. Когда теленочка зарежет - на рынке продавали. На эти деньги отец и мать уже знали, что купить. Потом пошли старшие зарабатывать. Потом Сашка пошел - мне легче. Я хорошо зарабатывал, у меня заработок по тем временам был двести с лишним. Это в 60 годы был огромный заработок. Я отдавал все матери.

Помню вот эту пушку немецкую. У вокзала была крупнокалиберная, которая должна была наши самолеты сбивать. При немцах она стояла, где подстанция, сеткой накрытая. Мы с пацанами лазали. Такой диаметр - ребенок пролезал.

Где радиоцентр, там никто не разбирал - рукопашный бой. Где «Пятерочка» сейчас примерно, там была противотанковая рота. Там наши и немцы. Не поймешь, кого там будешь собирать. Собирали все в одно. Я прекрасно помню, Мария Степановна организовывала. Наверное, не она, а от военкомата Панфилова переносили. Он погиб в Подобедовке. Там стоял типа крестика, оттуда перенесли уже.

И у меня есть фотография, как переносим останки. Активные такие. Хотели ему Героя, а оказывается, что от маршрута свернул. Героя не дали. По большому счету за то, что он упал, да с пистолета отстреливался. Он был из Запорожья, учитель тоже, кстати. А потом переучился.

Запомнилось очень много, как Иван Федорович нас тренировал. Я всегда ждал. «Завтра в Ушаках соревнования, эстафета по лыжам!» Для нас праздник это. Тем более обыграли старшеклассников. Семилетка обыграла старших! И всегда ждали. В Тосно вызывали нас. И учителя ездили болеть за нас. Классный руководитель всегда. «Федор, ну ты как? Давайте опять первое место занимайте!» Я бегал, я такой был спортивный парень, у меня грамота есть школьная за спорт.

И огород всегда заканчивается - к лету дело. Мы все приберем, окучим, учительница достает цветок рассказывает про него: вот этот цветочек, чтобы он хорошо рос, надо землю разрыхлить, надо добавить удобрение.

А еще про школу запомнилось, как металлолом собирали, это при Самаукове. А металлолома было много. Но дело в том, что была фирма конкурирующая. Одно дело - в школу принести железки. А найти хорошую на железной дороге и утильщику сдать?

Потом стали собирать макулатуру, собрали мы ее. Много было. Кинули, думали куда девать? Сжигать стали. А потом пожарные пришли, предписание сделали. И моменты были такие серьезные. Да, на стенгазете рисовали: кто едет на спутнике, кто на самолете или на черепахе. К нам приходят

ребята: «А чего же вы не черепахе-то едете?» Это если не победили - макулатуры мало собрали.

На весах измеряли. Дети сами рисовали и стихи подписывали. Я там немножко стихи напишу, все прочитают - нос кверху! Что ты! Постановка школьная была по тем временам, спектакли были и хор был. При Семене Александровиче был хор военно-морской песни. А у меня отец моряком был, когда контузило, мы пели в клубе и родителей всех приглашали. И музыкальный руководитель был. Он играл, а мы пели. Если ничего голос, то нос кверху. Даже на конкурсы некоторых посылали. Я туда, конечно, не попадал.

Пионерская организация была на высшем уровне. Мария Степановна, надо ей отдать должное, очень к этому относилась ответственно. А потом она ушла работать в радиоцентр.

В школе печки топились. Дрова, наверное, привозило Тосненское сельпо. В каждом классе - круглая печка, была техничка, она жила при школе. Потом сделали буфет, в этом буфете - соломка для детей, копейки стояло все. А с собой мать, вроде, ничего не давала - не помню. Ну, семья большая - не голодовали.

Свое хозяйство, да и все работяги. Ну вот я после работы прихожу, отец сено убирает, две коровы. Сейчас канавы забиты, а раньше все было выстрижено, и люди не ленились. В Поповке был участковый. Дрова свалил - участковый приходит: «Неделя тебе, убирай!» Не было такого бардака, как сейчас.

Был один выходной. Например, кто-то работает на Ижорском. Там один выходной. Еще был ларек, и там пиво продавали. Ну, мужики войну прошли - надо пообщаться, пивка попить. Я любил со своим отцом ходить. Они мне конфетку купят, по сто граммов поговорят, да и подерутся между собой.

Вот столбы администрация прикатила. У каждого дома столб положили. Каждый, кто мог, копал яму под столб. Потом приходили несколько человек, столб ставили. Приехали электрики - тянули провода. В 1950-1951 год в Поповке ничего не было. Все жили в блиндажах на окраине поселка. В поле никто не жил после войны. Там тоже были бывшие дома, только было все перемолото. Там фундаменты были. Разломали их и делали дома. Там была большая немецкая колония. Они там выращивали овощи, фрукты. Где слева немцы жили, у них был порядок. Земель было сорок соток, не меньше. А там, в поле, полностью было не восстановить.

Стали за линией строить, за линией мало было домов. До войны там жили, я местных жителей знал. И местный житель рассказывал, как пригнали курсантов, а немцы шли со стороны Никольского. Курсантов пригнали, дали винтовки. Между прудами прокопали траншеи. Немцы идут, они пух-пух с винтовки. А те ребята опытные, уже более приготовленные. Отошли, покушали, подошли, зарядили пушку и всех курсантов там положили. Вот это на прудах. Столько людей уничтожили.

Насчет разминирования я тебе скажу. Палатки стояли, где ваша школа. Мне уже лет пятнадцать - шестнадцать было. У них были собаки, они втыкали флажок, потом собирали, потом давали сигнал, и они подрывали. У нас практически каждое лето взрывы были, столько мин. И на участке находили. Много было мин.

Фундамент копали, а у Сашки как раз был выпускной вечер. С Юрой Латковым копаем, и раз так по металлу. Глядим, а там минометка. «Саша, ты чего?» А он песни поет, не слышит! По головке дал - и все. А вот копали окопы, я думал, там кости, а нет костей. Но оружие осталось.

Все зависит от самого себя: если раздолбай, то все будут шпынять. Я расскажу, как я в бокс пошел пацаном. Был один старший такой. Он раз мне в лоб ни с того ни с сего. А сосед подошел, ему тоже вкатил. А мне не понять, за что. Я пошел боксом заниматься в Колпино. Пришло человек тридцать - и все обиженные, такие, как я, кто кому накостылял. Тренер пришел, мы думали, как в кино будет. А он: «Значит так, гусиный шаг, пробежка по стадиону!» На следующий день из тридцати осталось десять человек. Все хотят боксерами сразу стать. Потом осталось пять человек - и я тоже.

Как-то на танцы мой обидчик пришел. Он не знал, что я занимаюсь. Пришел, толкает всех. Он меня старше на три года. Меня толкнул, а я уже с девчонкой в Доме культуры. Я уже работал, мне лет шестнадцать было, уже владел боксом. Он меня толкнул, я ему: «Да что такое?» А он мне: «А, это опять ты? Пойдем один на один!» Ну, я ему: «Пойдем!». Мы вышли. Я ему как дал - сразу в нокаут, дружки прибежали. Меня задело, я никогда просто так человека не обижал.

Сашка-лыжник пришел с армии. А на ринге мне тренер ударил по носу. И чуть чего -кровь идет. Это уже все. Я пошел на Фонтанку, мне сказали - подождите заниматься. А Сашка говорит: «Да брось ты бокс, ты уже солидный парень, давай на лыжи!» И я на лыжи, и тоже был первый. А бокс - только когда хулиганил кто или заступиться.

Порядки были в школе, к труду приучали. Вот мы еще не выпускались, Юра Ковалев был хулиган, он любил что-то творить, его хотели выгнать, но мать пришла, уговорила. А он: «Давайте клумбы сделаем!» И вот перед входом в школу сделали, где-то землю нашли, сами привезли, сделали клумбы, даже орнаменты были. Мы ему помогали, чтобы Юру не выгнали.

В классе все время что-то делали, оформление класса занимались. Учительница говорит: «Через месяц будет тому-то посвящено!» И вот мы старались друг перед другом. Гербарий я запомнил. Пацанам гербарий не очень, но задание есть задание. Листья собирали - клен высохший и какие есть деревья.

Самое главное не рассказал, что Поповка была выжженным местом, окопы - и все. Урок физкультуры или труда - не важно. Иван Федорович собирает ребят, лом через плечо - и пошли по Советскому. Тополя быстро приживаются. Он идет с ломиком вдоль улицы. Ломом так вжик! А мы в ямку тополь. И Поповка стала, а так было голое поле. Мины подбитые, все, что хочешь, было здесь. Вот так украшали Поповку.

Головина (Ежкина) Валентина Алексеевна

Меня зовут Валентина Алексеевна, сейчас я Головина, а в девичестве была Ежкина, это фамилия родителей. Я коренной житель Тосно, родилась в Тосно в 1938-м году в октябре месяце. Родилась в этом доме, не в роддоме. Раньше скорой не было. Пока акушерка пришла, меня отхлопали, как говорится. Кроме меня в семье была старшая сестра Вера Алексеевна, старше на 7 лет, но она уже умерла. Маму звали Людмила Алексеевна, она до война не работала. Двое детей у мамы: я и Вера. Еще хозяйство, дом частный.

Тем, где я сейчас живу, это деда дом. У деда по отцу было восемь детей, он построил дом. Раньше была усадьба от улицы Ленина до железнодорожной линии. Никаких переулков не было до войны. Когда отец первый женился, его отец, мой дед, отдал старый дом сюда в 1934-м году, а там построил новый - на Ленина, 22, дом до сих пор цел. Отец первый женился, ему достался дом. Потом второму брату Павлу, но во время войны его не достроили - дом на четыре окна напротив, дед дал еще участок. Но они не успели достроить. Немцы пришли и разобрали. Там прожектор стоял в этом доме.

Мама Валентины Алексеевны - Людмила Алексеевна. Около своего дома. Тосно ул. Коллективная, дом. 190, 1938 год

Первая вышла замуж сестра старшая - тетя Катя Гусева, жила на Трудовой. У нее тоже восемь детей было, женщины уходили к мужьям в то время. Короче говоря, отец работал. Было шесть братьев и две сестры - тетки, дядьки.

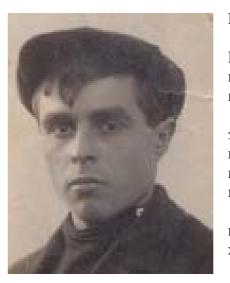
Мой дед - Александр Алексеевич. Они все работали он на железной дороге. Двое братьев в армию пошли, а Боря, самый младший, любимец мамы, пошел добровольцем. Ему не было 18 лет, и пришло извещение, он даже в Книге памяти есть. Я случайно увидела, что Ёжкин Борис Александрович пропал без вести в районе Колпино. Он ушел добровольцем на Ижорский батальон.

Дед и этот Павел погибли. Ехали на работу на Сортировочную в поезде, который разбомбили в Тосно-2. Дед погиб точно, а судьба его сына Павла неизвестна. Жена искала его - нигде нет, а кто- то потом сказал, что видели в Ленинграде, он менял золотые часы на хлеб, без ноги был. Но не нашла она его.

Еще, когда в лес не ушли, мама и все остальные рыли ров противотанковый от церкви до железной дороги - очень глубокий. А немецкие танки на эту работу чихнули и пролетели быстро.

Когда началась война, все убежали в лес. До сих пор в лесу есть оставшиеся землянки. В этой части города Тосно было мало народу, здесь несколько домов было. У нас была и коза. Жили в лесу, пока немцы здесь орудовали. Перерезали у всех кур. Женщина одна привезла овец к соседям, однофамильцы наши, и зарезали овец. Потом стали немцы

ходить, они сделали дорогу. Они сделали на Нурму через лес дорогу, она долго была из бревен. Через «лисьи ямы» - называлось так. И стали говорить: или выходите, или будем стрелять. Дети плакали, брат Валерка, двоюродный отца сестры сын, у меня кричал на весь лес: «Хочу шоколадных конфет!»

Отец Валентины Алексевны - Ежкин Алексей Александрович 1935 й гол

Мы там все тащили, как могли, а он про конфеты.

Немцы слышали шум, что дети плакали и коровы мычали. Мы вышли все. Пришли -все пусто. Немцы заняли вот эту большую комнату. В общем, они здесь все собрали - яйца, чуть козу не зарезали, но потом оставили. А мы жили в маленькой комнате.

На русской печке мы спали с сестрой, а родители - там. Картошку забрали. Немцы лазали по бочкам. Была капуста, тоже забирали. Мама видит, что не остается ничего, ее кто-то научил посыпать очистками капусту, и они не возьмут. Самое главное, что хотелось есть. Мама мыла очистки и с мясорубки я их слизывала.

Сестра ходила, палки у них были, а на палке был крючок, я помню. Меня она не брала. Где-то сваливали кишки, и вот они с ведром ходили кишки собирать. Мама промывала, молола с очистками.

Картошка была, лук немцы хотели выдергать перед тем, как маму ранило и дом разбомбило. Этот хозяин, дядя Сережа, он в первую мировую войну воевал и знал немецкий. Он пришел и сказал: «Люська, убирай лук, немцы сейчас приедут». Мама в ботву картофельную все закидала. Она рассказывала, что немцы приехали - ругаются, трясут ее. А дядя Сережа говорит: «А другая машина была, забрали!» Потом

были овощи, зеленая трава, бабка меня туда к себе утащила. Так вот и жили.

Мама говорила , повесили мамину знакомую - Захарову Людмилу. а муж у нее был Агей. Ее и звали Агеенкова. И был в партийном комитете один Агеенков.. И донесли, что она жена партийного вот этого. А в партизанском его не было .

Она была с детьми, сын был и дочка. И ее повесили. Не разобрались и повесили.

немцы детей хотели забрать когда разобрались. Хотели забрать детей к себе. Бабка не отдала. бабка взяла детей Потом что дочь этой женщины и моя Вера дружили долго.

Мама рассказывала, как гнали наших пленных. Осенью мороз, слякоть, уже первый снег. А они оборванные, молодые ребята все. Когда пленных гнали, выходили наши из домов. И один умирал уже, захоронен был у дороги здесь. Взяла этого солдата тетя Нюша, думала, отогреют. Он уже умирал, ну, он и умер, конечно. Немцы его отдали. А так они пристреливали. Он сказал, что из Сибири, больше ничего не сказал. Его похоронили рядом с домом, в канаве зарыли на огороде прямо по проспекту Ленина. Сейчас там забор, написано «я тебя люблю» что ли на доме.

И евреев казнили. Раньше скорой не было, придешь в аптеку, скажешь, что да как. Там был старый еврей аптекарь, он готовил лекарства. Их повесили. Кто-то говорил, что утопили, мама говорила, что повесили. Нашли еще какого-то из партизан. Мама говорила, зашел один раз парень тихо, якобы из Нурмы он шел. Спросил, сколько немцы стоят, у нас стояли прожектористы. Но они не зверствовали, не приставали к маме.

Доносили даже свои родные. Донесли на отца, отец был стахановец, в 1936-м году ездил на слет стахановцев, он не был коммунистом. Рядом на Ленина жила двоюродная сестра бабки, донесла, что он коммунист. Его забрали, потом разобрались. Мама думала, что расстреляют. Он там пробыл почти неделю. Ну, отпустили. Наверное, разбирались или что. Мама тогда у нас и книги все закопала, фотографии — все, что было. С этой женщиной после войны никакой связи не имели. Отец хотел ее прибить даже. Тетка Нюра, вроде, ее звали, рядом с домом деда жила. На Ленина, сейчас дом этот цел, но давно перекуплен. Так что доносили даже вот так.

Потом, помню, голодали. Очень есть хотелось. Котелок стоял. «Мама, ну возьми ты, пока их нет!» Они идут, я под стол пряталась. Не могу объяснить - ребенок есть ребенок. Я очень боялась. Мама говорила: «Дура набитая!» В доме же не было перегородок, и большой такой стоял стол. Как немцы топают, я хлоп - под стол. Один немец показывал маме фотокарточки, что у него трое детей, он бывало, когда не съедал, в крышке солдатского котелка желтый пудинг мне предлагал. Ароматный был. Верка старшая меня ругала, ей не давал: «Вале, Вале!» А Валя под столом и ни за что не выйдет. Так он не отдаст. Много раз предлагал, а я почему-то боялась.

Они не ругались, только сами над собой. Раз кого-то намазали сажей и хохотали. А потом съели собаку. Голову в сарае повесили, а они поели все. И вдруг он пошел и увидал собачью голову, его так

рвало, они так ругались между собой. Они сами сварили, потому что, по-видимому, кормили тоже не очень-то. В начале-то они похапали у всех, а потом уже куры и яйца были съедены. Потому за собаку и взялись.

А так они не хулиганили. Было много девушек. Одна рыжая, другая черная, я помню черную. Она вернулась, потом замуж вышла за военного, и не знаю их судьбу. Короче говоря, они у нас так не нахальничали. Танцы устраивали, ходили на танцы.

У нас вот здесь не было дороги - низина, ровная поляна. Дом наш был, там дом, через дом еще дом. Здесь же не было улиц напротив.

Вот разобрали дядькин дом, который сейчас на четыре окна. Это уже зять построил после войны. Гармошки у немцев были.

Были сильные бомбежки. В подвале был сделан высокий окоп, туда прятались мы. Как будто бы это спасло. Потом у соседей разбомбило дом, хозяину ампутировали ногу, а маму мою ранило. Вот это я помню: маму выкинуло с кровати, а моя кроватка сзади стояла. И я с испугу натянула одеяло. Все прибежали, дом горит, мать лежит. Бабка-то прямо с Ленина прибежала, отца мать. Не было же здесь домов, она прибежала - и ко мне. А я закрыта одеялом. Бабка говорит: «Вальку-то убило!» Потому что снаряд прошел через всю кровать и вышел. Вот следы осколка - замазаны. Открыли, а я живая. Маму понесли, жерди сделали, потащили в больницу.

Немцы сказали: «Вези, вези!» Потащили мужики, какие были, в больницу. Мне казалось, в другом месте. А потом, когда я пришла работать в скорую в больницу, я узнала, где мама лежала - в старой больнице. Там, где памятники делают, была больница. Еще женщина была с Красной Набережной, тетя Нина Коляновская, их одновременно в один день ранило, они лежали вместе. У мамы было ранение вдоль позвоночника срезало все. Там фельдшер работала, она потом в железнодорожной амбулатории трудилась, Нина Мироновна. Мама ее знала. Так как отец и дед на железной дороге работали, мы все были туда прикреплены. Она за линией была, она и до войны там была.

Фотография сделанная немецкими солдатами. Тосно, ул. Коллективная, 128. 1943 й год.

Там никто не спасал, лежишь - и все. Стрептоцидом посыпали, у нее черви завелись в ране. «Нина, - говорит, - у меня что-то шевелится там!» Нина ее перевернула и говорит: «Люська, у тебя там червяки!» Ну, вычистили, у них была марганцовка. Там не кормили, и у нас шиш с маслом, немцы все потаскали. А потом выписали, когда маленько затянулось, у нее даже не

> Нас стали отправлять в Латвию. Я не все же помню. Не помню, как мы ехали в Латвию. В поезде ехали в битком набитом товарном вагоне. Я запомнила, когда нас привезли в Тукумс. Привезли нас, когда уже было холодно. Помню, что мы ночевали, и сарай был битком набит людьми. Мы ночевали на улице под кустиками в снегу. Проснулись все в снегу.

> Полицаи шарили. Я-то не понимала в то время, а шарили молодых девок. Мама намазала Верку чемто, бабка намазалась. Мама все хохотала после войны: «Ну, бабка, тебя бы разобрали!» И шарили полицаи

латвийские. У нас мама ранена - не работник. Бабка, сестра 13 лет и я, ребенок. Короче говоря, нас в последнюю очередь взяли.

Наш хозяин был у них староста полицай. Прекрасно помню дом, хозяйку помню. Дом они арендовали. Во второй половине была бабушка. Мама работала - что делать. Придет, у нее все в крови - не заживало. Никто ничего уже не заставлял. Сестра пасла коров. Помню, далеко было поле, еще пасла девочка из другого хутора. Она сама из Ушаков, Рая. Они с Верой соединялись. Две девочки по 13 лет пасли коров, коров было больше десяти.

Хозяйка нормальная была женщина. Она все молчала и никогда много не говорила. Скажет, что Люсе сделать, она по-русски маленько говорила. Хозяин тоже - дед и бабка, работник у них еще был русский, пленный бывший. Я уже не помню, как его звали, но латышка - Зента.

Мама брала меня в поле работать. Я помню, летит самолет, до сих пор не могу терпеть гул самолета, и летит самолет низко над полем. В поле только мама в белом платке, она на меня упала. Он не строчил, но он с таким ревом летел. Взлетел, мама говорит: «Немецкий или наш?» Страшно. А то, что раз русского сбили, это я видела. В Латвии на этом хуторе.

Сначала мы около года жили у этой хозяйки - мама работала, Вера пасла. Отец работал. Еще Зента латышка. Вера ездила к ней потом после войны. В другой половине жила бабушка. Она, оказывается, была хозяйкой этого дома. Сын был коммунист, сына расстреляли, а бабка жива. Это мне мама рассказывала. Та по-русски ни слова, а увидит меня под окном, постучит: «Валя, Валя!» Я подойду. Она обнимет и плачет. Видимо, вспоминала внучку. Куклу мне большую подарила.

Хозяин был вредный. Когда полетел самолет наш, хозяин - на лошадь и помчался в лес. Нашли или нет летчика, мама не говорила, но самолет горел черным дымом.

У первой хозяйки мы дольше всего жили. Было сытно. А мы с голодовки. Мясо было свинины, мама говорит, колбасы были, они сдавали сметану. Нам ничего. Они сами сбивали вручную сметану, масло сдавали. Суп был, картошка была и еще типа каши, фрукты были, вишня, яблоки. Я первый хутор прекрасно помню во всех мельчайших подробностях. Собаку, которой я хотела зубы почистить, а она меня цапнула за палец. Хозяйка, когда нас увозили, дала маме одеяло хорошее шерстяное самотканое, дерюжки - как у нас половики, а у них грубая такая дерюжка была, и, по-моему, подушку. Дала и еды. А дальше было голоднее, когда уже перед отправкой.

Мы здесь пожили, и нас стали собирать, повезли дальше. Мы были в Гренчи, недалеко от Тукумса, мы там были не долго. Я там мало чего помню, помню Слампе. Помню, там были овраги и дубы, были белки, и мы там, ребятишки, играли. Сестра уже не работала, и там у этих, у Бородулиных, был Боря возраста, как моя сестра. У нас были по возрасту игры. Помню, мы там играли, еще цветки собирали. Знаете, у нас нет таких цветов, они, как розы зеленые. Белок дразнили, ловили их. Я плохо говорила, кричу: «Белочки, белочки!» Мама говорит: «Какие девочки?» А я: «Белочки!» Тащу ее, а там белок было... Орехи, дубы. Игрушек не было. Помню овраг, помню дубы, помню комнату, в которой мы с соседями встретились.

Немцы довезли до Слампе, хотели через Лиепаю. Отправляли пароходы с нашими людьми в Германию. Работники нужны были. А тонули часто. Мама плакала и женщины плакали. Нас уже близко привезли почти. Здесь уже Ригу наши взяли, бомбили жутко, зарево было страшное. И мы, слава богу,

Грохот был, когда немцы убежали. И вдруг женщины кричат, а барак был очень большой: «Мир, мир, война кончилась!» Мы-то не особо понимали. Женщины целуются, хватают нас, крутят, радуются. То есть где-то узнали, что война закончилась. Потом фильтрационный пункт. Наши сразу забирали мужчин в русские войска. И отец до конца 1946 года отслужил, он 1909 года был. И дядю Мишу, соседа, взяли, а дядю Васю взяли или нет - не помню.

И вот нас стали отправлять. Я не помню, как мы ехали. Помню, что нары, помню воду в паровоз набирали с такой трубой. Подъедут, наберут. Мама бежала за водой. Там все женщины бегали за водой. Печурка была в вагоне, нары, мне почему-то запомнилась женщина, сидящая на рельсах: вот она сидит, сумочку прижавши, вот так колени обхватив и голову. Но она была не из нашего поезда.

Весь путь не помню. А как приехали сюда, я прекрасно помню. Нас утром на подводе привезли в 1945-м году. Выгрузили нас, а дом закрыт, у нас жила, как я поняла, Никешина Ирина Семеновна. Она была в исполкоме, потом в райсобесе что ли, я уже забыла. И кто-то, а в соседнем доме жили, подсказал, где ее найти. Она открыла, она готовила в круглой печке. Нас пустила, документы у мамы были. Одно окно светилось, остальные - заколоченные. Ни мебели, ничего не было.

Есть хотелось. Мама устроилась работать на склад, отец еще в армии был. И сестра мамина с пятью ребятами. Там было двое взрослых уже детей, один был в Германии. Этот мальчик был в Германии и три раза на каком-то заводе. Бежали они трое: Бородулин, он, а третьего фамилию я забыла, они бежали из концлагеря. Три раза бежали, последний раз их отправили под расстрел. Они недалеко убегали, им по 18 лет было. Добегут куда-то, думали, что через Польшу они проберутся к нашим, потому что уже война кончалась. Вся семья сестры мамы были в Литве. И пришел он 18 лет весь седой, в 52 года его парализовало.

Приехали, слава богу, устроились. Мама - на уголь пошла работать, отец, когда приехал, в Сортировочной снова работать стал, он составителем поездов был. А дядя Миша был артиллерист, он пришел позже отца. Он был много раз ранен, рассказывал, что писали на пушке «За Родину, за Сталина».

У нас они сначала жили. Выпивал крепко, конечно. Я помню дядю Мишу, умер рано. Ранений было много. Дошел до Берлина, это надо было пройти такой путь. Тяжело было, но потом он собрал из бревен дом. Сестра мамина туда уехала с детьми.

Сестра учиться не пошла, в 14 лет куда учиться. Она 1931 года. Класса три или четыре только у нее было. Пошла в город работать, устроилась на швею учиться. И там она так и работала почти всю жизнь. Я одна оставалась, есть нечего. Помню, сяду на крылечко, реву. «Тетя Маня!» А у нее тоже ничего нет. Но та женщина, которая у нее жила, приносила мне морковку. Я половину съем, половину оставляла, чтобы мама заправлять баланду. Туда мама или крапиву собирали, или морковину добавит.

У нас получилось, как перед войной - по улице куча одногодок. Прохоренко был сирота, не знаю, почему, может, в войну погибли родители. Юра, Надя, Люда, Лида, я, Валя, Валя, Вера, одних Валь - куча. Уже умерли те Вали, мои одноклассницы. Нас было много ребятишек, мы крапиву рвали.

Зима настала. Отец пришел. Он как составитель подметал иногда вагоны. А там жмых. Вот кусочки жмыха, хоть и грязные, набирали. Я и девчонки положим за щеку и бегаем так. Есть было охота. Паек был маленький, я не помню хлеб. Я помню, как увижу халу маленькую: «Мама, хочу халу!» Ходили в магазин, но никто не покупал у них халу, потому что денег не было, но хлеб нам давали.

Когда отец вернулся, конечно, стало полегче, был его заработок, на него карточка. Мама была на угольном складе сторожем, отец заставил ее уволиться. Купили козленка и вырастили козу. Появилось молоко, соседям продали козленка, двоюродной сестре тоже, у нее была коза Зайка. Стало уже полегче, был этот жмых, а весной очистки. Картошка - не знаю, откуда. Очистки мама чистит, глазок вырезала, чтобы сажать картошку.

Украинцы продавать стали на рынке, рынок открытый такой был. Рынок был, где школа Белая, там был стадион, а вот в этом районе был рынок - латки и крыша. Продавать стали семена - дорого. Мама пришла, купила свеклы. «Ой, - говорит, - как дорого!»

Займ был. Работали, но должны были приобретать бумаги от государства - займ. Большой был займ, всем было очень трудно. Но все легче, чем сейчас, честное слово. Вши были. У меня были косы очень большие, а мыла давали мало. В классе, когда пошли в школу, проверяли голову. Гоняли, у кого вши, в вагон. Мама чем-то мазала - вонючей мазью, ее посоветовала Нина Мироновна из поликлиники. Мама так боялась, жалко было мои косы.

Поликлиника была за железной дорогой. Больница функционировала старая. На вызовы Нина Мироновна приходила. На Боярова была женская консультация, уже после войны я практику там проходила. Вот у берега первый дом стоит, потом поперек, в этом районе на той стороне. Недалеко от Боярова, 16, между улицей Советской и этими домами. Она деревянная была, два входа, крылечки вот так.

Роддом был там, где больница. Там домик за прудом, где сестра моя рождалась, там принимала роды на практике. Была акушерка Мария Ивановна Лазарева - от бога акушерка, еще была акушерка Матрена Павловна Поликарпова. Та была – ой, милые мои! Но она был профессионал. «Мария Ивановна, возьми меня на практику!» И Мария Ивановна Лазарева все нам давала, руководила, подсказывала. На практике нужно было принимать роды.

Маму парализовало в 45 лет инсультом, я училась в 9 классе. И вся моя судьба полетела к чертовой матери. Я училась очень хорошо, особенно по математике. В 1946-м году я пошла в первый класс. Для школы арендовали дом 52 на Коллективной. Он до сих пор цел - деревянный частный дом. На переменку мы все оставались в классе, потому что другого помещения не было, там были не парты, а ровные столы. И мы находились все время там. На улицу, когда было тепло, мы выходили. Хозяйка тетя Аня жила в этом же доме, у нее был сын. В одной комнате мы учились, во второй комнате они жили. До 3 класса здесь учились, а больше негде не было. Какую-то кофту мама сшила.

Тех, кто остался жив, очень мало. Кого я знаю? Вот Эмма Чижова с косами, она приходила,

Вавилова теперь. Вера еще Сукова жива, но мало нас осталось из того выпуска. Мы в частном доме учились три класса, учительница была фронтовичка Мария Владимировна Степанова. Она нас проучила до третьего класса. Она курила, а нам ребятам это было удивительно. Мы раз заметили, что она у этой женщины, у тети Ани, сидит за разговором и курит. А тогда женщины не курили.

Нам ничего в школе не давали - ни чем писать, ни на чем писать. Мы были без завтраков, без всего. Одеты были кое-как, улица была у нас непролазная. Когда отец вернулся, мне сшили сапоги из отцовых кирзовых. Был такой сапожник на Ленина - дядя Петя Захаркин. Ходили кто в чем, ни у кого ничего не было.

А в третьем классе нас перевели ближе ко мне - на Коллективную, 68. Там был дом, пристроили большую пристройку, получился у нас шикарный класс. Тоже частный дом. Потом ясли там были. Большой класс был, учительская, коридор и типа спортивного зальчика. Хоть мы и прыгали, но не было спортивных снарядов. Только один наш класс туда ходил, других не помню.

Помню, что немцы пленные были у нас, они жили в Красной школе. Немцы ходили строем и жили в школе. Красная называлась, это бывшая фабрика «Север». Здесь был большой ров, где их хоронили. Они недолго были. Пленных хоронили прямо во рву, там находили медальоны. Ров такой был: от Красной школы примерно как до Коллективной, на углу примерно. Это лет пять или шесть назад находили, а теперь там дом построен.

Нам самим есть нечего было, а как их там кормили, я не могу ничего сказать. Знаю, что здесь было захоронение немцев, кости находили. Наших - вряд ли, потому что кладбище было, на углу, где колонка, там было кладбище. По Школьной, за магазином, дом большой, там было кладбище. Там поляков было много. Кресты были, песок там хороший был. И за линией такое же кладбище было, там стали песок разбирать. Русские быстро песок этот разобрали. Это даже было в газете. Верховин, поэт, писал в газете, что у него были похоронены родственники там, и у моей тетки тоже кто-то из поляков. Там было польское кладбище. У них, наверное, по-другому хоронят. Там уже и памятников нет. Прекратили брать песок, но и кладбище уже все заровняли. И этого нет, и того нет.

Мы там ходили, потому что по улице Коллективной не пройти - сыро, низина. Шпалы были положены по линии, и мы ходили в школу по линии через американский мост. Мы выходили к мосту, потом к своей школе на Коллективную, там было суше. У нас участок с низины и до магазина был непролазный. Сапог резиновых не было, кто в чем ходил.

У нас из мужиков вернулись папа, дядя Сережа без ноги уже не работал.

В школе учебники давали один на несколько человек. Вот на нас четверых: на Лиду, на меня, на Надю, на Юру был один учебник. По очереди делали уроки. У Лиды мать после войны работала бухгалтером на железной дороге, она нам приносила из каких-то бухгалтерских книг листочки, мы сначала писали на них.

Чернил не было. Чернильный карандаш разводили, чернильницы были непроливайки, и вот мы все по очереди. Она принесет все, мы разделим чернила. Книги читали по очереди. Из тетради давали только одну пропись. У нас чистописание было. Все эти буквы выводили, у нас же косая линейка была. В третьем классе, по-моему, уже меньше нас было. Как-то было более свободно.

Продавали тетради на рынке. Помню, купила - мама дала деньги. Начался дождик, и я запихала ее сюда. Бежала-бежала и, видимо, она у меня оторвалась. Обложка осталась, а тетради нет. А было все очень дорого. И парты у нас были: прямой стол, к нему приделана скамейка, то есть целиком стол со скамейкой.

Здесь был большой коридор, мы занимались физкультурой, вроде зарядки. Не было никаких спортивных снарядов, чтобы нам заниматься. Коридор был на два класса. Учительская. Я была очень большая ростом, здесь уже выросла, сидела на последней парте. А Славка Варламов, почему его звали кот - он был хулиганистый мальчишка, ну, озорной. Он сидел на первой парте и выстрелил в меня из рогатки. Знаете, резиночку так надевали на палец, оттягивали, пульку на нее и пуляли. Он пульнул в меня. Парт много, у нас класс большой. Я натянула резиночку и в ответ стрельнула. А учительница Фаина, забыла как ее отчество, по географии карту вешала, стояла спиной. В это время поворачивается, и что вы думаете, я ей в лоб попала. Славка-то наклонился, а я стрельнула. Она поворачивается: «Кто это?» Я встала. Она говорит: «В тихом болоте черти водятся!» Я училась-то хорошо и была примерной девочкой. Мальчишки хулиганили. И что делали: у нас косы большие, они привяжут сзади косы к сиденью. Встаешь - и все с криком. То кнопки подложат, то еще чего. Были хулиганистые.

Класс был у нас хороший. Первая учительница, Мария Владимировна, была очень внимательна к нам. Понимала, наверное, что трудновато нам, занималась очень. Потом в третьем классе была Вера Львовна Щеголихина. Добрым не вспоминаю. Любила давать всем прозвища, мы ее все не любили. Это третий класс. Мы уже в новой пристройке, в новой школе на Коллективной, 68.

Она нас довела до четвертого, в четвертом классе пришел Василий Николаевич Гнусов. У нас он был самый главный. Он долго на Коллективной жил, напротив построил дом. А до него была Румянцева Елена Васильевна. Потом была директором женщина, я не помню, как ее зовут. Когда в четвертом классе мы занимались биологией, у нас был участок садовый рядом с фабрикой «Север», ходили туда работать, выращивали все.

В школу я пошла в 1945-м году, в 1946-м году окончила первый класс. В 1956-м году закончила десятый. Уже стало несколько школ.

Была Белая школа. Когановича была улица, а не Вокзальная. Ребят было очень много. В нашей школе были дети с Гражданской Набережной, Красной Набережной, с Коллективной ребятишки. Была школа Корчагинская: там, где сейчас церковь - Корчагинская напротив. Где сейчас каменное здание, была вечерняя школа, была и деревянная двухэтажная. Но она недолго была. Потом появилась на Балашовке начальная.

Семилетку мы окончили на Коллективной в этой школе. Тогда можно было поступать после семи классов в техникум. Я училась хорошо, мы пошли в Белую школу почти всем

классом, многие закончили десятилетку. В восьмом классе родители что-то платили за нас, это введено было на один год. За восьмой класс плата была.

Я не хотела в техникум. Уже восьмой мы учились, там новые учителя. Первая учительница наша классная была Анна Сергеевна Кузьмина. У них династия Кузьминых - учителей из Саблино. Мы и после окончания школы долго к ней ездили с приятельницей с одноклассницей. У нас сборный класс получился. Мы немецкий изучали, а одна была Света, она английский изучала, Надя - французский, а один был педагог - Борис Соломонович Петельман.

Мы пришли туда в Белую школу, а там спортзал, кольца, канат, а мы-то неготовые. Приходили вечером, когда зал свободный, и тренировались. Потому что мы о брусьях вообще понятия не имели, как с бруса соскочить или забраться на канат. Или через коня перепрыгнуть. Мы занимались.

У нас была классная руководитель Анна Сергеевна Кузьмина, учитель математики, и Семен Ильич Лившиц - химик знаменитый, был такой педагог. Он так строго спрашивал, но у него никто химии не проваливал в институте. Гонял нас безбожно, но мне легко было, давалось все легко. Задали нам в восьмом классе разложение многочлена, а это в девятом проходили. Я ночь просидела, многочлен разложила. Ребята говорят: «Решила?» Я отвечаю: «Решила!» Я одна, дура, решила и разложила. Анна Сергеевна приходит: «Ну что, решили? Кто решил? Да тебе помогли!» Она не верила. Пока я ей не рассказала, как всю ночь просидела, целую тетрадь переписала. Ну, по интуиции разложила, а объяснить, конечно, не могла. Просто подгоняла.

Я училась в девятом почти на одни пятерки, на медаль шла. У меня очень хорошо шла математика. Мне рекомендовали идти в техникум, а я хотела в медицину.

В девятом классе первого апреля маму парализовало - инсульт. Отец бросает нас. Она в конце улицы жила. Вместе работали, она потом построилась напротив. Я долго не общалась с ним, то есть осталась без средств, без всего. Все хозяйство вела мама. Она мне говорила: «Успеешь настираться, наготовить!» Готовить я могла, а стирать она мне не давала. Маму сняли с работы, на маму он платил по суду.

Какая учеба? Спасибо учителям, понимали все, знали, что такое положение получилось. Мне нужно ухаживать за мамой, еще хозяйство. Корову продали, мама лежачая. Сестра вышла замуж, уже к тому времени строила дом. А в то время, чтобы построить дом, денег нужно много было. И помочь она мне не могла.

Я чуть не съехала вообще, я хотела бросить школу. Анна Сергеевна - ни в какую не позволила. Она придет в класс, глянет так на меня, то есть она собирается вызвать. А я мотну так головой тихонько, чтобы она меня не вызывала. Надо было ухаживать за мамой, варить и стирать – все! Готовиться иногда было некогда.

У нас была по литературе Белла Михайловна Левина, маленькая такая женщина, еврейка. Вот уж как преподавали литературу в то время - не так, как сейчас. Вообще меня они все поддержали. Но я, конечно, съехала на четверки. Только благодаря учителям, соседям закончила. Много помогали мне. Я хотела в медицинский, потому что мама заболела.

Мама встала, в августе пошла. Вы знаете, какая была радость в больнице! Я пришла, тетя Тася, санитарка, говорит: «Валя, сегодня мама встала у тебя. Я ее держала!» Это была радость такая, как первые шаги ребенка. Маму взяла домой, она хоть ходить стала, слава богу. Рука не действовала, нога косила, но она хоть ходила. Уже не нужно было ее белье стирать. Вот сейчас памперсы есть, тогда же не было ничего. В общем, школу более-менее я тянула. Остальные меня подгоняли, девочки помогали. Все равно на пятерки вытянула. Экзамены сдала.

Уже идти в институт. Я хотела в педиатрический. Мы двое сидели: Лида Иванова и я. Нас звали «парта медиков», потому что мы с ней вдвоем в медицинский хотели. Тогда еще, в 1956-м году, в последний год медалисты шли без экзаменов. Я хотела в педиатрический и поехала. Здесь

еще ходили поезда. Мне полчаса до станции идти, поездом почти час, а педиатрический на Литовском был. В общем, съездила, посмотрела, поговорила. И подумала: надо истопить печку, надо маме приготовить, а деньги где возьму на проезд? Надо дрова купить.

В общем, я не стала поступать. Решила год поработать, хоть чтонибудь заработать. В 17 лет умеще не тот. Пошла поработать, поработала. Уже вижу, что не вытянуть. И я подала в медучилище документы. Меня там женщина в приемной уговаривала идти на рентгенолога: «У тебя одни пятерки, без экзаменов иди. Почему ты на лечебное-то?» «А вот хочу. Мама болеет, я хочу пока хоть это закончить».

Поступила. Это училище на Измайловском, недалеко от Варшавского вокзала. Последний медицинский выпуск. Там рентгенотехническое отделение. Мальчишки у нас учились отдельно. Готовили для флота. Мы практику проходили при военно-медицинской академии. Девочки отдельно, а мальчишки отдельно. У них другая была полготовка.

В то время люди были добрее, чем сейчас. Я пошла учиться, а надо ездить, надо сварить, надо сготовить. И вот соседи, у них сын был инвалид детства, он не ходил, вторая дочь тоже не очень здоровая была. Сами они бедно жили. Если я уехала, накормят маму, напоят чаем. Помогали - учись только. Летом предложили работать нам. Наша руководительница знала, что у меня такое положение. Я девочкам не говорила никому, одевалась в одно и то же: кофточка и юбочка, больше ничего. Было все по копейке. Стипендия-то маленькая, хоть и повышенная, так денег на дорогу надо. Дали материальную помощь - хоть на дорогу, на билет.

Ясли №75 в Ленинском районе Ленинграда летом выезжали на дачу в Токсово и набирали дополнительный персонал для ухода. А санитарская ставка была тогда 375 рублей. В мае мы еще экзамены сдавали, а уже работали, ездили. И соседка скажет: «Накормлю мать, не волнуйся!»

Отец разделил дом. Когда он ушел, он разделил дом по суду с матерью. Мама инвалид первой группы. Никто не покупал. Все знали маму, и никто не хотел эту часть дома купить. Поселилась медичка Юлия Петровна Торопова, тоже добрый человек. «Валя, помогу, когда я дома, я маму справлю!»

Я приезжала через 10 дней. Везде были люди душевные. Там сестра в яслях старшая, я ей рассказала, что мне надо выходной. Она мне 10 дней ставит работы и три дня выходных давала. Я приезжала, маме стирала, готовила и уезжала. Заработала за лето на пальто зимнее, у меня его не было.

Закончила с отличием, а в институт идти - денег нет. Ну, закрутилось, вышла замуж. Так и все. И осталась я в скорой работать. Только три месяца в больнице была. Уходил фельдшер Виктор, бывший военный, и я поступила на его место. Тогда была одна машина, пешком бегала по молодости. До Балашовки за 30 минут с сумкой добегала. Машина была и на поликлинику, и на вызовы. Люди были не такие капризные, как сейчас.

Как первые диспетчеры работали? На лошади ездили после войны. Все врачи участковые были фронтовички. Анна Дмитриевна Родина - красивая женщина, Куликова Александра Борисовна. Пешком ходили тоже, никто не претендовал на машину. Я-то когда работала, уже была машина. А машина была и в поликлинику, и врачам на вызовы.

Поликлиника была напротив милиции деревянная двухэтажная. Когда я пришла, в больнице поработала в хирургии. А потом на скорую. Там в амбулатории деревянное двухэтажное здание. На той стороне была улица Пионерская напротив милиции. Милиция тоже была немного другая. Там сейчас маленький магазин «Магнит», по-моему. Яблоня еще остались от Кондаковых. Дом у них был, Барабанов дом и поликлиника была в глубину. В глубине напротив была поликлиника деревянная с печным отоплением.

Рядом с Кондаковыми был дом на четыре окна, а здесь Барабановых дом. Большие старые дома, на пять окон, по-моему. А улица Пионерская проходила рядом. В переулке у Колхозной на углу стоял двухэтажный деревянный дом.

Санитарка дрова таскала на второй этаж, кабинеты были, все врачи были фронтовые. Ходили, а лошадь была до меня в 1955 году. Римма Стефановна была фельдшером, она работала на лошади. Возил Вася такой. Лошадь была приучена к пиву, и он сам пил. У ларька лошадь останавливалась сама, ждала. У нас по одному фельдшеру дежурили, врачи в поликлинике почти все были фронтовики старые. Капралова была строгим доктором. Тоже доктором была настоящим, не то, что сейчас - на тебя и не смотрят, не глянут.

И назначения скорая делала, потому что сестер было мало. Антибиотиками лечили же много, и врач, если пришел, все рассказывал, спрашивал. Теперь такого нет.

Горохова Алевтина Александровна

Я, Горохова Алевтина Александровна, родилась в 1937-м году в Тосно. Все деды и прадеды здесь жили, на улице Коллективной. Меня крестили в этом доме, дом уже был новый. И вообще Коллективная - это спальный район, никаких предприятий не было, в последние годы был цех в конце Тосно. Домики были. Если идти к Ленинграду, домики были только на правой стороне, и то с перерывами, а на левой стороне несколько только было домов. Коллективная - это улица через висячий мост.

Мост несколько раз сносило водой. Потом сделали подвесной. И когда перейдешь мост, были домики одноэтажные и заборы. А через

заборы - или акация, или розы, и не было этого пивного ларька.

У нас в семье было трое детей: два брата и я. Мать и отец. Моего отца звали Александр Андреевич Горохов, а мама - Мария Павловна Попова. Ему было двадцать девять лет, а маме было двадцать шесть, когда они поженились. Они были очень симпатичная пара, отец высокий.

Вот большой мост перейдешь, старый мост, через Тосно-реку, - первый дом Корчагиных стоит, а второй - двухэтажный. Одно половину снесли, а вторая стоит, это дом маминой мамы - моей бабушки.

У отца, Горохова Александра Андреевича была инвалидность. Он не попал ни на Финскую войну, ни на Великую Отечественную. Я хотела сказать, что отец из Смоленской области, город Рославль. Там два депо - и все машинисты. У отца все родственники - два дядьки машинисты, отец машинист. И брат отца Андрей Федорович.

Уотцабылодинбрат-дядя Андрей. Довойны онприехалв Петербург из Смоленска. Дядя Андрей приехал молодой - лет в семнадцать. Хотел быть моряком. Он и служил во флоте в войну Отечественную. Отец приехал к нему, но позже, и остался. Отцу было, наверное, лет

Горохова Екатерина Филипповна г. Рославль, Смоленская область. Жена прадеда Андрея Федоровича Горохова 1870 год

Курорт Кисловодск, 1906 й год, Прадед Алектины Александровны - Андрей Федорович Горохов, Он. отец отца Алектины Александровны - Горохова Александра Андреевича

работал машинистом. А у него был знакомый - дядя Ваня, работали вместе - один помощником, другой машинистом. И дядя Ваня говорит: «Саша, поехали на танцы в Тосно!» И вот они приехали, и с мамой отец познакомился.

А мама коренная, тосненская, с 18 века здесь. Во всяком случае, последнюю войну с турками еще прадед воевал. У мамы девичья фамилия — Попова. Мария Павловна Попова. У мамы были сестра Александра и брат Алексей, который погиб. Онега Павловна — моя двоюродная сестра.

Родителей моей мамы звали Наталья Карповна и Павел Тимофеевич, а родителей бабушки (моих прабабушку и прадедушку) звали Донна Ивановна и Карп - не знаю отчества. У мамы отец строил ветку поповскую, возили они платформы, мама вспоминала, как на платформы с отцом ездила и в Шапки возили песок. Когда Николаевская дорога была построена, тогда они сюда приехали.

Представляете, отцу сорок лет, а женщины все были совхозные поля засеянные овсом и тогла

молодые. Тосно только начал отстраиваться. Говорят, были совхозные поля, засеянные овсом, и тогда застраивались Володарская, Летная и Коллективная.

Горохов Евгений Александрович, старший сын Александра Андреевичаг. Санкт-Петербург, 1936 -й год

Мама родилась за рязанским магазином, дом у них там был. А так как мама была с проспекта Ленина, то она выбрала вариант на Коллективной. Тогда давали усадьбы: Володарское отстраивалась, Летное. Двоюродные братья мамы - дядя Вася Макаров, дядя Андрей Корчагин, дядя Миша Корчагин - все на Летной построились. А мама не захотела на Летной, потому что ее мама жила на проспекте Ленина, а там не разрешали строить. Застраивались на Коллективной.

Мама, даже если посидеть вечером собирались, уходила туда, на родину, к сестре, к соседям. И соседки меня не звали Аля, только Алечка. Мама там выросла.

В 1941 году мне было четыре года. Отец летом оказался на костылях. Немцы пришли - он на костылях, у него была травма позвоночника. В 1941 году дом наш был новый. Домики все были новые, где наши дома - пять домов были Ежкины. Все однофамильцы, но не родственники. И на этой стороне тети Пани дом, а на другой стороне - тетя Лиза, тетя Маня Ежкина, тетя Люся, четыре дома Ежкиных - просто однофамильцы. А потом несколько домов было: тетя Лена, Михеенко дом и наш дом.

Младший брат у нас родился в роддоме на улице Гоголя. Он с 1940 года. И он начал ходить, когда пришли немцы. Он перестал ходить от голода. Он лежал в корыте, потому что все время спал,

но не спал, а лежал, потому что ходить не мог. Немцы в комнате, а перегородки еще не было, а мы в уголке. И вот немцы его звали «Виктор - русский партизан». А он ходить не мог, что с него взять, и они в шутку: «Русский партизан, который живет у нас».

Женщин и мужчин заставляли работать. Напротив был такой сарай, где хранились дрова, там еще что-то, и женщины пилили дрова. Бывали лошади там брошенные. Немцы почему бросали лошадей? Думали, что население будет их есть - голод был страшный. Отец не мог есть конину.

Мы с соседкой и с сестрой пилили дрова. И вот, я помню солнечный день - это уже 1941-1942, 1943-й год. Младший брат сидит на стуле, я побежала за мамой, а он просит: «Ням-ням!» Голодали страшно. Немцы подкармливали, у соседей немцы жили, и они на пекарне работали. Так вот, они принесут буханку хлеба, а хозяйка с соседнего дома не разрешала нам давать. У них не было детей. А так много детей в каждой семье - по четверо, по пятеро, по двое, по трое. А немец скажет: «Марии, киндер».

Я хочу сказать, что мама всегда вспоминала Вилли, который приносил хлеб. Всегда говорила: «Если ты Вилли жив, доброго тебе здоровья, если нет - царство небесное». Вот это она всегда помнила

Они нас жалели что ли. Госпиталь был, где фабрика «Север». Так женщины туда обращались. От голода были все худенькие. Когда началась война, мама рассказывала, что из Любани бежало очень много наших солдат. Мама говорила, что помнила двух девушек военных, переживала, успели ли они до Колпина добежать или нет. Потому что бежали из Любани пешком. Там уже немцы наступали, и наши войска разрозненно бежали с той стороны.

Мама рассказывала, паники было много. Сколько их приходило! Кто захотел попить или что еще. А когда война началась, мы все ушли в лес, там были построенные землянки. А мама говорит, что я еще младшего брата несла, какая уж я там носильщик была, не знаю. У мамы брат дядя Леша. Он сказал: «Маня, я не пойду!» И остался дома один. Все ушли. И он не ушел, встретил немцев здесь, сказал: «А я не уйду, Маня!». Он погиб у нас.

Отец (Андрей Федорович Гимназист

Горохов) Смоленск,

Отец Александр Андреевич Горохов1960 й год (фотография с доски почета)

У него был белый билет, пришел к маме, и от голода говорит: «Так хочу чаю, больше ничего!» Мама говорит: «Ну завари чего-нибудь: моркови или листьев каких с кустарника!» А он в ответ: «Нет, хочу только чаю!» И пошел от нее. И, говорят, большой мост перешел, может быть, плохо было ему или с кем-то разговаривал. Немцы забрали его - и все.

Мы думаем, что он был расстрелян тут у банка. Так и пропал бесследно. Тогда были трудные времена, никто не думал искать родных, и мама с сестрой никогда не искали его, а так хотелось узнать, может, какие-то сведения и есть. Но я его на памятнике увековечила, несмотря

Был такой полицай Миша Каменский, и мама у него по бабушке дальний родственник. Она ходила и просила: «Мишка, скажи, куда Лешу отправили». Он сказал, что отправили работать в город Шимск. Ну, кому он нужен с белым билом! Расстреляли, мы так думаем. Брат был младший, такой красивый. Наверное, сорок с чем-то, может быть, моложе. Жил с сестрой и племянницей в доме.

Так как мой брат младший не ходил, то старший брат с консервной банкой ходил по всему Тосно. Женя у нас тоже очень красивый был, и красивый просто необыкновенно - красивее Тихонова! Он ходил с консервной банкой на Балашовку, везде, немцы ему то похлебку дадут, то еще что-нибудь. Нападали мальчишки, отнимали у него. Он принесет и говорит: «Мама, это суп Витеньке, Але не давай».

Там, где бывший Дом культуры, была церковь, здесь же было кладбище. Там отец мамин и дед похоронены. В стороне, я примерно знаю, где, около берега, а потом там была танцплощадка, мы на ней плясали. Кинотеатр был. На танцах мы выросли в этой церкви. Так что я, например, в эту церковь ходить не могу, не хожу. А в войну та церковь работала, где кладбище. Прабабушка уже там. Вторая бабушка, мамина мать, умерла в 1938-м году, тоже там похоронена. А прабабушка - еще раньше, так, наверное, с 1900-то кладбище существует.

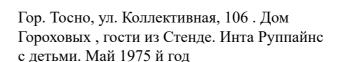
Немцы мальчишек забирали певчими, в хоре петь заставляли. И попался старший брат. Он петь не умел, но его заставляли. Он плакал, но ходил, боялся. Что-то давали за это немножко.

За нами Егоровы жили, у них девочка очень бойкая была, но такая барышня уже была. И вот я ее дочку встретила, Таню, у них немцы дом сожгли. Она что-то нахамила, и дом сожгли.

Мы в лагерь в Ушаки, меняли вещи на хлеб. Мама с тетей Леной, соседкой с Вокзальной улицы, привезли хлеба в конце лета. Немцы прибежали и их забрали. Они сидели, забранные, в здание милиции. Может, которое новое здание милиции или, может, старое, которое рядом. И отец все ходил, узнавал. Их отпустили. Спросили, сколько ребятишек да все такое и отпустили, не расстреляли.

Нас взяли самых последних. Была перина, и везли на таком возу с сеном меня и младшего брата.

Мама в эвакуацию все документы с собой забрала. полно, ни туалета, ничего!

У мамы сумочка была, и все там лежало. Онега с мамой не попали туда, в Германию их повезли. У нас многие соседи остались у русских - реку Белую, мост перекрыли, и немцам туда не попасть. А нас повезли дальше, представляете вагон грузового поезда: народу

А мы были в Латвии. Все были в пересылочном лагере - это Тукумс, от Риги не очень далеко, красивый город. Мы попали по хуторам – все соседи с Вокзальной улицы и мы. Мы попали с Ивановыми - дядя Миша, не помню фамилию. Когда я пошла в первый класс, то дядя Миша с тетей Лизой, забыла фамилию, она мне сшила платье для первоклассницы из гимнастерки. И я до восьмого класса платья не имела,

не носила никогда. Только в восьмом классе мама взяла деньги и купила мне первое платье в Пассаже.

Мы жили на хуторах, а потом нас опять повезли. Работали вовсю, но мы попали к хорошим хозяевам, хозяйства большие. Там много было ушакинских с нами и любанских.

Многие русские мужчины хотели бежать, но попали под расстрел. На разных хуторах мальчишки приходили к нам в гости. Трудно было, но не голодали.

У хозяйки не было детей. Они очень просили оставить младшего брата насовсем. Но мама не отдала, конечно. Потом нас привезли на станцию Стенде, это под Тукумсом. А в Тукумсе был пересылочный лагерь, в котором мы все на учете. Наши соседи были с проспекта Ленина, Летягины. Кому восемнадцать

Гор. Тосно, проспект Ленина 1925 й год

лет девушкам - все работали, а женщины с детьми не работали. Отец ходил на проверку. Я помню, было много народу, и он все время меня за руку держал. Тряслись мужики, боялись. С собаками охрана. Вот это я помню. А жили мы у железнодорожника.

А мужчины, которые могли, работали. Немцы отца тоже заставили. Он работал машинистом на лесопилке, потом дежурным по депо. И когда он работал на лесопилке, его чуть не убили. Он давал свет для всей станции. Такая железнодорожная станция, там узкоколейка была и депо, называлась Стенде. Красивая станция вся в шиповнике была. Я уже была подростком, поэтому помню. Пришли немцы и чуть его не убили - так избили. Он машинистом на лесопилке был и выключил свет, испугался, что бомбили Стенде. А в это время делали какому-то офицеру операцию. Он свет выключил, а в это время шла операция. Умер офицер или нет — не знаю, а после этого у отца начались припадки, видимо на нервной почве. Когда закончилась война, мы это встретили как раз на этой станции.

Молодежь - старшего брата, он 1932 года, заставляли работать, он грузил валуны на платформы. И когда немцы стали сдаваться, он прибежал домой и очень плачет. А мама говорит: «Женя, что случилось?» А он: «Мама, кончилась война, немцы сдаются, война кончилась!»

Ну, тогда оделась мама и пошла. И вошли наши войска, а она с младшим братом на руках. И когда она шла, русские солдаты

остановились и сказали, что мы признали в вас русскую. И один солдат подарил ей кольцо в знак, что закончилась война.

Начался грабеж магазинов, мы набрали печенья, масло, а русские все отобрали. Считали, что не имели права. И когда русские вошли, все мужики напились и спали в сарае.

Как нас обратно везли - не помню.

У хозяина была семья: девочка, как я, и мальчик. Наши ровесники. Мы-то что — дети, играли, а они переживали. Мама работала, она посла коров за двенадцать километров. Перед окончанием войны немцы заставляли работать все время. И так прямо страшно. Даже был такой момент: она была на работе, а немцы объявили, что нас повезут в Освенцим. И заставили Женю бежать за ней. И так он добирался - где кто-то подвезет, где пешком: «Мама нас увозят в Германию!» И нас повезли немцы. А так как русские наступали, то нас немцы бросили. Я помню, это было осенью.

Много людей: мужчины спали на улице, а женщины и дети спали в школе какой-то, кирпичная школа такая. Ну, что делать немцам - сами сели на теплоходы и уплыли. Стали отступать, а нас обратно свезли к этим железнодорожникам, и так мы до окончания войны.

А почему решили, что именно в Освенцим повезут? А говорили! Вот Голополосовы, соседи наши, они тоже с Коллективной, Закамские говорили: «Нас привезли к этим пароходам, огромный пароход». Но говорят, что много пароходов с немцами разбомбили тогда наши русские.

Ну вот, повезли нас обратно, как везли - я не помню, привезли нас в Тукумс. А Тукумс - двенадцать километров от Стенде. Я помню, летом маме кто-то подарил розовый сарафанчик, ну типа купальника, а день жаркий такой, и все население расположили на пригорке, если я не ошибаюсь, показывали нам

фильм «Чапаев».

В Латвии с нами близко жили Бузины-Летягины, они с Рязани, они все взрослые девушки. Так как Витя не ходил, они его так любили, у него чепчик, как у девчонки, они делали ему соску. Тряпочку брали или марлю, туда хлеба крошили и сахарину и так его угощали. Но когда жили уже после войны до 1948 года в Латвии, картошки не было у латышей, мы ели только свеклу и бобы в очистках, как сейчас помню.

У них была клубника своя, яблоки. Давали они это. Но жили плохо, картошки не было. А хозяйка наша шила, по-русски не говорила. Мы с Инторой, ее дочерью, ровесницы, а так как мама у нее швея, мы делили тряпки - так дрались за них! А на чердаке у них гроб стоял для бабушки, и вот мы в гроб прятались.

Сады были большие. Они тоже бедствовали, они и русских боялись, и немцев боялись. Но наворовали всего, когда немцы ушли, в магазинах. В подвал запрятали, А русские все отобрали - печенье, масло. В каждый дом заходили. Люди голодные пошли грабить магазины, да все отобрали.

Меня принимали в пионеры в Латвии. Клятву читали. Классы были смешанные: брат у меня младше на три года, и он с нами учился. Мало русских осталось, все разъехались. А дом такой, уже мы жили не у хозяина, а в другом месте. Когда мы приехали, нам дали комнату. Но картошки мы не видели - ели свеклу, хлеб. Потом перед отъездом появилась рыбка, потому что уже стали рыбаки рыбачить, жилось получше.

Отец от нас ушел, он работал в депо дежурным. А света не было, и машина осветит и как влетит! А у него железнодорожная фуражка надета, думали - офицер, и как дали бутылкой - он в канаву улетел. Русских не любили.

Мы жили у хозяина - он сам наполовину русский, наполовину латыш, латгалец назывался, Петр Иванович - хороший такой. А жена по-русски говорить не умела. Она мне шапочка сшила и платьишко. Я поехала уже с платьем.

А еще брат старший учился в городке, когда мы приехали туда после войны пожить. Городок такой, там была русская школа. Туда нужно было ездить на машине или на чем-то. Мы бы остались в Латвии жить, отцу предлагали место, но там не было школы русской, и отец не согласился: «Мария, поедем домой, поедем домой». Надо было остаться, мы бы хоть сыты были, так бы и остались в Риге жить. Отец не захотел.

Как везли, не помню. Единственное, что помню: приехали мы в Тосно в августе месяце 1945-го года, такой дождь, страшно аж.

Как город выглядел после войны, я не помню. Но со слов сестры двоюродной, в 1944 году, когда они приехали в ноябре, была такая темнота! И проспект Ленина был чем- то застелен, но не асфальт. И вот сестра рассказывает: «Выйдешь, и вдруг такое шуршание начинается! Толпами мыши бегали! Такая темнота и мыши».

Семья сестры приехали из Псковской. Тогда под Псковом мост разбомбили, и их тоже вывозили немцы, но не успели. И они всю войну там жили. Немцев они не видели.

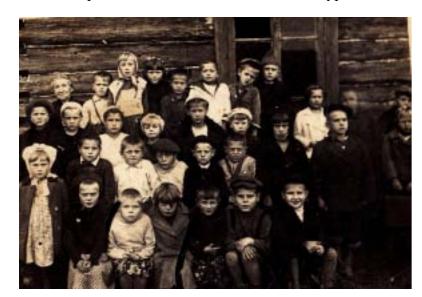
А улицы Тосно были чем-то посыпаны, трава росла, населения не было. Так все заросло. Помню как сейчас - проливной дождь. И мы подошли к дому своему. Жила в нем женщина из Ленинграда. Отец стал стучаться. Как она пустила топором по окошку - хорошо все живы остались. Ну и что, она нас не пустили. Через несколько дней отец пошел в БТИ за справкой. У меня есть выписка: на книжном листочке написано от руки, что домовладение нам принадлежит. Ну, еле ее выселили, а в дом не войти - соседи, когда немцы ушли, распоряжались, как хотели. Кто-то возвращался раньше, в 1944 году приехали и выпилили на дрова все, т.е. дырка - в дом не войти.

Отец с братом, брат моряк у отца, в лес ходили, каких-то жердочек настелили. Окошко каким-то мешком заделано, стекол не было, только верхнее стеклышко во фрамуге или в форточке. Брат ведь четыре года не ходил, когда мы приехали, он был маленький очень. И с отцом они ходили в лес, он носил такие жерди, такие дрова, у него ноги даже подгибались. Маме говорили: «Мария, у мальчишки сломаются ноги!» А топить-то было нечем, он такой был старательный, помогал.

Отец 1901 года, ему было сорок лет, а мама моложе на три года. Сорок лет, представляете! До войны жили хорошо. А тут кровать нашли после войны у Михеенковых, нет шкаф, а кровать выкупили у Мамаевых. И вот он приходит - дом весь разграблен. Стол нашел на проспекте Ленина у Саутиных,

кое-что собрали.

Если животные есть, то налоги. Мама с отцом поехали покупать цыплят, цыплят не было в городе, и они купили двух утят. И вот пришла фининспектор Мария Филипповна, я ее помню, как сейчас. А мама говорит: «У нас никого нет!» Со всех куриц, коз налог брали. Две козы у нас было. Я в десятом

классе училась, сюда под маленький мост гоняли стадо. Маме нужно на работу, а я перед школой доила Зорьку. Я ее подою, она раз - и молоко прольет, ну я ее...

Когда мы приехали в Тосно из оккупации, мы пошли с соседом Славиком Ивановым за руку, мы с ним в одни день родились. Побежали в школу, но школа у нас была еще не построена. Мы учились в частном доме у Закамских. Только не у Тамары Федоровны, а у тети Нюры, у родственницы, через один дом. И сейчас он стоит.

В нескольких местах мы учились. Я недавно пошла к Лене Грачеву, он напротив школы железнодорожной живет. Говорю:

«Леня, в каком году нам построили школу?» А он говорит, что нам никто школу не строил, школу начали строить немцы для себя.

Первая учительница у нас была Екатерина Ивановна Румянцева. Большая изба была. Ручки были, непроливашки были. Потом приехала женщина, учительница по русскому языку, Надежда Тарасовна Подольская. Она долго преподавала. Потом уже, наверное, она заканчивала в железнодорожной школе преподавать. Я-то после восьмого класса перешла в эту в среднюю школу. Значит, в первый класс я пошла в железнодорожную школу, которая в избе была и находилась на Коллективной, потом эта школа перешла в бывший детский сад на Коллективной.

Там много было классов, и как-то ее быстро открыли. Не было еще электричества.

А мост наш сносило несколько раз - то наводнение, то молодежь разберет.

Я училась в железнодорожной школе семилетку. Учителя железнодорожники еще живы - Тимофеева Лидия Ивановна, вот она жива, она в добром здравии. Я ходила на кладбище, смотрела могилы учителей — моя первая учительница Румянцева Екатерина Ивановна родилась в 1890 и умерла в 1960 году. Муж ее, тоже преподаватель - Михаил Аверкович Румянцев, 1882-1949 годов, мало пожил. Старший брат уже учился у Михаила Аверковича, а я у

Екатерины Ивановны училась. У нас меняли очень много преподавателей. Очень много было учителей в железнодорожной.

Я вот даже не знаю, почему ее так назвали железнодорожной. Очень много было с совхоза молодежи - татары, белорусы. Совхоз был населен, потому что работать-то надо было, и всех приписали. Ну почему железнодорожная? Из соседей никто в основном не железнодорожники, на Ижорском заводе работали, в Тосно много работали. Молодежь была хорошая.

Мы по месту жительства приписаны. А на нашей улице через несколько домов жила директор

Драник Екатерина Васильевна - директор второй школы. А у нас директор был Румянцев Николай Александрович. У этих учителей Румянцевых сын Сергей Михайлович преподавал физкультуру во второй школе. Ему построили напротив железнодорожной школы дом, и они жили здесь. Он и жена, Елена Васильевна, она не работала. Рядом тоже жили учителя, муж с женой, преподаватели нашей школы. А рядом директор жила Валентина Васильевна, по мужу Драник.

Мы не только в одном доме учились у Закамских, еще у Казакиных. Дали нам еще по русскому языку педагога - Надежду Тарасовну, она с Украины педагог, она снимала комнату у Валентины Васильевны Драник, у нее один сын. Она была настолько строгая, не одно поколения учила.

Екатерина Ивановна с родителями похоронена и Михаил Аверкович. Но никто не ухаживает. Вот, что обидно. Я, что могу, делаю. А Сергей Михайлович похоронен в другом месте, и жена умерла, а дом у них за американским мостом, а внук живет в Ленинграде, может, продали домик.

Ольга Ивановна, она ботанику вела,

жила на Коллективной, фамилию не помню. Вот Нина Соловьева должна помнить, она у нее училась в первом классе, она на этой стороне жила, домик у нее тоже тут, близко стоит, до сих пор сохранился. Они с сестрой жили, но уже никого нет в живых. Потом кто еще - Фаина Николаевна с Василием, фамилию забыла, около школы жили, рядом с директором, дом с домом.

В школе нас не кормили, но праздники после войны, елки все-таки делали - подарки и мандарины были. В школе давали подарки на новый год.

Музыкальным преподавателем Неля Альфредовна стала. Она молоденькая приехала. Мужа фамилия Сенашкин. И уже в новой школе с младших классов она вела пение у нас. Мы ездили с концертами в Ленинград - с целым хором. Надеть было нечего, а у нас соседка Валя, она на Вокзальной жила, она мне одежду давала. Они приехала из Германии, но в Германии, видимо, они устроились както хорошо, что у них была одежда. То юбку даст, то еще что-нибудь. А так нечего было надеть.

Фотографий в девятом, десятом классе у меня нет общих, потому что не было денег фотографии купить.

Мама работала на железной дороге, папа тоже на железной дороге работал, бедствовали, все голодали, все рванные, голые, раздетые, разутые. У меня брат младший 1940 года. Он учился с троюродной сестрой вместе в восьмом классе. Бывает со мной сядет и говорит: «Я каждый день есть хочу!» У нас были куры. «Витенька, ты сходишь, продашь яички?» Витя прибежит: «Мама, продал, с меня налог не взяли, у меня девять штук только!» Ходили за ягодами и за грибами.

У нас была железнодорожная поликлиника. Между путями стоял вагончик, где башня водонапорная, тут за станцией и там была поликлиника. Мы ходили туда, вот это я помню, как сейчас.

Джигалюк (Гаврилова) Валентина Григорьевна

Я, Валентина Григорьевна Джигалюк, в девичестве Гаврилова. До войны я жила в деревне Воскресенское. Раньше оно называлось Вандино, здесь жил помещик Вандин, поэтому по его фамилии назвали Вандино. Когда его раскулачили, деревня наша пропала, а почему стало Воскресенское, я не знаю. Его раскулачили и сослали в Сибирь.

Мама родилась в 1901 году, папа — в 1892 году. Вот настолько он был старше мамы. Ей было 18 лет, а ему уже почти 28. Маму звали Клавдия Александровна, а папу Григорий Иванович. Мама работала на пороховом заводе № 52 в пороховом цеху.

Все здесь, в деревне Воскресенское жили: мамина сестра, которая в Эстонии, младшая сестра, она в 1922 году родилась, она вышла за украинца и попала Приднестровье, в Молдавии она умерла. А еще были два брата, один брат погиб — Сергин Петя, был в Ижорском батальоне. Буквально в первые дни войны погиб. На обелиске есть его фамилия. На обелиске в Красном Бору. А старший мамин брат умер еще до войны.

Папа окончил курсы машинистов, он работал машинистом на этом же заводе, где и мама. Перед началом войны папу эвакуировали, он должен был ехать с семьей. Папу эвакуировали за Урал, у него была бронь. У нас была корова, хозяйство было свое.

Сестра родилась в 1921 году, к войне она уже была начальником почты. И ее тоже эвакуировали. Брат родился в 1923 году, он добровольцем ушел в партизаны. Был в партизанах в Псковской области. Как потом было написали в похоронной, его снайперская кукушка немецкая убила, он был пулеметчиком. Звали брата Виктор. Так что я осталась одна. Родилась я в 1937 году, маме уже было тридцать шесть лет.

Когда началась война, в августе здесь уже были немцы. Нас из дома выгнали, жили мы в сарае. Я не знаю, то ли это были немцы, может, чехи, но одного звали Ян. Я запомнила это имя. Он меня всегда угощал конфеткой, он говорил, что у них была своя баня: «Матка, два хлеба, два веника, чтобы стопила

баню!» И он никогда не обманывал. Мама стопит баню, веники даст, а он обязательно принесет два хлеба. Обязательно.

В 1942 году здесь уже было очень тяжело, плохо. Меня посадили на санки, у мамы были насушены сухари, и мы поехали на санках. Я на санях, а мама пешком. Доехали мы до Любани. Нас вернули, приехали мы обратно. Так как кушать было совершенно нечего, мы поехали второй раз.

Доехали до Саблина, нас погрузили в вагоны и повезли. И привезли нас в Эстонию. Там в Эстонии мама случайно встретилась со своей сестрой Евгенией. Она тоже была там как узница. Она там познакомилась со своим будущем мужем —

эстонцем. И после войны она так и осталась в Эстонии, похоронена она на центральном кладбище в Таллинне.

Нашу деревню Воскресенское в основном разбомбили наши – Ижорский батальон, так как у нас стояли немцы. Немцы туда, а они оттуда. И ни одного дома у нас не осталось.

Приехали, а жить негде было. А папа уже нас искал, он уже приехал сюда. Был старый кирпичный завод. Там стояли у пресса Владимир Иванович и Федор Иванович. Один жил у нас, а второй всегда приходил к нам в гости. А жил Федор Иванович в Перевозе у кого-то, где-то снимал, вроде. И как был неженатый, так он остался холостяком. И жили мы в землянке. Я не знаю, чья это была землянка, то ли немецкая или которая просто была вырыта нашими. В общем, я, мама, папа и папина крестная Люба Киселева — моя двоюродная сестра. Мама, Павел и ее бабушка, тоже четверо — восемь. Еще с нами жила Андрианова Александра, она мне тоже двоюродная сестра, вот она, дядя Вася и тетя Дуня, в общем, одиннадцать человек. Все в одной землянке. Спали мы на полу, очень много было клопов. Расстилали по бокам траву и поливали водой. В туалет выйти боялись, потому что приходили волки. Как сейчас я помню: волки встанут и так воют на землянку, очень было страшно. И был страшный голод.

Это был 1945–1946-й – год. Нас освободили в сентябре 1944 года, нас накормили. Наша Красная Армия накормила нас кашей пшенной с тушенкой. До сих пор эту кашу помню – такой запах, так было вкусно. Не сварить сейчас такую кашу, очень вкусная была. Банок много было, гвоздей было много.

Терки с этих банок делали и кору с березы терли для еды.

Это уже когда вернулись сюда – в 1945 году. Терли, собирали траву. Я сейчас и не вижу такой травы: маленькая, как пуговички, в середине маленькая дырка, точно как пуговичка. Собирали эти «пуговички», толкли. А потом по весне стала расти крапива, лебеда. И вот это все мешали – и в коре, как панировка получалась в сухарях, так и жарили. Очень было вкусно. А потом по канавам росло очень много «дудок». Я не знаю, сейчас они растут или нет. Мы их чистили и ели. Очень вкусные были.

Потом пошла в школу, учила нас Антонина Григорьевна Петрова. Писали мы сначала карандашом, на газетах писали. Не было ни бумаги, ничего. Чернила замерзали в классе. Антонина Григорьевна была строгая, но мы все ее любили. До четвертого класса она была у нас. Вот так жили.

В Эстонии, мы жили на хуторе. Мама была на сельскохозяйственных работах, а я дома. А мама занималась сельским хозяйством. Эстонцы относились, вроде, и неплохо. Не голодали особо. Какуюто баланду давали. Здесь в 1946-м году голодали, я лежала вся опухшая. Лежала и даже не могла

началась.

ступить на ноги. И так как не было сладостей, не было питания. Я быстро зубы и потеряла. Как объяснили врачи, не было питания деснам, цинга

В марте 1945 года мы вернулись. Нас в сентябре 1944 года освободили, а привезли уже в марте 1945 года. Здесь были только одни Кабановы, больше никого не было, никого. А Минины еще были, потому что Минин дядя Саша был старостой от немцев, и они здесь были дольше всех, а потом приехали быстро, не знаю, где они были, может, тоже в Латвии, не знаю.

Директор Дома культуры был Волхонский. На месте Дома культуры сейчас здесь магазин «Полушка». Здесь еще была подвесная дорога от «Полушки» до рынка.

Еще катались. Был трос, а на нем люлька была. И каждую субботу и воскресенье, мама рассказывала, там была такая терраса, куда выходил духовой оркестр и играли танцы.

Волхонский очень такой деятельный был. На своем месте был. В школу ходили по дорожке через ручей. А вот история о минном ручье: как к Белой даче идти, то там под мостом была мина, машины над ней ездили. Пока доска не обломилась. Тут увидели, что это противотанковая мина. В Перевозе же тоже было все заминировано. Когда вызвали минеров, они сказали, что вообще не знают, как до сих пор мы еще здесь живем. Как она рванула! Они ее потом взрывали.

Голод был страшный, есть было совершенно нечего. Я просила хлебца, помню: «Хочу хлебца, мама, дай хлебца!» Карточки потом ввели, у меня была детская карточка, давали печенье на карточку. А папа очень любил сладкое. Он не пил, не курил, никогда в жизни бутылки пива не выпил, у него было очень крепкое сердце. Делим печенье на троих. Мы-то с папой мигом, а мама мне: «Ешь, Валя, печенье!» «А ты чего?» «А я не хочу!». До сих пор это помню. Когда у меня уже дочь была, я думаю, как же мама не хотела печенье, что она мне-то отдавала. До сих пор это печенье люблю, которое давали по карточкам: кругленькое, маленькое! До чего же было вкусно! А еще ириски плитками. «Ой, мама, купи мне хоть одну ирисоньку, мама, ну купи, хоть одну!» Так хотелось. А сейчас другое время. Изменилось многое, конечно.

Класс был большой, были же переростки с нами. Был Мишка Королев, он 1934 года рождения, потом Лида Баранова, она тоже 1934 года рождения, потом Женя Сысоев и Вовка Сысоев, они все старше нас.

Мне все прощалось, я была по дисциплине двоечница, мне ничего не составляло сорвать урок. Меня поднимут, я отвечу. А вот Анну Алексеевну я так боялась, что страшно было в класс идти. До сих пор помню все стихотворения. Тихонов Семен Андреевич был директор школы. Анна Ивановна была библиотекарь.

А как срывали урок? Нас четырнадцать человек. «Давайте сорвем урок – и на речку!» Или у нас был класс внизу, мы все шли на второй этаж. Педагог сзади нас, старенькая. Мы – вниз и на речку. Вот

какие были противные. А сейчас говорим, что дети плохие.

В восьмой класс я ходила в первую школу. В 1953 году перешла в 9 класс, и в 1955 году закончила. В прошлом году было шесть десят лет, как закончили школу. Лидия Дмитриевна была нашим классным руководителем, и весь наш класс в Захожье стоял на лыжах.

Немецкий вела сначала Валентина Владимировна. Дина Михайловна у нас была, но она нас не учила, нас учила Валентина Владимировна. У нас в седьмом классе двенадцать было Валь, а тринадцатая — учительница. Да, все Вали. Горюнова Валя, сестра Любы Ляминой. Сысоевы — это Волковы. Мы все с прозвищами были. Павловы были Бойцовы.

Лидия Степановна Соловьева рассказывала, что, когда дочка подросла уже, была уже девушкой, пришла с танцев и говорит: «Мама, я с таким парнем хорошим познакомилась, уважительный такой, славный такой». «А как парня зовут?» А она говорит: «Олег

Дубоусов!» «А это твой троюродный брат!» «А, везде родственники!» Плакала долго. Ну, что такое: как хороший парень, так родственник.

Дубоусов Анатолий Алексеевич был директором клуба, и мы ходили все в самодеятельность — и танцевальную, хоровую. Так здорово. У нас же у каждого цеха каждую субботу был свой концерт. Были призы те, кто хорошо станцевал, кто хорошо спел, пары были танцевальные. А деньги где взять? Газостанция работала: придут вагоны с углем, разгрузим — нам заплатят. Покупаем призы. И тогда каждого награждали: лучшую пару танцевальную, лучшего плясуна, лучшего говоруна. Веселее было, мне кажется, раньше.

А сейчас дети и в игры не играют. Нас было не загнать: то лапта, то прятки, то еще чего-нибудь: лапта круговая, беговая. Военные здесь стояли, приходили к нам в Воскресенское играть в лапту. Да еще остались парни, которые женились на наших девчатах. Плыгавко, Сухомлин, женился на Вале Сироткиной Шаблистый.

В основном все были хохлы, но, мне кажется, они не восстанавливали завод. Ну, в Захожье стояли еще немцы пленные. Там они работали, но их никуда не выпускали. А потом не знаю, куда их дели.

Так у нас же немцев много здесь осталось. Мама рассказывала, когда Бадаевский завод открыли стекольный, Ландграф, Нахман, Штадлер были вызваны Петром I мастерами этого стекольного завода. А потом они остались, женились.

Мама рассказывала, что церковь Никольскую немцы разбомбили. Полностью, до основания. Ограда осталась, потом были плиты: купцы первой гильдии, второй гильдии, третий гильдии – все было, и ограда была большая круговая.

Захожье так гремело. Там возили кварцевый песок для Бадаевского завода. Мама рассказывала, она ходила в церковь. Ботинки купили ей первый раз. И она на плече их принесла, а сама босиком. Подходя к церкви, она обувалась. Когда купили, она говорила, что в первый раз даже легла с ними спать.

И про китайцев мама рассказывала. Это до революции было. Китайцы ходили, говорит, такие у всех волосы – в косы закручены были. И такой шелк красивый. Идет китаец – на одной руке ткань, на второй руке ткань. И продавали совсем за бесценок. Наверное, из Питера просто приезжали. Конечно, там этого много, а здесь люди покупали все-таки.

И еще Людмила Ивановна Гусева рассказывала, она 1931 года рождения. Она рассказывала, что в 1936 году, когда была война в Испании, сюда привозили детей испанских коммунистов. Там была война гражданская внутри. Говорит, однажды целую машину привезли в Никольское, в Перевоз. В то время уже школа была, которая разрушена была на краю самом. И привезли с целью, чтобы детей усыновляли наши русские. Привезли в Никольское. Но никто не усыновил. А мы-то жили – все нищие. Поэтому лишний рот, конечно. Что-то ставили, песни пели ребята, и мы там были, ну как бы вечер встреч. А потом руководитель сказал, что надеялся, что кто-то возьмет ребят в семьи. А мы же все нищие были, поэтому какое взять-то?

Бывало, сошьет мама или закажет платье ситцевое – вот было радости! И на танцы. Фланелевые были лодочки из материала. Мелом натрем, а если черные, то гуталином. Терли до блеска. Стадион мы сами делали над рекой. Я закончила десять классов, пошла на работу на ЗСК. Он уже в 1955 году открылся. Дзюба был начальником цеха. Васильева Валентина Васильевна тоже жила у нас. Мало места было здесь, чтобы жить где-то, и их по домам распределяли. Потом Лифановы, Тулуповы, все жили у нас, все были. Лифанов был поскромнее, а Тулупов, я даже помню его, такой толстый, лысый. Это были специалисты, которых сюда присылали. Они работали. Лифанов Григорий Иванович был электрик, главный энергетик. А потом стал строиться поселок помаленьку.

Вот эти дома на Советском проспекте двухэтажные – их после войны ставили. Было много приглашено ребят из ФЗО.

Дмитриева Тамара Егоровна

Я, Дмитриева Тамара Егоровна, 1938 года рождения. Восемь человек семья наша была. Шестеро детей. Два брата и четыре сестры. Я была самая маленькая. Анатолий Егорович - это старший, он 1929 года рождения. Потом Петр Егорович, он 1933 года рождения. Потом сестра 1930 года рождения, потом 1935 года рождения еще одна сестра Надежда Егоровна.

Три годика мне было, но я все помню. Родилась в Псковской области, Дедовичский район, деревня Елок. Мы жили с отцом и матерью. Мама — Любовь Ильинична, отец - Егор Алексеевич. Они работали в колхозе.

Вот это я помню, хоть я и маленькая была. Сразу немцы пришли, когда война началась. Они пришли к нам и сразу же нас выгнали всех из дома. У нас был большой дом и большой двор, где была скотина. Большой-большой. А у нас там, оказывается, жила предательница. И вот, когда нас немцы повезли, это потом уже нам рассказывали, она привела их к нашему дома и сказала сжечь. Наш дом сожгли немцы. А двор остался. Она потом говорит: «А чего это двор-то не сожгли?» Потом и двор сожгли. Такой человек была - за немцев шла.

Уже много лет назад, это было где-то в 60 каком-то году, моя сестра, которая 1935 года рождения, она сейчас жива, 83 года ей сейчас, устроилась на завод в Ленинграде и говорит: «Представляешь, Тамара, я смотрю знакомое лицо». А эта оказалась эта женщина, которая ходила с немцами. Надя, ее тоже Надеждой звать. Сестра говорит: «Надя, это ты?» - и подошла к ней. А та и говорит: «Если ты рот разинешь или что-то скажешь, завтра здесь тебя не будет. Молчи». Она мастером работала на заводе в Ленинграде. И так сестра не стала никому ничего говорить, и жила так она в Ленинграде и квартиру имела.

Помню, когда немцы пришли, мама пекла хлеб, в печках раньше хлеб пекли. Они меня схватили за шиворот и бросили на телегу. Это было лето, июнь, телеги были с лошадьми. И они меня на телегу так и бросили, а мама говорит: «Дайте хоть хлеба взять с собой поесть ребенку!» Ни за что, не дали хлеба. Так и повезли: они шли пешком, а меня на телеге везли. Отца с нами угнали.

Нас повезли сначала в Литву. Мы какое-то время пожили в Литве, помню, что там сыр делали. И потом оттуда нас в Германию повезли, мы были в Берлине. Мы жили в бараке. Там много было русских семей, барак был длинный. Я помню, с нами бабушка жила, она всем нам давала иконы. Наши-то бомбили немцев. И как только начиналась бомбежка, мы под кровать залезали, железные такие были кровати, мы туда забирались под кровать и все молились богу, чтобы нас спасло с этими иконами. Все залезали. А потом барак обвалился, нас зарыло землей полностью, лопатами рыли, чтобы вытащить нас.

И так каждый день. Мы там были три с половиной года. А родителей и взрослых сестер, братьев немцы возили на работу. Там будка стояла и колючая проволока. И вот под эту будку немцы под конвоем наших возили работать куда-то на поля. Ну, там трава, мы видели только, что трава. А что там, мы не знаем. Работали до вечера. И как только конец работы, мы бежим: «Мама, мама, идут!» - а они под конвоем наших русских вели. Мы вдвоем с сестрой, которая старше меня на три года, оставались, она со мной была. А остальных всех на работу отправляли.

И мама мне каждый раз приносила бутылку кефира или молока. Это, видно, ей давали, а она мне приносила. Она мне все время приносила оттуда эту бутылку. Не знаю, что было - кефир или молоко, я тогда не знала, что такое кефир.

Ходили на улицу мы с Надей, с сестрой. Как только бомбежка, бежим прятаться. Такие были сделаны штуки, туда прятались под землю. Все было огорожено колючей проволокой, тока не было. Да, все огорожено было, чтобы никуда не убегали. Много детей. Как сейчас помню: в туалет пошла, а туалет на улице был - вырыта яма, и дети плавали там. Да, плавали там, все уже они задохнулись в туалете. Бросали, наверное, или как - не знаю. Но были дети брошены в туалет. Маленькие дети.

Нас расстрелять хотели маленьких. Кто-то расстрелял немецкого офицера - большого, главного. Немцы подумали, что русские расстреляли. И нас поставили. Детей вперед, вот так, родителей сзади. И сказали: «Если не признаетесь, будем стрелять. Сначала детей расстреляем, потом вас всех. Говорите, кто, убил нашего?» А один невинный мужик, он совершенно не при чем был, сказал, что это он. Чтобы не убивали детей. Вот так. Так его возили, всем показывали и издевались над ним. Язык отрезали и уши отрезали живому, издевались.

А потом сказали, что войне конец. Ой, мы с Надей плясали, бегали. Песни пели. Кричали: «Домой, домой поедем!» Это было, конечно, веселье. И радость, и веселье были, путь мы хоть в шалаше жили, но все равно дома. Родина. Нами никто не командовал, никто не стрелял. Мы с Надей, сестрой, давай

бегать по домам, по подвалам. У них подвалы такие большие. Вот в подвалах у них были такие большие коробки, и в коробках маргарин. Все был маргарин. Или, например, халаты шелковые, мы разворачивали и смотрели. Да. Обуви там всякой наложено. В подвале все было спрятано. И как будто здесь ели - и вилка и еда, все так и оставлено. Наши погнали их, так немцы все и оставили. Мы открывали и велосипеды маленькие нашли. Катались на трехколесных велосипедах. Это когда сказали, что конец войне. Мы ничего не привезли, вообще ничего.

Наша мама как-то встретилась

с папой в войну в Германии. Факт в том, что они как-то встретились с папой в Германии. Потому что мама наша забеременела от папы и в Германии родила еще девочку, она 1945 года рождения. Она родилась в 1945 году -девочка Наташа. Приходили американцы и все просили маму отдать эту девочку. «Отдайте, у вас семья большая, отдайте нам этого ребеночка!» Она такая красивенькая была. Мама говорила: «Нет, ребенка не отдам». А папы опять не стало, опять куда-то забрали, не было его. Потому что, когда кончилась война, папы не было, нас американцы освободили. Американцы только нас освободили и сказали домой ехать. Поезд какой-то - и больше ничего. Какая там кормежка, мы так и ехали в вагоне, там и писали, и какали. А еды никакой у нас не было.

Мы стояли на платформе, нам подали состав, в котором коров возят. Там ни окон, ни дверей. Когда мы пришли на платформу на эту, была у нас девочка в коляске, Наташа-то. Мама коляску взяла и под коляску положила кое-какие тряпочки их немецкие. Так американцы вытаскивали из-под ребенка все, а мама плакала: «Оставьте нам эти тряпочки, оставьте!» На этой платформе ничего нет. Там и писать, и какать, есть нечего, нас везли больше недели домой в Псковскую область. Это уже конец войны был, 1945-й год.

Мы приехали, пятнадцать километров нужно идти пешком. С ребенком мы шли, а это было 22 июня, а у нас, оказывается, был сад раньше, до войны 45 яблонь было. После войны яблони все цвели. Так красиво все цвело. А жить нам негде - все сгорело, ничего нет и папы нет. Так у нас дедушка жил раньше за двадцать километров от нас, мамин отец. Они все думали, что нас убили, что погибли мы. Они в церковь ходили, за упокой души писали. И вдруг узнали, что мы живы. Дедушка приехал и нам сделал из соломы большой шалаш на улице. Раньше солома была такая прямая, и вот мы все лето в этом шалаше жили. И с ребеночком. А на зиму нас пустили жить, у нас ведь не было ничего.

Ходили мы братом младшим на поля, а на полях сажали картошку весной или когда там. Факт в том, что мы пошли на поля картошку гнилую собирать. Уже картошку, зиму прожившую. И я так тонула там, песочное было место, и вот мы эту картошку ходили и рыли, я где-то там пошла, где песок. Как сейчас помню, меня брат вытаскивал.

И вот мы эту картошку собирали. Потом были такие белые дудки, и сейчас они есть. Цветут белым, и такая зеленая дуда идет, мы собирали эти цветы и готовили их вместе с картошкой мороженой. А картошка мороженая, она дает связь, в картошке-то есть крахмал. И вот, что было, то мы и собирали и делали такие хлебы. Калину собирали в лесу. Насобираем калину, а мама вырастит свеклу, свеклу порежет, калину туда - и в печку.

Папа пришел, не помню, в каком году. А потом стали строиться. Рано меня в школу не пустили, пустили старшую сестру, а брат и другой брат по три класса только закончили и стали трактористами. Жить-то надо. Хоть там нечего не давали, денег-то не давали, но они пошли работать. А Надя, старшая моя сестра 1935 года рождения, она пошла в школу вперед меня, а я злилась, ругалась.

Жили мы в чужом доме, не в своем еще. Преподавала у нас в деревне учительница такая маленькая, горбатенькая, я вот такая была дура, кричала в окно: «Горбатка-горбатка, ты чего меня в школу не берешь?» Как сейчас вспомню, в окно кричала все. Потому что я тоже в школу хотела, а меня не брали, и маме никак всех не отправить было.

Ни надеть, ни обуть было нечего, босиком бегали. Вот почему у меня ноги и больные такие. Мы все время босиком, даже по снегу бегали босиком. А переодеваться не было во что. Как бегали, так и спали. Спали на полу.

Братья и сестры по три класса только закончили. С собой тканные такие торбочки брали. Мама ткала. Штаны тканные, когда и без трусов бегали. На улице туалет - две палки, соломой вокруг обложенные, и бумаги не было, травой обтирались. Вот сейчас-то бумага, а раньше все травой. Вот я и говорю: тьфу-тьфу - восемьдесят, а я не болею ни по-женски, и все зубы мои, только двух нет.

Потому что есть охота, а нечего. Вот пойдем, кусты какие увидим, смороды, например, мы сразу все оборвем и съедим тут же под кустом. Никакого варенья не знали, ничего - так ели. Щавель вот, что сейчас называют по-другому - не щавель, а как, кислое такое. Мы ноги под жопу сложим, сядем, оборвем и едим эти листья. Вот так и питались.

Отца взяли работать. Он был бригадиром в животноводстве. Животноводство открылось в деревне, коров держали. И его поставили. Мужиков-то вообще не было, все одни женщины. И женщины были все с детьми и без мужей. А у нас папа был хоть.

У нас была большая деревня, километра полтора или два длиной, и все женщины остались без мужей и с детьми. Тоже по четыре ребенка, все такие были. Никому ничего не давали.

У нас потом была корова. Так вышло постановление сдавать молоко. А у нас корова мало давала молока. Сдадим, а самим даже картошку нечем помаслить. Отварит мама картошку, очистит, разрежет и в печку ставит. А помаслить и нечем. Молока нет. Яйца заставили тоже сдавать. Там было штук пять кур. И яйца все надо сдавать. Все государству сдавали. За бесплатно и молоко, и яйца. Наша семья не видела ничего. Какая-то бедная была семья у нас. И все работали. Мама ткала очень хорошо, салфетки какие-то она ткала. А папа валенки катал. Я даже помню, как катать. Сначала шерсть раскладывается на столе на тряпку специальную, шерсть все руками водит-водит. Потом сворачивает как-то. Надо надевать это на колодку. Колодка такая деревянная, размеры разные - 36, 37, 40. И потом, где нога вот здесь - забивается клин. Вода специальная была сделана, потом в печку мама их ставила.

Настоящая такая печка. Она же топилась дровами. Вечером поставит, утром уже сухое. И была такая штука. Валенок палили, шерсть-то надо опалить, и потом папа тер такой штукой, чтобы был валенок гладкий. А мы для себя мелом делали. Чтобы белым были. Идешь, и мел остается даже.

Нам давали шерсть, люди носили отцу - имели же овец. Их же надо стричь часто. Вот валенки себе катали хорошие. У него была с зубьями такая штука деревянная. Садишься и все трешь этот валенок. Он нас с Надей поднимал и заставлял тереть так. Чем больше их трешь об эту штуку, тем валенки будут дольше носиться. Деревянные зубчики большие были. Они давали какую-то твердость шерсти. Вот мы все терли с Надей.

Пошла я в школу, у нас в деревне же была школа. Домик под нее сдавался. Вообще-то много ходило народу в школу, по тридцать, по двадцать пять человек. Детей-то было много. Учительница учила до четырех классов одна, все четыре класса в одном были. Только с деревень собирались все, приходили и учились. А потом перевели. Кто пошел в пятый, шестой уже в район. От нас пять километров нужно было ходить.

Я плохо училась. Не знаю почему, мне математика не давалась, я окончила только шесть классов, а сестра - восемь. А если ты пойдешь в девятый, деньги надо платить. Сто пятьдесят рублей в год. А у

мамы денег нет. У нас никто не заканчивал девятый. Мужики по четыре класса, по три закончили. Брат, который 1933 года, женился. К жене пошел в другую деревню. Она с матерью жила, больше никого не было. Они там жили. Потом он заболел, но жили сначала нормально, все хорошо. А потом заболел. Двое детей родились, два мальчика.

Он на тракторе работал. Трактор все портился. А он все лежал на земле, его ремонтировал. Ремонтировал и заболел воспалением легких. А раньше врачи какие были? Папа ездил торговать: валенки скатает, даже сирень ломал и возил в Ленинград и продавал. Чтобы иметь денежки и купить сыну лекарства, ампулы, чтобы поправился. Вот он и умер у меня брат в тридцать лет. Никак не могли вылечить воспаление легких. Двое детей у него остались.

Мы писали в школе, у нас ни столов, как сейчас, ничего не было и света. Встанем на коленочки, а была такая скамейка, как доска прибитая, вот на этой доске на коленочках писали. И потом макали в чернила, но почерк получался настоящий. Не то, что ручками сейчас пишут. Этими ручками не сделаешь почерк правильный. Писали вот так, на полу и всяко. Учебники все давали, тетрадки только наши. Электричества сначала не было. Мы сначала жили как: раньше работали на полях без часов, вот утро начинается - солнце встало, значит идут жать рожь. Руками все жали да косили. Солнце зайдет - это конец уже рабочего дня значит, идут домой только. И света нет. А когда надо, мама сделает лучину, зажжем и с этой лучиной сидим.

Пока родители на работе, мы бегали, искали ягоды поесть или еще что. Рвали дудки, на хлеб собирали. Ну, скажут картошку почистить, разрезать да в печку поставить. И все. Калину собирали в лесу. В чем одета, такое платьице у меня было, я в нем ложилась и вставала.

В баню ходили раз в неделю. Мама положит меня наверх, на полку, я кричу, плачу. Она меня все веником стегает. Мыла не было. Золой. И голову мыли золой. Мыла долго не было у нас. У нас ручеек был. Белье, которое соберем и водой зальем, били потом. Утюгов тоже не было, была такая каталка круглая, а другая каталка - с зубчиком. И вот наберем там кофту, рубаху и так водим, это называется глажение. Но факт в том, что не гармонью получается. Надеваешь, а она гладкая. Вот так и гладили. И я глалила.

Потом в подвале у нас был камень – жернова, там мололи. Папа там, куда послали его сеять рожь или что, он сколько-нибудь возьмет, украдет и принесет домой. Мама скажет: «Чтобы с Надей сегодня все смололи. В подвал залезайте». Мы залезем и мелем.

Колхозы вообще ничего не давали. Ну, давали какой-нибудь осыпки. Денег вообще не знали. Бригадир все-таки был отец. Ну и что, копейки не давали.

Бывало, кино начнется, а нам охота посмотреть. А ставили кино в сараях, гумны назывались, а у нас денег нет на это. Мы дырку сделаем, мох вытаскаем и смотрим в дырочку кино. Были люди, у которых были деньги, но у нас не было.

Я конфет так хотела есть, а конфет нам не покупали, не на что. Вот я пошла в лес драть иву на лыко. А было-то мне лет двенадцать, меньше, наверное. А идти три километра до леса, где эту иву надо драть. В воде надо стоять. Думаю, сдам и куплю конфет подушечек, наемся. Время уж было к вечеру, а раньше же и волки ходили. Вот я надрала и пошла домой. Пошла домой и устала. А босиком же все ходишь. Думаю, посижу - и уснула. Уснула, проснулась - уже темно. Я схватила и бежать. Боялась, что волки могут прийти. Потом высушила, сдала и купила себе подушечек. Никому не дала, все съела сама. После этого и есть не могу их, объелась. Наелась подушечек этих. А так не видели конфет никаких, мы жили очень бедно.

Папа корзины плел. Корзины, как сейчас помню, продавал. Потом появился хлеб в районе, пять километров нужно было идти. Вот мы вечером встанем, чтобы буханку купить хлеба. И на утро там получишь только буханку хлеба, всю ночь стояла в очереди.

Я в няньках была потом. Есть нечего, а охота было как-то получше поесть, меня взяли в няньки, может, слышали станция Дедовичи, вот туда меня взяла одна женщина. Говорит, пойдемте ко мне в няньки, у меня мужа в армию взяли, ребеночек еще маленький, а я на стройке работаю. Вы будете со мной жить и ребеночка нянчить.

Двенадцать или тринадцать лет мне было, небольшая еще. И пошла. Как сейчас помню, каши наварю, а домой-то охота каши такой, себе каши в рот, ей в рот. Ну, я была в няньках до тех пор, пока не пришел муж из армии. Пришел муж из армии, сказал, что им нянька не нужна. Будет дома сидеть жена. И вдруг приехали из Пскова, как-то узнали люди обо меня, пришли: «Пойдемте к нам в

няньки в Псков». У нас, говорит, двое детей, одному три, мальчику четыре. Но они каким-то большим начальством были. А я говорю: «Ой, я боюсь!» Они: «Нет-нет пойдемте!» Муж у этой хозяйки очень хороший был. И меня они взяли в няньки в Псков, и я поехала. Мне платили сто пятьдесят рублей в месяп.

Комната у меня была отдельная. Но там, что было. Дети баловные, и я их лупила. Как под жопу наддаю им обоим. Кричала на них. Они не слышали, работали же. А у хозяйки такие платья бархатные. Я эти платья, бывало, мерила перед зеркалом. А потом хозяйка сказала: «Вот, выстирайте нам белье». Постельное и там всякое. А я и не знаю, как стирать. У нас и постельного-то не было никогда. Я думаю, как же стирать? Пошла к одной соседки и говорю: «Скажите, как стирать белье, я не знаю». Она говорит: «У нее бак такой есть, замочите». У нее плита была, как раньше плиты были, надо было затопить и поставить. Научила меня. Я прокипятила и выстирала белье. А потом она меня заставила идти на рынок и покупать лук. Я ходила на рынок, покупала лук, она что-то готовила, а я чистила этот лук. А этот лук домашний плохо чиститься. И у меня срезалась кожура с белым. Она взяла нож, как стала бить меня по рукам ножом. «Что ты делаешь?! Ты платила деньги за лук?» Мол, дорого, а зачем так снимаешь, надо беречь. Я заплакала и ушла. Я говорю: «Я уеду, не буду у вас больше жить».

Я у них уже порядочно прожила. И я деньги уже получала от них. Тогда хозяин пришел и говорит: «Ой, Тамарочка, не уезжайте вы никуда, я вас временно пропишу, в школу пойдете от нас осенью, живите у нас, живите». Хороший был хозяин. А я говорю: «Нет, не буду, я домой уеду». Я так обиделась. Потом она все-таки уговорила меня. «Ладно, съездите домой на недельку. Одежду вам дам, поезжайте!» Дала мне костюм надеть полосатый, как сейчас помню, мне так хорошо было. Я поехала, побыла недельку, потом опять к ним приехала.

Мама сказала мне: «Работай, делай, что велят». Ей не до нас было. А деньги, которые я получала, маме отдавала. У них было распоряжение, что завтра он встает во столько-то, ему во столько завтрак сделать. Она мне приказывает. Я часы заводила. То ему блины, то ему еще что-то. Как домработница. Все научишься, как надо жить. А за собой они никогда кровать не убирали, несмотря на то, что такие люди.

А где они работали, меня это не интересовало. И вот начинали убирать кровать с ребятами вместе, возилась с ребятами - они дети, да я и сама еще ребенок. Они не говорили, что маме расскажут, когда я их набью по жопе, ничего не говорили, баловались. Начнем убирать кровать, а там презервативы. А мы-то не знаем, что это такое. Тем более в то время. Мы надуем их. Ой, какие шары красивые! Играли в них. Они даже это не убирали после себя. Вот так я и жила.

Прожила у них месяца два или три. Потом пошла дома в школу, он так и не прописал. Разве можно людям верить, тем более таким, как хозяйка. Нет, я все равно домой. Ну, пошла в школу опять. Шесть классов закончила. Работать стала в колхозе. Куда пошлют, там и работаешь. Например, дрова рубить. Там же собирали на комбайн работать, что дадут, туда и идешь.

Я замуж вышла очень рано. А почему рано? Жили бедно. И так вышли замуж две сестры за двух братьев. А у них отец в войну работал, молол зерно на мельнице. А когда немцы пришли к нему на мельницу, его парализовало от страха. Отнялась рука, нога. И старшая сестра вышла замуж за их сына. Потом его брат говорит моей маме. Мамаша он ее звал. «А мы с Тамарой поженимся!» Я говорю: «Тебе в армию!» - ему было девятнадцать, а мне семнадцать. А я еще и в голову не брала, что меня не запишут, не понимала как-то. А замуж согласилась. Мама говорит: «А возьмешь, так пускай она идет». Ну и пошли мы с ним записываться в сельсовет.

А как раньше записывали? Просто приходишь и записывают. Вот пришли, а они сказали: «Иди, девочка, расти еще до восемнадцати. Никто тебя не запишет!» И мы с ним стали уже жить, как муж и жена. А маме наврали, сказали, что нас записали. Она нас благословила, а мы - наврали. И дала нам жить вместе. И вот где-то до сентября месяца я не беременела. А раньше же аборты не делали вообще. Ему пришла повестка в армию. Я говорю: «Ты же говорил, что тебя в армию не возьмут, что отец инвалид, а вот повестку тебе прислали». Ну, мы с ним пошли. Военкомат приказал нас расписать. Ему в армию уходить, надо зарегистрировать. Нас зарегистрировали, и я оказалась беременная. А сестра старшая, которая была замужем, она сделала сама себе аборт. Фикус, знаете такой цветок, листья большие зеленые. Вот она его резала, а с фикуса такая жидкость белая идет, капает. Вот она сама это делала. И ее увозили мертвую почти из дома. Она вся синяя была - руки синие, все синее. Она и

говорит мне: «Тамара, не унывай, он в армию уйдет, а я тебе так же сделаю аборт».

А мой Володя и говорит, царство ему небесное: «Если ты сделаешь аборт, я к тебе с армии не приду больше». Так я оставила ребенка. Веру-то я родила в 1956-м году. Вера у меня старшая дочка. А он в армии три года служил, все три года ждала. Так и жила - и ребенка нянчила, и работала. Дети както бегали все вместе. Моей сестры девочка с нами была. Тоже до двух лет все сиську сосала. «Мама, тити!» Я наклонюсь, она насосется. Деревня же была. Там ничего, хоть сколько сиди дома. Там не платили ни копейки. Это же деревня и те годы, не путайте с этими годами. Ничего, вообще ничего - и сиди там хоть пожизненно.

А потом старшая сестра Надя, которая училась в ПТУ каком-то, в Печерах, вроде. Там набирали их в Казахстан разрабатывать землю. Вот они поехали туда, завербовались, она там замуж вышла за одного парня. Жили в палатках сначала, она выучилась на тракториста широкого профиля. Они с мужем на тракторах землю открывали — целину. Потом она забеременела там и решила приехать тоже в деревню, где и я. И тоже его в армию взяли. А его родные жили здесь, в Тосно. Мать и две сестры. Они сказали: «Надя, к нам приезжай!» Ребеночку был год с лишним.

Она приехала к его родителям. А я писала Володе, что Надя живет в Тосно, адрес все давала. И когда он демобилизовался, он захотел ехать на лесоповал, далеко, где тюремщики. Заработать. Мама, помню, ему свитер связала, папа валенки скатал, чтоб туда доехать. Вот приехал туда, а там мужики, которые уже там работают, говорят: «Сынок, куда же ты приехал, тебя завтра убьют». Тогда он продает эти валенки, продает свитер и уезжает обратно. Уезжает и прилетает в Тосно, к Наде. Вы знаете Пельгору? И нигде не прописаться, не остановиться. Ему сказали, поезжай в Пельгору, там торфопредприятие открывается, там возьмут тебя шофером. Вот там и остановился он. Дали ему комнату. И он сказал: «Тамара приезжай, комнату мне дали». Я приехала, там соседи хорошие были. Я говорю: «Я не буду на торфопредприятии работать». Как приходят - все грязные, черные. Я говорю: «Я поеду искать работу в Ленинград!» Я поехала и нашла работу в Обухово.

Стержни делали из песка, самую тяжелую работу мне дали. Они не то, что один песок, на масле все, и делаешь такие штучки всякие разные. Высушивали в печки и отправляли куда-то. Еще и в больнице по-женски полежала. А пока я в больнице лежала, муж паспортистке наколол много дров. А прописка у нас была в Пельгоре-то временная. А он не дурак, расколол ей все дрова, а когда я приехала из больницы, она пошла прописывать всех - всех временно, а нас она прописала постоянно. Нам только и надо было, что постоянная прописка. И мы сразу же оттуда уехали. И мы не стали там ни он, ни я работать. Пошли искать квартиру, где жить. Нашли квартиру здесь, в Тосно, на Заводской набережной. А хозяин и говорит: «А куда вас брать? У вас ни денег, ничего нет. Вам платить нечем». Я говорю: «Мы заработаем, все отдадим!»

Но факт в том, что он нас научил. Домов тогда еще в Тосно не было больших, ни одного дома. Он говорит: «Пишите заявление в райисполком, чтобы дали вам участок. И вы такие трудяги, такие работники, вы построите себе дом и будете богаче всех». Мы его и послушали. Написали заявление в Тосно, но нам не разрешили. А потом все-таки он написал, что мы из детдома. Нарочно. Вот тогда дали. А на этом участке жили люди, которые тоже жили у этого хозяина. Но мужчина заболел. Тоже легкие. И ему сказали, уезжать надо, сырость здесь, не вылечиться. А у них была времянка, они продали нам эту времяночку. Володя привез своих родителей, чтобы с Верой сидели. И мы стали жить здесь и стали строиться. Мы построили дом, он шофером работал, а я в Обухово. И потом я в Обухово только два года отработала и ушла. Перешла в Металлострой, а он возил на машине шофером.

В Металлострое я для света изолировала катушки. Их даже за границу делали. Потом на станок перешла, 20 лет отработала на станке и в 50 лет пошла на пенсию, потому что вредный цех. И построили мы дом 80 квадратных метров, одних окон 11 штук. Обшили дом, воду провели. И до сих пор вода у нас в доме.

Муж был дальнобойщик, устроился работать на машине. Работал. Уезжал на месяц, а когда на уборку, так на три месяца уезжал, все деньги зарабатывал. И я хорошо зарабатывала в Металлострое. И дом построили, и огород хороший. И вдруг в 47 лет муж умирает. Не болел - ничего. Приехал на работу в Шушары, у них в Шушарах были дальнобойщики, за руль сел и умер. Так я уже 33 года одна живу.

Евсеева (Шапошникова) Валентина Семеновна

Я, Евсеева Валентина Семеновна, девичья фамилия Шапошникова. Я коренная, тосненская, прожила в Тосно всю жизнь. Родители мои тосненские, мама моя тосненская - Смолина.

Смолиных было много, по прозвищу называли - Голыш, мама моя - Анна Дмитриевна Шапошникова. Девичья фамилия - Смолина. В семье было их много - восемь человек, с войны не вернулись два брата. У мамы была большая семья. Всю жизнь они прожили на Балашовке. Около станции дом стоял, сразу направо, он и сейчас там, девятый сейчас. Только был большой дом.

В то время работы не было, отец до войны шофером работал на аэродроме. не знаю, где-то там аэродром. Потом здесь стали дети подрастать - братья мамины, сестры. Все брали участки, ведь квартир раньше не давали, строили все дома. И мама моя выстроила дом на Заводской набережной, 118. Это ближе к Балашову мосту, а сейчас там другой дом стоит, там живут мои две сестры. А я на этой же улице, на Калинина. У них девяносто один дом, а у меня шестьдесят четвертый, в другую сторону. Нас было двое - сестра и я. Я 1937 года рождения, а сестра 1939 года рождения.

Началась война. Конечно, все не вспомнишь, но отрывками вспоминаем, что, когда немцы еще не пришли, мы пошли в лес прятаться. А в лес пошли, где Настасьин рукав, далеко туда. Но там и сейчас блиндажи есть, окопы. Мы ходим туда сейчас за ягодами. Все прятались там, в бункерах, вырывали бункера и жили там несколько дней.

Потом люди, которые посмелее, в основном мужчины, стали выходить в Тосно. А немцы уже заселили наши дома. Но немцы не трогали никого. И мы стали партиями выходить оттуда, начали приходить в свои дома. Мы пришли в свой. Немцы уже жили у нас. У нас жило не начальство, а

солдаты. Они в комнате, а мы трое - в кухне: мама и мы с сестрой. Здесь уже, конечно, начался голод. Есть хотели очень. Все узники рассказывают, как по бойням ходили, как выпрашивали еду.

Я с бидончиком ходила за супом, рассекла крышкой бидончиком нос, до сих пор шрам. А кухня у нас была через два дома. В этой кухне получали обеды солдаты. Они с котелками ходили. Даже котелки помню.

Котелок крышкой закрывался, там были ложка и вилка у них. И вот они с этими котелками приходили кушать домой, а не там, где им наливали. А какая оставалась еда от солдат, то нам раздавали. Мы, дети, ходили с бидончиками, и нам поварешками наливали. А кому-то и не досталось. И вот немцы кушают, а мы стоим в дверях и смотрим. Не все же были плохие. Мама на нас ругалась: «Уйдите, пускай едят, уйдите!» Немцы выходили, они же по-русски не могли говорить. Маме так говорили: «Не ругай детей». А она же тоже не понимала, что они говорили. Принесут они фотографию: «У нас тоже дети, мы воевать не хотим!» Как сейчас помню, они очень тонко резали булку или хлеб, намажут, нам вынесут - так мы прожили.

Бойню я не помню, знаю, что за супом ходила, и бойня у нас была здесь же.

Потом, вот, как мы еще выживали. Мама очень хорошо пекла торты, «Наполеон» его сейчас называем. Сколько лет прошло, а мы говорим: «Бабушкин пирог будем печь». У тети Нина Соловьевой жили офицеры. Она была учительница, и знала, что мама печет. И маму заставляли печь. Нам очень нравилось, когда она немцам ходила печь, потому что края все от испеченного торта доставались нам. Так вот выживали.

В «Наполеон» клалась сметана, яйца, мука, три лепешки пекли. Делали заварной такой крем молоко, сахарный песок, муку белую разводили три ложки и ложку крахмала. Заваривали все и туда граммов двести масла, этим лепешки смазываем. Вот такие пироги пекли.

1944 год Литва, город Радвилишкис. Сестры Шапошниковы – Валя и Галя

Мама еще стирала белье. Были такие лоханки, доска - и вручную мылом. Стирала солдатам. И здесь стирала, и в Литве. Там не давали сидеть. На дорогу, на работу не гоняли. Мы были маленькие, сестре два года, и никого, мы в доме одни жили.

Я помню, что лошадей немцы держали, жмых был под домом. Мы ели это. И помню, как при немцах мы в кухне жили, очистки с отрубями, вот это помню. А сестра была маленькая и все кричала: «Чалю хочу!» А она не чай просила, а есть просила. Это осталось у нас. А как спать, когда есть охота? В общем, нам очень хотелось есть, и вот мы думали, что, когда мы вернемся, то

будем хлеб есть хорошо, жалеть, не бросать ничего.

Такого не было, чтобы они над нами издевались или что, но мы еще маленькие были. Мы не выходили. Здесь, помнится, кого-то вешали. Виселица была там, где военкомат. В этом районе. Ну, это помнят наши девочки постарше. Может, по разговорам родителей. А я помню только, что в лес уходили и из лесу пришли. Еще помню, как нас вывозили: эшелоны нам подавали. Только не помню, как по улицам ехали.

Родни же много было, но мы с ними не попали. Мы попали в Литву с соседями. По распоряжение старосты нас стали вывозить кого в Латвию, кого в Литву. Мы попали в Литву. Вот это хорошо помню: скотные вагоны, много народу. Нас привезли туда ночью. Было холодно, это, наверное, была осень, а может ранняя весна. И стали нас разбирать, а стали разбирать, потому что каждому латышу было дано предписание, что приедут сейчас, как они называли, беженцы и чтобы каждую семью взяли по семье. Вот они приходили и выбирали нас.

Тем, кто побогаче, у кого были большие хутора, расположенные очень далеко друг от друга, им нужна была рабочая сила. А какая рабочая сила у мамы и у нас - два года и четыре года? Нас никто

27января $1950\ {\rm г.}$ на берегу реки Тосно . Балашовские ребята

не хотел брать. Сидим, а всех разбирают. Кто-нибудь к нам подойдет, хочет взять. Как сейчас помню, рыжий такой был хозяин - по-латышски что-то скажет, и они отходят. Мама была в ужасе, может, убивать поведут. Мы не знали, почему не забирают. А потом поняли, что этот рыжий взял нас. Он ждал подводу, лошадей, чтобы нас погрузить. Далеко был хутор его от станции.

А почему он нас выбрал, а не рабочую силу? Они были бедные, два парня были в партизанах - не в немецких. Дочка Юля была у них, мать была, отец. Они справлялись сами с хозяйством. Мы

им не нужны были. У них там были гуси, утки. Гусей, кур и уток было без счета там,

коровы, лошадь, может, одна. Привезли нас в дождь, темноту. Ввели в дом - полы земляные, земля утоптанная. Мы же просидели целый день, есть хотим. У мамы слезы так и текут: «Куда нас привезли, в яму какую-то!» Света, вроде, не было: лампа, большой стол и скамейки.

Нас посадили кушать, дали клецки, очень вкусно было. Делали клецки так: яйца и мука, сделают тесто и в молоко опускают. Мы по две тарелки съели, нам было никак не наесться. А они стоят и смотрят. А мама есть не может, переживает: куда нас привезли? Мы поели, и вдруг дверь открывают: «Вот ваша комната». Там по-другому: полы были деревянные, кровати стояли.

На утро встали - что делать? Делать нечего. Уток мы загоняли с пруда, а потом щипали. Питание

все свое, куры, яйца. Они заколют, а нас заставляли щипать. Там же пахали все. Картошку сажали, потом картошку вместе с молоком варили, похлебку такую ели. Соседи приходили с других хуторов и даже

У стены Агеенкова дома Тосно, ул Балашовская. Балашовские ребята

нам завидовали. Их так принуждали к работе, что они света белого не видели. Вот такие были хозяева. А у нас был хороший хозяин.

Их сыновья ночью к ним приходили, они хлеб пекли втихаря для них. После войны с Юлей мы както встречались. Мы пожили немного, вроде, зиму и лето. Мы очень хорошо у них жили. Но потом нас отправили в город Радвилишкис. Немцам рабочая сила нужна была. Там мама на немцев стирала уже. Там был большой барак и нары, спали все на этих нарах. Ни комнат ничего не было. Там не было немецких ребятишек, там были одни немцы военные. Мы со своими играли.

Пожили мы сколько-то, а потом слышим, что война заканчивается.

Немцев, значит, убрали оттуда,

пришли наши. Военных было много. Мама на них стирала. Прачка - вот это была ее работа. Ну, потом стали домой собираться. Маме сказали, что все Тосно уничтожили, мама ответила: «В Тосно - хоть в землянку, только в Тосно!»

У меня, например, тете, жене маминого брата, корову дали даже. В Латвии они были. И корову сюда привезли. Мы-то, ничего, конечно. Там мы жили неплохо. Не скажу, что нас обижали там латыши. Война закончилась, опять в таких же вагонах привезли нас сюда, в Тосно.

А вот здесь у нас началось жизнь худая. Приехали мы сюда, пришли в свой дом. Наш дом остался. Пришли, а домой нас не пускают. Сказали, что мы предатели, у немцев были, и нам здесь нет ничего. В это время, а мы приехали в 1944-м - начале 1945 года, здесь была стройка «Стройдетали». С этой стройки все, кто там работал, жили в Тосно. И наш дом был занят. Там жила повар Емельянова такая, а дочка Шурочка. Та была не замужем. Они жили в одной комнате, а в большой комнате жила врач - Клавдия Яковлевна, она работала в железнодорожной поликлинике за станцией.

Железнодорожный магазин направо сразу, сейчас там дом стоит, там тетя моя живет по Октябрьской, девять. Раньше это была амбулатория, она здесь работала. Потом они нас пустили. У мамы были документы все. Показала, что она хозяйка, здесь жила, все рассказала. На кухню пустили нас. Стояла у нас печка русская, мы на русской печке. И нам тоже хорошо.

Раз Емельянова работала в столовой - что-то принесет. Клавдия Яковлевна была здесь. Не то, что больные мы были, а голодные всегда были. Она нам путевку доставала в санаторий «Хвойное». Чтобы питаться, мы ходили в детский сад, он был на Октябрьской. Мы называли его Галочкин дом. Почему - не знаю.

Здесь был детский сад, а после войны хлеб давали по карточкам. Очень мало давали. Вот такой кусочек мама приносила. Выкупит на два дня, работала где-то здесь. Мама принесет, а мы ей говорим: «Мама, кипяток готов, а заваривать нечего». И вот она сядет и скажет: «Девчонки, мы сейчас этот хлеб съедим или по кусочку на завтра оставим?» А мы что? Скажем, что сейчас все съедим. А мама голодная. Мы не понимали этого. И в садике мы поедим. Конечно, питание было не то, что сейчас. Вот так прожили. Мама в амбулатории работала.

А потом квартиранты стали выезжать. Благодарные очень, мы потом роднились даже. Так жизнь началась. И живем мы здесь спокойно.

Знаете, у нас вся жизнь идет на выживание. И на выживание до сих пор идет жизнь. В школу мы пошли переростками. Раньше не брали с семи лет, только с восьми. Кому в октябре и в сентябре восемь,

Пролетарский труд 1968-1969 гг.

того не брали. В школу переростки шли. Помню, школы меняли. Даже помню, в РОНО работала Быстрова Зинаида. Она жила на улице Ленина с дочкой. А дочка - учительница, она была у нас директором в школе, мы туда ходили. Вся Балашовка туда ходила, потому что на речке у Балашова моста была эта школа. В этой школе я училась два года.

Помню, мы потом в Белую школу пошли. Мы тут маленько отучились у и этих учителей: у Людмилы Алексеевны Ластовки, она была Калинина, потом была Ольга Николаевна Новикова, а сейчас она Гусева, по истории была. Екатерина была по физике. А в младших классах - Галина Львовна Сплюхина, она была моя первая

учительница. Она жила на Володарской улице. Генеральский дом мы его называли. У нее было два сына. И нас перевели в деревянную школу. Мы там учились. То ли на снос это здание пошло, и нас отправили в Корчагинскую школу. Раньше было семь классов. Я средне училась, я не хотела очень.

Хулиганили. Например, не нравится нам педагог, возьмем и натрем стол чесноком. Или мальчишки возьмут и перьев наставят. Учителя ругались. А любимым предметом была физкультура. Была у нас Людмила Константиновна Савельева, по-моему, она из Любани. Мы вообще не сидели, нам было некогда: соревнования, кружки. Сенашкина Неля Альфредовна была у нас руководителем, мы плясали, пели. Это в школе было у нас.

Все средне учились, мальчишки были хулиганистые. Семилетку мы там закончили, в вечерней учились в

Пролетарский труд 1968-1969 гг.

Корчагинской. А потом пошли работать кто куда. В Тосно предприятий было мало, фабрик не было, была артель инвалидов. Артель была сначала за речкой у нас. За речкой строили. Мы сами строили цех. А как строили? На подсобных. То кирпичи подать надо - их складывали. Мы везде были патриотами. Надо было работать в совхозе. Мы не говорили, что не пойдем. Мы все поля обрабатывали и в Новинке, и в Ушаках, и в Любани, в Поповке.

Я расскажу про «Пролетарский труд». Я там проработала пятьдесят лет. Пришла я в «Знамя» («Пролетарский труд») в 1960 году. Работала я в шелкографии, красили буратиночки маленькие. Шелкографии был цех такой хороший, потом раскройный. Наш раймаг стали строить, дома снесли. Стали здание «Пролетарского труда» сносить. Наши главы сейчас сидят напротив бывшего здания

«Пролетарского труда».

А потом нам ангары поставили за речкой, название «Знамя» уже ликвидировали, и он стал «Пролетарский труд». В общем, жизнь кипела. Я была бригадиром, была в профкоме, в цеховом комитете - на ответственных работах.

Потом у нас очень гремел ширпотреб. Почему так называли? Это безотходное производство. Рукавицы, сумки шили, что мы только там не перерабатывали из клеенки. И пяточки делали под шахматы. В общем, все заказы выполняли. Потом ширпотреб стал не нужен. И последние пять лет я вредности не заработала, пошла работать в «Искож». Был «Пролетарский труд», а потом уже не стало «Пролетарского труда». Ленинград отказался от нас, и стал у нас «Искож». В 1991 году я пошла оттуда на пенсию. И до сих пор я работаю.

У нас был директор Николай Иванович Волков. Жили хорошо мы, везде ездили - Пушкин, Павловск. У нас был в Одессе свой дом отдыха, мы туда ездили: триста рублей путевка и триста рублей дорога. Пожалуйста, поезжай. Часто туда ездили. Там было установлено объединение: там жили сироты, пансионат. На лето их увозили на дачу, а наше Ленинградской объединение туда приезжало отдыхать, оно раньше было в Ленинграде на Цветочной улице. Нас кормили, душевые были, мы ходили загорать. Спустишься - и купайся, вот так было, так и прожили.

Ермолаева Людмила Андреевна

Я, Ермолаева Людмила Андреевна, родилась 5 сентября 1931 года. Нас в семье было четверо: отец, мать, брат и я. Мама не работала, а папа - на заводе, специальность не помню. Мы жили на Среднем проспекте Васильевского острова. У нас была комната. Кухня была общая, ванны не было. Мать зарабатывала на дому - перчатки шила. Как производство, временно была оформлена. Ничего жили мы. Продукты все были, магазин рядом, рынок рядом. Мать утром вставала и шла на рынок, мясо только с рынка покупала, в магазине не брала.

В Ярославле дом был бабушкин. Потом на Мге купили дачу на двоих: бабушка с дочкой и наша половина. Мы с братом там все время отдыхали. Потом Мга сгорела во время войны, наш дом сгорел.

Как началась война, я не помню. Все время бегали в бомбоубежище: как тревога, мы бежали прятаться. Радио было, наверное, потому что объявляли по нему. Недалеко от нас стоял сарай. И все бегали в красный уголок – это и было бомбоубежище.

В школу ходила до войны. А потом закрыто было все. В начале войны школы еще работали, а потом нет.

Мама слегла и всю блокаду болела. И брат слег. Папу призвали на фронт. Мы хотели уезжать. Наши родственники все уехали в деревню в дом в Ярославской области. А брат: «Умру, но не уеду из Ленинграда». Брату было 17 лет. Он слег - и все. Хлеба-то давали 250 граммов.

А те, кто уехал в Ярославль, все остались живы: двоюродная сестра моя с матерью и братом уехала из Ленинграда. Вернулась она в Ригу, так там и живет. А брат сейчас в Германии живет, он младше меня. И вторая, брата маминого дочь, тоже уехала в Ярославль. Дом там был хороший, большой. Мы туда каждое лето ездили отдыхать.

Нам давали карточки, я покупала хлеб на неделю вперед. Продуктов не давали. В столовых давали суп гороховый и все. Общественный транспорт стоял. Если умирающие были, то их в больницу, а кто дома умирал - родственники из дома вывозил сами. Соседи помогали. Соберется молодежь, и на Смоленское кладбище везет трупы. Отец приносил нам что-то. Он служил недалеко от Ленинграда, за Нарвскими воротами.

Дома мы ничего не делали. Я в магазин за хлебом и на Неву за водой ходила. Соли тоже не было. Опилки были в хлебе. А воду брали на Неве: от Васильевского острова это еще не так далеко, а как остальные брали воду - не знаю. Бидончик принесу, а что этот бидончик - помыться нечем. Я даже не помню, убирали комнату или нет. Кто убирал? Никто. Мама с братом свалились оба, причем меня кормили. Принесу кусок хлеба: «Да мы не хотим!» А чего не хотят?

Потом брат попал в больницу. Я к нему ходила, он не ел, мне все оставлял. К матери не ходила уже, очень далеко лежала - на 14-й линии в больнице. Видела соседей, спрашивали: «Как живешь?» «Да ничего!» У соседки дочь тоже выжила. Уезжали многие, рядом комната была, оттуда уехали тоже.

Я не видела ни одного дома разрушенного в нашем районе. Никуда мы не ходили больше, трамваи стояли. Видим, что идет человек, упал - и все. Умирали на улице.

Стулья были, ломали их и топили печку. Газа тоже не было в то время. Топить тоже надо было, чайник кипятили. А потом и талоны какие-то, вроде, давали. В столовой тоже давали суп, а больше ничего. Ну, отец принесет суп, который им давали. Мать, вроде, 21 января умерла, точно не помню. Больница сама ее похоронила и брата тоже.

Тех, кто умер дома, мы собирались и везли на кладбище. Хоронили в общие могилы, но чистые могилы, ухаживают сейчас за ними. На Смоленском кладбище стоит памятник и все подписано, кто в каком ряду. Я давно уже там была. Кладбище хорошо убрано.

Помню, кот был такой черный, у брата друг попросил кошку, съел ее. Животных ели - собак и кошек. У нас в подъезде все умерли. Только соседка осталась, может, уезжала потом. Разговаривали, у нее дочка такая же, как и я, была и сын. Но про сына не спросила, а мужа ее не помню. Соседи многие

умерли, кто уехал.

Кто не уехал - работали. А где работали - не знаю. Заводы стояли, заводов было много в районе. Менялись только на хлеб. У меня карточки как-то украли, из рук выхватили. Когда мать ушла в больницу, то карточку забрали одну. Брат, когда попал в больницу, тоже карточку забрали.

Магазин хлебный работал, он близко к дому был. Там ничего не было, кроме хлеба. У них он был уже нарезан кусками. Столовая, правда, была на 9-й линии.

Тетя Поля и тетя Груша всю блокаду перенесли в Ленинграде. Не представляю, как они выжили. Тетя Груша после войны получила рак желудка. А тетя Поля умерла или в конце войны или после войны.

Васильевский остров был не разбит - как был, так и есть сейчас. Большой район конечно, до гавани.

У меня мать умерла. Сначала мама, потом брат, он - в марте. И отец меня отправил в детдом. Неделю я прожила у маминой сестры. В детдом приехали, оттуда нас эвакуировали на Кавказ. Эвакуировали в начале 1943 года. Из Ленинграда вывозили, вроде, с Московского вокзала. Краснодар был весь разбит, поезд остановился там, а от города не осталось ничего.

Привезли нас в Майкоп, там уже порядок был, фрукты были. Там было хорошо, не обижали нас. Повариха у нас была хорошая, она хотела меня удочерить. Но пришло письмо, что нашлись родственники - приехали тетя и бабушка. Мамина сестра младшая и бабушка забрали меня в 1945 году. До 1956 года я жила в Ленинграде.

Училась дальше и профессию получила. А потом вышла замуж и уехала сюда. Потому что бабушке с теткой мешала я. Ругались все время, тетка любила только военных, а бабушка терпеть не могла их.

И сейчас дом наш стоит, с улицы вход. Раньше ведь бань не было, стирали во дворе все. Сами стирали посередине двора, сушили. Двор был большой, чистый. Мне кажется, в нашем доме вообще никто не выжил, соседка только, а больше никого не знаю. В доме в нашем много умерло люде. Над подвалом была квартира, там жили ученые какие-то, так они сразу умерли. Друг брата тоже умер. Наши родственники все умерли...

С первого дня ничего не давали: ни спичек, ни воды - ничего не было. Людей не было таких, чтобы грубили. Район наш не был разбит. Как стоял наш дом, так и стоит. Баня, больница, школа - все целое. Я давно была на Васильевском уже, года три не была. А к сыну езжу, так он в другом районе живет.

Жартун (Лямина) Раиса Викторовна

Я, Раиса Викторовна Жартун, в девичестве Лямина. Я коренной житель нашего Никольского, и моя семья живет здесь очень давно. Мой прапрадед построил в Никольском дом в 1801 году. Значит, это еще даже 18 й век.

Я родилась в Никольском 31 марта 1931 года. Было нас пять детей у мамы с папой. У папы, Виктора Николаевича Лямина, было плохое зрение, но было образование. Он работал немного прокурором или кем-то - юристом или судьей. Но зрение плохое, и он так - когда где. А мама, Лямина Александра Кузьминична, в девичестве Миронова, была портнихой. Шила дома. У моего отца было два брата. Одного убили, а со вторым мы делим вот этот наш дом пополам. На даче летом живут его дочка и внучка.

Моего дедушку по отцу звали Николай Львович. А его отца - Лев Львович. Я в детстве перед войной побывала в доме прадеда. Их хотели раскулачить, они отдали этот первый этаж под общежитие. На втором этаже жили брат с сестрой: Николай Львович с Екатериной Львовной. Екатерина Львовна работала в больнице медсестрой, ну и другой раз к нам заходила.

Бабушка у меня была Раиса, и вот у нее 18 сентября был день рождения. Я ходила приглашать гостей. Сергей Николаевич Лямин, двоюродный брат отца, жил в другой половине в нашем доме.

Я перед войной два класса закончила. Мы учились вот в этой каменной школе. Старшие классы учились в деревянной школе, она была поближе к дороге. На этом месте был дом учительский - двухэтажный дом. Там учителя жили. А в каменной школе учились младшие.

Школа ведь 1914 года постройки. Ее построило, взяв кредит, Никольское земство. На три года взяли кредит крестьяне. Решили, что детям нужна хорошая школа, теплая. И ее быстро построили, кредит они выплачивали. А потом революция, уже кредит никто не спрашивал.

А до школы была больница, хорошая была больница. Больницу уже построили перед войной, незадолго до войны. Там и поликлиника, и больница была, и роддом. Там уже все и рождались никольские.

В поселке Юношество был пионерский лагерь. Вот здесь у реки двухэтажный дом. Там потом дом отдыха был. И мы где-то за церковью переходили по камушкам речку, в горку - и туда.

А в церковь ходили с бабушкой. Мы приходили рано: помню, еще печки топились. Печки были красивые такие, плитки были красивые и пол был красивый. Потом, когда разорили церковь, отец там работал кладовщиком. Там делали ведра, игрушки, тазы. Она была разделена на комнатки. Артели там были разные.

Бабушка моя была из Ивановского родом, вот там устье Тосны. Где сейчас памятник - был дом двухэтажный, и там пароходы шли. Здесь железная дорога и мост, машины ходили, и мы с ней ходили по берегу в гости. Прямо по тому берегу и шли в Никольское. Два брата там жили. И вот Перевоз, потом стояли по берегу. Красиво было идти.

Вот Воскресенское, потом Белая Дача. На Белой Даче жили солдаты. Помню, такой был длинный большой рукомойник, и они там все мылись на улице. А потом деревня Покровская была ближе к Ивановскому. А потом деревня Рождествено. И по той стороне тоже были солдаты. И, помню, у них было красиво. Дорожки наделаны флажками, лодочки красивые стояли, и много домов там было. Это Песчанка. Там и церковь была. Мы с мамой пошли туда после войны, мама нашла фундамент, а рядом с фундаментом ее крестная похоронена - могилочка была.

Домов уже не было. А ведь большой поселок был - десять улиц и проспект. Там дед, бабушка и отец жили до войны, в 1927 году приехали из Червено, дед работал на стекольном заводе.

Мы держали поросенка, кур, уток. Корову не держали. У Сергея там, у родителей, была корова, у нас была коза. Огород был. У нас их было несколько. Туда к речке кусочек и туда к речке, напротив, где Веры Ивановны дом был, задней дороги кусочек, а у Сергея был за дорогой кусочек.

Растили только картошку, кусты были, малина была хорошая. А в войну у нас в дом упала большая бомба. Сергей уехал с родителями. А у них в половине жил генерал большой немецкий. И, видно, наши знали. Большая бомба в огороде упала. Много гряд, кустов - все улетело, остался только уголочек с малиной. А дом не разрушили. Сейчас это 107 дом. Дом был вот так поделен – два окошка у нас, два у них.

Когда пришли немцы, нас из дома уже выгнали из своего. Там немцы жили, а мы жили тут не

далеко. Сергеев дом был, где раньше был Дубоусов. Тоже дом пополам разделен. Мы в одной комнате жили, в другой половине жили две старушки, а на кухне жил Жора Сысоев и Владик, сын его. Вот этот Жора с братишкой, у него был братик Владик и бабушка. Они на кухне, бабушка на печке спала, они тоже. Мама топила печку, и там спали. А когда стали нас эвакуировать, сняли бабушку с печки, а она и сидеть не может, только лежит. Так и осталась в этом доме. Жора с братишкой поехал с нами. Он уже поехал с беспризорными детьми, был такой как детский дом.

Я самая старшая . В войну бабушка пошла работать, снег чистить - и я с ней. Мы с сестрой ходили, а сестра на год младше, чистили снег на дороге, летом засыпали ямки. Нам давали литр баланды и кусок хлеба. Вот мы на всех делили и жили.

Была недалеко немецкая продуктовая кладовая, там был кладовщик, ему нравилась моя младшая сестренка. Ей было три года. Он все говорил, что она на его сына похожа. Ее звали Прасковья, а он называл ее Панья. Мы ее намоем, почистим, оденем и приведем. Другой раз сам пошлет, чтобы привели. И вот он ее накормит и хлеба даст.

Магазинов нет, ничего не работало.

Мы с сестрой работали на дороге. Два литра баланды давали. Летом варили траву, туда этот суп. Хлеб делили на всех поровну. Мы как-то с сестрой говорим: «Мы работаем, дайте нам побольше!» А бабушка говорит: «Нет, вы на свежем воздухе шевелитесь, а они лежат маленькие-то». Все поровну делили.

У меня бронхит хронический, кашляла я всегда. Но ничего, работали. Все равно ходили мы с сестрой на работу. Ходили, смотрели. Немцы сварят мясо, кости выкинут на траву, мы собирали их. Бабушка снова сварит. Чтобы хоть какой-то навар. Потом крапиву туда, лебеды. Вот этот суп выльет на всех, раз в день поели - все. Лебеду в основном варили. До речки было, как лес - все лебедой заросло, все огороды.

Немцы ездили с бочкой - лошадям за водой. Себе воду они возили с родника на кухню. Родник за кладбищем, где Красная Горка. Оттуда возили на кухню. А с речки воду возили лошадям. И мы воду пили с речки. Колодцы были. Вот у Юли Траскиной был колодец. Где сейчас Дубоусова огород, здесь общий колодец сделали. Но вода невкусная, она такая известковая. Постоит - даже такой налет оставался, осадок такой, невкусная, как соленая. И стирать в ней нельзя. Зимой и летом на речке полоскали.

Бабушка в 1942-м году умерла. Отец в братской могиле похоронен и бабушка в братской могиле. Отец в одной похоронен, там еще Лямин Иван Иванович, потом ребенок и Королевой Наташи отец - в одной могиле все. В феврале самим не выкопать, вот немцы заставляли — выкопают, и туда несколько человек. В гробах хоронили. А бабушку в братскую могилу, как в траншею, похоронили. Внизу была такая траншея большая вырыта, и вот каждый день клали, засыпали.

Когда мы уезжали, в это время как гром гремел беспрерывно - такие большие бои. Только ночью потише, а день - как гром гремит. Сразу где Волхов, Ивановское, Колпино везде тут.

Мы один раз на работе были, и с Женей Сысоевым жили в доме. Приходим - у нас ни коридора, ни туалета нет, и двери настежь в щепки. Снаряд прилетел, немцев убило рядом в доме, а наших - никого. А мы с Жоркой и говорим: «Давай накроем сестру простыней и скажем — убило». А вторая сестра еще не пришла с работы. И вот она заходит: «Ой, что же тут, кого убило?» А мы говорим: «Вот, Пашу убило, маленькую!» Она как заорет, а мы давай хохотать.

А немцев хоронили, где дорога на завод, где Павловы дома. Не доходя, были могилки и березка у каждой могилки. А потом большое кладбище было за бывшим детским домом, на горе. Мы ухаживали за могилками, дерн вырывали. Нас заставляли это делать.

Много их погибало. Здесь лошади стояли, кухня была, они варили и в термосах возили в Ивановское, в Перевоз. Один раз вот так летом повезли и приехали назад. А мы уже собирались ребятишки. Если что останется, они нам разливали, отдавали. И вот все стоят с бидончиками, с кастрюлей, они приехали назад, взяли полные термоса и вылили. Никому не дали.

Много их, конечно, замерзло заживо. Они же в пилоточках, на ногах ботиночки. А такие морозы были - за сорок градусов. Помню, выгнали из Ивановского бабушкиного брата. Он парализованный лежал. Привезли сюда к нам. С женой он у нас жил. И потом говорили, что там грибы были зарыты в погребе и капуста в Ивановском. Еще бабушка была жива, а бабушка говорит: «Сходите, может, найдете, чего-нибудь соленого хотелось бы». А мама, когда еще там был дом их, они картошку собрали

и зарыли осенью 1941 года, а в 1942 году осенью мы с мамой пошли туда разрывать. А нельзя было ходить. У немцев был указ - двести метров. Стреляли потом без предупреждения. Они считали, что это партизаны. Ну, вот мы как-то прошли с матерью туда. Уже дошли. И мы, когда пришли, на мост зашли. И так бы сразу по мосту пройти - и близко было. А немец вышел из бункера, из окопа и нас назад выгнал. Вот нашли мы, где были грибы и капуста. Но там уже ничего нет... Мама меня тогда спустила в эту яму, где грибы были. Маленько я набрала, там несколько грибов. Такой был вкусный запах. Это были черные грузди. Их посолили в 1941. Немцы пришли в августе уже, когда посолили. И капусты был такой большой чан рядом. С комнату эту был погреб. Такой чан круглый. И как люди лазали туда? Меня мать еле вытащила, туда-то спустила, а обратно не вылезти было. Маленько и капусты набрали. Потом берегом шли. Смотрим, фундамент остался, кусты стоят и лук зеленый, вот нарвали этот лука.

В нашем доме жила женщина, так она говорила, что в войну поля были за лесом, там была капуста. И немцы детей посылали. Наши видят, что дети, и не стреляют, а немцы себе брали собранную капусту. Во время войны, в 1943 году, в феврале 14 числа нас немцы выселили. Сказали с вещами выходить. Мама шила. Мы с собой машинку взяли.

Отец в 1942 году уже умер. И нас пять детей был. У нас мальчика задавили в вагоне, когда нас эвакуировали отсюда. У нас в вагон еще детей беспризорных подсадили - и битком. А темно. Мать держала его на руках, задремала. Задавили его.

Нас сначала в Молосковицы свезли. Туда нужны были рабочие на плитные ломки, а привезли полный эшелон старух и детей. Работать некому, и вот нас назад, в Гатчину, в лагерь. И вот мы, когда назад ехали, еще ехали опять в этом же вагоне. И дети ехали, и Жора с мальчиком ехал. Мы рядом сидели, как жили в доме, и уже мальчик больной был, Владик, сколько ему - 2-3 года было. А уже знали, что нас везут в лагерь. И этот Жора спрыгнул с поезда и убежал. Взял вещи все, разделил пополам - вот это тебе, а это мне. И так они расстались.

Нас в Псковскую область привезли. Мы как на другую планету свалились. Нас в школе поселили. Недостроенная была школа, плита только в одном классе, и нас всех в один класс. Там крестьяне разделили скот, землю, сеяли, сажали. И все ходили в нашу школу. Каждое воскресенье гуляли с гармошкой. Как они говорили: «Березки справляли!»

Праздновали у нас. Классы большие, молодежь собиралась и гуляла, немцев не было там. Еще и партизан там не было. Там далеко - от Пушкинских гор туда к Опочке.

А потом ничего, училась. Конечно, не на пятерки. Мы там тоже голодные. Когда мать там сошьет чего. Ну и она такая была неприспособленная. Летом мы пасли скот с сестренкой. И вроде заработали хлеба и картошки. Потом деревню сожгли немцы, где мы жили.

Нас из школы, в которой мы жили, в бункер поселили. А в школе возобновили учебу. И мы в бункере жили год. Мы знали, что дом цел, писали нам. А нам надо было получить пропуск или вызов, иначе билет не дадут. И мы там жили.

А с первого июня 1946 года как раз отменили пропуска. И мы приехали в Остров, нам продали билет до Пскова с пересадкой, потом до Ленинграда, а здесь - до Поповки. Потом на плоту перевезли. А когда мы вернулись в 1946 году, церковь была рухнувшая. Видно, бомба попала. Стены были, может, метра два. Куполов уже не было. Только, может, метр, может, два, остатки стен были.

Но наш дом сохранился после войны. А по статистике перед войной в Никольском было 780 домов, а после войны их осталось 22. А дома у нас жили уже. Жила у нас напротив такая Настя Рогова. Она свой дом строила, а нам двери и плиту выломала и раму. Но крыша была.

Потом голод опять. Мы приехали в июне, посадили картошку. А уже жара, и она у нас такая маленькая, не выросла. В июне все собрали картошку, морковку - съели и все. И никто не работал, одну карточку давали тем, кто работает. После войны я еще два класса закончила, сразу пошла я в третий класс. Наверное, от сильного голода я не знала ни одной цифры, ни буквы, ничего не помнила. А потом пошла работать на стройку на завод... Хоть одна будет карточка по кусочку хлеба. Две недели отработала, и карточки отменили. Собрали мне по рублю как аванс - на хлеб. Платили мало, летом босиком работала и чего-то в пятку попало. И резали мне, так и не заживало. Я потом бросила работать, пошла учиться на ткачиху в Ленинграде в 1948 году.

Общежития не было, из Никольского тогда ничего не ездило - ни автобусов, ничего не было. И меня отправили в Нарву. Я в Нарве работала семь лет на ткацкой фабрике ткачихой. А потом уехала в

Таллинн, там жила отца сестра и брат двоюродный. Мой муж белорус. В Таллинне я жила, и там мы поженились, а потом приехали после войны. Из всей молодежи, из всех солдат делали строй отряды. И они все отстраивали Эстонию, Латвию, Литву.

Ну, вот так мы и жили. Сестра потом работала на «Соколе», и муж работал. Мы дом ремонтировали. С мужем, с Сережей Ляминым подводили его. Немцы нарыли землю на дом, окопы сделали, и до окон все сгнило. И вот подвезли леса нового, подвели до окон, новые рамы, новые стекла, покрыли крышу. А потом сестра вышла замуж, а муж говорит: «Я отсюда не пойду никуда!» И я стала квартиру просить. Мы с мужем работали на заводе «Сокол» уже 15 лет. И вот дали мне эту квартиру, а сестра осталась там. Она с мамой жила.

Одна сестра в Донецке живет сейчас, а другая в Челябинске.

Мы все здесь родственники. С Лидиными тоже и по отцу родственники, и по матери, а теперь моего мужа племянница вышла замуж за ее сына.

Зубенко (Иванова) Тамара Михайловна

Я, Зубенко Тамара Михайловна, девичья фамилия Иванова. Родилась 10 апреля 1940 года. Родилась я в кордоне Турово, это Тосненский район, в лесу. Там несколько домов. Мы там жили, там мама лесником была.

Моего папу звали Иванов Михаил. Это второй муж моей мамы. Первый мамин муж умер, он был лесником, ну и мама осталась лесником. Маму звали Прасковья Васильевна Саулина. Она была Саулина. Я была не зарегистрирована, я Иванова была.

У мамы вообще-то было шесть человек детей, в войну двое умерли от голода. Четверо остались – четыре сестры. Я самая маленькая была, сестры были старше. В апреле 1940-го я родилась. Где- то в мае у Тамары именины, поэтому я Тамара. Может, бабушка так назвала.

Я чудом смерти избежала. Во время войны мама в бане была со мной. Я грудная, вдруг бомбежка. Все закричали и убежали. И мама в том числе. А я осталась в бане. Мама говорит, посмотрела, а подмышкой одни штаны, которые мне под подстилку были кинуты. Мама в ужасе: «А Тамарка-то где у меня?» И побежала в эту баню. Схватила меня, только отбежала — взорвалась баня. Так, что я чудом осталась жива. Мне потом сказали, значит,

долго жить будешь.

Маме было тяжело воспитывать нас девчонок. Ну и все сказали: «Вон, парень холостой – Миша. Давай, сойдись с ним!» Она поначалу отнекивалась, потом все-таки согласилась. Все-таки мужская рука, тем более в лесу – нужно было.

Она сошлась до войны с ним, и была беременная. И вдруг приезжают женщина и два мальчика—сыновья этого Миши. Эти ребятишки к беременной маме бросились. Обняли ее: «Тетенька, не отпускай нас с мамой, мы с ней голодаем, она нехорошая! Мы хотим жить с папой». Эта женщина, мама, поворачивается и уходит. И вот с моей мамой остались еще эти ребятишки. Мало того, что четыре девки – я маленькая, Зоя, Нина и Тоня взрослые, – взяла и двух мальчишек на себя. Ну, как девчонки говорят, они молодцы, они приучены были ко всему. Сами себя обслуживали. В общем, нас стало четыре девчонки и два парня.

Потом началась война. Отца забрали в армию. Он погиб, пропал без вести. Пришли немцы. Когда они пришли, мама была лесником. Безусловно, было и мясо, и все. Немцы все обобрали. Нас в одну комнату, а кого и в баню сослали. А мать им готовила, ну, они же немцы, они не любят, если, не дай бог, украдут чего. Было с чего, мясо-то у них было. Это у нас ни мяса, ничего нет – шелуху собирали и лебеду ели.

В 1943-м году немец стал отступать, и нас погнали в Литву. Единственное, когда в Литву привезли, помню, я была маленькой, на мне было красное платьице. Нашу хозяйку хозяйки Дымчиха звали. И она такая толстая-толстая была. Вот она стояла, а ее гуси меня клевали. Помню, что руками лицо закрывала. А она смеялась, это помню очень хорошо.

В Латвии пока были, девчонки работали на хозяйку, на Дымчиху. Там немцы были. По хозяйству все, что надо было, делали. Как мне Нина рассказывает, немец там строил своих, любил детей брать на клюкишки. На клюкишки себе сажал и перед своими ходил, разгонял людей. И, не дай бог, ребенок заплачет. Сразу грозился застрелить. Но таких случаев не было. И меня тоже брал. Один раз такое было.

После Прибалтики нас привезли сюда. А уже ничего не было в Турово. Привезли в совхоз Ушаки. Как в совхоз Ушаки въезжаешь – и на берегу речки Тосно. Тогда еще моста не было, потом построили мост. Домишки были на пять-шесть человек. Свиньи и лошади были. Ну, помню одно, что было голодно

и холодно. Комнатка у нас была одиннадцать метров, спальня и кухня — все в одном. Все здесь было. И помню, что мама была свинаркой. Помню, свиноматка опоросилась, и не хватило титьки поросенку. И она одного поросеночка под мышкой принесла. А тогда сталинские времена были, до расстрела доходило. Принесла этого поросеночка, я его назвала Ефиком. Почему Ефиком — не знаю. Потому что я проснулась, а он к теплу тянется. Мама его бросила и пошла дежурить. Мы его вырастили. Где печка, все соломой заложили, чтобы никто его не видел. Тогда и не было моды ходили друг к другу. Короче говоря, вырастили до такого. Так надо было вырастить, чтобы никто не знал. Ну, когда резали, там уже как бы и купили этого поросенка. Из маленького-то надо было вырастить.

Мама одного мальчика в армию отправила. Второй, Павел, даже не знаю, куда пошел. В общем, мама запретила мне общаться с ними, когда узнала, что у отца, у Михаила, есть бабушка, и она колдунья. Так говорили. Ей было много лет. Они жили в Пскове. Мама сказала, чтобы никакой связи не было.

Ну вот, а я Скобалька, Скобалька. Так незаконно рожденная и выросла. Они Павловны, я Михайловна.

Помню теплицы, большие теплицы были. Они не сразу были построены, как мы приехали. В школу нас возили на санях зимой. Железнодорожная школа была в Тосно. Как с кладбища едешь – мост, и под мостом сейчас там гостиница, вот туда. Там школа была около железной дороги. Одноэтажная, деревянная. Вот в эту школу ходили.

Первого класса я, конечно, не помню. Учительницу нашу первую звали Надежда Тарасовна, она вела русский язык. Русский у меня всегда шел на пятерку, потому что она была очень строгая. А по математике Лидия Ивановна, тоже строгая. Но хромала, конечно, у меня математика. Потом директор школы - мужчина, уже забыла. А первую учительницу я не помню.

Помню, Мишка Латышев что-нибудь обязательно не сделает. Он старше нас был. Хулиганистый такой мальчишка. А раньше учителя учили. Сейчас работают учителя: раз поставил оценку - и все. А раньше по-другому. Пока не сделает уроки, не отпускали.

А мы что, мы с факелом ходили. Это зимой нас привезут на санках, а позднее ходили с факелом все. Накручивали на большую палку, обмакивали чем-то, мальчишки зажигали. И с этим факелом пешком. Света не было. Обратно нас не возили. И вот в такую даль мы шли. Первоклашки и постарше – все ждали, когда Мишка Латышев уроки сделает. Пока не сделает, учительница не отпустит. Мы сидим под окошком - плачем, что домой надо. А вот нет, сделает уроки, тогда все.

В школе не кормили. А что мама давала? Ничего не давала. Мне тогда исполнилось пятнадцать лет, когда мама заболела. Мы остались, не на что было жить. И я пришла в РОНО, помню, кто- то меня научил, пришла, плакала, чтобы меня взяли на работу куда-нибудь. Раньше до восемнадцати лет не брали. Учительница, конечно, она уже умерла, Валентина Алексеевна Максименко, взяла меня учиться шитью. А это в Любани было, на реке Тигода. Там такое маленькое было здание, там я училась. В шестнадцать лет самостоятельно пальто сшила. Там уже было веселее. Тогда еще батон разрезали пополам, маргарином немножко помажешь и два кусочка сахара. И это было на целый день.

Помню, с Тамаркой Голянцевой поедем на санках, а раньше сугробы большие были, не то, что сейчас зимы. Положим две палки, пока рубим, привезем - до чего устанем. А дров нет, по палке разделим - мне и ей.

Детства не было, ходили на прополку, ходили на уборку, в общем, работали. Не было у нас школьных каникул. Надо было заработать на школьную форму, тогда еще и формы не было. Я в железнодорожную школу ходила до пятнадцати лет, полностью я ее закончила. А потом с пятнадцати лет пошла в швеи.

В пятнадцать лет мне надо было встать, из Ушаков пешком дойти до электрички. А электрички тогда ходили сорок минут. Потому что «пых-пых», но можно было сверять часы по электричке. Это дойти, потом сорок минут ехать, и к восьми часам быть на работе. А училась я на Тигоде, в Любанском ателье. Электричка приходит, мне надо еще идти и идти до шоссе, потом спуститься туда. И это все ребенку в пятнадцать лет. И ведь выходила! Зато теперь ноги болят.

А в совхозе Ушаки мы долго жили, я замуж вышла в 1963 году. До 1963 года мы точно там жили, потом я вышла замуж в Стекольное. В 1978 году мама получила в большом доме квартиру, только жить не пришлось. Раз — сердце, и умерла. Помню, мы копали картошку девятого сентября, она пришла навестить, принесла нам попить. Смотрю, ей стало плохо, она упала. Вызвали скорую, положили ее в

железнодорожную больницу в Саблине. Двенадцатого сентября она умерла.

Сестра Зоя вышла замуж. Она в совхозе не жила, жила в Ленинграде. Она вышла замуж где-то на Востоке. Мужа там нашла. Тонька в Ленинграде жила на улице Шкапина, тоже вышла замуж за Рябченкова, в 1945 году родилась у них дочь Лариска. А сестра Нина приехала с мамой в совхоз. Уж сколько ей, трудяге, досталось: она и водителем кобылы была, и лес рубила с десяти лет. Я сижу на лавочке, жду, когда танцы закончатся, а Нине-то хочется на танцы, а оставить меня одну нельзя. А потом на фабрику мебельную пошла, мебель обтягивала. Это сколько силы надо было.

Самое сложное было, когда у меня принимали мое первое изделие в ателье в Любани. Это было пальто. Мы тогда уже в ателье были. Мы на рабочем месте учились - в мастерской на Тигоде. Нас приняли, для ателье мастера учили. Моя мастер - Валентина Алексеевна Максименко, золотая женщина. А заведующая - Зинаида Ивановна. Шустрая такая, тоже молодец. Мы год на ученических были. А когда выпускаешься, и твое изделие приняли, то должны присвоить разряд, и ты уже числишься как мастер.

Когда сдавали зачет, переехали из Тигоды уже в ателье. Ателье и сейчас в середине стоит. Как с вокзала идешь, по правой стороне большое ателье. Оно и сейчас должно быть. А за ателье - Дом культуры. Ателье перед Домом культуры.

Там был такой еврей – Гофман. Он такой был строгий: наденет очки, поверх очков еще одни очки. И были нас две ученицы: Иванова Галя и я - Иванова Тамара. Принимают Галкино пальто, мелом так жирно-жирно кресты ставят. Там печка была, а мы выглядываем из-за печки. А Валентина Алексеевна - из другого угла. Про Гальку она и говорила: «Эта толстоголовая, она ничего не хочет». Жила Галя, вроде, в достатке. А мне было не понятно. Я дома сижу, делаю - то карманы, то петли, чтобы прийти показать все. Машинка ручная. И вот он пальто Галкино не принимает. А это значит - учись дальше, не принимают тебя в ателье.

Стали мое пальто принимать. Принимают, а я выглядываю. Гофман очки то наденет, то снимет, то наденет, то снимет. Ничего не понимаю, все молчком. Не приняли. И вот до сих пор не могу без слез рассказывать. Гофман говорит: «Я не принимаю это пальто. Это не она сшила. Ученица не могла так сшить пальто». И на мастера: «Вы, - говорит, - и шили!» А у меня слезы. Я целый месяц одно пальто шила, вдруг не приняли. То есть, мне еще скажут год учиться.

Потом Гофман говорит: «Хорошо, если вы так утверждаете, следующее пальто будете шить моей жене!» А жена приносит, во-первых «бостон»: ты его утюжишь, а материал отпрыгивает. Очень тяжело его шить. Но уже когда отутюжил, уже капитально сидел. Ну, а я чего? Слезы: опять месяц мне шить надо. Доказать же надо. И месяц опять без зарплаты. А Гофман и говорит: «А если вы сошьете, то третий разряд вам сразу дам!» С первого разряда на третий. И вот я шила-шила. Помню, подкладку принесли на пальто: сиреневый фон и набивные черные цветы. Это надо было видеть. Мы в магазинах такого не видели. Ну чего - сшила все! Довольная его жена осталась. Опять принял - без очков, без всего. Настолько мне было это волнительно: принимают, третий разряд дают. Там остался кусок ткани. Ну, жена и говорит, не помню даже, как ее звали: «Это тебе. Кофточку сошьешь!» А я думаю: кофточку сошью, а с чем я буду ее носить? У меня одно штапельное платье на выход - везде ношу. Висит на стенке под простынкой. Шкафов же не было. А тут вдруг такие кофты.

И приносят мне коробку шоколадных конфет из натурального шоколада, которого в магазине было не достать. А я сдуру иду в больницу к маме с этими конфетами. И тут мама: «Где ты взяла? Где ты украла?» Мама соскочила, у мамы швы разошлись, и меня больше к маме не пускали.

Я там проработала четыре года, без работы не сидела. Ситца было полным-полно. Сама себе все шила. Была худая, мне некогда было толстеть - такую дорогу ходила. У меня осиная талия.

Потом я грузовым диспетчером была. У меня в подчинении было триста шестьдесят человек. Все: весовщики, дежурный, все крановщики, пищики. Обязанностей много было. Вот приходит состав, дежурный принял, мне сразу сообщают номер состава, каждый номер вагона. У меня большой такой график был. Каждый вагон был на учете: вагоны, полувагоны, цистерны. В Наволочной - мельница, ликеро-водочный завод давал нам вагоны. Объем большой. И все у меня на графике. И вот в шесть часов утра я должна сведения все передать в отделение дороги. На первой платформе было у нас отделение. А в восемь часов все эти данные должны быть в Москве уже. По телефону я в отделение передаю одному, а кто-то передает в Москву: сколько вагонов прибыло, сколько вагонов убыло. В

общем, количество вагонов, сколько операций - все.

У нас было тридцать шесть кладовых. Ни один весовщик без моего ведома покинуть свое рабочее место не мог, он спрашивал. Конечно, в каждой кладовой еще были старшие весовщики, но все равно мне все подчинялись. Контейнерная площадка, куда контейнеры приходят, мебель приходила и домашние вещи. Все было на учете.

Вот у меня стаж с пятнадцати лет и до семидесяти лет. В семьдесят лет я закончила и не отпускала меня Котина, она была начальником: «Тамара Михайловна, поработайте еще!» Я говорю: «Нет, семьдесят лет - и я заканчиваю. И вот не работаю так.

Игнатьева (Гончарова) Нина Артемьевна,

Я, Игнатьева Нина Артемьевна, девичья фамилия Гончарова. Родилась в 1939 году в Питере. Мать умерла в первый год блокады, а отец - в первый год войны. У меня была тетушка, мамина сестра - Медева Евдокия. И, видимо, когда мать умерла, она меня забрала к себе, она жила на Большой Охте. А потом мы ездили с ней на Ржевку, и моя тетка говорила: «Ниночка, это твой дом!» Она была опекуном, я постоянно была у нее дома, она брала на выходные. Другие ребята не уходили, а она меня на выходные брала. Ну, если двоек не было, то брала.

Большой был детский дом. На Лесном проспекте он был. Когда на выходной приезжала, кольцо двенадцатое было около тетки моей. Я садилась и ехала до конца. И там же было кольцо около детского дома. Я спокойно садилась и выходила там.

Народу в детском доме было очень много, спальни были очень большие. И маленькие, и большие дети все вместе были. Малюток, конечно, не было. В общем, наверное, школьники были все, с первого класса, может быть. Я не знаю, с какого класса в интернат я попала.

Зимой мы ходили в мальчишеских шапках, а так в платочках ходили. Тут показывали детский дом, я сыну говорю: «Вот так я ходила». И до 18 лет все ходили парами. И в театр, и в баню - все по парам. Сперва было плохо, кормили плохо. Нас не обижали в детском доме, не отнимали еду. А нечего было отнимать. Давали сперва понемногу, даже когда война кончилась.

Я помню, к тетушке на выходные приезжала, я даже помню, у них на Охте там не Нева, а канал идет. У них там дом стоит почти рядом с этим каналом, сараи даже были. Огородики были, картошка была. А картошку собирала мороженную. До сих пор помню этот вкус. А потом она знаете, что делала? Она работала в колхозе. Сейчас это Всеволожский совхоз, наверное, был бы. А когда она брала меня на выходные, вспоминаю: идет дождь, а такие плащи были – дождевики. Она закроет меня им, я сплю под дождем, а она работает.

Ходили с ней обедать. У нее были талончики после войны. Например, если по выходным ходили в столовую, был талончик. Но я не замечала, платит она или нет. Она похлебает гущу, а остальное мне отдает. Даже по выходным уже после войны: «Ниночка, сходи за детским молоком». Тоже был талон. А знаете, недалеко от Смольного львы стоят, там была кухня молочная. Бутылочку молока дадут. У меня в кишечнике язвы, мы жмых постоянно грызли, грызли. До сих пор вспоминаю баланды привкус, какую- то баланду на обед давали ей, она тоже со мной делилась.

3 класс, 112 й школы, 19 мая 1952 й год. Гор. Санкт-Петербург. Группа детдомовских детей

Наш детский дом в блокаду не вывезли. Я всю блокаду в Ленинграде была, тетушка тоже всю блокаду была. А я один раз, когда на выходные приехала, гадость тетке сделала. Мы жили на втором этаже, а внизу мальчишки бегут. И они кричат: «Нина, дай что-нибудь, мы тебе картошки кинем вареной в окошко!» Как сейчас помню. Я выкинула ее медаль за одну картошину. Как он меня била! Между ног меня зажала и давай бить. Я не понимала, что это ценность, я не знала этого. Они кинули и говорят: «Нинка, ты съела, да еще и обоссанная!» Парнито эти надсмеялись надо мной.

Бомбежку я помню, помню, как баба Дуся моя на крышу лазала тушить.

Бомбили, да. А вот где мы жили на Охте-то, такого разбомбленного сильно не было. Я только помню какой-то завод был разбитый, мы туда бегали за красками акварельными. Они же сладкие, еще на меду были сделаны. Мы их сосали, как конфеты. А потом получше стало после войны в детском доме. В войну то, баланду давали, бедно кормили, немного давали всего.

Мы в блокаду в кукол играли. Сами делали кукол себе обыкновенных из тряпок. Мальчишки,

Санкт-Петербург, 1945 й год Нина Артемьевна с сестрой матери Медевой Евдокией Алексеевной

может, какие-то деревяшки или что придется, машинки делали, колесики. А я куклы. Это мое любимое было дело. А постарше стала, другой раз делаю-делаю. Приеду из детского дома, когда мама возьмет, это я так опекуншу называла. Я говорю: «Мама, красивые куклы?» Она говорит: «Нина, красиво! Так красиво. Перед красивый, а задница голая!» Я спереди наряжала, а сзади связывала по-всякому из любых тряпок.

С нами играли и занимались, все с нами делали. Никто никого не обижал. Я мертвых детей никогда не видела. Может быть, их куда-то увозили, хоронили. Особенно как-то не умирали, но точно я не могу сказать. С первого класса мы уже сами все за собой убирали и мыли, нас к этому приучали.

Праздники делали, военные какие-то подарочки другой раз приносили. На новый год чего-то делали. Подружки у меня были, Женя, например. Мы вместе приезжали к тетушке и все втроем лежали. У нее кровать большая, на ней она, я и Женя. Все вместе лежали, чтобы теплее было. В доме холодно было. Гуляли на площадке. Если, например, в баню, то парами ходили. На концерты какие- то после войны уже стали водить.

Война закончилась - бегали, радовались. Все радовались, что война закончилась. Помню парад. Мы сами выступали на параде. На

машине снимали борта деревянные, пирамиды мы делали на этих машинах. Машины медленно шли.

Еще помню, мы на улицу выходили, а там был магазин. Меня все время отправляли как цыганочку: «Нина, постой около булочной». Мне все давали. Я и не просила - стою и все. Люди добрые давали, если что-то есть, а мало самим, так отломят чего-то или подадут. Меня все время так подставляли. И в детском доме подставляли.

А в детском доме уже после войны мясо появилось. Чтобы косточки дали или еще что-то: «Нина, ну сходи, помой посуду!» На кухне помою посуду. Хлеба-то мало было, а если даже какие-то корочки были, их тем давали, кто посуду моет. Может горсточку дадут или еще что. Вот, например, если идем куда, когда уже стали постарше — в первом, втором классе уже разрешали выходить. Идешь, а там ктото ест. И думаешь, хоть бы кинули огрызок или что, свободно подбирали. Какую-то копеечку найдешь, потом за копейки чечевицу брали, а потом ели ее. Она твердая, но мы разжевывали и ели. Есть-то хотели. Она размокнет, и разжуешь. Так и жмых грызли, там же отгрызть надо, а то одна шелуха подсолнечная. Так у меня сейчас все на свете со здоровьем. Жмых давали лошадям. А как я поеду в колхоз с тетушкой, там наберу этого жмыха. Так не разгрызешь, а эта шелуха от семечек е острая. Очень страшно это. Сейчас вот цветет огуречная трава. Мы, бывало, соли возьмем, разотрем с солью и едим так эту траву. Вместо огурцов ели даже. И подорожник ели.

В театр потом стали нас водить. А у меня была еще воспитательница очень хорошая, почему она меня полюбила, я не знаю. Она и говорит: «Нина, ты скажи маме, что будет выходной, я тебе к себе возьму». Она меня к себе брала много раз на выходные. Тетя все, что надо, старалась покупать. Я ее мамой называла. Воспитатель, например, говорит: «Скажи маме, чтобы карандаши купила!» Так как она опекун, должна была покупать. Не требовали одежды или чего-то дорогостоящего, а карандаши просили. А я еще думаю: «Чего это она мне и пояс покупала для чулок, какую-то кофточку»? Я такая нарядная приходила. А еще вспомнила, после войны появился хлеб круглый, большой такой. Она его, как конфетки, приносила. Целый она не приносила, нарезано кусочками было.

Я помню, очень часто болела, с ногами было плохо. В третьем классе я заболела менингитом, и меня после лечения отправили в интернат, чтобы менее сложная программа была. В школе тяжело было. Самые большие задачи решить не могу никак. И нас человек десять из детского дома отправили в Евпаторию. Воспоминаю до сих пор море. И вспоминаю, как кормили хорошо, и фрукты были. Был республиканский детский дом. Сейчас все делят по национальностям, а дети-то одинаковые. Мы были все вместе.

А вокруг сколько народу-то было, находились родители, и как мы плакали, когда они уезжали. От радости плакали. Когда в интернате были, одна женщина приезжает и приезжает. После войны уже

Пос. Георгиевское, Тосненский район, 1965 й год Нина Артемьевна, доярка

находились родители. А потом позвали девочку одну. Мы спали, когда она приехала, оказалось, мать ее нашлась. И там же в Евпатории она ее и нашла. И она нас, помню, когда провожала на вокзал, столько фруктов в дорогу принесла. В Евпатории я целый год была.

Там меня лечили, и ноги лечили грязью. Даже запах этой грязи помню. А еще помню, лечебница была. Озеро Мойнаки называется, на этом озере я купаться научилась. Зайдешь - не тонешь, если глубже зайдешь, переворачивает только, но держит.

А когда я приехала, говорю: «А чего меня опять в интернат? Возьмите в детский дом, я же с ребятами со всеми училась!» «Нина никак тебя не взять!» Увезли в интернат. А я все тянулась к своим. В интернате не очень нравилось. Там много было детей, но больше домашних было, детдомовских мало было. Там же они приезжали и хвастались, одевались хорошо. А мы-то этого не видим. И тетушке меня не одеть было. Я как сейчас помню, физкультура должна была быть, так она мне тапочки крючком вязала на физкультуру даже.

В интернате была до восемнадцати лет. Училась шить, всех учили. Например, после войны материалы какие-то привезли, не покупали нам платья ведь, мы сами шили. Я даже не помню, чтобы машинки были, потом они появились.

Но шили, нас учили. Я и вышивала, я все делала. Я и до сих пор умею и вязать, и лепить, и рисовать, и шить.

В восемнадцать лет вышла, тетушка меня к себе прописала. У нее была комната, но она после войны мужчину нашла себе. Печник пришел такой и остался. И он ее очень обижал. Она потом жалела: «Нина, лучше бы я тебя не прописывала к себе, тебе дали бы и комнату в общежитии, и квартиру бы уже получила, и все!»

Тетушка умерла.

А потом они меня взяли, устроили тоже на Охте, не помню улицу, устроили в ателье ученицей по ремонту верхней одежды. А оттуда нас взяли и отправили в колхоз. Волховский район, Шумский колхоз. Кировский теперь район считается. Часто вспоминаю колхоз.

Как сейчас помню, бабушка нас пустила. Нас много было - с галстуками, комсомольцами нас сделали уже. Спали мы у нее. Дом деревянный, площадь большая и сена много, все спали на сене. Хлеб пекли в пекарне собственной. Хлеб был такой с дырочками, и он ситный назывался. И приносили нам

Муж на тракторе, совхоз, 1959 г.

молока и этого хлеба. А так варили себе сами. С нами был комсорг. Там я познакомилась с парнем, он не понравился мне. Мне нужно было уезжать, некуда было деваться. Так дружили и все. А потом он приезжал. Помню, как в ателье приезжал, в кино с ним ходили. Помню, он к тетушке приходил, а у нее этот пьяница был. А он мне говорит: «Нина давай!» Мне был девятнадцатый год. Он говорит: «Чего мучаешься, давай мы запишемся и уедем в деревню. Записались, как сейчас помню, у меня гдето. А приехала, свекор нас на лошади встречал. Он думал, приданого много, а у меня из детского дома - мешок для матраса, наволочки, простыня, пододеяльник. И одно единственное было платье - и то с кисточками. В нем записывалась я.

Ну что - ребенок еще, тем более военные годы. Они как бы дети тоже запоздалые. А я тем более была такая. Я ни с чем, а он на лошади. Как мне не понравилось. Приехали, а там семья - человек двенадцать. Стала я там просто золушкой. Я уже на свинарник пошла, тетушка тогда ко мне приехала:

«Нинка, Нинка, нельзя было этого делать!» Она и говорит: «Нина, на кого ты похожа: свинарник, вонь, грязная идешь домой!» А я вставала и русскую печку топила. Потом нам житья не стала давать свекровь, пришлось уехать.

А муж-то, оказывается, записался со мной, а до меня с девкой гулял, да и разругался. И со мной записался, а мне деваться некуда. А его мать меня повсякому: и нищенка, и пришла вся такая! Я не могу уже говорить, что это было. И на улицу пойдет говорить. Вот бывало, все делаю-делаю, она сядет (свекровь) и говорит крестной: «Как я устала: и воды натаскала, и это сделала!» А кумушка говорит: «Я же видела, что это Нина все делает!» А еще она съездила к тетушке, побыла, приезжает. Она и говорит: «Володя, пока не записались, гони ее, пускай пока не выписалась, гони ее!» А там я тоже не нужна.

Меня снимали из петли, чего только не было, я не знала, куда деваться. Паспорт не отняли, а куда я пойду без денег, без всего? А денег не было, потому что я на трудодни работала, на палочки работала. Ни денег не было, ничего не было.

Муж даже пытался в меня стрелять. Он был комсоргом, гулять ходил много, а я с троими. Я третьим беременна была и работала на почте. Такие сумки носила! Столько домов обходила, столько газет, все пешком. И семью тянула, дети на мне. Потом пришлось уехать, просто уехать.

Приехала в Георгиевское, дали нам дом - финские домики такие были. Как цыганка приехала: маленький сын был на руках, ему было год и семь, еще даже грудь сосал. Эти двое - один одного меньше, в школу еще не ходили. А раньше треска продавалась хорошо. Я треску купила, попросила кастрюлю. С собой только белье было взято, ехали без всего. На полу, как цыгане, сварили, ребятишки сидят, прямо едят с этой кастрюли. Через все прошла.

Приходят вдруг и говорят: «Знаете, у нас мужчина проработал много лет, он вчера сгорел, а идти ему некуда». А там домов не было, просто свои дома, еще был такой барак. Его сапог называли. А почему сапог? Шел, как сапог: там все двери-двери, и с другой стороны тоже. А куда деваться? Выставили. Обратно идти к начальству и не знаешь, как. А Володя, мой муж, был жив еще. Он и говорит: «Нинка, вот какой-то дом стоит в два этажа, назывался барский дом. Раньше там барин жил. Он весь сделан из бревен, а идешь по лесенке - шатается, окна разбиты!» Хорошо, лето было. Там солома. Мы, наверно, месяц на чердаке жили на соломе. Как цыгане жили. Из досок сени такие маленькие сделали. Там мы и жили в этом домике.

86

Потом я пошла дояркой сама. На свинарнике с роду не была - и пошла. И бревна пилили, и лес пилили и валили. Нужно было на свинарнике и заготовить все и запарить. Тащишь ведра, еще и третье нужно было ведро. Брала с собой старшего сына, свекровь не стала сидеть. На свинарнике он был у меня. Так и эти со мной тоже все были. Муж и умер там, у него рак образовался. 29 лет ему было. Он там и умер.

Так я осталась в домике с ребятами. Одну сторону ломала и топила дом, крыс было полно. Самой подоить надо и кормить. На дойку пойдешь в три часа утра, накормишь, бачки таскаешь, потом в обед. В общем, целый день так вкруговую. Потом бригадир сюда приехал и говорит: «Нина, возьми молочка хоть!» Ну, я брала, чтобы детей хотя бы накормить. А потом построили в Георгиевском квартиры, и мне

Деревня Сопели, Шумский колхоз, Волховский район, 1957 й год

дали на первом этаже квартиру. Квартиры там - коридор длинный, кухня квадратная, стол - все было, и диван стоял.

Когда я заболела, ноги стали болеть, а там был подсобный цех, где делали детали. Я стала там работать. Подсобный цех перевели в Ушаки. Мне тогда ездить сюда надо было бы. Они говорят: «Нина, хочешь, переезжай сюда в квартиру!» Я приехала. Ремонт делала сама, мальчишки были маленькие. Переезжала – плакала, жалко квартиру. Такая квартира, большие окна такие. Привезла старшего, а сын говорит: «Мама, наверное, сюда придется переехать!» Как знал. Там воды нет до сих пор. Я не знаю, как сейчас, раньше привозили воду. Автолавка и бочка с водой ездили. Стирать ходили на озеро летом. На кустах еще белье вешали. Туалет на улице, выкачивать надо.

Такая моя жизнь вся. Прожила непонятно как. Ничего, зато было интересно.

87

Карцева Раиса Николаевна (Ефимова)

Я, Карцева Раиса Николаевна, в девичестве Ефимова. Я родилась в 1930 году в Тосно. Папу моего звали Николай Ефимович Ефимов, а мама - Вера Андреевна Мельникова. Мама была не очень молодая, 1901 года рождения, в войну - 41 год. У матери было двое детей: я и сестра Лида. Лида младше на четыре года.

Мой дедушка был ямщиком, тогда железной дороги не было, и они жили напротив церкви, Дома культуры бывшего. Он Радищева возил из Петербургу в Москву, железной дороги не было. Мама рассказывала, мне было три года, когда он умер, я его еще помню.

Бабушка умерла в 1918 году 18 мая, похоронили у этой церкви. Примерно сзади задней двери и туда, к речке. Ей было тридцать шесть лет. Она была четвертым беременна, копала грядки сзади военкомата старого. Сзади типографии. Там грядки были. Ей сделалось плохо. Кто-то сбегал и позвал фельдшера. Прискакал на лошади фельдшер. Моей маме было 17 лет, а ее мама, бабушка Шура, уже умирала, а живот шевелился. Умерли и мать, и ребенок. Всех тут и схоронили в 1918 году. Кто спасать будет? Нечем было спасать. И фельдшер ничего не мог сделать. Маме было 17 лет, а тете моей 7 лет еще только, когда бабушка, их мама, умерла.

Папа у меня в германскую Первую мировую воевал, был пять лет шесть месяцев в плену в Германии на лесозаготовках. Штат Нутенбург. Он мне рассказывал, я помню. Он там был в плену, а потом их, русских, на немцев поменяли. Пять с половиной лет он там прожил на лесозаготовках.

Я училась в двадцать восьмой железнодорожной школе. Со мной учились Катя Пермякова (Лебедева), Женя Машкова. А учительница была Ольга Васильевна что ли, не помню. Я была отличницей по всем предметам.

Мама работала курьером, а папа на ремонте в машинно-вагонном производстве. Мы жили напротив старого райисполкома, на Ленина, там деревянные дома стояли.

Училась в железнодорожной школе, была она на Ленина. Папа потому что работал на железной дороге, а мама курьером в райисполкоме работала. Бегали, играли по дороге, машин было мало, свободно. Босиком по Ленина бегали.

Ну вот, война началась. Мама не стала покупать продукты - не на что, денег не было. Курочки были, огород и курочки. Люди стали говорить, услышали где- то, что немцы близко. Папа нас одел, а у него в Питере на улице Жуковского родственники жили. Он нас одел, у мамы икона с собой Казанской Божьей Матери, вещей с собой особенно никаких не брали, и мы пошли. Дошли до станции. Нам сказали, что немцы пришли, и мы вернулись. На Балашовке у родственника был бункер, мы там спрятались, не пошли на Ленина обратно домой.

В этом бункере и пожили. Ничего, какие магазины? Все разбомблено, разгромлено, разрушено. Кто бомбил, кто воровал. Немцы пришли очень тихо, со стороны Шапок. Где-то бомбили, где-то стреляли, а мы на Балашовку в бункер прибежали прятаться.

Со стороны Шапок немцы ехали на танках, но не стреляли, не бомбили, просто на танках ехали. Рукава завернуты, жуют жвачку и нам давали конфетки. С танков кидали, мы стоим на дороге, а они со стороны Шапок вот отсюда, вот туда на Ленина, вот здесь стояли мы. Они в сторону Ленина ехали на танках. Потом немцы у нас в комнате поселились, а мы на кухне на печке.

Я помню, когда гнали по шоссе большой отряд наших солдат русских пленных, их гнали, а они стонали: «Хлебца или сольцы поесть бы!» Я бегом домой. Мне не достать - на столе отрезанная буханка. Я на табуретке нарезала, солью посыпала - и в шеренгу на середину. Впереди два пулеметчика, с боков два пулеметчика и сзади два пулеметчика, охраняют наших пленных, чтобы не убежали, наверное. А куда их гнали - или на станцию отправлять дальше, или в Поповку копать окопы, я не знаю.

Тепло было, я раздетая побежала и пихнула, кому успела. И вот, колонна кончается, а сзади немец с пулеметом, и я тут под ногами, он тихонечко ногой под задницу мне дал. Не застрелил.

Мы так и жили тут, немцы нары сделали в нашей комнате. Маму посылали копать, дороги ремонтировать, она ходила с Надей Бородулиной.

Дядя, еврей, жил напротив, где памятник сейчас стоит. Здесь деревянные дома стояли. Здесь жил часовой мастер еврей — дядя Яша, у него была дочка Нина, со мной училась. Жена Настя, сын Иосиф погибли в речке после войны. Его забрали, раз он еврей. Где старый госбанк, еще и сейчас стоит, там

были эсэсовцы, они его взяли как еврея. Они уничтожали евреев. Он уже не вернулся домой. А потом сказали, что его в туалете утопили.

Моего папу тоже забрали. Он черный, кудрявый и по-немецки говорил. А еврейский язык с немецким очень схожий. Его тоже забрали. Но он рассказал, что был в плену, что пять лет и шесть месяцев на лесозаготовках, штат Нутенбург. И его отпустили домой. И мама с тетей, маминой сестрой, очень плакали, не ожидали, что папу отпустят.

Дети погибали, если только от бомбежек, голода и болезней. Фокина вешали. Партизан что ли он? И нас согнали всех, где универмаг сейчас на углу. Там сделаны были виселицы. Это где почта, на углу, там Бакулины жили, рядом их дом. А Бакулины церковные служителями были, родители - певчие, с Машей, их дочкой, я училась.

Нас пригнали, чтобы посмотрели. Их уже вешали, а нас пригнали. Посмотрели, что висят. Мы видели только Фокина. А еще видели, когда шли в баню. Наша баня до сих пор работает, стояла и раньше. Мы в войну ходили в баню мыться. Она работала, а на повороте в баню, напротив милиции, стояла виселица большая, тут висели. Ноги только мне видно было. Головой об эти ноги зацепились, посмотрели - и пошли в баню. Повешенные висят, и все.

Мы жили в оккупации два года, никто не спрашивал нашу нацию. Не все были фашисты, были добрые люди. У них же тоже были дети, понимали тоже. Да и посылки посылали, немец отрежет торта, а мы за занавеской. Они в комнате, мы на кухне. Он занавеску так откинет рукой и нам с Лидой сует по куску торта вкусного. Вспоминаю добрым именем. И гибло много людей. На все воля Божья, погибло столько наших.

У нас икона Казанской Божьей Матери висела в футляре, немец к маме подошел и говорит: «Вера, благослови меня. Завтра в Поповку на фронт наших убивать!» Мама нас с сестренкой обняла и стоит трясется. Это я помню. А он говорит: «Вера, не бойся, я мимо стреляю!» Да, всякие были фашисты.

Там, где памятник, деревянные дома стояли. Мы бегали туда, и немец Карл, повар, нас кормил. Карл солдат немецких накормит, потом сосчитает, сколько нас человек. А суп ложкой не провернуть густой, вкусный. И мы, кто рядом жили, все бегали, кормил он нас всех. А у нас у всех такие котелочки сделаны - из-под тушенки ведерки. Этот повар Карл наливал всем супа. Царство ему небесное. А потом меня за волоски вот так за черные: «Ту зови май шверцир, ты как моя сестра, май кляйне шваце целойле — маленькая черная цыганочка!»

Потом на немецком спрашивает: «Твоя мама стирает белье немцам?» А я говорю: «Все женщины стирают, чтобы кусок хлеба заработать!» Он мне говорит: «Штейн, стой и ройх –молчи!» Он вязал узел белья, а немцы носили белье нижнее трикотажное. Он навязал узелок, а мы через дорогу наискосок, напротив старого райисполкома жили. Я этот узел через дорогу еле перенесла домой. Принесла на кухню, мама и говорит: «Ой, Рая, как ты принесла то?»

Она стала развязывать этот узел: в одном рукаве завязан мешок риса, а во втором насыпан сахарный песок. Потом мама все настирала. Не порошком и не мылом, а с золой делала настойку какую-то, белье кипятила. Нагладила, и я ему отнесла. Он тогда дал буханку хлеба. Папа еще был жив, это было в начале 1942 года.

Дядя Коля Захаров был в партизанах. Это у них мы в бункере прятались на Октябрьской улице. Он прибежал домой к нам, а у нас в комнате немцы живут, мы же на печке спим на кухне. А он прибежал: «Вера, дай покушать!» Только скорее, чтобы немцы его не видели, ведь партизан с той стороны прибежал домой. Рисковал. Спросил, где семья. Тетя Зоя у него жена была и два сына: Юрка и Игорь. Юрка этот потом был офицером большим, в Латвии служил. Он пришел, чайку попил, мама дала, что у нас было, и убежал быстро.

А семья его уехала на родину под Любань, у него там родина была. Туда уехала тетя Зоя, она бабушкина сестра, дядя Вася, ее отец, он бабушки моей брат родной. И тетя Маня Курочкина, и Сулягины, и Бородулины - все моя родня. Тосненские все. Потом они вернулись после войны домой.

Мы жили дома, но в 1942 тиф пришел к нам, всех увозили. Где кладбище сейчас есть у совхоза Ушаки, тут было большое поле и колхозная скотина в бараках. Стояли большие длинные три барак, нас туда хотели поместить. Нам не хватило там места. Нас немцы обратно привезли, в свой дом, забили окна, двери. Повесили надписи «Заходить запрещается!» Мы не имели права выходить из дома.

Папа умирает девятнадцатого августа, в праздник большой церковный. Бомбежки были очень

сильные. Я запомнила очень 19 августа. Тогда в состав попала бомба, и снаряды стали рваться, а русский парень увез состав со снарядами в лес в Ушаки. Иначе все, Тосно бы не осталось, если бы не он. А папа у нас умер в этот день. Ни лекарств, ничего не давали.

Немцы съехали сразу, как тифом мы заболели. В комнате они у нас не жили уже. Спасибо дыркам от сгнивших сараев. У соседей, у Сенашкиных, коровы были, они там раньше жили, и сарай у них был, а сарай тоже разбомбленный, весь гнилой. Я бегала туда, в эти дырки у немцев просила чего-нибудь. Мама два месяца лежала больная, а я бегом к бабке Ольге на улицу Колхозную, у нее была корова, и она наливала нам молочка, дай бог ей легкого лежания, царство ей небесное.

Никому не давали немцы. Нас целый двор людей, нам не давал хлеба никто. Я к немцам бегала и вот так просила. А через два месяца бараки сгорели. Думаю, с людьми.

Мы в Тосно прожили два года, фронт в Поповке, а мы под немцами в оккупации. Увезли вначале в Латвию, потом в Германию. Никто не спрашивал наше желание. В эшелоны ногой вот так под задницу. Все эшелоны - товарные вагоны с дырками. Не знаю, везли, везли, привезли на берег моря, хотели грузить. Но тут приехали на лошадях латыши, нас сосчитали.

Всех русских посадили на телеги. Мама моя с тетей тоже просились, чтобы нас вместе взяли. А латыш говорит, что ему негде нас всех вместе держать, и кричит соседа. Сосед берет тетю мою с двумя мальчишками. Привезли, дали нам комнату. Кормили за одним столом. Коровы у них были - пять или четыре, я доить там научилась, вязать научилась. Лебек фамилия, хутор Лебекс, двенадцать километров от Осетинской погости.

Мама с тетей ходили на поле работать. Но тетя моя жила у таких латышей, которые с немцами дружили. Он был полицаем, им есть не давал ничего. У этого латыша - начальника, хозяина - жил пленный. Этот пленный коров кормил, доил. И вот он потихоньку приносил тете моей молока, у нее же двое мальчишек вот таких.

А наши латыши не такие. Подвезут бочку на колесиках: «Райка, садись! Крути вот так!» Покрутила. Открыл бочку, а там вот такой кусок сливочного масла, его на стол. Хлеба горячего напекла. Сварят чего, кормили нас латыши. Добрые люди. Помню, хозяин наш ездил за хлебом двенадцать километров. Приехал и говорит: «Вот такое поле большое евреев расстреляли, земля шевелиться».

Очень хорошо жили год. А потом снова в эшелоны и снова увозят. В это время Питер освободили в 1944-м году, а нас увозят в Германию, куда - мы знали. Опять на хуторах пожили. Восточная Пруссия, штат Лангенбург, Фрау Ридер хозяйка. Берет меня за руку и говорит: «Райка, пойдем к доярке!» У нее пятьдесят коров. Доярке говорит: «Вот этой Райке наливай молока каждый день четыре литра!» Нас восемь человек тосненских. Ну, мама моя, тетя с двумя и с Калининской области баба Анна с дочкой Катей. Кате двадцать лет было, бабе Анне было восемьдесят пять. Баба Анна не ходила в поле, Катя работала, тетя моя и мама в поле работали. И там много пленных наших русских тоже работали на поле у этой немки. Она всех кормила.

Наши военнопленные работали на них. А мы-то не понимали, что нас тоже в рабство привезли. В 1944-м году Питер освободили, они, наверное, это знали.

А у нее муж летчик был, офицер какой-то. С погонами - красивый, в гармошку сапоги до колена. Полетел на самолете, сел на поле большое и пришел к нам. Взял мою тетю за руку, на улицу вывел и спрашивает у нее, а она меня за руку берет. Мы по-немецки говорили все. И Коля у нас был пятилетний, он тоже по-немецки шпарил. Летчик спрашивает у моей тети: «Ваши когда придут, что нам будет?» Откуда мы знали, когда наши придут. А оказывается, уже Питер освобожден.

Тоже год прожили. Привезли на берег моря, стали грузить на корабли. Нам не хватило там места, через час сообщение дошло, что корабли разбомбленные утонули. На лошадях опять везут на станцию, на вокзал ехали долго, потом погрузили в эшелоны и повезли. И мы вышли в Нюрнберге. В лагере жили, были узники. Нары были сделаны. Тетя с двумя мальчишками и мама, мы две сестры, еще вот тут украинки, тут полячка. Русских наших из Тосно три семьи или четыре и белорусы, украинцы человек пятьдесят. И мы просто там жили, побирались. Немцы нас не охраняли.

Сказали, что здесь конфетная фабрика, но когда нас привезли, ее разбомбили. А когда мы поехали, у нас двоюродный братик Коленька пятилетний заболел дифтеритом. Маминой сестры сын. Старший Вовка 1934 года, а этот был на четыре года младше, 1939 года или с 1940, не помню. И мы пошли в больницу проведать. Из лагеря уже с тетей пошли, приходим в больницу, а врачи и говорят: «Вы поздно привезли его, он умер уже!» Дали гробик в больнице, показали место. Тетя взяла костюмчик

вельветовый зеленый бархатный, как сейчас помню, взяла из барака, когда мы выходили. Одели его и положили в гробик и хозяйка кладбища сказала, буду присматривать за вашей могилкой пока жива, немка эта. Мы похоронили его здесь. Дома высокие, двенадцатиметровые, и когда Кокочку, Коленьку так звали, хоронили здесь, то со всех этажей висели руки, ноги обгоревших немцев.

Освободили нас наши союзники. Мосты взорваны, платье рваное, мы не кормлены. Мы жили в лагере, прятались от бомбежек в подвале. Сильные были бомбежки в Нюрнберге, поэтому там в подвале прятались. Опять живы остались.

В подвале этом нашли продуктовые немецкие карточки использованные запечатанные, связанные в пакет. А мы, ребятишки, туда залезли. На костре воды нагрели, положили эти картонки, они и всплыли - талончики продуктовые. Они были приклеены на таких картонках. Отогрели на костре, высушили и пошли в магазин покупать продукты.

Со стороны Кенштрассе лес, деревня, а оттуда танки ехали. Американцы сидели, рукава закручены. Не стреляли. А мы стоим вдоль дороги. И магазин разбитый. Мы заглядываем. Все туда лезут, а никого не пускает американец. Он стоит на фундаменте и мне говорит: «Ты русишь?» Я говорю: «Русишь, русская!» «Иди в подвал». Я мешок нашла и полмешка обуви набрала в магазине, в лагерь принесла. Никого там не было, немцы не охраняли лагерь.

А потом нас увозить стали. Да, спрашивали документы, сначала сделали нам дезинфекцию. Чемто обливали или мыться заставляли в бане и штамп ставили, что мы прошли, чтобы никакой заразы в Россию не привезти. На нас свое было.

Приехали в Тосно. Тут местное начальство приехало, уже занят был Тосно. Нас не прописывали. Поезжайте в Андрианово! Маме пенсию не дают - у нее две дочки есть. Вшивые, голодные, рваные, после войны ни надеть, ни обуть ничего не было, что с собой было, то и носили.

В 1946-м году мы уже вернулись, ну, в смысле в 1945-м году нас где- то в мае, где-то осенью привезли. Мне было 16. Я еще хотела после войны пойти учиться в школу рабочей молодежи. А нас туда не взяли, я на парикмахера хотела учиться, сказали, раз у немцев была - не пойдешь. Маме пенсию не давали, не прописывали нас в Тосно, когда вернулись. Сказали: «Поезжайте в Андрианово на поле», - нас местные власти очень обижали, очень. «На парикмахера учиться не пойдешь, ты у немцев была!»

У тети моей муж работал в уголовном розыске до войны, пропал без вести, офицер был. Платонов. В сентябре 1942 года был на береговой охране, и там, наверное, он и пропал без вести. Тетя моя пошла к начальнику милиции и по-русски ему: «Такую-растакую! Ты за чьей спиной прятался? В погонах тут сидишь!» И она ему сказала все это. Он достает журнал: «Прописывайтесь!»

Нас соседи потом пустили, сначала не пускали, потому что дом не лично наш был. Папа до войны работал там от железной дороги, и этот дом принадлежал организации по строительству. Потом заняли их место рабочие, кто у них уже работал. А сразу после войны негде было жить, не пускали никуда. Нельзя. «Вы были у немцев, вы такие-сякие!» Нас очень оскорбляли местные власти. Много было разрушено, бомбежки же были, сгорели дома. Были люди, которые вернулись и нашли свои дома, сейчас дети их живут.

Вдоль дороги Ленинград - Москва могилы были, потом приезжали и выкапывали кости, солдаты наши русские на носилках носили и сыпали косточки в яму, где памятник. И мы, ребятишки, тоже бегали и собирали в ведерочки эти косточки и тоже сыпали. В 1946-м году мы косточки собирали и сыпали, где памятник сейчас стоит.

Сами люди солдат вдоль дороги хоронили, кресты ставили, немцев так же хоронили, так же вдоль дороги. От Ушаков до Саблино вдоль дороги кресты ставили деревянные, немцы хоронили своих. Всех, кто рядом бегал и кого повар Карл кормил, теперь уже почти нет в живых никого.

Нас в 1947 году всех послали штукатурами малярами. Тут в Тосно было ФЗО у речки недалеко. И в это ФЗО нас послали работать, а жили в бараках. Ремонтировали станцию Удельную, станцию Озерки, вокзалы красили, штукатурили, работали.

Днем работали, а ночью спали в бараке с дырками. Я там простудилась и в 1948-м году заработала менингит. Лежала в больнице. Маме сказали - безнадежная, а я взяла да выжила. Лежала в Питере, около Финляндского вокзала была больница.

В больнице пролежала, поправилась. Это был 1948-й год, мне было 18 лет. Подружек было много: Шура Филиппова, потом Данилова. Дружили все время, в самодеятельность ходили, в 1950-м году уже плясали мы в церкви, которую коммунисты сделали Домом культуры, а мы-то откуда это понимали.

После войны вернулись, 16 лет мне было, мы даже не понимали. Мы людей веселили, мы не убивали, не воровали. Плясали, хореография была.

Педагог у нас сначала был Владимир - из военных, тут между Тосно и Тосно-2 они были. А потом к нам из Питера прислали Павла Павловича Шабунина, его жену Елену Степановну, она играла на гармони, и Нелли Сенашкину. У меня от Нелли Сенашкиной есть память — ваза, она велела, чтобы я цветы сюда ставила. Я помню их всех. Мы дружно жили. После войны-то ни телевизоров, ни кинотеатров не было, все бегали в Дом культуры. До войны было это, кладбище разрушали, а сейчас там дома стоят, и немцы там похоронены, раз в войну в церкви был госпиталь.

Моего будущего мужа посылали каланчу снимать. Он еще не был моим мужем, только парень молодой. Он отказался, и его выгнали из комсомола. А потом взяли в армию. В армии снова в комсомол вступил, четыре года отслужил, пришел, потом женился на мне.

В 1949 году после войны нам есть было нечего. Я села в вагон и поехала в Латвию, на хутор в двенадцати километрах от Осетинской погости. Их родители, Лебексы, дали мне зерна, творога.

Я 17 лет сначала проработала в цехе игрушек на станке. Помните, такие буратино были с носиками, пупсики такие пластмассовые. От Охтинского химкомбината у нас тут на Ленина был цех вредный. Горького улица, только сзади. И я там работала 17 лет на станке: сверлила, фрезеровала - пыль столбом. Начальники были евреи, очень хорошие люди. Молоко нам давали за вредность, тринадцатую зарплату стали давать нам, не обижали. Хорошие люди были и помогали нам, как говорится, во всем. Я работала с Курочкиной Клавой, у нее была девчонка Люся, лет 12 ей. А я с мамой была, я работала. У Курочкиной дом был заброшенный, работе нашей принадлежал. Там раньше делали гуталин, дом был заброшенный, ликвидирован, стоял пустой. Обыкновенный на три окошечка домик. Нам с Клавочкой дали жилье, чтобы мы не бегали, не жили где попало. А Ленька мой, еще не был мне мужем, он прибежал, пристроил нам сзади такую же половину, так мы с Клавой разделили пополам. Потом Клава сама себе пристраивала, а потом Ленька на мне женился.

Я в 1956-м году вышла замуж, Люба родилась в 1957-м году. Ей было три года, и Леня построил дом на переулке Серова, наши дома там стали ломать и вот эти до неба делать. А Ленька послал всех и сказал: живите сами в этих муравейниках. И говорит: беру участок, иду на пенсию и буду строить дом и вот этот дом. А еще один дом он построил Любе. Когда она замуж выходила, у них свой дом был у тех, а там оказалось негде жить новой семье. И Ленька пришел и им пристроил еще. И вот этот дом Ленька четвертый сделал. А я тут и живу, одиннадцать лет его уже нет.

Кирпичников Анатолий Николаевич

Я, Кирпичников Анатолий Николаевич. Я у родителей один-единственный ребенок. Были родственники разные. Есть такое место в Тверской губернии - Селижарово, до революции - Селижаров посад. Оковецкий район, близко селение Оковцы, очень знаменитая на всю Россию была

Оковецкая Божья Матерь - святая икона. При большевиках она куда-то сгинула. А церковь стали рушить. Сейчас восстанавливают, я не был.

Рядом там ключ святой, его обложили мрамором. Говорят, искупаешься - и все болезни исчезнут. Святое место, оттуда Волга выходит. Оковецкий лес, целый большой район - центр России. Там родственники жили. Я там дважды был, после войны тоже. Двадцать - двадцать пять домов. Улица была, посередине была вечная лужа, там утки плавали. Меня всегда это забавляло: как же так, вдруг улица и лужа. По Гоголю.

Мы ходили там за грибами, место было сказочное. Сейчас не знаю, осталось

ли, вековые деревья росли. И одно место называлось Городок. Какой-то холм такой. Вот теперь думаю, может, городище или селище было. Городок - не случайное название, очень старое, наверное. Примечательное место, где-то в лесу затерянное. Сейчас уже и спросить не у кого. Как говорится, непростое место.

Мой отец, Николай Васильевич Кирпичников, 1880 года рождения, был инженером-строителем. У него были хорошие работы дореволюционные. Он строил Кронштадтский сухой док, тот и сейчас существует - громадный, мне показывали. Давно, при императоре Николае его сделали. Он делал там бетонные выкладки. И сейчас он существует, правда, не работает, там нет воды, но он там существует - громадный док.

Отец строил Байкальскую железную дорогу, потом уже там БАМ появился. А она как-то кругом шла. По-видимому, отец был достаточно обеспеченный человек. Он плавно перешел в революцию. Есть воспоминания, где он пишет, что его семья видела, как Ленин выступал в провинции. И он, кажется, сам, вроде, подошел к Ленину и говорил, что отец его был сослан царским правительством то ли за старообрядчество, что-то такое. И Ленин сказал, будто, мерзавцы какие.

А потом он работал как-то странно: в чрезвычайной комиссии по саботажам, диверсиям, которую Дзержинский возглавлял. А был бухгалтером. Я говорю ему: «Там же расстреливали людей!» Говорит: «Ничего этого не знаю. Был бухгалтером, какое-то время работал».

Однажды его вызвали в 1930-е годы, когда доносы писали на всех. «Значит, вы, Николай Васильевич, до революции строителем были, инженером?» «Да, был!» «А вот говорят, что у вас золото припрятано. Видели, как ваша супруга покупала продукты и какую-то монету выкладывала. А у нас постановление 1930 года: все золото изымать. Так что вы, пожалуйста, нам отдайте, что у вас есть, а иначе будет плохо!» Он говорит: «Знаете, никогда золота не было у меня, потому что я был не капиталист, просто работал инженером. А какие были монетки, те отдали. Больше ничего не осталось». «А вы где работали? Ах, в комиссии в этой! Ну ладно, идите и больше не попадайтесь!»

Доноса не было. Очень важно, чтобы на человека был донос. Если был донос, в органах не важно, какие мотивы, ну, вот я сосед, хочу в его квартиру вселиться или мы враждуем, или еще что. Пишем донос, что тот-то создал организацию антисоветскую, был против Сталина и замышлял убить товарища Сталина. Это все тщательно складывалось и сейчас лежит в архиве, туда не допускают.

Я занимался одним расстрельным делом моего предшественника по оружию - Арона такого. Расстреляли его. Допросы, свидетели - обставлялось внешне даже законно. Но был донос. И вот доносы эти скрывали, потому что у этих людей, может быть, родственники остались. У вас же отец, дед, их нет, конечно, уже никого. Но могут родственники с обвинениями пойти. «Негодяй, вот из-за него погиб честный человек!» Поэтому закрыто все.

Но я нашел один донос. Его забыли передать под замок. Донос на человека, который был оружиеведом и работал в артиллерийском музее. Я там тоже работал после университета. Закончил университет в 1953-м году. Тогда родилось мое увлечение оружием. Я по нему защитил кандидатскую и докторскую. Так вот в архиве человек, который написал донос, он его отдал не наверх, а начальнику музея. Военный же был музей, он ему и отдал. А тот почитал, копию переслал в Большой дом, а себе оставил подлинник. И забыли все об этом подлиннике. Через много лет, когда я стал собирать документы, мне сказали, что в архиве есть эта бумага 1937-го года. Меня пустили, даже ксерокс сделали всего этого дела. Этих людей давно уже нет никого. И доноситель - интеллигентный человек, полковник, знаток языков, дворянин - написал гнусное, мерзкое донесение, чтобы спасти своего брата. Брат был в Киеве, его арестовали. Он себя назвал приверженцем советской власти. Вот говорит: «Вошел ко мне Арон, поднял палец и говорит: «А слышали ли, Ефремова (это, по-моему, дивизионный начальник) сменил Кулик».

Ну, вы же понимаете, что это такое. Они знали, Кулик мелькал в войну. Что-то там не состоялось тоже. Это же выступление против советской власти. Это же заговор. Он враг советской власти. Ну, все. А у тех-то план был поставлен, сколько брать. Значит враг. Ему арестовали.

«Занимались контрреволюционной деятельностью?» «Нет!» «А вот по нашим данным вы составили группу контрреволюционеров и проводили заседание с ними!» Он говорит: «Я знаю, я встречался. Это просто коллеги мои!» «Так, ясно, значит, вы не подтверждаете!»

Вот на второй или на третий год едва-едва слабая подпись. К человеку, значит, физическое воздействие применяли. А применяли вот как, тоже описано теперь. Вот сидит следователь, сидит обвиняемый. Ему говорят: «Советуем вам сознаться!» «Как я могу согласиться, когда нет!» «Нет, вы скажите правду нам, вы не скрывайте. Мы же все знаем. Вот мы вашего арестовали, он сказал, что заседали. Товарища Сталина упоминали неправильно!» Даже был задан такой вопрос «А вы не исключали террористический акт против товарища Сталина?» Он говорит: «Да нет, что вы, как я могу это сказать?! Товарищ Сталин в Москве, а я в Питере»

«Ну-ка, ребята!» Входят двое или трое и начинают избивать. «Скажешь - мы перестанем! Подписывай!»

Там ничего не оставалось делать. Подписывали себе смертный приговор.

Мою маму звали Мария Ивановна Кирпичникова. Она была врачом военного завода № 181. Мне было 12 лет, когда началась война. Когда началась война, я был в пионерлагере «Муравейник», это гдето под Ленинградом. Я помню, туда приехал, и там была молодежная компания, руководителями были молодые люди. И вот я запомнил, что они говорили: «Посмотрите, вот стена, через нее пройдете?» Я думаю: «Как это мы пройдем?» Завязывали глаза. Я не мог себе это представить, поэтому не пошел. Они подводили человека, и тот утыкался носом в дырку. И это было под хохот.

В воскресенье приехали родители навещать, а тут днем выступление Молотова: началась война. «Стрелять будут, как интересно! А у меня большой размер ноги, если в меня попадет пуля, я не упаду, потому что нога большая, будет держать!» - думал я. Я и матери спокойно так говорил.

В тот же день мы вернулись, и стала нагнетаться обстановка. Самое поразительное было, что в Питере нет совершенно никакой паники: все были уверены, что уж ладно где-то на границе, но чтобы через два месяца немцы будут у ворот Петербурга - этого никто не мог представить. Крупнейший город страны, товарищ Сталин не допустит этого!

Никто не запасал продукты. Как вдруг 8 сентября сомкнулось кольцо блокады. Все это было на удивление. Все думали, что нас скоро уже и освободят. Мы ездили на окрестные поля, там капуста была собрана вся, но кочерыжки оставались. Окрестные поля - вокруг города, их много было. Я не помню уже - трамваи ходили, все было нормально. И кочерыжки эти домой привозили. Я уже не помню, варили что-нибудь, это казалось вкусным. Начали уже сокращать нормы хлеба.

Мама работала сначала в военно-медицинской академии, водила меня туда чай сладкий пить, там еще столовая была. Она и сейчас существует на Клинической улице. Там кормили военно-медицинских работников, и мне она чего-то доставала: суп там или еще что-то. Так продолжалось какое-то время, а потом вдруг тоже стало угасать. Столовая перестала работать. Тогда я ходил к ней в кабинет и пил сладкий чай. А потом уже некуда было ходить. И я помню, что долгими темными вечерами лежал под одеялами. Было холодно в квартире. Согревался так и часами мог лежать и ни о чем толком не думать. Страха того, что мы помрем или еще чего, не было. Не было страха. Никто не беспокоил, радио не

было. Электричества не было, воды не было, все перестало работать.

Это был 1941-1942 год. Ходили потом на Неву - воду в проруби доставали. И я тоже ходил с родителями. И за хлебом стоял. В самые тяжелые времена был свидетелем такого случая: очередь стоит в булочную. Булочная была недалеко, в Ломанском переулке, сейчас это улица Смирнова. Сейчас улица, а был переулок, Выборгский Дом культуры там. Ну вот, стоит очередь и подростки, которые ремесленники из училища. Тогда были ремесленные училища, их перестали кормить. Они потом, наверное, умерли все. И мальчонка какой-то у стоявшей женщины вырвал хлеб и стал жадно глотать. Его стали бить, а у него слезы льются.

Не знаю, почему перестали их кормить, они же не иждивенцы. Они жили кучно в общежитии. Их там учили, а потом брошено было все. Говорили все, что они помрут. Не знаю, я не могу ничего сказать, я слышал в очереди такой разговор. И вот режет она эти кусочки, люди вообще едва передвигаются. Многих уже и потом помирали.

Бывало, на холоде часами стоишь, потому что не привозили. Или привозили медленно, иногда поздно привозили. Бывали неприятные моменты. Редко когда машины грабили по дороге или булочные грабили. Почти не знаю таких случаев.

Я вот читал книгу и был потрясен. Книга посвящена блокаде, забыл автора. Так там описывается, что, оказывается, было массовое людоедство в Питере. А я понятия не имел, я ребенком был. Об этом сообщали Берии туда, в Москву. Органы выслеживали людоедов, их всех расстреливали. А те, кто участвовал в этих трапезах, получали тюремный срок, их не убивали. А кто убивал или сам был инициатор, тех расстреливали. Было массовое людоедство, я просто не знал.

Мать мне говорила: «Ты только за водой и за хлебом, больше никуда!» Трупы, слава богу, я не видел, потому что мать не выпускали смотреть. Я помню отлично занесенный снегом проспект, стоят брошенные заметенные машины. Я думал, почему они тут? Видимо, то ли бензин кончился, то ли еще что. На тротуаре тропинки узенькие, по которым люди ходили к магазину или куда-то еще.

Значит, буквально нашим солдатам в затылок Вермахт дышал. Гранин же описывает, что их разбомбили в Пушкине, он пешком пошел к Пулковским высотам, никаких загородительных отрядов не было. Сел в трамвай и поехал в город, уничтожали часть, он уцелел. Оказывается, Гитлер дал в конце сентября или в августе директиву не брать город. Генерал фон Лееб говорил, что надо взять. Может прав был Гитлер, тут были бы большие бои, а ему войско нужно было в Москве.

Остановили наступление, решили, они сами сдадутся, они от голода умрут. Капитуляцию не принимать, Вермахт не заинтересован снабжением продовольствием населения города. Морили голодом. Таким образом, немцы остановились, они могли войти, у них была определенная растерянность. Ворошилов там руководил методом Керженской войны, моряков поднимал на танки, потом приехал Жуков. А Жуков приехал неспроста. Это был, по-моему, сентябрь - октябрь, товарищ Сталин своим пытливым умом додумался, что немцы возьмут Ленинград и объявят столицей России, а мы не можем этого допустить. «Товарищ Жуков, поезжайте и наведите там порядок». Ну, Жуков приехал, было заседание в Смольном. Он пытался что-то сделать, но не очень удачно. Все, начался страшный голод. В общем вот так

В магазинах давали кроме хлеба сливочное масло. По какому-то кусочку давали, что-то из крупы еще. Карточки уже были на все виды продуктов. Помню масло, но это редко было, один раз в месяц примерно. Сахара не помню, сладкого не помню. Помню, варили из столярного клея суп. Видимо, вода была, крупы чуть-чуть подсыпали. Вода была настолько растворена, что клей не мог склеить. Были кишечные расстройства, люди умирали массово. Потому что ели черт знает что, конечно, травились. Да, это было обыденным явлением.

То, что я с вами сижу - это случайно. Потому что я должен был умереть в голодные 1941-1942 годы. Мать была необычайно энергичной женщиной. Она поняла, что, если мы будем получать 125 граммов, мы будем все не жильцы. Она стала собирать все свое имущество, связалась с черным рынком, пошла и продала. Я помню, что она продала. Такие были массивные золоченые подсвечники и такой материал шевиот, он очень ценился. Почему-то у нас был такой свиток довоенный. Шили из него пальто, вроде. Сейчас исчез куда-то, добротный материал. Потом висели занавесы. Мама говорила, что эти занавесы французская фабрика делала. Набивной материал - дорогой. Все с дореволюционных времен оставалось. Потом, по-видимому, еще что- то, каких-то золотых монет было несколько. И за это она получала хлеб, это нас спасло.

Отец по возрасту не ушел в армию, он был старше. Работала одна мать. И если бы она не добывала за вещи какие-то продукты, нам бы не выдержать было. Она спасла и меня, и отца. И отец выжил. Мы с отцом были вместе. Мать спасла, потому что он не работал. Он инженер-строитель. Потом он работал все, в какой-то момент в блокадную ночь черную он не работал. Умерла его сестра. Они говорят: «Отнеси ей в соседнюю комнату чай!» Я понес, постучал в дверь - не открывает. Я ушел, говорю: «Мама, там никто не открывает!» «Наверное, спит!» Правильно, во сне она и умерла.

Мы в одной квартире все жили на Выборгской стороне. Военно-медицинская академия тоже была на Выборгской стороне. Ко всему привыкаешь просто. Ну, где-то рядом бабахнуло. Нормальная была жизнь. Уже блокада прошла, уже в магазинах можно было что-то купить. 1943-й год. Блокада была прорвана, уже возили что-то, уже голод позади остался. Это было самое страшное.

Мы жили в двухэтажном доме, его сломали на дрова. В 1942-м году начали подряд ломать весь деревянный Петербург, дрова нужны были. И наш дом сломали. Нас переселили в квартиру неподалеку, дом этот сейчас стоит. Дом 16 по Карла Маркса. Сейчас Сампсониевский проспект. В квартиру евреев каких-то поселили, фамилия Блех. Мы туда въехали и там валялись, я помню, машинки для вязания. Видимо, они ремесленники были. Они уехали, не умерли, уехали, побросав все.

Мы жили какое-то время в этой квартире. Потом нас оттуда выселили, дом на капитальный ремонт пошел, все съезжали. Но в этом каменном доме мать погибла в это время.

Немцы знали, где военный завод, они в 1943-м году уже знали, что Питер не возьмут. И вот, они на немецкий четкий манер расчертили квадраты на плане города и бабахали в каждый квадрат. В особенности там, где были военные производства. И завод обстреляли. Мама погибла в 45 лет, это на заводском дворе было.

А я в это время играл в шахматы у соседа Бориса Владимирова, он потом гроссмейстером стал. Я хочу его разыскать, мастер был по шахматам и играл хорошо. Учились вместе в школе. Мы знали друг друга. Чего-то бухает - уже все равно было. Каждый день все взрывалось, все люди привыкли. Мимо нас трамвай ходил, и в него попало в 1943-м году. Мясорубка сплошная. Вот это я видел: каша из каких-то окровавленных кусков. Там стояла скрюченная конструкция и тела окровавленные. Я это видел издали, там, где трамвай заворачивает к военно-медицинской академии по Боткинской. Я думаю, что это случайно попало. Стреляли, куда ни попадя. Это было зверство. Спрашивается, зачем стрелять, когда ясно, что город не взять, блокада прорвана. Вот они повезли под Севастополь пушки и громадными снарядами сыпали. Немцев еще не отогнали, полное снятие блокады через год было. Уничтожали как можно больше.

Я был на квартире напротив моего дома у военно-медицинской академии. Почему я там был, сейчас не могу вспомнить. Ну, отыграли, а там чего-то рвется да рвется. Я спокойно пошел домой. Встречает меня на пороге отец и говорит: «Маму немножко ранило!» У меня все оборвалось. Потом пошли в больницу. Она умерла на операционном столе. И вот интересные подробности, во-первых, принесли золотые часы, которые она носила, общитые тряпочкой. Она их сняла и просила передать семье. Значит, она была еще в сознании, когда была в больнице. И честно все принесли.

Что меня еще потрясло: принесли стираную одежду, всю изрешеченную дырками в зоне живота. Жуткие там были осколки, видимо. Стираную одежду. Зачем? Какое-то время она у меня была, потом я никак не мог решить, что с ней делать. Потом меня привели в больницу на Карла Маркса, она, помоему, и сейчас существует на Выборгской стороне. Это 1943 год, лежали только что погибшие люди в коридоре. На полу, на носилках лежали. И вот среди них была моя мать. И там сзади какая-то сестра говорит: «Не пускайте его, он будет кричать!» Я помню это.

А у меня все пересохло в горле, я выговорить ничего не мог. Я поцеловал ее в мраморный лоб. Потом похоронили на Богословском кладбище. Я поставил потом крест. Знаете, такие стандартные кресты были с завитушками, бетонные такие и основа бетонная. Я каждый год ходил и красил серебрянкой. А потом поставил каменную стелу, написал на ней: «Она погибла, но спасла мужа и сына!» Там рядом тоже люди тех лет. Сейчас там запрещено хоронить, но подхоранивать-то можно. Там и отец метрах в трехстах от нее похоронен. Ну, видимо тогда срок не истек не знаю. 20 лет надо. И вот они здесь.

Потом с отцом нас переселяли. Год я пропустил в школе.

Зимой школа не работала, на следующий год стала работать. В 1942-м году я уже пошел в шестую школу. Связь была, конечно. Какие-то ученики все-таки оставались. Они были живы, в школе нас

заставляли пилить дрова. Эта школа и сейчас там. Раньше это был дом состоятельных людей Пашковых, которые уехали за границу. Моей маме оставили акварель такую, где нарисована внутренность этой школы. Там были классы, учителя были - химия, физика. В школе кормили, чувства голода не было.

Любимым моим блюдом был лук нарезанный в подсолнечном масле, это было такое лакомство для меня, я наслаждался этим блюдом. Первым, вторым и третьим для меня было. Трудно жилось, отец маленькие деньги получал. И цены были другие совсем, другой мир был. Каким-то образом это все жуткое осталось за спиной, чудовищная смерть, кто выжил каким-то чудом, еще не приезжали назад, а в 1944-м году возвращаться стали.

Нам дали надел, огород, мы картошку посадили. Он был в Выборгском районе, на окраине. Посевной материал на посадку давали. У нас были резаные кусочки, мы туда втыкали. Государство поддерживало огородничество, мол, нужно себя обеспечить. Нас послали на огороды, мы там помогали. Уже лето началось, уже подбрасывали чего-то. Я помню, ходил в поликлинику недалеко. Нам давали раствор настоянной хвои. Это витамин С - от цинги. Давали по бутылке. И мне казалось вкусным - душистая вода такая. Дойти еще надо было, летом было легче.

Не любил я математику, историю любил. У меня учителя были своеобразные. Одна говорит: «А вот у Кирпичникова тяжелая жизнь будет!» Я так весь и съежился. А почему, думаю, она так говорит. Это в школе при людях. Вторая Анастасия Семеновна. Она говорит, обращаясь к ученикам: «Вот я помру, вы за гробом-то пойдете?» Это я помню отлично. Мы в ужасе были. Как это живой человек говорит: «Идти за гробом!» Сейчас мы взрослые люди можем отнестись спокойно, как у шутке. Тогда было всерьез. Она старо выглядела, блестяще знала математику, но была какой-то садисткой. Издеваться любила. Например, говорит: «Витя Безбрежный, вы знаете, вот у вас был кол, а сегодня двойка, у вас большой прогресс!» Все так с облегчением вздыхали. Прогресс у двоечника. А он в восторге сам. Он в этом году умер. Все мои школьные товарищи исчезли, ушли из жизни. В основном в последние годы. Постепенно уходили. Часть класса растерялась, разъехались. Осталась такая группа. Поддерживали мы контакты.

Колосова (Ковалева) Валентина Павловна

Меня зовут Колосова (Ковалева) Валентина Павловна, я 1934 года рождения. Моя мама, Надежда Ильинична, не работала, нас пять человек было детей. Первая Валя 1921 года рождения, потом Шура 1923 года рождения, потом Зина 1927 года рождения, Коля 1929 года рождения, а я 1934 года рождения.

Мамина фамилия девичья была Молчанова. Она была из Никольского. А папа - Ковалев Павел Александрович, тоже никольский. Он работал на заводе, 52-й завод был. «Сокол» сейчас. За лошадьми ходил, тогда лошадей много было. Тогда же машин мало было до войны, а все лошади были. В армию его не взяли, так он за заводом остался.

Родственников не было рядом. В доме у нас были три

комнаты и кухня большая. Как сейчас помню, один стол, и с одного блюда ели деревянными ложками, матери не справиться было.

Коровы были у матери,

молоко было, картошка, хлеб покупали. У нас было по пятнадцать соток, земли давали, как в сельской местности. Я самая маленькая семь лет. Все к Петровым бегала, у них шесть человек детей было, там меньше ребятишки были. Нянчилась. Игрушек не было. Помню, мать из тряпок куклы сошьет, глаза нарисует на тряпке, чтобы игрушки были у нас. Спать их укладывали. Ну и что, что из тряпки сшита, голова из тряпки, да глаза нарисованные. А так не было игрушек никаких. Мы бедно жили до войны. У Бирюковых тоже

шесть, у Петровых шесть

человек, нас пять, тут у всех помногу детей было. До войны играли в мячик, в лапту, набирали траву, торгуем сидим. Чего-нибудь на доску положим - вот такая была игра.

Портной ходил по домам. Неделю шьет у одних из тряпок, потом к другому шел. Сегодня

Гор. Санкт —Петербург, 1918 й год .Отец Валентины Портной ходил по Павловны - Павел Александром. Неделю шьет у вич с сестрой Раисой

к другому шел. Сегодня закончит, потом в другом доме живет. Неделю тут, неделю там. Дядя Саша его звали, вроде. Мужик такой полный, как я запомнила, у него машинка была, с собой он таскал. Обшивал всех. Старые тряпки, какие есть, перешивал. Я помню, пальто мне такое сшили, что до самых пяток - повалюсь и не встать. Летом-то босиком ходили, а зимой

Рядом с церковью мы жили. Прямо на углу обрыва. Наша баня и сейчас еще стоит там под горой. Там сейчас кладбище стало, а баня осталась, а дом немцы сожгли.

Когда нас отправляли в Латвию, церковь еще была

пос. Никольское, Тосненский район. (снимак немецких солдат . 1943 й год Сестра Зинаида с подругой целая. А приехали когда домой обратно, церковь немцы разбили.

Старшие братья учились в Никольском. Школа была на самом краю. А мы-то тут - в начале Никольского. Три километра в школу надо было идти. Деревянная была школа до войны. Участок, где горка теперь стала, там в конце была двухэтажная деревянная школа.

Николай, который 1929 года рождения, туда ходил последний, он только четыре класса успел закончить, и война началась. Я-то не успела в школу пойти. В магазинах продукты сразу пропали. Конечно, кто чего мог - утащили. Ломали, да вот это все-все растащили, а потом и голод. Отец перестал работать. Когда война началась, отца не забрали, уже вышел с годов. Вот отец ухаживал за лошадьми. Тоня, моя сестра, она 1921 года рождения, только замуж вышла в июне 40 года. Сразу с завода, тогда был 52-й завод, их отправили в Куйбышев. Тогда и станки, и все увезли в Куйбышев. После войны приехали сюда опять, завод-то восстановили.

У нас уже окопы были наделаны. Все прятались, бегали. Как начинается Никольское, там промежуток, там у всех были сделаны окопы. Туда убегали в эти окопы. Потом русские солдаты пошли, сзади шли немцы. Мы первый раз увидели немцев, на мотоциклах они ехали, на лошадях были немцы. В Никольское из Саблина шли немцы. Все смотрели мы, они и на мотоциклах, и на лошадях. Страшно было.

Никого не забрали из семьи. А кого-то гоняли на работы. Сразу немцы их собрали всех в лагерь. Старосты были, русские собирали. В конце Никольского школа была деревянная, они там жили. Так они в школе были,

домой не ходили, их не пускали, были за загородкой. Наверное, кормили их, давали что-то, отец хлебцы оставлял. Сколько давали, не знаю. Они вечером приходили, работали без выходных.

Лагерь там был в Никольском, они там работали. Они дороги делали, куда их немцы гоняли, я не знаю. Да много народу было - и Степан Лямин. Там были и молодые, и старые - все были. А военнопленные траншеи копали, когда здесь еще наш дом был, не сгоревши. Военнопленные все там.

Нас сразу из дома выгнали, сделали кухню. А нас в сарай загнали, и мы жили в сарае. Корову немцы не взяли. Была с нами корова, и мы были в сарае вместе с коровой. Я помню, немцы давали мне бумагу из-под меда лизать. Мед-то не давали, я запомнила. Так вот жду, бывало, когда мне дадут бумажку облизать.

Кухня в доме была, дом сожгли они с кухней. Кухня, и в окошко труба была выведена. И они у нас готовили. Нам ничего не давали, они и сами-то голодные были.

По улицам можно было ходить, здесь мы ходили, а потом нас всех согнали к прогону туда, выгнали с деревни. Я знаю, что украл что-то у немцев, долго висел мужчина на столбе у нас в Никольском. Столб туда к прогону поставили, на середине Никольского. Фамилию не помню. Я к отцу в лагерь бегала, он сам не съест, там хлебцы давали, он мне берег, я самая маленькая была.

Бомбили часто. Бывало, сидишь и как-то привыкнешь. И все больше завод бомбили. Все туда снаряды. Его же разбили. Так вот сидишь и думаешь, ну пролетит туда. Както по Никольскому меньше бомбили, а все по заводу больше, сбивали завод.

Никольское 1934 й год Валентина Павловна на руках у сестры

Мы даже походили в школу в сентябре. Только буквы прошли - и все. И ручек не было, ничего

пос. Никольское,

Отец и мать Валентины Павловны .

валенки были.

Никольское 1948 й год . Валентины Павловны мать и сестра Антонина

не было. Много было в классе человек. И почему-то уже давали нам кашку в школе. Школа была, где Сысоев дом. Он и сейчас большой дом, цел. Все померли, а дом стоит. Я немножко походила в школу.

В марте месяце 1943 года наш дом ночью сгорел, еще нас разбудили. Чего они варили, конину что ли? И загорелось. В окошко труба выведена. И дом сгорел. Еще какой- то немец разбудил нас, а то мы бы там сгорели. Дом загорелся, и они куда-то в другое место уехали.

Траву кушали, голодали. Где лошадь убьют - такой голод был. Знаю, что кости они оставляли. Мы переваривали после

них. Вот мы уже в хлеву жили, и наш дом был сожжен. Мы в Королевом доме, пять семей там жили, всех согнали. И в каждом доме такой кусок, и по несколько семей жили. 1943-й год был. А Хованских дом был рядом не сожженный.

Сестра моя Зина семь классов закончила, когда немцы пришли. И она уже немецкий язык знала. Она переводила. Пришел немец к Хованским, а не понимает никто немецкий язык. Я сбегала за Зиной. Она не пришла, я еще раз сбегала, она пришла, стала переводить. Она уже семь классов закончила, немецкий хорошо знала. Зина была 1927 года рождения, училась хорошо в школе.

И тут полетели снаряды, и прямо в этот дом упали. Я там была, и убило мою сестру и Юрку Хованского убило, мальчика. А я рядом стояла у окошка, меня не убило. Их сразу двоих убило. Если бы она была в хлеве, спала бы, она жива была бы. А так осколок влетел и прямо в стенку вылетел. Сразу погибла и не пикнула. А Юрку еще принесли в бункер, он был еще жив и сразу умер. Лет пять - шесть было. А немцев не убило. Немец-то был, он потом ушел, наверное. Я не знаю, успели перевести или нет, чего ему надо было. Такая бомбежка началась. Снаряды летели. Много по Никольскому били, еще там девчонку убило, забыла фамилию. Тоже осколок попал в позвоночник. В этот же день мальчишку ранило.

Церковь не работала во время войны. Там всех хоронили, немцы убитые лежали в церкви. А если при бомбежке убивало, то туда свозили. Немцев почему- то больше хоронили по краям дороги. На кладбищах не хоронили немцев. Не знаю, почему. И всегда кресты березовые у немцев. Дорога, и если где могилка, то немец похоронен. У нас общая могила была внизу. Там дядя Шура Сысоев пока полную могилу не наложит людей, которые помирали с голоду, да убивало. Там были две ямы большие под горой. Сейчас там уже кладбище сделали. Эти ямы вырывал для них Сысоев дядя Шура. Не знаю, кем он был. Все покойников хоронил. А мы Зину нормально хоронили, туда сейчас моего мужа похоронили и отца с матерью рядом. Там уже наша полная площадка.

Когда сестра погибла, ее похоронили на кладбище. Юрку и ее рядом. Мы их нормально похоронили. Кто-то сделал из досок гроб, когда Зину хоронили. Поминок не было. Только знаю, что гроб был, потому что она, видно, поела, и, как сейчас помню, у нее стал живот подниматься. Мать вложила серп вот так, вот это я запомнила. Она не такая толстая была, а серп не давал животу подниматься. И был гроб из досок. И у Юры был из досок, их могилки рядом. А сейчас там похоронили моего мужа, рядом и мне место оставили.

А потом нас в 1943 году в октябре в Латвию увезли. Согнали к прогону нас. Прогон - это как въезжать, на завод поворачивать. Дорога там была, и потом у нас там гора такая. И всех в одно место согнали немцы по несколько семей. Вот как собрали в кучу, а потом стояли товарные вагоны в Саблине, нагрузили полные составы. Отовсюду - из Пустыньки, из Саблина, полные товарные. А до товарняка подвозили на машине.

И мы с коровой поехали в Латвию. Немцы не отбирали коров. Не одни мы, там еще были с коровами. Как в прогон нас отправили, отец вернулся из лагеря. Когда мы уезжали, дом уже был

сгоревши. Какие-то вещи зарывали в яму. А приехали, когда война кончилась, разрыли и достали из ямы посуду, какая-то машинка была швейная. Я не знаю, где она сейчас, целая осталась машинка «Зингер», она была зарыта.

Никольских уже не осталось, всех увезли. Никого уже не осталось, ни одного человека. Вот мы 30 июня приехали в 1945 году уже обратно, эшелоном привезли. И кое-где увидишь человека, все пустые дома были.

Вроде, недолго ехали, нас погрузили здесь в Саблине в товарные вагоны, полный эшелон. А потом поехали. А вот не знаю, как попали. В Гатчине еще останавливались. Еще людей добавляли, куда место было, добавляли русских. А потом повезли уже в Латвию. До Эстонии мы не доехали, стали нас бомбить. Как разбежались все по лесу, эшелон остановился. Но недолго бомбили, видимо, увидели, что русских везут. Я все боялась, что потеряем мать и не найдем. Все бежали в лес. И лесу где-то начали бомбить. А потом остановились, собрали всех и дальше повезли.

Тетя Рая говорила, что в первом вагоне убило троих человек. Мы-то в последних вагонах сидели, а в первых, говорит, троих кого-то убило. Приезжали, в вагоне-то много народу. Говорят, Ригу проезжаем. Не останавливались в Риге. И привезли нас в Виндау. Сейчас, вроде, иначе называется этот городок. На станции нас всех высадили.

Помню залив, пароходы, и сразу в баню нас. Была баня, мы сидели за загородкой, а латыши приезжали, видно, им было приказано, чтобы забирали нас. И всех, у кого в семье побольше рабочих, их быстрее разобрали. Помню, нас так самых последних почему-то забрали. И по хуторам. Это было в октябре месяце.

Мы жили в доме. Там были только мать и сын, полы земляные, не было полов. Альфредом сына звали. А хозяйку все Лизой мы называли. Отец у латышей работал. Пахали, сено убирали. У них коров тоже мало, две коровы было. Я корову пасла по лесу. Там и море рядом, мы были около моря, иногда волны даже видишь.

Были мы с сестрой Шурой, которая умерла после войны. Все ходили проведать русских, друг к другу ходили. Это разрешали. А зимой ничего не делали. Зиму отжили, а потом нас всех на аэродром от латышей выгнали. Куда нас хотели отправить, не знаю. Там такие маленькие домики, куда нас хотели отправить. Всех русских собрали в одну кучу.

Самолетов я не видела, а домиков полно было. И даже чугунки там в домике были, чтобы греться. Все загорожено было. А потом нас освободили русские. Немцы все побросали, везде машины, лошади бегали. Тряпки белые на них висят, мол, сдаются они - на машинах везде, на палках. Считайте, что в мае 1945 уже нас освободили.

Погода хорошая была, солнечная. Мы так и жили месяц на аэродроме. Много было народу. Один дом был двухэтажный, а тут все маленькие дома, все были русские там. Там кухня была, баланду варили. Кухню вывозили, мы с котелками ходили брали, есть-то нам давали. Латыши только разбежались, чегото боялись. По лесу, да везде, коров распустили, лошадей - все бегают. Никому ничего не надо было. Животные носятся, вот это я помню. Машины брошены, лошади бегают. Еще брат остался, все хотел домой лошадей. Мы домой уехали, а он потом приехал через месяц, хоть не мальчишка, три лошади привез сюда. Но их сразу отобрали тут в Саблине.

Почему-то животных отбирали сразу, даже до Никольского не довез. А он там целый месяц болтался с этими лошадями. И не привез. А потом сразу через месяц собрали и погрузили, где грузили, не помню. Нас в 1945 году увезли в Никольское.

Мы приехали тридцатого июня 1945 года. Уже не посадить ничего. Мы жили в теткином доме. Тетки был сохранился, стоял маленько подальше туда в Никольское, в его середину.

Лямины, потом Володька Лямин, даже тетка Клавдия Лямина, Новикова у нее фамилия, она была учительницей, за Володей замужем, немецкий язык преподавала. У нее жили. Но мы не так долго, отец сразу строиться стал на том же самом месте, где погорели. Сейчас там племянники мои живут.

Копали бункеры, где дороги немцы строили, все копали и из гнилья строили дом. Отец большой дом выстроил. В 1945 году начал он строиться, в 1947 году мы перешли в дом летом. 1945 и 1946 годы все строил.

Мама никуда не устроилась работать. Тогда и работы не было, негде было работать. А отец в геологической разведке работал в городе. Мужчин много работало. Сестра заболела туберкулезом.

1 й классНикольское (деревянная школа)1945 й год

Сперва у нас жили, а потом и они выстроили дом.

Голод был. Здесь хлеба давали 250 граммов после войны, а нам давали 125 граммов. Здесь в Саблине не сельская местность, а в Никольском сельская была, и нам 125 граммов хлеба давали. Из Саблина привозили. Мы так голодали после войны, еще хуже, чем в войну. И сестра заболела туберкулезом. В двадцать три года умерла. Она на завод пошла работать после войны и простыла, а больниц не было в Никольском.

Сестра работала на улице, разбирала мусор. Там дома были разбиты, цеха разбиты. На улице работали, убирали грязь. И она заболела. Еще сестра вернулась из Куйбышева, которая с мужем ездила. Их с заводом много вернулось. Наверное, в 1947 году.

После войны я пошла в школу. Все переростки уже. И карточка есть, все большие уже. В классе человек сорок. Галиной Марковной звали учительницу. Школа была там же, в Никольском, в конце, куда и брат ходил, деревянная. Там, в Никольском, обучение только до четырех классов было. Кто хотел, ходили в Саблино в пятые классы. А в Никольском только четыре класса было. Из Никольского в Саблино в школу ходили. Не так много ходили, человек десять. Потом была уже там школа вечерняя. Я мало училась. И четыре класса не закончила, не смогла.

У нас корова была, отец строился, и меня посылали с молоком в Ленинград ездить продавать. Я мало и ходили в школу. Никак отцу не справиться, все Колька там, Шура заболела. Заболела сразу. Понимаете, в 1945 году приехали, а в 1949 году умерла она, как раз на новый год.

Нас не лечили. В Саблино ходили. Даже не было и больницы-то. Ни школы, ни больницы - ничего. Все в Саблино. Где раньше пожарка была, угловой дом двухэтажный, это поликлиника была в Саблине. Сперва поликлиника а потом пожарная была. Это где швейная раньше была, двухэтажное здание. Сначала была поликлиника, а потом сделали швейную. До сих пор здание стоит. Сюда Шура ходила, а потом уже ей в гору не подняться, дышать нечем, так и бросила.

Я утром вставала в четыре - и на первую электричку. Не было в магазинах молока, по квартирам носили молоко. Я с Никольского ходила с бидонами до Саблина. Это километров семь, наверное. Если два бидона, то двадцать литров молока, а то и тридцать в другой раз. В мешке, на плечах, за спиной и еще в руках. Лет с тринадцати ездить и помогать стала. Так неграмотной и осталась.

Полтора часа до Ленинграда ходил поезд. Билет стоили 35 копеек, а если из Поповки - 25 копеек. Мы и там ходили ,и здесь ходили, где поближе. Зимой - на санках, у тетки Шуры санки оставляли.

Хлеб стоил 18-20 копеек, батон 13 копеек. Сперва карточки были, а хлеб был восемьдесят рублей, да сто рублей буханка, когда карточки-то были. Буханку когда продают с рук. А уже в 1947 году карточки, вроде, отменили.

В магазинах не было молока. Приходишь, кружкой меряешь, в бидончик наливаешь. Литр стоил 50 копеек или меньше. Поднимаешься с молоком, надо позвонить. Познакомишься заранее, спрашивают: «Вы будете носить молоко?» И носишь.

А знакомились в одном месте. Торговать ходили на Чайковскую улицу, там булочная была, и мы рядом торговали. Приходили покупатели, не одна там я, нас много. Отец мне купил велосипед, чтобы молоко возить. Надо было коров доить. В Захожье коров пасли, ходить далеко. Тогда велосипедов после войны не было ни у кого. А у меня красивый был велосипед.

Налог был триста десять литров. У нас сельская местность в Никольском была после войны. Как сдавали молоко? Приезжали в Никольское, там принимала женщина. Она около своего дома принимала. Я носила молоко. Стоят у нее бидоны, и она меряет: сколько литров и жирность. Она

Свадьба, 1953 й год, Никольское, Советский проспект, дом 7

записывала. Каждый день носишь, она записывает. Надо каждый день носить. А потом она увозила в Саблино. Куда в Саблино, я не знаю.

Если у кого куры были, так яйца сдавать надо. Но кур не держали, кормить нечем было. Сено для коров давали. Мы делили покосы с Никольским. Как только Петров день пройдет, и делим. Мы с отцом косили и сушили. Сено тогда не воровали.

Нас гоняли на работы возить землю. Сначала сажали капусту, даже я ходила, несколько дней надо отработать в совхозе. А в Никольском было пятнадцать соток - выращивали картошку, свеклу. Там земля хорошая, здесь хуже земля. Там рассыпчатая земля. Сперва все для себя, потом, вроде, мать и торговала картошкой.

Масло мы покупали в магазине. Здесь в Саблино сдавали масло, и нам записывали вместо молока. Здесь был дом, сейчас его нет. В магазине купишь топленое масло - не такое, а топленое. И сдавали только в Саблине. Купишь в Ленинграде масло топленое, а здесь сдаешь. Нам записывали, сколько там молока мы сдали. Выгоднее было маслом. Что молоко носишь-носишь триста десять литров!

Запомнилось мороженое после войны, вкусное было мороженое. И всегда с булочкой. Когда голодно было, с

булочкой повкуснее. Брикет пятнадцать копеек, двадцать копеек - наравне с хлебом. Изредка позволяли мороженое. Так голод был.

Ездила, пока замуж не вышла, в 1953 году я замуж вышла. А с мужем Борисом Ивановичем я в клубе познакомилась. У нас в Никольском клуб от завода был. Тогда я уже маленько ничего была, я оделась. На барахолке одежды можно было накупить, магазинов-то не было. Барахолка была на Лиговке. Я помню, туфельки купила в Гостином дворе. Он шофером уже работал, курсы закончил в Ленинграле.

Я и замуж в них выходила, такие светленькие. Это когда свадьба была. Да нет, прожили все

Никольское 1949 й год. Крайний справа отец Валентины Павловны, четвертая справа - мать Валентины Павловны

нормально, теперь переживаю, скучно одной. 64 года, вот столько, да хорошо - быстро помер. Вот какие были бедные, не то, что сейчас свадьбы. Он в костюме, у меня платье хоть такое, крепдешиновое было платье.

Он саблинский был. Жил в этом доме, где мы сейчас. Этому дому уже сто с чем-то лет, с 1914 года. Он четыре класса закончил до войны. Война началась. А когда они приехали, они в другом месте были. Они не в Латвии были, в Литву они были отправлены. А мы в Латвию. И он тоже сюда в школу пошел, из Никольского ходили сюда в школу. И Галька ходила, моя подруга.

Три года ходил ко мне в Никольское. Мы венчались с ним в этой церкви в Саблине, на кладбище которая. А хоронили, я попу говорю: «Мы в этой

церкви венчались в 1953 году». О так удивились, тогда было запрещено, но нас все равно повенчали. Тогда фаты не было, просто платье и такая маленькая фата - в Никольском привезена была из Германии, мне дали на голову надеть.

В семье мужа корова была. Тоже с коровой сидела. Здесь вот в Саблине надо было молока сдавать 155 литров в год. А потом одну корову зарезали, я пошла работать. Сперва двое детей уже были, Тане было четыре года, пошла стрелочницей, что по двенадцать часов, побольше времени свободного. Семь лет отработала, потом ушла на «Сокол» работать. На «Сокол» во вредный цех пошла, с сорока пяти на пенсию. Уже сорок лет на пенсии я сейчас. И с коровами насиделась, с молоком навозилась. И пенсию заработала.

Кондратьева Мария Ивановна

Я, Кондратьева Мария Ивановна, родилась четвертого августа 1924 года в деревне Нурма, как говорится, тут и состарилась. Я коренной житель. В школу ходила здесь. Сначала четыре класса закончила в деревянной школе - в бывшей земской.

Школьной формы не было. У нас мама была рукодельная, так она бывало ночь просидит, но какое-то платье сошьет, чтобы в школу шла чистая. Какая форма! Не было. Одевали, кто как мог: кто маленько смог получше, кто бедный совсем ходил. Помню, мама сшила из мешка такой мешок и привязала веревку, я на плечо надевала и ходила в эту школу.

А жили мы на хуторе, когда родители разошлись, т.е. от родителей своих ушли, и купили хатку на хуторе, и мы там отдельно жили. Так надо было с хутора ходить сюда в школу. Эта школа вообще-то была новая, нормально там, я уже забыла учителей. Тогда была боязливая, школы этой боялась, как огня. Туалет был на улице, девочки и мальчишки туда ходили. И там закрывалось или нет. Школа была новая такая, но не опрятная. Я четыре года ходила сюда, она, бывало, битком была набита эта школа, ребят было много. А тоже все были голодные, были школа, она долго была.

Была не одна учительница, еще приходили какие-то учителя, все русские, конечно, но не помню. Директором женщина была. Помню, к ней в класс надо было прямо идти, а у нее половина. Не половина, а, может, четвертинку класса она занимала, направо к ней заходить надо было. Парты с откидными крышками, как детские, рисунки разные были, это хорошо помню. Говорят, что завтра такой-то урок,

Иван Андреевич с сестрой Анной

надо ножницы принести, учили нас, как с ножницами обращаться. Вот это я помню, бывало, помню, приду, начинаю маме показывать или говорить, а она меня по рукам бьет: «Что ты говоришь, не так надо, тебе показали вот так, а ты неправильно делаешь!» Это я помню, вырезать надо было какие-то фигуры.

А потом отец меня устроил в Тосно. Была железнодорожная школа на реке Тосне, и я там походила в школу. Как было из Нурмы добираться до Тосно? Паровоз раз в сутки ходил. Мама, бывало, меня проводит до станции, а станция была в двух километрах от Нурмы, и я уеду в Тосно. В пятом классе я там была. Занятия закончатся, куда деваться в пятом классе? Я, еще сопливая девочка, сидела на вокзале, ожидала, пока паровоз повезет. И так я, наверное, больше полгода мучилась. А здесь в Мызе занимались только финны и эстонцы. Русских не принимали туда. Ну, потом отец стал хлопотать, куда эту девку девать. Приду из школы, а отец спрашивает: «Как с тобой обращаются?» А я плакать. Папа: «Чего плачешь? Тебе бьют?» Я: «Да не бьют!» «А чего плачешь? Завтра не пойдешь в школу?» «Нет, пойду, пойду!» Тяжело было русской девочке среди финнов, а они, финны, же такие люди.

Как-то обзывали даже, прозвище у меня было. На перемене все за косички дергали. Мама мне заплетет на две косички. Уйду в школу, и все их дергали. Гоняли все: «Русская, русская!» Один парень финн все стрелял, как говорят. Конфетку мне сунет, бывало,

конфеты были в диковинку. Я боялась их, тем более по-русски с тобой покалякают, а с остальными уже по-своему переговариваются. Как придут: «Ля-ля!» Я ни с кем не дружила.

Стал он ходить в школу. А директором был финн, мужчина. Он такой высокий, так все кричал на русских. И после этого, наверное, папа там чего-то подкапывал. Я уж не знаю, факт в том, что финна

Родители Марии Ивановны . -Иван Андреевич и Агафья Петровна с сыном

сняли. И в школу эту приехала русская женщина и стала директором. Стала собирать коллектив, был такой сильный коллектив, хороший. Директор София Михайловна, хорошо помню, небольшого роста. Папа стал с ней обращаться насчет меня, и она меня взяла среди

А знаете, как это было, они вообще русских ненавидели. В конце концов, эта директор русская стала набирать русских детей. Все больше и больше. Куда-то в Пеньдиково перевели всех финских детей, а потом в Жоржино еще - отдельно от русских. Спасибо этому директору, она их всех отстранила. Здесь стали заниматься все русские.

И я здесь закончила восемь классов. Отметки средние были, средне училась. Обязательно сдавали экзамены, это я помню хорошо. Кружки были, я тихая была, танцевать не умела, молодая была, а все училась, сдавала. Я сдала экзамен в восьмом классе, у меня и почетная грамота есть. Училась средненько, но спокойно. У меня русский шел отлично, но математика слабо - от тройки ехала. История, физкультура, история, география, естествознание, ботаника какая-то была. Историю преподавал мужчина, но я не помню имя. Такой высокий, нарядный приходил на уроки.

Я вот этого директора, Софью Михайловну, запомнила на всю Александром. Фото 1920-х г. жизнь - очень хорошая, спокойная, приветливая. Бывало, не накричит на детей - своих учеников. Она была в костюме и на каблуках, а мы всегда завидовали - каблуки-то в моде были. Стрижка хорошая, очень

хорошо ее помню, небольшого роста она была, ученики ее уважали.

Помню, со мной учились Сулогина, Ковалева, Богданова Нина, Мария Абрамова, Герасимов Константин. Он, бывало, на задней парте, а я впереди. Так он меня все за косички дергал. А потом, уже после войны, когда у меня был ребенок, так он ко мне стал свататься. А я говорю: «Нет, это все ушло». А он говорит: «Я помню, как я тебя за косички дергал!» После войны все разбежались кто куда.

помню, моей отец дал ему прозвище «земский» за то, что он с ним общался. Там были чистые парты, блестели, как зеркало, полированные. А лестница на второй этаж в рисунках была вся и тоже полированная. Накрашена там, конечно. Очень чисто, очень красиво было. Два класса или сколько, не помню уже, но факт в том, что было очень красиво, очень чисто было.

Там была уборщица, убирала все чисто. Помню, окна большие были. Когда эта русская директор была, действительно был порядок и чистота. Эта директор жила при школе, с левой стороны был выступ круглый, а она с другой стороны жила. Все время директор была при школе. У нее была семья. Дети были, но, вроде как, взрослые, тут не занимались. Только она работала здесь.

Все было хорошо, я отходила и восемь Школьники Нурменской школы у здания классов закончила. Русский и литературу вела Охотничьего Дома. Мария Ивановна 1940-1941 г сама директор, это я хорошо помню. Она всегда скромная в костюме, аккуратная, очень хорошая женщина. Она наказывала очень спокойно. Она отметку ставила в дневник. Дневники были

Классы выглядели хорошо. Этот же дом был - заведение какое-то охотничье. Земский начальник,

С братом Иваном и сестрами Людмилой и Ларисой в Германии

длинные такие, и она не так, как у моей внучки директор Раевский. Как-то я тут ходила за Катей и видела этого директора. Я хорошо помню, Катя была в первом классе, и я ждала, когда кончатся занятия. Закончились занятия, и дети, первоклашки же глупые, выскочили и по коридору бегут, и этот директор проходил как раз. А ребята бегут, а он так им пинка под задницу, я запомнила это. Я думаю: как так? А рядом стояла уборщица, я спрашиваю: «А это кто?» - а она говорит: «Директор Николай Алексеевич».

Кружки были у нас, физкультура была, рисование было, рукодельный был кружок - все это было сделано уже при Софье Михайловне. Танцы. Танцевать я, тихоня, боялась. В этом кружке танцевальном научили меня танцевать. Потом было интересно в этой школе заниматься, потому что все русские - учителя русские, директор русский! Такая перемена, вот и вся история.

И вот эта директор школы мне осталась в памяти. Мне девяносто лет, а она так и стоит в памяти. Пришкольный участок был. Рядом со школой был парк направо, и здесь занимались мальчики фигурами по физкультуре, и нас строили всех. Он не огорожен был, а был засажен маленькими соснами. И так чисто было. Это было, где Мыза. И зимой занимались, зал был направо. С красивой лестницы спускались и занимались в зале.

Так что эта школа была очень хорошая. Мы все радостные в этой школе были, бывало, с занятий идем веселые, разговариваем все. Еду из дома брали. Столовой не было. Все брали помаленьку, и то нужно было аккуратно кушать, ничего не сорить, бумажки не бросать, чтобы все было чисто, а столовой не было. Полы как зеркальные были, и краска такая желтоватая и блестящая, мальчики все катались по этому полу, такой был пол.

Я потом, бывало, приду, уже не плачу - смеюсь. А папа доволен, что он меня выходил, а сначала плакала. Я благодарна Софии Михайловне, что она приняла русскую девчонку, и так все хорошо было. Ну, папа ходил, бывало, все с ней ля-ля, вот такие дела.

Мы дружили с Марией Сулогиной, она умерла уже. Наша нурминская была, хорошая. Потом Кондратьева, моя двоюродная сестра, там училась, наша нурминская, с Большой улице. Все умерли уже.

Письменные принадлежности - тетради, учебники - выдавали в школе по стопочке. Родители выдавали деньги. Бывало, приду родителям скажу, что надо столько-то на карандаши, а ручки были, как перья, такие широкие. Чернила у каждого ученика были. За партой сидели по два человека. Сажали девочку с мальчиком, если мальчик провинится. А так старались девочка с девочкой. Я помню,сидела с Маней Сулогиной, она молчаливая такая, такая толстая была, спокойная, а сзади Герасимов Костя этот сидел. Так он меня дергал, а мало того, что дергал, ручкой еще, пером в спину. Помню, я боялась, но он же был финн, у него мама работала в магазине продавцом, и он богатый такой, бывало чего-то на перемене кушал такое душистое, мы думали, наворовали. Между богатыми детьми и бедными большая разница была. Ну и отношение. Во-первых, разницы была в одежде. Финны - которые побогаче. Наши русские ходили в домашнем. И шапочки, варежки мама вязала нам - модненько так, скромненько, конечно. А которые бедные - с мешками все на плече.

Нет, а у меня потом какой-то был портфель куплен. Я пришла с портфелем в школу, все оглядывались: «Где взяла?» «Папа купил!» Ну, жизнь такая, время меняется, что говорить, в то время было бедновато, а у нас у мамы шесть человек детей было.

Были праздники, на Новый год елка была. Ставили елку, помню, каждый из своего дома приносил игрушки елку украшать. Очень хорошо помню. В зале, где физкультура, там была елка поставлена. И помню, давали какие-то подарки в мешочке. И так все дружелюбно, ласково было.

Директор порядок вела, хорошая была женщина. Но таких мало, а финны-то вообще же русских ненавидели, отталкивали все, бывало. Папа все ходил-ходил, чтобы меня выходить. «Нет!» - и все. «Нет!» - и все. А я мучилась, на паровозе в Тосно ездила, а девчонка всего в пятый класс пошла.

Ученики. Первый справа Кондратьев Михаил, сын М.И. 1945 г.р. у стены школы.

Бывало, и кушать-то нечего. Где у родителей деньги? Папа тогда уже работал на железной дороге. А что, один много заработает? Такая семья была. Мама, бывало, даст с собой, а бывало - нет: «Нечего, Маня, нечего!» И все. Иди в школу, кушать нечего, такие дела.

На выпускной, помню, мама сшила светлый костюм - юбку коротенькую, кофточку, какие-то волосы накрутила даже. Я уже была в восьмом классе, модненькая уже стала. Вечер был хороший, все поздравляли, отправляли в путь дальний и все такое. И угощение было, стол был длинный поставлен, музыка была. Это уже был 1941-й год. И вот я школу закончила в мае. Получили документы пятого или шестое июня, а уже двадцать второго июня война. И уже страсть божья.

Как узнали о войне? Во-первых, у нас за домом было пожарное сооружение, папа мой там наблюдал, хозяйничал. Там висел круглый репродуктор. И только что, вроде, чаю попили или что, и слышим - кричит в репродукторе. Стал народ собираться, слышу - объявляют. Мамку помню - плачет сразу же. Вот это я хорошо запомнила. И началась беготня. Конечно, мужчин из Нурмы провожали. Спиридонов парень был, он стал ухаживать за мной, и вдруг через некоторое время война, и с ходу его забрали. Всех забирали. Провожали, плакали, а как

же.

И парень этот больше не появился. Его говорили, под Колпино - где-то тут убили. Вообще страшные были бои... Один огонь был. Я еще помню, как только война началась, гоняли таких подростков, как я, в Красный Бор окопы копать. Наверное, приближалась война или начало, не помню уже. Бывало, копаем - еще молоденькие девчонки, восьмой класс закончили. Фашистские самолеты стали уже подбираться, а на это месте был сплошной огонь. Они, наверное, хотели Ижорский завод разбомбить. Окопы мы рыли глубокие, лопатой землю выбрасывали. До земли не достать, ведрами както ковыряли эту землю. Наверное, школа закончилась, и в это время на окопы нас сгоняли. Плакали - боялись так.

Оттуда каким-то способом домой уходили. Я помню Красный Бор, теперь нет такой остановки - Поповка и Саблино только. А раньше между Поповкой и Саблино была станция Красный Бор. И вот тут сделали окопы до Ижорского завода в эту сторону. Как начинаю вспоминать, так сердце волнуется, нет, думаю, не буду вспоминать. Мне четвертого августа день рождения, а отец в лесу уже выкопал окоп. И нас уже утащил в лес туда, и мы там сколько-то жили. Сидели долго там. А когда фашисты тут заняли все, помню, бегали: «Курка, курка, матка!» Куры порхают - только перья летят.

А потом страсти божии! Помню, фашисты нас отсюда выгнали. Старший брат Саша был в армии, он на Черном море служил, второй брат Борис был летчиком, он в Петрозаводске. Помню, когда после войны Борис пришел и рассказывал, что задание давали бомбить. Он говорит: «Господи, еду бомбить своих родителей!» То есть по направлению к Тосно. Не буду врать, не помню, сколько он летал. А потом как-то его сняли по болезни, малярия пристала, его колотило, и он потом в секретной части работал. Грамотный был. Партийный был, раньше же партия была, это теперь этих партий нет. Раньше одна была партия, и Борис был такой.

Немцы грабили все, ломали. Помню, пожарка папина была, они все разбомбили. И у них была крыша на подпорках, что-то они ставили. Так куда прятаться? Под стол лазали, такие страсти пережили - не передать. Ковалев говорил, что за домом Деменковых был концлагерь. Он говорит, что в 1941 году был концлагерь, просто огорожен был колючей проволокой. А колючая проволока у них почти что везде. Где маленько осядут фашисты, так огораживались. Самое страшное я даже не помню. Там все было страшное, там вся дрожала душа.

Я видела, немцы кого-то повесили, я только не помню уже кого. Значит, это русский партизан. И вот рядом с пожаркой был столб, а на столбе был у папы повешен большой колокол, чтобы в случае чего сигналы давать. И вот повесили фашисты человека, и, наверное, неделю человек болтался на веревке. Они сгоняли: «Русь, русь!». Русская свинья - посмотрите. Если не скажите нам правду, то вам тоже сюда.

Я тогда-то помнила, а теперь не помню, какая фамилия. Мужчина болтался неделю. А потом в лесу мы там ковырялись в окопах - сидим, съежившись. Пережито много.

Старостой в деревне при немцах был Кондратьев Григорий. В армию он не попал. Почему не попал – не знаю.

Некоторые мужики оставались случайно в оккупации. Например, папа поехал в ночь на работу, когда объявили войну, доехал на этом поезде только до второго Тосно. И поезд разбомбили. Папа удрал, там каша была. И вот этот Григорий не попал в армию. Короче говоря, фашисты увидели, что мужчина молодой, здоровый, по-видимому, потому он и был назначен. Но он же не от души пошел.

После войны его душу-то, наверное, мучило. Помню, что и документы там были. Говорили,

Летние каникулы. Кондратьев Михаил стоит в центре с дедушкой Иваном Андреевичем справа .1950-е г

что Гришке суд будет. И через некоторое время Григорий ночью ушел. Не доходя до тринадцатого километра, он бросился под поезд. И покончил с жизнью. Ну, потом люди говорили, он, мол, испугался. Он был старостой, но не от души. Папа тоже прятался, тоже боялся. Папа был старше, а он так погиб.

Сначала нас в лагерь всех, а потом там хозяин шел, как говорят, выбирал семью, какую ему надо. Повели нас в лес густой, высокий лес - только ели шумят. Там хата была, туда нас затолкали - нашу семью и той женщины семью. Эта женщина была, девочка, мальчик побольше и муж. А у мужа, по-моему, то ли руки нет, то ли ноги - инвалид был, короче говоря. Их поселили в один уголок, а нашу семью в другой уголок затолкали. Ну и там мы сколько жили - голодали, как выжили - сами не знаем.

Из одежды обноски давали, потом мама ушьет. Уже ношено-переношено. Мама бруснику ходила собирать, снесет туда, они дадут то пальто, то еще что. А башмаки давали один такой, другой такой. Это было, было. Мама вообще-то не работала. Фашисты, толкали семьи кого куда. Мама дома была, она ходила по лесу, собирала чернику в баночки. И потом меняла у фашистов. Я помню, фашисты давали не сахар, а сахарозу - порошок, мы еще говорили, что, мол, отравят. Пока мы там работает, мама черничку соберет, и фашистам продавала. Они то хлеба дадут кусок, то еще что. Папа работал, его заставляли в лесу спиливать бревна, и все говорили: «Иван русский - гуд!» Ну, папа у меня инструмент умел направлять. Попробуй – посиди и не работай, сразу бы пристрелили. Поневоле ковырялся, хоть умирал, да ковырялся - заставляли.

Немки работали с нами. Бывало, заставляли канавы чистить. Придет самый главный, на мотоцикле подъедет немец командующий и бабкам дает назначение, мол, русских туда-сюда. Помню, Лариса что ли или Людмила хапнула траву и хапнула вместе со змеей - медянки змеи такие. Кричать стали, испугались. А фашисты говорят: «Не бойтесь, они не кусаются». Вместе с травой, да. А эти немки: «Не бойтесь, они не кусаются», - они по-русски не умели говорить, такие дела вот.

Нас заставляли работать, конечно. Моя сестра Людмила была маленькая, ей было сколько? Она вообще в третий класс ходила до войны. Гоняли нас там работать, тяжелая работа. Заставляли, издевались, чтоб ни одной щепочки не было в лесу, чисто чтобы было. А потом закончилась война, команду дали, как-то быстро стали выгонять. Нас в телятник погрузили. Помню, или Брест, или какой другой город - погрузили в вагон товарный и замок повесили. Закрыли и замок повесили. И сколько этот вагон стоял? Потом папа говорит: «Не бойтесь!» Надо было этот вагон, где русские были, снять с рельс и поставить на наши рельсы, они узкие наши.

И кое-как перегрузили. Говорим: «Ну, сейчас как шарахнут - и все, смерть». Сколько везли - не помню, привезли нас в Тосно, выгрузили, мы собрали свои тряпки - и в Нурму пешком. А сюда пришли, был до войны хороший дом большой - одна половина и вторая половина, посередине большой коридор. Пришли, а тут все разбито, вот в эту половину попал снаряд, в общем, все развалено. Только одни балки, колы стоят, у немцев здесь были лошади, жить было нельзя, но потолок был. Папа кое-как сколотил баню, нас туда запихал пока куда-то припрятаться. Ну, потом кое-как обжились, отец стал трудиться. И так стали жить.

Отец чего-то раскидал в доме туда-сюда. Помню, что сидели, а уже пришел брат Борис из армии, демобилизовали. У него была малярия сильная, когда он пришел, сразу сказал маме: «Мама, я больной, будь осторожна!» И была как собачья будка, там была трава какая-то, так вот как два часа подходит, он идет в эту будку и зарывается в этом сене, потому что его бьет сильно. И после мама встречалась с какими-то бабками, ее научили, подсказали, что первый способ подлечить малярию - от сирени накопать корней, коренья намыть, делать крепкий раствор и давать пить. И мама подняла сына. Бориса перестало трясти, и потом месяца два, наверное, она его поила. Потом, так как он был партийный, его туда-сюда - везде на руководящих должностях был.

Отец пока не опомнился, как тут чего делать, в бане мы ковырялись все. Решили загородить дом, прийти всем сюда. Ребятишек-то куча. И в один день рухнул потолок дома. Хорошо, все поднялись. Борис ушел на работу, а мы уже кто где. Рухнул потолок, а после этого отец остатки разобрал, директор подсобного хозяйства, помог папе насчет стройки. Лошадей не было, немецкие быки. На этих быках стали возить бревна, и папа стал строить. И помню, Бориса тогда в Мезенское отправили работать, он оттуда дал какого-то пленного, и этот пленный, может, месяц, может, больше помогал папе строиться. Тогда помаленьку строил, сначала было вот это отстроено, а потом достроился.

Бревна из лесу привозили, надо было чистить их. Эти быки привезут, бывало, тряпка какая-то красная на голове была, и папа еще кричал мне: «Маня, сними тряпку с головы, они на красное прутся эти быки!» Горя хватало, вот такие дела.

Васька Юркин, он мамин племянник, короче говоря, нашел свою мать. Страшное дело было, где-то нашел у леса на опушке бугорок. Кто ему сказал? Я боялась вспоминать. И он выкапывал и перезахоронил на нашем кладбище. Там еще два с половиной человека было - маленькое кладбище. Папа помогал выкапывать трупы, он выкопал мать свою, потом то ли сестру, то ли брата.

Я помню, он говорил, что косточки собирал. А почему они тут на опушке были, кто их застрелил? Наверное, фашисты застрелили. А вот Васькина мать-то - почему она на опушке и кто ему сказал, что там она? По кольцу заметил на костях как-то, а мама моя говорит ему: «Вася, может, ты ошибся?» А он говорит: «Я мамино кольцо с косточки снял». Вот так.

И наших собирали. Как отличали, тоже не знаю. Помню, когда возили на это кладбище к магазину сюда, солдат наших. Все окопы были забиты. Они там и долбали потом. Они выгнали нас, чистку делали.

А немецких солдат, вроде, не хоронили. Куда девали - не знаю, может, увозили, не могу сказать, но я знаю, что русских солдат от лаврешки там выкапывали - и сюда к магазину, и в братскую могилу, это я помню.

Королева Валентина Ивановна

Я, Валентина Ивановна Королева, родилась в Никольском в 1941-м году 21 июля. В Казанскую, в большой праздник родилась. Меня назвали Валентина в честь первой дочери мамы, она рано умерла. Говорят, нельзя, но меня так назвали. Говорят, это греческое имя, переводится, как «здоровая». Оказывается, здоровья-то не, но вот тяну. Скоро уже будет семьдесят восемь лет.

Жили мы в деревне Захожье около Никольского. Была раньше такая деревня большая. Маму звали Анна Михайловна Королева, отца звали Иван Яковлевич Королев. Был свой дом. Брат Николай у меня был 1928 года рождения, еще один - Александр. Не знаю, живой или нет. Они с братом уехали в 1952-м году на целину. Брат Николай вернулся, а Саша остался. Потом он жил в Киргизии, женился. До 1972 года переписывались, а потом следы его затерялись.

Про войну я не помню многого. Что-то расскажу по рассказам Николая старшего. Было лето, август месяц, 1941-й год. Люди были на улице, лето было, тепло. И увидели - на мотоциклах едут. Думали, что на мотоциклах едут пожарные. Думали, что в деревне случился пожар. А это оказалось, что едут немцы. У нас был новый дом, и немцы сразу к нам. Организовали как бы комендатуру. А отец носил бороду, носил хромовые сапоги и носил такие брюки галифе синие с красной полоской. Его немец вытащил на улицу, поставил к окну и стал жечь зажигалкой бороду. А отец чего - молодой! Вырвался и схватил топор. А что с топором сделаешьто? Мама у нас шустрая была. Встала между немцем и отцом. Ну, еще немец добрый оказался. Нас просто выкинули - и все.

Липские дома. 1948 г.

И вот с Захожья нас гнали. Мне два года было, я не помню этого. Нас гнали, стрельба была, маму ранило в ногу. Коля говорит, ты вывалилась с коляски. Всю деревню гнали со всеми жителями до Прибалтики.

И вот нас пригнали в Прибалтику, это старший брат говорил. И семью разорвали, старшему Коле было четырнадцать лет, он 1928 года рождения. Его к одному хозяину, а мы были у другого - я и Саша. Отец с матерью у одного, а Николай был у другого. И Николая другой хозяин отправил в Германию. Николай был в Германии. А мы до 1944 года были в Прибалтике.

У меня мама рано умерла, мне было 10 лет. Мне было десять лет, а мамы уже не было. Онкология была, лечили от сердца, у нее было больное сердце, онкология. Сестра родилась в оккупации. Она 1943 года. Уже тоже нет в живых. Считали предателями тех, кто попал в плен, кто был в оккупации. Николай говорил, что они работали на заводе - и все.

Нас освободили, и мы приехали в Саблино. Есть такая дача Липская. Здесь до революции жили помещики. Липский, Копейкина дача и Маркова дача. Вот отец с мамой приехали на Липскую дачу. И там отец нашел домик, этот домик был для охотников у помещика. Там была комната и кухонька, мы вот в этом доме и жили. Меня в школу отец возил на санках. У меня же ноги больные были. В школе меня нормально принимали и учителя очень любили, никто не обзывался. Была у нас здесь деревянная школа на Зеленой. Одну учительницу звали Анна Михайловна Полямская, а вторая вела математику - Валентина Рощина, а отчество не помню. Мою первую учительницу звали Криволапова Наталья

Валентина Ивановна с матерью и сестрой Галиной. Саблино, 1950 й год

Алексеевна.

Все были добрые, хорошие. Никогда конфликтов не было, а Валентина Рощина, забыла отчество, она даже вставать мне не разрешала, когда приветствуют учителя. Вообще все были добрые. Вот сейчас гляжу на молодежь и удивляюсь.

Мама не работала. У нас было большое хозяйство, у нас была корова, теленок, поросенок, куры. Надо же было тогда сдавать молоко, мама ездила в город, у нее были свои клиенты, и продавала молоко.

Папа работал вначале заведующим дровяного склада, а дальше я не помню.

Ничего не помню, потому что было столько забот, у нас был большой огород - пятнадцать соток. Хотя у меня были ноги больные, я сделала операцию, мы сами все это обрабатывали. У нас все было: картошка, все овощи, ягоды - все было, и все надо было делать, старшие уехали, мама умерла. Мы одни с отцом. И сестренка была Галя.

Потом у меня папа женился, не помню, в каком году, в пятьдесят каком-то. Ну, потом выгнал, потому что так получилось. У меня знакомая говорит: «Мачеха хорошая?» А я говорю: «А ты жила с мачехой? Вот когда поживешь, узнаешь».

Она не била, отбирала продукты. Притащила всю свою семью - и мать, и сестру. Я помню чемодан такой

большой был у нее черный, на замок закрытый. Отец увидел и потом выгнал.

Я жила там до 1969 года. Отец умер тоже в 1969-м году, Николай с Сашей уехали на целину. Восемь классов я закончила. Потом в 1969-м году, когда обвалился дом, мне некуда было деваться. Я поехала в Тосно, в соцзащиту. Увидела объявление, что есть техникум на соцобеспечении в Северской. И я туда влезла. Училась там три года. По специальности «бухгалтер». Зря туда сунулась. Был техникум рядом в Ленинграде на Растанной. Там лучше были профессии - и переплетчика. Так что всего хлебанула. И я не знала, что столько доживу, у меня все рано ушли.

Жилье не давали. Сто лет стояла-стояла. Я собралась и уехала, а что делать. С техникума приехала - и некуда деваться. А вообще много у меня попадалось на пути добрых людей.

Кутузова Татьяна Александровна

Я, Татьяна Александровна Кутузова, родилась в 1926 году в Вологодской области, район назывался Борисово-Высоцкий, теперь Бабаевский район. Недалеко от селения Борисово, в пяти километрах. Затем жила в селе Борисово. Отец - медицинский фельдшер, мать работала при нем в больнице санитаркой. Сначала жили в районном центре, потом отца перевели на медицинский пункт в сорока километрах от села Борисово. Больница была в сорока километрах, он будучи фельдшером выполнял все обязанности, все делал: и зубы удалял, и роды принимал, все приходилось одному делать. Если случай экстренный, приходилось на лошадке везти до больницы сорок километров, если операция нужна была. В этом селе жили лет четырнадцать.

Я в школу сначала пошла, там, где родилась, недалеко от Борисова.

Потом в селе Борисово ходила в школу во

второй и третий класс. А потом там у себя в деревне - ходить километра два. А в пятый класс надо было ходить в школу за десять километров от дома. Ходили и весной, и осенью. Каждый день ходили, а зимой жили на квартире. Недалеко от школы жили на квартире неделями, а на выходные уходили домой. Ну, вот в эти темные дни, когда темно, вставали утром рано. И не одна я - толпа ребят ходили лесом. Лесная дорога - лучину брали с собой, жгли эту лучину, потому что волков боялись. И вот ходили и весной и осенью, а зимой жили у хозяйки на квартире.

А в седьмом и восьмом классе училась в Ленинграде. В 259-й школе на проспекте Майорова. Дядя приехал к нам в отпуск с семьей и увидел, как тяжело ходить. Они шли пешком до нас сорок километров. Они посочувствовали и взяли меня туда. Приехала из Ленинграда домой 18 июня 1941 года.

Домой приехала на каникулы, и началась война. Пришлось остаться дома. Тут школы не было. Школа в сорока километрах только. Девятый и десятый классы училась в селе Борисово в районной школе.

гый и десятый классы училась в селе Борисово в районной школе. Среднюю школу закончила в 1943 году. Один раз в месяц ходили

домой, еще девушка со мной училась - Надя Николаева, вдвоем ходили. Жили на квартире напротив школы - через речку

Суду, деревня Александровская. Три километра ходили каждый день в девятом и десятом классе. В десятом классе в апреле месяце пришла инспектор районо, взяла журнал школьный. Разговаривали с директором и классным руководителем, отобрали семь человек и решили, что эти ребята пойдут работать в школу. Пришли к нам и объявили, что мы после окончания десятого класса пойдем работать в школу. Начальную сельскую школу.

Мы сначала посмеялись над этим. Думали, забудут про нас. Пока учебный год закончится - и забудут. А нет, не забыли. Учебный год закончился - выпускной вечер. Снова приходит райинспектор и говорит: «Через неделю поедете на станцию Бабаево, там будут вам читать методики». Кроме того, еще из нас физруков готовили.

Вывезли за Бабаево куда-то, жили там в землянке настоящей, которая осталась после военных. Лейтенант наш был раненый, построит нас на площадке, командует, и мы там шагали, маршировали. Учил командовать. Голоса у меня не было, петушиным голосом команды

Матушка Григорьева Екатерина

Отец Григорьев Александр Иванович - фельдшер

Отец Григорьев Александр Иванович (стоит первый слева), Татьяна Александровна первая в первом ряду слева. Фото 1935 года

подавала, он все время говорил, что громче

У нас не было мальчиков одни девочки, человек тридцать. Так оказалась учителем. Назначили меня школу за пятнадцать километров от дома. Дали второй и четвертый класс. Первый раз, помню, пришла - забыла снять головной убор. В берете в класс вошла. Ну, жила тоже на квартире, на выходной ходила домой. Еще работала со мной девушка, она была из Устежья, она была

был. Она умерла, освободилось место, и меня сюда перевели.

1951 год

Проработала месяц, и вдруг в конце сентября 1944 года приходит техничка и приносит мне записку, где говорится: «Вы переводитесь в семилетнюю школу вести алгебру, геометрию и немецкий язык в шестом и седьмом классах». Семилетняя школа была рядом - за полтора километра от нашей. Я говорю: «Кто пошутилто?» «Нет, Татьяна Александровна, не пошутили, это Нонна Александровна, директор, вас вызывает в школу, вы должны сегодня туда пойти». Я говорю:

> велела обязательно прийти». Прихожу, она мне сообщает, что до меня вела математику женщина из Лодейного Поля - средних лет, очень волевая, ее слушали так, что она

> «Что за ерунда-то такая, что за шутка

такая глупая!» «Нет, надо идти, она

проходила, и все ребята - к стенке, боялись ее страшно. Она была с образованием и была директором. Вела

математику, и меня восемнадцатилетнюю переводят на ее место. Я говорю: «Нонна Александровна, вы надо мной издеваетесь что ли?» Она: «Нисколько! Ты знаешь, меня переводят работать заведующей гороно!»

Я одна была в семье. Была еще девочка, но рано умерла. А на следующий год перевели в школу

ближе, тоже начальную. Ходить нужно было четыре километра, там у меня уже был третий класс.

Школа была на берегу речки. До меня работала учительница. Она молодая девушка, а у нее туберкулез

Я говорю: «Да вы-то хоть кем угодно, хоть министром просвещения можете быть. Конечно, вы кого угодно можете заменить, а я чего делать буду? Надо мной будут смеяться! Они же знают меня как девчонку эти ребята, которые рядом живут!» «Нет, -говорит, - вы переводитесь в семилетнюю школу, и разговора быть не может». Я говорю: «Вы понимаете, что я забыла уже математику, забыла!» А она отвечает: «Ой, какой-то год прошел, а она математику забыла!» Я говорю: «Конечно, я же не готовилась вести уроки, как я буду вести? Не умею!» «А так и будете, подготовитесь!» «А у меня даже методички нет никакой, как я буду? Я отказываюсь, не могу вести, не буду!» «Без разговоров - будешь вести, и все!»

Посидела, посидела, какую-то книжку мне дала, пошла я домой. По дороге плакала, домой прихожу - плачу. Отец говорит: «Ну и что ты плачешь? Я приказ отменить не могу, иди снова. Отказывайся снова, раз не можешь!».

Пошла снова туда. Прихожу, говорю, что не могу работать, лучше пойду косить в колхоз, чего же я буду посмешищем. «А нет, будешь! Ты понимаешь, что война, приказ есть приказ, где сложнее - на фронте или здесь? Как ты думаешь, где труднее?» А я говорю: «Вы поймите, что ребята некоторые есть, они же на два года моложе меня или на год даже, и как я буду работать?» А она говорит: «Как хочешь, как сможешь, так и будешь работать!»

Дала мне еще какие-то пособия, журналы какие-то дала. Я посидела, ну что - надо идти на работу. А хорошо, что в этой школе работают два моих учителя, у которых я в пятом шестом классах училась. Они были такой опорой! Помню, Савватий Иванович географию и биологию вел, а Мария Фроловна вела литературу и русский язык. Оба -замечательные учителя, все время помню - такие деревенские, простые, образованные, умные, и они помогали. Как что не понимала - все к ним. Сразу объясняли.

Был один шестой класс и седьмой, шестой класс - тридцать пять человек, классное руководство еще дали в этом классе. В шестой класс как-то еще не страшно было ходить, а в седьмой - страшно идти. Как идти в седьмой класс?

заведующей, а я просто учителем. Один год проработала, на следующий год перевели в школу ближе за четыре километра от

Нельзя сказать, что дети не слушались - слушались, но условия были очень плохие: не было учебников, тетрадей было мало. Писали, но тетради были только для контрольных работ, а так приходилось писать на всяких газетах между строчками. Чернила были в непроливайках, ручки с пером были, ими и писали ребята.

Что только не делали, когда работали. А когда учились в школе, так все приходилось делать. Приходилось самим вести уборку в школе. Большой был зал, мы и во вторую смену занимались сначала маленькие, а потом мы. Некоторые, и я в том числе, работали даже в госпитале.

В помещении нашей школы был госпиталь, туда привозили раненых. Иногда ночью дежурили, иногда днем. После окончания или до уроков дежурили. Мы материал перевязочный готовили, уборку делали, кормили раненых, которые тяжелые.

> А потом в школе надо было дрова заготавливать. Помню, мы с этой девицей взяли пилу поперечную с двумя ручками, пошли в лес и заготовили кубометра два дров. Мы спиливали деревья с корня, потом сучки обрубали и пилили на дрова. В выходной в школе то в госпиталь идем, то дрова заготовляем. В какой-то раз приходилось домой идти, чтобы принести еду из дома, так как жили на квартире.

> Еще не сказала, что в нашем классе мальчика взяли в армию - не дали окончить среднюю школу даже. Пришли после зимних каникул, а в классе только трое мальчишек. Остальных восьмерых мальчиков, которые 1924, 25, 26 годов рождения, всех забрали в армию, не дали окончить десятый класс. Отправили в Череповец, в училище. Там они шесть месяцев обучались, а потом - на фронт. Из восьми мальчиков только один остался в живых, все остальные погибли. Все погибли, только один Ваня Ульянов остался живой. Все погибли, такие парни хорошие были.

Отца в армию не забрали. Он же был старый, ему было больше сорока, он 1884 года рождения. В пункте медицинском работал долго, а потом приехали эвакуированные - из Подпорожья, из Лодейного Поля шли пешком к нам. Приехали эвакуированные, приехала женщина с

дома, тоже в начальную школу.

Фото Татьяны Александровны . 1944 год

двумя детьми, ее устроили работать на медпункт. Она осталась работать, а он ушел на пенсию.

Вот так и пришла в седьмой класс: девчонки такие большие, на последних партах сидели, поглядывают на меня, как только улыбнутся, так думаю - надо мной смеются. Мальчишки были как-то поменьше ростом. Мальчишки были попроще, а девчонки такие с характером, были сложные девчонки.

Ну, как умела, так и работала. Готовилась к каждому уроку, решала все — все, что могла, все делала. А как уже получалось вроде ничего - и слушали, о дисциплине не было разговора. В школе не было никакого разговора о дисциплине. А еще помню, в шестом классе мальчишка подходит и говорит: «Я знаю, сколько вам лет!» Я говорю: «Ну и сколько же?» «Восемнадцать!» А мне шестнадцать. Я

говорю: «И что делать будем?» «А ничего, - говорит, - я учиться, вы учить!»

Вот так и работала. Сколько прошло лет-то - не знаю. Потом решила поехать учиться в Вологодский институт на факультет математики. Поступила, поехала. Не помню, сколько проучилась на очном - заболела мама. Мама была одна дома, отец уехал в Карелию. У него не хватало до пенсии стажа. Там работал, она одна дома, мне пришлось переехать домой, вернуться к ней, так и не закончила учебный год.

А на следующий год осталась работать, еще два года проработала. А потом, не помню, в каком году, поступила на заочное отделение уже в Ленинградский институт на естественно-географический факультет. Окончила факультет естественно - географический. Потом перешла на географический факультет, в 1962-м году последние экзамены сдавала - государственные. Окончила факультет географический и после окончания института - нет, еще раньше, когда я учительский окончила - пришла в облроно. Мне говорили, что в области есть места, что можно устроиться работать. Пришла в облроно, там сначала предложили Путиловскую школу во Мгинском районе, Потом Семен Ульянович оказался в облроно. Он так поглядел на меня, с ног до головы окинул взглядом. Вышли, позвал меня в прихожую, поговорили: в школе нужен был завуч и учитель математики и биологии. Это

1952 год, Т.А. с мужем Кутузовым Владимиром (слева)

был 1950-й год. Анна Алексеевна, ушла в декрет. И он сказал так: «Завучем у нас есть, кому работать, Антонина Григорьевна Петрова изъявляла желание работать завучем». Я сказала, что в Никольское не поеду и завучем не буду, не умею я завучем быть. Я расписание составлять не умею. А заведующий облроно: «Пять лет проработала в школе и завучем не умеет!» «Не умею, конечно! Там надо помочь не только ученикам, а и учителям! Не буду я завучем». Так и оказалась я в Никольском.

Доехала до Поповки, пешком до речки. Дороги там не было. Потом спустилась под горку. Перевозил дедушка Иванов на плотике - переплыла. Помню, Пазушина тетя Шура первая встретилась, я спросила, где школа, она мне показала.

Школа была маленькая, деревянная, там, где аптека. Где идет Западная улица - деревянное здание двухэтажное, тут была школа. Семен Ульянович жил в учительском доме, подальше немного учительский дом. Где садик, дальше туда был учительский дом, тоже двухэтажный, Семен Ульянович жил на первом этаже. Пришла к нему. С ним разговаривали.

Никольское было деревенькой такой, самой настоящей деревенькой, домики были вдоль реки, только в ту сторону. Домики были многие разрушены, одни сохранились, другие не сохранились. А одна семья Кондукторовых, Володя Кондукторов учился в моем классе, эта семья жила в землянках. Даже не перешли. Свой дом был почти готов, вот скоро-скоро свой дом. Двое детей у них - Кондукторов Володя и Тамара Кондукторова. Дом культуры был, и было здание, где начальная школа - разрушенное здание было, крыши даже не было. А до войны школа была, Кутузов там учился.

Вот так начала работать, а со мной вместе приехала Зинаида Ильинична, нас поселили на частной квартире Сысоева. Это конец августа - тридцатое или тридцать первое число 1950 г. За плечами

учительский институт. Позднее поступила в педагогический имени Герцена. По-моему, учительский еще не был закончен, госэкзамены не сданы, уже здесь сдавала экзамены.

Зинаида Ильинична уже была в Никольском. Она до меня приехала, она жила у Лозинской, и меня тоже туда поселили вместе с ней, в одной комнате мы с ней жили у Лозинской. Это частный дом. А потом, когда военные уехали из учительского дома, нас тогда переселили.В одной комнате жили опять, а потом Зинаида вышла замуж, так Тамара Поспелова ко мне перешла, с Тамарой Николаевной Поспеловой жили.

Тамара была еще не замужем. Зинаида тоже сначала не замужем была, она помоложе меня. Зинаида, Тамара и Антонина Ивановна Кистенева работали в школе, Немолотова замужем была, помоему.

Меня взяли на математику в седьмом классе тоже, сначала в шестом классе математику, потом в седьмом вела. Семилетняя школа была. Вела и биологию в то же время, ботанику.

Т.А. Кутузова со своим классом. 1964 год

Даже сказать стыдно, почему еще я не имела возможности немецкий вести. У нас в школе сельской немецкий был, конечно, не на высоте - вели по совместительству. А я же в Ленинградской школе училась. Когда приехала Ленинградскую чувствую, школу, что у меня немецкий хромает, сильно хромает, и я ходила дополнительные занятия. Помню, как раз Финская война, город затемненный, а я бегала по трамвайной линии вечером на

дополнительные занятия. Помню, пять рублей платила в месяц за дополнительные занятия по немецкому языку. И это мне помогло, основательно помогло.

У нас в седьмом классе и в восьмом учительница была немка, она только по-немецки разговаривала. Однажды надо было пересказ на немецком сделать. Я отвечала и сказала, что мне пятьдесят лет. Она говорит: «Многовато пятьдесят-то». Ребята засмеялись, а пятерку она все равно поставила. Сказала: «Молодец, хорошо рассказала». Помогли мне дополнительные занятия по немецкому языку.

Ну и как уж я вела - конечно, примитивно, сколько уж я там знала. Учебники были, читать могла научить. Я была единственный учитель немецкого языка. До меня была учительница немецкого языка - молоденькая, красивая, все куколкой звали ее. Она ушла из школы. То ли замуж вышла — не знаю. Ушла из школы - и больше немецкий было некому вести.

А после появилась Надежда Васильевна Быкова, она была в Германии. Вела немецкий язык всего год. Я могла читать, переводить, некоторые предложения могла произнести, писать чего-то еще могла. Там и грамматику научили, но этого мало, конечно, мало этого слишком было - стыдно было, а что делать. Население было пока коренное, дисциплина была нормальная, можно было вполне работать.

Еще люди возвращались. Даже свекровь моя приехала из Прибалтики. Их же вывезли из Никольского в военные годы. Володя в армию ушел оттуда, а они там жили долго. И при мне она вернулась. Ребята были тоже переростки. Помню, Люба Сысоева замуж вышла сразу после окончания седьмого класса - большие уже были тоже. Потом, когда население стало прибывать, и чуваши, и татары начали строить улицы, заводы. Стали работать.

Когда коренное было население, работать было легче. Не то, чтобы идеальная была дисциплина,

но уроки объясняла. Материал объясняла, идеальной дисциплины не было никогда. Классы были человек около тридцати человек. По два класса в параллели

На первом - начальные классы. Седьмой класс, по-моему, один был, а шестых - два класса было, пятых - два класса было. С питанием было очень плохо, был магазин на «Соколе» продуктовый, помню, туда мы ходили. Потом помню, котельная там была. Мыться туда ходили еще иногда. В Перевозе была какая-то баня, несколько раз туда ходили. В общем, бани нормальной не было, нормального магазина тоже не было. В магазине только сахар да хлеб. Питались, конечно, очень плохо, в школе ничего не было, не только в этой школе. Там сначала только буфет был, когда сюда перешли, столовой не было. Ребятишки тоже, конечно, не шикарно питались, тоже было плохо с питанием.

Начали строить, по-моему, завод кирпичный, Поповский работал уже - у реки который, под второй школой. Ездили работать в город. Надо было пешком идти или на Поповку, или на Саблино, в Ивановскую еще не было дороги. Настоящей дороги еще не было, машины не ходили, ходили пешком. Вот если в город на выходной ехать - на Поповку шли, а обратно возвращались на следующий день. Помню, зимой как-то обратно шла, поехала - не было снега, а обратно шла - снега нападало полно, и целые боты снега, вытряхну - да и опять. Потом ангина началась.

Купить одежду - тоже только в город, тут не было магазина промтоварного, только в Ленинград. Жители поддерживали учителей. Зарабатывала шестьдесят рублей, потом восемьдесят рублей зарплата была. Здесь в школе - уже сто рублей, маленькие зарплаты были.

Построили школу здесь у рынка в 1953-м году, запустили к седьмому ноября. По крайней мере есть такие данные и фотографии из районной газеты. А вот ребята, в то время учившиеся, говорят, она еще была не готова, они еще полгода ходили - мыли, убирались, и только в 1954-м году они туда вошли, где-то перед весной.

Начальная вот в желтом здании, я в 1956-м году приехала, т.е. в 1961-м. Участок был около школы, окна школы выходили на участок прямо - в сторону Советского проспекта. Участок был небольшой, он был огорожен. Анна Алексеевна работала, они же на два года раньше меня приехали. В 1948-м году приехали. Участок был уже разработан, у них там хорошо все было поставлено. Сажали овощи, картошку, опыты делали простые - влияние удобрения.

Юннаты уже были. Помню, год на второй, наверное, как я приехала, возили на выставку продукцию с участка, еще арестовали нас в поезде. Кто-то не купил билет, и пришел контролер, нас повели по вагону. Кто чего вез - кто кочан капусты, кто чего. Во дворец пионеров везли.

Потом уже здесь в школе участок стали разрабатывать на горе - площадь большая. Первый год тут работала Анна Алексеевна, я, наверное, в декрете была тогда. А на второй год участок был не огорожен, Анна Алексеевна там уже много сделала - и лиственницу она сажала, порядок был на участке. А потом на следующий год надо было огораживать его. Тихонов предложил мне этот участок огородить. Я говорю: «Каким образом?» «А идите, просите машину, поезжайте в лес, надо жердины, столбы». Я, конечно, не смогла это сделать, я даже хотела уйти с работы из-за этого. И потом в гороно ездили с Тихоновым, приехали, и я говорю: «Я не справилась с пришкольным участком - ни огородить, ничего не сделать». А в гороно спрашивают Тихонова: «Вы что сделали, вы как помогли?» А я не помню, что он отвечал, все послушали, и говорят мне: «Никуда не уходите, работайте, как работали». А Тихонову сказали, чтобы остался. Мне - поезжайте, а ему - останьтесь. Не знаю, о чем они говорили, факт в том, что после этого учителя мужчины собрались, машины взяли с завода. Кутузов с нами ездил еще, мальчишки взрослые, я ездила. Рубили деревья, столбы, все привезли. Потом учителя-трудовики с мальчишками огораживали участок. Потом еще там несколько лет я работала. Все работали на участке: и я, и Анна Алексеевна, и Елизавета Ивановна.

Деревянную школу, вроде, разобрали. Анна Алексеевна и Тихонов жить остались в одной части здания. Анна Алексеевна жила на первом этаже, а Тихонов на втором этаже жил. Этот учительский дом, где мы жили с Зинаидой, разобрали на дрова. И дали шесть кубометров дров, из этих дров мы построили прихожую в доме. Это было в 1953-м году. Тоже сам ездил в лес с мужчинами, выпиливали бревна, мужчины рубили, сами строили мужики.

На месте первой школы-гимназии ничего не было. Пустырь был - и все, кустарники. Леса не было большого, потому что там слой кембрийской глины. Когда мы пытались сажать деревья, там никак не выкопать было. Твердая кембрийская глина, надо было рыть ров большой, засыпать землю. Пока этого не сделаешь, деревья там не росли. Вот лиственница растет около школы, помню, я сажала

эту лиственницу, как-то еще прижилась.

Я не окончила институт, по-моему, третий курс был окончен, мне надо было госэкзамены сдавать. Я уезжала на сессию, а потом домой.

Ходили в котельною, оттуда в город. Поедешь в город, там в баню ходили иногда. Ничего не было - ни бани, ни магазинов, так и жили. А с питанием было совсем плохо. Помню, мы с Зинаидой посадили картошку, недалеко от школы кусочек разработали. Ребята сдали экзамены, Вовка Кондукторов: «Давайте лопаты, мы пойдем покопаем!». Я говорю: «На пришкольный участок пойдемте, покопаем!» «Нет, на пришкольный не пойдем. Мы на ваш пойдем, вам вскопаем» Я говорю: «Мы сами в силах, нам не надо копать». «А на пришкольный не пойдем». «Ну, как знаете, не хотите - не надо!»

Вот сами вскопали, вырастили, помню, ящик картошки. Мы набрали картошки ящик - варить не на чем. Была на кухне плита, но растопить ее надо - сколько дров понадобится. А где дрова? Нам привезут дрова березовые, а те дрова сырые совершенно. То Зинаида поколет, то парни приходят поколют. И вот этими дровами растопим круглую печку. И электроплитка была. Так эту плитку еще преследовали, с завода, помню, приходил пожарный, еще стучал. Мы закрывали дверь, не пускали его, а он стучал, чтобы обнаружить плитку эту у нас. А нам не на чем сварить даже, не на чем картошку эту сварить, вот так жили! А плиту эту, которая в кухне, очень редко топили, когда белье накопится. Надо вскипятить белье - тогда целый день возишься: вода из колонки, колонка далеко - надо идти до колонки, наносить воду эту, постирать. Вот так жили.

В Новый год мы собирались - праздновали учителя. Помню, Анна Алексеевна ушла в декрет, седьмой класс дали мне классное руководство, который она вела. И первый у меня выпускной класс был после Анны Алексеевны - это седьмой. Там ребята были переростки. Этот вечер запомнился. А потом еще был у меня класс, вечер типа выпускного был.

Шура Папушина, помню, Дубоусова Шура, Тамары Федоровой мать, техничкой работала, топили печки, рано приходили, круглые были такие печки, особого холода не помню, но печное отопление было.

Уже в этой школе я вела восьмой класс, потом я ушла в декрет, наверное, второй раз уже. Павел Андреевич взял класс, у него был девятый, десятый тогда был. Это был 1954-1955 год. После седьмого класса поступали в техникум в основном, вот выпускники после седьмого класса пошли в основном в техникум учиться.

Ребятишки уходили после седьмого класса в техникумы, а потом поступали в институты, ведь никольские как-то очень любили железнодорожные институты, туда в основном поступали, Гуляевы вот.

В Саблино кто-то, может быть, и ходил, но немного очень. Миронова рассказывала Лидия Степановна, что пошли туда, а потом вернулись, потому что через год уже восьмой класс образовался у нас.

Ездили на учебу в Питер через Поповку. Пешком ходили. Там же не было дороги, а на Саблино не было попутной машины. Я однажды ехала, помню, на попутной машине с пьяным шофером Ворониным. Темно уже было, приехала в Саблино - темень, надо идти пешком восемь километров. Гляжу, машина стоит, я подошла: «я в Никольское еду!» «Довезу, садись!» Мы доехали до Графской горы, у него машина заглохла, а дорога-то была не здесь, а там была дорога, был спуск опасный очень, мост был старый. Надо спускаться. У него заглохла машина, он вышел и говорит: «Ты нажимай, я буду ручку крутить». Я нажимаю на тормоз, а он ручку крутит. Я говорю: «Давай я выйду!» «Нет, ты сиди, я довезу, все в порядке будет, не бойся, в порядке все будет». Так вот я нажимаю на тормоз, а он крутит. Поехали с этой горы, я думаю, сейчас влетим - нет, доехал, не попал в реку. А Кутузов бывал в реке.

А новый мост не сразу ведь появился. Ой, много лет прошло, точно не помню, долго по тому мосту ездили, дорогая была кривая, и был такой спуск, что многие шоферы улетали. Вот я ехала так олнажлы.

Когда выпускала этот класс, не было медалистов. Почетные грамоты были, были хорошие ученики, а медалистов не помню. Самодеятельность была, вожатство было, я помню, Галины Петровны сноха была вожатой, Лариса, когда я училась во втором классе.

Когда была там, не ходила в походы. В походы стали ходить в этой школе. Когда я стала вести географию, первый раз пошли в поход в сторону Мги. Ночевали там. Нас Григорий Иванович, физкультурник, оставил одних и ушел. Первый раз палатки мы поставили, мальчишки камни кидали

в палатки, ночевали там по Mre. А потом Олег Петрович сделал меня сначала туристом, а потом организатором. А сначала я говорю: «Не ходила в походы ни разу». «Ничего, научитесь!»

Когда работала, несколько было случаев подрыва. Какие-то мальчишки ходили на Песчанку и там собирали патроны. Мой Сережа ходил с Котовым Валеркой собирать, и дед обнаружил однажды у Сереги патроны и все, что угодно. А когда я была в походе на Синявинских высотах, Исаков Вова такой спрыгнул в ров и руками начал там ковырять. «Ой, девчонки, что-нибудь делайте!» Так они схватили его и оттуда вытащили.

Ларченко (Тимашкова) Нина Трифоновна

Девичья у меня фамилия Тимашкова, сейчас Ларченко Нина Трифоновна. Родилась я в Тосно, Ленина 65. 1937 года рождения, мне будет в ноябре 80 лет. Вообще я коренная тосненская, у меня родители — Смолины. Коренные, самые коренные.

У меня здесь родилась бабушка 6 января 1887 года. Ее звали Евгения Александровна Смолина. У нее много родственников, было четыре сестры и два брат. Самый старший был Александр Александрович Сенашкин, мы его звали дядя Шаня. Потом тетя Дуня — Гурьянова Евдокия Александровна, потом бабушка Смолина Евгения Александровна. Потом брат Василий Александрович Гончаров, но он взял фамилию жены. Самая младшая была Екатерина Александровна Кондакова.

У бабушки были два сына и две дочери. Один, дядя Миша, воевал в Финскую войну. Пришел с войны в 1939-м году, у него был туберкулез, он умер и похоронен на тосненском кладбище в том же году. Второй брат Александр ушел в партизаны, уехал на лошади. И в 1943-м году в конце сентября он ночью пришел к бабушке. У нас стояли немцы, а 3 октября нас увезли. Я его видела, но он просто навестил бабушку. Как он выглядел? Ватник, подпоясанный ремнем, весь заросший. Такой веселый. Он постучал в окно, а у нас кухня была, и стояли немцы. Они жили в комнате, а в кухне русская печка стояла и за печкой напротив окно. Бабушка чутко спала, а мама спала с сестрой на русской печке. Мне было 3,5 года, а сестре 1,5 года.

Бабушка взяла меня подмышку, и мы потихоньку вышли, как будто меня в туалет понесла в коридор. У бабушки же был дом двухэтажный, и от коридора была лестница. Вот под лестницей они и разговаривали. Недолго, и больше его бабушка не видела. Сколько мы его искали... Где-то он во мгинских болотах. Бабушка рассказывала, он говорил, что он подо Мгой. А приходил просто повидать бабушку.

Мама у меня работала телефонисткой на телефонной станции. Где сейчас галерея, там раньше была почта, а внизу — подвал, и там, в подвале, до войны она работала. Она знала хорошо немецкий язык, но она молчала. Делала вид, что не знает, ничего не понимает. Маму угоняли в Любань.

Мама – Елена Васильевна Тимошкова, бывшая Смолина, а папа – Трифон Семенович Тимошков. Папа был из Питера. Он был здесь начальником телефонной станции, а мама работала там.

До войны, помню, что я все время была с бабушками. Бабушка меня водила на базар. А мамина подруга тетя Вера Додоева все время дразнила, как Нина плачет. А я была хорошенькая маленькая. «Верка, да не трогай ты ее!» Базар где-то у станции был.

Дед в 1935-м году попал под поезд, он был объездчиком. Он тоже похоронен на тосненском кладбище. С 1935 года у нас все рядом здесь. Прабабушка умерла в 1936-м году — Сенашкина Наталья Степановна.

Войну помню. Во-первых, в лес мы не убегали. Все мы были под лестницей, там спрятались. Неожиданно поехали мотоциклы. Мы ничего не копали в лесу, ничего. Была у нас корова, куры и лошадь. А когда уже немцы подходили, дядя Саша дал лошадь и уехал сразу в лес. Он с партизанами как-то встретился. Когда немцы пришли, это 1941-й год, они были какие-то веселые. Наверное, думали, что

Питер сразу возьмут, а нет.

Вообще наших войск не было. Партизаны сразу уходили. Вот Паэгле был, он у нас на Максима Горького здесь жил, он организовал, видимо, как партийный.

Немцы как-то вошли гурьбой, веселые такие. У нас уже был построен дом, где сейчас стоит

собес. Мы только въехали туда: мама, папа и мы с сестрой. И немцы сразу в дом, их много было. Они с автоматами все, выгнали нас на улицу. Переводчик был там, мы стояли. Я помню, что мама держала Валю на руках, а я за бабушкин подол держалась. Ну и говорили, как бабушка вспоминала, что мы вас не тронем, будем здесь жить. На кухню и сразу в комнату всех.

Некоторые немцы сразу здесь расположились. Сразу корову убили, кур зарубили всех. Собака была у нас, она спряталась. Собаку не трогали, собаку отлично помню. И все. Ну, в огороде уже было вырыто все. Это почти август месяц. Мы ушли все к бабушке на Ленина, 65.

Отец, когда немцы пришли, лежал в Тосненской больнице. У него болезненный вид был, не трогали его немцы. С сеновала почти не выходил. У него была язва желудка. И он с нами поехал в Латвию. Но там был еще какой-то мужчина, и они сразу ушли в лес, там они с партизанами были. Я помню, как он прощался с нами уже на станции Угале. И ушел с каким-то мужчиной. И потом один из партизан пришел и сказал маме, что он умер от ран, он похоронен в Вентспилсе.

У бабушки было немного продуктов спрятано. У нее такой дом был, потом двор, а дальше под одной крышей был коровник. Так вот она зарыла во дворе. Не знаю, как она вытаскивала, но 1941-й год мы еще как-то прожили, и что-то ели. Немцы сгущенку дали, наверное, для Вали, она маленькая совсем была. В моем понятии немцы и фашисты разные. Потому что немцы, которые были у нас,

они такие лояльные были. А вот эсэсовские войска...

Они потом пришли. В 1942-м году, наверное. Потом в 1942 году был страшный год. Немцы, наверное, видели, что Валя с бабушкой и я с бабушкой, и маму угоняли в Любань на работу – рвы копать. На машине все время увозили. Она же делала вид, что она не понимает немецкий.

Мне два немца запомнились, один – офицер. У Вали, у сестры, под коленкой образовался нарыв, и она плакала. У нас в 1942-м году стояла на кухне русская печка. Немцы же не знали, как готовить в ней, бабушка им помогала. Чугунки были, и она ухватом помогала вытаскивать. А

немец пожилой был. И он, видимо, сказал какому-то офицеру, тот подозвал маму и повел ее в госпиталь. А госпиталь был вот здесь, где церковь сейчас строится. Здесь у меня похоронена прапрабабушка на этом кладбище. У Вали был большой нарыв и его вскрыли. Они вскрыли и зашили. Я этого офицера помню хорошо, но не знаю, офицер или нет, но не солдат же. Скорее всего, офицер какой-то.

И вот этот немец, повар, то ли конфетки, то ли шоколадки, мне все под подушку клал. А у нас была русская печь: лежанка, тут проход – и на печку. Я лежала на лежанке, и он мне под подушку все время клал такие маленькие шоколадки. Клал, пока была кухня.

Помню хорошо, как немец один дразнил меня. Есть-то хотелось. А он мне чашку дал и ложку так протягивает, чтобы положить, а потом сам в рот. Бабушка рассказывает: «Ты стоишь, не плачешь – ничего». А я говорит, стою сзади, ноги дрожат, но смотрю. Вторую ложку тоже – раз себе в рот. А ты, так и стоишь с этой чашкой. Потом он положил каши. На второй день он опять так же дразнил, а на третий день не пришел, уже убили его. Их увозили под Поповку, где вал-то. С тех пор в Поповке вал, увозили их всех на день. И вечером приезжали. Уезжали все немцы на машинах.

Потом два партизана висели у нас под окном комнаты, висели долго. Один был в черном пальто, а второй был в фуфайке. Бабушка ничего не рассказывала, да я и не спрашивали, честно говоря. Написано было: партизаны.

И вот эти эсэсовские войска. Вот эти берцы, сапоги называются. Они все были подкованные такие. В основном была молодежь. Они шнапса напьются и дерутся между собой на втором этаже в основном. У нас два этажа было. Внизу немцы, которые увозили их, но эсэсовцы стояли весь 1942-й

год. Они ужасные. И вы знаете, когда налет, самолеты летят: немецкие, наши, какие — не знаю, все бегут в окоп. Рядом был окоп, обычно немцы и мы там были. Но если там эсэсовцы, то нас из окопа вон. Выгоняли всех с окопа. Собака вперед успела, так эсэсовец собаку застрелил прямо на глазах.

Нас не трогали. Ну, может быть, бабушка прятала. На печке или за печкой сидели, на улицу почти не выходили. Единственное, когда нас собирались увозить, говорили между собой, что нас в Германию отправят. И бабушка, почему — не знаю, взяла икону, так как чемоданов не было, узел, швейную машину «Зингер», и нас увезли. Я помню товарные вагоны, я в углу сидела, не двигалась. И был узел белья, белую простыню помню.

В 1943-м году мне в ноябре шесть лет исполнилось. То есть я на улицу не выходила три года практически. А что ели? Что немцы дадут. Так у нас ничего не было. Ну, вот не год, а с полгода была кухня. Так немец пожилой нас подкармливал. Бабушке давал, а она нас кормила. Вот я говорю про эти шоколадки.

1942-й год был тяжелый. Вообще кушать нечего было. Ничего не было, и у нас кухня еще не стояла. Кухня стояла в 1943-м году. Еще бабушка меня посылала иногда. Кухни были на улице у них. Когда принесу, когда не принесу поесть. Не давали немцы, отталкивали. 1942-й год был самый страшный. Они все злые, Питер не взять, одни уедут, кто-то не приедет, убивали же там.

Нас увезли третьего октября, в Латвию привезли на станцию Угале. И потом на машину и на берег. Как сейчас помню, кучками сидели и нами будто торговали. А у нас рабочие руки только у мамы,

бабушка старая и нас двое на руках. И нас вернули на станцию Угале. Нас никто не берет - рабочих рук нет. А всех уже на хутора разобрали. В общем, им приказали, и взял нас один хозяин. Анна Карловна и Карл Карлович, это я хорошо помню.

Это на станции Угале - двести с чемто километров от Питера, Вентспилс был недалеко, Виндау раньше назывался. Мы там были два месяца. У Анны Карловны в Питере была родная сестра, она была более-менее общалась, а он ни да, ни нет - молчун был. Как будто не видел нас и не знал.

Мы жили у них на втором этаже. У них такая комната маленькая под крышей. Мы с бабушкой только были, а маму - на

лесоповал. Мама в выходной день, в воскресенье приходила. Там два километра по лесу надо было идти. У хозяина были два месяца. А потом зимой нас перевезли на станцию на лошади на санках. На самой станции были два барака, все в колючей проволоке с этой и с той стороны барака. В этом бараке мы жили.

Много было ребятишек. Кормили нас баландой и хлебом таким, который рассыпается. Бабушка говорила, что он с опилками. Все за колючей проволокой, а у ворот стоял немец с автоматом. А к кому автомат? Одни ребятишки, бабушка одна была в этом бараке с нами. Матерей всех увозили на лесоповал. Была одна женщина, которая привозила нам еду нормально, а вторая - фашистка с кнутом. Эта фашистка не давала и кнутом била. Ребятишки толкаются голодные, а она - кнутом. Потом так пошло. Она с этой стороны, а бабушка всех ребятишек с другой стороны строила и смотрела. Потому что большие дети отнимали еду у маленьких. Там были дети девяти и десяти лет. Благодаря бабе Жене мы выжили. Она следила, строго следила. И маленькие так вокруг нее и вились.

Два раза кормили: утром и вечером. Рядом жили латыши, но они были как бы с немцами. Мама ходила вечером доить корову, и ей давали молоко. Вот такой кувшин - полтора литра. У меня до сих пор он есть. Мама приносила молоко. Бабушка нальет Вале, мне и самым маленьким разделит. Белый кувшин фарфоровый такой.

Никто не умер в бараке. Мы просто сидели, но, видимо, еда какая-то была. Бабушка что могла,

делала: где сказки рассказывала, потихоньку играли, кто крикнет - бабушка их прижимает, чтобы не кричали.

Нас было много. Я помню, были двухъярусные нары, человек 80 было и бабушка одна. Вот я и говорю, что у нас маму все увозили, мы росли с бабушкой. Вечером их привозили, они в бараках с нами ночевали.

Тосненские там были. Из Новолисина, Еглизей - они тоже были кто в Латвии, кто в Литве. Помню, что Анна Карловна иногда, когда приезжала на станцию, нам привозила колбаски или что еще. Я знаю, что у нее дочка ярая фашистка, она в Риге жила. Один сын за немцев воевал, а второй за русских. И вот в 1949-м году мы с бабушкой поехали туда к Анне Карловне. Вольдемар женился на немке и жил в Берлине, про Эльзу ничего не знаю, а Жан пришел с войны без ноги, он за русских воевал.

Я помню, как мама прибежала днем. Кричала, что кончилась война. Обратно в Тосно мы приехали 4 июня. Кто как мог - в товарных вагонах, кто как мог добрался. Мы же жили на станции: поезда шли, останавливались, туда садились люди. Мама помогала. Хозяева, которым доила корову, уехали

с немцами. Мама могла бы взять какие-то вещи, но ничего не взяла.

Мы приехали - ни надеть, ни обуть нечего. Того дома нет нового, приехали к бабушке. У нее, на Ленина, 65, обе квартиры были заняты, и мы неделю жили так. Здесь жили под лестницей, потом выселили одних, вторых. Мама ходила в исполком, даже в исполкоме мебель была мамина стулья, все вернули.

Мы жили на втором этаже, бабушка была такая застенчивая. А маму на работу здесь никуда не брали, никуда. Мы же враги народа.

И она уехала в Ленинград и нашла работу на Московском вокзале в прачечной. А раньше, как поезда ходили, она утром рано уедет и вечером приедет, мы росли с бабушкой.

Сейчас бы такого не сделала: мы с бабушкой вытаскивали из окопов немцев. Одного помню: снимали шинель с него, а у них шинели серые такие, плотные. И вот она на этой машине, швейная машинка-то была, стегала тапки. Надевать нечего.

Я пошла в школу в 1945 году в сентябре месяце. Школа деревянная, Корчагинская, была у церкви. Были дети и двенадцати и четырнадцати лет. Всякие были. Ни тетрадей, ни книжек - ничего у нас не было. Я помню, что буквы нам показывали на доске. Еще была доска откуда-то. Потом уже, по-моему, со второго полугодия какие-то блокноты нам давали, карандаши.

Учительницу звали Анна Ивановна Свищева. В классе много было человек. Нас не кормили. В Белой школе чего-то давали, я помню, нас туда перевели. А в этой школе ничего не давали.

Я город помню. Пусто, мало народу было. Здесь, где сейчас стоит «Самсон», был двухэтажный дом - поселковый совет. На месте «Самсона» стоял большой двухэтажный деревянный дом. Внизу был поселковый совет, а на втором этаже жила председатель - тетя Оля. Помню ее, она с дочкой жила.

Помню, почта вот здесь была, где Галерея. Где новый исполком стоит, здесь был тети Дуни дом деревянный, бабушкиной сестры. А напротив, где стоят фонтаны, здесь стоял дом тети Кати, тоже бабушкиной сестры. Потом бабушка продала нижнюю квартиру и из Эстонии привезли старый сруб, чтобы строить дом. И козочку с козленком. Этот козленок вырос, коза была бодучая, молоко у нас появилось. А первые месяцы после войны мама привозила очистки, в другой раз мелкую картошку. Мы рвали щавель дикий. Потом мама привезла масло какое-то в бутылке, и бабушка в русской печке лепешки пекла. Помню, эти месяцы были голодные, но ничего. Потом давали хлеб, буханки такие большие черные - по карточкам, наверное.

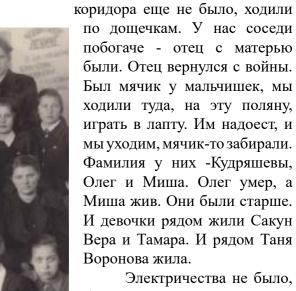
1945-й год был, конечно, самый голодный. Когда бабушка привезла этот сруб, Вале было 7 лет, а мне 9. Мы ходили и таскали мох на дом. Там, где парк сейчас, была поляна, на ней стоял самолет. Самолет был маленький какой-то, может быть, наш. Ну, мы натаскаем мха, а сами мокрые, сядем в самолет в этот и отдыхаем. А потом через ручей. Наш дом стоял как раз на том месте, где сейчас стоит собес - пенсионный на Максима Горького. Мы через Смоляной ручей носили мох. Тогда же ничего не было, только мох. Я помню хорошо, как сидели мы в этом самолете.

Конечно, были трупы еще. Окоп был рядом с домом, и там фашисты. Шинель сняли мы и в исполком сообщили. Трупы увозили, а куда - не знаю. Машина приезжала и увозила.

Бабушка стегала нам фуфайки, сумку мне через плечо, в школу ходила.

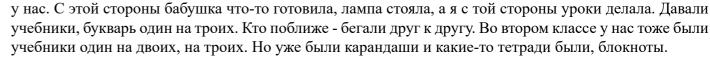
Самолет потом куда-то делся. Никаких знаков не было, все в земле, уже мхом обросшее.

Потом мы переехали в 1949-м году 17 июля. Окна были забиты, только в кухне была окошечко,

по дощечкам. У нас соседи побогаче - отец с матерью были. Отец вернулся с войны. Был мячик у мальчишек, мы ходили туда, на эту поляну, играть в лапту. Им надоест, и мы уходим, мячик-то забирали. Фамилия у них -Кудряшевы, Олег и Миша. Олег умер, а Миша жив. Они были старше. И девочки рядом жили Сакун Вера и Тамара. И рядом Таня Воронова жила.

Электричества не было, была у меня лампа, потом, когда мы переехали, уже в 1949-м году, одна кухня была

Мы все время заняты были: во-первых, летом бабушка сама косила на Смоляном ручье, а мы сено ворошили и носили. У меня есть фотокарточка, где мы все, дворовые, дрова таскаем. Например, тетя Тася была - отца у них не было, у нас отца тоже не было. Вот дрова привезут, мы им таскаем, а они нам таскают. У меня даже есть фотокарточка: мы все кто как одет. На дровах сидим у дома: дом наш, здесь мостик, на дороге сидим все на дровах - Вера, Тамара, Таня, Валя моя и я. Я была постарше.

Мой муж Саша мне рассказывал, а он сам из Красного Села, что во время войны, когда немцы стали занимать Красное Село, мать их увезла в Питер, и они жили на Фонтанке, 64. Мать работала шофером и даже по Новой Ладоге возила. А потом узнали, что у нее двое детей, и ее отстранили. Потом шесть месяцев они почти были в голоде. Увезли их через Ладогу в Куйбышевскую область, а когда приехали обратно, то нет их дома. И дали направление в Новолисино, здесь немцы танки ремонтировали, этой деревни как таковой не было.

Я замуж вышла в 1964-м году, Саша меня возил туда. Немецкие танк стояли в 1964-м году прямо на площадке. Саша рассказывал, что завод был окружен весь колючей проволокой, там пленные немцы строили цех, уже для нас каменных не было домов. Строили автобусоремонтный завод. А Саша говорит: они и сами голодные, и немцы голодные. Нечего дать было, многие умирали. Белки бегали, они раздирали их и ели. Я вышла замуж в барак. Там жил генерал, барак был хороший. И бараки были кругом. Они так в Новолисино остались.

Потом в Белую школу нас перевели, семь классов я закончила. Был педагог Холдина, потом Исаак Андреевич. Я семь классов закончила и уехала в Питер учиться. Я хотела в техникум поступить, но не поступила. Да я не подавала документы, да и учиться нам было не на что. Валя училась. Надо было дом достраивать. Мы жили в одной кухоньке, окна все забиты были. Я окончила курсы машинно-счетных. В школе училась я плохо. Читала я хорошо, любила математику. А когда уехала в Питер, я пошла на машину счетную учиться.

Вначале был рыбный комбинат, там лежала осетрина, я не ела, я не знала, что такое осетрина. Треску в томате ела. А потом на Пушкинской площади у моста Строителей стоял корабль, были садки, и с Новой Ладоги возили рыбу, в садках живую рыбу. А я считала. Были немецкие машины, на них я считала. У них позиции разные, умножать надо - и все. Они такие большие были, с перфокартами.

Мне жалко маму и бабушку, мы, дети, не так все воспринимали. Ну, конечно, полуголодные, полурваные. Бабушка у нас чинила все. Где брала нитки, не знаю. Я знаю, что тетя Вера Додоева была в Ленинграде всю блокаду. И когда мама на работу в Питер ездила, тетя Вера нам от соседки тети Марины какие-то платья давала, бабушка перешивала. У меня первый раз коричневое штапельное платье появилось, когда я была в седьмом классе. А на ноги на зиму шили бурки. Они такие, как валенки, стеганые. У нас, когда была лошадь, и сбруя была. И бабушка подшивала нам кожанки на бурки. Потом галоши литые были.

Я помню, у бабушки был такой передник, а сзади передника был карман. В этом кармане был сахар: мама привозила сахар, бабушка наколет и по кусочку дает. И ждали не столько чай, а чтобы по кусочку получить. Я шоколад не ем до сих пор, не приучили - и не хочу.

Леонтьев Сергей Осипович

Я Леонтьев Сергей Осипович. Родился седьмого марта 1927 года в Любани. Вот здесь, на этой улице. Раньше была первая Кирпичная, Вторая, Третья. Вот на Второй угловой дом был.

Отец построил в конце Любани большой дом, мне было пять лет. У нас две козы белые были, хозяйство матушка держала, а он в Ленинграде работал. Отца звали Осип Константинович, а маму - Александра Сергеевна. Мать не работала, она меня воспитывала. У меня сестра была, она на одиннадцать лет старше. Первый муж матери погиб в первую мировую войну, а отец потом.

Я ходил здесь в школу. Она была напротив, где хозяйственный магазин. Сейчас новый большой магазин построили. Здание было большое двухэтажное.

Я там шестой класс закончил в 1941 году.

Я помню учителя по русскому языку шестого класса. У нас по геометрии и алгебре был. Вызвал меня и пятерку поставил. А мы с одним вышли и говорим, что меня уже не вызовет. А он сзади шел. Слышал, как говорили, что дома не готовился к уроку. Он мне два поставил. Он потом мне и говорит: «Когда ходишь, надо смотреть кто рядом».

Школа была широкая - два зала, раздевалка. Если входишь, до самого конца по коридору идешь, а в самом конце наш класс был. У нас на всю школу раздевалка одна. Много времени нужно было, чтобы одеться. Первого мая 1941 года было тепло. Игорь Сергеевич был замом, а его жена ботанику преподавала. Этих я хорошо помню. Елена. Она в пятом классе была классным руководителем.

В шестом учились во вторую смену. Когда диктант писал, у меня никогда ошибок не было. Я любил баловаться еще. У нас по физике был хороший учитель, мы его звали «Божий храм». Он был по дисциплине жесткий. Его все боялись. Справедливый и хорошо преподавал.

Когда война началась, мы уже не учились.

Мы еще жили здесь. Ходили смотреть - уже дом заканчивали. А эта канава была воды полная. Мать с сестрой говорили, а отец сзади них шел. И такая доска. И я раз в канаву! Отец меня за шиворот поймал. На том конце старшая сестра

матери жила.

А война как началась, сейчас расскажу. У меня отец выписывал сперва «Ленинские искры», потом «Пионерскую правду». Потом была газета «Ленинградский комсомол». В 1940 году вышел приказ: ремесленное училище, железнодорожное училище и была спецшкола в Ленинграде - ВВС Красной армии. Туда можно было попасть только с пятерками. Закончишь - и сразу на Волге. Гатчинское училище здесь летчиков-истребителей готовили. Я-то знал. И я решил только на пятерки учиться. После восьмого класса надо было поступать. У нас в Любани, когда война началась, много ребят ушло. Война началась - уже из классов их увезли. Туда на Волгу. У нас же от Любани в четырех километрах было училище. Там до войны было

1935 год . Любань . 1 класс (школа находилась на месте современного Дома культуры) 1 ряд (сидят) 5-й (слева направо)С.Леонтьев.

училище гражданской авиации. Они на кукурузниках учились. Когда 1941 год начался, мне было еще четырнадцать лет, я закончил шестой класс. Мы с матерью пошли на собрание. Там сказали, что я перешел в седьмой класс.

Мать всегда утром уходила в магазин. Раньше до войны не было света, а были лампы-керосинки. Я учебники все купил заранее. Утром мать уйдет, а я алгебру, физику, химию учу, чтобы, когда школа начнется, я уже знал маленько сам.

Мать ушла. Это было двадцать второе число утро. День был солнечный. Вообще лето было очень жаркое в 1941 году. Вдруг приходит и говорит, что война началась. А у нас был, вот где сейчас вышка, каменный дом. Здесь внизу была пекарня: продавались хлеб, булка, конфеты, печенье. А наверху сберкасса. На этой стороне радиоузел был. Там рупор говорил. Я подошел, Молотов выступал к двенадцати часам как раз. Ну, война началась. Настроение никакое было.

Зажигательные бомбы бросали немцы. А мы с соседом пошли, еще песку ящик наносили на чердак. И вот тут как началось! Отец работал. Уезжал в последний раз - это было девятнадцатого или двадцатого утром. Он уехал в день на работу. А у меня еще два дяди - матери братья. Дядя Миша был начальник станции Москва - Сортировочная. А дядя Ваня - начальник первого политотдела железной дороги. Дядя Ваня в гражданскую воевал. Он был самый маленький в семье. Было семь человек у матери в семье: старшая замужем была, а дядя Ваня - самый младший. Мать стирала у богатых, чтобы его вырастить.

Уже было двадцатое августа. Немцы быстро шли. И вот бегали мы с ребятами, домой прихожу, это было на день раньше вечером. Мать кормила трех военных. Видимо, состав шел, потому что петлицы оторваны. Ну, немцы были в ста километрах от Новгорода. А немцы Новгород взяли девятнадцатого августа. Двадцатого августа отец уехал на работу в день, а мы что-то делали. Я посмотрел, дядя Ваня идет. Он приезжал на проверку Мстинского и Волховского мостов и забежал к матери. Я вышел, догнал его, и мы пошли вместе. И я говорю: «Наверное, учится, не будем в этом году?» Он говорит: «Да!»

А это уходил последний поезд с Любани. И он торопился, чтобы уехать на поезде в город. А отец уже с работы не попал, так и погиб. Война-то началась. Двадцатого поезда уже не шли на Любань, потому что немцы уже взяли Новгород, вышли на Чудово, через Чудово на линию - и на Мгу. Перекрыли все.

Немцы не торопились по этой дороге. Самолетов не было почти у нас. Немцы почти все аэродромы в четыре утра начали бомбить. Не куда-то, а по аэродромам. И потом у нас вредительство было, наверное.

Я пришел домой. А на второй день мать говорит: «Собирайся быстрее, надо уходить, немцы к Любани подходят!» А у меня соседка была - у нее четверо детей, вроде, и маленькие были. Они собрались, и мы пошли. А младшая сестра матери с нами жила, она была на окопах, потому что ей было меньше пятидесяти лет. А если меньше пятидесяти лет женщине, то ее сразу отправляли окоп копать. Порядка не было вообще.

Мы собрались, вышли. Мы пошли по дороге на Шапки, а оттуда можно выйти на дорогу на Мгу. А мать мешок взяла, козу с собой, и пошли мы. Пока мы собрались, уже поезда не ходили. Было пусто. Один бронепоезд стоял на Московской стороне. А на той стороне - вагон и военные раздавали всем хлеб, всякую всячину - кубики такие в воде разводить. Мы до церкви дошли, посидели и потом мы дошли до Липок. На конце Любани лес стоял стеной, это сейчас пусто, а до войны и ветров не было, все улицы были в деревьях, это сейчас все выпиливают. И вот мы дошли до Липок, стало темнеть. А там деревня - примерно километра четыре или пять. А идти далеко, уже вечер. И какой-то военный: «Мы, - говорит, - до Колпина дойдем, а там, может, в Кронштадт или Красный Бор».

В деревне у домов сзади такие бани – русские. Они по-черному топили. Хозяева нам разрешили переночевать в бане. Мы с соседом Сашкой, он на год меня моложе, пошли посмотреть на дорогу. Вышли: стояла машина полуторка, и к ней подъезжали военные - красноармейцев человек пять и лейтенант пограничник, потому что у него форма была зеленая. Он подъехал, пакет вынес, прочитал, что-то написал, водителю отдал. Водитель стал заводить еще машину. Мы еще толкали. Это сейчас нажал - и все, а раньше пока заведешь, пока поедешь.

Лейтенант подходит, снимает фуражку, кидает и говорит шоферу: «От самой границы все в шапке отступаю!» И достал пилотку, надел и подошел к нам. Я забыл уже, о чем мы поговорили. Потом стемнело, они пошли назад к Любани, а мы с ним вернулись уже вечером.

Легли спать, и вдруг треск такой - снаряд разорвался. Потом опять взрыв. Паника, все побежали. А я самый последний был. И в этот момент, когда разорвался снаряд, было слышно оружейно-пулеметную стрельбу, но недолго. И наши во время войны оставляли заслон. Дают задания, чтобы часа два-три стояли, чтобы отойти можно было.

А почему они сидели? Потому что край берега. Там река была раньше, и по ней росли ива, ольха. Наши бежали, командир подгоняет. Я вижу: один в гимнастерке, а один в рубашке, красная такая, видно, кровь. Пуля попала. И в какой-то момент смотрю, на меня немец смотрит и говорит: «Ком, ком!» Я залезаю, они командуют: «Хендэ хох». Я говорю: «Понял!» Он меня посмотрел, всех обсмотрел и дальше пошел. Когда мы вышли на дорогу, по ней шли и машины, и танки, и всякая всячина. А по ту сторону по полю картошки немцы такой цепочкой шли. Искали, может, кто спрятался.

Мать-то старая, ее одну не бросишь. Первую зиму с 1941 на 1942 год мы с матерью пилили дрова. Холодно, морозы. А у нас две комнаты были большие и еще - и так четыре комнаты. И четверо, пятеро немцев бывало. В нашем доме жили немцы. Мы вместе жили. У нас крайняя комната была. Спали там, русская печка была - большая и круглая печка. Мы с матерью пилили дрова и топили.

Немцы летом вышли через Волхов, Тихвин взяли. Наши с Тихвина за Волхов их выгнали. И зимой потом уже вторая армия наступала. А они жили, спать-то не будешь на улице.

Но немецкие солдаты против наших - не сравнить, они были намного культурнее. Они все могут: и на машинах ездить и более были образованные. Первая часть у нас была из Берлина. Я сейчас помню офицера. И он спросит: «Какой надо адрес?» Садимся - и довезет. А тут стояла машина, вот на той улице. Дров не было. Мы с мальчишками принесем - они нас накормят, немцы. Потом они уехали. Всю зиму у нас жили. Мать рубашки им стирала. Но, я думаю, если бы не немцы - ни хлеба, ничего не было бы. Магазинов не было. Я попал в Латвию. Там, в Латвии, можно жить. И в Германии хуже, и у нас хуже. В Латвии - там и масло, и мясо, все было.

Потом, когда растаяло все, мать заставили работать. А у нее болели руки, суставы. И послали меня вместо нее, мать была дома. Дороги поправлять пришлось. Бомбежки были, по нашей дороге частенько летали. Местами плохая дорога. Лагерь был большой военнопленных. И они там пилили, сбрасывали, а мы вытаскивали. Прошел, наверное, месяц и я привык к тяжелой работе.

Лагерь военнопленных в Любани был. Сейчас этого здания нет. Напротив универмага было большое двухэтажное здание. Было все огорожено, и там были пленные. Где сейчас пятиэтажки стоят, почти на этом месте. А был на этом месте большой дом двухэтажный. У нас же до войны почти вся улица была двухэтажная, раньше тоже богатых было много.

И так вот работали. А там жил Витька с той стороны. Он 1925 года рождения, постарше меня. Нас партизанами звали немцы. Всегда была охрана немецкая: один-два человека. Тут было начальство. Наверное, на переднем фронте не был, а нас охранял. Давал пострелять в лесу.

А потом, когда машина приходила, ездили в Трубников Бор, как на Чудово ехать. Там большой был такой обрыв, потом наши делали дорогу через линию, на ту сторону можно по ней ехать, это уже в Советское время сделали, а мы там копали. Поедем, машина стоит сверху, а мы песок набирали. Таскали там. Вот там пришлось поработать. Ну, я скажу, у немцев было так: четыре часа надо отработать - и хоть что.

Там были такие склады, их охраняли. А мы таскали потихоньку, там ракетницы были. Мы делали так: маленько в одном месте отковырнешь, подожжешь и отпускаешь. Она делает «фух» и улетает!

Потом прошло время, у немцев стало много старых. Один пожилой такой был. А наши кидали листовки. Он мне приносит и говорит: «Возьми, прочитай что написано». А я скажу, у немцев после Сталинграда совсем упало настроение. А в это время - приказ двадцать седьмой, двадцать шестой и двадцать пятый. Собраться на комиссию в кинотеатр. Сейчас его взорвали, а был кинотеатр. В Германию меня хотели отправить. А у меня был двоюродный брат, у него жена была гражданская, она 1923 года рождения. Хорошо знала немецкий язык и была переводчиком у коменданта.

Я за церковь пришел и сижу. Она говорит: «Пойдем со мной!» Мы пришли к этому зданию, тоже было здание двухэтажное. Там был комендант, но комендант немецкий был хороший. Я посидел, она с ним поговорила, что мать жалко. Договорилась, что меня с матерью отправят. Ко мне выходит, говорит: «Пойдем!»

Я утром рано ушел за церковь. Луговая улица, там сейчас один дом, а было два до войны. Там до войны какой-то барин жил. А потом у него дом купил Владимир Яковлевич. А за его сыном моя сестра

была замужем двоюродная. Вот я пришел, уже темно. Все нет и нет моих. Все журналы старинные перечитал, уже надоело. Потом вдруг они приходят: «Пойдем!» Оделся. Стоит поезд по этой стороне целый. Из Любани всех увозили. Козу запихали в вагон, а я забрался под самую крышу, залез и думаю: «Скорее бы уехали!» А других ребят отправили в Германию. Тех, кто уехал, почти никого нет в живых. А я попал в Латвию.

Мы поехали. Вечером мы уже приехали в Псков, вдруг команда: «Всем выйти». Там река есть Великая и как остров какой-то. Много было людей. Потом опять команда: «По вагонам». И поехали. А утром проснулись, уже была Латвия и Эстония, посередине города линия проходит. Вот когда Ригу проезжали, из вагона смотришь - река Даугава, как море - конца берега не видно. В Митаву нас привезли. Она недалеко. Мы проехали Видземе, Латгалию и Курземе. В Курземе земля хорошая, там богатые такие.

Приехали мать, сестра ее и я. Они накормили нас. Там можно было помыться. И потом приезжали и нас выбирали. Одна женщина с матерью разговорилась, а тетя Маня была портнихой. Она шила хорошо. Она могла и шинели сшить. И вот, наверное, сговорились. Мы все погрузили, козу прицепили и пошли двадцать пять километров. Приехали - уже было темновато. А на второй день меня поставили коров пасти. А там дорога дальше в Литву идет. Тридцать километров - и Литва начинается. Я не знал - и этих коров туда. Там дальше лес. Смотрю, бежит весь хутор. Нельзя было пасти там - чужая уже территория. За границу пошел уже.

А у хозяйки был муж такой, он был батраком и на ней женился. Он жмот такой. И меня заставил баранов и овец пасти. Я сижу, а они там бродят. Раз я взял камешек и стал кидать. И так кинул, что в лоб ему попал. Он так на меня посмотрел. Все потом старался двинуть меня.

Потом меня позвали на другой хутор, может, километра два от нашего. Вдоль дороги поворот такой небольшой, там лес, березняк, потом поля, а там опять хутор. Я приехал, меня хозяйка познакомила и говорит: «Приведи лошадь!» Две там паслись. Я подошел, шепнул на ухо коню, и он со мной пошел. Она все смеялась. Я потом ездить научился у них. У них была женщина, она им помогала, а потом она вышла замуж и уехала на другой хутор. И тогда хозяин взял мою мать и ее сестру, тетку мою. Два сына у них в Риге были. Рига была недалеко, можно на автобусе доехать. Вот так жизнь в Латвии началась. Но в Латвии было хорошо. Мы приехали - велосипеды стоят, никого нет, и никто ничего не возьмет. А хутора были, как такое кольцо.

Из Любани мы уехали числа пятого или четвертого сентября. Это был 1943 год. 1944 год я встретил уже в Латвии. Нас освободил Первый Прибалтийский фронт. Баграмян там командовал.

А моя сестра замужем была. Иван Николаевич был старший лейтенант. У него форма была казачья. Отец его был арестован как враг народа. Девяносто лет ему было. Он даже не видел, что за пистолет. Потом, когда уже наша газета районная «Тосненский вестник» (тогда «Ленинское знама» - прим. корректора) написала про всех арестованных, я нашел его там. Было написано, что он враг народа. А что он делал? Ничего. И отправили его. И сколько там погибло людей. А он был такой хороший старичок. И они жили рядом. Старшая сестра матери - а через дорогу они, их дом. Они держали чайную здесь в Любани. Придешь, чаю попьешь и уйдешь.

Мать и сестра у него были Каюгины. Ивану Николаевичу звание должны были давно дать, но не давали. Из-за отца не давали. Он служил у самой границы: Четвертый гвардейский Кубанский кавалерийский казачий корпус. Он был командир батареи артиллерийской. Дивизию забыл я. Он приехал, а сестра у меня вышла замуж, когда я в первый класс пошел, в 1935 году. Я закончил на пятерки, и сестра меня взяла туда - на Красную Горку. Я месяц был там. Мне надоело.

Нас освободил Первый Прибалтийский фронт. Руководил Баграмян Иван Христофорович. Он был уже полковником, у него был замначальника оперативного отдела. А мы от радости, что освободили, и не сообразили, а надо было сказать, что Иван Николаевич был офицерам. Они бы позвонили, и забрали бы меня. Отправил бы на машине в Любань.

А потом Первый Прибалтийский подальше отошел в Литву. Надо было брать Кенигсберг. Третий Белорусский фронт немцев окружил, они мешали нашим. Шел 1944 год, когда наши освободили нас.

Перед этим хозяину приносят приказ, чтобы он отправил окопы копать одного человека. Отправили меня. Приехали в Митаву, долго ехали, к обеду приехали. Мы переехали мост на реке Лиелупе. Река

1 взвод воинская часть 19211 1950 год (4-й слева направо)

уходит в Рижский залив. Там пароходы ходят по этой реке. Мост большой, мы переехали на эту сторону, повернули налево с аэродрома. Сели перекусить. С аэродрома два Мессершмитта поднялись и улетели. Наши начали бомбить. Мы насчитали целый полк: тридцать шесть двухмоторных пикировщика и истребители их сопровождали. Они начали бомбить станцию, а там нефтебаза. Самолет пикирует - и прямо в мост бомбу. Раз - подняло его, и все - нет моста. Мы скорее дальше поехали, долго ехали. Когда подъехали, немецкий унтер офицер: «Там сарай, там сено, здесь будете ночевать, а утром окопы копать!»

А нас на один день послали — одеты мы легко. Ну, я одного заметил. Мы с ним попадали рядом, вдвоем легли на сене. Слышу, меня он дергает: «Вставай скорее, на паром. Будем смываться!» Я сразу оделся, мы добежали,

паром стал отходить. Я прыгнул, зацепился, переехали. А утром, когда расцвело, мы переехали на ту сторону. За ночь от Литвы сюда уже танковая часть ночью в город ворвались. Когда она вошел, немцы повыскакивали даже без кителей, в одних рубахах только. Видно было белую полосу: немцы бежали в одних рубашках...

А я тот район уже знал, я ездил с хозяином. Хозяин и хозяйка в Москве жили, она преподавала математику в Московском университете. А когда Латвия отделилась, они приехали сюда. У них было сто гектаров земли, брат отделил им семнадцать гектаров, они построились. Я у них работал. У них там были телефоны, в каждом хуторе телефон. Тетка там шила. Там было все, что угодно: и свинина, и шпик, и тушенка и все.

Сергей Осипович работал на Ижорском заводе 1960 год

Дом был один, но он разделялся: там хозяин с хозяйкой, а здесь со второго хода мы ходили. Я удивляюсь нашим: помню, у хозяина всегда лежала подаренная книжка из серебра. Зашли наши с капитаном. Шарили-шарили, оторвали и пошли. Я думаю: «Еще воевать сколько надо, а они?» Я даже удивился. А один старший лейтенант на меня: «О, собаки, сдались немцам в плен!» Я не стал спорить с ним. Мне еще четырнадцать лет было. Что я, буду воевать с немцами? Убежали, побросали все.

А мы уехали. Пришли с матушкой в управление, нам дали документ, что мы можем уехать. Нам дали вагон, хозяин лошадь дал. Мы погрузили все, что надо, и уже вечером на станцию. Я с ребятами попрощался.

Когда Любань вернулись, дом сохранился, вся улица целая осталась. В этом доме до войны моей сестры крестная жила - Татьяна, фамилию забыл. Но дом был занят. Сюда из Вологды рабочих привезли. В Любани же были взорваны насосные станции, депо, вокзал. Заложили столько, что взорвало, середину вынуло, а края целые были. А мне надо было паспорт получить, потому что у меня метрика была. Я занимался, и седьмой и восьмой, примерно два класса, я выучил один дома. А в девятый мне надо было идти. Мне хозяйка задания давала, особенно по математике.

Паспорт надо получать, а мне в военкомат повестка. И матушка говорит, что надо десять классов закончить. Отец не хотел

Любань, ул. Ленина, 1951 год

слышать: или университет, или, если не сдать экзамен, в институт обязательно. Так и отца нет.

Я приехал в военкомат. Подполковник говорит: «Вот тебе три дня срока, устраивайся по брони, будешь восстанавливать город». А я ему говорю: «Я лучше на фронт пойду!»

Мне не повезло. Был приказ Сталина, чтобы полностью курс молодого бойца пройти. Мы прошли перед Новым годом, присягу приняли. Я служил шесть лет и четыре месяца, нас должны были в 1950-м году отпустить. Война с Кореей там началась, нас держали еще год. Я демобилизовался в 1951 году 27 апреля.

Домой приехал, когда война закончилась. Полк

расформировывали, знамя сворачивали. В войска МВД нас не брали, поскольку был в оккупации.

Лесина (Тульская) Анна Николаевна

Моя фамилия девичья была Тульская, а родилась я в 1932 году двадцать пятого декабря. Никогда не знала своего дня рождения, у мамы спрашивала: «Мама, когда я родилась?» Она: «Ты родилась на Спиридона». «Мама, а когда он, Спиридон?» «Перед новым годом!»

Вот думай-гадай. Мама вышла замуж, когда ей было семнадцать лет, папе было шестнадцать лет, их породнили матери — подруги. Сказали: «Хорошая пара будет, давай поженим!» Они женились и не знали друг друга. Это Воронежская область, Воронцовский район тогда был, село Каменка. Там жила моя мама, а в селе Солонцы жил мой папа. Так интересно, моя мама и подруга ее были в четвертом поколение сестры. У нас как бы идет издалека родня.

Мама была такая большая - руки и ноги толстые, работящие. Им нужна была невестка, чтобы работала хорошо. А жили они богато: две коровы у них были, еще лошади были, куры, гуси, поросята.

Приехали бабушка с дедушкой на мельницу в деревню Каменка. У деда-богача, папиного отца, была своя ветрянка, но она поломалась. И вот они поехали туда, а когда приехали - мельница на замке. Бабушка Мария говорит: «Пойдем к Татьяне доедем». Они на лошадке приехали на своей молоть пшеницу. Приехали, увидели маму - очень красивая девушка. Она говорит: «Таня, а у нас жених есть, Николай как раз!»

- А нашей семнадцать!
- А нашему шестнадцать, да ничего, поженим!
- Ну, приходите свататься!

Мама долго плакала, не хотела за него выходить. Самой еще семнадцать лет. Говорит: «Мама, я не хочу замуж, я еще на свете не жила, уже замуж!» А она ей: «Ой, доченька, такой жених, такие богачи, ты там голодная никогда не будешь, и твои детки не будут голодные, разутая, раздетая не

будешь ходить!»

Дер. Солонцы, Воронежская область, 1949 й год

Что ж, как решали родители, так и надо делать, надо слушаться. Я так по-воронежски говорю, по-быстрому. Приехали, посватались, посмотрели все. Поставили к печке русской, поглядели - папа чуть меньше мамы. И сидят и смотрят - на смотрины же пришли. Вот какая пара будет хорошая! Все. Свадьбу сыграли, венчали. Когда венчали, батюшка в церкви маме на ухо: «Не к шубе рукава!» Не пара. А мама-то это услышала, что он так сказал: «Господи помилуй, венчается раб божий!» А сам подошел и говорит: «Не к шубе рукав». Мама тогда у своей мамы спрашивает: «Мама, а чего батюшка сказал, не к шубе рукава?» А она отвечает: «Да слушай его больше, он тебе наговорит!» Не объяснила ей.

Потом жили, детей рожали. Двенадцать детей было у них, я десятая. После меня еще два брата - один брат умер в 1943 году. Ему было два годика, а второй 1936 года рождения, сегодня у него день рождения - восемьдесят лет. Мы поедем с дочкой, которая в Волгограде. Она сейчас здесь, мы поедем к нему на юбилей в следующие выходные.

Дети умирали часто от неизвестной болезни - понос, рвота. Никто ничего не знал — врачей-то не было. Бабушка какая пошепчет: один отходит, другой и нет. Осталось четверо детей, восемь человек умерли в младенчестве.

В 1924 году у меня старшая сестра родилась, а в семнадцать

лет она уехала в Ленинград по вербовке. Завербовалась и всю блокаду была в Ленинграде. Много рассказывала, такое вспоминать не хочется. Выжила, они там ели кошек, собак. Потом вышла замуж после войны там же. Они перевозили на баржах - эвакуировали детские дома, людей по дороге жизни. Ходили по домам, по квартирам, мертвых выносили, копали ямы, закапывали.

Голод был. Была фабрика, где делают тетради, фанеру. Фабрика бумажная. Разбомбили ее, они

зашли, там котлы стоят здоровые с чем-то, киснет там бумага. А они думали, что тесто. Начали есть, а потом их сковало. Плохо было.

Еще страшно. Одна говорит: шли с работы такие голодные, сидит бабушка, продает холодец. Тарелочку взяли холодца, пришли домой и стали есть, а там детский пальчик попался с ноготком. Страшно было.

Дер. Солонцы, Воронежская область, 1949 й гол

Мама в колхозе всю жизнь проработала, папа столяром работал, а потом уже на лошадях. Когда надо на лошадях, а когда в столярке работал, много чего делал: хомуты, оглоблю, арбы, как телеги.

Мне было восемь с половиной лет, когда война началась. А наша хата была третья от края. И по нашей улице пастух всегда прогонял коров хозяйских. Всегда сплю и слышу: пастух погнал коров, они идут, мычат. А тут, что-то не так: коровы мычат, а люди говорят. Я на русской печке спала, вскочила, подошла к окну, гляжу что-то случилось: бабы плачут, мужики курят. Я прямо в окно выпрыгнула. Подхожу, а там подруга Уля. Я говорю: «Что случилось?» А она говорит: «Война началась!» А я говорю: «Какая война?» А она: «Не знаю, у немцев, гдето там!» Рукой махнула и все.

Стали брать сразу же. Через неделю забрали семь человек молодых мужиков. Папиной сестры муж, дядя Ваня, Завьялов Иван Никитич, его взяли в Литву, Латвию, их туда отправили. И они там всю войну были. И погибли там все. Там бои были. А потом стали брать и брать потихоньку, подбирали мужиков. Моего папу взяли в 1943 году, в начале. Повестку принесли, а он говорит: «Не плачьте, не горюйте, мы немцу этому покажем, за три месяца разобьем его и придем домой!»

Я вообще думала, что он уйдет, как на поле поработать. Разобьет немцев. Чего он там будет делать, не соображала, знала, что через три месяца папа придет. Но он не пришел, погиб, без вести пропал. И письмо он нам присылал, писал, что идем в бой, может быть, в последний раз - в Брянских лесах. Там были бои сильные. Это, наверное, уже в 1944 году. «Идем в бой, наверное, в последний раз».

Я прочитала письмо - умела читать, первый класс уже закончила. В сентябре пошла, до заморозков ходила босиком, а как морозы начались - сижу дома. А брат ходил в маминых валенках, он приносил мне уроки. Брат приносил, а я дома делала. И так научилась писать и читать - от него как бы. Когда пошла после войны во второй класс, до Нового года походила, а после Нового года в третий класс посадили. Пять классов закончила после войны, потому что мы уже работали.

Восемь с половиной мне было, когда война началась. В первый класс я пошла, поучилась немного. У нас забрали и врачей, и учителей - всех. Нас после войны учили те девочки, которые успели закончить десять классов. У нас не было немцев, в Воронеже были. Немцы были пленные, гнали их много. Нагляделись мы на них. Я сейчас год не помню, их как эшелоном гнали. Начали в каждый дом по несколько человек заводить. И вот у нас восемь человек было, всю неделю были у нас. Они ели, брали из-под лавки сырую картошку – потрут и в печку бросят. Мама печку топила. Бросят эту картошку, картошка только там согрелась, они палочкой берут, сразу чистят и скорее едят. Голодные были. А холода они боялись — страсть. Конвоир их выведет на улицу, сам натирается снегом и их заставляет. А снега были большие, тогда такие были сугробы, что трубу на хате забивало: мама печку растопит, а дым не идет. Она мне: «Нюр, погляди, что там?» Я лезу, чищу трубу лопатой.

Неделю они у нас простояли. Например, немец был врач, а у нас брат, которому сейчас восемьдесят лет будет, у него на голове был чирей. Мы не хотели пускать их, немцы же враги. А командир их говорит: «А чего не пускаете, боитесь их?» Мама: «Да нет, у меня ребенок больной!» А он говорит: «Сейчас врач посмотрит!»

И он посмотрел. Чирей большой, мама плакала, говорила: «Вот, Вань, как прорвется, уйдет внутрь головы, ты и умрешь!» Врач посмотрел, обстриг все это и маме говорит: «Дайте какую-нибудь посудину и девочку, она со мной пойдет!» А мама: «Еще чего не хватало, девочку с тобой отпущу!» Во дворе стояла, а в ней солидол, вроде. Ну, мама дала какую-то мисочку, я пошла, врач положил, как

сейчас я помню запах, и все. И вот два раза намазал. Неделю был тут, коркой все вылезло. На ночь намазал, утром как снял повязку - все оттуда выходит, гною полно. Чирей прорвался, вытек. Потом лучше-лучше, стала рана затягиваться и зажила. Они пока тут были, еще болела, потом они уехали, угнали их, и зажила. А короста была по всей деревне у детей и взрослых. Чесались все - как золотушка что ли под коленками.

А немец доктор сказал: «Вот эта мазь, разнеси по всем своей родне, у кого короста эта». Мама берет капусту, отрывает лист, а он туда положит ложечку мази. И мама командует: «Неси туда, неси туда». Я так и разносила. Всем разнесла, все мазали, и у всех короста прошла. Эта короста чесалась очень, спать не давал, как чесалось.

Ой, про вшей не будем вспоминать, дуста не было, мыла не было. Золой мыли. Волосы длинные были и у детей и у мамы. И я вот сижу: ведро, на ведро решето, на решето тряпку, потом золу. Горячую воду льешь через золу, получается щелок, щелочная вода, так и мыли голову.

А вшей было... Мне один дедушка до сих пор во сне снится: у него была борода окладистая такая, вши были в бороде, а он слепой. Сын на фронте, у невестки двое детей, некогда ей - и колхоз был, и огород был, дети маленькие. А мы выйдем в прятки играть, он меня по голосу узнает: «Нюра, Нюра, подойди ко мне!» Мне прямо так неохота идти к нему. Я знаю, что мне надо делать будет. Я в бороде вшей искала. Я говорила: «Дедушка, давай бороду тебе состригу!» «Не надо, подрежу немного!» Кругленько подрежет. Дедушка же чужой.

Нас не бомбили. Мы были в 200 километрах от Воронежа. За тридцать километров у нас Бутурлиновка. Там войска стояли, наблюдали. Прожекторы светили: видно было за тридцать километров. Они искали самолеты, чтобы сбить. Там солдаты стояли, многие погибли там. А до нашей деревни немцы не дошли.

А коптилочки такие - как свечки. В баночку наливали керосин - баночка такая железная с ушками, а в железе дырочка просверлена, туда вставляется карандаш в трубочку, а в трубочку вставляется фитиль, сделанный из ваты или из конопли, льна. И ниточкой завязывали. Когда надо, шилом или иголочкой поднимали. И опять горела коптилка эта.

Фитиль горел, мама и ткала, и пряла, и шила при этой коптилке. На десять дворов был один дедушка, он ходил туда-сюда и смотрел: если у кого-то свет горит, то колотушкой в окошко стучал: «Закрой окошко!» Кресты клеили из газеты. Потом брат приходит, он 1927 года рождения, его потом в семнадцать лет на фронт взяли. Он принос листовки. Собирали где-то - самолет разбросал. А в листовках написано: «Не завешивайте окна, мы и так знаем, где города, а где деревушки». Ну и чего, все равно, раз было сказано завесить - закрывали окна. А листовками печку мама разжигала, они же бумажные.

Туалет был на улице. У кого был туалет, у кого сарай - просто за сарай ходили или в сарай, если холодно. Весной все чистили и бросали в огород. Там все перегнило, как навоз. А подтирались - летом листочками или травкой, а зимой соломкой. И не всякой соломкой, надо овсяной, она мягче всех, пучочком. Штанов не было, прокладок не было. Подтирали подолом - и все. Я вот вспоминаю - бедные бабы деревенские: рожали много и без штанов зимой ходили. Мама бывает, говорила, пока ухаживаю за скотиной, приду у меня лытки (руки) такие красные, как огонь горят, а потом отходят - колючки идут. То есть сначала холод, а потом в хату зайдет - тепло.

Вот таки жили в одной хате. Папа женился, маму привел. Брат женился, себе привел. Дедушка с бабушкой - на печке русской. А у них там две кровати. Дети - кто на печке, кто за печкой, на стеллажах. Слава богу, дети не уроды. Сейчас сколько инвалидов рожают. Вот у мамы двенадцать человек - все были хорошие. Ни одного горбатого, косого, слепого. Никто нигде не поранился, друг за другом ходили. Я вот, например, если на год старше от двоюродной сестры, у меня Ваня и Саша, а у нее Саша и Нина. Вот мы шесть человек вместе все за ручку ходили. Я достану чугун с печки со щами или с кашей, со свеклой - да вкусно как. Достану, у нас поели кашу с молоком. «Пошли к бабушке!» Папина мама жила не с нами, она жила с дочкой. Туда пойдем, там она нас покормит.

А потом 1947- й год был очень голодный.

Сначала было нормально, и учителя у нас были - присланы были, не наши деревенские. Наша, деревенская, только одна была - Мария Александровна, она преподавала русский язык. Первая моя учительница была Нина Васильевна Ковыленко. Она нравилась. Она хорошая была, строгая, но зато

ребята не так баловались у нее.

Девочки хорошо учились. Мальчики были переростки. У нас потом уже в пятом классе был учитель Алексей Михайлович - еврей. Он вел немецкий язык. И у него был первый урок, мы приходили сразу на немецкий язык. А ребята все заходили на пруд, и там катались, чтобы опоздать. Тогда часов не было, мы так ходили по времени, знали. Учитель, когда заходит, видит: девочки на местах, а мальчиков нет. Он вызовет кого-нибудь к доске, кто лучше учится - тот объяснял, а мы все писали, слушали. А сам берет хворостину, идет на пруд и, как овец, мальчишек гонит всех в класс. Скажет: «И не думайте, я вас в угол носом ставить не буду, вы все будете у меня сейчас на первых партах сидеть!» И начинает их спрашивать, а они ничего не знают.

Во время войны голода не было. Потому что еще свой урожай был. Мы сажали, собирали, огород всегда был. Хоть голод, хоть нет - надо было сажать, сеять, как мама скажет. По сотке всего надо: пшеницы сотку, ржи сотку, ячменя сотку, проса сотку, чтобы свои крупы были, каша была. Картошки больше, свеклы, капусты, помидоров побольше. Поливать надо. Засуха была, колодец был

Муж Анны Николаевны-Лесин Владимир Петрович Пушкин,05.04.1949 г.

во дворе. Мама уходит на работу и говорит: «Ты бочку налей воды, чтобы она нагрелась на солнце!» Вот мы идем с братом, который помоложе меня, достаем, наливаем. Вечером таскали эту воду, поливали огурцы, помидоры, капусту. Каждый день поливали, а то не вырастет, не насолим заготовки. А потом опять бочку наливали, чтобы вода была постоянно. А я была, как нянька. У меня еще был маленький братик: а вдруг он там упал, испачкался. У нас такое корытце стояло, вода в нем теплая, его туда посажу, намою, вытру, одену и пошли гулять.

Когда папа ушел на фронт, проводили его. Три месяца прошло, а его нет. Война идет и идет - много похоронок приходит. Вязали перчатки из овечьей шерсти: перчатки вязать надо с двумя пальцами, чтобы стрелять можно было. Мама пряла, вязать меня научила. Я уже вязала перчатки, носки, отправляли на фронт.

Еще шили кисеты. Махорку сажали в огороде, потом разделывали. Махорку делали так: сажали, потом срубали, сушили, потом топором мелко рубили. Топором на доске рубили, потом рубленый табак клали в ступу, толкли пестиком. Большая ступа. Потом сеяли. Например, сеешь в решете, где дырки побольше: какие крупные куски остались - опять в ступу и толочь, табак, который осыпался - в другое сито просевать. И там на самую

Детей много было, кумовьев много. И вот кум с кумой у мамы спрашивают: «Кума, ты когда будешь табак разделывать?» «Да хоть завтра!» «Мы придем!» Они приходили, брали мелкий

табак, запихивали в нос и чихали. Меня смех разбирал - они так сильно чихали. Начихаются и домой еще возьмут: кто-то курил, а они, видно, нюхали. Мелкую махорку не отправляли. Отправляли ту, из которой папиросы можно делать нормальные. А если крупные остаются, то опять толчешь до той степени, пока не будет, как надо. Кисет сошьем, в кисет махорки насыпали и посылку отправляли на фронт.

Папа написал, что последний раз в бой идет. Я письмо то прочитала и говорю: «Ура! Папа еще раз сходит в последний раз и домой придет!» У меня мысль другая была. Я думала, он сходит и придет. А у него другая мысль была: или останется в живых, или нет. А потом уже война закончилась. Все идутидут с фронта - без руки, без ноги, раненые, всякие приходили. И как кто придет, бабы спрашивают: «Ты моего там не видел?»

Много односельчан вернулось, многие и не вернулись. У нас потом поставили памятник, и вот такие большие стены были углом, все было в фотографиях: одна была с фотографиями тех, кто служил, кто призывался, а вторая - кто не пришел. А папа пропал. Так маме пенсию не платили даже. У кого отец не пришел, погиб, почему-то им помощь была, например, подруге моей принесли материал от сельсовета. Мама им пошила брюки, штаны, платья.

А мой папа без вести пропал. Но я такая была настырная. Я пошла в военкомат, надо было идти тридцать километров. Пошла одна, без всех. Пришла туда, мужчина сидит. Меня спрашивают: «Девочка, что хотела?» Я говорю: «Хотела бы узнать, где папа!» «Приходи через две недели, скажу!»

Прихожу через две недели, он говорит: «До Брянских лесов доходит, дальше теряется - пропал без вести». Я пошла домой опять. Пришла, маме говорю: «Пропал, нет следов дальше!» А потом думаю: «Пойду еще раз, может быть, меня обманули, может, не искали!» Пошла еще раз. Пришла, там молодой сидит, я к нему: «Пришла, чтобы папу поискать». Он поглядел на меня и говорит: «Вы же искали уже». Я говорю: «Искали, сказали, что до Брянских лесов доходит, а дальше следов нет! А я хочу знать, где там захоронен!» А он: «Нет, а еще что ты хочешь?» А я говорю: «Чтобы помощь оказали!» Он справку написал: «Пусть мама возьмет справку и пойдет к председателю колхоза, он окажет помощь!»

Мама взяла справку, пошла. Председатель говорит: «Иди к кладовщику, он поможет, даст чтонибудь». Он нам дал пуд кукурузы в початках. Мы с нее насушили ведро кукурузы, зерна. А мама сказала: «А початками печку растопим». Мне не понравилось это. Я говорю: «Что, наш папа ведра кукурузы стоит?» Я пошла в военкомат опять. «Вам же помощь оказали!» «Не надо нам эту помощь, вы дайте деньгами. Мама купит обувь, одежду, чтоб в школу ходить!» «Иди домой, сельсовет окажет

вам помощь!»

Сельсовет дал нам семьдесят рублей, в то время хорошие деньги были. Но был такой голод и соли не было: люди без соли опухали и умирали. Мама взяла эти деньги, пошла за сорок километров за станцию на ферму «Журавка». Там соль везли для коров, видно, подворовывали и толкли ее там. Стакан стоил одиннадцать рублей. Мама на эти семьдесят рублей купила шесть стаканов. Дело было как раз под пасху весной. Она берет кочан капусты, отрывает лист, сыпет туда ложку соли. «Неси, - говорит, - вот этим и этим!» У всех детей много, уже опухали. А я носиланосила и говорю: «Мама, я ходила три раза, и ты сходила за сорок километров, чтобы соли этой купить. А теперь ее по всей деревне раздаешь!» Она ответила: «Пусть люди хоть на Пасху поедят соленого, а то весна, люди ослабли, все умрут, а мы останемся с солью. Нам же их хоронить придется!»

Она меня убила этими словами. Я была рада, пусть все раздаст, только чтобы моя деревня жива была. Вы представляете, мы с мамой и братом останется, мы выживем, а все семьсот домов умрут. Нам же их хоронить придется! Я махнула рукой: «Раздавай, сколько хочешь!» Вот так все мои хлопоты прошли. Ну ладно,

людям хоть польза, соленого поели.

А почему же голод такой был, сейчас скажу. Наши огороды были на горке. Весной вскопали огород лопатами, и поднялся такой буран, что все раскрыло. У нас хаты были покрыты соломой, так все разнесло по улицам, одна солома везде лежала. Сгребали солому на

свою хату. Землю всю с посевами и посадками унесло в яр. Мы три ведра на семена оставили, я их посадила, а их унесло ветром. Еще на штык вскопали, а сажать нечем! Мама ходила, просила: «Хоть картошки дайте или очисток, когда будете чистить, где росточки, чуть потолще посадить!» И вот, что было из погреба, все посеяли, посадили. Есть нечего. Ели траву, желуди. Такой ураган был только в нашей деревне и еще в двух. Голодали. Трава-мурава, гусиная трава, мелкий подорожник. Мама пышки пекла: варила сначала, а потом в печку. Они засохнут сверху и снизу, а посередине трава травой. Сейчас говорят: «Ой, несоленое, как трава!» А я знаю, что это такое.

Я уже на работу ходила: мне давали участок пятнадцать соток, мама давала бутылку простокваши или ряженки и лепешку. Если курочка была, то яичко. Вот это весь был обед, и целый день с тяпкой ходишь. Пололи, работали. Если бы не корова у людей, умерли бы все. Детей было много у всех, есть нечего. «Мама, есть хочу!» «Ой, сейчас что-нибудь приготовлю!» Что мама могла сготовить, если не

Анна Николаевна с мужем Лесиным Владимиром Петровичем и дочерью Валентиной . Тульская область, гор. Кимовск, 1953 й год

из чего?

Вот сейчас говорят: «Я сплю четыре раза в день, чтобы меньше есть!» Да я не поверю, чтобы можно было голодной уснуть. Глаза закрыла, а есть хочется! Мама даст нам мел в руку: «Пишите, рисуйте, только есть не просите!» И рисовали, писали, а есть-то все равно хочется.

С других деревень не помогали, у нас нет лесов и нет грибов. Ходили в школу - брали зимой картошку и огурчик, хлеба кусочек, на большой перемене ели, в школе не кормили нас.

Анна Николаевна с мамой Евдокией Васильевной и своими дочерьми Надей и Валей Гор. Кимовск, Тульская область, 1954 й год

А налоги. Ой, про налоги даже не хочу вспоминать. Сто яиц, если хоть одна курица. Одну курицу никто не держал, а штук пять держали. С коровы - двадцать килограммов масла в год. Мы его государству отдавали. Я у мамы спрашиваю: «Мама, куда ты это масло отдаешь?» Она говорит: «Государству!» А я говорю: «Мам, а где это прожорливое государство есть? Куда это все идет?» Она: «Не знаю, налог есть налог!» Потом шерсть. Если овцу одну держишь, надо отдать сорок килограммов мяса и сколько-то шерсти - шестьсот граммов шерсти. Это с овцы. Так стоит держать эту овечку, если она шестнадцать килограммов веса? Бараний вес - шестнадцать килограммов, а отдать - сорок килограммов. Поэтому и не держали. Для чего?

У нас корова умерла - проглотила гвоздь. Зарезали ее. А потом нам папина сестра дала телочку. А телочка плохая. Молока мама берет

полное ведро, кувшин берет с собой, а сливок нет. И мама за три года задолжала вот эти шестьдесят килограммов масла. Не с чего брать! И на сепаратор молоко носила, но нет сливок - и все.

Маму стали судить за масло, за налог. Она пошла, куда я ходила, в район - за тридцать километров. На суд ей повестку принесли. Там был суд: сына с отцом судили за воровство. А потом судья позвала: «Тульская, зайдите ко мне! Решайте, уплатить деньгами или масло отдать. Или продайте корову. У вас еще денежка останется, купите козу. Она будет давать три литра молока в день, без молока вы не будете. Останутся деньги - купите детям обувь, одежду, чтобы ходить в школу».

Мама приехала и решила, что поведем корову на базар. Повели ее на базар, как в сказке, тоже за тридцать километров. Вечером стояли под торги, называется. Завтра торги, а вечером маленькие торги. Подойдут: «Что ты корову продаешь, молока мало дает?» «Да нет, молока много, сливок нет!» Уходят. Другой, третий. Я говорю: «Мама, мы ее так не продадим, говори, что есть сливки!» Она: «Нет, доченька, так нельзя людей обманывать. Они потом нас проклинать будут! У них, может, семья, и тоже налоги, я так не могу».

Утром мы переночевали, люди пускали. Дедушка пошел, накосил мешок травы, чужой дед, принес, кинул. Корова наша поела, утром ее на рынок. Опять люди подходят, она опять так говорит: «Не могу я людей обманывать!» Подходят два мужика - отец с сыном. «Чего, тетка, корову продаешь? Молока мало?» А она: «Молока много, сливок нет!» «Ну, нам не надо сливки да молоко, мы ее на мясо берем!» Я так была рада. Продала она корову за сорок рублей, заплакала, что ее зарежут теперь. А я думаю: «Слава богу, мне все равно, мне хоть бы домой не гнать, а то потом опять надо гнать продавать!»

Мама решила отдать деньгами. Отнесла в сельсовет деньги за три года за шестьдесят килограммов масла. Она их отсчитала сразу на масло, а те, что остались, пошли по рынку. Она мне купила кирзовые сапоги сорокового размера. «Мама, большие!» «Соломки подстелешь да двое носков - и ничего, хорошо будет!» Потом продавали синего цвета бушлат: «О, давай тебе купим бушлат!» А я: «Мама, пуговицы блестят со звездами, а там еще серп и молот!» «Мы пуговицы поменяем!» Ну что - согласилась.

Потом уже купила под пальто, сама под бушлат подобрала светло-голубую фланель. И сшила себе шаль. Зиму ходила такая нарядная, такая одетая! Ну, сапоги были большие, конечно, - шлепала. В грязь

как залезешь, дорог-то не было, а в школу надо было ходить через яр. Весной залезешь в грязь, ногу тянешь - нога вытаскивается, а сапог в грязи. Так и ходили учиться. Из школы сразу на работу - к маме на поле весной. Пятнадцать соток мои сахарной свеклы надо проредить, прополоть несколько раз.

Давали за это трудодни. Я, когда на пенсию пошла, поехала в деревню. Сказали, что колхозный стаж входит. Ну, я поехала, пришла в контору, в архив. Женщина из кадров пришла, принесла тетрадь обыкновенную в клеточку. И вот, если я работала целый день, то на две клеточки палочка - число пишут. И палочка длинная. Если полдня работала, то на одну клеточку.

Мартынова (Федорова) Татьяна Сергеевна

Я, Татьяна Сергеевна Мартынова, в девичестве Федорова. Я коренная жительница Песчанки. Песчанка - это поселок, который до войны был в Никольском, но во время войны он был полностью разрушен. А родители в Никольском так оказались: отец, Сергей Ефимович, приехал к старшему брату, брат был уже здесь, а мама, Ольга Моисеевна, приехала на торфоразработки. Тут раньше были торфоразработки, торф отправляли в город. Город же топился торфом. И они встретились здесь. Мама из Пскова, там деревня была Лукаши.

Отец 1908 года рождения. Мама 1906 года рождения, они встретились где-то в 1935 году. Сначала жили у дяди. Тут уже дядя Саша жил, они у него жили. Это брат отца - Александр Ефимович. Потом стали строиться. Приехал отец из Червено, что под Любанью, сейчас нет этой деревни, в войну еще была ликвидирована. Они поженились, выстроили дом в Песчанке, завели корову, родилась девочка - моя

старшая сестра Мария - в 1936 году.

Отец работал на «Соколе» - 52-й завод. Оборонный завод. Засекреченный. Говорить, где работает отец, нельзя было. Мама сначала работала на телефонной станции. Но она и на торфе работала. Она рассказывала, что самое тяжелое было его переворачивать. Наверное, прессовали этот торф, а сушили где — не знаю. Нужно было его перевернуть. Ногтей, говорила мама, у них не было на руках.

Когда родилась моя сестра, она уже была дома, а через год родилась и я. В 1937 году 31 декабря. В паспорте написано место рождения - село Никольское Мишкинского сельсовета. В Мишкине была и церковь. Там, в Песчанке, была церковь, но потом она сгорела, как мама говорила. В Песчанке были ясли. Раз торфоразработки, приезжали отовсюду. Чуваши были, со всего Союза приезжали работать.

В Песчанке на тот момент было десять улиц. Там, где наш дом стоял, был Николаевский проспект. Десять улиц было, были ясли. Школа была здесь в Перевозе. Тогда был не Перевоз, а Бадаевский. Все говорили: «Поехали в Бадаевск». Ясли были там. От Никольского это три километра. Это не доходя Хаванова ручья. Можно пройти, там сейчас по всему берегу на Песчанке строят коттеджи. Там лодочные станции.

Мы жили у Хаванова ручья после войны-то. Мы уже построили опять дом. Песчанка в принципе была на берегу Тосны, в смысле в лесу, но выходила, рекой была связана. Там же был кирпичный завод на Песчанке. Да, на берегу был завод, но этот завод, видимо, был, когда были хозяева. Потому что стояли кирпичи такие большие. После войны мы заходили, прямо не доходя Хаванова ручья, там карьер такой есть. Там был кирпичный завод. Мы там маленькие бегали в кирпичах этих. Потом после войны стали кирпичи забирать, город выстраивать. И Бадаваевский завод тоже был с кирпичами. Стоял корпус еще, кирпичи разбирали и вывозили в город, город строился.

Машеньке был годик, и я родилась, потом мама, пока сидела со мной, и война началась.

Я ничего не помню. Я помню то, что мама уже рассказывала. Когда немцы пришли, они же пришли в августе, нас сразу из дома выселили. Отец еще был, не был еще взят, он нам сделал бункер – землянку. Нас выселили, и мы жили в этой землянке, а немцы жили в доме. А домик был двухкомнатный. У нас же еще корова были при немцах. И кричат: «Немцы корову забирают здесь на Бадаевском!» Мама прибежала, а они уже уводят. В Германию загоняли корову. Она показывает немцам - киндер, маленькие! Они ей оставили корову. Она привела эту корову, от этих немцев загнала во вторую комнату в нашем доме. А на двери этой комнаты немцы вешали свои шинели, а она корову кормила, лазила в окно. Залезет - покормит. Она вывела эту корову, когда мы уходили, уже к Новому году.

Я, мать, Мария и корова отправились в Червено. Были заморозки, мама говорила, что холодно было. Мы пошли в Червено. Думали, немцев нет, а они вперед нас там были. Они же с юга шли. Ну, они в самой деревни Червено не были. Они там где-то стояли, а в Червено ночью партизаны, а днем немцы. По домам. «И чего, партизанам помогаете?» И застрелили брата моего отца. Иваном его звали. Даже партизан и не было в тот день. Кормиться-то надо, они ходили в деревню. Повели его по дороге, там лес вдоль дороги. Кричат, мол, беги! Он побежал, они его из автомата и расстреляли. Но он в партизанах не был, у него, по-моему, какая-то инвалидность была.

А отец попал в Гатчину. Он был на работе, когда фашисты вошли. Он попал в концлагерь, но оттуда он сбежал. Сбежал, мама уже говорит. Есть было нечего, я была опухшая, мама говорила. Машато постарше была, так она где чего схватит, а я сижу на печке, кошку глажу, мама говорит: «Я глянула, а губы лопнули, распухли у тебя». Мама говорит: «Я встала утром, баню натопила. Пойду сейчас к немцам, чтобы нас расстреляли вместе». Чтобы не мучиться. Говорит, иду, а там дорога прямая, смотрю - кто-то идет по дороге, постояла - пришел отец.

Мама ходила, ему передачу носила. Из деревни кто-то ходил, а мама собрала там что-то, а все равно это не попадало, там такая колючая проволока, говорит, что перекинуть, во-первых, было трудно, а потом там все вытягивали руки – там уж кто схватит.

А как он сбежал, я не знаю. Когда он пришел, он так вышел - и прямо на снег. Но мы тут побыли, корову мы уже поменяли на нетель. Нетель - это подростки такие. Потом нетель мы эту зарезали, отъелись немного. Тогда решили идти на Псков, на родину матери. Уже зима была, ну вот и шли. Батька нас вез. А он был маленький такой, щупленький, ну, как мальчишка. Он и так-то маленький был, а тут исхудавший. Его не трогали ни наши, ни немцы.

Вез он нас на этих санках. Закрытые были одеялами, такая кибитка была сделана. Останавливались в деревнях на ночь, пускали тоже. Однажды в баню пустили: «Идите, идите там протоплено, там тепло!» Но не одни мы там были, и другие тоже были беженцы. Пришли в баню, слышим, немец вошел. Мы все замерли, а он принес буханку хлеба и показывает, что у него тоже киндер. Ну, немцы же разные. Принес буханку хлеба в эту баню немец. Так мы и добрались до этого Пскова. В деревню Лукаши. Она там родилась. Там недалеко городок Усвяты есть, вот до этих Усвятов там двадцать километров. Как мама говорила, пешком ходили. Потом папа ушел на фронт.

Брат Борис у мамы был, дал рекомендацию. Брат был председателем колхоза, тоже не был взят еще в армию, потом и его взяли. Вот у нас последнее письмо от брата было для мамы. Написал, что Поповку освободили, после этого от него никаких писем не было, ничего не было, он пропал, без вести пропал. Женат был, трое детей, даже четверо, уже подростками были. Никакого пособия не получили. А главное то, что он в этом письме написал: «Скажи моим ребятам, чтобы не вступали ни в какую партию!» Я так и не была ни пионеркой, ни комсомолкой, и Маша тоже.

Смогли. На Песчанке жили в такой дали. Дай Бог, в школу дойти. На сборы не ходили. Металлолом не собирали. В пионеры не приняли. Да нас бы приняли, уговаривали. Но когда? Вот все пришли, поели, уроки сделали, а мы все еще идем на эту Песчанку. Так пока шли, еще поиграем во что-нибудь, поэтому долго все.

Всю войны мы были в Лукашах. Там и были, отец пришел с фронта. Но он пришел осенью 1945 года, он уехал сюда опять на этот «Сокол». Раньше, чтобы попасть сюда, нужен был вызов, без вызова не сядешь в поезд. Потом папа сделал нам вызов. Уже весной 1946 года мы приехали сюда на «Сокол», и комната у него уже была, потолки текли. На самом «Соколе», на заводе стоял дом - деревянный, а потолок тек, везде кастрюльки, ведерки подставлены. Отец все-таки решил на Песчанку перебраться, там выстроили опять дом.

На Песчанке на момент 1946 года ничего не было, домов не было. Главное то, что дома не сгорели, не было пожарищ. Немцы их раскатали просто и увезли на болото. Мостили болото. Ручей Хаванов был, у самого ручья, ручей-то крутой, там были «джуты» наделаны накатные. Мешками был песок насыпан, а вдоль этого сделан настил был из наших же полов, из домов. Немцы хорошо себе делали. Они ходили по этому настилу, а в болоте все эти дома наши утонули.

Мы были первыми. Потом Макаровы туда приехали, дядя Володя Макаров. Там раньше считалась Хаванова дача. У нее был, наверное, большой дом, а от этого дома остался подвал. Только подвал кирпичный. Крышу делали, а стены-то стояли, ну, бункер. Вот пока мы дом не выстроили, там и жили. Эти торфоразработки начались еще до революции. От нее все шли.

Дореволюции, была Конка. Тоже на лошадях ездили же. А когда мама работала на торфоразработках, где вот сейчас завод построили, дорога сейчас идет новая, там был построен мост. Тут была узкоколейка, ходила кукушка. Маленький паровозик бегал, туда возили продукцию порохового завода. И возили торф. А торф возили - вот тут поднимались в гору, вот так прямо, тут тоже шла узкоколейка и выходила прямо туда к мосту. Она шла от Песчанки, от торфоразработки по верху шла, где кладбище. Она прямо сюда выходила. Мимо этого кладбища и выходила. А когда Хаванова тут была, у нее не так было сделано. Она по-другому шла. Конная дорога выходила тоже на узкоколейку. А там уже перегружали в

большие вагоны - и в город. Город топился тоже торфом.

Нам не давали никакой лес валить. Лес там сам лежал весь битый снарядами. Через Хаванов ручей был сделан мост из двух накатов. Ну, наверное, танки ходили, не знаю, что там было. Вот мы разобрали этот мост, и из этого моста сделали дом.

Отцу только мы помогали. Сил не было. А там в гору еще подъем. Везем эти деревья - ни топора, ни пилы. У нас никакой одежды нет и посуды нет - ничего нет. Мы ходил всякие баночки, скляночка собирали. До войны много было всего. Крапиву весной собирали, мама посылала нас. На этих участках сейчас уже леса стоят, а тогда была еще трава. Мы эту крапиву, которая только черненькая еще, еще головки вылезали, собирали -целый день ходили. Принесем эту крапиву, мама нам наварит. Карточки были. По карточкам давали нам овсянку. Давали на «Соколе», на 52-м заводе. От завода мы получали и карточки. Все было по карточкам - одежда и все остальное.

Отец в смены ходил, и в ночь же ходил. Он потом уже работал не на «Соколе», а на кирпичном заводе. На берегу тогда были лодки, много брошенных. Везде по берегам у немцев, да и у наших. Вот так и добирался - на лодке. Никаких переправ не организовывали. Потом уже вот там, где плотина эта, под мостом была какая-то переправа.

А вообще-то нас перевозили на лодках, когда речка вскроется. А потом стали строить такие бревенчатые перемычки. Они были сбиты, стояли, а когда сильный ветер идет с Невы, нам мост возьмет и ребром так встанет, и уже никто никуда. Плоты, трос между берегами, и вот за трос этот держались и так перебирались. Это уже попозже где-то в 50-х годах.

Воды очень много было в Тосне речке. И чище была вода. Буксир ходил до самого большого моста. А когда отец еще в Червено жил, они там тоже делали сплав, пускались по Тосне речке. Как они входил в Тосно, не знаю, с Тигоды что ли? Так сплав шел. И после войны шел сплав. Баржи загружали и возили. Даже летом стояли баржи напротив нас. Там жили семьями. Молоко у нас брали, корова была.

После войны привели оттуда, из Пскова, корову. Две недели вели корову. Мы-то приехали на поезде, а мама с папой потом корову привели. Привели корову бабушкину, а корова эта, была же Финская война в 1939 году, и эта корова была без хвоста, и рог был у нее один только. А хвост отмерз в Финскую войну. Тоже 40-градусные морозы стояли.

Потом построилась еще, Любочкина ее фамилия. Значит три семьи, ну, а потом поняли, что никто больше не вернется на Песчанку и решили перебираться поближе.

Да, здесь уже электричество было в Перевозе, а мы там еще с лампами были. У нас был свой колодец, вода хорошая была.

Каждый год разминировали, части минеров стояли. Там, бывало, и музыка, семьями они приезжали сюда на все лето, и были музыка, танцы, кино нам летом показывали. Прямо где деревня кончается, стояли они. В палатках жили. Летом разминировали они. Раз приходят и говорят: из дома не выходить, окна заклеить. И как бабахнет! Даже вот эта первая улица, где сейчас там котлован, аж стекла в домах вылетели. Там какая-то фугасная была бомба, взорвали - и дорогу так испортили. Но перенести уже было нельзя, надо было на месте взорвать.

Мы вернулись из Песчанки в Перевоз в 1953 году. В Перевозе было электричество. Мы приехали - уже и радио говорит. Я из Песчанки все семь лет отходила в школу. Потом мама купила этот домик. У них тут до войны был кирпичный большой дом на этом месте. И когда они сюда после войны вернулись, они кирпич собирали, и вот этот кирпичный построили, даже на фундаменте стоит на этом. Жили тоже дедушка с бабушкой, внук с ними жил, приезжал ко мне из Украины, фотографировал. Дочка была еще. Ко мне из Москвы приезжал и из Украины приезжал сюда. Вот теперь уже, когда коттеджи настроили тут уже. Приезжали, фотографировали все кругом, дом этот. Они тут детство проводили, когда были подростками.

Батька сказал, что новый участок разрабатывать не будет - не хватит сил. Нужно было лопатой все это поднять. Дом он тоже не смог бы построить, потому купили этот домик. Поселили нас с Машей в этом домике. Мы ходили отсюда в школу, а они пока там были. А потом и сами переехали сюда. Они нашли машину. Главное то, что переезжали осенью. Картошку надо было вывезти, сено вывезти, все барахло. Целый день машина ходила.

В 1946 году весной мы только сюда приехали, и мама в 1946 году нас не могла отдать в школу. Сестра там уже училась - в деревне Псковской области. А меня уже отправили в 1947 году. В 1947 году нечего было надеть, как отправишь в школу? Мама собрала: нашли где-то ботинки военные, солдатские,

да еще разные. Представляете, каково школьнику во взрослых ботинках, да еще и в разных? Потом соседку встретила здесь уже в Перевозе. Потом поменяла мне, у меня стали одинаковые ботинки.

Карандаши, помню, в школе давали и тетради. Сначала, как придешь в школу, у нас проверяли вшей и руки чистые ли. Руки в школе помыть негде было. Вшей проверяли, воротники проверяли. Если вши - иди домой. Мыться нам тоже негде было. На «Сокол» ходили мыться, из Песчанки на «Сокол» ходили.

Первые учительницы у меня были Тамара Ивановна и Антонина Ивановна. Одна Кистенева была, а эта Немолотова. Уже замужем была. Эти были наши перевозские девки, они тоже молоденькие были еще. Тамара Ивановна 1930-го года.

Но я в школу-то пошла, мне уже шел десятый год. Так получилось. На переменах, я помню, когда снега не было, вот где сейчас построена Октябрьская, здесь было поле. Мы выбегали на поле и бегали там, а потом физкультура была. Семен Ульянович у нас директором был, а жена его, Анна Алексеевна, вела у нас географию, хорошая учительница. Всех учителей, бывало, как-то не очень слушались. Ну, слушались как-то так, а вот ее все уважали почему-то. На ее уроках никто никогда не шалили, все вели себя хорошо, уважали ее.

Все мы ходили голодные, мама мне нальет молочка, еще с водой разведенного, раньше «четвертинки» были такие. Это мы брали, а вот Скрипины такие ходили, так те вообще голодные ходили. Когда сгорел дом, где школа, где рынок сейчас, там в подвале картошка погорела вся, и они эту картошку всю оттуда выгребали и ели. Скрипины такие были, мы потом в десятке вместе жили.

Начальная школа - четыре класса, потом средняя школа. Все в одной школе.

Мы скорее домой бежали. Был свой участок, корову надо было кормить. И школа эта как-то полдома была, деревянная она была, двухэтажная. Это сейчас примерно, где раньше был садик. За аптекой 225-й, говорят, между Западной и аптекой. А еще был дом учительский, где учителя жили, там полдома было. Как-то разрушенный наполовину стоял. Екатерина Григорьевна у нас русский преподавала, мы к ней бегали. Живот у нее болел. Бежим ей вскипятим чего-то и напоим. Она потом учила и моих детей. Голос у нее часто пропадал чего-то.

А вот клуб я помню, где сейчас магазин «Тройка» или как его. Там был клуб деревянный, а напротив него такой же был барак деревянный. Отец потом работал на кирпичном заводе, который на берегу. Маленький кирпичный завод, он обжигальщиком работал. Он с кирпичного завода ушел на пенсию, пятьдесят шесть рублей получал. А мама, так как она не работала, получала двадцать восемь рублей, половину его пенсии.

После семи классов пошла работать. Учиться никак меня не могли отправить. Нужны были деньги, а на работу не берут, несовершеннолетняя. Мама пошла к директору завода, уже был большой кирпичный. Пошла к директору, и взяли меня. Стрелочницей взяли на железную дорогу. А потом я на «Сокол» ушла. Уже там открылся новый цех, провод тянули, там тридцать лет я отработала на этом заводе.

А Мария тоже закончила семь классов. Еще в старой школе закончила, еще новой не было. И тоже пошла на кирпичный завод. Сначала кирпичи укладывали. Потом стала преподавать. Да, она тоже на кирпичном работала, там лента такая работала. И на ней пыль была. Ее проверили, и нашли темноту в легких. Сказали работать на свежем воздухе. И вот она пошла работать почтальоном. И что она делала: она со всех окон сняла столетник и ела его. И вылечилась без лекарств.

Михина (в девичестве Хвостова) Клавдия Андреевна

Я, Михина Клавдия Андреевна, родом из Тамбова, родилась в многодетной семье. Я была самая старшая, семнадцать лет мне было, остальные были меньше меня. Восьмому - 2,5 годика было. Мать рано умерла, она и не узнала, что война началась, и нас оставила восемь человек. Когда войну объявили, мы были в деревне. Первое время - в лесу. У нас ни дедушки не было, ни бабушки, никого не было. Отца не сразу взяли на войну. В августе мне исполнилось восемнадцать лет, тогда отца взяли на фронт.

Мы остались одни, дети меня не слушаются. Отец хотел, чтобы мы учились, чтобы в школу все ходили: «Хоть ты одна ходи в школу!» Я пошла в школу. Ну, какая школа в таком состоянии? Несколько дней отходила и потом бросила.

Все в Тамбов ездила. Отец на фронте. Когда уезжали на сборы, к нему ездила. Весна началась - нас обокрали. Красть-то тоже особо было нечего - картошку только. Я брала какие-нибудь платки и шла в деревню. Ведро картошки

принесу, сварим прямо в мундире, съедим.

Долго от отца не было писем. Мы думали - всё. И потом примерно в феврале, наверное, пришло письмо от него, его ранило, и его отправили в Читу, поездом везли. Перевязки делали, рука была разбита. Теперь мы знали, что он ранен и в Чите находится.

1942 год мы всю зиму писали: они на меня жалуются, что я их ругаю, а я на них, что не слушаются. Собрал отец письма - и к начальнику госпиталя: «Комиссуй!» Он сказал: «Как буду комиссовать? Я не имею право, не долечен же!» Не поверили, что могли его взять на фронт от детей. Потом справку прислали из сельсовета, что действительно остались одни дети, и его комиссовали весной.

Помню: выйду в огород, иду, а дети за мной. Глянули - отец приехал! Мы кинулись все на него! Стали жить. Мне отец сказал: «Учиться иди!» Я пошла и ребятишки пошли учиться. А в 1944 году взяли на фронт брата третьего 1926 года рождения. А через две недели меня взяли на фронт. И так мы были три фронтовика. Ребята маленькие были с отцом. В детский дом никого не сдали. Отец сказал, хоть и плохо, а в детдом никого не отдадим. Приходили, говорили нам, чтобы маленьких туда отправили, но не согласился.

Служила я в Прибалтике - полевой армейский склад сорок второй армии. Наверное, или в январе или в феврале 1945 года нашу армию отправили в Румынию. Меня передали в запасную часть, на пересыльный пункт, потому что сорок вторая армия после блокады уже пустая была, там требовались солдаты. И вот нас с запасного полка, меня и одного старшину, двоих взяли.

Пришли когда: «Взвод! Выходите!» Вышли - два шага вперед. «Вышли, у кого высшее образование!» Специалисты бухгалтеры нужны были, но никто не вышел. «Образование у кого среднее!» Я говорю: «Я после десятого класса!» «Выходи вперед!»

Вот меня и этого парня. И помню, мы едем, майор и капитан были, везут на машине. Я говорю: «Товарищ капитан, а где я служить-то буду?» Он улыбнулся, но ничего не сказал: «Когда привезем тогда и узнаешь». Ну чего, девчонка глупая, рассказывать-то нельзя. Он говорит: «Оперативный отдел!» А я подумала — операционный. И говорю: «Я же крови боюсь!» Он говорит: «Крови прямой-то не будешь видеть. В общем, приедем - узнаешь!»

Когда приехали, в основном я была в двадцать второй армии, а потом из двадцать второй армии меня перевели в сорок вторую армию. Там я в секретной части работала при штабе армии. Дослужила до августа 1945 года. 30 августа 1945 года я демобилизовалась.

Домой приехала, семья большая - жить не на что? На что жить в колхозах? Все плохо. И получилась так, что потом свидетельство нашла о рождении, чтобы получить паспорт. Пришла в сельсовет, мне предложили поработать секретарем в сельсовете. А когда я была на войне - была комсоргом. Был у нас такой Аракюнян, он был парторгом, ну, начальником. И мы стали помогать писать письма на Родину. А я девчонкой была, не соображала еще. И как-то стала домой писать пореже. Брат тоже на фронте служил

Отец Клавдии Андреевны - Хвостов Андрей Федотович

- в Карелии. Писем не пишем. Отец каждый день на почту приходит и спрашивает, нет ли писем? Почтальон пожмет плечами - наверное, все спеклись. Вдруг отца возвращают: «Дядя Андрей, вернитесь!» А там повестка. Заходит к председателю: «Наверное, умерли?» А он: «Нет! Посмотрите дочь какая!» А мы пишем: «Мужайтесь, Победа будет наша». В таком духе! И с этим письмом по колхозам читать.

Я пришли к секретарю сельсовета, мне сказали, что на семинары буду ходить, мол, образования хватит.

А вот в Прибалтике нас разбомбили. Это я была в двадцать второй армии. Немцам и нашим все равно где бить - по складам, мостам, железным дорогам.

В Прибалтике все время вредительство было. Ехали как-то на поезде - ближе к Риге уже подъезжали. Видели, как раненых с передовой возят. Мне жутковато было. А один вагон подцепили с вольнонаемными девчонками из Сибири. Везли, чтобы они на железной дороге работали. Мы подцепились и их подцепили с нами рядом. Август месяц, тепло было. Как раз на мой день рождения - пятнадцатого августа. Мы как раз поужинать решили в одиннадцать. Я ремень распоясала, берет повесила, шинель тоже сняла. А в шинели я красноармейскую книжку

носила, в гимнастерке выпирало - не удобно. Бросила все на ящики, на боеприпасы. Нас было - Сергей, я и шесть человек охранников. Сергей за мной ухаживал.

И вдруг немец в одиннадцать часов налетает. Эти девчонки прямо в наш вагон спрыгивали, они еще передовую не знали. А рядом недалеко были раненые, военнопленные были наши, угнанное мирное население возвращалось в России и коров некоторые вели.

Сирена завыла, начали наши зенитчики бить. Мы выпрыгнули. А Сергей говорит: «Клава, не уходи никуда. Надо перепрыгивать» А у меня карабин был в вагоне повешен, я про карабин и не вспомнила. Он выскакивает: «Давай в вагон!» Перепрыгнули, хорошо, что мы попали в траншею немецкую. Немец бомбит. Прыгнули в траншею - там меня контузило. С тех пор головой мучаюсь. Упала, землей накрыло. А я без убора головного, без ремня, шинель-то там осталась. В общем, что было - у меня все там осталось. И такой дым в голове - не пойму что. Он меня берет: «Клава, ты живая?» Я говорю: «Жива!» «Ну, слава богу. Давай по траншеи еще ниже!»

Немец попал в вагон винтовочный, и они начали взрываться. Как дошел взрыв до вагона со сто двадцатью минами! Там осколки-то какие! И мы - давай дальше. Чуть отошли - немец второй раз бомбит. Мы спаслись, а вот эти девчонки как раз попали. Они попали, когда бросали бомбы.

Мы сидим, охранники нашлись. Офицеры с нами должны ехать, но они, видимо, знали, что бомбят, с нами не поехали. Они поехали на попутных машинах - автоколонна у нас была. Офицеры все видели, как у нас горело.

Второй раз мы попали не в траншею, а в землянку бетонную. Там-то прямой наводкой только можно попасть. Потом опять немец прилетел. Мы пошли уже вглубь. Нашли какую-то баню, там приткнулись. Я села, ему в плече уткнулась и уснула. Не пойму ничего, в голове шумит. Стало светать – пошли искать своих. Пришли, нас встречают: «Слава богу, жива, жива! Наверное, ревела!» Я говорю: «Нет, только боялась, что ранят. Думаю, отец раненый, рука не работает. Ребят-то сколько! И я раненая приду девчонка. Думаю, убьют - так ладно». Я говорю: «Только карабин сгорел!» Там шофер был, сказал: «О, боец! Отвечаешь за оружие, как шофер за машину». Ну, они его заругали: «Ты чего девчонку пугаешь!»

И по этой колонне на их машинах стали передвигаться ближе к передовой. Едем, знаю, что наши летят бомбить, а меня уже колотить начинает. Говорят: «Давай в госпиталь!» Какой там госпиталь! Да мне стыдно было говорить, что я, как чумовая - в голове шум. И никому ничего не сказала. Ну, контузило и все. У нас еще фельдшер такая была, что ей и дела нет.

В 1945 году пришла, проработала там шесть лет, вышла замуж в деревне. В 1951 году вышла замуж. Происшествий было много, ну, я была такая же, как и теперь - боевая, как-то не очень унывала.

Помню 9 мая 1945 года. Мы при штабе армии. Тут уже была наша сорок вторая армия, тут наша часть, уже большие были концерты. Рижская дивизия, по-моему. Ох, какие они концерты устраивали, песни пели. В латышском доме вольнонаемной машинисткой у нас была Лида из Ленинграда. Вот она с парнем дружила, он был связистом. Ну, она забеременела, а я пришла девчонкой. Я там не занималась этим делом. Вот мы лежим на одной кровати с ней - железная такая кровать. Что такое, думаем? Часовые вокруг нашего дома — бу-бу-бу, и стрельба. Я вскочила, выхожу. А мне: «Чего вы спите, война кончилась!» Я вбежала: «Скорее, Лида, война ведь закончилась!» А она: «А ну тебя, разбудила!» Ей-то что. Вот в Прибалтике я так и встретила 9 мая.

Пришла домой - радости было. Как приехала, сразу пошла в военкомат, там связисты с музыкой встречали. Пришла позвонить, там тетя рядом с сельсоветом. Я позвонила: «Передайте тете Куле, что Клавка из армии приехала, пусть встречает!» Те побежали, сообщили. После меня брат вернулся, тоже живой. Был инвалидом, он жил и умер в Пикалево. И вот меня встречали отец, тетки - радости было много.

После войны хорошего ничего не было. Какая жизнь? Во-первых, налоги брали, потом Хрущев все налоги списал.

Стало легче, а то ведь молоко отдай, яйца отдай - вообще был ужас, плохо было. Я пришла - и с чего начинать? Замуж пошла, приданого нет. Какое приданое у меня? Маленько секретарем сельсовета работала. Отдам деньги отцу, поедет в Москву. Мне привез, помню, уже поношенные на рынке купил куртки. Одна, помню, плюшевая, вторая с мехом, вроде как. «Выбирай - на твои деньги куплены. Бери, какая понравится!» А сестра Лида 1925 года рождения - за мной. Вот так и жили. А потом приехали сюла.

Был набор, как и везде. Зашли в деревню. Муж пришел после, он-то был в плену под Сталинградом. У него есть где-то документ, где его взяли в плен. Вспоминал: сидят в траншее с лейтенантом, таким

Клавдия Михайловна и её боевые подруги .1945 год

Брат Клавдии Михайловны- Хвостов Николай Андреевич

же мальчишкой. Он глядит и смеется. «Ты чего смеешься?» «А погляди на себя!» А него, когда в плен взяли и стали бомбить, прядь волос в раз поседела. До самой старости прядь так и была седая. Ну, потом они, конечно, все сравнялись волосы. Потом он попал в плен, его спасло, что из их деревни выбирали в помощники полицаев.

В январе или в феврале 1942 года его в плен взяли и в шахту отправили. И до 1945 года он там был. Освободили союзные войска. Его освободили, проверили его хорошо, что отношения не имел к предателям. И оставили в Германии служить. Он там служил до 1949 года. В 1949 году пришел.

Отцу не очень-то хотелось отдавать замуж меня - я была помощницей. Как

меня Господь еще держит – не знаю. До девяносто двух лет дожила. Правда, здоровье неважное. А сейчас у меня последняя сестра жива, мы остались с ней вдвоем. Она в Тамбове, на одиннадцать лет

меня моложе, она последняя, после нее два брата. Но седьмой у матери умер –мальчик, скарлатиной заболел. А восьмой вот недавно умер в Москве.

Так что всего было, насмотрелась за полтора года на фронте - и обстрелы, и бомбежки. Когда я на артскладе служила, каждую пятидневку надо донесение в часть армии доставить. По телефону и обязательно подтверждение на бумаге. А оттуда почту я забирала. Солдаты подвозили на машинах.

Ребят не так, а девчонок обязательно подсаживали.

Муж Клавдии Андреевны - Михин Василмий Андреевич

И вот один раз едут, это было тоже в Прибалтике, он меня высадил, говорит: «Иди по этой дороге». Я иду. И раз - один выскочил из-за леса и обратно в лес. И куда? Хоть возвращайся. А карабин я с собой не взяла. Надо было обязательно быть с карабином. Мужик зашел, я с места не шелохнулась. Это, может быть, и спасло меня то, что впереди шла машина. Он побоялся, что, если я заору, то меня и обнаружат.

Пришла в часть - на мне лица нет. А я не первый раз туда хожу. Там один капитан. Он говорит: «Ты чего?» Я рассказала ему. Он звонил: «Почему девчонку посылаете, больше не посылайте ее!» Тогда прекратили. Этот капитан хотел меня замуж взять. Он узнал всю мою биографию. Когда бомбили Киев, офицеров посадили всех, а его семья осталась в Киеве. После освобождения Киева никак не мог разыскать ни жену с детьми, ни мать. Он сказал: «Если она в плену, я с ней не сойдусь». И вот он узнал биографию от меня всю: «Давай адрес, я отцу перевод буду посылать!» Я: «Нет, буду учиться!» В общем, не согласилась. Долго он за мной ухаживал.

Как же не страшно на войне? Ночью привезут тебя, мы в лесу, я не знаю, вокруг что. Один раз лежу в землянке, спим на вторых нарах. Подходят — меня и еще одного мужчину на выход. Вышла.

Еще девчонка была связистка - и ее. «Пришли снаряды - боеприпасы, надо их принимать сразу, потом днем будут вывозить. Идите с Анной, провожайте». Ночь, незнакомый лес, темно, хоть глаз выколи. Он-то, конечно, по этой дороге ходил, а мы – в первый раз. «Ну, что, пойдем!»

Нам сказали пароль. Проводили мы его до большака. И тут он говорит: «Я сам дойду, а вы идите, возвращайтесь!» Вот как вернуться? Там тропинка одна. По лесу идем - темно. Я хоть боюсь, но как-то вида не подаю, а та трясется. Только что-нибудь шелохнет - она уже все. Потом видим, что подходим близко. Часовой нас увидел, кричит: «Кто идет?» А мы: «Свои!» «Пароль, скажи!» Мы сказали. «Ну, проходите!» Вот так и пришли. Было всего.

А с донесением раз пришлось в Риге ночевать, город Митава. До этой Митавы двадцать километров от Риги в другую сторону. Я в Ригу приехала уже вечером. Они говорят: «Куда ты пойдешь? Машины не ходят, ты же не знаешь местность!» И стоят регулировщики-солдаты: «Пойдем, я тебе отведу!» В Риге был дом, регулировщики там находились. Пришла и своего земляка там встретила - не с одной деревни, а рядом жили. «Ну, завтра, мы тебя отведем!»

Пошла туда, а оттуда еду - идет артобстрел. Ну, куда я? Стоит или дом, или сарай, вроде, туда надо. Один мне кричит: «Ты чего идешь? Зайди!» Куда? Меня одну бить не будут, а в здание ударит - и меня там нет. Пошла в чисто поле. Подхожу к лесу, а там уже ямка, в ней каска и ложка с вилкой туда положены. Прихожу, мне говорят: «Ты чего шла?» «А что делать? Попадет, так попадет». Как вспомню, все перед глазами.

Фильмы военные я не смотрю. Даже еще девчонкой была, когда пришла с фронта. Не могу смотреть, все помню. Сколько лет прошло, а первое время-то вообще все.

Те девочки, которые шли, их почти всех побило. Наши говорят: «Пойдем, посмотрим, наши вагоны, может, остались». Подходим, а еще один снаряд как рванет. Там одна лежит, у нее из живота вырвано все! А она сама в памяти, орет. Вторую на носилки кладут. А с двух сторон мины еще немец бросает. Они взрывались, ее волной с двух сторон и сдавило. Она все задыхалась. Старший на руки ее возьмет, а она все задыхается. Видит, что уже все, говорит: «Маме не сообщайте. Мама не пускала».

Не могу, слезы градом, как начну вспоминать.

Мочалина Валентина Ивановна

Я Валентина Ивановна Мочалина 1932 года рождения. Меня хотели назвать, со слов матери, Тамарой. Мол, черненькая. А бабушка, свекровь мамина, говорит: «Какая Тамара, царица что ли?» Ну, тогда Валентиной назвали.

До войны мы жили на правом берегу речки Тосны в Гертолово. Большая деревня была. Там школа до четырех классов была. Я в первый класс там ходила. Отца звали Иван Федорович, мать - Лидия Евграфовна. Родом все мы из Гертолова. У бабушки Дарьи Семеновны было восемь детей. Это Александр, он утонул в Тосно речке молодым. Потом был Алексей. Он, я помню, служил в царской армии, еще советской власти не было. Николай, Иван - мой отец, и Василий. Дядя Вася всю войну прослужил в морской пехоте.

Папа работал на Ижорском заводе сварщиком. Из Гертолова ездил в Колпино. А мама корову держала, с молоком в город ездила. В нашей семье две дочки были: я старшая, а сестра младшая. Вот ей восемьдесят первый, а мне восемьдесят шестой.

Школа в Гертолове была до четырех классов - там за рекой. Здание школы было старинное, там жили учительница с учителем. У них там комната была. Мария Михайловна и Михаил Захарович. И сын у них был Славик. Он как раз десять классов закончил до войны. И война началась. И его немцы, как пришли, сразу куда-то взяли, мол, комсомолец - и больше его никто не видел. Расстреляли

Я ходила в первый класс. Помню, закончили как раз школу, трава высокая, брыкаемся в траве, балуемся. И кто-то приходит: «Девчонки война!» Все заохали, а мы еще не понимаем что это такое.

В классе много детей было, потому что ходили еще с Пустыньки к нам в школу. Из деревни Пустыньки, со станции Пустыньки, за Гертолово, ходили все. В Гертолово домов сорок было.

А первую учительницу звали Антонина Семеновна.

Отца в войну оставили танки варить на Ижорском заводе, в армию не взяли. Они уже в три смены ходили работать. Трое их: папа, дядя Петя Костин, а кто третий - не помню. Пришли с ночи, а немец уже все захватил. Но они хотели лесом как-то пройти, а там все захвачено, и не попали на работу.

Мы спрятались в лесу, сейчас там бетонка, раньше не было ее, это после войны сделали. Спрятались в лес. Отец сделал нам шалаш, но не только мы там были, вся деревня спряталась туда. День сидим, второй сидим. Потом кто-то говорит: «Надо кого-то на разведку послать». Кто-то из молодых ходил. Пришли и говорят: «Немцы сказали -выходите, а если не выйдите - всех постреляют, как партизан».

И вот мы стали вылезать, а дождь такой был. А как раз было двадцать восьмое августа, помню, надо было картошку копать. Но пока еще деревня не была занята немцами. Вышли - все по домам.

А потом первое сентября. Мы собрались в поле, я, во второй класс пошла, и вот приходит немец, учительницу отозвал, поговорил. Учительница поговорила с этим немцем, потом приходит к нам и говорит: «Ребята, книжки, тетрадки берите, идите домой и больше не приходите».

Ну вот, пришли мы домой, и тут стали немцы наезжать: у кого какой скот - все на кухню себе. Магазины обобрали, картошку тоже. Они даже кур всех переловили. Мы остались не с чем. И стали ходить на колхозные поля, собирать колоски овса. Сосед дядя Вася, старичок, сделал жернова, чтобы рукой молоть, и мы мололи колоски и варили кисель овсяный. А потом не стало и соли. Солить нечем. Помню, у тети Веры - соседки напротив, был петух такой - все убегал от них. А потом в крапиву залез и подох. Вот так.

Сначала у нас немцев не было, потом понаехали, еще снега не было. Они поселились у нас в большой комнате.

И потом выпал снежок, и уже колосков-то не собрать. Есть нечего. Я стала ходить на немецкую кухню, очистки собирать. Они гоняли женщин картошку чистить. А потом очистки в кучу кидали и ссали туда на эту кучу. А я приду, так не только я - все там, ребятишки все, есть-то нечего. Наберу этих очистков, принесу домой. Мама их помоет, посушит, потом потолчет, водой разбавит, слепит и на плиту. Вот это и ели. Больше ничего не было.

Я была маленькая, а сестра - ей пять лет. Потом соль-то кончилась, мать ходила за солью кудато под Шапки. Там завод был, где шкуры выделывали, и туда соль завозили. Такую желтую, крупную она принесла. Там полно ее было завезено, кучами брали. А потом три старичка пошли за этой солью: дядя Вася Васильев, сосед наш, потом Леля, через два дома от нас. А кто третий - не помню. И немцы

их расстреляли, сказали, это партизаны. А они за солью шли старенькие. Кто-то видел и сказал, что дедов-то расстреляли, видимо, кто-то тоже ходил за солью и видел, что валяются там. Сказали, это партизаны.

Немцы нас не трогали, когда у нас были. Но мы от них подальше. Потом нас из домов-то всех выгнали. Всю деревню в четыре дома согнали. А там уже зима началась, есть нечего. Только очистки картофельные. Это еще был 194-й год. 1942-й год мы еще были здесь.

Партизан не было. Это немцы придумывали. Ларионов Саша ушел в партизаны, но не в Гертолово, а в другом месте. Он остался жив. Женился на Надьке, а Надька - тети Веры сестра. Клессман фамилия - отец был эстонец. Его все звали Сашка Лари. Но Славика, комсомольца, убили. Потом мой еще двоюродный брат Миша Мочалин, он тоже десять классов закончил перед войной, тоже пропал. Тоже забрали. Они забирали так: просто ночью приходили или так прямо забирали.

У нас не было старосты. Вот в четыре дома согнали нас всех - есть нечего, снаряды летят, в Поповке же фронт был. И как раз где жернова были - снаряд попал. Хорошо, никого не было - все разворотило. Ну, мы поехать решили от фронта подальше, в Новгородскую область. Там колхозы были, может, с едой лучше. А уже менять у нас ничего не было. Помню, у матери была перина, она все берегла ее. Так она сменяла ее в Новгородской за жмых.

А до Новгородской добрались на саночках. Я шла пешком, сестра маленькая сидела на саночках, там же и кое-какие вещи. Немцы ничего не трогали. Помню, первая остановка была в Строении за Тосно. Ночевали мы. День идем, а потом просимся ночевать. Они жили лучше, чем мы, у них в домах не было немцев. В Строении, я не помню, как было, я помню, где ночевали мы. Потом деревня Николаевка, Шимский район. По деревням жмых у людей меняли: раздолбаем его молотком и сосем. А хлеба не было.

Пришли в деревню Николаевку. Помню, хозяина дома дядя Миша - пожилой такой. Мы говорим: «Дядя Миша, можно у вас ночевать?» «Ночуйте!»

День ночевали, второй, идти-то нам некуда, жрать нам нечего, менять нечего. «Дядя Миша, можно еще?» «Ночуйте!» И так три дня у него ночевали. Немцы наехали: «И кто вы?» «Беженцы!» Немцы велели, чтобы те, у кого мы ночевали, напекли нам лепешек на дорогу и на лошадях нас отвезли на станцию Сольцы. И там погрузили нас в товарные вагоны и повезли. А мы отсюда от фронта уехали. Ко второму фронту приехали: Старая Русса, там тоже фронт. Ну вот, повезли всех - не только нас, кто беженцы, всех забрали и повезли.

А там - в товарные вагоны погрузили и повезли. И привезли нас к границе Германии и Польши. Польский город Гралево, а немецкий Проскен. Между этими городами нас высадили. Там лагерь: бараки такие под землей, только вот так крыша над землей. В этих бараках - нары, матрасы со стружкой. Укрываться ничем. А посередине - печка из кирпича сложена. И много этих бараков. Людей расселили в эти бараки. А нам интересно: а кто до нас был? А там человек двадцать остались - военнопленные наши. И вот строем их гоняли немцы мимо нас. А они говорят: «Здесь сорок тысяч было наших военнопленных, и все умерли с голода». Ну, думаем, теперь наша очередь с голода помирать. Ужас. Страшно было. А пленные идут, видят нас: «Дайте что-нибудь!» А у нас у самих ничего нет.

И вот мы в этих бараках сидели. Женщин гоняли брюкву чистить мороженую, отварят эту брюкву, посолят и из нее суп варили. Потом как-то раз сказали, что детям дадут творог. Мы обрадовались! Как принесли этот творог, а там с палец толщиной черви белые. Я не стала есть. Дядя Коля был, Сироткин фамилия, из Никольского: он выбрал этих червей, глаза завязал и творог ел.

Мы выходили на улицу. Можно сказать, чего и заставляли делать, я не помню уже. Помню, мать подлезла ночью под проволоку, а там так проволока - и на вышках стоят. Подлезла и пошла в Польшу побираться. Ей подавали. Она котомку принесла, опять ночью подлезла, а мы с сестрой у этой дырки ждали, как мать вернется. Она пришла, накормила нас хлебом.

Остальные не отнимали ничего. Умирали многие - пожилые, слабые все умерли. А трупы увозили, не знаю куда. Увозили.

Здесь мы зиму 1942-го года жили. Потом стали увозить одиночек - молодежь на машину сажали и увозили. А кто с детьми, тех не брали. Молодежь всю выбрали, уже не стало их, тогда стали с детьми брать. А увозили в Восточную Пруссию и продавали в рабы.

Потом и нас посадили в машину и повезли. Город Калесбург. Приехал хозяин, Пад мы его звали. Лошадь запряженная, два колеса только - такая тележка была. Посадил нас и повез. Долго мы ехали,

уже поздно было, когда приехали. Там у них кладовка такая, постелили соломы - и мы спать легли. А утром рано разбудили, послали отца и мать коров доить. Ну, мать-то умела доить, корова была. А отец понятия не имел, как это, но привык. Привык и потом еще бабам помогал.

Меня заставляли варить картошку и в поле носить - родителей кормить. Хлеба и картошки нам давали досыта, иногда маргарин, а остального ничего не давали. Да еще котелок был у нас солдатский. Молоко давали, когда корову доят. Вот и вся еда. Там я в школу не ходила. Меня работать заставляли. Там школа была для немецких ребят, они учились. Немецкие дети вообще не общались. Дразнились только: «Русица, русица».

Мать нагреет воды, и в корыте или ванночка, что было, и мылись. Там бань нет. Они все в ваннах мылись. Одежду не давали. А раз дали одежду. А какую? Евреев сожгли - вот эту одежду нам привезли. Кто-то знал, сказал. Вот помню, рубаха была такая длинная, на ней вышито «Ольга». Только это дали, а больше ничего. Зимой о валенках и понятия не имеют. Там и зима такая суровая не бывает, снег выпадет - растает, выпадет - растает. Давали выточенные, как у Буратино, колодки деревянные. Вот в этих колодках зимой и ходят. И мне дали. Я так их не любила. Все косточки отбила деревяшками.

Там полно было и военнопленных и французов. Мы плохо понимали, что говорили. Французы всегда нашу маму жалели, что тяжелое - сами сделают. Помню, одного звали Пауль, одного Льюис и Франко, а как еще одного - не помню. Французов полно было работников — бесплатная рабочая сила. И гоняли их, как пленных.

В деревне были русские, но не пленные, а такие же беженцы, как мы. Убивать здесь не убивали, но избивали. Я старалась не смотреть. Помню, еще у нашего хозяина был из Орловской области парень молодой - Миша. Он ухаживал за лошадьми, сорок лошадей было у него. Он находил гнезда - куры-то неслись. Он эти яйца собирал и нам приносил. Вот только эти ели. А так они не давали. Мы говорили: «Миша, не надо, а то поймают - тебе попадет!» «Не поймают!» - говорит.

Пленным некоторым, которым пришлось убежать, посчастливилось. Когда пришли к своим и рассказали, как хорошо в плену, так никто не стал сдаваться в плен. По первости-то сдавались, а потом никто не стал, бились до последнего - лучше смерть, чем в плен. Вот так.

Помню, картошку надо было копать осенью. Меня картошку копать берут. А мне было десять лет. И вот мы с мамой копаем: он едет на лошади и разбрасывает, а нам собирать. И две недели подряд без разгиба. Я еле живая, а мать Богу молилась: «Хоть бы наши победили, хоть бы Вальке тут не работать!» Все время так говорила.

А потом один раз мать взяла и наломала веников для бани. Там же леса нет, это у нас полно. А там хозяин сажает деревья сам, как выходной - он за ними ухаживает. А мама наломала. Он на нее: «Ты где брала?» Она: «На горушке!» «Я покупал, сажал, а ты все обломала!» «Ой, а я думала, как у нас в России, где хочешь, там и наломаешь». Мама думала, что сейчас бить придут. У хозяина аж слюна потекла. Но хозяйка его отговорила.

У хозяина дом один был на этом конце деревни, там и корова, и все хозяйство. А второй дом - на другом конце деревни. Там только работники жили. Немка жила с ребятишками, она у него работала раньше, а муж у нее был в армии. Ей что—то платили. И потом еще жила старуха, но она уже стараястарая, помню, грибы все жарила. Меня угощала, а я не хотела ее грибы.

Я вот сейчас не помню, мать сама хлеб пекла, но там не было печки - только камин был для обогревания и плита. Значит, она, наверное, в духовке пекла. Печки никакой не было. Мне приходилось по всей деревне идти - носить им еду в поле. Иду, а дети мне: «Коммунисты—большевики». А я прихожу и говорю: «А чего они мне так говорят «коммунисты-большевики»? Что это такое?» А я и не знала что это. «А ты их не слушай» - мама успокаивала.

И помню, одна девчонка, постарше меня на год, вот с этого же дома, где и мы жили, картошиной как мне в ухо ударила! Мне так было больно! Я так разозлилась, схватила ее за косы и оттрепала. Ну, думаю, сейчас и меня придут лупить! Я кричу сестре: «Ольга, открывай дверь!» А мы сидели закрывшись. Она открыла, я прыгнула и опять закрыли. Но никто не пришел. А сестре пять лет было. Четыре года ей было, когда война началась. Она только в куклы играла.

Помню, мать сказала: «Мы будем на поле картошку копать, ты потеплее оденься. Утром, как встанешь - к нам приходи». Пришла - три шапки на голове и босиком. И сейчас вспоминают: «Помнишь, как три шапки были и босиком».

А когда нас привезли, один был только убит на фронте из деревни. А потом как начали похоронки

приходить, так они стали уже русских бояться. Помню, маме говорит: «Лидия, если русские придут, ты не скажи, что мы тебя обижали». Она говорит: «Ладно, не скажу». Это уже 1944—й год.

Наши наступать начали. А когда уже близко подошли, они свое добро погрузили на телеги и увезли ближе к американцам. Боялись очень русских. А нас заставили гнать коров в Пруссию - это взрослых, а мы сидели на лошади. Мать сидела за вожжами, а мы с Ольгой сзади. А отец потом рассказывал, они с отцом там потерялись, выгнали коров в лес и убежали, так там они и остались. Мы, говорит, и не погнали дальше, они пришли сюда в деревню, думали, мы еще здесь, а нас уже нет.

Мы уехали - лишь бы дальше, а куда, мы и сами не знаем. Ехали-ехали, потом смотрим - хутор. А уже поздно, давай ночевать пойдем. Мать распрягла лошадь и в сарай поставила. А утром проснулись - лошади нет, кто-то уже украл. И воровали все поляки. Наши только клали головы, а поляки все отбирали у немцев. Они же на лошади много не увезли, только необходимое.

Машин там ни у кого не было, ни у кого в Пруссии. Не было машин, все на лошадях. Ну, мы так и сидели в этом хуторе. Помню, там был мужчина - наш пленный. Он распух весь, все кричал ночью, охал. Или болел, пожилой уже. И женщина была из Белоруссии Лида.

Потом наши пришли. А как было - все ехали в одну сторону по шоссе, а я потом смотрю, уже в другую едут. А никакого боя не было около нас. Немцы, наверное, удирали, а наши догоняли. И стрельба была через голову. Эти туда, а эти сюда. И все мимо нас, нас не задело.

Взяли отца в армию и повезли брать Берлин. Как они брали Берлин, я не знаю, мы так про него ничего не знали. С матерью шли пешком мимо лагеря, в котором мы были. Все пешком-пешком, я все: «Мам, пошли домой». Она: «Да пойдем, конечно!» И вот мы пришли и Белосток. У нас было три маленьких одеяла - Ольге, мне и маме. Больше ничего не было. Нечего было больше брать, вот эти одеяла и забрали. Мы только в Белостоке сели на поезд товарный и уехали в Минск, это Белоруссия. Помню, Ольга идет, у нее мешочек за плечами, а там пальтишко лежит — жарко, она его сняла. А мы сзади идем. Смотрим, у Ольги уже разрезан мешок, и рукав болтается. Последнее пальто хотели вытащить!

А из Минска опять на поезде. Не было денег, просились доехали без билета, пускали некоторые. Да еще мы были между Москвой и Питером, Бологое там было.

А на работу когда устраивались, писали, где были. Так нас презирали, что мы у немцев были. А что, мы виноваты?

И вот потом приехали мы в Колпино, здесь поезд не остановился. Мы думали, дом наш цел, приехали - ничего нет. Нашу деревню разобрали, чтобы спасать блокадников. Мосты немцы взорвали, солдаты наладили железнодорожный мост через Тосно-речку. И туда стали грузить наши дома, разбирать и грузить. Потому что разбежались все от фронта кто куда. И все разобрали, сожгли. Что хотели, то и делали. Приказ был дан. Жданов, по-моему, приказ дал разобрать. Саблино еще не тронуто было. А вот Гертолово наше до единого дома все разобрано и свезено. У всех были печки, стояки большие. Нам не говорили, куда наше Гертолово-то делось. Потом уже немножко рассекретили, и мы узнали, где наши дома.

Жить негде, есть нечего, обуть-одеть нечего. И вот в Гертолово поселились на чердаке мы, внизуто уже было занято. На чердаке еще комната была, мы в этой комнате и поселились. И вдруг получаем письмо: отец пишет, что он в Москве в госпитале - болен, но скоро поправится. Мы думали, ногу или руку оторвало - чего он там в госпитале? Мать ему пишет: «Напиши, чем ты болен!» А он опять пишет: «Я болен, но скоро поправлюсь».

Его везли в Уфу, видимо, подумали, что не доедет. Он был весь распухший, его высадили в Москве. И там его подлечили, еще война не закончилась, как его комиссовали. Потом он приехал. Помню, ему на дорогу булочек дали. А мы-то сто лет их не видели. Мать дала по булочке. Говорит: «Хватит, оставьте батьке, он больной». А мы пошли смотреть свое пепелище, приходим - все украдено, никаких булочек уже нет. А украли те, кто внизу поселился. Ничего не сделаешь.

Помню, матери надо на работу устраиваться, чтобы карточки получить, а обуть-то нечего. А дядя Вася, младший брат отца, он всю войну прошел в морской пехоте. И остался жив, демобилизовался. У него на ногах одни ботинки были, а одни ботинки в запасе. И он эти ботинки, которые в запасе, маме дал, чтобы она устроилась на работу.

Сейчас-то жить можно. Раз нажал - газ горит, раз нажал - электричество горит. И в магазин сходить. А тогда и жить негде, и топить нечем. Ходили в лес через речку собирали сучьи сухие, сырые

не горели.

Приехали в Саблино, уже когда наши освободили. Вокзала не было после войны. Вокзал был в частном доме рядом с линией. И вот ночью говорю маме: Чего мы будем сидеть? Пойдем домой!» Она говорит: «Нет, утра дождемся, тогда пойдем!» А дом нетопленный был, и я застудила ноги. У меня распухли ноги. Утром тетя Вера, папиного младшего брата жена, зашла на вокзал билет взять - на работу ехала. И с мамой встретились: «Валя все домой хочет!» «Да какое домой, нашего Гертолова-то нет!» «Как нет? А куда же нам теперь?» «Идите, я сейчас в чужом доме живу на улице Энгельса по ту сторону линии, там ребятишки мои, а я на работу еду. Идите туда».

Меня спрашивали, кто для меня лучше всех из людей. Так вот это тетя Вера, жена младшего брата моего отца. Она нас после войны приютила, нам жить негде, есть нечего, ни одежды, ни обуви. И она в чужом доме жила. Мы к ней и пошли. И скитались по чердакам чужим.

У отца старшая сестра - тетя Катя. Она жила здесь на улице Тургенева. Они перед войной только построили новый дом, на елке мы гуляли зимой, а летом война. И немцы заняли этот дом под госпиталь. И чего они там — напились что ли - сожгли дом. Они-то уже знали, что их дом сгорел. А мы-то думали, что наш.

Потом Настя - вторая, та жила в Войтолово, замуж вышла. И во время войны ей оторвало ногу. Она топила печь, и в печку еду ставила. И как раз бой начался, попал ей в ногу осколок, и отняли ногу. И вот после войны она без ноги. И Феня - это младшая, она жила здесь в Саблине, был дом у них. А после войны она жила на Летной улице у кого—то.

И вот мы пошли жить к тете Вере. Еще дяди Васи не было, он в армии был. Она нас кормила и поила, а своих было пятеро ребят. Пока мать на работу устроилась, карточки получила. Потом мама говорит: «Вера, мы тебе же мешаем все». Она попросила у одной женщины, у которой дом цел был, фамилия, вроде, Шурова, чтоб та пустила нас.

Денег мало платили в совхозе. Мама работала стрелочницей, на заводе работала, а потом в Тельмана пошла в совхоз. Денег мало платили. Раньше по Тосно-речке шел сплав. Дрова и бревна сплавляли. И вот она пустила сплавщиков. После войны трава большущая, сухая, никто не косил в войну-то. Они затопили баню, захотели помыться. А следить - не следили. Загорелась баня, по траве передалось, и этой Шурки дом сгорел. И рядом соседский дом сгорел.

Я взяла одеяло и матрас, побежала. А ума-то не хватило, что мне надо бежать от ветра, а не по ветру, и одеяло все сгорело. Тринадцать лет мне было. Когда освободили, здесь мне уже исполнилось тринадцать лет. Я два года еще ходила в школу здесь в Саблин е - второй класс и третий класс. Учительница была Зинаида Михайловна Тихомирова. Она саблинская.

Потом карточки были детские у меня, 300 граммов хлеба давали. А когда мне пятнадцать исполнилось, мне иждивенческую дали и убавили до 250 граммов. Отец и мать заболели дистрофией. В Колпино в больницу положили, и карточки их туда. А нам ничего не осталось. Кто-то мне подсказал: «Поезжай на Фарфоровскую, там фабрика гигроваты, и малолеток туда берут».

Я поехала, меня взяли, на семьсот граммов карточку дали. Сказали, когда на работу выходить. Тут уже полегче стало. Я ходила в парусиновых туфлях по снегу. У меня потом признали ревматизм. Зато ноги не ходят теперь. И еще у меня в войну обмороженные были, обуви-то не было.

Отец, когда пришел с войны, его комиссовали, стал строить дом. У нас там еще при царе была проложена железная дорога, и на этой железной дороге были шпалы. Железная дорога была к водопаду, через водопад был мост, немцы его взорвали. При советской власти дороги уже не было. И вот он эти шпалы выкапывал и делал времянку с одним окошком. Сейчас там на этом месте дом стоит, его мамин племянник построил на улице Гоголя, дом 1.

Я работать пошла, отец тоже работать пошел, мать работала. Сестра ходила в школу. Я на фабрике гигроваты трудилась накатчицей. На станке ваты зацеплю и включаю ногой, оно и закручивается. Когда уже закрутится, прессовщица вытаскивает, кладет на стол, а там сидит другая и заворачивает. Это пока я еще молодая была. А потом, уже когда прессовщицей стала, на большом таком прессе прессовала по сорок килограммов ваты. Чесальный цех там был. Мне в окно дают вату, я беру, вешаю сорок килограммов на весы - и в пресс. Постилаю марлю, закрываю и прижимаю, потом зашиваю бока, выкатываю и складываю. Вата в аптеку шла, в больницы. Я много чего делала на работах. Я там отработала и замуж вышла, Верку родила.

Отец когда приехал, устроился на Ижорский завод. И его послали поднимать ГЭС, электричества

не было. Он поехал туда работать. На выходной приезжает и говорит: «Мать, мне сказали оставаться у них работать, дадут комнату. А когда будет стройка, квартиру дадут!» Она говорит: «Ты что, обалдел?! У меня тут огород, куда я поеду, никуда я не поеду!» Вот какие были дураки. От этого отказались из-за огорода.

А потом и я тоже. Работала я в Саблино, за линией, сейчас там тюрьма женская. Там воинская часть была, и я там работала поваром. И у меня спрашивают: «У тебя жилье есть?» Там стройка была, дали бы жилье. А я: «Нет, мне не надо, у меня есть!» Дура была. А потом, уже когда надо стало, мы дом построили. Еще до этого был дом у нас. Купили на снос не то в Волховстрое, где – то там, отец мой ездил и муж. Привезли оттуда, построили, лет двадцать мы жили в том доме. Одна балка на весь дом, не доски, а какие-то бревнухи.

Потом тот разобрали и этот на снос купили в Тосно. Помню, на улице Рабочей. Попросили родственников, все поехали и разобрали этот дом. Ленин муж работал тогда на большой машине, с Колей нам перевез из Тосно этот дом.

Помню, как статус узника нам давали. Здесь такая Галя с нами была в бараке вместе. Ей подписали, а мне нет. Потому что ей сказали, она маленькая была, что она не может помнить. И мне не подписали. И мне пришлось посылать в архив, в Германию. И вот хозяина дочка прислала, что она подтверждает, что я была, работала. После ее подтверждения мне узника дали. Потом она мне присылала марок немного. Она была на год старше меня.

Когда мы жили в Германии, она не дразнила меня. Был сын на год младше меня - этот был гад. А девчонка старшая никогда не дразнила. И плохого ничего не говорила. Она мне присылала и марочек немного, потом одежду кое-какую, но ношенную. А я вязала крючком салфетки и круги такие ей посылала. А теперь чего-то давно разошлись, не знаю, жива она или нет.

Не дай Бог войны, отведи Господи. Это страшное дело.

Нарышкина Евгения Николаевна

Я, Нарышкина Евгения Николаевна, родилась 29 октября 1935 года. Жили мы в деревне Захожье. Семья у нас большая, жили мы исправно, папа работал начальником цеха на изготовлении цемента. Дом у нас был большой.

На работу ходили пешком. И не только отец работал, деревня-то большая, все работали, 300 домов была деревня. Огромная деревня, речка была и озеро было. Семья была, дом был большой, окон восемь впереди. Наша семья: папа, мама, три брата, еще два сводных брата и две сестры. Большая была семья. Потом старшие сыновья построились там же в Захожье, со своими семьями переселись. А мы остались.

Папу звали Родионов Николай Васильевич, а мама Родионова Клавдия Михайловна. Хорошая была мама. У меня сейчас дети тоже хорошие, они меня жалеют, не обижают меня. У меня еще брат был младше меня, 1939 года, 2 года было ему, когда война началась. Немцы к нам пришли в 1943-м году в августе месяце. Это уже я от соседки знаю, она была постарше. Они работали на дороге, там строили дорогу немцам, чтобы те могли проезжать, там же не было дорог. И они строили. Конечно, им было по 14-15 лет, но они работали. Их кормили, поили.

Немцы вообще не приходили к нам до 1943 года. В 1943-м году они Никольское уже оккупировали, а дорог-то не было. Вот немцы заставили строить дорогу. От Никольского дорога сейчас идет и с Ивановской - с той стороны дорога шла. Она была построена немцами. Рубили лес и клали бревна. Дорога была хорошая сделана - что туда, что в эту сторону дороги были хорошие. Потом уже немцы стали сюда ездить и на мотоциклах, и на машинах. Уже как приехали сюда в нашу деревню, сразу нас выгнали из дома на другую половину, где невестка жила, а здесь была немецкая кухня. В общем не голодовали. Остатки еды все немцы отдавали, не жалели.

Помню, был один случай. Сбили в Захожье наш самолет, а там наш летчик и мальчишка. Может, сын лётчика, мальчишке было 14 лет. Они побежали в лес прятаться. А лес близко - как спустишься и за ручей. Они побежали в лес прятаться, а староста донес, что сбили самолет, и оттуда побежали два человека. Ну, немцы с собаками туда, значит. А они в хворост забрались и лежали под ним.

5 класс. 1949-1950. Никольское.

Собаки нашли. Их за ноги вытащили, папа рассказывал.

У нас была школа двухэтажная. Немцы школу закрыли решетками. Их туда. Мальчишке удалось убежать, ему помогли. Он убежал, а летчику никак было. Немцы, конечно, летчика замучили. После войны, это было в 1949-м году, вдруг приезжает к нам машина в Захожье. Мы еще там жили. Приезжает машина, входят военные и этот мальчишка. Он сюда их привел и рассказал. А летчику, когда немцы его убили, наши выкопали могилу на кладбище и зарыли его, поставили березовый крестик. И вот, когда они приехали в 1949 году, я помню, мы все, ребятишки, гурьбой бегали и показали могилку. Мы показали, мальчишка же не знал. Военные разрыли его могилку, забрали

все останки, что были, и увезли этого летчика. Перезахоронили, наверное, где-нибудь. Вот такой был случай, больше не было такого. Ну, старосту после войны сразу посадили, ему дали 25 лет, он сидел, видимо, там и умер. Дядя Саша такой, вроде, неплохой был дядька. Вот такие дела.

Нас увезли немцы, погрузили и повезли нас на станцию Саблино, там погрузили в телячьи вагоны и привезли нас в Нарву. Там мы прожили месяц восемь, дали нам сарай какой-то, мы там жили. У эстонцев, у латышей такие были тележки маленькие на колесах, дали такую тележку папе хозяева наши. Мы погрузились и ехали. Все вместе: папа, мама, я и все ребята. Братья были на войне все.

Потом нас привезли, как-то мы попали в Ригу. Тут уже забыла чего-то я. Очутились в лагере в Риге. Там мы и в садик ходили, были загорожено все. Родителей забирали на железную дорогу работать. Рядом была дорога. Когда разрушали, они там все исправляли. А мы ходили, там дом был такой, собирали ребят, одна из мам оставалась с нами.

Потом нас увезли в город Конница - немецкий или польский город. Наверное, польский, нас туда увезли в лагерь. Там мы тоже были какое-то время, жили мы там, как сейчас помню в прачечной. Там еще были такие железные настилы. Видно, что люди там приходили и стирали.

А потом в Германию в концлагерь. Там, конечно, были бесконечные бомбежки. Ну, жили мы в лагере, прятались под кроватью. На кроватях ничего не было постелено. Как-то у Нины Бакиной брата убили на железной дороге, а так все было тихо, спокойно. Там особенно не издевались немцы над нами в лагере. И за свеклой ходили, и на железную дорогу ходили, и добывали рыбу старшие братья да родители.

В Германии были года два, наверное. Тоже жили в бараке, а как бомбежка начиналась, там был такой большой окоп буквой Т, и мы все туда прятались. Большое было количество народу, и все туда. И вот однажды мы сидим, и вдруг над окопом: «Ура, ура!» А те, которые следили, чтобы не выходили без спросу, сказали: «Сидите и никуда не выходите, это немцы нас обманывают. Хотят нас всех вызвать на улицу и перестрелять!»

И все сидели - ни с места. Потом, когда уже наши солдаты действительно появились здесь, стали из окопа по одному выходить. Мы же русский народ, нам все скорее-скорее надо. А папа был у нас рассудительный, мы вышли, он сказал: «Все сзади меня и не шагу ни вправо, ни влево, потому что сейчас все заминировано, везде снаряды да бомбы!»

Папа впереди, а мы все сзади него линейкой шли. А которые поспешили и вперед прорвались, смотришь, в канаве кто – то - у кого нога оторвана, лежит и горит. Вот такая была тропинка, по бокам канавы, там лежали и горели.

Сколько нас человек было: невестка, Тамара, я , мама, Жоржик, Надя, Катя, крестная, Соня. 11 человек нас было. И мы очутились в лесу. Уже наши стояли солдаты. Офицеры стояли, кухня сразу. Нас накормили, ребятишкам дали печенья. А из лесу уже нас опять в эшелоны и привезли на станцию Саблино обратно.

Нас опять погрузили в машины, уже наши, и в поселок Юношества. А там три дома стоят. Но они были, конечно, такие - без дверей, без окон. Там нам дали трехкомнатную квартиру - ни стен, ничего не было, просто помещение. Все, как сейчас. Папа ставил окна, все сделал потихоньку. Где опилками засыпали, где досками забили. Так мы жили до 1947 года.

А здесь был голод, есть было нечего. Папа говорит: «Давайте перебираться на торфоразработку». Была деревня Захожье, а рядом за «Соколом» добывали торф. Там стояли три барака и два дома, отец туда ходи, ремонтировать жилье. Потом нас перевез, купили корову. Папа ездил в Ярославль за коровой. Купил корову, и мы перебрались уже на торфоразработку. Здесь мы уже ожили. И сметана была, и молоко. Невестка работала в магазине на «Соколе» заведующей, здесь и хлеб, и булка.

Борис в 1947 году демобилизовался, и мы перебрались тогда. Жили там до 1951 года. Лида ходила за ягодами, за грибами, черемухой, ездили продавать в Питер. Папа меня не пускал, но я другой раз с ним за компанию увяжусь, и продавали в Ивановской черемуху, ландыш и морошку. Насобираем морошки, клюквы, щавеля. Насобираем корзину большую, придем домой, рассыплем на крыльце, водичкой попрыскаем, утром в мешки - и в Питер. Кучками продавали этот щавель. Ландышей букетик, сирень. Вот так жили. У кого морковки было много, так морковь продавали. А меня мама все молоко просила продавать, она мне наливала 10-литровый бидончик, и меня с ним отправляла.

Ездили на Мальцевский рынок. Это недалеко от вокзала, рядом Некрасовский. Как выходили с вокзала, может, минут десять шли пешком. Пункт такой был, где проверяют, там очередь была, молоко проверяли там, сколько жирность, всегда молоко разбирали. А в другой раз мама натопит молоко и с топленым меня отправляла. Так что дома не сидели, все работали, помогали. Что делать, такая жизнь была.

Да, косили, конечно. И все я с папой. Он утром рано будил меня, в четыре, пять часов косил, а я разбивала на кучки. Потом уже к обеду мама несет нам поесть. После сгребаем в волы, потом посохнет, и начинаем к вечеру класть в кучу.

Машин-то на «Соколе» много было. Помню, дядя Петя такой работал, он все нам сено возил.

Папа с ним договорится, он приедет и все свезет. Нужно было смотать два больших стога по 150 кг, у нас корова была большая и ела она триста килограммов кроме сена. За жмыхом ездили на Полтавскую в Питер. А жмых такой мы и сами ели, бывает, в школу наберем и сосем, как семечки. Запах был такой.

Война кончилась в 1945-м году, и я пошла в школу, девять лет уже было, а пошла только в первый класс, мы все были переростки. В Никольском была школа. Сначала после войны сразу первый и второй классы мы учились в поселке Юношества. Собирали доски, строили, таскали, помню, а родители наши делали парты. А когда мы переехали на торфразработку, уже ходили в школу сюда в Никольском, двенадцать километров - шесть и шесть. Каждый день. Ни одеть, ни обуть, ни пожрать путем ничего не было.

Деревянная школа была, двухэтажная. Она находилась, где садик 38-й в Никольском. Примерно впереди садика была школа. Семен Ульянович заведующий был такой — еврей, хороший дядька, послевоенный офицер. Жена его Анна Алексеевна была заместителем. Тоже красивая, как сейчас помню, высокая, голос красивый. Антонина Ивановна, у который мы учились, жила в Перевозе. Антонина Ивановна, учительница наша, как только придет, у нас в классе тишина. И вообще слушались, уважали учителей. Не то, что сейчас.

Русский, математика, чтение, рисование, потом еще чистописание было. Были, конечно, и праздники, на них выступали. Дети выступали, много было способных. Я помню Лиду Лямину. Она занималась физкультурой, и мы все занимались, и пели, и танцевали, и яблочко плясали. Антонина Григорьевна строгая была, ее все боялись. Как крикнет, так все - тишина, все замерли. Тамара Ивановна Немолотова еще была, тоже хорошая была учительница. Я училась у Антонины Ивановны, а когда та заболеет, замещала Антонина Григорьевна.

Потом по немецкому языку была, но она недолго чего-то. Немецкий язык у нас был уже в четвертом классе. В праздники ездили выступать в Тосно, в Ивановское, не помню, еще куда.

Девять классов проучилась. В Никольском шесть и три класса вечерней школы. Работала в типографии в Питере девять лет и училась в вечерней школе. И тоже у меня была учительница Антонина Ивановна. Она все: «Женя, учись, все пригодится!» А она в вечерней преподавала немецкий язык и была наша воспитательница как бы. Только меня нет, она уже в типографию идет, разыскивает меня, любила меня она.

Все же закончила девять классов. Я своих учителей вспоминаю только хорошо, потому что все были хорошие. Были строгие, конечно. Мы слушались и уважали их всех. Учительница заходит в класс, мы встаем всегда. А здесь я до шестого класса, шесть классов я здесь закончила в Никольском, уже были все переростки.

Мои одноклассниками были Вадим Васильев, Сережка, забыла фамилию, Люда, в деревне жила, Соколова, Люба Сысоева, она сейчас еще жива, Люська Соколова, Лазинская Надежда, Славка Григорьев. Люся Васильева жила через речку, мы всегда на лодке к ней ездили домой. Наташа Хованская, Вовка Васильев, Казанкова, сейчас болеет сильно, Люська Сергеева.

Вовка разбился на машине, красивый такой, вольный такой был парень. Антонина Ивановна все его ругала. Любила она Лазинскую Надьку, она училась хорошо. Мы на тройки и на четверки, а Надя хорошо училась.

Ручки были, в чернила макали и писали. Перья были, карандаши были. Все было дефицит в наше время. Не как сейчас: купят еще хороший карандаш, а они его уже выбрасывают.

Антонина Григорьевна и танцы, и физкультуру вела, помню, пирамиды ставили, на «Соколе» там клуб был, там выступали. Помню, как сейчас, Лидка Лямина, она занималась акробатикой, Лида, потом Сысоева Наташа. Они в клубе выступали. Я все рассказывала стихотворения, а эти акробатикой занимались, танцами. А так особенного ничего не было у нас.

Принимали нас в пионеры. Помню, пришли в школу, а Антонина Григорьевна мне говорит: «Женя, ты не уходи, сегодня будут принимать в пионеры!» Пришла Надька Афанасьева, она была такая заводила, пела хорошо. А она говорит: «Ты не вздумай оставаться!» А я говорю: «Нет, я останусь! Потому что сегодня будут в пионеры принимать. Скажешь маме, что приду попозже» Я говорю: «Оставайся, и тебя примут!» «Нет, меня не примут». Она училась плохо, уроки не делала. Я хоть уроки делала. Папа заставлял всегда: «Садись за уроки!»

Нам никто не помогал. Вот отец проверит другой раз. А у Надьки семья была большая, девчонок пять штук, отец инвалид, мать. Такая семья была. Потом корову купили, потом семья Надьки немного

оживились. Надька не хотела учиться. А пела - любую песню и с мотивом. Надька хорошая была. Она ослепла и умерла в прошлом году. Любила выпить.

А потом заболел мой папа. Брат уже жил в поселке Юношества. Нина, невестка, что в магазине работала, она комнату получила, там жили все. А папа, когда был здоров, вывозил с ними из леса бревна, хотели строиться в Саблино, а он заболел. Брату говорит: «Все эти бревна, доски бери и стройся в Саблино». Брат стал строиться в Саблино.

А мама сказала: «А вы перебирайтесь к Борису в поселок Юношества!»

Ну, короче, мы перебрались к Борису, брат средний служил. Жили мы в этом доме, потом построили дом в Саблино. Брат построил, нанимали людей. И мама моя туда вместе с братом, потому что привыкли вместе жить, никакого скандала не было.

А туда мы приехали, комната вторая 14 метров, кухня небольшая, дом был небольшой. Брат с армии пришел - где жить? Ну и, естественно, стали ругаться. Брат еще выпивал. И вот этот брат, который сводный, взял к себе нас. У него был большой дом в Саблино, мама, я и брат жили у него. А потом уже мама говорит: «Женя, ну что мы Петьке мешаем, давай уйдем на частную».

И мы ушли. И жили на Девятой улице в поселке Юношества до моего замужества. Девять лет жили. А потом, уже когда я вышла замуж, папы уже не было, похоронили папу в 1951-м году. У мужа тоже был в Саблино домик на два окошка, небольшой такой домик, сын был еще у матери приемный. Говорю ему: «Давай пойдем на «Сокол» работать, там нам дадут жилье». И вот мы с мужем пошли работать на «Сокол», нам дали жилье - сначала комнату, потом квартиру, потом квартиру поменяли. В общем, вот так все и шло своим чередом.

Трудно было, но я хотела бы вернуться в эту жизнь, к родителям. Мама у меня очень хорошая, спокойная такая, маму все любили. У нее прозвище было «Милая». Так ее звали - добрая была. Вот такая была жизнь. Только единственное, что война. Сейчас не хочется войны-то, чтобы детям не было войны. Потому что такой войны не будет, как была, сразу уничтожат. Что будут ждать, когда Америка нажмет? Америка нажмет и наши тоже, и весь мир превратится в пожар. Вот чего не хочется.

Обыночный Михаил Ефимович

Я родился в 1921 году в Унечском районе, в деревне Яблонька. Я и родился в этой Яблоньке, и рос там. В 1921 году в России была коллективизация - голод, нищета. В семье было семь детей. Я самый первый, самый старший. Я женат был до войны, к сожалению, жена была в оккупации. Наша территория Белоруссии принадлежала, это была Орловская область, теперь переименовали, сейчас Брянская область. Жена, Татьяна Васильевна, десять лет как умерла. И мне вот девяносто четыре года, а она в восемьдесят с лишним умерла на Брянщине.

Когда началась война, мне уже было двадцать лет. Я служил в кадровой армии на границе западной Владимиро-

Волынской области пограничной. До 1939 года это была польская территория. Но это не особо важно. Припоминаю я и сейчас, как началась война. В шести километрах от границы было наше расположение. А в 1939 году это место, где мы находились, еще польское было. В шести километрах от границы стоял наш дивизион в мирных условиях, служил. А в четыре часа началась война.

И обрушилась на нашу казарму бомбежка. Винтовки были пяти или шестизарядные. Они на вооружение плохие: чуть засорятся - и выбрасываешь патрон. Были эти винтовки, пулеметы Дегтярева ручные, пулеметчиков был специальный взвод. Бегали кто, как смог. Никакого командования, никакого указания, потому что некому. Что в пирамидах - личное оружие, все так и осталось. Это же было воскресенье. На час солдату спать позже, да еще не так-то хорошо освоилась служба с гражданки. Я год не служил тогда до армии.

Это местечко называлось Любомль - в Владимиро-Волынской области. А оборону заняли всетаки. Бежали без всякого оружия, не надев обмундирования, в одном нательном белье. Это правда, я помню это хорошо. А где остановились, я не помню. В лесистой местности, небольшой такой лес.

В ночь, это пятого числа, кажется так, заняли оборону все-таки. Одели и вооружили солдат, офицеров. Дальше шли длительные оборонительные бои. Западный фронт назывался. Здесь все пушки всех калибров. На границе - полигон немецкой техники. Это живое мясо, как говорится. Город Коваль - часть какая-то сотая, может быть, или пятисотая помнится. Вот у Хатыни, припоминаю сейчас, были сильные очень бои. Две точки катюш было, один танк, припоминаю. Немцы тоже не дурные были, и командование было, и Гитлер не дурной был.

В окружении, может быть, полгода был. Нет, не пять дней, а полгода. В Белоруссии был в окружении, нас семь человек. Место-то не знаю... Остров называется, вроде, и на этом Острове сам командующий Власов. Но он был недолго, ушел с некоторыми бойцами, конечно.

Я попал из окружения в плен, мгновенно как-то. Конец 1942 года, долго были в окружении, стоптались по лесам. Я немного около года еще только служил в кадровой армии. Рядовой был пограничник. В 1941-1942 годах в составе армии отступал на территории Белоруссии, Украины.

Это произошло уже в Киеве, форсировали Днепр. Отправили. Я в Германии работал на железной дороге. Внутри Германии строго. Нас команда работала военнопленных на железной дороге - тридцать семь человек. Охраняли нас два мастера и четыре военных солдат немецких внутри Германии. Потому что многие бежали. В Германии было строго с военнопленными. Буквы написаны краской здесь и здесь - номера.

А вот когда перешли границу, город назывался, станция то есть, Юденбург - это железная станция, где мы работали в 1943-1944 годы. До этого немцы от Юденбурга вели дорогу. Сколько там было рабочей силы, а сколько гражданского населения русского было! Там и поляки были, и французы, и итальянцы. Когда Муссолини сдал свои войска, вернее отозвал, не стал дружить с Гитлером. У них такие же были надписи - у итальянцев, у латышей - нашивки были. Русских много. Потому что непосредственно все годы отправляли в Германию. И Украина, и Белоруссия были оккупированы.

Я только работал. Полицая хотели убить нашего русского. Тридцать семь человек нас рабочая

команда и полицай русский. Он по-немецки разговаривал и на работу ходил. И мы. Товарная станция была Юдербург сильная - двенадцать товарных путей.

А полицейского хотели убить за что? Он выдал. Я лично воровал из вагона картошку сырую. По грудь была площадка такая. Ну и вот сговорились. Свет был, как-то лампочку вывернули, чтобы света не было, но он все-таки удрал. Окно было без решетки, где находились мы военнопленные. Охрана была. Когда он почувствовал, что навалились, удрал в окно.

Это большая история. Позвонили в особый отдел. У них было это развито исключительно. Я попал в штрафной лагерь, в общий лагерь. Был под номером две тысячи двести восемьдесят два. Никаких фамилий у военнопленных, были по номерам. И вот меня в штрафной лагерь в общий направили. Это от Юденбурга, где работал, может, сто километров. Туда на месяц. Штраф такой: тридцать два килограмма весом рюкзак, песок или кирпич, положен в рюкзак - два пуда. И два часа: встань - ложись, встань - ложись. Такое наказание. Я это наказание в общем лагере выполнил и обратно очутился в этой команде, где и работал на железной дороге.

А когда уже приближался наш фронт, два немца, они уже пожилые, мастера по железной дороге были, а по выходным брали к себе на работу. Один в деревне жил - там не далеко, один в городе жил. Надо было кроликам чистить клетки, подметать, уборку проводить, копать огород. Когда пришли русские, всех же перебрали, переспросили. Особый отдел восемьсот сороковой.

Когда освободился из плена, я попал на ликвидацию немецкой группировки - сильная группировка была, более триста человек. В Германии русские и немцы смешались. И я в этой группировке проявил находчивость. Наше руководство не хотело каких-то больших жертв, а вывод войск немецких планировался поэтапно.

Папушина Тамара Федоровна

Я, Тамара Федоровна Папушина, родилась в 1938 году в декабре месяце. У моих родителей было двое детей: я и сестра, она на год старше меня была. Моя бабушка, мать отца, из Ляминых, а мама, Александра Афанасьевна Головкина, из Ленинграда. В Ленинград она попала в раннем возрасте, в прислугах жила с восьми лет.

Маме было восемь лет. Сперва у нее умер отец, он вернулся с гражданской войны раненый, а моя бабушка была очень мастеровая, она выделывала шкуры. Надо было как-то семью содержать, она на речке полоскала шкуры и застудила коленки. Она тоже быстро умерла после отца. Мою маму взяла соседка к себе. На Площади Мира они жили все. Ну, восемь лет ей было, какой работник из нее.

Мама 1916 года рождения. Но мама была такая шустрая, рукодельная. Она вязала, брала пряжу в Елисеевском магазине, там отдел был, где выдавали пряжу. Мама вязала, а потом изделия сдавала в этот магазин. Тетя Таня, которая старше мамы на год,

осталась, во время войны ее взяли в работники, она пасла коров, а зимой ухаживала за стадом, так и осталась она в Великолукской области.

А сестру младше себя, в детдом сдали. В Белоруссии где - то, а так они были все разбросаны, а маленькая девочка, полуторагодовалая которая после смерти матери осталась.

А после смерти мама еще выходила замуж, чтобы детей как - то поднимать, и полтора года младшей ее сестре, и тогда всех детей - кого родственникам, кого в детдом. Этот маленький ребенок остался, его отчим отдал сестре, как он говорил, в Царицыно, маме сказал, Волгоград потом назывался. Мама пыталась перед войной, как раз в 1941 году, она попыталась узнать, где этот ребенок. А у мамы уже нас было двое, уже жили они здесь в Никольском. Спросила, где их сестренка, ходили слухи всякие, что девочку убили. А она сказала: «Ты хочешь, чтобы я дошла до полиции?» Он и говорит: «Пожалей мою старость, я узнаю». И в этот день она ему приказала в строгом порядке. Она выходит на улицу, в этот же день и объявляют о войне. И знаете, она говорит, что из Ленинграда даже было трудно выехать, а мы-то маленькие, остались одни, с соседкой.

Мама так все ходила прислугой, ее хозяйка отдавала. Потом ее отдали в Тосно к учительнице одной. У учительницы был сын, она его в школу провожала. Он ненадежный был.

- Замарашка такая, чего ты за мной идешь?
- А мне сказала мать, чтобы тебя в школу провожать!

И она с восьми лет состояла в профсоюзе. Уже считалась работницей. Она пошла в райсовет, чтобы платить взносы профсоюзные. Маме было тринадцать лет. А женщина, которая принимала взносы, ее спрашивает: «Девочка, что ты так в прислугах будешь жить, давай мы тебя устроим работать!» Мама так обрадовалась: «Да хоть сейчас!» И они дали ей адрес завода стекольного Бадаевского. Она тут же пошла пешком. Доехала до Саблино - пешком, в ботиночках. А мороз! Пришла на Бадаевский завод с направлением. Куда ее? Говорят:

- А будешь в столовой работать?
- Буду!
- Тяжелая работа для тебя!
- Все равно, я согласна на все!

И она пришла в столовую. Заведующая столовой говорит: «Вот, девочка, будешь мыть эти котлы, полы - все». Мама рассказывала, что стала мыть, а сама маленькая, худенькая. А они смеются:

- Сашенька, мы тебя будем за ноги держать, чтобы ты не поскользнулась!

А жить матери негде было, ее взяла к себе повар. Говорит:

- Сашенька, ты у меня будешь жить!
- А как мне платить вам?
- Рассчитаемся!

И повар ее взяла к себе. Мама рассказывала, что раньше заканчивала работать, пойдет на Песчанку, наберет дровишек и принесет домой. Топиться надо было, должна была помогать. Вот так она и оказалась в Никольском. Потом уже до совершеннолетия почти дошла. Устроилась на этот завод имени Бадаева. Она такая работящая была, она в Стахановское движение попала. У нас даже жива ее машинка, которой ее премировали, до сих пор на ней я шью. Самая надежная — «Зингер». 1936-й год гдето.

Она замуж вышла. Мой папа подвернулся, когда она повзрослела. Мой отец - Папушин Федор Петрович. Его мать,

Александра Афанасьевна Головкина, была домохозяйкой, у нее пятеро детей было, сыновей, она растила сыновей. Она из Ляминых. Она была в общем-то из богатой семьи, но так как она вышла замуж вопреки желанию отца за моего деда, ее лишили приданого. А мой дед был веселый, на гармошке играл. Отец жил за Прогоном в двухэтажном деревянном доме. Для него это была вторая семья, вторая жена, первая умерла.

Перед войной мама родила двух девочек, отец работал на Ижорском заводе. На завод добирались пешком через Мишкино, но в основном ходили через речку. Началась война. Отец получил бронь. Ему надо было на работу в пять часов вставать. Перед приходом немцев мы были на берегу реки, и мама

говорит: «Федор, а чего грохот такой стоит по Никольскому?» А это на мотоциклах немцы заезжают в Никольское. Как мама говорила, что с хлебом и солью встречали их

Мама поднимается и говорит отцу: «Пойду я, не ходи ты!» Она поднимается из-под горы, а немцы уже наших птичек ловят - цыплят. И маленький поросенок был, месяца три, наверное. Тащат этого поросенка, он орет, кур гоняют немцы. Мама и говорит: «Оставьте, у меня же дети!» А они: «Давай еще яйки, масло!» А она говорит: «У меня ни яйков нет, ни масла тем более!» В общем, все они это забрали. И, разумеется, отец на работу не попал, они слишком рано пришли, он не успел даже уйти на работу.

Антонина Папушина (бабушка Тамары Ф.)

Вот такие дела. Мама же наша была передовая - стахановка, она была комсомолка. И она свой комсомольский билет спрятала под обшивку крыши. А потом стали комсомольцев и партийных забирать, кого расстреливать,

кого чего. Мама, как говорится, грешен - не грешен, но спасаться надо было. Она достала этот комсомольский билет и сожгла его.

Ну, разумеется, нас из дома выгнали, нам жить было негде. Село большое было. Нам место дали в доме со старостой за стенкой. И мама рассказывала, что встречные окна были закрыты где одеялом, где как, потому что напротив была виселица. Повесили милиционера. А Мишу Осипова, с одной ногой, привязали и несколько дней его держали привязанным к столбу. А когда милиционер висел, мама нам говорила: «Не открывайте окно, не смотрите!» Маленькие дети, знаете.

Пётр Папушин (отец Фёдора Петровича)

Ну, что делать! Папа молодой, немцы вот-вот его пристроят для себя. А дядю Петю, младшего брата отца, гоняли в Красный Бор, потом попал в Поповку копать рвы. Дядя Петя убежал в партизаны, он здесь убежал.

Тут уже начинается напряжение. Старостой был дядя Миша Папушин. С него же требуют. Ему как отвечать перед немцами за своего племянника? Он с очередной работы не вернулся. А немцы стали уже к деду приходить: «Где ваш сын?» Он говорит: «Не явился! Куда вы дели моего сына?» «В партизаны ушел, убежал!!!»

В поселке Бадаевского з-да. 1936

Тогда наши стали подумывать. Уже дедушка говорит: «Федор, уходи!» И вот отец взял полозья от детской кроватки, нас собрали и поехали, куда глаза глядят, даже не знали куда ехать, уже доехали до Луги. И по дороге офицер немецкий остановил отца. Мама говорит: «Ну все, попались». Они же партизанами считались. Правда, я хочу сказать, что среди немцев были всякие люди, как и среди наших были. Сразу документы показал. А офицер и говорит: «Помоги сено солдатам погрузить!» Там был стог сена, им надо кормить же лошадей. Ну, папа помог — погрузил. А немец, как говорится, не рядовой. Он офицер, маме показывает фотографии - двое детей

своих тоже. «Вот у меня тоже киндер, детишки маленькие дома!» Конечно, из них не все хотели войны.

Среди них всякие были. А отца, как закончили грузить сено, отпустили. И вот мы потом дошли до Луги, уже добрались до города Витебск. А там мамины два брата были, один был директор совхоза, другой был председатель сельсовета. Родители нашли, где они живут. Но жена брата, который был директором сельсовета, их не пустила: «Шура, уходите, не останавливайтесь у меня. Только что убили и мужа, и сына забрали!» Он же был руководителем, его забрали и расстреляли. И у второго брата тоже не остановились. Уже не стали у своих останавливаться. Раз они сказали уходить, потому что уже под наблюдением, родители развернулись - и обратно.

Дошли они до Витебска. В Витебске проходят мимо парка, а в парке люди ходят, мечутся. И там ров - выкопана была траншея, расстреливали и убивали людей. Так вот родители говорили, что неделю вся земля колыхалась. Добрались мы до Великолукской области, станция Насва, а оттуда уже отца направили в деревню Трутрино. Там была партизанская ячейка, она там работала. Отец уже из той деревни попал в партизанский отряд. Мама пока с нами была в деревне. Как только входили немцы, отец забирал нас к себе в партизанский отряд. И вот у меня еще метка здесь осталась - ошпаренная рука.

Мы сидели в землянке, где сделаны два-три яруса для сна. Только детишки в землянке находились. В землянке было сделано, мне запомнилось, такое маленькое стекло-окошечко, только видно, как точка. И начали бомбить это место. Партизанский лес бомбили. Осколок влетел в это окошко, а мы сидели около чугунки, на чугунке стоял чайник, труба выведена наружу, кипятился чайник. И этот осколок как влетел прямо в трубу. Труба упала на чайник, а чайник на меня. Рука была ошпаренная. Памятьметка войны. Потом уже, как только немцы из деревни выходят, нас отец пристраивает жить у бабы Дуни. Как только немцы появляются, отец нас к себе. А мама как связная была.

Да, партизанам хлеба пекла и шила. Научилась и шить, и мотать, и вязать. Она шила на этой машинке партизанам всякие тужурки и все прочее. Но последний раз, уже была зима, который год - не буду говорить, отец вбегает ночью туда, где мы жили у этой бабушки, а мы на полу. Маленький домишко, мы все разместились, кто как - вповалку. Отец выполнял партизанское задание, они подорвали склад немецкий за речкой. И вот только видим, что это зарево, все это рвется. Ну, отца, значит, могут ловить, искать. Отец меня завернул в какие-то тряпки, мы пробежали несколько домов. А вьюга - февраль месяц был. Забежали в какой-то дом, а никого в доме нет, но горит огонек коптилки. Отец положил меня на постель чью-то, а я как была - в чем спала, голенькая. Вот у меня с тех пор заболело ухо. А мама потом и говорит: «Знаешь, Федор, оставь нас, беги, чтобы мы не были тебе обузой, беги в расположение лагеря!»

Отец прибегает уже в расположение лагеря, а там уже немцы и со старостой. Ну, отца забрали, как помню из рассказов отца, их куда-то в Латвию в концлагерь забросили. Но недолго был, только нелелю.

Я помню, как к нам приезжали бежавшие из лагеря. Приезжали на «Сокол», когда мы сюда уже приехали, и рассказывали, как они и что. Отец из Латвии попал уже в действующую армию, на фронт. А нас как он разыскал?! При наступлении на Берлин они освобождали лагерь, не знаю название его, но факт в том, что, когда они вбежали на территорию лагеря, открыли ворота, бежит навстречу тетя Таня

В Доме на Соколе . 1947 г.

Миронова из Никольского, Аркадия Миронова мать. А они были на немецкой стороне. Там же лагерь был разделен на сектора, американский был сектор. И они спрашивают: «Татьяна, а где Паня, которая с галстуком пионерским?»

А ее семья находится у американцев. Потом он связался с сельсоветом, где мы после освобождения территории находились, написал, где находится тетя Таня. Так мы и связались. И потом, чтобы вернуться в Никольское, в свои родные места, надо было получить разрешение. Нужен был вызов родственников из Никольского. И вот поэтому дядя Ваня, муж тети Пани, маминой сестры муж, он за нами приезжал уже туда. А

отец был на фронте в это время. Он в 1946 году пришел.

Мама и папа одного года рождения, месяца и числа. Я у папы спрашивала, как же он так маму нашел, чтобы одного года, месяца и числа. А он и говорит: «Я сидел на скамейке у Дома культуры, где Никольский пассаж сейчас. Фонтан там же был. И идет такая стройная девушка. Воскликнул: «Ах, какие ножки!»

Он был шутник у нас, веселый человек, характерный был. После войны когда вернулся, явился в военной одежде. А мне соседка, тетя Вера Иванова, кричит: «Тамара, папа приехал!» Такой веселый он был, интересный человек. А приехали, жили-то мы все в одной комнате: их было четверо, явились из Германии, и нас трое. Мало того, потом через некоторое время тетю Таню привезли, вот мы все в одной комнате жили.

Когда приехали, еще «Сокол» не восстанавливался. Мы еще с этого завода таскали с мамой где раму, где дверь, где доску какую-то. Полов-то не было и рам не было. Мама сама и рамы сделает, дверь сама навешивала. Она у меня на все руки была мастер, жить надо. И отец когда приехал, уже мы под крышей, а еще, бывало, первый раз когда ночевали в комнате, которую она строила, потолка-то не было, а он нам прислал плащ-палатку черную. А мама, значит, сделала нам кровать - металлическую из дивизиона мы притащили, она матрас сделала - набила осокой. И вот мы лежим с Людмилой вдвоем на этой кровати и считаем звездочки в небе.

Потом мы ходили в этот третий цех, доски настилали, потолок, мама сама все делала. Сами утеплялись, а потом люди стали приезжать, места занимать, и отец уже приехал, здесь уже и крышу сделали нам. После войны он на Ижорский уже не пошел, потому что туда вообще не добраться было. Он работал в СМУ. Какое-то там строительно-монтажное управление было при заводе «Сокол». И он там работал столяром, у него было много учеников: Миронов Саша учеником был, Новиков, Галины Ивановны муж, в учениках был, много ребят было.

Отец, когда он выезжал из Германии, спрашивал, что привезти? Мама пишет: «Ради Бога, не надо! Это все людские слезы!» Некоторые, знаете, как приехали из Германии, понавезли того, чего только сейчас увидеть можно. Отец привез несколько метров фланели, нам же в школу надо идти. Пестрая фланель, теплая. Мама нашила нам платьев с Людой. В первый класс пошли в этих платьях, в новых.

Отец строился. В 1946 году в июне месяце он где-то демобилизовался, и сразу же, поступив на «Сокол», в банке взял ссуду. К нам парень забрался в дом и утащил эту ссуду. А папа строится. Мама и говорит:

- А как же мы будем?
- Ничего, у меня руки есть, проживем на халтурах!

Им дали лес в Перевозе на Песчанке, а лес давали не строевой, а тот, который уже усохший был, который в войну поврежден. И они вдвоем с матерью там выпиливали лес.

Вот у нас еще осколки видны в коридоре - порван лес. Поэтому сейчас и жучок жрет стены. В общем, с мамой выпиливали, с мамой сплавляли на речку бревна, сплавляли в плоты, а вот здесь они уже их вытаскивали. Мама уже беременная.

В 1949 году отец у меня умирает скоропостижно - заворот кишок. Видимо, надорвался. Коле два года с несколькими месяцами. А в 1951 году мы сюда переехали. Но как сюда мы переехали! У нас русскую печку на скорую руку дядя Яша Королев сложил. Она же много места занимает, еще потом

1 класс в Никольской семилетней школе

перекладывали, поставили плиту со щитом и круглую печку. В 1951 году мы сюда переехали в мае месяце, еще не закончив школу. До окончания школы мы переехали. Ну, какой дом, только вот была русская печка, которая дымила. Это же ужас, когда мама затопит печку. Ужас.

Сами мы у матери были, мама нами распоряжалась. А что, ей одной не справиться. Она устроилась работать в школу техничкой, уборщицей, а мы молоточком проходили все швы мхом, конопатили. У нас было такое задание. А света не было, только коптилка. Свет уже потом дали. Нам никто этого не делал: нанимали, коллективно покупали столбы, платили, и нам свет проводили уже через несколько лет.

В школу я пошла в семь лет, в 1944 году. Я 1938 года, декабрьская, Людмила старше меня на год, мы пошли уже в один класс с ней. Несколько классов в одном помещении учились. Первый класс, второй, третий. Рядами. Девчонка я была смышленая. Первой учила нас Антонина Григорьевна Петрова. Она нас спросит и даст здание. Я сделаю. Она второму классу дает задание и нас спрашивает. И я тяну руку, первоклашка. «А ты чего?» Она думала, что я в туалет. А я: «Отвечать!» «Ну так отвечай!» Она потом отцу сказала: «Знаешь, девочка у тебя смышленая, она хочет учиться, сделай ей доску! Пускай дома решает, занимается. Хочет человек с опережением учиться, так пускай!» И вот в 1949 году отец скоропостижно скончался, ну получилось так, вы знаете, как сердце его чувствовало. Ему было всего тридцать три года.

И вы знаете, он приходит домой, и говорит: «Шура, а я без зарплаты!» А она и говорит: «А как же мы жить будем?» А он говорит: «У меня много халтур!» А он и рамы, двери, кому чего - все делал. А мама вязала еще, она рукодельная была. В тот период уже корову мама купила, и мы имели свое молоко. А когда папа умер, корова была не отелившаяся еще. Она стала телиться и не растелилась. И, царство небесное, Сысоев фельдшер был - ветврач, самоучка. Отец Кости Сысоева и Леонида. Они с Костей сидели около коровы. Но она не растелилась, и им пришлось ее заколоть.

А отец у меня уже умер девятого декабря, а мать перед этим говорит: «Что же мы без денег, а Тамаре день рождения, ты обещал ей подарок!» И он говорит за три дня до смерти: «Тамара, я тебе преподнесу такой подарок, что ты будешь помнить меня всю жизнь!» И девятого он умирает. Десятого мой день рождения. В канун моего дня рождения он умирает. Вот тогда я и заболела. У меня и легкие, и сердце. Я даже помню, что был тогда как инфаркт. А тогда было не понять – сердце и сердце. А маме говорят: у нее порок и все такое.

Я уже узнала, что был инфаркт, когда стала учиться в институте. Да, вот такие дела. Потом переехали сюда, мама сразу работать в школу техничкой, Коля у нас был маленький еще. Мы с Люсей по очереди в школу ходили, я в первую смену, она во вторую. Я с мамой иду утром - ей помогать: дрова носить, растапливать печки. Нужно было протирать подоконники, парты, чтобы пыли не было. Мама кипяток кипятила, я бегаю, проверяю по этажам печки, а самой надо учиться. В школе два этажа и в каждом классе была круглая печка.

Классов не помню точно, сколько было, но порядочно. Для меня было много. Но я не ходила, я бегала, я летала, как говорится, по этажам, чтобы нам успеть к началу занятий, чтобы печки истопились.

Еще бывало, что не совсем, я в перерыве еще помешаю, проверю. А бывало, что меня учительница и пораньше отпускала. У нас Галина Марковна после была, а Антонина Григорьевна, учительница, ее сын учился, по-моему, старше классом, она от голода, бывало, сидит и семечки щелкает. Какие семечки - тыквенные или какие есть. Засыпает за столом от голода, от всего.

А бывало, накосим в третьем цеху косой сныть. Мешок припрем домой. Разберем, мама ее ошпарит и пошлет меня купить месенки, которую привозили с Прибалтики. Бывало, стаканами покупали. Это комбикорм для скота. Мы его ели. И вот она зальет сныть эту, как щавель, и комбикорм. Бывало,

покупали комбикорм пластинками, а иногда просто уже размолотый. А посуды не было. Московский дядя Андрей вот в эти плафоны со столбов белые керамические дно вставит. И мама наварит типа таза этой баланды. Мы поедим, живот вот такой. А есть еще хочется. Вот такая жизнь была.

Потом уже школа. Я закончила десять классов. В 1953 году у меня была травма коленки. Мы ездили в Колпино покупать продукты - у Нади была свадьба, а ходили через Саблино. И вот, где кинотеатр «Пламя», его восстанавливали, я споткнулась о парапет и упала. Коленку расшибла. И уже на свадьбе я чувствую, что у меня

болит нога, коленка. Я еле до дома дошла со сто шестидесятого дома. Пришла домой, а к утру у меня нога вот такая, температура сорок - сорок один, я вся красная, нога красная.

Мама уже в понедельник пошла на «Сокол». Она попросила у председателя профкома, Гордецкий по-моему, чтобы дали скорую. Только там была скорая, больше нигде. Он пошел к директору: «Так и так, у нашего бывшего работника дочь в таком состоянии!» Дали скорую, и меня свезли в больницу железнодорожную в Саблино. А там хирург посмотрел и говорит: «Ампутировать по бедро». И понимаете, с пятнадцати лет я была бы без ноги.

А мой отец там умер. А я говорю: «Ни за что не дам, везите меня в Колпино!» Такая я настырная. Мама стоит, плачет, не знает, что делать. Но врач, такая женщина добрая, она позвонила в Колпино, а там Хрусталева работала хирургом. Это дочка нашего бывшего Хрусталева, который до войны был главврачом в Никольском. А он уже не работал, а только разъезжал по Союзу, консультации давал. «Вот, - говорит, - у меня девочка пятнадцать лет, у нее такое дело, что делать? Она требует, чтобы я переслала ее к вам». Она говорит: «Привозите!» «А как? На чем привозить?» «На поезде!»

На вокзале нашли цыгана с телегой, попросили, чтобы меня от больницы довез до станции Саблино. Там недалеко, транспорта другого нет. Врач дала медсестру, сопровождающую меня с мамой. Погрузили меня - больные помогли поднять. Носилки дали даже, меня пихнули в вагон на носилках. Только проходят кондукторы и спрашивают: «Она не заразная?» Мама говорит: «Нет, не заразная!» Приехали в Колпино. Скорая нас встретила. Такая низкая машина, белая, легковая. Меня погрузили. Приезжаем, врач выходит эта Хрусталева. Она делала операцию мужчине, и тот умер во время операции. Она такая расстроенная! А я говорю доктору: «А вы мне ногу отрезать не будете?» Она посмотрела: «Нет, ну что ты! Ни за что! Чтоб в пятнадцать лет без ноги! Будем лечить!» И, мне кажется, что даже легче стало. Посмотрела на меня и говорит: «Ну ладно, поднимайте ее наверх!»

Мне, когда уже делали на рентгене снимок, а нога у меня как бы поджата, я не могла ее разогнуть. Они мне сделали морфий, и твори со мной, что хочешь. В общем, ногу выпрямили, сделали рентген, и я уже потом очнулась в операционной. Я уже глаза открываю, надо мной вот этот плафон, врачи. Я говорю: «Доктор, нога-то у меня цела?» «Ну что ты, конечно! Мы тебе гипс сделали - от самой шеи до самых пяток!»

Я была, как в корыте. Вот таким образом я попала сюда в добрые руки. У меня было разрушение надкостной ткани бедра, получилась гангрена. И представляете, что я почти три месяца была в гипсе. Мне один гипс сняли, другой гипс наложили. Но когда последний снимали гипс, то вместе со шкурой. Обнаженное все было. И я в этот период очень быстро выросла. Еще врачи смеялись: «О, как ты у нас выросла! О, как мы тебя лечили!» И вы знаете, у меня одна нога короче другой. Вот эта часть была в гипсе, а эта была свободна. Она росла, и я такая длинная выросла.

Сняли вот этот гипс, а мне ходить-то больно. И я думаю: что же я такая кривая и буду?! Нет, нет! И вызвали из Пушкинского тубдиспансера. А Хрусталев был в командировке. Врач пушкинский посмотрел и сказал: «У нее туберкулез костей!» А Хрусталева не согласна! Тогда она и говорит:

Мама Тамары Федоровны - Александра Головкина с сёстрами 1950 год

«Вот приедет мой отец, мы подождем недельку, он сам посмотрит и все решит! Но никакого тебе туберкулеза не будет!»

Вот он приезжает и сразу заходит. Такой в костюмчике, холеный такой. Вот знаете, добрых людей по-доброму и вспоминаешь. Раньше бывало, входит врач с историей болезни. Каждый день, если врач смотрит, каждый раз и заполнял историю болезни. А теперь этого не делают. И он говорит: «А как папа-то? Жив?» Я говорю: «Папа давно ушел, три года тому назад. Такое дело, доктор! А я пойду нормально?» А он говорит: «Ой, еще на лыжах будешь кататься и никаких институтов туберкулезных!» И говорит своей дочери: «Через неделю можешь ее выписать, сейчас поделать ей ванны!»

А у меня уже белье, одежда отправлены домой. Ну что делать. Меня в ванну. Ванна, ванна, никаких лекарств. Простая ванна! 1953 год. И в эту ванну мне помогли забраться. Я полежала, надо было вставать, а мне не встать. А как же мне выбраться из ванны? Я же закрыта на щеколду. Так уже больной забирался через переборку, чтобы меня вытащить и дверь открыть. Вот меня подержали несколько дней, а как раз дежурила Екатерина Плыгавко, это моя тетя двоюродная, двоюродная сестра моего отца, она с врачом дежурным переговорила: «Слушай, я заканчиваю работать, и когда я там через несколько дней на работу приду. Как она доберется? Давайте я ее отвезу». И она меня взяла. А Барышев на маленьком автобусе ездил уже от Перевоза до Поповки, автобус пустили на мое счастье. А одежды-то нет, в чем ехать. Одна больная отдала свои чулки на резиночках, дали тапки больничные, но с возвратом. Все возвращали. А Екатерина Михайловна дала свое платье. Там у нее юбка или что. И свою кофту отдала, сама в рубашке осталась. Нарядили меня. И вот идем мы по Советскому, встречается нам Анна Алексеевна Алексеева. Я выросла, пополнела немножко. Она так оборачивается, еще смотрит. Я говорю: «Анна Алексеевна, это я!» «Да ты что! А мама все плачет!»

Потом Тая Федоровна Романова мне встретилась: «Тамара, это ты?» Катя говорит: «Да, это она, под моим руководством!» И тут же нас обогнали, пришли и маме сказали: «Тамара идет твоя!» А меня-то в Пушкин отправляли, в туберкулезный институт! Мама говорит: «Да не может быть. Ну что, смеешься?» И я вхожу во двор: «Мама, это я!»

И вот, вы знаете, что Хрусталев порекомендовал: никаких лекарств, только баня — париться. И всю жизнь я хожу в баню и парюсь, в каком бы ни была состоянии, даже после инфаркта - и то парюсь.

Пока я росла, десять классов закончила в нашей школе в 1956 году. В девятом классе у меня было освобождение от экзаменов. Помню, я готовлюсь сижу. Если я ничего не понимаю, я вызубрю. Сижу, штурмую. Смотрю, Павел Андреевич Филимонов идет, наш классный руководитель. Он с мамой переговорил, заходит: «Чего делаешь?» Я говорю: «Учу, к экзаменам готовлюсь!» Павел Андреевич говорит: «Все оставляй, отдыхай, иди маме помогать! У тебя оценки хорошие, мы на педсовете решили освободить тебя от экзаменов!»

Вот так, в девятом классе я не сдавала, в десятом сдавала. Мне же маме нужно было помогать. Я одна училась с завода, со мной еще Азы Сысоевой сестра на подготовительных начинала, потом она бросила - тяжело.

Пастухова (Малышева) Екатерина Григорьевна

Я сейчас Пастухова Екатерина Григорьевна, родилась я 5 июня 1944 года. Фамилия моя девичья была Малышева. Жили мы в Перевозе.

Немцы пришли в конце августа 1941 года. Оккупировали. И в 1943-м году нас вывезли отсюда в концлагерь. Кого куда. Мама была беременная, поэтому ее не отправили в Германию, а отправили в Литву. Я родилась в концлагере в Резекне. Но в документах, выданных в 1947-м году, мне написали Укмерге, потому что Литва.

А потому что нас освободила Красная Армия, нас разобрали местные жители в работники. Отец у меня пропал без вести, сведений о нем никаких у нас нет. Мама очень долго его разыскивала, писала и в Москву. У меня даже где-то документы есть. Ответили, что в списках ни живых, ни мертвых он не значится. Сын у меня смотрел по интернету список, нашел только одну вот фамилию: Малышев Григорий Максимович, что он выбирался из Копейска, там тоже написано, что пропал без вести.

Наш дом в Перевозе во время войны сгорел. Немцы тут стояли и обстреливали Ленинград.

Нам возвращаться было некуда. Нас разыскал в Литве мамин брат. Приехал к нам и рассказал, что был в Перевозе и выяснил, что моей крестной, маминой сестры родной, дом цел, потому что там была немецкая комендатура.

В 1951-м году мне надо было в школу ходить, а мы еще в Литве. Мама после войны работала в МТС бухгалтером. А русскоязычная школа находилась далеко. От нас три километра нужно было лесом ходить. Мама боялась, потому что в это время действовала банда лесная. Постоянно были поджоги, убивали активистов, комсомольцев. Река вот эта, Швянтойи, она мелкая. Бандиты из леса на лошадях

прискачут или подожгут. Был сарай такой огромный, привезли сеялки для МТС. И звучит гонг. Мы выскакиваем, а у нас уже у двери всегда стоял мешок с вещами.

Если звенит гонг, значит, мы хватаем этот мешок - и на улицу. Увидели, что со всех сторон эти новые красивые сеялки горят. Я даже запомнила: голубые, зеленые. С флагами везли после войны, восстанавливали. В общем, все сгорело. И мама решила, что нам нужно возвращаться сюда, раз дом крестной цел.

В 1951-м году мы сюда наняли полуторку, крестная там была с мужем. Мамина сестра и мы поехали. Все было, конечно, разбито. Ехали мы очень долго, потому что проезжаешь там, где должен был быть мост, а на этом месте все разбито. Вернулись мы сюда в мае 1951 года. А в сентябре я уже пошла в школу.

Приходилось очень рано выходить, потому что зимы были снежные, дороги никто не чистил. Мы в конце жили напротив керамического дома. И вот идешь-идешь, пока до школы дойдешь - весь мокрый, уже так устанешь, что сил нет... В семь утра выходили, чтобы к полдевятому прийти. Полтора часа ходили. Так я здесь закончила школу.

Потом вечернюю школу, училась вместе с Муравьевым, директором, он на десять лет старше. Тогда все учились вместе в вечерней школе. Потом я закончила радиополитехникум, по специальности «радиолокация».

Вышла замуж, родился сын у меня. Потом два года мы жили с мужем в городе Мирном Архангельской области. Он закончил университет, и его офицером послали на два года туда. Потом вернулись. А потом получилось, что сын болел, мама на пенсию вышла. А я работала по распределению на Московском проспекте в институте радиоэлектроники, Дом советов еще называли. Пять лет. В общем, я уволилась.

И устроилась на очистные сооружения, которые в 1972-м году построили только. Недавно они были еще недостроенные, свеженькие. Сначала меня оформили мастером, а потом начальником лаборатории охраны окружающей среды. В общем, на очистных я проработала тридцать семь лет. Лаборатория у нас была на очень высоком уровне. Мы даже аккредитовались среди первых через Москву. Делали анализы воды и воздуха в Красном Бору. И в Никольском делали забор воздуха на всех заводах. Работали с Северо-Западным управлением, они доверяли нам анализы делать для конфликтных предприятий когда-то.

В 2003 году вышла на пенсию. Я и после выхода на пенсию работала еще. В шестьдесят три года вышла на пенсию. Занималась воспитанием внуков. Вот так, если в двух словах, вся жизнь и прошла.

Паэгле Серафима Михайловна

Я, Паэгле Серафима Михайловна, родилась в городе Тосно в 1932-м году, крестилась в церкви тосненской, которая сейчас на Ленина - бывший Дом культуры.

Мама и папа тоже коренные жители Тосно. А родительница папы рано овдовела, папа был самый маленький, три сына их было - Александр, Иван и Михаил. Бабушка у нас была удалая, она держала несколько лошадей и имела в Тосно несколько домов. Дома были - от маленького мостика второй дом, его недавно снесли. А папина мама дом построила, где наша первая пятерочка, когда едешь из Ленинграда. Этот дом сгорел. Меня еще не было. Но, по рассказам, в 1916-м году построили на Володарской двухэтажный дом, и он тоже сгорел. После на этом месте был выстроен дом, его недавно снесли, продали его.

Бабушка торговала сеном, нанимала других лошадей. Она рассказывала: вот едет большой обоз, на первом взрослый мужчина, на втором и последнем. А на остальных - мальчишки маленькие, когда устает первый вожак, он садится на последнюю подводу, а тот пересаживается, вот так ездили.

Мама его умерла, по-моему, в 1922-м году. По рассказам мамы, старшая сестра подбежала, сказала, что бабушка пить просит, пока мама ходила, она и умерла. А отец мамы хотел, чтобы все дети были с образованием. Зимой семья жила на Петроградской, он работал на Путиловском заводе. Было шесть детей, три дочери и трое сыновей, летний дом был у нас, где новый Дом культуры, где-то в этом районе. На шесть окон, но я была маленькая еще, его продали и сделали на два дома, чтобы одному брату дом сделать и другому.

И что знаю, старший брат имел в то время три образования: Казанский университет, Ленинградский сельскохозяйственный, а третье образование я забыла. Я помню, его страшно не любила. Он жил в городе на Литейном. У него жена была из Казани, и еще сын его к нам после войны приезжал. Один брат туда ездил тоже. Один брат был на Первой мировой войне - 1914-1918-й годы. Он воевал, был в плену и жил там несколько лет. Я не знаю, в какие годы, но за несколько лет перед самой войной он вернулся домой, построил на Колхозной улице дом, и была у него книга. Эту книгу все потеряли, это тогда не надо было. А у мамы, старшей его сестры, тогда была церковно-приходская школа. Мама очень много читала, грамотная была. Средняя была маленькая, а младшая сестра мамина долго жила после войны. Работала в тосненском Сбербанке, потом, по-моему, какое-то время занимала пост председателя поссовета, а потом в райисполкоме. Еще был один брат, он был лесничий, его убили в лесу. Мама никогда не работала, в то время женщины мало работали.

Я родилась вообще девятым ребенком, но первые две девочка сразу умерли. Передо мной мальчик Васенька, у меня портрет есть, 1929 года рождения, он умер в год и восемь месяцев. Я была шестая, и вот мы все дожили до своих лет. Самая старшая сестра умерла в девяносто два года. А братья имели образование в какой-то мере, один работал мастером - сначала называлась Электросеть, а теперь Ленэнерго. Старший брат воевал здесь на Пятачке. На Ладоге он был авиационным парторгом среди женской эскадрильи.

Я пошла в школу в 1940-м году. Восемь лет мне было. Пошла в школу в Тосно, школа называлась Красная железнодорожная школа, теперь это гостиница, окончила там первый класс. Первую учительницу помню даже внешне. Ее звали Татьяна, а отчества не помню, где-то полгода она нас учила, а потом пришла молодая преподаватель, она закончила институт, и ее прислали по направлению. Она там жила, помню даже дома, где сейчас «Аскания», вот тут дома были. И она жила в этих домах, а мы ходили, она все время со мной ходила из школы домой, а то было далеко, но забыла я ее, не помню.

Парты были на два человека, и после войны были такие же. И класс был у нас в Красной школе на втором этаже, а на первом был большой класс по количеству учеников. Помню, как проходили елки - очень интересно, в школе ведь тогда какие елки отмечали!

Я помню, где был универмаг, как ходили мне подарки покупали, платья. Мне исполнилось девять лет. 22 июня 1941 года я занималась у дома под яблоней, и мама кликнула: «Сима, иди домой, началась война!»

Когда пришли фашисты, мы ушли в лес и жили в лесу. Там не одна семья жила, у нас уже были окопы по одной стороне и по другой, тут были с коровами, с хозяйством, со всем. Была поздняя осень, когда начали листовки бросать немцы: если мы оттуда не уйдем, то нас будут бомбить, вроде того,

что мы партизаны. И стали все потихоньку выходить со своими вещами, в то же время большинство держали коров, кур. У нас свиней не было, а куры, коровы - всегда. А вот до Финской войны у нас была лошадь, когда началась Финская война, у нас лошадь взяли и не вернули. Когда мы вернулись в Тосно после леса, это где-то октябрь, холод был. Месяца два-три там жили. И ведь успели окопы сделать, землянки, и с коровами, вот это мне запомнилось, мы бегали ребятами.

И дальше стали жить. У нас дом был приличный, как называлось - шесть на двенадцать, большой дом. Немцы заняли две большие комнаты, а нам дали проходную, и чтобы мимо нас они не ходили, мы сделали временную перегородку. И стали жить отдельно. Одну из сестер взяли работать уборщицей. В старом исполкоме она убиралась у немцев. А которая передо мной родилась, она 1926 года рождения, она совсем молоденькая. Она убиралась на лесозаводе. Молодежь посылали в Никольское за кирпичами, а там на той стороне русские. И чтобы они не бомбили их, наша молодежь пела советские песни - «Катюшу» и другие. Сестра рассказывала, что сразу стрельба прекращалась, и вот они туда ходили за кирпичами. Немцы долго жили у нас.

У нас загородку-то сделали, а немец красивый молодой стал хулиганить, ломать. Мама сказала, что пойдет в комендатуру, что он хулиганит. Он сказал: «Матка, не надо!» А мама говорит: «Бери молоток и прибивай!» Он прибил. И он с нами подружился. Он стал носить маме чай, стал говорить: «Матка, ставь самовар, будем чай пить», - и придет. А что мама? Надо ставить. Он чаю напьется и поет русские песни. Вот одну я запомнила: «Дайте лодочку-моторочку мою, перееду на ту сторону, где милочка живет». Но он пел в рифму, конечно. А потом спать ложиться - берет меня за руку и засыпает. Он маме говорил: «Не бойся, у меня такая же дочь». Меня немцы звали «дашесдойчикин». А сестра, которая постарше, она меня одевала, увидела, что конфету дал кто-то. Сейчас вспоминаю, что в этом немце, который с нами подружился, было что-то от русского. Он пел русских песни много, и вот все чай пил. И переживал о дочке.

Один немец меня бил. У нас родственников много в Ленинграде, у нас была хорошая посуда. Сравнительно дорогая такая. И чашки, тарелки. Статуэток было тогда много. А статуэтки остались в той половине, где немцы жили. Я пришла - нет статуэток! А кто-то сказал, что они у соседей. Я залезла к соседям на подоконник с улицы и вижу, что наши статуэтки там. Я часть, конечно, взяла. Немец промолчал. Поймал меня на улице и поддал мне.

У нас были маленькие карточки. Я с котелками ходила на кухню. Через дом была у нас кухня. Мне немец скажет: «Иди цукер кушай!» Суп, если оставался, он давал ребятам. Не хулиганил.

У нас же была корова. Какое-то время она была, а потом корову убило, и немцы ее забрали на мясо. Кур немцы, конечно, съели. Немец давал нам песку за яйца. А потом есть было нечего.

Но ведь было и много хороших немцев. Был поляк у нас. Он, наверное, был вор или спортсмен. Он прыгнет, а медленно поезда шли, и бросит овса нам мешок. А жернова были у всех сделаны. Мама молола зерно. Кисели делали, лепешки. Ни коровы, ничего не было, питались, чем могли, я теперь даже не знаю, как мы выжили. Даже до отъезда, когда нас повезли в Латвию и по карточкам давали хлеб, то он был с опилками. Пекарня была на Октябрьской, на Балашовке. Турнепс сажали. Картошки не было, турнепс нас выручал, он такой большой вырастал.

Турнепса было много, но это для скота. И вот ходили мы маленькие с котелками: «Дай мне, дай мне!» Просили поесть у немцев. А сестра, которая постарше, ходила на бойню. Там были хулиганы всякие. Стоят все, а другие немцы были нахальные. Возьмут и всех обольют. А когда хорошие, доставались кишки. Их чистили, мыли. Я теперь вообще не могу понять, как мы выжили.

Вот и стирать было плохо. Бани топили, были вши у всех. В районе, где большой мост в Тосно, Козья слободка назывался, там было здание, как барак построенное. И там парили одежду нашу, обривали голову у всех. А сестра, которая постарше, у нее косы такие были, и она не дала остричь их. И потом мама керосином ей чистила.

Много чего и страшного было - бомбили. Так как мы жили у самого вокзала, ночевать мы ходили далеко туда, ближе к лесу. На этой стороне речки Тосны, но ближе к лесу, а однажды мы решили не уходить. У нас тоже был окоп, в нем были такие большие нары, мы высоко спали. Но окоп наш наполнился водой. А у соседей не было воды, и там такая тетя Лена, мы с мамой пошли туда. И в окоп попал снаряд, где мы ночевали. Меня засыпало. Но я, наверное, была без сознания. Нас отрыли. Как говорят, что хорошо рикошетом, в основном удар рядом был.

Остались мы трое живы, но были засыпаны. А потом мы еще один раз не добежали до места, и в

этот дом попала бомба. А туда прибежало несколько человек. Двоюродной сестре ногу повредило. Но ее очень ранило, она у нее плохо срослась. После войны тетка более-менее была обеспеченная, она, конечно, ее по институтам возила. Я и мои сестры были все в осколках. У меня долго были шрамы везде, и сейчас так, как точки. Вот такие моменты были. Два года жили в Тосно во время войны. А потом в октябре или в сентябре 1943-го нас вывезли в товарных вагонах.

Помню еще момент. Переехали границу, и нас всех высадили и отсеивали с нашего состава в Германию. Сестры как-то быстро сообразили. У нас рядом соседка одна пожилая и еще два пожилых человека. И мы разделились: сестра подошла к двум пожилым, будто она с ними, а соседку мы к себе взяли. И получилось: два пожилых, ребенок. И мы в Германию не попали. Немцы не стали фамилию вспоминать. И наш состав повезли город Прекуле, к хозяину в Грамзденское.

Мы ездили после войны туда. Нашли дочь, но она ненормальная такая. Хутор был приличный, дом двухэтажный, много сараев, много коров, дом большой. И там две сестры доили коров, рано вставали и за коровами ухаживали, а мы как раз приехали, я пасла коров. Девочка латышка была постарше меня, у нее мама работала горничной у них, и она со мной пасла коров. А моя мама при кухне работала. Там был мужчина, его жена была хозяину сестра, и он тоже работал, он много лет жил в России. Он симпатизировал маме.

Помню, нечего было обуть. Он пришел и говорит по-русски: «Где-то в кладовке есть же от детей сапоги, давайте найдем!» Они меня не Сима, а Зима называли. «Зиме нечего надеть!» Пошел, разрыл, принес мне сапоги.

А потом нас снова стали отправлять в Германию от хозяев. Почему-то нас с мамой в Лиепаю привезли, а сестер - в Литву. А Литва, значит, была рядом, они рыли окопы. Потом все, которые жили в Литве, стали просить начальство: «Давайте их соединим, чтобы или туда, или сюда!» И за нами прислали подводы и привезли в Литву, где копали траншеи, окопы. Жили мы там в амбрах. Самые настоящие амбары: кто-то на первом, потом лестница, и на втором спали. Я никак не могу понять, как женщинам там было.

А рядом был один дом, почему-то в нем свободно ходили ребятишки. Там была большая кухня, и хлеб такой большой делили. Вот такие буханки! Там варили баланду, кашу или чего-то еще. А когда уже чувствовалось, что немцы поняли, что уже вот-вот и им край. А там не только наш эшелон, там новгородцы были, друг друга многие не знали. Оказывается, среди молодежи были разведчики. И когда немцы уже чувствовали, что наши наступают, стали по хуторам разбрасывать.

Такое помещение было: комната и длинный коридор, но только стена сплошная. И хозяева жили там, они от нас закрывались в коридоре. Мы их боялись, они нас боялись. И вскоре пришли и освободили нас русские. Мы, конечно, радовались. Прыгали. Ой, сколько было радости! Мама говорила: «Тихо, тихо, может, еще литовцы нас бахнут тут, восемь человек нас!» Ну и потом уже на родину хочется. Одна из сестер ,такая патриотка, она говорит: «Пешком пойду, не буду ждать, когда освободят!» А когда нас поселили в дома, оказывается, два молодых человека пришли к нам в дом. Мы не знали, а их видели девчонки, что они копали окопы. А эти молодые люди оказались разведчиками. Там надо было идти по хуторам, ведь еще могли быть немцы и литовцы, то время было страшное. А с ребенком парни выглядели, вроде как освобожденные. Были сумерки, далеко ли был враг, мы не знали. Я с ними шла, разговаривала. Все, как надо - шли и шли. Дошли до определенного места. Они сказали: «Все спасибо, ты иди домой!» А я не знала, куда идти. Мама-то догадалась, она шла за мной. Мы вернулись.

Прошло сколько-то времени, подъезжает к нашему дому, где мы жили у литовцев, штабная машина, спрашивают: где вот такой-то. Спросили фамилию, как зовут, откуда, все данные были в штабной машине. Их было несколько человек, они мне подарили свитер шерстяной и медаль. «За отвагу», вроде. Медаль лежала. Когда стали узников признавать, сестра, которая на Украине, говорит: «Сима, а у тебя же есть медаль, она что-то даст?» Но медаль не нашли эту.

Нас посадили в машину с мамой, чаю дали пить, печенья еще дали с собой. И мы стали просить штаб, чтобы нас быстрее отправили домой. Они нас довезли до Шауляя, и очень плохо, что раньше всех нас везли. Месяц без еды, без всего - дикарями.

Помню, привезли ночью. В районе, где мост на Шапки, все в проволоке, и почему-то я первой ночью побежала в свой дом, а нас не пускают. Там жили люди, которые войны не видели. Они заняли - и все. А к этому дому еще был дом через коридор. А там уже сестра, которая замужняя. Она была в Новгородскую область вывезена, муж погиб у нее. Потом попали в дом. Нас не прописывали, девчонок

не прописывали, в техникум не принимали.

Я пошла потом в Белую школу на Коллективной во второй класс. И была моя любимая учительница Ольга Николаевна Новикова. Там я закончила шесть классов. Учебников путевых не было. На газетах писали, кто где. Брат, который потом долго из армии не приходил, в 1946-м году пришел. Мне как-то один раз привез блокнотиков всяких. Одевались очень все плохо. Потом была у нас Корчагина Екатерина Васильевна. Она после войны занималась. Она стала возмущаться, почему не прописывают коренных жителей. Нас ведь не прописывали никуда. Помогла устроиться. Вот старшая сестра в райпотребсоюз устроилась, младшая сестра поступила в Колпинский машиностроительный техникум. После войны он был в Ушаках. А потом уже перевели их в Пушкин, но много наших там было - и саблинские и тосненские. На второй и третий курс в Пушкин перевели. Там она закончила этот техникум, работала потом на Ижорском заводе. Когда замуж вышла, уехала на Украину, там уже закончила по специальности.

В школе, во втором классе мы ждали большой перемены, нам давали хлеб. Из пекарни привозили хлеб, учитель ходил резать, сыпали солью и немного подсолнечным маслом поливал. Колька Махотин за горбушки дрался. Но уже в третьем-четвертом классах не было этого.

А как питались? Вот этот хлеб на перемене. Ружечка такой был, наверное, слышали - заведующий пекарней был. Мама после войны нигде не работала, да и негде было. Брат был в оккупации. Есть у меня подлинные документы. Он был в Эстонии, в Германии, в Австрии - их там освободили. Их группу ребят спас наш русский мигрант, врач. Он их держал у себя в подвале, спас их, конечно, лечил всех. Австрия направила их в Россию, а наши провезли их мимо в Кировскую область, и там над ними издевались, допрашивали.

А вот две сестры, которая старшая замужняя и вот эта Шура, они какими-то путями поехали к нему туда. Где-то они работали, но местные жители их тоже не любили. Они войны не видели. Вот, где Юра был эвакуирован, там люди вообще отсталые, они не слышали про поезда, мир у них другой. Потом в 1947-м году, наверное, после допросов из Кировской области домой отправили. И сразу, как приехал, поступил в Электросеть, окончил техникум и уже работал мастером, в Тосно многие его знают. Известная фамилия Лабутины для Тосно.

Ольга Николаевна нас до пятого класса довела. У нее была коса большая, костюм строгий у нее, может, одна блузка, но всегда наглаженная и напаренная была. В пятый класс я пошла уже в вечернюю школу. Вечерняя школа находилась в доме двухэтажном большом. Где церковь теперь, где первый дом многоэтажный. Снесли школу давно и построили эти дома.

Мне надо было работать. Мама не работала, я работала. Тогда были артели. Там были красители, и мы их расфасовывали. Потом меня перевели в частный дом на Ленина, напротив Дома культуры. Сейчас снесли этот дом. Типография тут рядом, там была типа типографии, но печатали анкеты, мы пропуска лепили. Клеили основание, потом вклеивали белую основу, на которой пишут. А потом уже я поступила. Я окончила шесть классов и поступила в город в контору обслуживания пассажиров, и седьмой класс я закончила на улице Советской, дом четыре, в Ленинграде.

Мне было удобнее, и работа рядом. Я курсы мастеров окончила, работала долго. Да, Советская улица, дом четыре. Закончила, работала в Ленинграде в обслуживающей конторе десять лет. Меня посылали на курсы, я их закончила и работала мастером смены. Но работа была сменная. Это выброшенные молодые годы - ночные смены. Это страшно. Мы работали, уезжали.

Я поступила на работу в 1949-м году, девчонка была. Вставала в четыре утра, поезд шел два часа, к семи на работу. Благо, там близко, заканчивали в четыре с чем-то, и в полседьмого приезжали домой. А если в ночь - в десять уезжали. Заканчивали в семь, приезжали в девять и ложились спать. Днем народ ходит - это ужасно, не жизнь. А потом в Тосно в собесе я год работала, забеременела и ушла.

После рождения сына я поступила в радиоцентр в 1962-м году 20 июня, в день рождения, и проработала там двадцать пять с лишним лет. Отработала, была активной. Я была пятнадцать лет председателем родительского комитета. Много чего мы делали с ребятами, возили много их. К нам тогда приезжали, в ДК Связи приглашали, концерты были.

У нас был свой оркестр. У мальчишек белые рубашки, темные брюки у всех, а для девочек разрешили выписать красного сатина, им сшили красные юбочки. И вот они выступали. Такие были у нас. На подарки нам местный комитет выделял деньги. Мы сами закупали и делали подарки. У нас елки были, но не только. Очень много куда с ребятами ездили - и в Литву на зимние каникулы. Меня

даже с работы отпускали, и Юра со мной ездил, боялся отпускать.

Мы и сами очень много ездили. Еще мало кто ездил за границу. Юрка-то вообще много ездил. А путевку дали, и Юра сказал: «Я один без Симы не поеду!» И дали путевку - круиз семь стран: Венгрия, Австрия, Польша, и мы с Юрой, значит. У нас были директора, научные сотрудники музеев, и нас пихнули. И в Австрии в министерстве в нашем были. С нами была женщина - работник музея, ее друг был министром. Поездка была хорошая. Цена была по семь рублей на двоих - четырнадцать рублей. Я привезла себе красивое пальто, красивую сумку. И Юре рубашку, и детям тоже привезла.

173

Петрова (Михайлова) Галина Алексеевна

Я, Петрова Галина Алексеевна, моя девичья фамилия -Михайлова, родилась 21 декабря 1939 года в Тверской области. Раньше Калининская область она называлась.

Было селение Голубино, раньше там жила барыня. Селение отличается от всех, что сейчас заросло все. Барыня эта была, можно сказать, садоводом, она ездила по всей России, собирала ветки растений. И когда я выросла, еще остались разные аллеи из некоторых диковинных растений, я это любила. Наше Голубино все называли барское поместье. Ну, дом немцы сожгли во время войны.

Мама моя - Михайлова Наталья Михайловна, 1919 года рождения. Она работал в подсобном хозяйстве животноводом - доила коров. Отец мой был трактористом там же. Думаю, что он 1918 года, потому что у меня об отце ничего не осталось.

Я была одна. Отец ушел служить обычную солдатскую службу, и только закончилась война, он возвратился. Мне было две недели. Видимо, в тот период они както встречались. Михайлов Алексей Сергеевич, ушел сразу, как только началась война, был призван, очевидно, он побыл дома всего неделю, может быть.

Он был сначала на Финской войне, из рассказов матери знаю, что он был разведчиком, и почему-то он какие-то донесения возил на лошади. Знаю, что как-то он упал с лошади и разбил колено, и с самого начала войны был в госпиталях. Так он и погиб. К сожалению, я не знаю, где и когда. Просил мою фотографию у матери, но фотографию тогда негде было сделать, и я всю жизнь очень страдала, потому что выросла без отца. И похоронка не приходила. Где он погиб, до сих пор не знаю. Помню только, что он лежал в госпитале в Алакуртти, это Мурманская область.

Мама моя вышла замуж в 1944-м году. От отца уже ничего не было. Вышла замуж мама, и у нее стала другая семья. Он из Шапок, жил в Шапках, а в Нечеперти, видимо, работал. Я и сейчас знаю этот дом в Шапках. Они Михайлова (Петрова Г.А. работали в подсобном хозяйстве, подсобное хозяйство это сгорело. Я помню, как животных всех выгоняли, как все плакали, истерики помню. Меня взяла бабушка матери, а мама моя с младшей дочерью, моей сестрой область 1952й год Людмилой, уехали. От пожара остались животные, подали им товарный

) в 5 м классеМошковская средняя школа, Тверская

вагон, поезд, и мама моя с ними уехала в Ленинградскую область. Получила землю в Тосненском районе в деревне Нечеперть. Там тоже было потом подсобное хозяйство. Ну, раз мама вышла замуж, у нее другая семья. Меня дед мой оставил.

Войну я не помню. Знаете, я помню, как мы сидели в подвале, сидели женщины одетые в такие как замшевые, бархатные такие фуфайки, вязаные платки. Несколько человек сидели, почему они сидели - не могу сказать. Только они все, когда говорили про немцев, что-то это было страшно, и в моем представлении немцы были животные с рогами. Потому что мне было всего два года. А потом, я думаю, это мое ли воспоминание или это осталось из воспоминаний матери у меня это.

Вошел немец туда в подвал. Я сидела у матери на руках, ела кашу, она меня кормила. Он выхватил котелок и стал есть. И я тогда просто онемела, звука не могла никакого произнести. Я помню, как сидела мама, наклонившись, у нее слезы текут. Никаких ни рыданий, ни звуков. Плачет - и все, текут два ручья, я прижимаюсь к ней. И вот у меня запомнилось, а может, мама рассказывала.

Наше мирное население отправил километров за двенадцать. Мне мама говорила, Белавино это было. Еще шла война и, конечно, мы все голодали. Я помню, как с большими парнями ходила на поле, где раньше была картошка, и мы собирали гнилой картофель. Приносила домой. Видимо, без разрешения взрослых убегала. А потом помню, как очистки собирали - крупные очистки картофеля. Наверное, может, немцы уже ушли.

Немцы на нашей территории были недолго. Они там были, я точно смотрела, всего два месяца.

Деревня Нечеперть 1952 й год. Галина Алексеевна с мамой и сестрой

Не было карательных отрядов, не расстреливали никого.

Там проходила река, раков было много. На одной стороне были наши, на другой стороне - немцы.

Конец 1941 года, ноябрь или декабрь, уже, наверное, 1942-й год. Немцев уже продвинули в сторону Ржева, наши прогнали их. Это мне Раиса Васильевна Тихомирова смотрела в справочнике, там, где я была, в деревне Мартыново, немцы были всего два месяца. Но война-то шла. Вот такие не очень четкие воспоминания.

Помню, в доме, когда была маленькая, вдруг земля сильно закачалась. Мне представлялось, что и дом качался, как на качелях. Качалась земля, раздался сильный взрыв, может, около дома, и кричат, что там дядю убило. Все кричат - такие воспоминания. Качалась земля, это было очень страшно.

А потом я помню, когда еще мама не уехала, мы

были в Тверской еще. Мы жили у дальних родственников, очень дальних. Даже не родных по крови. Я была с мамой только вдвоем. Маму взяли на лесозаготовки. Тогда это было обязательно, и то, что у нее ребенок, никто не брал во внимание. Бабушка Вера была женой дедушкиного двоюродного брата, ну, седьмая вода на киселе. Я жила с этой бабушкой, у нее детей не было, я помню, как она иногда меня угощала цветным горошком. Драже конфету даст одну. Это было для меня большим счастьем, потому что жили впроголодь.

И что мне было тогда интересно - война еще шла, летали самолеты, а я уже выбегала играть. Мне, может, быть года три-четыре. Знаю, что война была, самолеты летали, я не понимала, который немецкий самолет, который наш. Но когда другие парни постарше кричали: «Фашисты летят!» - я уже научилась ложиться и не шевелиться.

Помню один такой фрагмент, который повлиял на мое здоровье и на всю жизнь. Кругом было

все заминировано, немцы уже ушли, они, видимо, много заминировали. И два мальчика подорвались. Так подорвались на минах, что одни куски. Не на моих глазах. Эти все куски тела собрали взрослые, принесли в плащпалатку, и бабушка Вера, у нее не было детей, она этого не понимала, взяла меня за руку и пошла смотреть. Когда я это увидела, сложенные куски детей и море крови, я помню, как я кричала дико, это, видимо, повлияло на мою психику. Даже в десятом классе кричала по ночам.

Это была война, я стала всего бояться. Страх поселился в мою жизнь с того момента, и нервы, видимо, сдали именно тогда. Что еще я помню, когда я пошла в первый класс, матери даже некогда было меня отвести туда, я еще с мамой жила.

Победу не помню. Это деревушка была, хутор, в одном доме недалеко от нас кто-то пришел после победы, один родственник пришел, и в том доме пекли хлеб. Для нас ребятишек, я еще в школу не ходила, это был праздник такой - пахнет хлебом. Мы все собрались: мальчики и я одна девочка. Пришла хозяйка, увидела, что дети собираются, какой год не помню, и она нам вынесла по дольке хлеба. Ну, конечно, какой это был хлеб, я не знаю, помню, он был такой белый с мякиной. Это был свежий хлеб, и для нас был праздник великий.

А мякина это такой наполнитель. У нас там лен, когда он вырастет - наверху головка, а внутри головки - льняное семя. Его обмолачивают, и из этих семян делали льняное масло. А то, что осталось, - это мякина. Тогда из нее пекли. Собирали лебеду, крапиву и пекли из мякины что-то.

Может, запасы были у кого, пекли лепешки. И я помню, когда была у бабушки, еще мало что говорила, но помню, ложилась спать - есть нечего, я лежу и плачу: «Хлебца, лепешки!» А она ничего не может дать.

Михайлова Галина, 11 лет, 5 й класс, Мошковская средняя школа, Торжковский район 1951 г

Выпускники Мошковской средней школы, Тверская область 1957й гол

помню, матери пришлось однажды убежать с лесозаготовок, она же меня оставила с чужой бабушкой практически, это по ее рассказам. Она работала, у нее был бык, возила там дрова на лесозаготовках. Обязательно нужно было быть два месяца на лесозаготовках. И вот, когда прошло два месяца, ее не отпускают, война ведь. А ей кажется, что мне там плохо, ей надо обязательно ко мне приехать, и она решила сбежать. Ночью они с одной женщиной запрягли быков своих - и на телеги. Когда там ночь, темно, решили гнать, как следует, чтобы приехать в деревню туда, где я. Оглянулись они и видят - вдали свет горит. Значит,

их догоняют, машина едет. И вот моя мама свернула в канаву, а там были кусты. Быка-то все равно увидят. Обняла мама быка, у них такое было взаимопонимание. Она ему на ухо так нежно: «Ванька, ложись!» Гладит его, на ухо говорит. И он лег в канаву, и машина, которая их догоняла, ее не увидела. Ту женщину вернули, а моя мама ко мне приехала. Я это помню.

Я помню, когда она приехала. Я помню, как она стучит в окно и как она ложится. И от нее сильно пахнет потом. А мне так нравится этот пот, потому что я никогда ее не чувствовала. Это мамино было, так дорого это все. Она устала, даже со мной общаться не может. А я трогаю ее, целую ее, ее руки и лицо, глажу ее. А она, чтобы я ей дала уснуть, говорит тихо: «Галя, бабан!» Я это помню, два года мне было, и я смотрю на стенку. «Смотри, бабан!» А стенка деревянная, и я вижу в бревне сук большой. Я смотрю на этот сук, и мне страшно стало, я к ней прижалась и от страха уснула. Вот такие воспоминания.

Я уже при маме пошла в первый класс. Мне было семь лет, я думаю, это был 1947-й год. Родственники мои пошли в школу, матери, наверное, работали, тогда выходных не было, одно животноводство было. Меня родственники забрали вместе с одним мальчиком, он мне двоюродный брат.

Приходим мы в школу за полтора километра. Школа - обычная изба, приспособленное здание. Помню, что побеленный потолок белый, электричества еще не было, чуть позже, на год или на несколько, электричество появилось. Видимо, при дневном свете учились, сначала тетрадей у нас не было, писали мы на газетах.

Я собирала бумагу, в которую заворачивали продукты, дома ее разглаживала руками, складывала в несколько раз, училась сшивать. Обрезала - получалась тетрадь. На газете на одной стороне напишешь, на другой уже нет. Везде искала бумагу - на улице, еще где-нибудь.

Сначала мы писали карандашом первое время, а потом стали писать ручкой - номер то ли девятый, то ли одиннадцатый - звездочкой называли. Тонкая ручка. Я вот сейчас помню, как я сижу в классе, учительница говорит: «Ну, садись вот сюда, на вторую парту!» Я села. И учительница говорит: «Меня зовут Серафима Ниловна!» Старая учительница, седая, старых времен, классная дама подтянутая. Она себе позволяла и ударить по рукам, и назвать, что ты такая-сякая. Мы все равно ее любили и ходили ее встречать. Вот она несет тетради, мы тетради эти просим, журнал, чтобы понести.

Я вдруг поняла, что урок, когда сидим и учимся, а вот в перемену можно бегать. Я так учительницу боялась. После той истории я всех боялась. Да еще одна на хуторе выросла. Тот дом, о котором я говорю, он был дальше, в барском уголке. В селении я учительницу очень боялась, и даже когда мне надо в туалет, не могла у нее спросить. Сидела и описалась. Да, так было. Учительница молодец. Она мне сказала: «У тебя живот болит?» Я говорю: «Да!» «Ну, иди домой!» Не могла спросить. Другие

Выпускники Мошковской средней школы Тверской области 1957й год

дети не заметили. Я, видимо, не так много. От страха, наверное.

Однажды у меня произошла история. Это 1947-й год. Когда я дома одна была, я открыла сундук. Глупая была совсем. В сундуке слева в ящике увидела деньги крупные с портретом Ленина, я нашла эти деньги, понесла в школу. Принесла в школу и стала деньги раздавать. Мне, наверное, хотелось, чтобы дети меня любили, потому что я не умела общаться, я жила практически одна. И вот они увидели, что я деньги раздаю. Одна девочка говорит: «Серафима Ниловна, а Михайлова все деньги раздает!» Она меня вызвала,

чтобы завтра мама пришла. А я не могу маме сказать про это. Я видела, как учительница разводит фиолетовую таблетку в бутылке. Ну, может быть, пол-литра. Чернила были только фиолетовые. И я выдумала историю. «Мамочка, я ведь чернила пролила, тебя учительница вызывает!» Я поняла, что это очень плохо воровать. Ну, я воровала, но для других. Ну и мама пошла в школу, поговорила с учительницей, и мне все простили. Деньги, видимо, собрали обратно. Я не помню. В тот же день, видимо, учительница деньги собрала.

Потом мама в конце года уехала и через какое-то время приехала меня навестить. И принесла сушки, батоны, конфеты - вот эти подушечки. Я, конечно, съела там, сколько можно было. Мама сделала кулек и положила батон и несколько конфет для учительницы. А мне идти до школы километра два. И пока я шла, у меня не было терпения. Я стала из кулька бумажного доставать эти конфеты и щипать булочку. Когда пришла к учительнице, она, видимо, поняла. Она благодарила меня, но ничего не сказала, она все поняла. Вот такие эпизоды.

Еще про школу что помню. Вдруг приходят во втором классе - купили тетради. А я сидела на первой парте. Положили тетради на стол, а учительница ходит по классу. А со мной великовозрастная сидела - после войны мы разного возраста в одном классе учились. Сидит и мне говорит: «Возьми у нее тетрадку, возьми тетрадку!» И я тихонько украла тетрадь для нее и для себя. Не понимали, что такое хорошо, а что такое плохо. Такие дела, глупости такие.

В школе на математике у нас были счеты, мы приносили палочки. Мне дедушка делал палочки из красных прутьев, нарезал, и мы резиночкой их связывали по десяткам и считали хорошо десятки, единицы. Когда я выросла и стала работать учителем, некоторым непонятен счет был. И я со слабоуспевающими делала все на палочках. Это я вижу более эффективным.

Когда я еще в первом классе была, мама уехала, я осталась с бабушкой и дедушкой. Дедушка Михаил Александрович родом из дворянской семьи. Он воевал в Первую Мировую войну, один глаз у него не видел - бельмо или что там было. Дед хорошо пел, когда работал пастухом, у него в учениках был Лемешев Сергей Яковлевич. И он с ним часто пел.

Дед уже в возрасте, а Лемешев мальчиком был. Он наш, Тверской, из деревни Пальменицы. Дедушка хорошо пел. Дед меня как-то особенно любил. Видимо, от того, что я ласковая. Потом дали и других внуков, и нас стало несколько человек. Ну, я осталась, к сожалению, одна у деда. Дед меня не ругал. Он видел, как я боюсь всего, он меня учил многому. Например, сидим мы и читаем букварь. Я не понимала, что я читаю. Я видела картинку и читала слово. Прочитаю, например, скажу, что нарисовано. Наконец, дед понял, что я не понимаю, что читаю. Я потом, когда стала с детьми работать, поняла, что некоторые дети не умеют себя слушать. Ну, дед, так сказать, культуре языка учил. Какие-то слова сразу уничтожал из лексики моей. Говорил, как надо поступать, как не надо, например, говорить громко, торопливо, как пойти обратиться.

В это время у деда пчелы были. И я в соседнюю деревню носила в маленьком колпачке пчелы матку. Он мне скажет: «Снеси в такую-то деревню!» Может, я была в первом или втором классе. Не

Галина Алексеевна с бабушкой Чуркиной Евдокией Степановной с сестрой Людмилой. Село Ушаки, 1965 й год

боялись отпускать. Там все равнина, все видно. Вот скажет мне: «У меня болит шов. Галя, сходи тудато, попроси вазелина!» У него после операции шов болел. И я шла куда-то далеко. Дед очень много рассказывал, очень был начитанный человек, он расширял кругозор мой. Бабушка тоже была чудная, но была безграмотная. Дед женился на моей бабушке безграмотной, потому что мой прадед, бабушкин отец, проиграл фабрику. У нас была фетровая фабрика, у моих предков, может быть, это была Калуга. Если была там фетровая фабрика, то она была моего деда. И отец бабушки проиграл эту фабрику. Видимо, у них было много детей, или, может быть, бабушка из последних была. Не могу сказать, почему она безграмотная была.

В общем, я росла с дедом, и он меня учил разным приемам. Поэтому очень хорошо знала

сельскую жизнь. Я умею косить хорошо. Лошадь запрячь могла бы, когда стала старше. Как правильно посадить картофель или какое-то растение, кусты, например, не просто в ямку. И это мне пригодилось потом, когда я стала работать в школе. Я помнила, чему дед научил. Конечно, культура языка на первом плане. Я помню, дед читал журнал «Огонек». Он себе позволял. Много читал, и я тогда впервые с Пушкиным познакомилась по «Евгению Онегину». Я помню иллюстрации «Евгения Онегина». Мое первое знакомство не с романа, а с иллюстраций начиналось.

Я ходила в школу далеко, думаю, километра два. Когда я пошла в первый класс в Твери, учебников не было у каждого, выдавали один на троих. А у меня же рядом никто не жил. Хоть рядом эта деревенька, пришлось ходить и отдавать туда, учебники мальчишкам носить. По очереди уроки делали. И помню, что мама мне портфель дала. А у всех других не было портфеля, и они смотрели на портфель как на что-то странное. Он закрывался на замок - хлопал и все. А у них были сумки, сшитые из ткани, мешком через плечо надевали. А больше всего было сумок от противогазов. Такие серые. Я помню, училась в пятом классе, и мне мама прислала резиновые сапоги блестящие. А я уже стала ходить в среднюю школу, она была восьмилетняя на тот момент. И это стало таким событием, что все просто приходили смотреть, что это такое - резиновые сапоги.

В Тверской области, когда училась уже в пятом классе, я помню, если ты не пришел в школу, то учительница оставалась и работала с тобой дополнительно. Тогда об оплате и речи быть не могло. И спросит: «Ты поняла?»

Я помню 1947-й год, когда отменили карточки, и мне давала бабушка на хлеб. Я покупала дольку хлеба, если отрезать половинку. Ходили в чайную, я покупала столько-то хлеба, а чай был бесплатный.

Приезжала к матери в Нечеперть. Мама была в Нечеперти, работала в подсобном хозяйстве, она была и дояркой, и конюхом какое-то время. Потом работала на полеводстве. Помню, как в Нечеперти они стоговали сено. Я, наверное, уже в класс шестой ходила. Хоть маленькая, но они всему меня научили. Я уже на конях научилась ездить с парнями. Мама меня всему научила. Посадят меня на коня, я могу пробежать даже. А галопом страшно. Ну и, помню, стоговали, ставили стога, меня - туда наверх. Женщины одни, мужчин нет, они мне сено подадут, я его возьму. Они мне: «Галя, в центр клади, Галя, теперь справа, а теперь сюда, а теперь сюда, прыгай, топчи!» Вот стог образовался. «Ну, Галя, теперь будем связывать!» Бросают мне веревку крепкую, держат эту верёвку, и я обратно уже с веревкой схожу, как с горы.

Потом мать объезжала на лошади картофель, окучивали мы, я наверху сижу, на конях ездила. Окучивали плугом обычным железным. Лошадь запряжена, мать идет сзади за плугом. Это тяжелая мужская работа, а я сижу наверху и вправо-влево поворачиваю. Лошади меня слушали, я уже умела. А когда она стала доярка, помогала ей доить коров.

Муж был у матери был. Они были в браке без регистрации, он был плотником. Он меня не любил. У них не было жилья. В Нечеперти жили, когда еще война не закончилась, потом стали жить около Нечеперти.

В Нечеперти был один большой дом, туда съехались несколько семей, и у нас был угол один - кровать и угол. Каким-то образом мне мама купила платье. А другая женщина мне говорит: «Ой, надо сходить туда-то, а нечего надеть!» И моя мама дала мое платье этой женщине. Да, это была такая боль. Я очень долго плакала: как могли мое платье отдать другому ребенку?

Игрушек не было. Что мы делали! Из тряпочек мастерили. Какую-то тряпочку найдем из старых вещей, в центр положим какие-то отходы, вокруг головы, как будто голова человека, нитками закручивали и рисовали - и это была кукла.

Потом один год я стала учиться в Шапках. Это тот период, когда умер Сталин. Вот это я помню хорошо. Это была Шапкинская восьмилетняя школа. Там было два здания: одно здание - начальная школа, она была в деревне. И в другом месте был поселок, от станции надо было пройти немного, там была школа. Я позже общалась с этими учителями, когда работала в гороно. Хорошие были учителя. Я помню их, потом директором школы была Федорова Валентина Михайловна.

В 1953-м году я училась в шестом классе, Нина Васильевна и физику вела, и математику, много у нее было предметов, тогда мало было специалистов. И моя Нина Александровна Богданова - одна из самых любимых. Она при нас вышла замуж. Так вот Нина Васильевна хорошо геометрию преподавала. Я вспоминаю эти проблемные ситуации на уроке: «Вот как вы докажите, например, решение задачи? Вот прохоровский способ, а вот федотовский способ. Какой нравится больше?» Это ученики разными способами решали, и мы потом разбирали.

Она эти ситуации создавала, хотя по образованию была историк и вела историю. Она умерла не так давно. У меня самые хорошие воспоминания о ней.

Дневников не было, не кормили нас. Помню продукты, когда мать присылала посылку какую, например, песок сахарный. Мы когда растворяли его, на дне еще плавала манная крупа. В эти первые годы у нас главная еда была килька. Покупали все кильку с картофелем. Когда закончила уже десятый класс, я впервые узнала, что такое арбуз. А в шестом классе стала в Шапках учиться, я впервые увидела сыр плавленый, и думаю: как же его едят? И я стала жарить, на сковороду положила. Пришли девочки и стали надо мной смеяться - что за дикий человек? Потому что я в деревне.

Мама Галины Алексеевны на приусадебном участке. с. Ушаки 1972 й год

Я в Шапках проучилась только год. Мама жила в Нечеперти, и мне приходилось жить в Шапках на квартире, у моей одноклассницы на дому. Нужно было платить.

В 1952-м году мы плакали о Сталине. Казалось, что конец жизни. Как же мы будем жить? Просто плакали все. Казалось, что теперь нет нашего рулевого. Мы были в отчаянии. И в том же году моей матери как хорошей доярке предложили переехать в Ушаки. Это еще был поселок Ушаки, где церковь. Там было отделение совхоза Ушаки, которое потом сюда перешло. И моя мама поехала в Ушаки и стала в совхозе работать. Ее заметили, она была старательная. Поскольку новый муж у нее плотник, ей дали участок для строительства дома. Мама стала строить дом. Я приезжала к ней каждое лето. А в шестом классе стала жить в Ушаках. А из Ушаков мне в Шапки далеко ездить, и мама меня

определила в тосненскую среднюю школу номер один.

В Ушаках школа была, но был другой язык иностранный. Я целый год учила немецкий язык и очень полюбила его. Я была потом первой ученицей по немецкому. Помню стихи на немецком. И вот я училась в тосненской школе номер один на Боярова. Первый год учебы, это когда Сталин умер - 1953-1954-й учебный год. Ездила из Ушаков в Тосно на поезде. Он из Любани ходил, тогда не было электричек. За проезд платили мы. Потому что бегала по вагонам с другими мальчиками. Не три ли пятьдесят платили? Каждый день садились, иногда опаздывала. Даже двенадцать километров ходила пешком в седьмом классе. Кто подвезет к уроку первому или пешком. Хоть к последнему уроку, да зайти. Потому что я домой зайти не могла. Отчим у меня очень был такой. Я его боялась. И брата надо

было нянчить.

В общем, я отучилась в Шапках один год. И в Тосно стала учиться плохо, потому что часто с братом нянчилась. Оставалась. И у меня не было учебника по химии. «Задачу сделала, Михайлова? Два!» И так каждый день: «Два!» У нас был Лившиц Семен Ильич – химик, конечно, номер один. Что бы о нем ни говорили, это выдающийся химик. Те, кто имели тройку, поступали и имели пятерку. И жена у него была - Бронислава Исааковна. Лившиц молодец. Ходил к родителям и требовал, чтобы родители этим занялись. И мы все были недовольны. Он только химию вел, знал ее прекрасно. В седьмом классе уже были

дневники. Жена его тоже химик. Они два замечательных химика.

Назаров Иван Иванович вел историю, он жил в соседнем доме. А по истории была учительница строгая, требовала, четко проводила уроки, и мы все хорошо знали даты. Хорошо учили. Нина Александровна была учительница, мой классный руководитель, она была хорошая. Мне нравилась она, как фамилия - сейчас не вспомню.

Я дружила с Ниной Тирсинской. Меня как-то, мне кажется, не любили. Комплекс был, видимо. Потому что я в детстве росла с другими внуками. Я была самой маленькой, меня все обижали. И я думала, что я некрасивая и страшная. Матери я говорила: «Что ты меня такую страшную родила?» У меня такой хорошей уверенности не было всю жизнь. Мне только дед все время говорил: «Никогда не вылезай, не показывай себя, будь скромной!» Тем не менее, я потом себя нашла.

Была по русскому языку чудная учительница - Нина Викторовна. Да, в тосненской школе, я помню, учитель был - какой-то Кузьмич по математике, географ Валентина Ивановна. Я помню, что у нас было три параллели в седьмом классе, и я училась в классе «В».

Я ходила утром. Была ли вторая смена? Может быть, и была. Наверняка была, конечно, была. Я помню, что в седьмом классе отменили в первый год экзамены. В школе ничего не ели. Когда какие копейки есть – купишь. А позже, когда я была в институте, хлеб был бесплатный.

Помню, широкая дорога - каменная, вроде, дальше по обеим сторонам - канавы с водой, серый забор, пустое поле. Дома потом были там: Ленина, сорок шесть, сорок восемь. Позже были дома. Помню одно здание - это уже 1963-й год. Когда я шла по улице Советской, сворачивала на Боярова, первым зданием была детская консультация.

Я сейчас сравниваю, в деревне хорошо учили. У нас было много кружков. В Тосно не было времени, я всегда хотела есть. Мне надо было скорее домой. Что-то, может, куплю - хлеба или один пирожок на вокзале. Помню еще старый вокзал. Редко ходили поезда. В Шапки, например, ходили раза два в сутки. Мы ходили пешком.

Отчим просто терпеть меня не мог. Часто пил и бегал с ножом и топором за мамой. Вот такой был отчим. Поэтому в восьмом классе я стала плохо учиться, и меня взял дедушка обратно в деревню. Я стала ходить там в школу. Я сейчас представляю, что это была образцовая школа. Я помню, как с каждым учеником возились. «Ты пропустил вот это, вот это!» Пособий не было тогда. Мы мало, что запоминали.

В классе было учеников примерно тридцать. Здесь уже были постарше года на два. Бывало, обзывали друг друга. Например, не обидно - я была Михадзе. А когда была маленькая, я умела кричать, как Чита. Меня так и называли. Но это было давно.

Когда я закончила десятый класс, не могла пойти на выпускной вечер, потому что нечего было надеть. Формы не было у детей, у некоторых только была. В седьмом классе в Тосно у одной девочки мать была судья, вот у нее было коричневое платье. У некоторых была форма, я помню, когда стали фотографироваться, я попросила: «Дай мне хоть передник!» Так хотелось иметь форму.

Я вспоминаю, как я у себя в деревне закончили восьмой класс, пошли в девятый. Только девятый класс образовывался, и учебники нужно было покупать. Уже деда не было, а бабушка одна получала пенсию за сына шестьдесят рублей. И я не могла у нее спросить эти деньги. Тогда я набрала

малины в лесу и поехала в районный центр Торжок продавать малину. Стою на рынке со знакомыми, подходят: «Чья малина?» Я отойду в сторону, мне было неудобно продавать. И малина уже села - один сок. Нашлась одна умница: «Пойдем домой, возьму у тебя за двадцать пять рублей». Помню, я смогла купить себе учебники, еще купила чулки фильдекосовые. Тогда были фильдекосовые и фильдеперсовые. Они такие эластичные, не то, что простые.

Учебники - это было главное, потому что много читали, так много, что я читала на уроках, и у меня учителя уже в девятом классе отнимали книги. И меня тогда мало, что интересовало, мало. Нечем было заняться

еще, нечем.

Я закончила школу, закончила десять классов. И в тот период наш уважаемый Никита Сергеевич Хрущев издал указ, что в институт надо поступать, когда проработаешь два года. А поскольку нам в деревне говорили: «Ой, да вы здесь ничего не знаете! Вы знаете, какие в Ленинграде ученики?!» Не было у меня даже попытки поступить, и я об этом жалею очень.

Я пошла работать на Московский вокзал. Мне было удобно: реже ездить - и бесплатный билет. Я работала на Московском вокзале весовщиком, взвешивала багаж. Вот ко мне приходил наш юморист Райкин. Я-то его сразу узнала, тогда не было и мысли, чтобы с ним поговорить - у него было строгое лицо. Он приходил с таким серьезным видом! Раньше было так. Вы едите, и у вас большой чемодан. Человек с багажом приходит в багажный цех. Цех был на первой платформе. Где сейчас электрички, там были кладовые, весы, очередь была. Пассажиры сдавали, я первое время на багаже писала, делала маркировку. Собирала сажу, разводила и кисточкой писала.

Чемодан сдают в багажный вагон, выдают квитанцию. Например, если три чемодана, то на каждой квитанции номер и на чемодане написан номер - положено пяти-шестизначное число. Да, взвешивали все. Потом носильщики собирали вещи и несли в багажный вагон первого поезда. Я уже настолько знала Россию нашу матушку и говорила: «Седьмой поезд. Отнести туда-то!»

У них были тележки. Они отвозили, иногда по невниманию, но это было редко, вещи попадали в другой поезд. А когда пассажиры приходили, в вагон тоже принимали по квитанциям или по накладной. Однажды я задержала поезд, не было одного багажа, кажется, на одну минуту - был выговор по станции. Поезд отправляется, нет одного чемодана. Ведь багаж таскали грузчики - не принесли, а мне надо вместе сдать. Человек с собой не мог взять в поезд багаж. Видимо, тогда и поездов было мало, и вагонов мало, наверное, мешало это. Были багажные вагоны.

У меня были благодарности. Сначала я была маркировщиком на багаже, потом мне исполнилось восемнадцать лет, экзамены сдала на весовщика. Я должна была знать некоторые вещи. Ну, предположим, как переходить железную дорогу: все сигналы, по поездам спрашивали. Я ходила в шинели, черная шинель была у меня. Мне нравилась в шинели ходить.

Я решила, что надо получить образование. Мне хотелось, я хорошо училась, я писала хорошо сочинения. Мне хотелось поступить на факультет журналистики. У меня аттестат без троек. Но я посмотрела, какой был страшный конкурс, и сразу ушла. Не стала ничего сдавать. Потом я пошла в кораблестроительный. Меня подруга туда затащила, и там кто-то сказал, что все равно возьмут одних парней. Мне надо было поступить, как говорят, «кровь из носа», во что бы то ни стало. И я думаю: пойду в педагогический. Почему - не знаю. Я еще детей так не любила, как потом полюбила их.

Я хотела на историко-филологический поступить. Узнала, какой конкурс. И я по одному предмету получила три. Пока я была там, еще не взяла документы, пришел представитель педагогического факультета начальных классов института имени Герцена. И стал говорить: «У кого хорошие оценки, к нам приходите, только сдайте рисование и пение. Потому что у нас в начальных классах надо преподавать рисование и пение». А рисования и пения не было в школе, где я училась. Я подумала,

может быть, мой аттестат их заинтересует?

Мне дали что-то нарисовать, а я не нарисовала. Спела я «Подмосковные вечера», и мне сказали: «Слух запущен!» Но меня взяли, поступила. Надеть нечего, есть нечего. Жила сначала на квартире, с девочкой вдвоем одну комнату снимали на территории института, но в это же время мы работали, чтобы за что-то заплатить. Я была уборщицей.

На дневном стала учиться, опять стала работать. Работала в общежитии вахтером. Ну, все равно очень мало. Сначала и стипендии не было. Одно время я донором была, кровь сдавала. Ничего страшного нет, и мне это нравилось, что моя кровь молодая кому-то поможет. В институте было чрезвычайно интересно, потому что мы ходили на встречи с разными людьми интересными, с Шостаковичем, например.

Я стала заниматься спортом, потому что была развита физически. Я стала заниматься у Первухина Александра Константиновича. Все делала очень хорошо, но он мне говорил: «Галя, не будет из тебя результата особенного, у тебя короткие рычаги – ножки». Все виды, и бег с барьером, всю технику эту знаю и помню.

Потом была в институте председателем совета, ездила. Если вы читали когда-нибудь о Елене и Тамаре Пресс, я как председатель совета ездила к ним домой, приглашала на спортивный вечер. У них квартира - одна комната девять метров. Все стены в наградах, в дипломах, они были олимпийскими чемпионками. Я знала и Йоланду Балаш, она из Румынии. Из наших знала Валерия Брумеля - очень скромный человек. На все международные соревнования нас брали писать протоколы. Сижу, пишу. Слышу: «Отмечать первую попытку подходит Брумель!» А у меня уже сердце загорелось: «Как интересно, красавец какой!»

Я всему научилась, в соревнованиях участвовала в институтских. Но особых мест не занимала, а внутри соревнования занимала места на большие дистанции.

В институте я жила благодаря тому, что подрабатывала. На четвертом курсе вышла замуж. Приехал мой парень, который из Тверской, пришел после армии. Вышла за него замуж. Он был очень хорошим человеком. У него сердце - второй инфаркт был. Он долго потом мучился, я по ночам ему уколы делала. Когда я училась на дневном, нас обязывали выучиться на медсестер.

У нас тогда была холодная война, поэтому каждый из нас, кто закончил гуманитарный вуз в то время, был медсестрой или медбратом в гражданской обороне. Поэтому и учили уколы делать, и на операциях были мы. Учили нас дополнительно. Когда заканчивались наши лекции, на шестой час приходили врачи. Сегодня терапевт, завтра еще какой врач. А в больницу мы ходили на практику. Я не могла быть на операции - меня тошнило, я убегала. Когда резали, я убегала. Укол еще могла делать.

Я вышла замуж. Я окончила институт в 1963-м году и стала работать в Рябовской начальной школе. Жили мы в совхозе Ушаки.

От матери мы ушли, потому что стало тесно очень. Мы ушли в совхоз. Он стал работать водителем у директора, и директор дал ему комнату в деревянном доме. Этого дома сейчас нет. Я отработала три года в Рябовской школе. Она называлась Рябовская школа номер один. Она была в деревне одна, а там же еще есть Пельгорстрой, там Рябовская средняя была, а где Соколов Ручей - там Рябовская восьмилетняя школа.

Школы сейчас нет. Деревянная она была, по шоссе - рядом с поворотом на станцию. Там было четыре учительницы и приблизительно учеников сто двадцать. Когда в моем классе было двадцать восемь человек, это меньше чем в других, мне сказали: «Ой, да каждого можно облизать!»

В Рябово сейчас есть моя ученица, уже пошла на пенсию - Танечка Цурканова. Что здесь особенного? Писали планы воспитательной работы, обязательно нужно было иметь учебный план. Потому что сейчас не очень как-то, а тогда обязательно было. Ездили мы на семинары, особых воспоминаний у меня не осталось. Родительские были собрания, с родителями хорошо нашла контакт. Но иногда очень долго детей держала после уроков.

Как я окончила институт, диплом сразу не давали - нужно было отработать год, и тогда получишь диплом. У нас в районе не было учителей начальных классов с высшим образованием. Я одна закончила дневное отделение, еще заочница у нас была Полина Евгеньевна Яковлева. До меня готовили методистов для педагогических училищ. Но однажды мне сказали: будешь давать урок открытый. А я первый раз не знаю, что это такое - давать открытый урок. Начинаю готовиться, мне еще сказали, сшить костюм - учитель все-таки. Я костюм сшила из простой ткани, заказала у соседки. Потом поехала в городской

институт усовершенствования учителей и попросила, чтобы мне подготовили урок. Я не знаю, у нас был методист или нет? Мне подготовили урок очень интересно. Я настолько запомнила, могла бы воссоздать сейчас, главное направление.

Но когда спланировала весь урок, у меня не получилось так, как я запланирована. Первый раз давала открытый урок для учителей-асов, которые всю жизнь проработали. И вот когда закончился этот урок, вижу - все не так пошло. И сама не так, ну все не так пошло! Пошло не так, как я урок планировала. Я отошла к окну, встала, и у меня ручьем слезы потекли - без рыданий, как вода, текут. Думаю: все пропало. Подходят ко мне учителя, обнимают и говорят: «Вот это да!» Они восхищаются, представляете?! Тогда была инспектором Киселева Елизавета Константиновна, она, видимо, рассказала, как меня тут расхвалили. Меня вызывает заведующий, это был Загорский Александр Дмитриевич, и говорит: «Мы берем вас в аппарат, потому что сейчас нужен человек, потому что Тосненский район будет проверять достоверность новых программ». Министерство просвещения СССР подготовило новые программы, и стали по ним в трех районах нашей страны работать: Московская область, Свердловская область и Ленинградская область.

Раньше начальная школа была четыре года. Теперь расширилось содержание, например, раньше была просто арифметика, а теперь сюда включили элементы алгебры, геометрии, просто сейчас есть это, а раньше не было. И считать стали больше. Нумерация больше. Русскому языку тоже как-то больше внимания. Раньше как-то учили по аналогии, а теперь стали больше основываться на произношении, на основе правил. Потому что тогда после войны все это было. В общем, потому что наука и производство продвинулись, и стране нужны были более образованные люди. И меня тогда поставили во главе угла этого эксперимента.

Я часто ездила в Москву в Академию наук, я знала всех не то, что в лицо, а мне приходилось выступать. Я так стеснялась. А мне: «Галя, ты же знаешь больше всех!» Я, конечно, мало, что могла сказать. У меня диплом, кстати, был на отлично, на пятерки. Писала у Марии Александровны Бантовой, когда я была студенткой. Уже проверила то, что потом вошло в программу. Ну и стали этим экспериментом руководить мои педагоги, у которых я училась в институте: Мария Александровна Бантова и Тамара Григорьевна Рамзаева. Они авторы учебников.

Мне Мария Александровна Бантова сказала: «Галя, только в жизни никогда не берись за написание ученика, это так тяжело! Потому что какую-то линию надо провести по мере возрастания весь учебник». Она говорила, что это очень тяжелая работа. Но отдельные наблюдения у меня были, я там что-то говорила немного.

А эксперимент в чем заключался: все учителя Тосненского района собирались, и я приглашала методистов института Герцена. Вот сегодня Мария Александровна приедет, завтра Галинкина и Бонич. Мы рассматривали тему, как ее преподавать, потому что новое содержание, как правила формулировать. И учителя это должны были претворить в жизнь. Наш район должен был проверить, будет ли доступно детям это все. Этот эксперимент продолжался три года.

Я собирала результаты контрольных работ, писала на миллиметровой бумаге. Тогда же не было компьютеров. Я эту миллиметровку в воскресенье разложу - метра два шириной, со стол. И пишу - в клеточки ставлю, у кого какие ошибки. Иногда отправляла в Москву бандеролью, если там совещание, нас собирали раз в месяц. Мне давали командировку, я еще молодая, конечно, я взрослела. К нам очень много приезжали представителей из Москвы, из министерства, тогда было программно-методическое управление.

Мой эксперимент начался в 1965-1966 годах. В нем участвовали Тосненская школа номер один и Тосненская восьмилетняя школа. А железнодорожная не имела к нам отношения. Железнодорожная была, где сейчас гороно. Тосненская школа была на проспекте Ленина — деревянное здание около церкви. Она была как бы в двух зданиях: где деревянная, там были старшие классы, а на стороне типографии - там была начальная школа.

В те времена не было еще музыкальной школы. Музыкальная начинала работать в деревянной, корчагинской школе. Музыкальная школа стала после, когда открыли первую школу, где Киселева стала директором. А восьмилетняя перешла на Боярова в Белую школу. Здесь стала Тосненская восьмилетняя школа. А около церкви школа стала вечерней. Директором был Соколов Игорь Ильич. Директором восьмилетней школы был Кудрявцев Василий Сергеевич в 1965-м году.

Потом опять стали менять программу. С течением времени меняется содержание нашей жизни, науки и достижений. Начали обучение с шести лет. Учли то, что все запоминается и понимается в раннем возрасте лучше. И приводили такой пример, что иностранный язык чем раньше учишь, тем лучше запомнишь и поймешь.

Открыли класс шестилеток в ушакинской средней школе. Набрали мне шестилеток, здесь начинала другая учительница, но она ушла потом в декрет. Меня пригласили, и я стала с ними работать по новой программе, по программе один - четыре. Опять изменения по сравнению с той программой, которая была раньше. Но что в шестилетках интересно: обучение с шести до семи лет наиболее трудное, потому что нужно детей больше забавлять, еще рано им учиться. И поэтому мы придумывали разные игры в учебном процессе в течение урока, и это было трудно. Учить надо было, играя, кто-то приходил на урок - вот она Незнайка. Давайте будем отвечать и посмотрим, правильно ли Незнайка отвечает?

Впитывала, мне все очень нравилось, я все делала с душой. Ну что же, тогда, конечно, очень много учителей-талантов у нас появилось, очень много. Когда прошло три года, были награждены учителя, некоторые стали отличниками просвещения СССР, а другие отличниками просвещения РСФСР. Я тоже отличник РСФСР.

Петрушова (Малошникова) Вера Михайловна

Я, Петрушова (Малошникова) Вера Михайловна, 22 января 1939 года родилась в деревне Чудская Рудница Гдовского района - бывшая Ленинградская область, теперь Псковская область.

Родители мои были Малошникова Екатерина Алексеевна - мама, колхозница в деревне, папа был Малошников Михаил Прокофьевич - парторг, бухгалтер колхоза «Александр Невский», организатор этого колхоза, который просуществовал до последних дней, недавно развалился. Это был передовой колхоз, еще и рыболовецкий, земля вся использовалась, выращивали овощи.

Папа был у истоков: и организатор, а также работал там. Я уже после войны находила документы: почерк красивый, он был грамотный, у него четыре класса образования. У него, видимо, была большая библиотека спрятана, она на чердаке была.

В семье было четверо детей, пятая родилась в сентябре. Я четвертая, последняя родилась седьмого сентября, отец к этому времени погиб. Старший брат Станислав, он 1930 года рождения, ему было одиннадцать лет в ноябре почти. Дальше через два-три года Валентина была, потом Людмила, потом я, Евгения последняя родилась. Я 1939 года, в сентябре 1941 года родилась последняя.

Как началась война. Помню, как пошли немцы, граница с Эстонией была. И загорелась застава, это зарево я видела, и потом сразу была бомбежка большая. Мы бежали через поле, наш дом был первый, бежали через поле туда по мхам на полуостров такой. Это граница с Эстонией была. Видимо, эстонцы с немцами эту границу уничтожали. Сожгли заставу, застава горела.

Шла бомбежка большая, мы на поле бежали, снаряды рвались, а старший брат поумнее был,

помню, что он кричал нам: «Девчонки, открывайте рты, раскрывайте полностью!» Долго думала, зачем так говорил? Видимо, чтобы не оглохнуть. И вот мы бежали-бежали, наверное, до деревни Остров добежали. Она и сейчас там, два или три дома остались. Там кругом болото, клюква, и одна только дорожка к ним на этот Остров идем. Там были, помню, какие-то окопы, снаряды рвались около окопов, а куда обратно возвращались, не помню.

Началась война, и наш отец ушел в партизаны. Нас же было пятеро маленьких. И открылась дверь, немцы-фашисты с эстонцами привели отца в наручниках. Это был 1941-й год, сентябрь месяц. У нас шел обыск, с чердака летели книги. Помню крик матери, а мы около нее все были. Кричала она страшным криком, этот крик я запомнила. Потом, вроде, отец снял часы и что-то передал сыну. Затем его увели. Туда, где застава стоит, к перешейку вели.

Потом оказалась, что коммунистов и комсомольцев угнали в Эстонию. Дальше мы ничего уже не знали. А эти пять коммунистов успели на чердак куда-то запрятаться. Один по фамилии Струпиков, двое Власовых, все из нашей деревни. Они сидели в сарае, все закопались. Все равно немцы их нашли. Они нашли, но у них было оружие, они

сами себя застрелили. Мама потом рассказывала, что, когда они застрелились, может, еще живы были. Они их добивали оглоблями, мозги летели. Они бы все равно казнили их.

А нашего отца увели. Она не рассказывала, она никогда не улыбалась, не пела, нам не говорила. Только сказала, что отец передал искать в подвале с правой стороны документы. Она куда-то на работу ушла, и мы все-таки попытались. Начали простукивать, и что-то стукнуло. Мамы не было дома. Мы раскопали, там была банка закрытая и партбилет. Мы крышку открыли, и партбилет в пепел разлетелся. Так от его документов ничего не нашли.

Когда был 1953-й год, год, когда Сталин умер, мать вдруг вызывают на суд в Таллинн. Оказывается, этих лесных братьев поймали, они же разбежались по лесам. Их, видимо, поймали и в Таллинне судили. Мать была на суде на этом. И она рассказывала, как они там умирали.

Мама место называла. Они заставили рыть их яму огромную, сами они копали. Потом спустили

овчарок, ну, там и кто живой, и кто мертвый — всех закапывали. Моя невестка, жена брата старшего Станислава, она помнит, я пытаюсь ее расспросить. Что-то она помнит, рассказывает. Ее мама и наша мама были подруги. У отца было оружие, которое он прятал. В общем, отца увели. Мы дальше уже судьбу его не знали.

Мы потом куда-то ехали. Как мама рассказывала, нас, видимо, спасали. Семья-то огромная, отец коммунист. Мы куда-то сначала ехали на корове - корова вела, а мы шагали, это помню. Маленькая родилась. Ехали-ехали, мать называла деревня Федотово. Я не знаю, где эта деревня. Потом

мы где-то в лесу оказалось. Там с нами еще были питерские сестры отца. Сестра тетя Оля и тетя Вера и их дети с нами были в деревне. Они в городе жили тут, а дети были у нас в деревне. И где-то нас высадили в лесу. В глухом лесу, мы там делали шалаши.

Шалаши были, сколько мы там пробыли - не знаю, и кто нас вез потом в деревню, коровы наши остались - не знаю. Может быть, уже корова была забита, мы ели сухое мясо. Насушено было сухое мясо. А дальше уже куда-то нас увезли в какую-то деревню, видимо, по домам распределили. Так пять лет жили, ничего не помню - что, как, чем мы занимались, как мы жили. Мы приехали такие завшивевшие, даже страшно рассказывать.

Нас эвакуировали, скорее всего, спрятали куда-то в какую-то деревню. Мы все живы остались, мы приехали - только коросты на голове были, болячки вот эти все, а в этих болячках волосы шевелились - вши, в одежде вши. Вернулись зимой, потому что трясли на снег этих вшей, кучами вши летели. Уж как там мы жили и чем питались... Помню, после войны мы сами копали картошку гнилую, мать пекла какие-то лепешки, с чем она мешала - не знаю. Обратно в деревню приехали мы уже в 1945-м году. Уже, видимо, война кончилась.

В нашем доме, а он у нас огромный был и была солома, сено, был лазарет, видимо, раненые были. И стояли сухопутные моряки в тельняшках, помню, очень много моряков было, у них было оружие. У нас тополя стояли высокие и стояла зенитка, она еще долго стояла после войны. И вот помню, как они нас носили на руках, эти моряки, вкус их пакетиков еды - такая вкусная еда. Нас кормили, носили на руках.

Помню, нам эти моряки питание какое- то дали, то ли толокно какое-то, это было толокно овсяное, то ли картошка с маслом. А вместо сахара был сахарин - по две-три капельки. Помню, что мы кинем две-три капельки, она наварит из ржаной муки на воде эту кашу, и мы вот этой сладкой водой запивали. Мне уже семь лет было.

В школу я вовремя пошла, потому что я закончила в 17 лет десять классов. Ну, мы потом дальше стали понемногу работать, помогать в колхозе. Колхоз стал подниматься, норму давали, мы там работали за мать.

Там так было: собирали с поля рожь. Ходили и собирали колоски, все сдавали. Помогали возить на поля навоз, а уже свой огород обрабатывали в последнюю очередь. Помню, что тащили соху, плуг - вручную тащили.

Питались плохо, что там. Нас было много, мать старалась нас собрать: вот наварила картошки, мы гнилую карточку, помню, собирали. Что-то она добавляла, а потом пекла лепешки. А потом уже стало что-то расти, картошка - хорошая еда была. Картошки наварит, начистим мы ее, и она сразу нас кричит всех, чтобы мы были за столом, чтобы мы поели.

Все работали. Она, наверное, утром собирали нас, как сварит, так накормит, а там уже не знаю, ели мы днем что-то или нет. А сама уходила, оставляла на Станислава и на Валю, на старших, нас троих маленьких. Уходила батрачить в Эстонию.

Там немного услышала. Что казнили комсомольцев на том берегу. И коммунистов, комсомольцев туда увезли, они с моей невестки матерью ходили вдвоем. А нас оставляла на старших. Приносила

что-то, на хлеб зарабатывала.

А дальше корова была уже, питаться стали. Тогда, помню, сдавали молока норму, если кур держали, сдавали яйца. Если овец держишь, то шерсть сдаешь государству. Какие-то доли отдавали. Молока тоже сдавали норму, нужно было вымесить и сдать. Мы стали уже питаться от коровы. В общем, как жили, так и выросли.

В школу ходили мы, конечно, сразу после войны. Учились мы все. Наш отец был старшим и жил в деревне. У отца было трое братьев и две сестры. А у дяди свой дом сгорел, остался петух. У них сгорело все, ничего не было. Дядя ушел пешком в Питер, закончил два высших учебных заведения, он был военным. Он ходил тоже батрачил.

Уже после войны эстонцы жили нормально. Я училась там. Они его помнят, что он пас коров у эстонцев. Еще и нахваливали его. Отношения были хорошие. Нормально было, эти эстонцы даже в наши русские группы хотели, чтобы русский язык изучать. У нас много эстонцев училось.

Школа до четвертого класса была в этой же деревне, а средняя школа была за семь километров. Озеро разливалось, мы ходили семь километров пешком, а когда посуше было, ходили три километра напрямую через речку мостик, мы часто падали туда. Так и ходили: собирались и топали семь километров в школу.

Волков-то не боялись, мы, наверное, и не понимали, что можно бояться их. Их было много тогда, ведь держали скот, овец. Утаскивали овец, заваливались в хлев. У нас, помню, был отстрел этих волков. Сейчас в заказнике-заповеднике кабанов полно, сохатых полно, даже медведь есть.

Ходили в лес мы часто, ягод полно было. Бои были сильные, мама рассказывала. Когда по мхам ходили, мы находили солдатские трупы. Валялись еще трупы по мхам. Их хоронили, наверное, одежду снимали. Мама стирала и шила нам из их одежды телогрейки. Своя машинка была, шила она нам одежду сама всем.

Учились хорошо, дядя посылал посылки, помню, из Питера. В посылках еда, компот, что-то съестное, одежда. Помню, такие были платья вязаные - трофеи, видимо. Еще никто не носил вязаные платья, а мы надевали - короткие маленькие такие платьица. Потом конфеты там были.

Школу мы закончили, мы все учились хорошо. Окончили все трое по 10 классов, Валя и Станислав - 7 классов. Хотя Станислав, вроде, меньше - не успел. Все получили образование.

И мы поехали. Старшая сестра Людмила училась там. Я поступала в медицинский институт. Я помню, уже Людмила поступила, а я не прошла конкурс в этот медицинский институт. Училась на пятерки, а был конкурс 11 человек на место. Сдала экзамены все, а немецкий сдала на тройку, и я не дождалась. Вывесили - тройка, и я забрала документы. А когда забрала документы, дядя меня ругал: «Что же ты ко мне не обратилась?!» Он здесь командовал Северо-Западным, он командовал парадом здесь. Генерал-полковник пограничных войск Малошников Иван Прокофьевич. Он похоронен на центральной аллее на Богословском кладбище. Там от больницы вход один, там были первые могилы. Там четверо похоронены: генерал-майор, генерал-полковник, генерал-лейтенант, а сейчас ближе к воротам. Он меня тогда ругал. А я уже потом подумала: мне хотелось быть врачом, и хорошо, что я им не стала, я ведь до сих пор боюсь укол поставить.

Заставу нашу не восстанавливали. Раньше застава была в деревне Самолва, там был сельсовет, пограничники стояли. А сейчас перенесла на берег деревни Путьково, я еще не видела. Там граница, дежурят они, озеро сейчас же разделилось пополам. Ходит погранкатер.

Живет еще невестка, приезжаем - там такой богатый край, все растет без парников. Там микроклимат: огурцы, сад полный яблок, перешел сто метров - клюква. Кругом клюква крупная, брусника, голубика, черника. А грибов белых - море. Вдоль дороги идешь - с одной стороны и с другой. Спустилась на болото, набрала клюквы. Много видов грибов. Не часто, но езжу. В прошлом году ездила.

Брат тоже работал. В основном был на работе все время, помогал матери. Он механик был, плавал на озере капитаном и трактористом был. И шофером был. Все специальности знал. Ну, жил хозяйством, семья была образцовая, жили хорошо с женой. Хотел машину купить, чтобы яблоки продавать. Помню, когда капитаном по озеру плавал, огурцы-то не все съедали, и вот он нас с соседской девчонкой, просил: «Я отвезу на базар, продадите хоть огурцы!» Привез нас на базар, мы стояли-стояли с соседской девчонкой - не берут у нас огурцы. Сколько можно! Мы их вывалили.

Рыбу ловили, ели. Помню, что молодежь росла дружная. Столько было молодых ребят высоких, красивых. Праздники были: Петров день, Крещение мы праздновали по деревням. Приезжали парни

высокие, красивые - полный дом гостей было. Молодежи было много. Гулянья, гармошка, припевки пели, уже жизнь веселее стала.

У меня старшая сестра была певунья, а брат плясал. Она пела все про Семеновну: «Ой, Семеновна, ой, Семеновна!» Разные были припевки. Она была кудрявая, брат кудрявый. А в деревне еще был мужчина Бредин Михаил. Так у него брали даже народные песни. А мать пела на свадьбах. На похоронах голосили.

Немец шел - горело все. А деревня, откуда мама родом, ту угнали, немец гнал. И у маминого брата и сестры в Эстонии было по 4 детей. И все они их оставили, они умерли от голода, кормили их опилками. Та, которая старшая, была сильнее - выжила. Остальные похоронены.

Маме было некогда. Уходила работать, приходила уставшая. Она требовала с нас: даст задание, приходит и смотрит, выполнила или нет. А если не выполнила, то прутик был, наказывала нас. Мы где и побалуемся, а уж к ее приходу все чин-чинарем. Уже после войны устроили игру во дворе. Там, где корова, сено было наверху. Мы залезли, прыгали. И накануне зимы провалили потолок на эту бедную корову. И не знали, что придумать, чтобы не было порки. «Мама, мы услышали, что-то грохнуло. Посмотрели - потолок вылетел сам по себе!»

Потом случилось что-то с коровой: стала помирать, а причины не знаем. Мужиков нет, и мать просила Станислава, что-то сделать, ведь мучается корова. И он оглушал, чтобы не больно было, убивал корову. Нам ее пришлось закопать, хотя не проверили мясо. Оказалось, что она проглотила ржавый гвоздь с водой. Она мучилась.

Ну, жили, все нормально было. Жизнь налаживалась. Колхоз был передовой. Празднества были, там погранзона, и все время на Петров день, на день рыбака 11 июля съезжались военные все. На берегу озера 1456 года церковь стоит, построена в честь победы Невского. Там такой высокий берег, на берегу церковь Михаила Архангела. Стоит памятник Невскому и поодаль крест такой. Изречение там: «Сила бога не в вере, а в правде». Шли там раскопки, немцы приезжали и хотели нам доказать, что не было ледового побоища. А во время раскопок из озера доставали шлемы, курганы раскапывали еще. Помню, мама рассказывала, что доставали кости. Современный человек им по пояс, такие большие люди. Деревня, где стоит этот храм, Кобылье Городище называлось. Лошадей, видимо, хоронили. Там кладбище сейчас. Доставали шлемы, кольчуги доставали. Где Вороний камень, бьют ключи подземные теплые, и озеро не замерзает, а чуть-чуть льдом покрывается, и вот он их туда и заманил, они тонули все. Это все оказалось правдой.

Планина Наталья Николаевна

Я, Планина Наталья Николаевна, родилась 17 января в 1940-м году в городе Москве. Но я почему там родилась? Потому что отец в то время, коренной житель города Тосно, работал в то время в Генеральном штабе. А мама уже не работала в этот момент. Ранее она работала учителем начальных классов в городе Тосно. Еще одна ученица есть, которая ее помнит. А предпоследняя недавно умерла. У мамы учился герой Советского Союза Виктор Зикеев. Отца звали Планин Николай Дмитриевич. Девичья фамилия моей мамы - Евсеева Клавдия Ивановна, а Резицкая - прозвище.

Объясняю, почему Резицкая, как рассказывала мне мама. Она говорила так, что все-таки сюда Петр I в Санкт-Петербург и в окрестности привозил людей из разных уголков России, и есть легенда, что мой дед Иван Прокофьевич родом из города Режицы. Есть ли такой город - не знаю. И поэтому он получил прозвище Резицкий. Вот они и Резицкие.

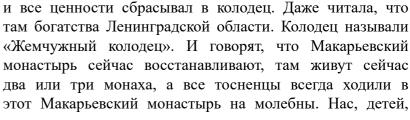
А Планин Николай Дмитриевич из Резани, но нашей, тосненской. Почему она называется Резань? Потому что, когда по дороге купцы везли товары, там был большой мост, за ним - густой лес. И, как дядя говорил, здесь атаман Волочко хулиганил. Он забирал все богатства и убивал. И когда купцы

проезжали эту речку, они на той стороне реки построили часовню. По легенде, в эту часовню заходил и Петр Первый. Пытались найти псалмы, по которым он читал, не просто так заходил, проявлял активность, но не могут найти, чердаки смотрели, но так и не нашли. Часовни на этом месте сейчас нет. Она снесена, ее нет, на ее месте сейчас дома стоят.

И вот, атаман Волочко обувал лошадей в лапти и свозил в Макарьевскую пустынь. В лапти обувал, чтобы не видно было, что

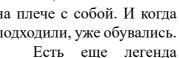
лошади ходили. Увозил в

Макарьевскую пустынь

водили, как рассказывали родители. Мы ходили туда босиком, ботинки несли на плече с собой. И когда подходили, уже обувались.

Планин Николай Дмитриевич отец1938 й год

о Настасьином рукаве. Это болото у нас есть - Настасьин рукав. И, вроде бы, атаман Волочко полюбил девушку Настю из Тосно, он тащил ее к себе. Но она никак не хотела, она плакала. Он оторвал рукав от платья, и ее слезы разлились

в Настасьино болото. Я думаю, что про атамана это историческая правда. А про Настю - легенда красивая, которую составили местные жители.

В Резани жили Планины. Все Планины из Рязани. Отец мой, родители у него очень рано умерли, но дело в том, что его мать осталась одна, моя бабушка, которую я совсем не знаю. Она осталась и семь человек детей. И эти семь человек детей росли сами по себе. Отец был третьим от конца. Старший брат - Федор Дмитриевич, у которого судьба тоже тяжелая, он попал в немецкий плен в Германии.

Там жили несколько семей с фамилией Планины. Отец был военнослужащий, и где он только не бывал. Фамилия Планины нигде не встречается, только в Тосно. Мы пытались посмотреть по интернету, где же есть фамилия Планины, в Санкт-Петербурге их очень мало. Есть в Риге одна семья, тоже тосненская, и одна семья в Новгороде, тоже тосненские. Больше нигде не встречали этой фамилии. А означает - люди северных планин.

Есть в Болгарии город, называется Северные Планины. Есть даже селение, в «Комсомолке» сама

Дудергоф, район Пушкин, курсы учителей 1927 й год. Первая слева Евсеева Клавдия Ивановна

читала, там говорилось о Ванге, ее снимали в селении, которое называлось Планина. Значит, оттуда люди с гор. Планины северные. Больше этой фамилии нигде не встречается. Там тоже имели прозвища. Были Планины-Морозовы, просто Планины, чтобы отличить. Проиграв в карты, увезли в Санкт-Петербург несколько семей. В основном их везли для занятий именно парниковым хозяйством, то есть выращиванием, но не довезли и бросили в Тосно. А когда их спрашивали: «Кто вы такие, откуда?» - языка не знали. И вот «Планины, Планины». Так и стали называть. Фамилия стала - Планины.

Мама из «середки». «Середка» - средняя. Проспекты Московский и Ленина назывались «середка». Бабушкин дом, вот этот дом, который освещен, фотография шикарная. Когда поднимешься по лестнице на второй этаж, в музее. Там большой дом, дом 104 А. Это дом, в котором жила моя бабушка со своей семьей. Дом снесен. Он стоял рядом с церковью, при церкви было кладбище, в котором было очень много селений. Там мои предки, вероятно, похоронены.

Я даже помню до сих пор, когда в 1947-м году, в конце 1946 года возвратились в Тосно, я даже помню эти

надгробные плиты. Мы там еще играли, бегали ребятишками, там много очень плит. Кладбище еще продолжалось, а вот здесь, на конце, стоял дом, в котором жил священник, а следующим домом за священником стоял двухэтажный дом, который был у нас как Ленина, 104. В этом доме жила моя мама.

Мама родилась в Тосно, было свое хозяйство. Мама же работала в школе. Она в школу попала сразу после девятого класса. Ее взяли в школу, потому что началась революция, и учителя аристократы

Мать Евсеева Клавдия Ивановна Учитель Тосненской школы, начальные классы 1920 й год

стали уезжать из Тосно. Они стали покидать Россию. А таких девочек, которые проявляют активность, конечно, брали на работу в школу. Было две подружки: Мария, она потом в библиотеке работала, и мама - работала в школе. Все боялись ее, она была строгий учитель. Она требовала и ездила на курсы повышения квалификации в Санкт-Петербург, в Ленинград тогда. Есть лицей, в котором учились дети Пушкина, это на Лиговке, они ездили туда. И был такой поезд, назывался Максим Горький, который шел от Тосно до Ленинграда три часа и три часа из Ленинграда до Тосно. Туда и обратно. И она, конечно, поздно приезжала.

Бабушка ее в этот период очень оберегала. Причем бабушка моя тоже была сирота, у нее рано родители умерли. Но у них в семье было чувство помощи родным. Всегда бабушка говорила: «Кто, как не мы?» Война их разнесла в разные районы России, но благодаря ей все вернулись в Тосно. Все до одного. Из ее шести детей пропал один без вести Александр Иванович Евсеев, до сих пор не могут найти. Его и внуки ищут, не могут найти, никаких данных нет. Пропал во время войны.

А второй сын - Николай Иванович, у бабушки было два сына и четыре дочери, он дослужился до звания полковника. После войны был военным советником в Чехословакии. Там служил. Бабушка не имела образования, только начальное. Мы еще смеялись, она писала «церковь» и на конце твердый знак. А мы: «Бабушка, что ты пишешь?» А она пишет: «Я пошла в

церковъ». Тогда церковь была уже в конце поселка. И вот писала записку.

Дедушка умер рано, в 1938-м году. Как потом родственники говорили, у него был рак печени. Ну, тогда не могли ставить, как-то по-другому диагноз поставили. У нее уже взрослые дети, первый 1901 года рождения, они рождались через два с половиной года. Мама 1902 года, потом через два с половиной 1905 год. А это было в 1938-м году. Но всем заведовала, конечно, бабушка. Она была

Надежда Ивановна Евсеева (Резицкая) Учительница математики сестра матери Санкт-Петербург, 1921 й год

необыкновенной силы воли. Мы боялись ее очень, только ее взгляда. Но она за детей горой стояла. Всем она дала среднее образование, это девять классов. Она всем до одного дала, каждый получил образование. Она была очень дружна с матушкой, а это были люди интеллигентные, знающие. Она прислушивалась всегда к советам матушки. И вот особенно, когда была здесь испанка, мы спаслись только благодаря ее советам. Она говорит: «Когда своих детей отправляешь в школу, на крестик чеснок вешай». И всем шестерым каждый день меняла чеснок. Вешала чеснок, они ели ягоды черемухи. Мать говорила, что никто из них испанкой не заболел, а многие болели и в Тосно в том числе, и умирали от испанки. Это 1924-й год.

Бабушку звали Елена Федоровна Евсеева. Умерла она в 1956-м году, в конце года, она была ровесница Ленина — 1870-го года рождения. Она очень хотела, чтобы ее дети получили образование. В годы советской власти она никогда не отзывалась плохо, наоборот говорила ребятам, что надо учиться. Она была, конечно, против, когда они стали ходить в кружки самодеятельности, на праздники антирелигиозные. Она возражала, но не очень, тут уже они могли ее переубедить. И она заняла достойное место в их жизни. А о внуках и говорить нечего, потому что она каждого помнила, у кого когда день рождения. А у нее было шестнадцать внуков. Всех помнила.

После войны в 1952 году Николай Иванович получил назначение военного советника Чехословакии. Детей брать было нельзя. Жену можно, а детей нет. А у него двое детей: девочка моего возраста и постарше Игорь был. Ну что поделать, они сдали детей в Москву в интернат. Ну, интернат есть интернат. Там они были предоставлены себе, Игорь стал курить, им не хватало, как они считали, домашнего тепла. Когда родители приехали навестить, в отпуске он всегда ездил сюда в Тосно, приезжает и рассказывает Елене Федоровне: «Мама, ну как ты посоветуешь?» Моя мама была старшая, она в это время уже не работала. После войны она не работала. Бабушка говорит: «Ты остаешься в Чехословакии, Клавдия забирает Светланку и Игоря к себе»

Моя мама говорит: «Но как же, у меня свои девчонки». Старший уже учился в военном училище, сестра поступила в институт, а я вот еще школьница. Мы со Светланкой ровесницы, Игорь, а у меня еще Зоя - отцовская племянница.

«А кто будет, если не сами поможем?» Она вызвала всех дочерей. И сказали: «Как хотите, вы Коле должны помочь. Клавдия, они у тебя будут жить, Ольга, ты будешь стирать, Надежда (учительница математики в Колпино), ты будешь помогать в учебе, Женя, ты тоже по мере необходимости, что нужно поможешь, чтобы все были при деле!»

И никто не смог ослушаться. И вот я говорю: «Мама, ты же могла отказаться! Все-таки такая нагрузка!» Моя мама ответила: «Я понимала все это. Я понимала ответственность, которая передо мной, но мать ослушаться мы не могли!» Вот уже в таком возрасте они ее ослушаться не могли. Уже им было под пятьдесят, они ослушаться ее не могли.

А когда погиб Александр, которого не можем найти, она опять созывает всех и говорит: «Как хотите, вы остались с мужьями своими, у вас у всех нормально. Вы Нюрке должны помочь!» И мы действительно помогали. У нее трое детей остались совершенно еще маленькими, конечно, кто чем мог помогал. Они вышли очень достойные люди. И они до сих пор вспоминают, как она всех нас заставила. Никто не мог ослушаться ее.

Как война началась, я, конечно, не помню. Как раз перед самой войной отец был на сборах в Беловежской пуще. Буквально приехал в Москву 21 июня и все говорил: «Давай мы Наташку с собой возьмем! А старшего Георгия, Гоню (у нас тосненское название Гоня - это чисто тосненское) и Лену отправишь к матери. И мы проведем там отпуск!» Она говорит: «Нет-нет, я не поеду. Никуда не поеду!»

И он 21 июня приезжает уже в отпуск. А 22 июня объявляют войну. Мы так в Москве и остались. Отец, конечно, все бросает и едет в Беловежскую пущу, там все разбомбили, все абсолютно. Он же

приехал в отпуск из войсковой части, туда возвращается. Началась война, он должен быть на месте. А формировалась их часть в Выборге. Он едет в Выборг и попадает в блокаду. В Ленинграде попадает в блокаду. Но так как человек военный он знал куда идти, как и что.

Отец по специальности был инженер. Есть единственная академия транспорта и тыла, которая изучает гусеничные машины и железнодорожный транспорт. Сейчас вышел фильм художественный о тех, кто прокладывал дорогу по Ладоге. Там не только ездили на машинах, но и прокладывали железную дорогу. Он принимал участие в прокладывании этой железной дороги зимой. Дорогу жизни прокладывали. Родственники нашлись в Санкт-Петербурге. Он помогал маминой сестре младшей. Она из Колпино, но оказалась в Санкт-Петербурге и никуда не выехать было. У нее дети родились после войны, а муж у нее пошел в Ижорский батальон, и он помог ей эвакуироваться в Кировскую область.

Другая, которая потом стала нашей невесткой, она тоже тосненская, из семейства Рулевых. Он помог ей устроиться в детский дом, благодаря чему она и выжила. В детском доме ей было лет 12. Она имеет медаль «За оборону Ленинграда». Брат у нее старший умер от голода, бабушка у нее, но там страшно, это рассказ особый им бы заплатить не то, что им сейчас платят. Ребята маленькие, им ставили ящики, и они работали на токарных станках. Еще и говорили: делайте аккуратно, чтобы только фашистов поразило. Они там старались. Но детей кормили и учили. Подвиг был, конечно, невозможный.

Помогли ей устроиться. И то брали не всех. Он помог ей оказаться в детском доме, и в детском доме она выжила. Сравнительно недавно умерла. Они после войны долго не рассказывали о том, что было, только по прошествии многих лет уже и ее мать рассказывала, что было. Это жуть. Они о людоедстве рассказывали. Людоедство было. Детей ели, новорожденных детей съедали. Рождались же дети, это 1941-й год.

Когда дорога жизни была построена, его отправляют в Котлас. Строилась дорога Котлас - Воркута, а эта дорога стратегическая, потому что они уголь поставляли в Санкт-Петербург через нее. А работали там штрафбатальоны. После этого он уже был и в действующей части.

В это время начались бомбежки. Бомбили Москву. Брат 1929 года был еще подросток. И он бегал с мальчишками тушить зажигалки на Красную Площадь. Убежит - и целый день его нет. С утра убежит и к вечеру прибегает. Мать говорит, что себе не находила места: как они там добирались, кто-то их подвозил.

А тут началась эвакуация населения из Москвы. И они, значит, и говорят: эвакуируйтесь, это совсем ненадолго, ну, какие-нибудь там год - полгода, ничего не берите. Осенью эвакуация была. Мы кроме елочных игрушек ничего с собой и не взяли. Все было оставлено. Эвакуировали в Челябинскую область.

Приехали они осенью, уже морозы, поселили на окраине деревни. Председатель поселил на окраине деревни: зимой выли волки, было страшно. Тут она столкнулась с проблемами. Выковыривали картошку замерзшую из поля, нечем топить было. Холодно, а она с тремя ребятами. Те сразу в школу, а я-то маленькая была еще. И поехали они за дровами. Дали лошадь, поехали в лес собрать там хворост. Приехали, набрали, лошадь нагрузили - она ни с места. Не идет и все!

Мама в слезы. Не идет лошадь. Брат ее за узду как только не дергали. Не идет лошадь. Еще и боялись ее. А это было недалеко от деревни. Мама говорит: «Я буду лошадь сторожить, а ты беги к председателю!» А председатель: «Да чего ты, не знаешь, как делать? Да ее по матушке надо! Вы городские ничего не умеете!» И когда на лошадь уже вот этим матом сказали, она пошла.

После этого мама работала в колхозе, я в яслях была, старшие ходили в школу. Мама вестей об отце не знала никаких. Даже пособие она не получала. Ничего. И вдруг он нас разыскал. После того, как они еще строили дорогу, он разыскал. Прислал беспризорного парня из штрафбатальона. Молодого мальчишку, который от отца приехал. Но отец чувствовал людей. Мальчик говорит: «Вы только махоркой запаситесь и все будет в порядке!»

Мама наменяла все, что было: кольцо золотое, еще что-то - все обменяла на махорку. Стали садиться в поезд, а нет мест. Раненых сажали в Челябинск. А деревня, в которой они были, называлась Крутиха, так же и река называлась. И маме говорят: «Нет посадки. Нет и все!» Мальчишка говорит: «Давайте махорку!» Набрал целую пилотку махорки, прибежал, принес ключ. С одной стороны опускается вагон, а с другой закрыт. Вот он открыл этим ключом и посадил нас на самую верхотуру.

Идет проводница, проверяет: «А где ваши билеты? Так я посадить не могу, как вы сели!» А этот

парень говорит: «Сейчас билет будет!» Следующая остановка, опять берет махорку - и билеты готовы. Так вот мы и доехали, отец нас встретил в Княжпогостье - называется так поселок на Севере, где строил дорогу Котлас - Воркута.

Так мать за ним и ездила со всеми вместе по тем точкам, где он ездил. Произошло освобождение они едут дорогу прокладывать. Еще освободили какой-то стратегический объект - они опять туда едут. Так они побывали во многих городах. Сестра училась в девяти школах. Когда она приехала сюда, в 10 классе ей было очень трудно.

Мама не работала. Два момента очень запомнились, когда оказались в Черновцах - на границе с Румынией. Они границы пересекали. И вот объявляют: «На наш дом нападение бандеровцев, будьте

предельно осторожны». А брат опять пошел в парк с соседским парнем. И сказали: «Не спите всеми семьями, приготовьте все документы, ожидается нападение бандеровцев». Мама потом мне рассказывала уже. А это было под

новый год.

Вот этот момент и помню. Когда был 1945-й год, мама была дома тоже одна, были уже под Воронежем. Выступал Сталин. Я бегаю, прыгаю, а мама: «Тише, тише, Сталин говорит, война закончилась!»

Вот эти моменты мне очень в жизни запомнились. А потом отец дальше служил в Воронеже, затем его отправили в Таллинн. Предлагали квартиру, где хочет. Он сказал: «Нет, я поеду только в Тосно». Он имеет награды, Орден Ленина, Орден Боевого Красного Знамени, какой-то еще военный орден. У него три ордена, а медалей-то

Гор. Тосно, 1953 й год Планина Наталья Николаевнавторая слева в среднем ряду.

очень много.

В Тосно, когда приехали, нас встретила у порога булыжная дорога, деревянные дома, причем у домов стояли скамеечки. Все, как положено. Люди были очень доброжелательные. Это удивительно, мы просто все были рады, ждали День Победы. А у нашей семьи сложилось как-то так, что всегда в День Победы собирались. У бабушки, когда бабушка была еще жива, собирались около вот этого дома, 104 А, собирались на скамейке и пели песни о войне.

Мы все приехали обратно, приехали в этот дом. У нас ничего нет, потому что у нас была в Москве квартира. Когда они поженились, они снимали здесь у каких-то знакомых. Ну, а потом они так и ездили по квартирам, своего дома не было. А тогда был участок очень большой - 75 соток, это почти вот где сейчас вторая школа, немного дальше и до самого ручья. Конечно, они нам были не нужны. Мы быстро отказались от них. Дали ссуду, причем ссуда как участнику войны довольно-таки приличная. Пенсия была довольно приличная. Отец работал в ДОСААФ, он работал с молодежью. Потом он работал судьей, и к нему всегда приходили советоваться, он всегда помогал и советами и делом. А маму вспоминали как строгую учительницу. «Где ты училась?» «Да у Клавдии Резицкой училась!» Вот так и называли.

Сестра моей мамы, Ольга Ивановна, она известна тоже в Тосно. В доме было два этажа. Бабушка делала очень умно. Она жила со своей семьей и теми незамужними. Она жила на втором этаже. Приехали мы. Куда нам деваться? А у нее первый этаж есть, у нее было три окна. Смолины еще жили на полдома. Купили они этот дом у Шарыгиных, известных тоже в Тосно. Но они считались обеспеченными, они такие очень интеллигентные люди. На лето они приезжали, у них был вот этот дом, еще был дом на берегу реки. Шарыгинская дача, дом 104 А, где стояла баня.

И вот бабушка у них купила этот дом, эту часть дома. Это, по-видимому, дом Шарыгиных был

полностью. Они имели возможность купить этот дом. И когда после войны приехали, бабушка поселили нас в этот дом

Надежда Ивановна в это время была в Колпино, она попала в блокаду. Мама в Москве. Николай Иванович служит, его здесь тоже не было. Здесь остались Ольга Ивановна и Евгения Ивановна.

Ольга Ивановна в это время вышла замуж. Напротив второй школы была улица Колхозная, и у

1 мая 1948 й годгор. Тосно Третья слева Планина Наталья Николаевна идет за руку с отцом Планиным Николаем Дмитриевичем

нее там с мужем был построен дом. Муж у нее служил, детей у нее не было. Она не поехала, когда стали немцы их вывозить. Они так и остались в своих домах. Многие уходили в лес, жили в землянках. Ольга Ивановна говорила: «Я тоже собиралась, но потом взяла цветы лютики и натерла свою ногу лютиком». Образовались болячки, болит. Она говорит: «Я тяжело заразная, я вас там всех заражу!» Хотя у нее в доме немцы были, они там ночевали. Она сказала, что у нее престарелая мать, а ходила она, молодая женщина, повязанная платком, руки грязные, чтобы даже не подходили. «Я заразная!»

Женщины вели себя по-разному. У кого-то и дети родились здесь в Тосно от немцев. Она написала письмо, обращаясь к своим родственникам, и бросила в туалете в бутылке. Нашли письмо, где она обращается, что дорогие мои, всех перечисляет, я с вами прощаюсь, немцы нас угоняют и так далее. Когда чистили туалеты, нашли эту бутылку, это письмо было помещено в музее Санкт-Петербурга, посвященном войне.

Она известна в Тосно. Ее знают, она работала в исполкоме, но она имела только среднее образование, детей у нее не было. Но она воспитала дочку, взяли они дочь. Тогда в Рябово был детский дом, из Рябовского

детского дома она взяла. Мы ее считала своей родственницей. Вы, наверное, знаете: в исполкоме работает Закамская Евгения Николаевна. Вот она внучка. Мы ее считаем своей родственницей, но она не кровная.

Ольга Ивановна вырастила дочку, ту Люсю, которая работала медсестрой. У дочки ребенок - эта Евгения Николаевна, которая закончила институт финансово-экономический, работала в финансовом отделе. А Ольга институт закончила имени Крупской - библиотечный. Работала в библиотеке. А Женя - она молодец, она умница. Ну, конечно, она наша.

И вот осталась в оккупации Евгения Ивановна. Но она тоже болела. Родилась она семимесячной, как они говорят, в меже родилась. Потом они ее отхаживали. Вот у Евгении Ивановны двое детей: Татьяна Ивановна Осокина и сын Евгений Иванович.

Всех угнали. Только немцы были. Говорят, сто ли человек осталось, я думаю, что больше. Выживали они в огороде. Потом-таки были немцы в ее доме. А они всякие были люди. Кухня у нее была, она там мыла и посуду, и котлы, и все прочее. Может быть, это помогло ей спастись. Известно, конечно, говорили, что в нашем районе Тосненском партизаны очень сильно действовали. Я не знаю, это я слышала.

Была учительница Смолина, учительница физики. В вечерней школе Смолина физику вела. Рассказывали, что она ходила в лес, какие-то записочки передавала. Здесь вешали, где памятник сейчас, там была виселица, и гестапо было.

Когда в вечерней школе работала, рассказывали, что были предатели среди нас. Ольга Ивановна рассказывала, там были соседи. Вызывают их. «Знаете коммунистов?» А они указывают на нашу семью. Они говорят, что все коммунисты. Евгения Ивановна уже после войны не работала. Муж у нее тоже был офицер, служил во Львове. Они вернулись, хотели остаться во Львове, бабушка им сказала: «Ни в ком случае, приезжайте немедленно». И вот там, где раньше была дача Шарыгиных, они построили свой дом.

Как вспоминается, из Санкт-Петербурга приезжала молодежь, веселилась здесь. На берегу реки

баня была, топилась по-черному. Я еще застала, видела эту черную топящуюся баню. Внуки, конечно, все благополучные. Анна, тетя Нюра мы ее называем, удивительный человек, осталась с тремя детьми. Они были в Опочке. Они сами грузились и уезжали сами. Кто уходил в лес, кто оставался здесь. А вот они были в Опочках.

Я приехала в 1946-м году. В 1947-м году мы пошли в Корчагинскую школу, которая находится вот здесь около маленького мостика. Она называлась Корчагинская начальная. Я помню два класса, классы были большие. Я помню хорошо учителей, которые там были. И Нонну Адамовну хорошо помню, и Александру Ефимовну хорошо помню, даже там была Марина Федоровна. Сейчас там паспортная служба. Учительница была замечательная - Шаляпина Татьяна Васильевна, нас как-то она сдружила всех.

В школе около церкви не было первых классов. В Белой школе были первые классы и в железнодорожной школе были первые классы, в Тосно-2 ничего не было. Потом она стала средней школой. Когда построили среднюю школу №1, ее перевели в Белую школу, она стала вечерней. После четвертого класса нас перевели в здание, в котором была семилетняя школа - деревянная, поповский дом. Она называлась Средняя школа неполного образования. Я училась пятый, шестой, седьмой классы в этой школе. До седьмого класса. По окончании нам выдали документы. «Идите, куда хотите!» Восьмой, девятый и десятый учились в Белой школе.

Практически во всех школах занимались воспитанием. Я вспоминаю, как говорили: «Нужно обязательно посещать, обязательно помогать, надо обязательно помочь!» Шаляпина нас все время этому учила. У меня даже есть фотография, где она есть, фотографировалась с нами, и у нее на груди орден.

Все было посвящено нашим руководителям, мы все превозносили Сталина, говорили о Жукове, о войне много говорили. В семилетней школе тоже занимались воспитательной работой много.

Люди не говорили того, что не являлось официальной пропагандой. Боялись, молчали. Говорили молчать, языки не распускать. Помню, мама говорила, поссорилась с кем-то, она была женщина самодостаточная и уверенная в себе. И ей сказали: «Очень на нее не разоряйся, а то пошлют туда, куда Макар не гоняет, если будешь рассуждать!» И всегда в семье говорили, не только в нашей: «Держите язык за зубами, не надо говорить, что в семье говорили!»

Отец не позволял ничего такого. Если иногда молодежь привезет какие-то анекдоты, говорили замолчать, чтобы этих анекдотов негде не произносили. Боялись этого.

У мамы и у бабушки всегда кто-нибудь жил, какие-нибудь родственники. А младшая сестра отца воспитывалась в приюте Марии Федоровны, был приют Марии Федоровны, где кинотеатр Карла Маркса, он был на Балашовке. До войны и даже до Революции был приют имени Марии Федоровны.

Моя тетушка, родная сестра отца была там. Получилось так, что они все остались одни. Старшие тащили кто как мог, но Вера Дмитриевна умерла. Брат у отца, Михаил Дмитриевич, он был агроном, и у него в Шапках был дом. Он был прекрасный агроном, но во время войны он был офицером, тоже мы ничего не знаем о нем. У него жена была немка, Марга Викторовна. Сразу их, немцев, наши эвакуировали, когда началась война. Их эвакуировали в Алма-Ату. Ее и ее сестру, их сразу же эвакуировали. А сам Михаил Дмитриевич ушел на войну. Он воевал. А жена немка до последних дней воспитывала дочь. Так, в Алма-Ате и остались. Она тоже закончила институт потом.

Еще один брат Федор был телеграфистом. Во время войны попал в плен, когда он приехал, узнал, что семья погибла. Все умерли, никого нет. И он некоторое время жил у нас. Рассказывал, как немцев ненавидел. Какой бы демократический немец не был. Даже видеть их не мог.

Я помню, как работали у нас немцы в Тосно. Вот они, помню, придут: «Зупа, зупа», - это им нужно супа. А мы думали «зупа» - это зубной, а они тоже есть хотели.

Они на строительстве были, что-то восстанавливали, дороги какие-то восстанавливали, в Колпино они много работали. Вот я удивляюсь: не обзывались на них, ничего не кидались в них. Потому что говорят, немцы здесь по-разному себя вели: подкармливали местное население. Они поразному относились. Я вот все вспоминаю стихотворение, памятник советскому солдату со спасенной девочкой на руках.

Не помню никакой агрессии со стороны, даже блокадников. Такой доброжелательный народ, после войны все друг другу помогали, это необыкновенно. Даже канаву вырыть помогали, появились первые телевизоры - друг к другу ходили смотреть. Помогали антенны ставить, колодца чистили. Деревья сажали, березами все было обсажено - весь проспект Ленина с той и с другой стороны. Отмечали День Победы, но агрессии я не видела со стороны людей.

Попова (Николаева) Валентина Дмитриевна

Я, Валентина Дмитриевна Попова, в девичестве - Николаева. Родилась я 5 марта 1939 года в городе Ленинграде. Мама 1914 года рождения, в 1941-м году ей было двадцать семь лет, было уже трое детей.

И в последние дни, перед тем, как наступила блокада Ленинграда, отец нас отправил. Буквально, наверное, 6-7 сентября он пришел и сказал, что через два дня будет блокирован город, нечего ждать, надо уезжать. И последним эшелоном мы уехали из города. А воевал он на Волховском фронте, по каким-то делам он приехал в Ленинград и нас

На начало войны мне было полтора года. Были еще два брата: один 1936 года рождения, другой 1941 года рождения. Так что троих деток с чемоданом в теплушки

посадили нас. Прекрасно помню теплушку: она набита, было полно детей и женщин. И поехали мы в Ефимовский район, это северное направление, до станции Ефимовская. Это Ленинградская область, восток, к Лодейному Полю. За Тихвин, но немцев там не было.

Там должен был встретить брат отца, который еще в армии не служил, ему было шестнадцать лет. Помню прекрасно, что высадились мы в этой Ефимовской ночью, и нас никто не встречал. Ну, это осенью, может быть, вечером, но темно было. Мама нас троих оставила, а сама пошла на вокзал узнавать - вот этот ужас запомнился. На вокзал мы тоже пришли и стали ждать, когда за нами приедут

из деревни. А деревня, в которой мы должны были жить, находилась в девяноста километрах от станции.

Лесная дорога, на лошади мы туда тащились, сколько времени - я не знаю. Приехали в деревню. Бабушка там. Бабушка - это мать отца. Дом - летний и зимний на две половины. Но все равно, похоже, что там очень нас никто не ждал. Сами понимаете, трое ребятишек и женщина. Ну, помню, что по деревне я всегда ходила, песни пела, поэтому и выжила, что выпросила. Теперь, когда человек приходит в дом, если кто-то ест, я не могу, чтобы он стоял, должен сесть. Помню, что стою на лавке в углу, пою песни, а семья сидит и ест. Потом что-то дадут.

Братья умерли, потому что один маленький, 1941 года рождения - года не было, кормить его было нечем. Маленький умер, а старший, 1936 года рождения, с мальчишками пошел в лес по весне уже, они набрали сморчков, где-то в лесу наварили и наелись, отравились.

Девяносто километров от станции, сами представляете. А

потом из деревни перебрались мы в саму Ефимовскую. Мама туда переехала, стала работать в леспромхозе, трудно жили. Немцев там не было. Через деревню, через леса шли, отступали с Синявинских высот, лесами армия отступала, у нас даже ночевали.

А в Никольское мы приехали в 1947 году. Еще помню такую картину. Две тетушки жили в Ленинграде - сестры отца. И одна из них пешком пришла в деревню, тоже ночью пришла. А еще была младшая - тетушка Настя. Она вышла: «Ой, Ирка пришла из города!» Бабушка говорит: «Не пускай ее в дом, потому что тут мы сами и дети!» Я не помню, как это было в эту зиму, ну, во всяком случае ее отправили в баню, и там отмывали, отогревали, очищали от вшей. Потому что она триста километров шла одна и лесами. Девяносто километров даже от Ефимовской дойти. И потом, помню, мне скажут: «Иди, зови Ирку обедать». Она работала на огороде. Я выхожу: «Ирку, ту ля насемхтонка». Это повепсски: «Ирка, иди обедать». Говорили по-вепсски дома. Отец был вепс. И дома они все говорили, ну и я с ними, дети же быстро усваивают.

иметь свой и как-то пропитаться.

Сюда она приехала по вербовке. Вербовщики ехали на восстановление Поповского кирпичного завода. Приехали мы в Никольское в конце августа 1947 года. Только приехали, приходит женщина какая-то и спрашивает: «Что, у вас есть дочка?» А я сижу и думаю: как это так могли узнать, что я тут есть. Вроде бы, ни в чем не успела себя еще показать.

Жили мы в двухэтажном разваленном доме, на первом этаже было несколько комнат. И вот мы в этих комнатах нас и поселили. Это где-то в районе Заводской улицы. Вот где Заводская, Комсомольская в этом месте, потому что, как я помню, потом солдаты в 50-х годах здесь разминировали и бараки построили.

Был Дом культуры, столовая была солдатская, тут же был и кинотеатр. Ребятишки все садились

В.Д.Попова (Николаева) слева в верхнем ряду

по ту сторону экрана смотреть кино, потому что в зале не было места. Это было тоже в районе Лесной. Вот в этом месте у них тут и вахта была, столовая была и клуб. И бараки были у нас уже.

А потом, когда переехали Ефимовскую, мама там в леспромхозе работала. Когда

блокаду сняли с Ленинграда,

она съездила в Ленинград,

посмотрела, можно ли вернуться,

тогда еще надо было пропуск

получить. Она все оформила,

съездила, посмотрела, жили мы

разрушен, а по сути дела

сама-то она сельский житель из Калужской области. До

войны была Калужская, сейчас

Московская область, она оттуда. И

посмотрела, что в городе делать

и нечего, за городом если куда-то

устроиться, хоть огород можно

на Петроградской до войны.

Посмотрела,

Потом перевели в бараки. Они построили бараки, в бараках жили. Гдето семьи три в одной комнате. Причем женщины с детьми, Федоровы такие были. У нее было трое детей, так им одну комнату дали, и тетя Шура с ними жила. А мы жили - три семьи. Света не было, у меня куклы были под кроватью. Места-то не было, а куклы, какие еще из деревни привезла. Бабушка мне нашила тряпичных кукол, все это хозяйство было.

Бабушка другая шила мне куклы, с грудью куклы. Вот такие были сделаны

куклы. А мама работала. Копали они ямы первые. Тянули от пятьдесят второй подстанции линию электропередачи. Она проходила в поселке, где-то в районе подстанции и шла на второе отделение, где Поповский кирпичный завод.

Когда первый раз свет дали, а я сижу под этой кроватью. Поздно, доски настелены, матрасы чемто были набиты. Господи, счастья такое было, так светло стало под кроватью - играть можно и сидеть!

Спектакль «Дочки» Крылова1957 й год. Слева направо: Шведенков Юра- жених, Сысоева Люба – служанка, Николаева Валя, Юлова Галя Лямина Таня – дочки, Романов Вова - отец

В школу первого сентября в 1947 году я пошла. Мама на работу. И соседка там Тоня была. Она должна была постарше в класс идти. И мама говорит ей: «Сведи ее!» Ну, проспали мы с ней. Идем. Семен Ульянович встречает нас на пороге. В Никольском там школа старая была. Эту он знает, она должна была уже в другой класс идти, потому что школа уже в 1946 году была. «А ты-то кто?» Меня привели в класс, в котором были переростки ребята. И даст нам учительница несколько заданий, чего писали, уже не помню.

Первый урок заканчивается, а вместо звонка раньше такое колесо катали палкой. Железный гвоздь прибит, и колесо этой палкой крутили. А я думаю: «Кто же по школе колесо-то так крутит?» А это, оказывается, звонок такой был.

Тетрадей не было. Я помню, что я писала где-то между строчек. Сначала карандашом. Писать, читать перед школой я не умела. У меня была всего одна книжка о золотой рыбке - сказка Пушкина. Я ее знала наизусть. Где какие картинки знала. И я могла ее читать. Читать, конечно, не умела, но как-то у меня все получалось быстро.

Я первую осень ходила в ее ботинках в школу. Не было ничего. Ну и утром встаешь, а есть

нечего. Так как мама была на тяжелой работе, маме давала паек. Кашу давали. Вот она принесет эту кашу, и вечером мы поедим. Бегали мы осенью на поля. Поле было на этой стороне, где-то рядом. Осень рано наступила, замерзло поле совхозное картофельное, и мы приносили эту картошку. От грязи ее очищали, прямо на плите готовили.

А приехали, когда нас еще обворовали, ничего не было. Ни посуды - ничего. А здесь, где сейчас «Полушка» стоит, было немецкое кладбище. Ну, мама пошла на немецкое кладбище. Ктото подсказал, сходить посмотреть, можно найти какие кастрюли. А может даже и каски. Мама говорила, что разрывали могилы немецкие, и ноги торчали босые, потому что сняли или ботинки или сапоги. Ну да, а что делать, ничего не было, ну

В.Д.Попова(Николаева) Г.Жгун . пос. Никольское

вот так потихоньку и стали обживаться. Началась жизнь в Никольском.

Первую учительницу звали Антонина Степановна Сысоева. Была Сысоева, потом Дубоусова она стала. Такая тоже невысокого роста. Она же нас до четвертого класса вела. Нас стало много, потому

В.Д.Попова(Николаева) у входа в школу пос. Никольское, Школьная 1

что все стали приезжать. Я думаю, что в классе обычно было человек сорок, много детей было.

Я уроков физкультуры не помню. Там места же не было в школе, если только на улице. Вот осенью выходили побегать. А зимой не помню, и рисование тоже. Вот когда уже предметная пошла учеба, тогда у нас было и рисование, и все это дело было. А так в первых классах я не помню, чтобы было что-то такое.

Я не знаю про октябрят, потому что ничего не слышала, а пионеры потом были. Но в пионерах я не была, потому что мама не разрешала это дело делать. И чтобы и в комсомоле тоже не была, потому что мама не разрешала, пока в школе я училась. Вот, несмотря на всю такую активность, я председателем ученического комитета была какое-то время. В комсомол на заводе вступала уже. Но во всяком случае в то время родителям никто не возражал. Я помню, мама уже последние годы лежала больная, и то я не грубила, не хамила, самое большое, что могла сказать ей: «Ну мам!» - и все.

Вообще все были драчливые, потому что такое время - каждый должен был за себя постоять. Помню Толю Ланграфт. Конечно, он не с первого класса, Перевозские пришли попозже, Манюнин Юрка такой был. А из Никольского - Юрка Шведенков, Генка

Шведенков, Валя Козленко, Люба Сысоева. Они жили здесь, но они тоже никольские. Сергеева Маргарита была такая, а из Перевоза Людмила Ланге, Валя Назарова училась со мной, эти до десятого класса учились.

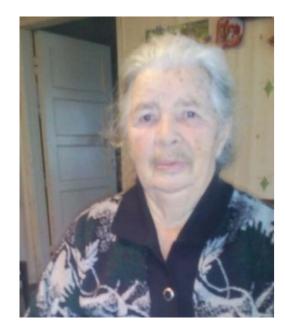
В 1954 году из седьмого класса я уходила и поступала учиться. А тоже ездила сама на Поповку и там пешком. Хотелось мне поступить в электротехнический техникум на Васильевском острове. И пришла я сдавать туда документы. Стою, гляжу выходят такие парни все здоровые оттуда, а у них был выпуск, видимо. А я что-то испугалась и не пошла.

На вокзале встретила знакомую. Она из той же Ефимовской приехала. Случайно увидела и говорит, что они идут сдавать документы в культпросвет школу. «Пошли!» Ну и я сдала документы, экзамены сдала туда. Меня зачислили. Приезжаю, маме говорю: «Общежитие мне дали!» А я пришла в общежитие домашняя - из дома, а там девчонки приехавшие были. Я посидела тут немного и уехала домой. Ну, маме говорю, что мне дали общежитие, а мама говорит: «А куда ты поступила?» А я говорю: «В культпросвет школу!» «Это чтобы ты дворником была!»

И я вот сейчас с благодарностью это делаю, потому что, когда уже стала взрослой, посмотрела на Арнольда Михайловича и думаю: «Боже мой, меня ждало это, да смогла бы я это делать?» И поэтому она меня тут же в деревню, опять за девяносто километров от станции. И перед самой школой меня только привезли. И в школу меня взяли. Я потом уже ездила забирала документы. Вот так пошла я в восьмой класс. Так что я особо тут ничего и не делала, потому что летом я была в деревне, в ссылке.

Когда перешла в эту школу, она уже, наверное, дворцом казалась. Не только для нас дворцом, для всех жителей города казалась дворцом. Уже работал завод «Ленстройкерамика», было много из армии парней молодых. И там организовалась школа рабочей молодежи сразу для вечерней школы. Старшие классы готовили вечера литературные, и Павел Андреевич занимался, музыкальное оформление было за ними. Дина Михайловна у нас была классным руководителем, ну, говорит, что денег нет, чтобы хорошо сделать выпускной вечер. И тогда мы решили поставить пьесу Крылова «Дочери», и с этой пьесой мы объездили весь район, платные давали спектакли, и в Никольском, по-моему, мы даже два спектакля провели. Так заработали денег на выпускной вечер. Ну, все было нормально, все сделано таким вот образом. А ребята с Павлом Андреевичем музыкальным оформлением занимались, такие звездочки были все по-своему.

Саламатина Нина Александровна

- Я, Саламатина Нина Александровна, девичья фамилия моя - Абрамова, родилась до войны, в 1929 году. Это был поселок Ям-Ижора, село Ям-Ижора, сейчас деревня. Отец работал на Ижорском заводе, а мама работала в Ям-Ижоре в казенке, тогда это был винный магазин. В 1933-м году папа из ревности повесился, а у мамы в то время случилась растрата в магазине, и ее судили. И получила она пять лет на поселении. Ее направили в Поповку в совхоз работать агрономом. В то время не было грамотных людей. Она болееменее была грамотная. И нас с братом взяла к себе бабушка, дом конфисковали.

В то время было все по карточкам, это 1933-1934 годы, бабушка на нас не получала ничего. Ну как-то так перебивались. В 1936-м году у мамы родилась еще дочь, в феврале. Она уже освободилась, снимала комнату в Поповке. Нужно было работать, ребенок маленький, мне было семь лет, мама взяла меня в няньки. И жили мы в то время на улице

Грибоедова, примерно, где сейчас десятая дорога. Тогда не назывались улицы дорогами. Это была улица Грибоедова, на нашей улице был пруд. Дети были предоставлены все сами себе - и маленькие, и большие. Все играли вместе, родители уходили на работу с утра и до позднего вечера. А дети сами по себе играли, никто нас не кормил. Если кто-то выходил с горбушкой из дома, натертой чесноком, то от этой горбушки все кусали, и самому ничего не оставалось.

Транспорта в Поповке не было никакого - ни машин, ни лошадей, ни велосипедов, все ходили пешком до станции. Дороги были такие зеленые, травянистые, ходить по ним было очень удобно. Были рельсы от конки от вокзала и до речки Тосны. И туда за линию, там была конка, а тут ничего не было.

Я особо никого не помню. Я помню на своей улице, мы жили у Сундуковых, жена у него работала проводником, а он был сапожник. Нигде не работал, дома сапожничал, выпивоха был, песни похабные пел. Были Гробовы девочки, тоже на этой улице жили, у них одна мама. Одна медсестрой работала, другой шестнадцать лет было и Лида 1930 года. Мы вместе учились с Лидой. А эта Алла, которой шестнадцать лет было, как пришли немцы, она сразу исчезла с дочкой нашей хозяйки. Она нас все время и в баню в Колпино возила, все время помогала нам. После войны, в 1946-м году, я стою на Литейном у булочной, спрашиваю карточки, и подходит Маруся. Она служила в армии, но она заболела туберкулезом, и ее комиссовали. В 1946-м году она была дома. Я у нее переночевала, а работала она шофером на хлебозаводе. А потом ее искали в 1948-м году в Ям-Ижоре и не нашли, она умерла от туберкулеза.

В школу я пошла на год позднее. Тогда с восьми лет брали в школу. А у меня сестра была маленькая, и мама работала. Мне приходилось в няньках быть, я в школу пошла в девять лет, в 1938-м году. В первый класс в Соколовскую школу. Она находилась в районе шестой дороги, в конце под горой. Учительница у нас была Сара Васильевна. А фамилию я не помню. Даже мы, наверное, и не знали ее фамилию. Сара Васильевна была строгая, справедливая.

В классе я не помню, сколько человек было. Большой был класс, солнечный, светлый, окна большие. Я помню только отличников и помню отстающих. У нас Андреевы, это брат с сестрой, второгодники сидели на задней парте, еще два мальчика были, Коля Смирнов и Ваня Сергеев. Ваню Сергеева я знала до восьмидесяти лет, он жил в Поповке, а так больше никого не встречала. Ну, отличники были из хороших семей, ходили чистенькие, беленькие рубашки. Не то, что мы - в заплатках ходили. Ну, тогда не осуждали, что в заплатках. Если чулки с голыми пятками, тогда осуждали, а если чистенький, то все хорошо.

Учебники, выдавали в школе. Тетрадки, может, покупали, двенадцать копеек тетрадь стоила. В Поповке нельзя было тетради купить, тут не было магазинов. На Вокзальной улице была чайная, где сейчас стеклянный магазин, на Советском была керосинка, а дальше - лес сплошной.

1960 й год

Уроки мне никогда не приходилось дома делать, у нас не было стола. Мы жили в комнате - маленькая кровать была и все, больше ничего. Если я что-то писала, то писала на окошке. Одна учительница нам все преподавала в начальных классах. И были уроки физкультуры, пения уроки.

Уроки физкультуры были в классе. В школе не было зала, только большой коридор, бегали на перемене. А так все в классе. Школа была деревянная, на втором этаже - лестница скрипучая, отопление круглыми печками. Когда приходили ребята в класс, то печка была горячая, ее ребятишки обнимали все. Учительница давала согреться всем, потом урок начинался. Вообще я от природы левша.

Меня бабушка все время переучивала есть правой рукой. Писать - только это я и умею делать правой рукой, остальное все делаю левой. Поэтому почерк у меня некрасивый. И учительница мне всегда говорила: «Если бы не твой подчерк, ты бы была у меня отличницей».

Когда война началась, мама работала на Ижорском заводе. 28 августа пришли немцы в Поповку рано утром, часов в шесть, на мотоциклах с засученными рукавами. А у хозяев у наших в саду был погреб. И в этом погребе мы все прятались. Была сильная стрельба из Колпина, даже немцы лезли в погреб к нам. Там было много народу. Мамы нет - с завода не пришла с работы. Пришла она только 29 или 30 августа. Мы были одни.

У бабушки были сыновья, невестки. В общем, мама пришла и говорит: «Собирайтесь, пойдем к своим в Ижору». Она убежала с завода и пришла пешком. А чего нам собираться? Собрали котомочки, сестренку за руку - и пошли на Московское шоссе. Вышли, стоит немец с автоматом наперевес, и мы поворачиваем в сторону Ям-Ижоры. Он нас не пускает - туда идите, а в Ям-Ижору нельзя.

Обратно возвращаться - ничего нет. Пошли, куда придется - в сторону Саблина. В Саблине нас пустили переночевать. Одну ночь переночевали и отправились дальше. У мамы были знакомые в Тосно, на берегу речки, напротив, где церковь, Дом культуры был. Они нас пустили, мы у них прожили неделю. Началась бомбежка, налетели наши самолеты. Там много немцев погибло тогда. В основном мирное население не пострадало. Сразу у Дома культуры немцы наставили березовых крестов. И там, как сказать, склад был продуктовый. Весь народ туда ринулся, и мама принесла килограммов двадцать кукурузной крупы. Вот это нас спасло.

И что? Дальше оставаться нечего. Пошли мы до Ушаков. Зашли мы налево во второй дом, а хозяйка говорит: «Вот там времяночка на краю Ушаков, там девочка, ей шестнадцать лет, и у нее трое маленьких братьев. Мать подорвалась на мине, а отец в армии». Ну мы пошли туда к ней, она приняла нас, потому что девчонка не знает, что ей делать, там у нее двух лет, четырех и шести - три мальчика. Ну и в этой времяночке мы жили.

На Московском шоссе стояла походная кухня у немцев, повар был поляк, они сами были полуголодные, ничего не было, но давали ей горелый котел. Мама подскребет чего, приносила горелых поскребышей. Потом ее забрали работать на железную дорогу. И дали нам пустующий дом недостроенный. Там не было коридоров, сразу кухня и выход. Так как на месте, где стояла времяночка, немцы вдоль насыпи устроили склад снарядов, и эта времяночка мешала.

Кате было шестнадцать лет, и еще младший мальчик умер при Кате уже в первую зиму. А немцы забирали народ весной 1942 года в Германию, и ее забрали. Остались с нами два мальчика. Мама на неделю буханку хлеба получала, но за зиму оба мальчика умерли. У меня тоже цинга была, и немцы заняли этот дом тоже. Печки не было в большой комнате. Отапливалась только русская печь, которая была на кухне. Мы сидели на печке. Мы не топили ее, много надо было дров, а взять их негде. Стояла у матери чугунка - такая бочка железная, ее и топили. Соседи принесут, местные жители, у них своя картошка была в первую зиму, а нам приносили шелуху от мундира. Мы на чугунке ее поджарим, как семечки ели. Ну как-то так приходилось.

Саламатина Нина Александровна с матерью

Или лошадь немецкая от налета погибла, мама успела взять топор, притащила ляжку конины. Я ходила к вокзалу, там немцы выпекали хлеб, у них была пекарня, и вагонами отправляли хлеб на фронт. А ребята сидели под вагонами. Если немцы хорошие, то не выгоняли, другой нечаянно, нарочно уронит буханку хлеба, сразу за пазуху - и бежишь, а другие выгоняли. Потом ходили на берег речки у них была бойня устроена, и все отходы стекали в речку, кишки тоже. Мы сидели у лоточков, как идут кишки, мы тянули себе. Тут, бывало, тоже маленько принесешь. Както вот так перебивались. Еще лето 1942 мы жили, ходили в лес за железную дорогу за черникой.

Ребятишки вот такие, я, наверное, побольше всех, а ростом была маленькая. Ну, летом там какаято травка, лето пережили. Потом осенью эту большую комнату заняли у нас немцы под продуктовую. Там были консервы, банки, конфеты. Дадут пустую банку из-под повидла, там уже лизать нечего. И вот зимой, наверное, в декабре мы с мамой пошли через дорогу к соседке посидеть. Вечер был, часов шесть. А сестренке было пять лет, и соседской девочке лет семь. Они играли. Мы их оставили и пошли с мамой, потом бежит соседка, говорит, ваш дом горит. Мама сразу рванула, документы надо взять, паспорт, а я ее удержала, потому что было пламя с кухни. А сестренка жива осталась, она убежала к соседям. Тут подъехали немцы, забрали маму в комендатуру. Мы ночь переночевали у соседки, а наутро и нас туда взяли в комендатуру. Сначала меня допросили, так как ходить после шести часов нельзя было. Мы сказали, что мама успела сказать: «Скажи, что мы пошли к соседке взять пилу, напилить дров и задержались минут на пятнадцать, а в это время загорелся дом». Я так и рассказала. А там переводчик и немец сидят. Потом я вышла, позвали сестренку маленькую. Немец взял ее на руки, а переводчик спрашивает, а там дверь такая дощатая, и я в щелочку смотрю, что она будет говорить. Немец спрашивает, а переводчик переводит: «Расскажи, как загорелся дом?» А она говорит: «Я тебе не скажу!» Немец дал ей конфетку, переводчик перевел. Немец засмеялся и говорит: «Ну, говори!» И она говорит: «Мама взяла спички, огонь подожгла и дом загорелся!»

Видно, они там баловались и сами подожгли. Ее отпустили и нас отпустили, опять дали пустующий дом: стены голые, ничего нет - ни одеяла, ни обуви, ничего нет. Как жили - не знаю, месяца два. А уже в феврале староста говорит, что будут отправлять эшелон. Если хотите, уезжайте, лучше уехать, а то вдруг опять за пожар возьмутся, а нам-то все равно, куда ехать. Конечно, мы согласились. Везли нас из Ушаков в Тосно, из Тосно в Гатчину и Лугу, Псков. Во Пскове нас накормили баландой, вечером повезли всех в баню. Все наши вещи - в жарилку, мы намылись, горячее тряпье на себя надели. В школе была настлана солома, там тепло, накормили нас. Мы за всю войну такой отрады не видели.

Ночь переночевали, а на следующий день подъехали крестьянские подводы, и на каждые сани по семье посадили и привезли нас уже вечером в деревню Малахи. Едут по деревне и кричат: «Кому беженцев из Ленинграда?» Никому не нужно. Там женщины кричат: «У меня у самой дети, муж на фронте!» Никто не берет, уже в предпоследнем доме нас взяла бабушка, а остальных всех свезли в школу. У этой бабушки была корова, а сыновья у нее в Ленинграде были. Ну и что-то она варила из ячменной крупы, нас угощала, кормила, блинов гороховых напечет. А мы ходили по деревням побирались, милостыню просили. И вот так перебивались.

А в 1944-м году опять зимой немцы всех вывезли деревенских и беженцев из этой деревни. Там проходил большак, рядом Великая река, и на берегу этой реки стояла мельница, деревня называлась Ходыки. Мост был сломан, заброшенный аэродром километра за четыре от деревни Малахи, а через дорогу, через большак, и деревня Ходыки. Немцы привезли всех на берег реки, всех бросили и уехали.

Уже как-то в июне месяце мы ходили к немцам в деревню Гвозды. Там были Малые и Большие Гвозды. И ходили на сахарин две девочки местные и я с ними. Я просто так пошла. А там, как мы от

Саламатина Нина Александровна, 1960 й год

своей деревни идем по речке - дорога по лесу проходит. Лес заканчивается и такая большая поляна, это деревня Гвозды, там сараи колхозные, а за сараем - немцы. Солнышко, хорошо видно, и мы идем. Они по нам стреляют, километра два, может быть, их хорошо видно, и сразу девочка упала - Тоня. А Дина сразу на четвереньки и поползла. Дорога идет под уклон в Малые Гвозды, а я иду ошалелая. Не бегу и не ложусь, иду, а мимо меня только пули. А уже дорога ушла под уклон, и им меня уже не видно. Потом Дина подползла ко мне, мы с ней пошли в Малые Гвозды, обменяли ее яйца, вернулись по этой дороге. Немцев на горе уже нет, а Тоня лежит. Мы пошли, отцу рассказали, отец поехал на лошади и привез ее.

И потом, через несколько дней ночью мы слышим топот по этой дороге - немцы отступали. А наутро наш самолет так низко летает над деревней, и мальчик, сын мельника, побежал им махать, чтобы не садились, аэродром заминирован. Мальчик подорвался на мине, а пилоты сели удачно. И они этого мальчика принесли на руках, и тут же его мы хоронили. И потом все опять вернулись в эту деревню Малахи, и мы с ними тоже. У этой бабушки еще лето прожили и зиму, и в январе вернулись.

А чтобы вернуться сюда в Ленинградскую область, нужен был вызов. А у нас с родными нет связи. С нами была женщина саблинская, она уехала раньше, ей прислали вызов, а потом она нам прислала. Мы приехали в Саблино на Девятую улицу. Там такие одноэтажные двухквартирные дома стояли. И там все занято, а это зима. Мы зиму жили на чердаке. Потом весной перебрались на террасу.

Мама хотели поступить на Ижорский завод, а тогда нужно было направление, раз были в оккупации. На завод без направления не берут. А в Тосно была женщина, которая давала направление на работу. И маме говорит: «Раз была в оккупации, то направление не дают, иди на лесозаготовки или на торфоразработки». А мама не пошла на эти работы, и карточки мы не получали, опять голодовали.

В 1946-м году я уехала в Латвию на заработки. Поехали мы вдвоем с девочкой из этого дома. Она в Ям-Ижоре тоже была. Ну, она высокая такая и младше меня. Приехали мы в город Иецава. Там взяли в няньки. Хозяйка нас накормила, и ее сразу увели наверх к молодым. Там дом двухэтажный, а хозяйка куда-то исчезла, я на кухне сижу одна. Думаю, чего же делать? Помыла посуду, подтерла пол. Сижу. Потом приходит хозяйка: «Пойдем!» Привела меня на хутор. Это она ходила к своей знакомой, чтобы меня устроить. И там пятидесятичетырехлетний муж и жена, и у них шестнадцать гектаров земли, четыре коровы. Сама хозяйка болезненная, взяли меня в помощники.

Научили меня доить коров. И в основном у меня был уход за коровами, доила их. Там я прожила до 1948 года. В 1948-м году приехала мама и говорит: «Собирайся, поехали домой. Карточную систему отменили, можно на работу устраиваться». Вот так я приехала в Ям-Ижору. А тетушка купила времянку в Ям-Ижоре, в этой времянки были у нее два брата: один инвалид с войны вернулся, а второй тоже был в партизанском отряде. Тоже был больной. Еще бабушка, тетя, у нее два мальчика, и мы с мамой и сестренкой. Сколько нас было, и спали мы кто где. Ночью дядя Петя сидя за столом спит, дядя Леша - на скамейке вдоль стенки, бабушка - за печкой на скамейке, а мы, тетя Лена, два мальчика, я, мама и сестра - поперек кровати умещались.

Все было хорошо - дружно и весело. Утром встанешь, вода замерзла в ведре. На улице снегом обтерся, носовым платком утерся - и на работу. Дядя меня устроил ученицей машиниста крана, шесть километров пешком на работу. До войны в Ям-Ижоре летом ходили катера по речке, а зимой рабочие пешком ходили по речке. Вот так я стала машинистом железнодорожного крана, и на гусеничном кране работала. Потом эти краны списали, и я переквалифицировалась на мостовой кран. И так до пенсии работала.

А в Поповке как я поселилась? Я вышла замуж за парня из деревни Мышкино. Он отслужил в армии семь лет, его семнадцатилетнего в 1944-м году взяли в армию, и он до 1951 года служил.

В Мышкине у него там брат с женой и двое детей у них. У них там была времяночка, а жить было негде. В конце 1951 года накануне нового года у нас была свадьба. Мы снимали на улице Культуры, дом тридцать шесть, у друга его. Они сами из деревни перевезли дом, Зину, знаете наверное, как фамилиято у нее... Вот у них прожили, родился сын Саша, это 1953-й год, до весны 1954 года прожили.

И в июне месяце 1954 года мы взяли участок, а дом купили финский, соседи дали в долг три тысячи, своих было девять тысяч накоплено. Потом взяли ссуду, за двенадцать тысяч мы дом выкупили, а потом со ссудой быстро рассчитались. Так мы в 1954-м году дом поставили, крышу крыть нечем, в магазинах нет рубероида. Где-то уже поздней осенью меняли в Ленинграде крышу - побитую осколками, железную. Мы привезли ее оттуда, покрыли дом, и тогда в октябре, сыну был год, мы вошли в этот дом. И так живем.

Седунов Николай Павлович

. Отец мой, Павел Николаевич Седунов, жил в Чудове. Мало ли что у дороги сломается, раньше же были старшие поездные мастера, у него должность была майорская, майор он был. Четыре километра от Чудова, Кересть называется село. И там он построился. Деревня была, много было домов, мы на отшибе жили.

Маму звали Вера Ивановна. Она хозяйкой была. Корова была, свиньи, огород был. У меня мать убиралась, потом сестры подросли. Раньше отец работал и всю семью кормил. У меня еще сестры были две, сейчас они живы. Младшая и старшая одна. 1930 года рождения, вот тоже осталась одна и младшая тоже. Ну, там дочка есть еще. Потому что у старшей муж работал инженером на закрытом учреждении, где подводные лодки.

Когда началась война мне было девять лет. В школу ходил, я там окончил один класс или два. Что делали мальчишки? В футбол играли, в лапту играли. А что еще делать? Деревянная была школа. Учился хорошо, все хвалила меня учительница, что я пел хорошо. Но певца из меня не получилось.

Война началась, отец был в поездке. Он был где-то на Севере, в Архангельске, потом он приехал, когда нас освободили, а потом его взяли в армию. Он в 1947-м году демобилизовался. И умер потом.

Мы с матерью ушли, родня где-то у нее жила, это во время войны, немцев еще не было. Она говорит «Надо уходить!» Мы и пошли, у нее там родня была. Приходим туда: вечером легли, а утром уже немцы идут. Это еще было тепло, и речки были не замерзшие. Ну вот, значит, немцы идут, а там такой пригорок здоровый, а дом стоял - и не пригорок и не низ. Это не в Чудове, это в сторону, Кересть называется. Появились два солдата, я не знаю, какое звание было, раньше ромбы носили. Наши два солдата и этот офицер. Они вырыли окоп, траншею, я там стоял. И он сказал, чтобы ни один немец не прошел тут, не поднялся на эту гору. А сам пошел спать к матери родне на сеновал. Эти два солдата остались там. А чего там два солдата? Немцы поднимаются в гору на мотоцикле. Они два раза выстрелили из винтовки - одна винтовка на двоих и мешок патронов. Они заехали на мотоцикле с другой стороны, расстреляли их - и все. А этот сдался офицер. Офицера немцы взяли в плен.

Приехали домой, пришли домой оттуда. Да фронт-то пошел дальше и дальше. Свободно же стало. С одной стороны речка идет - метров, может быть, восемнадцать шириной. С одной стороны речки немцы идут, а с другой стороны речки идут наши, и никто не стреляет ни в кого. Одни идут туда, другие обратно. Немцы-то сюда - к шоссе Московскому, а русские от шоссе.

Ну, пришли мы домой, дом целый. Пришли, а немцы нас выгнали в баню. У отца была срублена баня, пруд был здоровый. А в доме сделали штаб. Мать не гоняли на работу. Никого не гоняли немцы. Голодно было. У речки там их кухня, они давали что-то поесть.

Мы жили в бане. А у соседа был дом хороший тоже. У них при доме машины стояли. Возили продукты на фронт в Тосно, в Любань. А сосед работал на тракторе еще в колхозе. Ну, так тренировался, умел ездить, я-то нет. Сосед старше был меня намного. А продукты оставались в фургоне. Он говорит: «Ты стой на шухере, а я коробки конфет оттуда с фургона украду. Немцы пойдут, ты кашляни или свисти, я притихну в фургоне».

А конфеты такие в коробках - «Бум-бомс» назывались, круглые колесики. Мы три коробки украли оттуда из машины. А куда их положить? Немцы же найдут. А там на поле стоял дот бетонный здоровый. И мы их туда спрятали. А в доте-то темно, не видно ничего. Как их есть? А туда не понесешь. Скажут - их конфеты! Они же схватились. А сосед и говорит: «Стоит машина немецкая на речке, зад гусеничный, а передник - колеса обыкновенные. Снять оттуда аккумулятор и фару, чтобы было светло в бункере». Пошли. А аккумулятор, наверное, со стол размером, здоровый такой, только поуже, ну, может, поменьше чуть. Мы его отвернули, фару сняли. Аккумулятор-то не донести - где волоком, где как тащили. Там же ручки тоже есть. Притащили мы в бункер, провода принесли, сделали свет. И ели эти конфеты. А потом немцы собрались ехать на машине, она у речки стояла. Раньше там была кавалерийская часть наша уже перед приходом немцев, и там сделали мосты здоровые. Немцы стали искать, кто украл

Им ехать надо было, а ехать не на чем, им не завести машину — аккумулятора-то нет. Они кричат: «Партизаны, партизаны украли!» Приходят в дом, в баню нас сразу. Бляха была на груди с немецким орлом, и кто-то, наверное, видел, как мы тащили, и сказал. Ну, нас сразу забрали оттуда - его забирают

и меня. Мать плачет. Что делать? Говорят: «Повесить их надо в деревне, потому что украли, воры». Сделали они виселицу около дороги. Нас заперли, поставили часового - и все. Плакали, конечно. А чего не плакать, вспомнишь всех.

Мать пошла в штаб немецкий. А штаб был в доме отцовском. Пошла к лейтенанту, звали его Вальтер. Она к нему обратилась. Он говорит: «Ладно, что-нибудь придумаем, чтобы не повесить». Ну и дали месяц дрова пилить на кухне и сапоги немецкие чистить.

Вот месяц дрова пилили, и каждую пятницу ведут к речке. У речки был настил, они берут плетку, ты ложишься - и бьют. И в два часа ночи, в три часа ночи идешь домой, если дойдешь. Били только по пятницам, четыре раза в месяц, выходит, четыре недели, четыре раза. Плеть мочат в воде и бьют по спине. Помню три-четыре удара. Потом отключаешься, не помню ничего. Потом просыпаешься в три часа ночи. А мать не забирала, не разрешали, сам идешь домой. Не хочешь идти домой - лежи на мостах.

Какая им разница, украл — значит, не ребенок. Вот приходишь туда, потом в понедельник опять дрова пилить. Да еще сапоги наставят там штук пятьдесят пар, и чтобы они блестели надо чистить. Принесут гуталин, один немец тоже такой хороший был. Как не блестят - так шлепок по голове, что худо начищено. Они должны свое отражение в сапоге видеть. Один немец подходит, сахар размешает с водой, и потом чисти сапоги. И чтобы блестели. Вот он принес сахару, вода-то есть, мы размешаем этот гуталин с сахаром и водой - и чистишь, тогда блестит все. Это немцы придумали. Чуть-чуть сахара в этот гуталин, развел, он принес сколько надо. И вот чистили. Это лето было. Вот так. И вот отработали, благодаря этому немцу, а так повесили бы. Говорят, и среди немцев есть нормальные люди.

А потом все. Уже месяц отпилили, и они больше нас не гоняли дрова пилить. Потом как-то ночью в баню стучаться, там мать и две сестры были. Мать спрашивает: «Кто?» «Откройте дверь!» Мать открыла, а это летчик наш русский. Говорит: «Сбили недалеко. Один ранен, а я живой. Что-нибудь поесть есть?» А мать говорит: «Есть хлеб да капуста, больше ничего нет». «Ну, хоть хлеба да капусты дайте». Мать дала. И потом, значит, где немецкие стоят посты, где проходят мосты и железная дорога. Я говорю: «Я тебя проведу, где нет немцев». Я провел их, показал телеграфные высоковольтные столбы такие здоровые, как сейчас. И сказал: «По ним дойдете до Волхова. Приведут вас столбы эти. Но будьте осторожны. Немцы могут стоять, но только по этим столбам можно дойти». Уходят. Вдруг месяц, наверное, проходит, летит самолет двукрылый, над баней он покрутился, вверх - и ушел. Этот летчик был. А больше кто? Мы так и решили, что он. Что жив. Он не представился - ни кто он, ничего. И никто не донес, никто не видел, ночь была. Потом полицай приходил, спрашивал: «Никто к вам ночью не приходил?» Мать говорит: «Никто не приходил».

Одного расстреляли. Брата отца. Расстреляли прямо на канаве. Не знаю, почему. Остались сын и дочка.

Меня потом в Германию увезли. Это в начале 1944 года. Погрузили всю семью на машины, меня привязали сзади на санках. А почему? Потому что мы украли же аккумулятор, а это была весна, снега нет, и вот они меня сзади машины привязали и до вагона товарного так и тащили на санках. Они тормозят, а санки-то под мост задний. Потом привезли туда в концлагерь. Город Кассель. Бараки и все. Меня гоняли стружку вытаскивать. Вагонно-ремонтный завод был, и меня гоняли вытаскивать стружку в яму. Колеса точат, и нужно было из ямы выносить стружку. Кормили отрубями, свеклой, хлебом и все. Работа начиналась примерно с восьми-девяти и часов до десяти вечера. Бомбили американские самолеты. Они как налетят на завод этот и бомбят. Все ходили под трубу. Там труба была. А потом не пошли вдвоем чего-то, не побежали. И в трубу бомба попала, угодила туда бомба. Надо же так. Еще мы ходили вверх, метрах в 12 было бомбоубежище, для немцев сделанное. Если немец стоит там нормальный, то пускал наверх, на макушку. А если не пускали, тогда мы под канализацию - и все. Лагерь был большой.

Американцы освобождали. Освободили всех, погрузили на машины и потом привезли на Эльбу, выгрузили на берегу, а там надо через Понтонный идти на ту сторону. Выгрузили, а есть надо было, варить что- то - чай или кипяток. Меня послали за водой. А они начали разжигать костер. Разожгли костер на мине, и всех разнесло. Я только воду почерпнул, как рвануло. Мне попали осколки в голову, в губу и вот сюда в горло. У матери 48 ранений было. И глаз потеряла. Мотом мы лежали в госпитале. Лазарет был там. И вот, наверное, дня четыре или пять лечили. А сестры ждали. Перешли к нам на нашу территорию. Там сразу: как зовут, как лечился, как родился, анкету!

Приехали в Чудово на товарном вагоне. И отец приехал в 1947-м году, пошел на работу и на работе умер от голода. Нечего было есть. Одна карточка на всю семью, а нас четверо. Надо же ему есть, работал. А почему карточек не давали - потому что был у немцев, законы-то у нас какие. И своего хозяйства не было. Какое хозяйство? Мы осенью приехали уже оттуда. Боялись говорить при советской власти, что мы были у немцев.

Меня взяли учиться в Питер через Дорпрофсож, это была организация железнодорожная. Так как отец был майор, взяли меня туда учиться в техникум железнодорожный. Заканчиваю я техникум, и меня посылают работать на станцию Хвойная. Это от Москвы недалеко, по Северной дороге, окружной. Вот туда. Мать продала дом за мешок муки и уехала к матери своей в Малую Вишеру.

Приезжаю туда, фамилию смотрит начальник: «А мы с твоим отцом вместе институт заканчивали. Ну, будешь у меня работать». Я год отработал, думаю, ну чего я тут один в этой Хвойной? Карточки давали. Потом отменили все это. Ну, думаю, чего я буду один-то? Пошел в отпуск и пошел в Дорпрофсош, как улица-то называется, забыл. Пришел и говорю: «Как бы взять перевод из Хвойной сюда на Московскую дорогу?» Я рассказал все, они говорят: «Хорошо, сейчас дадим бумагу». Дали бумагу, чтобы меня перевели. Ну, значит, бумагу приношу начальнику, а он говорит: «Не переведу, поедешь в Улан-Уде, за Монголию вместо Питера, чтобы не ходил тут».

Ну, поехал я, значит, туда в Улан-Уде, а там с китайцами заваруха была, состав вернули обратно, и я приехал в Питер. Приехал в Питер, все документы у меня, пришел на Московский вокзал и устроился там работать - по сигнализации связи был. Потом друг был. Он говорит: «У меня хороший подводник есть, давай устроимся в морское училище». Я говорю: «Ну, давай!» Приходим, как умные, два дурака, автобиографию пишем. Написали автобиографию, приходим в приемную комиссию. Приемщики стоят, столы такие, подаем документы и автобиографию. Прочитали: «Знаете, что, молодые, люди мы на ваше место взяли, вы опоздали». Ну, опоздали - и мы поверили. Выходим, а секретарь говорит: «Ну как, взяли?» Я говорю: «Нет!» «А какую автобиографию написали?» «Да вот, что был в концлагере, а этот был в Прибалтике!» «Да вас, - говорит, - не возьмут и землю-то копать!»

Ну все, больше не пишу. Взяли в армию дальше. С автобиографией все нормально. Я уже не стал писать, что был в концлагере. Для какой перспективы? В армию взяли, и попался питерский капитан, попал служить в МВД. Потом в техникум меня устроили. Потому что отец столько на железной дороге был! А потом в техникуме учился. У меня пять классов закончено - и все. Я в вечернюю школу ходил, когда работал в Питере. А потом взяли в МВД и хотели в связь. Я говорю: «Товарищ капитан, только не в связь, там по снегу, в мороз бегай там!» Он говорит: «Тогда в автобат, на водителя учиться». Я говорю: «Ну ладно, в автобат, так в автобат!»

Закончил училище, школу, год учился в армии. На все машины - и на колесные, и на броневые в МВД. Я в Москве работал на Ленинских горах. А потом в 1953-м году умирает Сталин. Нас всех туда на оцепление, так я попал туда. В МВД был у Лаврентия Павловича. МВД подчинялось все. Видел их все лично. Я возил - не охранял, а возил.

В 1953-м году стал работать в другой системе, в другой воинской части. Перевели оттуда в другую часть, я строил бетонку в Тосненском районе. Деревья рубили, потом бетон делали, сетку, песок возили, потом сетку клали, потом бетон заливали. Туда не пускали обычные машины, шлагбаум стоял.

А потом год отработал, устроился в десятый парк в Колпине. Давали мне квартиру как малолетнему узнику, должны были дать, а я отказался. Потому что мне начальник сказал: «Захотел подохнуть раньше времени – пожалуйста, получай квартиру!» Потому что там Ижорский завод коптит день и ночь, потом завод еще один коптит. Вот и все.

Я построил дом. В 1954-м году я женился, в армии еще. Раньше три года служили, а мне четыре пришлось. Мать переехала сюда ко мне. Пожила немного, заболела и умерла. Сестры в Питере, они квартиру там получили как узники.

Потом 24 года проработал в Колпине в десятом автопарке, я все водителем был. Там строили Ижорский завод. Потом ушел в МВД. Работал водителем. Начальство только вожу. Ушел, значит, в МВД. Раньше было МВД, а потом стал Минюст. Там я 20 лет проработал, 63 года стажа у меня.

Сергеева Галина Ильинична

Я, Сергеева Галина Ильинична, в девичестве Шведенкова. Я родилась 18 марта 1942 года - самые тяжелые годы войны. Родилась в Калининской области в деревне Ладыгино. Буквально в июне 1941 года месяце мама со старшими детьми поехала в отпуск. Еще двое детей было: сестра Тамара на три года старше, брат. Мама была учительницей младших классов. Папа был военнослужащий, с первого дня ушел на войну. И мама о нем узнала только в самом конце войны.

Мама задержалась в деревне Ладыгино на долгие пять лет. Вокруг были немцы. Около деревни, где мы жили, был аэродром, немцев в нашей деревне не было, но бомбили постоянно. У нас ведь аэродром рядом. Убегали в лес прятаться. У мамы трое детей: Тамаре три года, я на руках и между нами Юрка. Мама в канаву положит нас и шубой накроет.

В 1949 году мы переехали в Никольское. В школу я пошла с семи лет. Отец демобилизовался, и мы приехали. Папу прислали сюда работать в совхоз «Дружный» директором, по специальности. Отца звали Илья Васильевич Шведенков. Он агроном по первой своей специальности военной.

Жили сначала на квартире, а потом купили в конце Никольского дом, четвертинку дома. Ну, а потом второй купили, а потом уже и весь купили дом двухэтажный. Жили внизу, много комнат было. Не тесно было. Жили, я не скажу, что бедно, потому что мы жили с отцом. Вот я посчитала: из девяти человек соседей, у шестерых были отцы. Все остальные отцы погибли на войне. Жили они очень бедно.

В одном классе было где-то человек тридцать пять. Встретила в школе нас Лидия Николаевна Компликова, наша учительница, и проучила нас четыре года. Школа была двухэтажная, деревянная, на Западной улице. Кругом ее окружали еще разгромленные немцами дома. Школа, которую сейчас будут отделывать, вот эта школа. Потом рядом была больница. За нашей школой были дома, сильно разрушенные немцами. Потом уже их достраивали.

Школа двухэтажная, большие классы. Классы были с такими откидывающимися партами. В середине была чернильница. Ручки у нас были с собой. Чернила нам заливала уборщица. Они не выливались, иначе мы бы там все перемазались. Не сажали нас мальчик с девочкой. Посадили, кто с кем хотел. В классе получалась так, что была и старшая сестра, Лебедевы - и старшая и младшая. Хозяйчиков один и Хозяйчиков другой. Здесь, которые намного старше, по пятнадцать лет были дети.

Они не фотографировались. Ну, во-первых, это считалось дорого, денег не было, жили без родителей. Все они отучились четыре класса и ушли на работу.

Школа делилась по категориям: начальная, семилетка и средняя. В начальной у нас были такие предметы, как чтение, письмо, арифметика, чистописание. На чистописании нас учили писать, сейчас не учат чистописанию. А нас учили писать красиво и чисто. И надо сказать, что добивались. Я, например, очень красиво пишу. Не потому, что у меня особый талант, а просто с самого начала правильно учили, где делать нажим, как это все делать. Нас этому учили, причем очень строго относились.

Чтение, письмо, было еще пение. Так как прошло четыре года после войны, пели военные песни. Очень хорошо пел Майнов Юра вот эту песню: «Мы вели машину по дорогам фронтовым». Эти песни до сих пор помню. Песни пели такие: «Дан приказ ему на запад», «Орленок» пели, «Катюшу». Детских песен еще не было. Уроков физкультуры как таковых не было у нас. Просто позанимаемся немного в классе. Зала не было, на улице были занятия. Ничего не было же, руками помашем - и все.

Тетради, книги были, не писали мы на газетах. Уже прошло четыре года, можно было купить. Даже тем, кто бедный был. Это был 1949-й год. Никто не писал у нас на газетах. Брат учился в третьем классе, а сестра в четвертом. Лидия Николаевна отучила нас четыре года.

Я не помню, были ли мы октябрятами. Не помню, значит, не были. Потому что я бы помнила. А в девять лет нас принимали в пионеры. Девять лет мне исполнялось в марте. А в пионеры принимали обычно на большой праздник, к седьмому ноября. А мне не было еще девяти лет, и я рыдала. Мне так хотелось быть пионером. Я думала: раз я отличница, меня, наверное, возьмут. Но никто меня не взял.

В марте мне исполнилось девять лет, а в пионеры принимали ко дню рождения Ленина, это двадцать второго апреля. Обычно день рождения пионерской организации - девятнадцатое мая. А двадцать девятое октября - день рождения комсомола. В комсомол уже принимали в старших классах, с четырнадцати лет. Ну, когда принимали в пионерский отряд. У нас было три звена. Звеньевой носил одну полосочку на форме, председатель совета отряда - две полосочки.

У нас были сборы. Говорили, конечно, об учебе, о книгах. Готовили художественную

самодеятельность. Когда были большие праздники, всегда школьников приглашали выступать в клубах. Клуб был на заводе «Сокол». Желтое здание - это был клуб. И был деревянный клуб в самом Никольском. К заводу сюда ближе был деревянный клуб. Сюда нас возили. И там мы выступали. У нас была группа из четырех человек: я, Люда Авилкина, Ермакова и Ваня Рогов. Мы читали стихи. Старались патриотические - громко, чтобы выговаривали, чтобы душа у всех трепетала. Стихи, конечно, были все взрослые. Взрослые умилялись, глядя на нас. И мы тоже были все счастливы от этой самодеятельности.

В классе была большая круглая печка, она была на два класса. Я ходила почему-то в школу рано, заходила за Людой Авилкиной, и мы приходили в школу первыми. Печка уже была истоплена, было тепло. Всегда было тепло. Я не помню, чтобы мы мерзли. У нас не было страха, что туалет на улице. Не боялись, потому что жили все в частных домах, другого не знали.

Где-то, наверное, в классе в третьем первый раз нас повели в кино. А кино еще не видели. Повели нас в барак, вот в этот дом, в клуб, и смотрели мы «Тарзан». Конечно, ничего не поняли, но восхищались. Тарзан бегал, кричал, мы балдели. Сначала нам показывали одну серию, потом через неделю вторую. И мы все ждали этого кино. Это было что-то, потрясение! Правда сестра и брат смотрели до этого «Кощея Бессмертного». После войны мы жили в Германии с отцом. Тамара там в школу пошла, и им показывали это кино. А меня не брали, я еще маленькая была, мама меня не пускала.

Библиотека у нас была уже в этой школе, когда мы перешли, а в старой не было. Книжки читали, но читали тоже все про Ленина, как Ленин был маленький с кудрявой головой. Вот такое нам читали, и воспитание было чисто патриотическое: любовь к Родине, уважение к старшим. Воспитание - только сейчас я начинаю понимать, как это важно. Тогда, может быть, нам казалось это и ненужным. Но это очень важно - уважать друг друга. Нас учили этому, рассказывали. Но это я поняла в семьдесят четыре года только.

Когда я перешла в четвертый класс, построили новую школу. Это был 1953-й год. И новую школу открыли не с первого сентября, а где-то в промежутке. Это или октябрь, или ноябрь. Этих домов не было. Школа стояла, получается, сама по себе.

Третья школа казалась громадной, большой. Младшие классы были на первом этаже. Я рано в школу ходила. По осени можно было прийти, и даже были змеи на ступеньках. Потому что кругом же болото, заводов еще не было. Заводы только начинали строиться. В каждом классе были новенькие ученики, потому что приезжали на строительство заводов.

Не было кирпичного завода, керамический вообще начинали строить в конце 1950-х годов. Мы туда за брусникой ходили. А кругом были одни болота. Вот, где дом, я сижу во втором доме, был такой большой пруд. И было не пройти, надо было ходить кругом. Но мы там тропу протаптывали, по грязи ходили. Дети есть дети.

Школой, конечно, мы были довольны. Когда открыли концерт, привезли пианино. Мы первый раз в жизни слушали классическую музыку и классические песни. Мы, конечно, ничего не поняли. Нам это не понравилось, конечно, после наших песен. Было такое все новое, что-то необычное. К нам из города приезжали. Специально привезли, чтобы показать детям. Конечно, мы были в шоке. Мы ничего подобного не видели. Маме надо отдать должное, она возила нас в город, возила в Ленинград по музеям. Она не работала, трое ребят было, и она нас возила.

До города папа нас возил. Бричка была такая, довозил нас до Саблино, а там был паровоз. А учитывая, что папины родственники все в Ленинграде, мы бежали к ним. Ночевали у них. Нас мама водила в Эрмитаж, в Русский музей, в зоологический музей. Мы с братом балдели от военно-морского музея. Мама водила на квартиру Пушкина. Мы, конечно, ничего не поняли. Но все равно нас мама водила. Первый раз были мы в театре в Мариинском. Был балет «Щелкунчик» что ли. Красота. В глазах так и стоит первое впечатление - сказка. Под впечатлением были. Потом, когда уже училась в институте, как все, ходили. Я не скажу, что была такая тяга к искусству, что прямо убиться хотела из-за этого. Не было, но ходила, как все. Тогда были эти потрясения. Надо сказать, что мы умели радоваться.

Мы радовались праздникам. Когда был праздник какой-то, а мы постарше были, мы готовили самодеятельность. Готовили себе платья красивые. Мы там все думали, переживали. Что-то было радостное. Вот сейчас нет такого. Может быть, я не хожу в школы, может быть, так же и радуются праздникам. Мы как-то очень радовались. Уже взрослая была. Чтобы какой-то праздник, чтобы я была без нового платья?

Мама научила шить, мама сама шила. Кстати, по поводу одежды, когда в первый класс мы пошли. Мама нас повезла в город покупать новую одежду, учитывая, что я третья, и мне вообще никогда ничего не покупали. Я в обносках ходила. У меня была шуба кроличья, такая белая была шуба. И ни одной ворсиночки не было, только кожа - все было ободрано. Сколько поколений в этой шубе ходило, трудно сказать. И мне первый раз в жизни купили пальто. Было коричневое пальто в крапинку. Но больше всего мне понравились голубые штанишки, панталончики. И вот я сидела, фотографировалась, чтобы штаны было видно.

Это столько лет прошло, и так они мне понравились. Я хочу сказать, что мы видели красивое белье. В Германии были, у нас было детское белье красивое. Как-то это не воспринялось. А тогда мама купила это платье, сарафан и блузку. И Саше так же купили все к школе.

Тамара с Ильей еще ходили в карельскую школу. Мы меняли, потому что отец приехал сюда. А потом уже пятый класс. В пятом классе мы уже занимались на втором этаже в этой школе, классный руководитель была Зинаида Ильинична, она была Сысоева. Потом она еще раз меняла фамилию. Она у нас была классным руководителем. Тогда директором еще был Лившиц Семен Ульянович. Потом уже Тихонов приехал.

Народу было намного меньше, даже половины не было, потому что все переростки ушли на работы. Остались в основном ровесники. Где-то в пределах за двадцать-то было. Ну, и наши все учителя: Анна Алексеевна по географии была учитель, Антонина Григорьевна ботанику вела, Екатерина Григорьевна приехала - такая красивая была, обалденная. Так она нам нравилась. Дина Михайловна приехала позднее. Дина Михайловна Лаптева, а фамилия Белькович была, когда она выходила замуж. За Лаптева мы девчонки так переживали, хотя Лаптев и красивый был мужчина, но фамилия одна чего стоила. Мы переживали и говорили, как она могла с такой красивой фамилией, такая интеллигентная - и пожалуйста.

Но нас еще начинала учить немецкий язык Надежда Васильевна Быкова. Она нас учила, а Дина Михайловна после восьмого класса уже позднее учила. Когда я была уже постарше, класс шестой или седьмой, на больших переменах включали радиолу, чтобы у нас были танцы.

Большая перемена была одна - минут двадцать. Радиола была на втором этаже. Мы называли актовый зал, потом уже сделали сцену. Сначала ее не было. И мы уже там танцевали. Как раз с приходом Павла Андреевича Филимонова. Мы всегда ждали танцев. Всегда ждали и были довольные и счастливые.

С приходом Филимонова в школу мы начали уже готовить новогодние праздники сами. Приносили елку, мы ее украшали, игрушки делали. И делали комнату сказок. Класс освобождали от всего. Сказка «У лукоморья дуб зеленый». Дуб был, кота сшили: «Кот ученый все ходит по цепи кругом». А потом лешего сшили: «Там леший бродит, русалка на ветвях сидит». Все это было сделано с таким освещением, так торжественно.

Мы впервые с Павлом Андреевичем сделали такой шар круглый, он освещался и крутился, елку освещал. Снежинки были, весь зал в снежинках. Тогда пожарные ничего не говорили. Весь зал снежинками обвешивали. Вот так готовили эти праздники. Семилетку многие закончили, ушли. Многие в техникум поступили. А кто-то ушел в восьмой класс.

В восьмом классе пришел Олег Клементьев. Он был у нас первый руководитель. Он вел математику. Ничего мы не понимали. Потому что после Зинаиды Ильиничны нам казалось, что у него был другой, новый подход. Мы потом привыкли, но сначала никак было не пристроиться. Мы ворчали, нам это не нравилось.

Надо сказать, что мы все были уже такие нормальные, взрослыми себя считали. Олег Петрович маленький такой, худенький, щупленький. Нам казалось, что он даже нас стеснялся. И как раз уже, наверное, в восьмом классе приехала Айна Августовна. Приехала и организовала хореографический кружок. Это было очень интересно, красиво, но меня мама не пустила. Потому что я жила в конце Никольского, нужно было вечером ходить. Нас же не встречали родители. Мама берегла нас и не разрешала ходить вечером на этот кружок.

И потом я маленького роста. Там девочки такие ходили - высокие девочки. А я маленькая, сначала мне было очень обидно, а потом я смирилась с этим. Кружок выступал, много, наверное, видели. Есть фотографии. Она долго вела этот кружок.

Наверное, в классе девятом у нас был организован поход в Кировск на лыжах на три дня. Лыжи

на валенки надевали. И мы приехали в Кировск, в кировскую школу. Мы шли, наверное день, скорее всего. Там нас накормили, мы не сами готовили еду, мы там ночевали. Что нас поразило больше всего - это стенгазета. У них была большая стенгазета выпущена. Наверное, на трех листах ватмана или на шести листах - во всю стену.

С нами был учитель физкультуры, но не помню его. Как-то так прошел стороной, много не занимались физкультурой. Такой был высокий и белый мужчина. Он был относительно молодой, он был с нами. И потом, когда приехали, такую же стали газету у себя выпускать. Первую газету мы выпустили, а это было на новый год.

На первое февраля мы начали устраивать вечер встречи с выпускниками, это 1958 год или, наверное, 1957 год. Выпустили такую же газету про бывших выпускников. Успеваемость - и все. Было интересно. У нас и рисовали хорошо, и газета была такая красочная и яркая. И вот я школу уже заканчивала, такую большую газету все время выпускали.

В девятом классе было новое веяние: практика. Нас повели на завод «Сокол». Он тогда назывался «Почтовый ящик четыре». После школы мы ходили, учились работать в эмальцех. Я была эмалировщица, кто-то был лаборантом. Часа два занимались мы там. Нас учили, по-настоящему учили: допускали к станкам, технику безопасности мы проходили. Причем не так, что училась вся большая группа. Мы были прикреплены к каждому, так и учили нас. Уже после школы я там работала. И обычно новички обучались четыре месяца на станках. А мы учились меньше, учитывали, что мы проходили такую практику.

После девятого класса еще организовались комсомольско-молодежные лагеря в совхозах. В девятом классе мы поехали работать в Миртово. Жили мы там в бараке. Мальчики и девочки были вместе, разделены простыней. Со стороны мальчиков спал Олег Петрович, со стороны девочек - Алевтина Александровна. Ходили на работу. Часа три или четыре работали, сажали мы кукурузу. Тогда было модно кукурузу квадратно-гнездовым способом сажать. Были сделаны полосы, и мы там по несколько семечек сажали. И за молоком дружно ездили. Была такая фляга, и за молоком ездили. Утром встанешь и варишь кашу. Плита у нас была, дымила жутко. Месяц мы там были, девочки, конечно, страдали потому что и дни были критические, и нам было очень сложно, не учли того, что мы девочки уже взрослые были.

Нам нужно и переодеться, и помыться, но нас там держали. Но мы убегали, потому что Алевтина и Олег Петрович настолько за день умучаются с нами, и как только ляжешь спать, они уснут, и мы тихонько уходили в Ульяновку на танцы.

Ходили туда, а один раз оттуда пришли, захотели есть и пошли на кухню, и выпили молоко, которое предназначалось для каши. Утром дежурный выходит - молока нет. Нас всех построили: «Кто молоко выпил?» Мы все шаг вперед. Тогда сказали, что в кино повезут, а нас нет. И мы объявили голодовку. Сказали, есть не будем. Это быстренько дошло до директора школы. Приехал Тихонов и сказал: «Кто будет есть, все в кино поедут, а кто не будет есть - не поедет». Конечно, мы все поели, такие счастливые, довольные.

Потом все это разрешилось, все нормально. Вот сейчас, когда едете на автобусе, на семерке, когда переезжаешь речку Тосну, налево домик стоит, а за этим домиком был барак. Вот там мы жили. Там сейчас барака нет, остались одни деревья.

В комсомол вступала я в 14 лет, это, наверное, седьмой класс. Тоже в школе торжественно всегда нас принимали. А потом возили в Тосно получать комсомольский билет. Или пешком шли через Саблино, потом на паровоз, а электричек еще не было. Электрички пошли, наверное, в 1961 году. Потому что я в институт поступила в 1961 году, и электрички пошли. Мы через Саблино ездили, а через Ивановскую позднее сделали, где-то через год или два.

На Поповку тоже ходили. Была посередине речки перемычка такая - мостик, который весной в половодье сносило. Когда перейдешь по этому мостику, там была дорога. Дорогу сделали немцы. Деревянная она - такие чурки деревянные были. Поднимались и шли на Поповку. Раньше там была узкоколейка, поселок был, где сейчас камень закладной, а был же поселок большой Стекольный, и проходила узкоколейка. Очень был большой поселок. А во время войны уже все разгромили, сожгли. Оставались столовая и несколько бараков, пленные лежали на улице.

Мы ходили на Поповку, интересно было. Минут сорок ходили, это километров пять, наверное. Так же, как и до Саблино. В Саблино пешком идти - посередине дороги такой был голубой ларек,

шалман почему-то называли, не знаю. Нужно было дойти до него - это половина дороги, а потом вторая половина. Вторая всегда быстрее.

Когда мы приехали получать комсомольский билет, весна была. В тот год очень было много воды. Вся железная дорога, все было залито водой. Я первый раз в жизни видела, чтобы так разливалась наша Тосна, чтобы столько было воды. То есть все дома были в воде, даже железная дорога была в воде. Это было в 1950-е годы. Было очень много снега, все растаяло - и вот.

В школе у нас был приусадебный участок на другой стороне дороги. С ним занималась Кутузова. Мы уже были постарше, уже были такие ленивые, но все равно принимали участие, но без восторга. Обычно она занимала пятый, шестой класс, которые изучали ботанику. Старшие классы - мы же себя считали умными.

Еще пионерских лагерей как таковых не было. Была у нас пионерская дружина, знамя было, клятва была. Сборы были в основном по классам. В основном, конечно, заводилами всегда были классные руководители. Они занимались с нами, от них идеи исходили и книги какие прочитать, рассказать. У нас еще не было такой инициативы, мы еще очень мало знали. И не знали, что мы можем такое сделать.

Хочу сказать, что были и набожные люди. Верующие были очень. У меня папа был коммунист по крови с пеленок и мама комсомолка была. У нас о религии вообще не было разговора в семье. А некоторые были очень религиозные. Верили и ходили в церковь. И в общем скрывались. Но если мы узнавали, то вели себя недостойно. Без уважения. Нам не говорили о том, что надо уважать любое мнение. Это вот сейчас мы понимаем, а тогда нет. И вот я познакомилась с Александрой Панковец. Она вот тоже считает, что религии как таковой нет. Это научное все, настолько интересное. Я считаю, что, прежде чем судить, надо что-то знать. Мы ничего не знали. Я не говорю, что я стала верующий, но мне стало интересно. Я не хожу в церковь, потому что это уже в крови воспитанно настолько, что не нужно. Но я хоть какие то азы знаю, что это такое.

Мы не рисовали. Ничего мне не дано этого, у меня рисовал брат хорошо, мама рисовала. Мне это не дано, я, как в сказке у Ершова, мне ничего не дано. Вот если мама пела великолепно, сестра, брат поет, я вообще не пою. Есть у меня слух какой-то, ну, в компании я, конечно, потягиваю, но чтобы петь - мне это не дано. Например, у сестры уникальная память, она приспособлена ко всему. Мне все давалось только своим трудом, потому что мне просто это не дано. Я не хочу сказать, что я ничего не помню, да как все. А Юрка все время рисовал шаржи, у него очень хорошо получалось.

Я не знаю, почему мама не отдала учиться дальше рисованию. Он сам не захотел. Тогда и не настаивали. После школы мы все хотели учиться. После 10 класса я пошла поступать в техникум по разработке балалаек. И, надо сказать, я в общем-то в математике разбиралась. И когда был первый экзамен по математике письменный, я быстрее всех все сделала. Такая счастливая. Прихожу - мне два. Я даже не спросила посмотреть, что это. Я до сих пор считаю, что у меня все было верно.

После того, как не поступила, я работала на «Соколе». Учитывая, что мне не было 18 лет, нас направили в бригаду наладчиков, и я работала в бригаде наладчиков до 18 лет. Поступила на подготовительные курсы в Технологический институт. Тогда было время спокойное, и я после работы спокойно ездила, и там мы занимались. Отъездила я год, сдала вступительные экзамены и поступила в институт. А сейчас бы вечером пустили родители на электричке ездить? Сейчас и сама бы не поехала. Это, видимо, еще сказывалось, что были счастливы, что не было войны. Это отношение родителей, спокойная жизнь, позитивный настрой.

Мы так спокойно к этому относились. Я ездила на электричке, приезжала, машины ездили, строили завод, ездили грузовики, самосвалы, мы поднимали руку, и нас до поселка довозили. А там пешком бегом домой безо всяких проблем.

Нас готовили специально к экзаменам. Те, кто не учился на подготовительных курсах, конечно, им было очень сложно поступить. Особенно из сельских школ, потому что программы были связанные с институтом. Особенно по химии. Николай Семенович у нас был химик. Мы просто издевались над ним. Он очень был спокойный человек, но ничего он нам не дал, абсолютно ничего. И сами были без понятия, что вообще такой за дремучий предмет химия.

И в технологический институт, конечно, никогда бы не поступила. По математике все-таки Олег Петрович приблизительно готовил нас. Приблизительно, вот так. Ну, еще сдавали иностранный язык, литературу. Полина Аверкиевна вела литературу. Когда она к нам пришла после Тамары Николаевны

Поспеловой - такая высокая, статная. Она так говорила, что мы заслушивались. Она рассказывала интересно, причем рассказывала о той литературе, которую мы не проходили. Достоевского рассказывала, у нее речь хорошо поставленная. Нам так нравилась она. Сочинение мы там писали, писали по программе.

Мы закончили институт. Закончила институт средне. Я училась так, чтобы получать стипендию, то есть сдать экзамены. Одну тройку я могла иметь, потому что я была комсоргом. Отработала я в Невьянске, это на севере от Свердловска, старый купеческий город, город Демидово. Это и есть сам Невьянск, в этом Невьянске из достопримечательностей - падающая башня. Один из сыновей Демидова увидел падающую башню и построил такую же в Невьянске.

Я отработала день в день и 1 февраля через 3 года я уехала оттуда. Все было чуждо, начиная от языка. Староверы, верующие очень. Здесь этого не замечаешь. Ходишь в церковь или нет - твое личное дело. Там это ярко выражено было. Причем совершенно другой язык. Они даже говорят по-другому. Я когда туда пришла, они сказали, сразу заметно, что ты приехала из Ленинграда. То есть наша речь совершенно другая, она более певучая, более грамотная, какая-то правильная речь. Говорим, как говорим. А они отличаются, там уже свой говор. И сказала, что дня не буду больше, приехала домой.

Вернулась домой, работала потом в Тосно. Последние 17 лет проработала в государственной инспекции на сельхозпродукции. Нас учили, конечно, потому что нигде этому не учат. Ездила в Москву, учили, как правильно проверять, как вести. Учили всему, начиная от того, как вести себя и все остальное. Потом уже позднее, когда учились в академии, изучала психологию, учили нас, как себя вести. Это было потом, а в институте ничему не учили. Всему учили, но ни к чему. Для общего развития.

Начинала работать, ходила в СЭС, училась делать анализы. В институте один раз сделаем - и все. Мы проверяли, конечно, были определенные задания. Секретарь Федоров всегда говорил: «Девочки, для своей инспекции - ваше дело, можете писать, что хотите, но чтобы была правда!» Никогда ничего не скрашивали.

Все дело в том, что так было принято, неудобно писать. Предположим, я сделала проверку и, допустим, в совхозе Тельмана или Детскосельском нарушений было много. И я это вынесу на область? Я просто не могла сделать, потому что все-таки по Тосненскому району работали, были патриоты. Я решала вопрос с директором, и в актах отмечали. Но не поливали грязью, дорожили районом, а Николаю Федоровичу, конечно, говорили все, как есть.

А был еще народный контроль, и мы принимали участие. Наш главный инспектор, тогда у нас была Мария Николаевна Мельникова, она всегда нам говорила: «Мы работаем по плану!» Потому что народный контроль любил посылать на самые грязные дела кого-то. Под любым предлогом пошлют. За это ей, конечно, попадало очень много. А она в общем-то нас не подставляла. Она всегда говорила, что горшки чужие выносить не будем. Кому надо, так и проверяй. Своих проблем хватает. Надо сказать, что вопросы качества и до сих пор на первом месте. Говорят, всех проверяющих сократили. Оставили этот роспотребнадзор - ни о чем.

Семенин Вадим Викторович

Я, Семенин-Аккерман Вадим Викторович. Родился 10 апреля 1936 года в городе Ленинграде на Невском проспекте, который в то время назывался проспект 25 Октября, дом номер 60. Это там, где сейчас кинотеатр «Аврора». И раньше он был, только подругому назывался до революции. А так «Аврора». Довольно-таки интересное место.

Родильный дом был на Васильевском острове, а жили мы тогда здесь на Невском, 60. Мать Зинаида Валерьяновна с довольно-таки боевой биографией, потому что вместе с отцом Аккерманом Виктором Юрьевичем служили. Он был специалистом по инженерной части, механиком, обслуживал суда Волжско-Каспийской флотилии, которой тогда руководил Федор Федорович Раскольников. Она состояла из полувоенных кораблей, ну, немножко и военных, которые были переправлены из Балтийского моря через Нижний Новгород. Поэтому они базировались в Нижним Новгороде. Там были какие-то бывшие и царские яхты. Короче говоря, высаживали какие-то десанты. Война с Колчаком, с

англичанами какая-то стычка была.

Отец обеспечивал исправность этих пароходов. Он окончил Политехнический институт, работал

на железной дороге. Он не моряк, но потом был призван во флот. Был гардемарином на черноморском флоте. Последняя его служба

Дед Семенина В.В. отец матери –Валериан Андреевич

была на корабле «Свободная Россия» — может, бывший императрицы Екатерины, сейчас уже не помню.

А вот моей мамы биография. Родилась она в Саратове. Ее дед, мой прадед, немного с революционными был, традициями проявилось после известных реформ Александра Второго, когда он отменил крепостное право. Прогрессивная молодежь считала, что недостаточно реформ, и выступила против. А прадед учился в это время в Петербургском университете, который потом Ленинградским университетом имени Жданова.

Дедушка по матери, мой прадедушка, - Владимир

Мама с братьями 1912 й год

Драве. Их там всех повязали после этого выступления, посадили в Петропавловскую крепость. Потом они чего-то там нахулиганили – вывесили какие-то баннеры. В те времена, наверное, иначе

назывались. Какой-то плакат вывесили напротив Зимнего Дворца. Фигу, так сказать, царям и всему самодержавию.

Их оттуда убрали и посадили в Кронштадтскую крепость. Это все происходило в октябре, помоему, а в декабре состоялись судебные заседания, и ему присудили высылку. И был он выслан в Пермь, там остался, немного поработал. Наверное, какие-то революционные традиции в нем сохранились, и однажды у него появился известный писатель, который тоже был выслан, – Владимир Галактионович

Гор. Воронеж, 4 класс, гимназия сестер Кожевниковых 1914 й год

Короленко. Прадед способствовал его какой-то службе. Взял Короленко на работу к себе, и он там каким- то клерком уже работал.

И потом, так сказать, он где-то ему помогал уйти от надзора полиции. Вот у них такая была дружба.

Потом Драве Владимир Иванович работал по железнодорожной части. Гдето контора была при железной дороге. Он и закончил свою службу в начале уже 20 века на российско-китайской, как она называлась, КВЖД. Так потом называлась железная дорога. Там он закончил свою деятельность.

А вообще корни по линии матери – это немцы, которые были приглашены Екатериной. Которые осели где-то в районе Нарвы. Отец моего прадедушки был довольно успешным купцом, работал он в Ленинграде. Поставлял какие-то

товары и в конце концов получил звание почетного гражданина Санкт-Петербурга. Ему был вручен орден Святой Анны. А вначале он работал и шкипером, и лоцманом, и еще кем-то. У меня целая его подноготная выписана и прослеживается на конец 18 века. Это по линии матери.

По линии отца обрывается его подноготная. Его отец и мать работали где-то на хуторе. И об этом

Владимир Иванович Драве, на руках Иван, Софья Владимировна, Борис Владимирович, 1890 год

я уже узнал из следственных дел, когда его арестовали за террористическую деятельность в 1931 году, когда отец работал механиком Кронштадского морского завода. Отца посадили. Как гласило следствие, он входил в террористическую группу монархистов, во главе с Поленовым. Поленов был первым комиссаром крейсера «Аврора». Их было одиннадцать человек, их всех посадили. Может, кого-то и к стенке поставили. Но папе за неимением больших обвинений дали гдето лет пять, три года высылки. Он потом все время работал по морской части в лагерях, реабилитирован в 1956-м году.

Родился я так: в 1935 году мать поехала к отцу, когда он отсиживал свой срока. Причем он сидел в Республике Коми, где я потом был свою жизнь – пятьдесят лет, не зная даже о том,

что рядом со мной где-то недалеко мой отец. Но он в тюрьме не сидел. В лагере практически не сидел, потому что всегда его знания пригождались. И он был, как тогда выражались, расконвоированный. Где-то в районе Ухты его лагерь был. Он работал на нефтеперерабатывающем заводе, инженерную должность занимал.

Затем он занимался тралением реки Печоры. Как раз я почитал в следственном деле его биографию, потому что у нас-то дома биографии такие не хранились. Потому что была семья врага народа. И поэтому фотографий практически не сохранилось, материалов о его жизни. Поэтому я все это почерпнул уже из следственного дела и из военно-морского музея.

Отец писал в своей автобиографии, что его родители были хуторяне. Следователь задал вопрос: «У них, наверное, батраки были, они эксплуататоры были?» Но отец постарался опровергнуть, сказал,

Брат мамы -Николай Владимирович Драве 1890- е

что нет, они трудились в одиночку и след их где-то потерян. Но следователь все же написал: «Наверняка скрывает свое кулацкое происхождение».

Вначале отец везде писал «немец». Потом, когда немцы стали немодные, он уже стал писать «латыш». А я в результате оказался русским. И у матери, и у отца где-то немецкие корни есть.

Отца забрали из Кронштадта. А в Латвию он попал, так как жил там у родителей, когда был еще пацаном. Его родина — Латвия. Он в Елгаве похоронен и где-то оттуда у него родня вся. Отец вернулся как бы на свою Родину. Он умер в шестидесятых годах, где-то в начале 60-го года. Но он практически ничего не рассказывал, а все, что я узнал о нем, я узнал из музеев, из архивов, из небольших рассказов матери. Потому что все время мать мне говорила: «Давай я тебе расскажу». А я ей отвечал: «Да подожди». Ну, в конце концов, мать почти до девяноста лет прожила, а я так ее и не расспросил, как следует.

Немножко ее расспросила моя дочка, ее внучка. Поэтому мне удалось как-то со слов матери и моей дочки восстановить свою генеалогию. Вот я ее и начертал с конца 18 века по линии матери, с 19 века — по линии отца. И дальше со всеми ответвлениями. Мне удалось узнать о своих дядьях по матери — у бабушки были братья.

Один их них в 1944 году был расстрелян в Армавире за связь с партизанами. Один умер в блокаду. В книге памяти есть фамилия, но место захоронения неизвестно. То ли он был сожжен

в крематории, то ли его на Пискаревском кладбище похоронили.

Мама ничего не делала. Она все время рассказывала, какие красивые были на эскадре женщины. Как там было. На Каспийской флотилии они были все семьями. Например, Рейснер Лариса — жена Раскольникова Ф.Ф. (командующего флотилией), известная писательница, известная революционерка. Поэтому они там вместе. На этом ли пароходе или на другом пароходе, но все время вместе где-то общались. Где-то плавали, но не плавали, а какие-то боевые были задания.

Жили в Астрахани, но мама все время на корабле была. Это был восемнадцатый – девятнадцатый год. Но уже в двадцатом отца отправили на Дальний Восток. Он там работал в Амурской флотилии, затем он принимал участие в передаче каких-то объектов на Сахалин. Затем он работал в Якутске. Потом они базировались в Чите, в Хабаровске, в Благовещенске.

Были там у меня рождены еще брат и сестра, но они в военное время, в гражданскую пору умерли малышами. До четырех-пяти, столько они прожили.

В 1935-м году мать поехала к отцу, где он сидел. Там меня и зачали. Мать еще с какой целью поехала. Она узнала,

Бабушка Семенина В.В.-Софья Владимировна гор. Воронеж 1916 й год

что все эти капитаны написали письмо на имя Сталина, на имя Ворошилова, на имя Молотова и так далее. И начали их освобождать. Освобождать и принимать на работу, это был 1935-й год. Образцы тех писем, по которым их освободили, уже прислали. Пиши и ты тоже, значит. Ну, мать написала, а отец плохо говорил по-русски и писал неважно, он же немец. Он с акцентом говорил. Немец, а потом латыш. И он говорит: «Ну ладно, напиши!» И вот она написала под его диктовку, ее подчерком написано это письмо. Я читал это письмо. «Уважаемый Михаил Иванович, так и так, ни за что, ни про что посадили».

И вот он написал, а надо было отправлять. Можно было, конечно, тайно матери сунуть. Но отец был скрупулёзен в этом. Раз не положено, значит, не положено! Надо было через руководство лагеря письма отправлять. Он принес им эту бумагу и говорит: «Вот, надо будет отправить». А те говорят: «А зачем тебе это надо? Вот ты живешь хорошо. У тебя работа есть, квартира есть. Тебе не надо беспокоиться, потому что ты осужденный, в лагере сидишь. За тебя все думают, как и что. Жена у тебя под боком. Чего тебе еще надо?»

Семен Евлампиевич
- муж Зинаиды
Валериановны НКВД,
1941й гол

Это 1930-й год. Там более, что я родился через девять месяцев. «Зачем тебе это надо, тем более с такой фамилией, когда к власти фашисты пришли? Ты долго не протянешь, тебя наверняка опять загребут. Поэтому сиди и не рыпайся!» И это письмо осталось неотправленным. Мать уехала, оставив это письмо неотправленным. Оно сохранилось. Так что тут не понятно еще, где повезло, а где не повезло. Начало войны, немцы. Кто знает, чтобы с ним было? А так он просидел, как немец, в лагере. К нему еще немцев добавляли с Поволжья, из-под Ленинграда. Так что у него компания была там веселая.

Из этих одиннадцати человек, участников террористической организации, по крайней мере, больше половины я узнал, потом у них был в гостях. Они как-то были вызволены из лагерей и отправлены служить. И вот один из свидетелей, как значится по следственным делам, капитан первого

ранга Мамонтов. Потом, когда приезжали в Ленинград из Воркуты, в то время все были у него в гостях. Мамонтов был уже кавалером Ордена Ленина, Ордена Красного Знамени. Он был свидетелем, что отец занимался антисоветской пропагандой.

Нельзя сказать, что он его оболгал. Когда отец спрашивал следователя: « А кто это сказал?» - следователь ответил: «Это Мамонтов». И отец сказал, «Ну, значит, я так и говорил» Там иногда так делали. То есть, говорили: этот сказал этому, т.е., может, даже он и не говорил. Ссылались на то, что сказал, но этот Мамонтов был большим авторитетом перед отцом, и поэтому, раз сказал Мамонтов, наверное, и ляпнул.

За недоказанностью, но все равно статьи у него были. Пятьдесят восемь - одна, пятьдесят восемь - вторая, потом третья, четвертая. В общем, пять статей, по-моему, но, правда, они больше чем на пять лет не вытянули. Дали ему пять лет лагерей и три года ссылки. И вот мать поехала к нему. Там он был расконвоированный. Снимал где-то жилье, как осужденный за контрреволюционную деятельность, но он работал. Он работал на нефтеперерабатывающем заводе, работал на тралении рек, топляках.

Семенин А.С. – муж Зинаиды Валериановны, 1942 г

Наводнения были. Почему боролись с этими топляками? Чтобы русло было глубоким. Чтобы вода не выходила из берегов, чтобы она пользовалась этим руслом и не заливала окрестные деревни. Раньше же сплавляли лес по рекам и плоты самотеком иногда сплавляли.

Потом моя семья жила на Печоре. И я все время ходил на лесотаску. Так ее называли. То есть там специальные боны, вот эти лесины, которые плыли по Печоре, их потом отправляли наверх, сушили, разделывали, и потом лес уходил куда-то. Я и не знал, что где-то недалеко отец сиживал. Потом он в лагере получил еще дополнительный срок: что-то там ляпнул не то, что положено. У него две судимости, и последняя его отсидка была уже в лагере в Каргополе. Там он опять был расконвоированный. Был механиком лесозавода. И я целый учебный год в пятом классе был у отца. У матери не было жилья в Воркуте, и она меня отправила к отцу. Я жил у него.

Мать жила с бабушкой, со своей матерью. И с братом. А брат служил в воинской части на Карельском перешейке. Ну не совсем был Карельский. Это 1936 -й год. Это еще до Советско-Финской войны. Поэтому они были ближе сюда к Ленинграду. А потом уже когда граница отодвинулась к Выборгу, это начало войны. Это другой разговор. У матери начались сложности, потому что на работу ее не брали. Так как в анкете она писала, что муж сидит. И он считался врагом народа. Поэтому ее не брали. Но она особой специальности не имела. Ну вроде она там где -то работала в одной из поликлиник Ленинграда. Оттуда собственно и ушла в декретный отпуск. Все документы сохранились, фотографии из этой поликлиники.

Ну, а потом опять пошли сложности где -то спустя три года после рождения меня . Все же ей предложили отказаться от отца и она официально от него отказалась. После этого ей, конечно, пошла зеленая улица и она могла работать везде.

Я не знаю, как документ звучал. В нашей семье все время звучало так, что в 1939м году мать отказалась от отца. Это потом повлияло на нее в дальнейшем, потому что были льготы семьям репрессированных. И она могла бы получить квартиру в Ленинграде. Но был сам факт отказа от отца. Она уже перестала быть женой репрессированного и спокойно не писала уже, где папа мой, где муж. И там отчим появился, который работал по системе НКВД по строительству Воркуты, по снабженческим делам. Ну и вот мы поселились в Архангельске, там база была.

Это уже был 1939 -й год примерно год, 1938-й, 1939-й и там базировались.

Оттуда меня уже возили как гостя Ленинграда. Т.е. я приезжал сюда, снимали где -то дачи, жили под Ленинградом. Бабушка и мать и я, сестры мои двоюродные, которые жили с нами. То есть у нас семья то была такая интересная. А потом в 1941м году мы поехали к дяде в Выборг и там мы встретили 22 июня.

Я помню его очень смутно. Я там бродил еще до июня, собирал там осколки, гильзы. Окрестности Выборга все изрезаны, как назывались шхеры, заливчики там всякие. Селения были, там размещались дома, где жили офицеры, военнослужащие, где жили. Я жил вместе с сестрой, которая на четыре года старше и вторая двоюродная сестра, одногодка со мной,

Вот мы втроем и проводили свое детство перед войной. Сам момент начала войны не помню, что там было по репродуктору и так далее. Помню смутно, как дядя потребовал, чтобы мать взяла

меня и моих сестер, и уезжали из Выборга. Потом мать говорила, что он сказал, что с часу на час могут финские войска здесь появиться. Ну, мы смотались. Потом я спрашивал об этом времени старшую сестру. Оказывается, мы не просто так дни коротали в эти первые военные дни. Окна нашего дома выходили на дорогу и там все время шла какая-то техника: какие —то пушки, какие — то солдаты. Наверное, к границе шли... Сестра рассказала, что мы на подоконник установили граммофон, патефон как тогда назывался, и начали крутить там музыку, чтобы вдохновлять наших солдат.

Это 22, 23 где вот эти дни. 24 июня мы уже начали собираться. Возвращался брат матери, дал нам полуторку, мы туда втиснулись все и поехали в Ленинград. Приехали в Ленинград, стали там жить в Ленинграде. Немного пожили,

Санаторий НКВД 1941 й год

пожили, а потом чего – то толи воздушная тревога , была , толи еще что-то. Мать сказала: «Зачем нам эти приключения? Поехали в Архангельск!». Поэтому снялись и поехали в Архангельск. И вот уже в конце июня мы уже были в Архангельске.

Поехали на поезде. Потому что тогда нормально поезда ходили. Приехали туда, там поселились, как сейчас помню на улице Серафимовича. И там жили до какого то года. И тоже первый налет был на Архангельск. И мать опять сказала: «Зачем нам эти приключения?»

А у отчима вторая база была на реке Печоре. Основная база, куда приходили все грузы, для того,

Экскурсия в санаторий Ялта, 1939 й год

чтобы по реке, там волоком, переправлять на строительство шахт за Полярным кругом.

В основном через отчима шли строительные материалы, шло оборудование для шахт, какие-то строительные материалы, цемент, металл, наверняка продукты тоже шли. Потому что это все по Печоре, по Усе, потом по реке Воркута и затем все это в поселок Воркута шло, который в 1943-м году стал уже городом. Мы жили там. Потом отчим умер.

Родная фамилия Аккерман у меня оставалась до 1954 года. Причем папаня мой ухитрился где-то «к» убрать, стал не Аккерманом, как немцы, а стал Акерманом, вроде латыш. То есть вначале он писал везде, что он немец, а потом стал писать, что он латыш. Так что и я непонятно какой нации стал. Ну, а потом я уже официально перешел на фамилию матери. Мать пошла на работу в

лагерь. Она работала там, если сказать на гражданском языке, в отделе кадров. То есть учитывала тех, кто приходил в лагерь на Печоре.

И я там к ней приходили. Все время был в лагере. То есть до 1955-х годов у меня была лагерная жизнь. Как лагерь выглядел? Лагерь был всегда устроен. Всегда были устроенные дорожки, там всегда была наглядная агитация хорошая, всегда были по тем временам приличные бараки. Внутрь я почти не ходил, не знал их бытовых условий. Я был у матери на рабочем месте. Все время общался с этими товарищами.

В конце 40-х годов - начало 50-х было активное общение, в основном меня уважали там женщины,

они считали, что я их мальчик, окружали меня теплом и заботой. Они меня угощали, и я их чем-то угощал. Это уже было общение с бандеровцами, с власовцами, с нашими различными товарищами, которые попали в оккупацию и как-то себя не так вели, это артисты какие-то, это поэты какие-то, это музыканты какие-то.

Допустим, когда я был у отца в лагере, сидела рядом артистка Окуневская. Красавица такая. Говорили, что с Берией она - хотел ее окучивать, но чего-то не получилось. И она села, но села она за общение с иностранцами, по какой-то террористической деятельности. Вот она в этом лагере, там был женский лагерь. Отец был приписан к мужскому лагерю. Жил-то он на территории лесхоза, где я у него жил, это 1948-й год.

Там же не все они сразу уходили на работу, там же посменно. Наши работали в лагере на скотных дворах, работали на лесоповале, это все была тайга. А поселок назывался Кожва, была деревня Кожва. Вот в этой деревне была школа. Ну и в 1943-м году мать надоумилась, мне исполнилось как раз семь лет. У нас не было школы, а старшая сестра ходила туда в школу. Но несколько километром надо было идти

Семенина Зинаида Валериановна

вдоль реки Печора, переходить железную дорогу. Мне в школе не понравилось. Так как меня еще отправили в третий класс, так как я много чего знал и умел – свободно читал, считал. И я перестал ходить в школу. А в поселке школы так и не было.

Уже пошли поезда, уже был сдан в эксплуатацию мост через Печору. Я все время смотрел: «Ах, поезда, поезда!» Первый наш выезд был в 1943-м году. Мать поехала за какими-то материалами для лагеря и взяла меня с собой. Мы на перекладных, в вагоне. Мне тогда вагон показался интересным, там вторые полки, тут полка слева, а тут полка справа сейчас, а там одна все была полка. И там лежали

плашмя, допустим, пять или шесть, восемь человек.

Один раз только мне удалось так. А потом я любил в поездах ездить на третьей полке. Это были багажные полки, потому что я уже стал длинным, и обычно, когда брали с матерью билеты, у нее была нижняя полка, а у меня вторая полка, и все время за мои ноги цеплялся народ. Я залезал на багажную третью полку, там привязывал ремнем, чтобы не упасть. Мы часто ездили, в Ленинград потом мы каждый год выезжали.

В лагере никто не погибал, нормально там. Руководство лагеря отвечало за каждую смерть. Как мы могли там погибнуть, там комиссия за комиссией приезжали, если вдруг какая-то смерть была или прочее. Заключенные были одеты в рабочие ватники. В рухляди там никого не видел.

В лагере мне почему-то все время казалось, что там люди лучше живут, чем на улице. У меня есть фотография: я стою в беседке - все штакетники побеленные, все дорожки выложены всяким гравием, там все покрашено, реет наглядная агитация. Там самый главный лозунг был: «За труд в СССР, есть дело чести, совести», и подпись Сталина. И кругом портреты Сталина по лагерю.

А у нас между Кожвой и Воркутой был дом отдыха. И там один из освобожденных заключённых рисовал портрет Сталина известный, когда он стоит на фоне Кремля с трубкой в сапогах.

Я все время ходил туда на концерты. После войны там хорошие сроки давали, все сидели не меньше 25-ти лет, плюс пять поражение в правах, наверное. Там была одна певица — Ищенко, как я сейчас вспоминаю. Но она пела когда-то для немцев, а потом ей дали двадцать пять лет и сюда приволокли. Потом она, кстати, была реабилитирована. Потом в республиканском театре пела. Конечно, певица была великолепная. Я говорю: «Мать, когда будет концерт с ней?» «Вот, опять будет!»

В лагере, который находился недалеко от нашего дома, был лесозавод, там осужденные на лесозаводе работали. Артисты на каких-то овощехранилищах работали. Какие-то несложные работы. Работали и в шахте. Кстати, когда женщин начали выводить, они уже многие освободились и работали в шахте, они возмутились страшно. Потому что это был хороший заработок, а всемирная конвенция сказала: «Женщинам не место в шахтах!» Их всех начали выводить из шахт.

Помню, лагерь в городе был ОЛПТ №29. Были сельскохозяйственные лагеря, молочные фермы, т.е. они снабжали продуктами город, там работали заключенные тоже. Лагеря были разные.

Там были зачеты, освобождали их, но все равно против несвободы выступления были. А в 1953-м году, когда Сталин умер, мужской лагерь на шахте двадцать девять восстал. Говорят: «Сталин умер, а чего мы сидим?» Там сложная была история, но расстреляли их. Расстреляли не всех. По крайней мере, тех, которые напоролись на пулеметчика. Приезжал замминистра внутренних дел Иван Иванович Масленников, Герой Советского Союза, потом он пограничными войсками заведовал. И, кстати, закончил жизнь самоубийством. Лагерь потом почему-то стал называться «Рейчлаг». Почему-не понятно.

Мы-то, конечно, ничего не знали. Потому что это сейчас самолет упадет, и целую неделю показывают по телевизору. А так-то народ узнавал лет через несколько. Я и то узнавал, работая в аэрофлоте, через неделю, допустим - совершенно секретно. У меня брали подписку, что я взял этот документ и ознакомился, как грохнулся самолет. А больше никто об этом не знал. Я, например, считаю, что это правильно. Потому что эти шоу, во-первых, это мешают следствию, а во-вторых, напрягают родственников погибших. Зачем им показывать все?

В 1943-м году было событие, немцы забросили десант на Печору, в наш округ, так сказать. «Юнкерс» пролетел, где-то двенадцать человек выбросили. А цель была - этой группой поднять восстание в лагерях, чтобы они все шли навстречу немецкой армии и способствовали уничтожению

сталинского режима. Длительное время прошло, пока обнаружили, пока они сами обнаружились. Гдето недели две все это тянулось.

Один из участников этого десанта убил своего руководителя, который был белогвардеец, а все остальные члены группы - то ли против советской власти, то ли не против. Их в лагерях для военнопленных набрали немцы, скомпоновали и этого белогвардейца во главе поставили. Но они же его пристрелили и пошли практически сдаваться. По-моему, там посажали их.

В лагерях тоже расстреливали. Там трибунал-то действовал все равно, потому что некоторые сидели не просто так, наверняка выступали. А может, на троих поговорили - и вот тебе - тайное общества. Больше трех не собирайтесь.

У нас там не расстреливали, увозили в Москву

В 1937 м году в Воркуте расстреляли, массовый был расстрел, зачищали лагеря. Троцкистов, зиновьевцев - всех расстреляли.

В 1937-м году я еще в Ленинграде был. В Воркуте Кишкетин был начальник, ему дали за его отличную службу Орден Ленина. Потом вызвали в Москву, потом где-то в Ярославе сняли с поезда, затем трибуналом его осудили за превышение полномочий. Это уже было, когда Берия пришел к власти и начал чистить. Его расстреляли за то, что он превысил свои полномочия - без суда и следствия расстрелял столько людей, так что вот такие дела.

А у матери тоже всякие поручения были. Вот ей поручение совместно с работниками - сопровождать эшелон с крупным рогатым скотом для армии. А мать-то этих коров и в глаза не видела. У них теплушки стояли в вагонах, и они их кормить ходили. Коровы там лягали, бодали и прочее. В конце концов, матери медаль дали за доблестный труд в Великую Отечественную войну. Медаль эта сохранилась. У меня есть фотография, где уголок вырезан. Я спрашиваю мать: «Что это такое?» «А там был портрет Ежова!»

Отчим работал в системе НКВД, и у него портрет был Ежова. Портрет висел, а когда уже Ежова расстреляли, то портрет вырезали с фотографии. А фотографий было несколько - там и бабушке отослали, еще ком-то. Мама всем написала: «Вырежьте, пожалуйста!» Ну, мать такая, она всегда делала то, что закон велит.

Потом Берию вывесили. Он стал наркомом внутренних дел, это уже в 1953-м году. Долго у меня был симпатичный такой портретик в стекле в деревянной рамочке. Мать его торжественно расколотила, раз его разоблачили. А потом Сталина разоблачили. Мать получила медаль как труженик тыла. А на лицевой стороне Сталин: наше дело правое, мы победили. Она обрезала и сделала новый подвес, чтобы медаль обратной стороной была. Так и носила.

Потом начали еще кого-то разоблачать, а потом все. Потом Хрущев, и стало более-менее ничего. Потом Хрущева скинули, и маманя мне все время говорила: «Вадим, у тебя 55 томов Ленина! Вот придут американцы, они же тебя расстреляют!».

А в 1946-м году мы поехали в Ленинград. Я уже видел Ленинград послевоенный. А бабушку вывезли в марте 1942 года. Она категорически отказывалась уезжать, мы-то все уехали, а она говорит: «Да чего, ну финны придут, мы финнов остановим, а немцы - так это же немцы!»

Вот так они и дождались немцев. Но женщины остались живы, а мужики умирали из нашей семьи. Дети с нами были на Печоре, в 1946 году они назад уехали.

У нас-то квартира не в Питере была, а в Кронштадте. Оттуда же отца взяли. Ну и поэтому мать ходатайствовала, чтобы вернули. Сейчас улица называется Петровская. А там ответили: «Простите, а где ваш муж-то? У нас же есть документы, что он не ваш муж, так что вы не жена репрессированного».

Между мамой и отцом сохранялись отдаленные связи, и когда в 1954 году я хотел поступать в институт, он хотел поспособствовать. А вообще-то вживую в последний раз я его увидел в 1957 году. Он был уже в ссылке, уже имел право выезжать, мы встретились в Риге. Мы были сначала в Москве, мать меня повезла. Мне уже 21 год. Я вместе с ней работал уже тогда, поэтому я мог сам заплатить за что-то. Мы поехали на шестой всемирный фестиваль молодежи. Я был там, но не участником. Сейчас это проспект Мира, а тогда была Мещанская улица. Тогда там строились дома, я по лесам залезал на дома на улице Мещанской, у меня был фотоаппарат «Фед», оттуда снимал торжественное шествие делегаций сверху. Но это издалека. Такие маленькие машины едут, а я снимал. Он же не приближал этот фотоаппарат. Потом я был в ГУМе. Заберусь наверх и снимаю, как участники всемирного шестого фестиваля общаются. Общение было совершенно открытое. Все время открытыми глазами на них

смотрели, особенно на негров. Ну, потом за значками я охотился.

Потом с матерью в институт народного хозяйства ходили. А ночевали мы с матерью на Белорусском вокзале, т.е. на Рижском вокзале. У нас и денег не было в гостиницу устроиться. Да там и места не бывало никогда, поэтому мы там две ночи, по-моему, переночевали - сначала на Белорусском, потом на Рижском вокзале. Прямо сидя сидели, дремали.

А потом сели в поезд и поехали в Ригу. А в Риге жила жена брата, к ней и приехал отец. Вот его в последний раз там видел. В 1957-м году мы там с ним встретились. Почему я его не сфотографировал - не знаю. Мы пошли с ним пива выпили в Верманском парке. Он мне рассказал историю, что здесь раньше тоже свободно пиво продавалось как раз до революции. Но кружки все время крали, и руководство сделало на кружках надпись: «Украдено в Верманском парке». И поэтому чинные люди перестали красть, а все остальные - еще больше. Потому что было чем похвастаться. «Где взял кружку?» «Да украл в Верманском парке!» Так что и от этой затеи отказались.

Ну, по Риге мне вспоминается, что в цирк сходил, вспоминается мороженое рижское такое в целлофане, похожее на что-то такое химическое. Вот эти вздыбленные мосты над Даугавой вспоминаются. И рассказы об оккупации пожилой жены брата. Вспоминала, что тоже несладкая была жизнь во время оккупации при немцах. Что-то приходилось менять на продукты, было холодно и голодно. И расстреливали там. Особого восторга эта оккупация не вызывала. Про нашу оккупацию, конечно, она не могла бы сказать. Потому-то они оглядывались - не подслушивает ли кто. Сразу можно было загреметь к нам - туда, на Воркуту.

Пятьдесят лет в Воркуте мать жила. Мы там получили квартиру. Она как ветеран внутренних дел всегда пользовалась уважением, в первых рядах сидела. Лагерь вообще ликвидировали в 1955-1956 годах. В 1955-м году это было массовый выезд всяких бандеровцев, латышей. Помню, мать мне говорит: «Слушай, иди мне помоги!» «А чего такое?» «Паспорта надо выписывать!» Я говорю: «Так у меня почерк - извини меня!» «Да ничего, это временные паспорта, потом будут их дальше менять!»

Вот тогда я уже начитался этих дел. У меня даже копия одного приговора есть. Мать там одной помогала. Пыталась помочь жене Попкова, первого секретаря Ленинградского, когда он погиб по ленинградскому делу, а жену посадили к нам, она в лагере у матери была. Моя мать ее все время вытаскивала и приглашала официально на уборку помещений, а так пили чай и беседовали. Мать хотела за нее уцепиться уже в 70-е годы. А Попкова ей сказала: «Ко мне больше не обращайтесь, у меня воспоминания о ваших делах не особенно хорошие!»

Потом мать пыталась реабилитировать отца. Там собрались женщины посаженных, порядка человек пяти, наверное, кто еще остался в живых, и решили поднять этот вопрос. Зацепились они за Соболева, за писателя. Когда я дело читал, то там читал ответ Соболева на жалобы ото всех, в том числе, наверное, и матери. Он как раз был кандидатом в Верховный совет по Краснодарскому краю. А мать жила в Армавире, и ей написали: «Там у вас Соболев баллотируется, давай его зацепим, чтобы его сняли, посадили за то, что он посадил наших отцов, мужей и так далее».

И мать написала на имя Суслова: так и так, гад Соболев, заложил всех наших, мы из—за этого потеряли жилье, просьба нас восстановить в правах, просьба вернуть нам жилье. Ну, единственное, что у меня сохранился ответ, что ваша письмо находиться на контроле в управлении делами ЦК КПСС. На этом все и закончилось. А Соболев ответил, что никаких доносов не писал, что написал справку, в которой указала на ошибки в руководстве Балтийским флотом. А что там вытянули из этой справки, это уже второй вопрос.

Раньше этой справке, конечно, верили. Везде в решениях трибунала было написано, что эти указанные лица, в том числе и Аккерман Виктор Юрьевич, мало чего сделал для оснащения, для подготовки, для обучения Балтийского флота. Что в случае возникновения чрезвычайных ситуаций, в том числе и проникновения Английского флота в Балтийский флот, Балтийский флот не оказал бы сопротивления, это способствовало бы сдаче Кронштадтской крепости. И так всех загребли.

В 1954-м году я в институт поступил. А когда поехал поступать, был под фамилией отца - Аккерман. То есть я даже не знал, что я под фамилией Аккерман. Я никогда не видел, что я Аккерман. Я же не сказал, почему я приобрел фамилию Семенин. Моя мать помогала многим в лагере. Ну, как помогала: беседой, может, написать документ, может, составить документ. Она гимназию окончила нормально, но высшего образования у нее не было. И вот там сидел Семенин Александр Васильевич, он получил три года за то, что опоздал из отпуска. Он был лейтенант. На три дня опоздал - его на три

года упекли. Репрессированный. Он начал долбать эти письма, а мама помогала писать. «Уважаемый Клим Ефремович, уважаемый Иосиф Виссарионович, вот когда фашисты наступили, туда-сюда, прошу меня на фронт!» В 1942-м году пришло письмо: «Мобилизовать его!»

И он, благодарный моей матери, ей сказал: «Ты же одиночка - ни мужа, никого. Давай мы распишемся, и будет тебе аттестат приходить! Ты долго тоже не протянешь, как Аккерман Зинаида Валерьяновна. Ты должна быть Семениной!» Он как-то влюбился в мою мать. Он ей все время письма читал, а мать поняла это как гражданское дело.

Ну и все. И ее переименовали в Семенину. Вот она и умерла - на ее памятнике так и написано: Семенина Зинаида Валерьяновна. И когда настала пора мне паспорт получать, мать мне говорит: «А ты вообще-то не Семенин, ты Аккерман».

Для меня это была трагедия. Как так, я фашистскую фамилию ношу. Как она могла допустить? Мать говорит: «Давай будем решать, как поменять. Потому что поедешь в институт, там вообще будет непонятно». А перед этим сигнал получился. Приехала комиссия из военно-морского училища, и директор сказал: «Двух человек я рекомендую, Семенина и..» А мне паспорт-то уже выдал, у меня фамилия уже Аккерман. Папа-то у меня Аккерман. В 16 лет паспорта-то раньше меняли. Ну вот, что делать? Пока им не говорю, поехали в райком комсомола, чтобы меня рекомендовать. Там я сижу и говорю секретарю горкома: «А ничего такого, что у меня фамилия не та?» А эти офицеры, которые сидят: «Как не та? Как не та?» Я говорю: «Вот у меня паспорт на другую фамилию!» «Да ты что? Да как так? Нет, никаких военно-морских училищ! Ты немец!»

У нас в 1954-м году много было немцев - с Поволжья, из других мест. И я сидел за партой с немкой, которая в письмах мне писала, что все вы гады ползучие. У нас полкласса были немцы. И немецкий язык преподавал немец. И они не имели права выехать из Воркуты до 1955 года. В 1954-м году еще, если они поступали в институт, то имели право, а если нет, то нет. И мать мне говорит: «Слушай, ты не уедешь с таким паспортом! Давай мы поменяем твою фамилию!» И в 1954 году приехали в Ленинград, пошли на Дворцовую площадь, там было МВД. Написали заявление, чтобы поменять фамилию. И я приобрел фамилию, которую сейчас имею, то есть у меня прозвище или псевдоним. Вот и стал я Семениным.

Мы с Клейновым работали вместе. Это писатель Клейнов. Мы же в комсомоле работали, а он сотрудничал с нами. Захаживал в горком комсомола. Клейнов кукольным театром заведовал, он в войну в плен попал и здесь в Любани сиживал. Его к расстрелу приговаривали за то, что он был переводчиком у немцев. Он у нас работал, мы просто общались. Раньше у нас таких экскурсий в прошлое не было. Один был вопрос: «Вы в Воркуту приехали сами или как?» И все. Этого было достаточно, если он говорил «или как», значит, на этом все закончилось. В краеведческом музее, где мелькало слово «лагерь», было замазано, заклеено. То есть лагерей не было там официально.

Клейнов все время писал. У него одно из произведений было о злополучном куске угля, который охотник нашел на берегу реки Воркуты, положил в вещевой мешок, еще в какую-то тару - и транспортировать. В конце концов, этот кусок угля дошел до Ленина. И Ленин сказал: «Надо Воркуту развивать! Там уголь, там люди!» Вот это он написал, и сняли какой-то мультик по нему. По нему пьесу сделали, поэму он написал и прочее. «Дедушка Ленин, ты молодец, что у нас Воркута развивается!» Все как положено.

Сергеева Галина Ильинична

Я, Сергеева Галина Ильинична, в девичестве Шведенкова. Я родилась 18 марта 1942 года - самые тяжелые годы войны. Родилась в Калининской области в деревне Ладыгино. Буквально в июне 1941 года месяце мама со старшими детьми поехала в отпуск. Еще двое детей было: сестра Тамара на три года старше, брат. Мама была учительницей младших классов. Папа был военнослужащий, с первого дня ушел на войну. И мама о нем узнала только в самом конце войны.

Мама задержалась в деревне Ладыгино на долгие пять лет. Вокруг были немцы. Около деревни, где мы жили, был аэродром, немцев в нашей деревне не было, но бомбили постоянно. У нас ведь аэродром рядом. Убегали в лес прятаться. У мамы трое детей: Тамаре три года, я на руках и между нами Юрка. Мама в канаву положит нас и шубой накроет.

В 1949 году мы переехали в Никольское. В школу я пошла с семи лет. Отец демобилизовался, и мы приехали. Папу прислали сюда работать в совхоз «Дружный» директором, по специальности.

Отца звали Илья Васильевич Шведенков. Он агроном по первой своей специальности военной.

Жили сначала на квартире, а потом купили в конце Никольского дом, четвертинку дома. Ну, а потом второй купили, а потом уже и весь купили дом двухэтажный. Жили внизу, много комнат было. Не тесно было. Жили, я не скажу, что бедно, потому что мы жили с отцом. Вот я посчитала: из девяти человек соседей, у шестерых были отцы. Все остальные отцы погибли на войне. Жили они очень бедно.

В одном классе было где-то человек тридцать пять. Встретила в школе нас Лидия Николаевна Компликова, наша учительница, и проучила нас четыре года. Школа была двухэтажная, деревянная, на Западной улице. Кругом ее окружали еще разгромленные немцами дома. Школа, которую сейчас будут отделывать, вот эта школа. Потом рядом была больница. За нашей школой были дома, сильно разрушенные немцами. Потом уже их достраивали.

Школа двухэтажная, большие классы. Классы были с такими откидывающимися партами. В середине была чернильница. Ручки у нас были с собой. Чернила нам заливала уборщица. Они не выливались, иначе мы бы там все перемазались. Не сажали нас мальчик с девочкой. Посадили, кто с кем хотел. В классе получалась так, что была и старшая сестра, Лебедевы - и старшая и младшая. Хозяйчиков один и Хозяйчиков другой. Здесь, которые намного старше, по пятнадцать лет были дети.

Они не фотографировались. Ну, во-первых, это считалось дорого, денег не было, жили без родителей. Все они отучились четыре класса и ушли на работу.

Школа делилась по категориям: начальная, семилетка и средняя. В начальной у нас были такие предметы, как чтение, письмо, арифметика, чистописание. На чистописании нас учили писать, сейчас не учат чистописанию. А нас учили писать красиво и чисто. И надо сказать, что добивались. Я, например, очень красиво пишу. Не потому, что у меня особый талант, а просто с самого начала правильно учили, где делать нажим, как это все делать. Нас этому учили, причем очень строго относились.

Чтение, письмо, было еще пение. Так как прошло четыре года после войны, пели военные песни. Очень хорошо пел Майнов Юра вот эту песню: «Мы вели машину по дорогам фронтовым». Эти песни до сих пор помню. Песни пели такие: «Дан приказ ему на запад», «Орленок» пели, «Катюшу». Детских песен еще не было. Уроков физкультуры как таковых не было у нас. Просто позанимаемся немного в классе. Зала не было, на улице были занятия. Ничего не было же, руками помашем - и все.

Тетради, книги были, не писали мы на газетах. Уже прошло четыре года, можно было купить. Даже тем, кто бедный был. Это был 1949-й год. Никто не писал у нас на газетах. Брат учился в третьем классе, а сестра в четвертом. Лидия Николаевна отучила нас четыре года.

Я не помню, были ли мы октябрятами. Не помню, значит, не были. Потому что я бы помнила. А в девять лет нас принимали в пионеры. Девять лет мне исполнялось в марте. А в пионеры принимали обычно на большой праздник, к седьмому ноября. А мне не было еще девяти лет, и я рыдала. Мне так хотелось быть пионером. Я думала: раз я отличница, меня, наверное, возьмут. Но никто меня не взял.

В марте мне исполнилось девять лет, а в пионеры принимали ко дню рождения Ленина, это

двадцать второго апреля. Обычно день рождения пионерской организации - девятнадцатое мая. А двадцать девятое октября - день рождения комсомола. В комсомол уже принимали в старших классах, с четырнадцати лет. Ну, когда принимали в пионерский отряд. У нас было три звена. Звеньевой носил одну полосочку на форме, председатель совета отряда - две полосочки.

У нас были сборы. Говорили, конечно, об учебе, о книгах. Готовили художественную самодеятельность. Когда были большие праздники, всегда школьников приглашали выступать в клубах. Клуб был на заводе «Сокол». Желтое здание - это был клуб. И был деревянный клуб в самом Никольском. К заводу сюда ближе был деревянный клуб. Сюда нас возили. И там мы выступали. У нас была группа из четырех человек: я, Люда Авилкина, Ермакова и Ваня Рогов. Мы читали стихи. Старались патриотические - громко, чтобы выговаривали, чтобы душа у всех трепетала. Стихи, конечно, были все взрослые. Взрослые умилялись, глядя на нас. И мы тоже были все счастливы от этой самодеятельности.

В классе была большая круглая печка, она была на два класса. Я ходила почему-то в школу рано, заходила за Людой Авилкиной, и мы приходили в школу первыми. Печка уже была истоплена, было тепло. Всегда было тепло. Я не помню, чтобы мы мерзли. У нас не было страха, что туалет на улице. Не боялись, потому что жили все в частных домах, другого не знали.

Где-то, наверное, в классе в третьем первый раз нас повели в кино. А кино еще не видели. Повели нас в барак, вот в этот дом, в клуб, и смотрели мы «Тарзан». Конечно, ничего не поняли, но восхищались. Тарзан бегал, кричал, мы балдели. Сначала нам показывали одну серию, потом через неделю вторую. И мы все ждали этого кино. Это было что-то, потрясение! Правда сестра и брат смотрели до этого «Кощея Бессмертного». После войны мы жили в Германии с отцом. Тамара там в школу пошла, и им показывали это кино. А меня не брали, я еще маленькая была, мама меня не пускала.

Библиотека у нас была уже в этой школе, когда мы перешли, а в старой не было. Книжки читали, но читали тоже все про Ленина, как Ленин был маленький с кудрявой головой. Вот такое нам читали, и воспитание было чисто патриотическое: любовь к Родине, уважение к старшим. Воспитание - только сейчас я начинаю понимать, как это важно. Тогда, может быть, нам казалось это и ненужным. Но это очень важно - уважать друг друга. Нас учили этому, рассказывали. Но это я поняла в семьдесят четыре года только.

Когда я перешла в четвертый класс, построили новую школу. Это был 1953-й год. И новую школу открыли не с первого сентября, а где-то в промежутке. Это или октябрь, или ноябрь. Этих домов не было. Школа стояла, получается, сама по себе.

Третья школа казалась громадной, большой. Младшие классы были на первом этаже. Я рано в школу ходила. По осени можно было прийти, и даже были змеи на ступеньках. Потому что кругом же болото, заводов еще не было. Заводы только начинали строиться. В каждом классе были новенькие ученики, потому что приезжали на строительство заводов.

Не было кирпичного завода, керамический вообще начинали строить в конце 1950-х годов. Мы туда за брусникой ходили. А кругом были одни болота. Вот, где дом, я сижу во втором доме, был такой большой пруд. И было не пройти, надо было ходить кругом. Но мы там тропу протаптывали, по грязи ходили. Дети есть дети.

Школой, конечно, мы были довольны. Когда открыли концерт, привезли пианино. Мы первый раз в жизни слушали классическую музыку и классические песни. Мы, конечно, ничего не поняли. Нам это не понравилось, конечно, после наших песен. Было такое все новое, что-то необычное. К нам из города приезжали. Специально привезли, чтобы показать детям. Конечно, мы были в шоке. Мы ничего подобного не видели. Маме надо отдать должное, она возила нас в город, возила в Ленинград по музеям. Она не работала, трое ребят было, и она нас возила.

До города папа нас возил. Бричка была такая, довозил нас до Саблино, а там был паровоз. А учитывая, что папины родственники все в Ленинграде, мы бежали к ним. Ночевали у них. Нас мама водила в Эрмитаж, в Русский музей, в зоологический музей. Мы с братом балдели от военно-морского музея. Мама водила на квартиру Пушкина. Мы, конечно, ничего не поняли. Но все равно нас мама водила. Первый раз были мы в театре в Мариинском. Был балет «Щелкунчик» что ли. Красота. В глазах так и стоит первое впечатление - сказка. Под впечатлением были. Потом, когда уже училась в институте, как все, ходили. Я не скажу, что была такая тяга к искусству, что прямо убиться хотела из-за этого. Не было, но ходила, как все. Тогда были эти потрясения. Надо сказать, что мы умели радоваться.

Мы радовались праздникам. Когда был праздник какой-то, а мы постарше были, мы готовили самодеятельность. Готовили себе платья красивые. Мы там все думали, переживали. Что-то было радостное. Вот сейчас нет такого. Может быть, я не хожу в школы, может быть, так же и радуются праздникам. Мы как-то очень радовались. Уже взрослая была. Чтобы какой-то праздник, чтобы я была без нового платья?

Мама научила шить, мама сама шила. Кстати, по поводу одежды, когда в первый класс мы пошли. Мама нас повезла в город покупать новую одежду, учитывая, что я третья, и мне вообще никогда ничего не покупали. Я в обносках ходила. У меня была шуба кроличья, такая белая была шуба. И ни одной ворсиночки не было, только кожа - все было ободрано. Сколько поколений в этой шубе ходило, трудно сказать. И мне первый раз в жизни купили пальто. Было коричневое пальто в крапинку. Но больше всего мне понравились голубые штанишки, панталончики. И вот я сидела, фотографировалась, чтобы штаны было видно.

Это столько лет прошло, и так они мне понравились. Я хочу сказать, что мы видели красивое белье. В Германии были, у нас было детское белье красивое. Как-то это не воспринялось. А тогда мама купила это платье, сарафан и блузку. И Саше так же купили все к школе.

Тамара с Ильей еще ходили в карельскую школу. Мы меняли, потому что отец приехал сюда. А потом уже пятый класс. В пятом классе мы уже занимались на втором этаже в этой школе, классный руководитель была Зинаида Ильинична, она была Сысоева. Потом она еще раз меняла фамилию. Она у нас была классным руководителем. Тогда директором еще был Лившиц Семен Ульянович. Потом уже Тихонов приехал.

Народу было намного меньше, даже половины не было, потому что все переростки ушли на работы. Остались в основном ровесники. Где-то в пределах за двадцать-то было. Ну, и наши все учителя: Анна Алексеевна по географии была учитель, Антонина Григорьевна ботанику вела, Екатерина Григорьевна приехала - такая красивая была, обалденная. Так она нам нравилась. Дина Михайловна приехала позднее. Дина Михайловна Лаптева, а фамилия Белькович была, когда она выходила замуж. За Лаптева мы девчонки так переживали, хотя Лаптев и красивый был мужчина, но фамилия одна чего стоила. Мы переживали и говорили, как она могла с такой красивой фамилией, такая интеллигентная - и пожалуйста.

Но нас еще начинала учить немецкий язык Надежда Васильевна Быкова. Она нас учила, а Дина Михайловна после восьмого класса уже позднее учила. Когда я была уже постарше, класс шестой или седьмой, на больших переменах включали радиолу, чтобы у нас были танцы.

Большая перемена была одна - минут двадцать. Радиола была на втором этаже. Мы называли актовый зал, потом уже сделали сцену. Сначала ее не было. И мы уже там танцевали. Как раз с приходом Павла Андреевича Филимонова. Мы всегда ждали танцев. Всегда ждали и были довольные и счастливые.

С приходом Филимонова в школу мы начали уже готовить новогодние праздники сами. Приносили елку, мы ее украшали, игрушки делали. И делали комнату сказок. Класс освобождали от всего. Сказка «У лукоморья дуб зеленый». Дуб был, кота сшили: «Кот ученый все ходит по цепи кругом». А потом лешего сшили: «Там леший бродит, русалка на ветвях сидит». Все это было сделано с таким освещением, так торжественно.

Мы впервые с Павлом Андреевичем сделали такой шар круглый, он освещался и крутился, елку освещал. Снежинки были, весь зал в снежинках. Тогда пожарные ничего не говорили. Весь зал снежинками обвешивали. Вот так готовили эти праздники. Семилетку многие закончили, ушли. Многие в техникум поступили. А кто-то ушел в восьмой класс.

В восьмом классе пришел Олег Клементьев. Он был у нас первый руководитель. Он вел математику. Ничего мы не понимали. Потому что после Зинаиды Ильиничны нам казалось, что у него был другой, новый подход. Мы потом привыкли, но сначала никак было не пристроиться. Мы ворчали, нам это не нравилось.

Надо сказать, что мы все были уже такие нормальные, взрослыми себя считали. Олег Петрович маленький такой, худенький, щупленький. Нам казалось, что он даже нас стеснялся. И как раз уже, наверное, в восьмом классе приехала Айна Августовна. Приехала и организовала хореографический кружок. Это было очень интересно, красиво, но меня мама не пустила. Потому что я жила в конце Никольского, нужно было вечером ходить. Нас же не встречали родители. Мама берегла нас и не

разрешала ходить вечером на этот кружок.

И потом я маленького роста. Там девочки такие ходили - высокие девочки. А я маленькая, сначала мне было очень обидно, а потом я смирилась с этим. Кружок выступал, много, наверное, видели. Есть фотографии. Она долго вела этот кружок.

Наверное, в классе девятом у нас был организован поход в Кировск на лыжах на три дня. Лыжи на валенки надевали. И мы приехали в Кировск, в кировскую школу. Мы шли, наверное день, скорее всего. Там нас накормили, мы не сами готовили еду, мы там ночевали. Что нас поразило больше всего - это стенгазета. У них была большая стенгазета выпущена. Наверное, на трех листах ватмана или на шести листах - во всю стену.

С нами был учитель физкультуры, но не помню его. Как-то так прошел стороной, много не занимались физкультурой. Такой был высокий и белый мужчина. Он был относительно молодой,

он был с нами. И потом, когда приехали, такую же стали газету у себя выпускать. Первую газету мы выпустили, а это было на новый год.

На первое февраля мы начали устраивать вечер встречи с выпускниками, это 1958 год или, наверное, 1957 год. Выпустили такую же газету про бывших выпускников. Успеваемость - и все. Было интересно. У нас и рисовали хорошо, и газета была такая красочная и яркая. И вот я школу уже заканчивала, такую большую газету все время выпускали.

В девятом классе было новое веяние: практика. Нас повели на

завод «Сокол». Он тогда назывался «Почтовый ящик четыре». После школы мы ходили, учились работать в эмальцех. Я была эмалировщица, кто-то был лаборантом. Часа два занимались мы там. Нас учили, по-настоящему учили: допускали к станкам, технику безопасности мы проходили. Причем не так, что училась вся большая группа. Мы были прикреплены к каждому, так и учили нас. Уже после школы я там работала. И обычно новички обучались четыре месяца на станках. А мы учились меньше, учитывали, что мы проходили такую практику.

После девятого класса еще организовались комсомольско-молодежные лагеря в совхозах. В девятом классе мы поехали работать в Миртово. Жили мы там в бараке. Мальчики и девочки были вместе, разделены простыней. Со стороны мальчиков спал Олег Петрович, со стороны девочек - Алевтина Александровна. Ходили на работу. Часа три или четыре работали, сажали мы кукурузу. Тогда было модно кукурузу квадратно-гнездовым способом сажать. Были сделаны полосы, и мы там по несколько семечек сажали. И за молоком дружно ездили. Была такая фляга, и за молоком ездили. Утром встанешь и варишь кашу. Плита у нас была, дымила жутко. Месяц мы там были, девочки, конечно, страдали потому что и дни были критические, и нам было очень сложно, не учли того, что мы девочки уже взрослые были.

Нам нужно и переодеться, и помыться, но нас там держали. Но мы убегали, потому что Алевтина и Олег Петрович настолько за день умучаются с нами, и как только ляжешь спать, они уснут, и мы тихонько уходили в Ульяновку на танцы.

Ходили туда, а один раз оттуда пришли, захотели есть и пошли на кухню, и выпили молоко, которое предназначалось для каши. Утром дежурный выходит - молока нет. Нас всех построили: «Кто молоко выпил?» Мы все шаг вперед. Тогда сказали, что в кино повезут, а нас нет. И мы объявили голодовку. Сказали, есть не будем. Это быстренько дошло до директора школы. Приехал Тихонов и сказал: «Кто будет есть, все в кино поедут, а кто не будет есть - не поедет». Конечно, мы все поели, такие счастливые, довольные.

Потом все это разрешилось, все нормально. Вот сейчас, когда едете на автобусе, на семерке,

когда переезжаешь речку Тосну, налево домик стоит, а за этим домиком был барак. Вот там мы жили. Там сейчас барака нет, остались одни деревья.

В комсомол вступала я в 14 лет, это, наверное, седьмой класс. Тоже в школе торжественно всегда нас принимали. А потом возили в Тосно получать комсомольский билет. Или пешком шли через Саблино, потом на паровоз, а электричек еще не было. Электрички пошли, наверное, в 1961 году. Потому что я в институт поступила в 1961 году, и электрички пошли. Мы через Саблино ездили, а через Ивановскую позднее сделали, где-то через год или два.

На Поповку тоже ходили. Была посередине речки перемычка такая - мостик, который весной в половодье сносило. Когда перейдешь по этому мостику, там была дорога. Дорогу сделали немцы. Деревянная она - такие чурки деревянные были. Поднимались и шли на Поповку. Раньше там была узкоколейка, поселок был, где сейчас камень закладной, а был же поселок большой Стекольный, и проходила узкоколейка. Очень был большой поселок. А во время войны уже все разгромили, сожгли. Оставались столовая и несколько бараков, пленные лежали на улице.

Мы ходили на Поповку, интересно было. Минут сорок ходили, это километров пять, наверное. Так же, как и до Саблино. В Саблино пешком идти - посередине дороги такой был голубой ларек, шалман почему-то называли, не знаю. Нужно было дойти до него - это половина дороги, а потом вторая половина. Вторая всегда быстрее.

Когда мы приехали получать комсомольский билет, весна была. В тот год очень было много воды. Вся железная дорога, все было залито водой. Я первый раз в жизни видела, чтобы так разливалась наша Тосна, чтобы столько было воды. То есть все дома были в воде, даже железная дорога была в воде. Это было в 1950-е годы. Было очень много снега, все растаяло - и вот.

В школе у нас был приусадебный участок на другой стороне дороги. С ним занималась Кутузова. Мы уже были постарше, уже были такие ленивые, но все равно принимали участие, но без восторга. Обычно она занимала пятый, шестой класс, которые изучали ботанику. Старшие классы - мы же себя считали умными.

Еще пионерских лагерей как таковых не было. Была у нас пионерская дружина, знамя было, клятва была. Сборы были в основном по классам. В основном, конечно, заводилами всегда были классные руководители. Они занимались с нами, от них идеи исходили и книги какие прочитать, рассказать. У нас еще не было такой инициативы, мы еще очень мало знали. И не знали, что мы можем такое сделать.

Хочу сказать, что были и набожные люди. Верующие были очень. У меня папа был коммунист по крови с пеленок и мама комсомолка была. У нас о религии вообще не было разговора в семье. А некоторые были очень религиозные. Верили и ходили в церковь. И в общем скрывались. Но если мы узнавали, то вели себя недостойно. Без уважения. Нам не говорили о том, что надо уважать любое мнение. Это вот сейчас мы понимаем, а тогда нет. И вот я познакомилась с Александрой Панковец. Она вот тоже считает, что религии как таковой нет. Это научное все, настолько интересное. Я считаю, что, прежде чем судить, надо что-то знать. Мы ничего не знали. Я не говорю, что я стала верующий, но мне стало интересно. Я не хожу в церковь, потому что это уже в крови воспитанно настолько, что не нужно. Но я хоть какие то азы знаю, что это такое.

Мы не рисовали. Ничего мне не дано этого, у меня рисовал брат хорошо, мама рисовала. Мне это не дано, я, как в сказке у Ершова, мне ничего не дано. Вот если мама пела великолепно, сестра, брат поет, я вообще не пою. Есть у меня слух какой-то, ну, в компании я, конечно, потягиваю, но чтобы петь - мне это не дано. Например, у сестры уникальная память, она приспособлена ко всему. Мне все давалось только своим трудом, потому что мне просто это не дано. Я не хочу сказать, что я ничего не помню, да как все. А Юрка все время рисовал шаржи, у него очень хорошо получалось.

Я не знаю, почему мама не отдала учиться дальше рисованию. Он сам не захотел. Тогда и не настаивали. После школы мы все хотели учиться. После 10 класса я пошла поступать в техникум по разработке балалаек. И, надо сказать, я в общем-то в математике разбиралась. И когда был первый экзамен по математике письменный, я быстрее всех все сделала. Такая счастливая. Прихожу - мне два. Я даже не спросила посмотреть, что это. Я до сих пор считаю, что у меня все было верно.

После того, как не поступила, я работала на «Соколе». Учитывая, что мне не было 18 лет, нас направили в бригаду наладчиков, и я работала в бригаде наладчиков до 18 лет. Поступила на подготовительные курсы в Технологический институт. Тогда было время спокойное, и я после работы

спокойно ездила, и там мы занимались. Отъездила я год, сдала вступительные экзамены и поступила в институт. А сейчас бы вечером пустили родители на электричке ездить? Сейчас и сама бы не поехала. Это, видимо, еще сказывалось, что были счастливы, что не было войны. Это отношение родителей, спокойная жизнь, позитивный настрой.

Мы так спокойно к этому относились. Я ездила на электричке, приезжала, машины ездили, строили завод, ездили грузовики, самосвалы, мы поднимали руку, и нас до поселка довозили. А там пешком бегом домой безо всяких проблем.

Нас готовили специально к экзаменам. Те, кто не учился на подготовительных курсах, конечно, им было очень сложно поступить. Особенно из сельских школ, потому что программы были связанные с институтом. Особенно по химии. Николай Семенович у нас был химик. Мы просто издевались над ним. Он очень был спокойный человек, но ничего он нам не дал, абсолютно ничего. И сами были без понятия, что вообще такой за дремучий предмет химия.

И в технологический институт, конечно, никогда бы не поступила. По математике все-таки Олег Петрович приблизительно готовил нас. Приблизительно, вот так. Ну, еще сдавали иностранный язык, литературу. Полина Аверкиевна вела литературу. Когда она к нам пришла после Тамары Николаевны Поспеловой - такая высокая, статная. Она так говорила, что мы заслушивались. Она рассказывала интересно, причем рассказывала о той литературе, которую мы не проходили. Достоевского рассказывала, у нее речь хорошо поставленная. Нам так нравилась она. Сочинение мы там писали, писали по программе.

Мы закончили институт. Закончила институт средне. Я училась так, чтобы получать стипендию, то есть сдать экзамены. Одну тройку я могла иметь, потому что я была комсоргом. Отработала я в Невьянске, это на севере от Свердловска, старый купеческий город, город Демидово. Это и есть сам Невьянск, в этом Невьянске из достопримечательностей - падающая башня. Один из сыновей Демидова увидел падающую башню и построил такую же в Невьянске.

Я отработала день в день и 1 февраля через 3 года я уехала оттуда. Все было чуждо, начиная от языка. Староверы, верующие очень. Здесь этого не замечаешь. Ходишь в церковь или нет - твое личное дело. Там это ярко выражено было. Причем совершенно другой язык. Они даже говорят по-другому. Я когда туда пришла, они сказали, сразу заметно, что ты приехала из Ленинграда. То есть наша речь совершенно другая, она более певучая, более грамотная, какая-то правильная речь. Говорим, как говорим. А они отличаются, там уже свой говор. И сказала, что дня не буду больше, приехала домой.

Вернулась домой, работала потом в Тосно. Последние 17 лет проработала в государственной инспекции на сельхозпродукции. Нас учили, конечно, потому что нигде этому не учат. Ездила в Москву, учили, как правильно проверять, как вести. Учили всему, начиная от того, как вести себя и все остальное. Потом уже позднее, когда учились в академии, изучала психологию, учили нас, как себя вести. Это было потом, а в институте ничему не учили. Всему учили, но ни к чему. Для общего развития.

Начинала работать, ходила в СЭС, училась делать анализы. В институте один раз сделаем - и все. Мы проверяли, конечно, были определенные задания. Секретарь Федоров всегда говорил: «Девочки, для своей инспекции - ваше дело, можете писать, что хотите, но чтобы была правда!» Никогда ничего не скрашивали.

Все дело в том, что так было принято, неудобно писать. Предположим, я сделала проверку и, допустим, в совхозе Тельмана или Детскосельском нарушений было много. И я это вынесу на область? Я просто не могла сделать, потому что все-таки по Тосненскому району работали, были патриоты. Я решала вопрос с директором, и в актах отмечали. Но не поливали грязью, дорожили районом, а Николаю Федоровичу, конечно, говорили все, как есть.

А был еще народный контроль, и мы принимали участие. Наш главный инспектор, тогда у нас была Мария Николаевна Мельникова, она всегда нам говорила: «Мы работаем по плану!» Потому что народный контроль любил посылать на самые грязные дела кого-то. Под любым предлогом пошлют. За это ей, конечно, попадало очень много. А она в общем-то нас не подставляла. Она всегда говорила, что горшки чужие выносить не будем. Кому надо, так и проверяй. Своих проблем хватает. Надо сказать, что вопросы качества и до сих пор на первом месте. Говорят, всех проверяющих сократили. Оставили этот роспотребнадзор - ни о чем.

Смирнова Зоя Владимировна

Как я пошла в банк работать? Прислали повестку: приехать к такому-то числу, к такому-то часу. Мама работала в этом банке - охраняла. Управляющий был мужчина, я его помню - хороший такой. Мама попросила его: «Куда девчонку отправим такую худенькую?» Он взял работать сверх штата.

Я чертила и писала бланки, все от руки делала. Прямо линейкой бланки чертили. И в банке до конца войны работала. Запись в трудовой книжке: 6 месяцев отработала во время войны в банке. Потом работала в суде. В основном делопроизводством занималась.

Когда война закончилась, я в Ловозере была. Двоюродная сестра пришла и сказала, что война закончилась. Она работала в горкоме партии. 8 мая еще не объявили. Запевалова Людмила Владимировна была у нас учителем немецкого языка. Она нам первая сказала, пришла и сказала, что война закончилась. А мама говорит: «А чего не передавали, ничего не знаем. Должна кончиться война, а не передавали». А она говорит: «Я вам точно говорю, что война закончилась. Все уже».

А у сестра ее, что в школе немецкий преподавала, у нее девочка была маленькая такая, года 4 ей было, наверное. Муж был военный - моряк, они были из Мурманска эвакуированы. Девочку спрашивали: «А где твой папа?» Она говорила: «А над папой море бушует!» Отец утонул вместе с кораблем. Она была вдовой. Мама с ней еще жила, а потом они уехали в Ленинград.

Когда официально объявили Победу, мы всю ночь не спали. И бегали с девочками из семьи Матвеевых в каждый дом. Бегали и стучали в двери, что война закончилась, у них радио не было. В шесть часов утра радио заговорило голосом Левитина, что закончилась война. Мы знали это с вечера 8-го числа. Но официально мы не знали, закончилась война или нет. Бегали так по поселку.

На реке Вирме с той и с другой стороны все частные дома. Хозяйством жили, у всех были коровы, все исправно жили. Жили местные - коми, они приехали из Коми ССР со своими оленями через пролив, через Белое море на Кольский полуостров. Потому что говорили, что было тут много корма для оленей, там были уже истощенные пастбища, а мох долго растет. И они приехали с оленями, обосновались тут, дома построили. База была продовольственная и промтоварная, снабжение было хорошее до войны.

Во время войны голодно было. Конечно, было хуже нам, чем местным, потому что у местных все свое было, и рыбу они ловили. А у нас же ничего, никаких снастей не было. У нас ловить некому. Брат Алексей ходил снабжал нас рыбой. Озеро было большое и рыбное, водилась кунджа, сиг, хариус, щука, окунь, было много рыбы. Налим был. Иногда папа пойдет под утро на маленькое озеро, из которого ручей вытекал, а лед тонкий. Брал деревянную кувалду, по льду стукнет, налим остановится, ждет. Или плыть дальше? Но не уплывал. А лед был уже надломлен, у папы был такой режущий нож, он так быстро: раз - прокалывал дырку и подцеплял рыбу. Когда приносил налима, мы тоже радовались. Любили мясо белое. Мама мыла, чистила.

Почти в каждой семье не вернулись родители, много на транспорте погибли. Сразу в первые дни войны были очень сильные бои на Кольском полуострове. Не придавали в начале значения, а ведь немцы-то рвались именно к порту не замерзающему, раз с юга не удается Ленинград захватить. Так они думали, что север захватят - и прямая там дорога на Ленинград. Там была река Западная Лица. Терентьев Митрофан был в дикой дивизии. Моряки береговые черную форму имели, была дивизия сформирована, и прозвали дикой, потому что они дерзкие такие вылазки делали, нападали на немцев.

В камнях среди сопок выдолблены целые как бы ступеньки вниз. И все нашими военнопленными было сделано, очень много в плен попало, погибли многие. И река эта Западная Лица, так и говорили, что она была красная от крови, потому что все сражения в основном были на этой реке. И потом область эта Петсамо, на ней немцы хорошо основались, и наши захватили хоть и с большими потерями, но захватили. И как-то стало легче.

В море в заливе было трудно, приезжали конвои, когда пошла договоренность со вторым фронтом. И когда решились Америка и Англия помогать, то помогали в основном по воздуху, самолетами «Дуглас». Брат двоюродный писал, что едет на переподготовку, чтобы пересаживаться на самолет «Дуглас». Он был летчиком, летал на наших самолетах. И вот переквалифицировался на «Дуглас», остался жив, но был ранен, дожил до Победы. Эти конвои шли, а наши корабли их сопровождали. Многие корабли на дно ушли вместе с составом. Но первые годы было много участников, и они все приезжали в Мурманск.

О ходе войны узнавали по радио. Газеты приходили - местная газета, Мурманская «Полярная правда». Когда было отступление, переживали и плакали, что оставили город Орел, потом город

Калинин и город Ржев, там большие сражения были. Все слушали по радио. Все события знали. У папы не было никакого ругательства, кроме как «елка зеленая», он так и говорил: «Вот, елка зеленая, опять оставили город!»

Когда война закончились, стали люди возвращаться, среди них и пленные были. Например, управляющий банка Иван Васильевич Канев был пленным. Относились к бывшим пленным плохо, даже на работу его никуда не брали. Хотя у него финансовое было образование. Потом взяли. Все равно пришло, видимо, решение, когда запрет был снят, и его взяли, он стал управляющим. Потом в Череповце квартиру дали, он родом оттуда с женой своей Настей. Настя была санитаркой у нас в больнице.

Немцы далеко были от Ловозера - за 200 километров. Оборона была все-таки хорошая. Самолетыто прорывались, бои воздушные были. В районе Поноя гремело, и от нашего озера, и в горах два самолета разбились наших. Бой был, и немцы, видимо, улетели, а наши погибли. Ходил папа на поиски. Кто мог - все ходили. Потому что везде было зафиксировано падение самолета. Может, кто-то и живой остался. У них планшеты были целы, фамилии летчиков стали известны. У нас стоит обелиск славы, на нем первый экипаж найденный, среди них майор Базилевский. Денег было порядочно у него. Те, что не удалось спасти банкноты, - пострадали, а некоторые не пострадали. У него жена и дети. Высылали потом через банк или, как говорил Власов Вениамин Григорьевич в военкомате, что все отослали жене и детям в Москву.

Учились мы хорошо, но начинали мы учиться не с сентября, а с октября, потому что веточный корм заготовляли, работы были, а лето короткое у нас. На дальних полях за 6 км ходили пешком, там сажали турнепс, брюкву, капусту. Хоть кормовое вырастет, но и людям доставалось, покупали в ларьках, сельхозпродукцию. Картошку сажали. Мало было народу, в полеводческих бригадах работали, пока не поспеет лист на деревьях, чтобы можно было заготавливать корм, и тогда нас перекидывали в лес. Иван-чай тоже шел в корм.

В октябре начинали учиться, дров не было, дрова привозили из реки - топленые по сплаву. Дрова были очень дорогие. У нас тоже было печное отопление в доме, так один воз - три бревна — стоил 50 рублей, это было дорого по тем деньгам. А что эти три бревна? Так мы сами ездили за дровами. Март-апрель холодные были месяцы, наст был, крепкий снег, ночи холодные были до 30 градусов. Снег подмерзал. Саночки брали - я, Зоя и Сергей. За дровами ездили втроем. И все два месяца мы заготовляли дрова для дома.

С нами еще была бухгалтер, у них Анна Николаевна в банке работала. Она была одна эвакуированная. Мама ее жалела, все говорила: «Возьмите Анну Николаевну с собой. Дров нарубите, вы-то можете, а она не приспособлена, городская». Мы нарубим ей, в санки положим, обвяжем. Везти она везет, с нами не боится, а одна в лес не пойдет. Мы еще довезем до дома, поможем ей. Мама скажет: «Молодцы, что довезли и проводили, надо старым помогать».

Для школы сырые дрова привезут - напилим сами, которые можно. А которые уже не в обхват нашим рукам, так те не пилили, пилы не хватало уже. Когда начинаем их колоть, вода прямо брызгами из нее летит. Такие дрова заготовим, в печку положим, чтобы они просыхали. Один раз мы учудили там в школе - мальчик был один смелый, Гена Анучин. Директор у нас была, мы ее звали «зеленая крыса» - такое было прозвище, она из Ленинграда приехала, такая модная была, высокая. Носила все зеленое: берет зеленый, шарф зеленый, пальто зеленое, сумка зеленая. Нам ничего не оставалось, как директрисе придумать название, придумали «зеленая крыса». И говорили: «Крыса идет зеленая!» И все сразу по углам, боялись. А мы до того замерзли, что сидели в пальто. А пальтишки какие были? Что было, то и надевали на себя, холодина была страшная - хоть 35, хоть по 40 градусов, а мы все равно учились. Не отменяли занятия. Бумаги не было, писали на газетах с лампами. Чернила замерзали. Если спички есть, то спичку подержишь, растопится у края лед, и пишешь. Чернила замерзали в чернильницах.

А Гена-то учудил - он был сердечник, не знали в то время. У него был порок сердца, плохо чувствовал себя, мерз. Встал и говорит: «Ребята, как хотите, я печку затоплю». Наверное, в шестом или пятом классе было это. Затопил печку, пока ждали урок, а должна была директор прийти, географию она вела у нас. Первое время сидели молча, а потом дрова когда нагрелись, березка растопилась, и они стали трещать. А печка была опечатана пожарным, то есть топить ее нельзя. Как так, топить нельзя, а заниматься можно? Директор пришла, глазами побегала по классу - все сидят невозмутимо. Встала,

открыла печку, руку еще обожгла. Потом: «Кто это сделал?» Все молчат. «Я спрашиваю, кто сделал?» Все молчат! «Я третий раз спрашиваю, кто это сделал?» Гена встал и говорит: «Я это сделал, потому что мы не можем, ни писать, ни сидеть - ничего. Мы тогда все из школы уйдем». Не ругала она его, сказала, что делать нельзя.

А учителя по всем предметам были. Учителя были у нас грамотные, сильные, потому что с высшего училища. Одна даже в институте работала в Ленинграде, полная такая - Лидия Юрьевна, платье надевала на левую сторону, темная такая. Такая была добрая, но, может, на нее война повлияла или, может быть, она близких потеряла. Она привыкла со студентами старшими обращаться, а мы, как мелочь, были для нее, мы ее жалели. В основном были без света, свет ненадолго давали. Дизельная станция уже не работала, были лампы запасные, пользовались лампами. Мы ей говорили, что у вас платье на левую сторону надето. Ну, видно же было, мы уже разбирались, что к чему. Она скажет: «Спасибо! Было темно в комнате, я не видела». Шла, переодевалась.

А потом Перегудова Вера Семеновна была историк, миниатюрная такая евреечка. Она преподавала в высшей мореходке в Мурманске. Учителя были грамотные. Нас она гоняла по истории. Первое время не знали, а потом девчонки говорили: «Завтра можно не учить, сегодня спросили». А она возьмет и спросит обязательно. Все время спрашивала, учу или нет, но я добросовестно училась. По хронологии каждый день гоняла.

Всех учителей любили, потому что учителя были хорошие. Один был учитель с фронта, он был без ноги, как Алексей, математику преподавал. И жена его была Раиса Ивановна. И у Матвеевых, у наших близких друзей, он спас Женю. Она встала на льдину, та обломилась, и ее с маленького ручья вынесло на большую реку. Учитель жил в доме на берегу реки, у хозяев снимали комнату, он увидел это. Он был на берегу, увидел, что плывет девочка, красное пальто на ней было. Он на протезе ринулся в воду, доплыл до нее, льдину оттолкнул к краю, к берегу, А оттуда ее люди уже вытянули. Так и спас Женю.

Немецкий язык преподавала мама девочки, которая говорила, что над папой море бушует. Потом Раиса Александровна стала.

Дружно мы не жили, не было такого. Наша семья пользовалась спросом, потому что папа был мастером. Посуды же не было. У людей замерзнет ведро с водой, дно треснет - воды не в чем принести, а купить негде. Кран у кого отвалится от самовара, самовар сломается. Дети зажгут, шишек набросают еловых и поставят самовар, а воды там не было, вот все и отвалится. Папа все делал: у него был паяльник - такой длинный, на конце заточен. И покороче был, и подлиннее. Все он приварит, все зашлифует, все отремонтирует. И ведро делал - обрезал и новое дно делал. Таз принесут - нужно сделать. Ремонтировал все - золотые руки.

После войны к нам саамы, коми приходили. У них были деньги золотой царской чеканки, приносили ему - он делал серьги, кольца. А некоторые приносили трафаретки, инициалы не подходят чужие, так он все убирал, шлифовал и возвращал. Лидии Николаевне делал три кольца, а мама говорила ему: хоть бы ей одно колечко сделал! Что ты! У него еще в Череповце был куплен кусочек припоя - медная такая начищенная проволока. Медь с золотом, припой называется. А мама говорит: «Ты свой припой весь израсходовал, а вот взял бы и договорился, что я вам сделаю, и кусочек возьму у вас!» А он говорит: «Что ты, Маша, разве я так могу?» Некоторые расплачивались, которые добрые, носили кусочек мяса или рыбину, сердце, печенку приносили.

А большинство сами были бедные, особенно саамы. Он ведро починит, а мама говорит: «Хоть бы попросил на папиросы сколь-то рублей!» А он говорит: «Маша, что с них брать, они такие же, как мы». Когда стали дома строить, мама говорит: «Пошел бы ты хоть попросил. Столько проработал! В войну медаль имеешь. Иди, чтобы квартиру что ли дали!» Домик был маленький, печное отопление. Дрова надо закупать - мне давали от больницы, а все равно не хватало же 9 кубометров. А он говорит: «Нет, я не могу, Маша, люди хуже нас живут!» Он дойдет до райисполкома, поразмышляет, развернется и обратно идет. Мама говорит: «Ну что, отдал заявление?» А он: «Нет, Маша, я подумал, сколько домов стоит - избушки саамовские, люди хуже же наш живут».

В Ловозере во время войны была больница довоенная, и все там лечились. Но раненых не привозили. Два госпиталя было в Кандалакше и в Кировске. А те, которые состояли на учете по какомуто ранению, наблюдались, как и Алексей...

Главного врача, Гусева Василия Архиповича, взяли на фронт, после него прислали Куликова –

высокого и худого. Он был невоеннообязанный. А Василий Архипович работал почти от звонка до звонка. Семья оставалась в Ловозере, жена была бухгалтером в райздравотделе.

На машинах ездили женщины: Надя, Нюра Ануфриева (Тередько), Люба Климова (вышла замуж за Климова), Шалова Алла Михайловна, еще были женщины. Шоферов было много женщин. Машиныто были газогенераторные, на топках. Далеко надо проткнуть туда, давая уголь. Так женщины лягут на пол, на термолисты, потому что котлы на полу почти были. И там шуруют, моют, потом пассажиров заставляли, если кто из нас едет.

На почту ездили каждый день. По трое суток иногда ездили. Сломаются, что могли - чинили, делали. Труженицы были женщины. А подростки наши, например, Володя, до армии ему год еще был, они окопы рыли. Окопы вырыты, землянки вырыты. Мы, когда выросли, ходили за грибами и заходили в эти окопы, землянки. И были вырыты рвы такие, местность была болотистая. Все вода была, а где посуще, там был переход. Идешь, как на фронте лабиринты.

Да, оборона была. А потом самолеты находили - три самолета врезались, стоят на холме славы и два или три самолета стоят на обелиске в Ловозере. Тревога была еще за то, что были люди у нас на фронте родные. Каждый день переживали, что день прошел, не знали же - жив или нет. Известия редко приходили. А Володя старался отовсюду, где есть почтовое отделение, отправить нам открыточку. Потому что он был радистом, он знал, как все это действует. В Будапеште как-то он был, открытку оттуда прислал на день рождения.

Сергей вообще писал. Ноты все распишет, начертит, чтобы на аккордеоне учиться играть - так заочно. И слух у него был, Викентий все время приезжал и говорил: «Сергуню надо в консерваторию!» А когда дело дошло до консерватории, он сказал: «Музыка - вещь непринужденная, поэтому я пойду инженерно-строительный институт закончу. А душа у меня есть, аккордеон есть для души!»

В Ловозере мало осталось участников войны. Наверное, уже никого не осталось. Зинаида Балахшиева умерла, а Василий раньше умер. Он был призван в Кировске, воевал в направлении Кандалакши, дошел до Берлина. Он в транспорте был. Когда стало легче на Севере, их собрали и дальше отправили помогать в Центральную Россию. У нас несколько медсестер было, я девочкой была, я помню, как их взяли на фронт - Настю Назарову, потом Терентьеву, Аллу Абрамовну, вторая Терентьева, она до Чехословакии дошла. Витя ее учился с Мариной вместе, 1962 года рождения. Марина двоих о родила, уже в 40 лет замуж вышла.

Кировск строили немцы. Дежурили мы в инфекционном отделении, многие пленные болели тифом брюшным, питание было плохое и условия плохие. Некоторые плохо, но говорили по-русски, один показывал фото - двое детей, жена. К ним мы хорошо относились. Жалко было их до слез. Я человек такой эмоциональный. Мне всех жалко, хоть и враг немец.

Смирнова Любовь Александровна

Я, Смирнова Любовь Александровна, родилась в деревне Ершово Костромской области 30 октября 1920 года. Когда жали овес, мама принесла меня в переднике домой. Родилась на меже. Мама работала, колхозов не было тогда. У нас было личное хозяйство: лошадь, две коровы - и семья пять человек. Четверо детей и отец с матерью.

Отец работал счетоводом. Выучился, когда все в своем хозяйстве работали. У каждого была своя полоса отдельно. Вот жали, сеяли, собирали урожай, мололи на мельнице рожь и пшеницу. Ячмень на жерновах, помню, как мололи, получали ячневую крупу. Держали много овец - семь штук. Как заколют родители штук десять-пятнадцать ягнят, всю зиму мы никакой беды не знали. Солили мясо.

Маму звали Ольга Николаевна Добрецова, а папу - Александр Николаевич Волохонский. Были братья и сестры: сестра Юлия Александровна родилась в 1918-м году. К 1917 году родители переехали в город Санкт-Петербург к родным. Приехали и остались, хотели там пожить. Здесь тетя жила на Свечном переулке. Они у этой тети хотели остаться, если бы не революция. Пошли погромы. Тетя держала магазин, ее посчитали зажиточной. Стали приходить большевики и хотели арестовать. Время такое было смутное. Вот они и поехали домой. Приехали домой в ноябре, дома ничего нет. Дед не посадил даже картошку. По маминым рассказам, из щелей дома торчали зеленые листья в полу.

- Чего же ты даже не посадил картошку?
- А я по Питеру не гулял, я тут работал, некогда мне было ее сажать!

Стоит - руки в боки перед нами. Вот и так начали жить с этого. Сестра старшая Юлия родилась в 1918-м году. Только-только она в пеленках домой привезена. А потом я. Юлия первая, я вторая - помощница была, нянчила ребятишек. За мной брат 1923 года рождения. Его звали Михаил Александрович Волохонский. Защищал город Любань и Тосно. Был в этих болотах, куда мы ходили за клюквой за Ушаки. Остался живой. Пришел инвалидом третьей группы и жил долго. Года три назад умер в Костромской области. У него тоже большая семья, семь человек всего.

Вера и Надежда родились, а потом Михаил 1923 года рождения. Все через три года: 1920-й , 1917-й , 1923-й, 1926-й год. А раньше же у женщин не замечали, беременная или нет. А хоть есть или нет, а вставать и косить, жать надо. Ребятни пять человек. Младшая сестра была Надежда. Теперь в живых осталась одна только я. Самая живучая.

Хозяйство было, все делали сами. Голодали, но мы не сильно голодали, обижаться нельзя. Потому что уже к тому времени немного помогал дядя, и отец с матерью были молодые, все лежало на их плечах. Лошадь была.

Коллективизация началась в 1938-м году. Отобрали все. У нас секретарь райкома был Кулагин. Помню хорошо фамилию. Еще говорили, что бьет по столу, значит, надо записываться в колхоз. В колхоз загоняли насильно, кричали, что добровольно – нет, силком.

И вот образовался колхоз «Новая жизнь». Первый. Только одна деревня. Вы знаете, как было хорошо! Нам в деревню в свои магазины и масло привезли растительное, и сахара - сколько хочешь, и колбасу. Тут мы думали, что попали в рай. И этот рай длился около года. Продукты давали просто так - пока трудодней еще не было, только начинали. Давали по населению. Вот живет в деревне десять человек - десять порций, а у кого больше деревня, там по душам - и детям, и взрослым поровну.

Это я хорошо помню: год прошел, стала немного задумываться молодежь, как пойти учиться дальше. Как в город попасть? Все больше в Петербург. В Москве наших почти не было. Почему в Петербург? Потому что Костромская область ближе к Ленинграду, там наши родственники. Они даже там родились. У них на Свечном переулке и квартира была своя, чуть ли не дом. Лет тридцать назад мы ездили с мамой, она показала, что мы тут жили, здесь магазины. Мама говорила, что я каждую витрину просматривала, интересно было.

Отбирали скотину так: присылали повестку: товарищ Волхонский, обязуем вас доставить столькото молока. Как сейчас извещение, так и тогда было. Все крестьяне обижались, видят, что надо кормить, а с нас дерут три шкуры. Должны сдать сто литров молока за сезон. Ну, это не так страшно - сто литров. Мясо, даже шерсть сдавали.

Если две коровы - одну себе, другую в колхоз. Если одна корова и семья большая, то не трогали. Так они и жили. Были труженики, были лентяи. Труженики своим трудом жили всегда и в колхозе, и без колхоза. Всегда жили. А лодыри и есть лодыри. Так всегда и было в деревне.

Мама работала, как и все: в поле и жали, и молотили. А молотили цепями, цепи такие были. Это большая палка и к ней привязана маленькая палка на ремне, хлещут по ней, и зернышки полетели. Я все это умею делать. Берешь сноп. А овин что такое? Это комната с окошком, только там не пол, а колесники. Колесники, длинные жерди положены. И вот на эти жерди должны повесить снопы – ржаные, овсяные и пшеничные, все. Высота овина больше, чем потолок, а внизу горит большая теплинг.

Потом повесят снопы эти.

- В один слой или несколько жердей?
- Жердей много, всех заставляли.
- В несколько слоев?
- В один слой. Сухое зерно само валилось. Да, об овиннике: горит такое больше, можно сказать, бревно или расколют пополам, или целиком. Около двух метров, метра полтора такое полено. Кладут и горит потихоньку.
 - А зерна падают и сгорают?
- Зерна не падают, там есть еще потолок земляной, землей насыпан, это я все видела своими глазами и даже иногда, когда мне было семь-восемь лет, просилась с папой в овин сушить.

А сушили как: зажигали теплинг, садились и грелись. Только что не на улице. Интересно было. И пекли картошку, варили картошку, яблоки пекли, когда покупали. Детство было, не скажу, что богатым, почти босиком, обуть было нечего. Но мы всей деревней почти босиком собирались и играли в прятки, никакого хулиганства, пьянства — такого ничего не было. И все как-то жили дружно.

Мальчишки у нас не дрались, а в соседней деревне дрались: улица на улицу, дом на дом. А потом стали в колхозы загонять, стало по-другому. Какой-то период и овины были, и сушили. Интересно было явиться к шести на работу. А как женщины печку истопят для семьи часов в восемь - по погоде.

Если сенокос, раньше в шесть вставали. Сначала косить ходили. И я косить ходила. Интересно: утром идешь, воздух чистый, птички поют, ни комара, ни мухи - прямо рай и все. Питались своим, что есть: творог, молоко, сметана, мясо были у каждого. В общем, не голодали в нашей деревне. Деревня небольшая и соседняя тоже. А как гуляние было, все округа собиралась в одно место. Наставим стулья, сделаем скамейки из досок, гармошки две-три, балалайки, ребята в кепках с букетом, по телевизору показывали с букетом на шапке тут. Весной одни цветы, осенью другие. Было такое детство. Надевали, у кого что было. Кто богаче - и платья были, и бусы были, и золото было.

Мама дома только половики ткала. Мы материалы покупали. Лавка была, Копейкин был дядя Миша - лавочником был. На горушке там красивое место - Чухонское озеро. Горы не очень большие рядом. Очень хорошее место, интересное, рыбы много.

В войну уже училась я в педучилище. Помню, как началась война, я уже большая была. Когда война началась, по деревне крик, плач. Плачут молодые женщины, что мужей заберут. Ночью тут же мобилизация, и всех на фронт. Мужчин в деревне почти не осталось. И вот так на женских руках и прошла почти вся война. Собирали колоски с ребятами. Тогда я еще училась.

А колоски вот что собирали: идет комбайн, он забирает высокие колосья, а маленькие колосья немного остаются. Там ребятишки с мешками как из-под батонов. Каждый ребенок должен был набрать целый мешочек колосьев. Должен набрать и сдать. Потом сдавали в приемный пункт и считали: столькото килограммов сдала такая-то школа, Федоровская столько-то сдала, Васильевская столько-то.

Всякое бывало. Бывала на первом месте наша школа. Зависело и от того, какое поле попадется и какой комбайн будет работать на нем. Если у него работает хорошо машина, то чисто жнет, плохо жнет - много остается.

А бывало, что колоски срезали себе. Бывало так: за пять килограммов ржи женщина, имея троих детей, сидела пять лет тюрьмы. Это сама видела, была народным заседателем. Это уже работала в школе после войны при Сталине. Заставили вытащить ее все колоски, которые она собрала, и оказалось около пяти килограммов. Сидела пять лет. А детей в детский дом. Это вот как сейчас вижу. Ее повели, а ребятишки за ней со слезами: «Куда вы маму повели? Зачем маму отняли у нас?» Это помню очень хорошо.

В войну делали все в основном женщины. Так как я пошла в школу после болезни на два года позже, мне было восемнадцать или девятнадцать лет. Но в армию не брали, считали еще маленькой. Я только педучилище закончила. Нам давали задание: привезут машину льна, соберут, после того полежит. Чтобы от кострицы, шелухи (твердых частей стебля) избавиться, лен мяли на мялках, а потом

трепали трепалом. Берешь палку и трясешь около русской печки, а туда летит костра да пыль в печку. Однажды пыль загорелась, и я сгорела. У меня задница и рука сгорели. Так я лежала в больнице после трепки и пожара, наверное, около года. Все жилы свело. Надо было спрятаться куда-нибудь, а я бегала, чтобы потушить. Платье-то загорелось, и сожгла все. Дом не сгорел, только шкаф обгорел.

Надо было еще куделю собрать, второй сорт это.

Пожарники приезжали, потушили. Тогда было как: телефонов-то ведь не было, а был дежурный, сидел на самом высоком доме и в дудку дудел, какой-то знак был, а пожарные были недалеко, приехали и потушили. Вот спасибо им.

Так мы все помогали старшим. Все делали: и пололи, и лен трепали. Бывало, идешь, поле гектаров пять по порядку. Такая красота, и среди них чертополох стоит. И вот нас кто там постарше заставляли чертополох вытаскивать. И чтобы по одной бороздке прошли, не смяли чтобы лен.

Был наш первый колхоз «Новая жизнь». Тут жили хорошо, потом соединили нас с другой деревней. Стал колхоз «Труженик». Вот эти труженики в каждой деревне трудились, а в других не так.

В войну не бомбили. Только слышали звуки. Выйдешь на крыльцо вечером, жили недалеко от шоссейной дороги, город Солигалич на северо-западе. Так вот, под Солигаличем было хорошо слышно, а у нас в деревне, там Ножкино, Григорьевское, Ершово - маленькие деревни, тяжело было.

Мы кисеты шили, письма писали, радио слушали. Директором у нас была московская заслуженная учительница. Педучилище окончила, и в 1945-1946 году в самом начале работала воспитателем детского дома. Ольга Васильевна, фамилию забыла, такая черненькая, пожилая. А там ребятишки — кто-то из Рыбинска, кто-то из Питера, остались сиротами. Везли в эвакуацию семьи, мать умирала, а дети оставались. Вот таких сирот привозили к нам в детский дом в Анфилово. Такой незаметный, вроде нашего совхоза вот этого.

Снабжался детский дом хорошо, дети не голодали. Картошки было досыта. Помню, тут еще директора хотели судить. Она шестнадцать килограммов манной крупы заказала сразу на обед ребятам. Сколько там человек - около сорока было, и она шестнадцать. Шум был большой. Я уехала, чем закончилось все, не знаю. Что Ольге Васильевне присудили или нет, не помню.

Но дети недружно жили. В самом начале были очень агрессивные, как только они приехали к нам. Они приехали из Ростова-на-Дону, сборные. Я говорю, что родители умерли, а дети остались живыми. И вот таких детей из разных мест по железной дороге с северо-запада везли. Всякие были из Ростова были, из Москвы даже. Первых привезли, я окончила педучилище в 1945-1946-м году, это был 1947-й год, зима 1946 года на 1947-й год.

Открылся новый дом, и привезли вместе с директором и завучем из Ростова. А потом стали забирать тех, которые в нашем районе нуждались в приюте. Отцов забирали на фронт, матери нет. Смотря по обстановке, таких присылали. Помню, у Юры Кондратьева умерли отец и мать. Сначала мать умерла, потом отец не выдержал, умер. Вот эти ростовские очень худо относились к таким. «Домахи» говорили, домашние значит. Около Анфилово живут, домашние.

У нас были дети от девяти до шестнадцати лет. Так вот эти девятилетние, так мы с ними мучились, шестнадцатилетние ростовские озорники, я помню их фамилии: Сечин, Малихов, Урбанович. У Урбановича сестра там была и брат, втроем они были. Так соберутся все трое и нападут на одного домашнего.

Отбирали пайку сначала. А пайку давали 100 граммов на обед хлеба. Сто грамм дадут, а он не знает, куда спрятать ее. А воспитатель стоит и стережет, чтобы сам съел. Если съест этот хлеб, его изобьют всего вот эти Урбановичи да Малиховы. Изобьют сильно. А били-то как: ремнями то по голове, то по спине, чтобы на заднице не было рубцов, вот так лупили.

А кто их накажет? Мы были выпускницы педагогического училища, мы сами их боялись все. Убийств не было. Они били незаметно. Ну, мы-то видим, что ребенок голодный. Крылова Анечка была, бывало, песенку даже споет. «Можно я, Любовь Александровна, как к маме прислонюсь?» А я ласковая была с ними. Печку затопим, а печка была камин, большой камин в Анфилове. В старинном доме около печки сидим и про себя все рассказываем, откровенно рассказывали воспитателям. Как хорошо все окали эти ростовские, а наши сидели слушали все.

Ростовским тоже нехорошо жилось. И если отберут у них хлеб, они тоже должны поесть. Тот у этого подтащит себе тарелку чужую да хапнет несколько ложек. А выдавали только три поварешки маленьких ребятам. Они просили добавки, стучали по тарелкам ложками, а где мы возьмем добавку?

Вот так было.

Мы не питались в детском доме. В тринадцати километрах от детского дома мой родной дом, семья моя была. Так я каждый выходной бегала за тринадцать километров пешком по дороге просить у мамы испечь пирог с морковью, хотя бы из черной ржаной муки. Напечет мне мама штуки три - их в мешок и за плечи. И я опять пешком с пирогами. Иду и смотрю, чтобы мне не потерять или не смять чтобы. Радость у меня была, что я приду, и вся моя группа около меня соберется. И старшей была Аня Петрова. Она резала эти пироги на кусочки и каждому по кусочку давала. А кому покажется меньше, глядит на нее, но не скажет, что мало дала.

Огурцы свои были, картошка, этим и питались в основном. Сахар выдавали. Без сахара мы не были. Дадут порцию, мы на всех и делили.

Тогда детей не усыновляли. Тогда не то время было, потому что некого было усыновлять, матери были в поле заняты, в колхозе работали, и свои хозяйства. И страшно было усыновлять их, боялись в основном. Но там пригород был, где я работала, Анфилово, там ветеринарный техникум был, на ветеринаров училась молодежь.

Детдом расформировали потом, как война закончилась. Я уехала. Звонили мне оттуда и писали письма. Жалко, что не сохранились письма, ребята ведь мне писали. Дети уехали туда, откуда приехали. Тот детский дом восстановили, и они туда уехали.

В 1946-м году в мае мой будущий муж учился в этом техникуме. Там, где был детский дом, в этом доме был и детский дом, и техникум ветеринарный, он там и учился на ветеринара. Его звали Александр Васильевич Смирнов. Как мы сюда приехали, он был пожарным инспектором здесь в Тосно.

Познакомились в столовой. Мы с ребятишками и студенты, которые с Финской войны пришли без пальцев или без руки. У моего супруга на правой руке не было трех пальцев, у него была третья группа инвалидности. Учились стрелять или что-то такое, и в школе оторвало пальцы. Ну и вот, знаете, молодые и познакомились. Смотрю, Смирнов пришел к нам за лампой. А у меня такой сундучок был маленький, он сел и не уходит. А я говорю: «Саша, ты чего домой не идешь?» А он: «Да я не хочу домой идти!» «Как так не хочешь домой идти? Ну-ка собирайся!»

Ну, в этот раз ушел, а потом опять пришел, что-то принес другое и так стал ходить. Что-нибудь да принесет. Может быть, граммов сто конфет принесет, то почистить что-то надо ему, в варежках дырку заштопать. Вот так. Он тоже с Чухонского района, только подальше. Он был из Березовцев Чухломского района.

Он потом окончил техникум. Со мной познакомился на третьем курсе, его по распределению в Тосно отправили пожарным инспектором. Он был ветеринар, а потом поступил на пожарного инспектора учиться. Еще война шла, его взяли в Ярославль учиться на пожарного инспектора как партийного. Он был в партии. И вот он здесь работал. Умер он в 1991 году. В общем, лет двадцать с лишним отработал пожарным инспектором в Тосно.

А я сразу приехала двадцать пятого мая. Он пошел в ГОРОНО. Я сидеть не привыкла. У нас была маленькая девочка. Вызвали сестру мою младшую Надежду. Она была как нянька. Мы жили на Ленинском проспекте у тети Нюши Гагариной на квартире. Он приехал, квартир не было, и он нашел домик.

Тетя Нюша одиноко жила. Ежкина тетя Нюша. Он остановился у нее. У нее красивый дом на Ленинском проспекте. Туда меня и привез в этот дом. Потом нам стало тесновато.

Я в школу сразу пошла работать. Школа номер два. Эта школа находилась там, где сейчас церковь. Поповский дом, где сейчас церковь, там была школа номер два. И у нас в школе было восемнадцать начальных классов, и в каждом классе было тридцать-сорок человек. В Тосно в 1946-м году была одна поповская школа, там раньше жили священники. Мы ходили, половицы скрипели, а потом исправили. Топили дровами.

И еще одна на Балашовке была. Перестроили ремесленное училище на школу. Эта школа была на базе ремесленного училища. Было ремесленное училище, ремесленников выпустили и перестроили на начальные классы. Потому что, переходя через железную дорогу, дети часто попадали под поезд.

И возле фабрики «Север» была школа. Но район-то отдельно немного, и через железную дорогу надо переходить. Построили там небольшую школу для того района. По-моему, класса три там было, не больше. Плюхина работала там, потом Галина Антоновна, да, три класса было всего. Первый, второй, третий.

Начальные школы все были. Тогда эвакуированные уже начали возвращаться домой, многие с детьми приехали со своими и чужих привезли. Старших классов не было. В наших классах были дети от восьми и до восемнадцати лет, и старше. Они в оккупации не учились, они учились тут. Те, кто прошли четыре-пять классов, устроились, не могу сказать куда. В Новолисино кого-то отправили.

Где типография, там была церковно-приходская школа. Да, церковно-приходская школа. Мой сосед Евгений рассказывал, что он у Марии Васильевны Безручко учился. Здесь и показал мне это место. И говорил, что эта Мария Васильевна линейкой его стукнула, и у нее линейка упала и чего-то мимо уха и пролетела. И я запомнила, что она Безручко.

В 1946-м году, когда мы приехали, только одна была школа - номер два. Больше не было нигде. А муж-то мой был пожарным инспектором, он школы-то тоже проверял каждый год.

В классе сидели маленькие и большие вместе, никакого шума не было. Вот наша школа сейчас вечерняя. У нас одна лампа была в углу над печкой, лампа со стеклом, а другая - у учителя на столе. Две лампы было. Электричества не было на такой-то класс. А в классе тридцать человек. Темно, в сумерках занимались, и хоть бы один звук был.

Немного позднее зимой начинали. Приспосабливались так: если уж очень пасмурно, так мы урок проводили, где писать не надо - историю, географию. Вели такие уроки. А малышня во вторую смену училась. Почти все во вторую смену. А в первую - вторые, третье классы. Тогда до четырех было классов. Учебники все сами покупали. Родители покупали сами. Иногда в школу привозили, иногда не привозили. Ничем не кормили детей, не было никакой кормежки.

В 1946-м году открылась Белая школа, которая на Боярова. Дети учились хорошо, даже скажу, что лентяев не было в классе, чтобы вот ленился, не сделал уроки, такого не было. Сколько я времени работала, скандала не было. Если кто даже опоздал на урок, и то вызывали родителей сразу.

Колокольчик был, звонила уборщица. Урок сорок пять минут. И даже другие попросят задержать, учителя не укладывались - не имели права задерживать даже на пять минут, чтобы минута в минута. И перемена, и урок - все минута в минуту.

Я каждого в лицо знаю, даже сейчас знаю всех моих учеников, почти всех. Мне кажется, что дети все любимые. Ненавистных очень мало, кроме одного Савина. Вот Савин был худой. А вот чем худой: у него мама с бабушкой держали корову, корова давала молоко, это молоко возили в войну в Питер и покупали колбасу дорогую после войны. Так один раз получилось, что пришел Виталик Савин с колбасиной большой. А он сидел на первой парте. Сидит и поглядывает на меня. А я урок истории веду. А он глядит. Я наклонилась:

- Что у тебя там Савин?
- Ничего нет!

Потом опять наклонилась:

- Савин, что у тебя там?!
- Ничего нет!

Как посмотрю, у него колбасина там лежит обглоданная. Я говорю:

- Ну как, иди к уборщице за ножом!

Колбасину разрезала и всем ребятам по маленькому кусочку дала. Вот этого я ненавидела.

Он не плакал, ничего не говорил. Мама не сказала ни слова. Его папа пожарным был вместе с моим мужем. Ни звука никто не сказал, все со мной согласились. Как он нагло себя вел: дети голодные сидят рядом, а он колбасу на уроке жует, не слушает.

Родительские собрания по плану были. Как часто, не помню. Не редко, но и не часто. Если нужно, вызывали в любое время, и родители, спасибо им, приходили без всякого - без обиды, без суеты. Бывало, так начнут лупить. Я говорила, чтобы не трогали при мне. Здесь не побоище. Чтобы не было в школе никаких обид. Вот так прошла моя жизнь.

Когда Сталин умер, плакали все. Знаю, что переживали все. Траура, по-моему, не было. Какой траур, когда почти везде траур. Кто ждет солдата, кто не дождался солдата, кто как. Жизнь была трудная.

Я все прекрасно помню, пришла я к Варваре Константиновне Мочаловой. Директором она была, начальных классов заведующая, тогда директор не называли. Так Варвара Константиновна пошла в другую школу, назначили Александру Сидоровну Пучкову. Я пришла к Пучковой, ушла я от Василия Сергеевича Кудрявцева. Сколько директоров пережила...

У нас два было здания. Ручей разделял здание кирпичное от здания деревянного. Где сейчас

церковь, тут было здание деревянное, а сейчас, где вечерняя школа, было здание кирпичное. Вот в кирпичном здании в основном ученики учились в две смены.

После Пучковой был директором Харитонов Михаил Тимофеевич, помню его. Евлеин Борис не то Моисеевич, Борис такой задиристый дядя. Александр Григорьевич Живулин, после Пучковой Живулин был. А потом директора пошли, как по цепочке, Савинок долго работала Тамара Никитична.

Из педагогов вот, кто был: Мария Петровна Бородулина, Раиса Федоровна Шишова, Надежда Петровна - такая старенькая учительница, это было очень давно, вот этих запомнила. Молодых было много: Штадова Маргарита Николаевна - работала долго. Училась и тут же работала. Вот что и запомнила.

Последнее время я работала в совхозе Ушаки с учителями Ниной Николаевной и Марией Никитичной. Школа преобразовалась в среднюю школу. Когда я работала, была начальная только школа, а теперь она Ушакинская средняя школа номер один.

В Ушаки перевели, так как набрали только два класса, а выпустили трех учительниц. Так и перевели в Ушаки, и мне здесь близко, вот тут рядом совхоз.

У педагогов было так: если педагог средний такой, общительный, он себе такого и ищет, а если педагог с гонором, хоть я не стою ничего, но считаю себя высокой персоной. Этих мы не любили, и они как-то сторонились к чужой школе. Уже сейчас умерла, была со мной одного года Нонна Адамовна Федорова. Хороший педагог. Она провела урок хорошо, ей признали отлично. «Скажи, где материал взяла?» Она никогда не говорила. А такого типа, как я - дурочка, что есть, я выложу все. Вот такая есть и в жизни я. Я дружили из педагогов с Раисой Федоровной, Марией Петровной Бородулиной.

Ничего не было после войны. После войны, примерно как мы построились, сюда вошли в 1950-м году. С 1955 года началась жизнь нормальная. А до этого ничего не было. С продуктами - не знаю, у мужа была военная карточка. Покупал по военной карточке, мы голода не знали. И консервы были, и хлеб, и мука, отоваривались хорошо. Потом мы сами старались: держали кур, поросят, даже корова была одно время.

И все я успевала. Такой был Александр Дмитриевич Загорский — человек! Человечище, а не человек. Они поехали в Новгородскую область, привезли нам корову на машине. «Изволь, пожалуйста, вот подарок!» А ни хлева, ни двора. Давай скорей двор строить, кур завели. Корова тогда стоила триста сорок рублей.

У меня была зарплата сто двадцать рублей. Муж получал сто тридцать два пенсию, у него около двух тысяч тогда такая зарплата. Нормальная была зарплата, на его зарплату и жили. Пожаров было немного. В год, наверное, если два раза было, немного было пожаров. Он долго работал пожарным, пока я в школе. А потом его взяли в горгаз пожарным. Там его и оставили, оттуда и ушел на свое место. Вот теперь меня ждет.

Я тайны века не раскрыла,

Пишу, стираю и варю.

За то, что жизнь я постигла,

Тебя, судьба, благодарю.

Всю жизнь я посвятила людям:

Родным, страдальцам, детворе,

И вот на цыпочках подкралась

Седая осень в октябре.

Я ей кричу: «Иди ты прочь!

Ведь я не все еще успела!

Дай чуть-чуть правнукам помочь,

Неужто это не узрела.

Ведь я продлить полет хочу,

А крылышки уже не держат».

Вот и все

«Трудоголики»

Когда тоска меня съедает,

Беру лопату в огород,

Со мной часто так бывает,

Не осуждай меня, народ.

Соловьев Николай Арсентьевич

Я, Соловьев Николай Арсентьевич, родился в 1936 году в деревне Бабино. Когда началась война, мне было пять лет. Играли мы, и кто-то из взрослых сказал, что началась война. Ну, началась. Через несколько дней опять взрослые говорят: «Немцы на вокзале!» Ну что за немцы? Мы пошли их смотреть. Пришли на вокзал в Бабино. Там немцы бегают. Посмотрели, на этом и все.

Когда немцы уже появились, в Бабино жили постоянно, магазины были все закрыты. Есть было нечего, денег не было. Все равно магазинов нет, значит, и денег нет. Мы ходили побираться к немцам. Где привал у немцев, они обедают, мы там отирались. Они нам свое недоеденное отдавали. А потом вагоны разгружались в Бабино. Вагоны

с зерном, картошкой. Ходили к вагонам к этим, подбирали там зерно, картошку. После разгрузки немцы приходили и обыск делали в домах. Искали, что утащили. Как правило, отбирать ничего не отбирали, похохочут и уйдут на этом.

В Бабино прожили до начала 1943 года, наверное. И нас увезли в Литву, везли в товарных вагонах, теплушках, как говорится, по дороге кормили. В Литву привезли, разгрузили. Осенью привезли, было темно, под откос разгрузили, а там уже, видимо, сообщили. Приехали литовцы на лошадях с подводами и выбирали, кому что нужно. Рабочих. Нас один старик забрал, мы всю ночь ехали на лошади по лесу, темно было, дороги-то лесные, по корням по этим. Привез на хутор свой, и там мы жили на хуторе.

Мать корову доила, лен трепала, ну, а мы уже, так как картошка была убрана, хозяин перепахивал, а мы с сестрой собирали хрен. Хозяин сказал, что будем пасти коров весной, но до весны не дожили, забрали нас и опять увезли в Германию.

В Германии, само собой, там тоже работали. Вечером закрывали колпаками рассаду капусты на поле. Колпаки такие бумажные специальные. А утром вставали, открывали. Потом горшочки с перегноем, как из-под мороженого стаканчики, набивали землей, сажали рассаду.

Мне уже шесть-семь лет. Там дурака валять не давали. Потом гусей одно время пас. За молоком ходили. По карточкам получали для хозяина молоко в термосах. В магазин хозяин нас отправлял: всех оденет, обует, проверит, построит. Там пять-шесть человек нас. Одеты, обуты. Русские привыкли босиком ходить. Отойдем от дома немного, все снимем ботинки, гольфы, пылью друг в друга кидаемся. Придем в магазин, сразу женщины из очереди уходят, пропускают нас. Ну, пришли пацаны, пропускали нас, получим, уходим.

Это молоко мы не пили. Не блудили мы этим. Не знаю, наказывали бы нас или нет, мы даже не открывали. Термосы без ручки были. Неудобно, на руке так несли. Ни ручки, ничего - неудобно было. А раз с магазина выходим, немка ко мне подходит и сверток мне дает. Потом развернул. Ботинки, хорошие ботинки, не новые, правда. Видит, что мы босиком ходим. А нам обувь-то хозяин давал.

Потом освободили нас, перед освобождением в городе, что был рядом, была стрельба, снаряд попал в дом, крышу пробило. Это хозяйский дом был, скотные дворы сгорели. Забрались мы в подвал, народу было полно, душно было. Пацаны были маленькие, орали. И утром разведчики пришли уже русские. Все вышли. Сразу народ. Хозяин тут. Сразу стали спрашивать, как относился. Мы сказали: «Хорошо!» Хозяин сам заплакал. У него часы были карманные, цепочку увидели, так солдат подошел, отобрал у него эти часы. Немного мы тут потолкались после разведчиков. Они сказали: «Идите в город!»

Мы пришли, там погром был. Велосипеды валяются, подушки разорванные, по улице пух летает, гражданских на улице - никого. Не помню, кто был инициатором, куда идти. Мы толпой и пошли.

Потом толпа распадалась, все меньше и меньше народу. И потом мы, по словам матери, километров двести прошли до железной станции, с которой будут отправлять в Россию нас беженцев.

До какой-то станции мы дошли, в вагоны сели. Вагоны, как платформы открытые. Мы сели на платформу, там были пушки, а русские или немецкие - не знаю. Есть нечего. Ни карточек никаких, ни продуктов с собой. А где мы возьмем чего? Так мы до Нурмы и ехали. Ничего нет! А где возьмешь. Как сейчас я телевизор смотрю, воду поставляли чистую. А воду где найдешь, там и берешь. У матери была мука, так вот она болтушку такую сделает. Если останавливались не на платформе, не на станции, а где-то на перепутье, воду почерпнет в канаве - и в болтушку. А какая вода, там никто не знает.

Спички тоже. Где брали - не знаю. Через Дно ехали по Псковской области. А потом до Тосно доехали. А в Тосно пересадили на вагоны, которые песок возят, вертушка такая, опять открытые вагоны. У немцев-то теплушки закрытые, нары были, крыша, а тут. Здесь на переезде высадили. Повели нас в нурменскую школу, старую школу. Окон не было - выбиты были, пол деревянный, спать негде. Кто как, у кого какие тряпки. На полу завалились. Опять воды взять негде. Ну, воды колодец и сейчас есть, ведра не было. Кто-то ведро нашел, веревки нет, спичек нет. Все женщины. Курящих нет никого. Хорошо, пацаны были. Костер какой-то соорудили, палок наломали в костер.

В школе прожили неделю где-то. Потом в городок, где сейчас Нурма три строится, там были десять или одиннадцать домиков немецких. В эти дома по две-три семьи селились. Холодина там. А домики были положены без пазов. Мох в пазах есть или нет, не знаю. Утром встанешь, кружкой воду не пробить в ведре. Холодина была.

Потом до осени прожили, лето там прожили, к осени здесь бараки убрали. У братского захоронения, где сейчас гараж у Володи Гусева, там хлам разный. Барак был большой, туда поселили. В одной комнате восемнадцать семей. Печка одна большая была. Как топили и варили, не знаю.

Потом такая была Маша Селемянкина. У нее мальчишка Аркашка был. Он мокрый, весь описался. А затопили печку, она посадила на пеленку его, на край печки. Как заорет - печка нагрелась, задницу-то припалил себе. В общем, как там получилось, не знаю, она потом говорит, что надоело мне, жрать нечего, отвезу его на Московский вокзал и брошу. И так сделала. Где он сейчас? Фамилия Селемянкин Аркадий, а отчества не знаю. Она уехала и приехала одна. Бросила его. А потом куда она сама делась, не знаю.

И в школу ходили мы, этого дома нет сейчас. Мы пошли заниматься в дом Ковалева Петра Васильевича. Большой был у него дом, а потом они приехали. А потом уже в другую пошли школу. И первая учительница была Вера Игнатьевна. Фамилию не помню. Ну что - холод, есть нечего, какие там занятия, когда голодные ходили. В тетрадях писали, на газетах не писали, бумага уже была. А как лето придет, ягоды собирали и на продажу, сестра постарше на два года была, она ездила и продавала стаканами.

Купить-то в Ленинграде нечего было, то, что пошел в магазин, карточная была система, каждый получал шестьсот или восемьсот граммов хлеба. Ну а матери-то давали восемьсот граммов, так опять трое у нее. Мама пошла работать на торфопредприятие. Только и привезли всех на торфопредприятие, потому что оно открывалось.

Я уже был взрослый, видел, как работали. Вагон «пульман» назывался, четырехосный. Давали на четвертых две пары носилок, надо нагрузить этот вагон. На носилках торф носить. Сначала положить, потом нести. А трапы были сделаны из жердей, шатаются. Да еще были голодные. В воде стояли. Карьер. Эти ямы нарыты. Это все руками же рыли. Лопат не было настоящих. Тут кузница была. Самодельные косы делали, топоры делали. Топоры-то они называли «коровий язык» - на заклепках, они отваливались. Кошмар был. А чтобы поточить топор или лопату, то наждак стоял. Я уже взрослый был, крутить надо было. Он немецкий был, наверное, но точил. А кузница находилась за магазином сразу. Вот на горке магазин. Примерно, где Тимофеевых жила семья. Семеновы и Гусевы. Я точно знаю, где это место, там была столярная мастерская, потом баню пристроили, хоть были дырки. Она была для работников торфопредприятия, а так все ходили мыться.

Вот я сейчас сравниваю, немцы везли нас в Германию, мыли нас, санпропускники были, обливали нас, лекарство какое-то, щипало, будь здоров. Может быть, они делали так, чтобы туда чего не завезли, черт его знает. А нас везли на пушках, ехали сюда, как хочешь. Где мыться будешь, никого не волновало. Раз мать попросила у Никитиных помыться. Там баня частная была, не доходя Боровцова,

с левой стороны. Мать попросила: «Можно протопить?» Так помылись. Везли в Германию - мыли, а из Германии везли русские - нет.

В Германии валялось много добра. Мать ходила, но там валялось все такое, постельное. А чтобы брюки или костюм найти, пиджак или кепку на голову - ничего не было. Только тряпки белые - простыни, наволочки. Там же прошли войска, так там мужики прошли, что хорошее - взяли. Конечно, часов наручных не было. А подойдешь, с полу до потолка часы ходят, вот их бери. Ковры на стенках висят. Куда его возьмешь? В карман не положишь. Посуда-то была: откроешь ящик - ложки, вилки. Куда они? Или кастрюлю там, какую. Я приехал, мне девять лет было, а теперь восемьдесят стало.

Все знают эти воронки, как к нам идти к Женьке. Это не раскопано, это воронка от бомбы. Ну, конечно, ее уже реконструировали экскаватором, не раз. За магазином, где Феня Семенова жила, тоже воронка, где колодец – здесь, на повороте. А одну воронку на дорогу вели и выровняли, засыпали. От бомб воронки эти.

Что могу рассказать, играли после войны, на лыжах катались много. Покупные лыжи были. Мать мне купила. Это Сергея Андреевича, покойничка, лыжи. Потом у Сереги Смирнова было пар двести лыж. Он в Пеньдиково нашел бункер полный лыж. Он все домой их перетащил. Немецкие лыжи. Мнето попались русские, потому что лыжи были простые. Освобождали Нурму зимой. А у немцев, видимо, были куда-то приготовлены лыжи. Но не спалили, не сожгли их. Остались. И вот Серега притащил их, продавал потом лыжи эти.

В лапту часто играли, в волейбол. В футбол почти что не играли по первости. На деньги играли в битку. В основном в лапту играли. Еще близко играли, мячиком надо было запятнать.

Еще я был ранен. На том берегу озера шли, картошку перекапывали. Идем и лопату впереди себя кидаем. Как следующий идет, и кидает. И лопату Витька Кучеров бросил впереди себя. И попал на что-то такое. Как взорвалось это дело, по ногам попало. Больно, испугался. Прибежали люди, забрали. Скорого поезда нет никакого, машины, лошадей нет, дороги все разбиты. Позвонили, прислали паровоз из Тосно, чтобы меня вывезти. Положили в паровоз, в Тосно привезли. А в Тосно в поезд посадили. Вагон освободили от пассажиров полностью. Туда втащили - и в Ленинград. А в Ленинграде уже скорая помощь подошла, машина грузовая, и увезла уже в больницу областную, на Комсомола. Там я два месяца пролежал. Несколько операций, были осколки, не вытащить было.

Но в больнице мыли, ванну принимал, и бабка голову мыла. Спрашивала, а я отвечал на вопросы. Это санитарка была. Клопов было много в больнице, так делали дезинфекцию - керосином опрыскивали. Все с кровати снимут, и все это обрабатывали в сетке. В больнице на Комсомола много лежало солдат, военных с фронта - кто раненые были, кто долечивались. Так они много рассказывали интересных происшествий, как воевали, как что. Помню многих.

Многие дети пострадали у нас. Миша Ковалев, Юры Ковалева брат двоюродный, тот сильно пострадал, ногу ему оторвало. Двоих убило. Это уже 1947-48 й год. Это здесь рядом. Олежки дом, сейчас тут двухэтажный кирпичный или бетонный построили, прямо на дороге их. Я прибежал, когда сказали, что взрыв был. Мы в поселке жили, а когда такое дело, побежал туда, посмотреть надо.

Я бегу туда, а навстречу дядя Сергей Смирнов, такой здоровый мужик. Он Иру Кареву на руках тащит. А у нее это место пробило. Заткнута полотенцем дырка. А куда тащил? На дорогу, на остановку? Тут ничего не было такого. Куда он тащил, не знаю. А дальше подбежал - Борька Козлов лежит, Лешки Спиридонова родня. На дороге лежит, кишки вылезли, синие такие кишки, пузырем, и кто-то подошел, тряпкой закрыл эти кишки. Ну, его увезли. Он все говорил: «Доктор, жить буду?» В Колпино его увезли, он там и похоронен. На следующий день умер, в Нурму не на чем было привезти, там и похоронили. Ира умерла, Боря умер, Миша сам инвалидом остался. А я когда подошел, он у матери, бабы Веры, на коленях лежит. Нога перевернута, пятка, где носок, впереди лежит, у матери на коленях, вот и все, такие дела.

И еще подрывались, были случаи. Подрывались вот там, где местное знамя, «У танка» называется место. Я был в больнице в это время. Везли на лошади какие-то бревна. Колеса сломалось у телеги. Раз сломалось, стали разгружать. Бревно взяли и бросили. И взрыв. А дорога лежневка была. И место, где там подорвались, было все заминировано. А мина противотанковая была. Груз должен быть весом триста килограммов, чтобы она сработала. Ногой наступишь - ничего не будет. А бревна кинули - от удара мина взорвалась. Лошадь убило, тех, кто кидал, тоже убило. Ротозеев прибежало: «Ой, ой!» И решили разгружать на другую сторону. Бросили бревна на другую, а там еще сильнее взрыв. И там

опять людей побило. Но я не был там и кого убило, сколько, не знаю. Вот такие дела были. Еще кого-то в Горках - ни то машина подорвалась, но не знаю.

Помню, как Нурму разминировали. Я тут участвовал, тут солдаты были, мы к ним ходили в гости. Они жили, где комбикормовый завод, где котельная сейчас. Внизу были поставлены палатки, и там они жили. Сюда на танцы приходили, к девкам. И потом одно время одни были минеры, потом дватри года прошло, и другие уже приехали минеры. Потом уже в сторону Жоржино на горушке жили, разминировали. Но они по лесу не ходили, а вот по полям здесь.

В то время миноискателей и не было. Рюкзаки были, а в рюкзаке батарея для питания, килограмм двенадцать носить надо было в рюкзаке. Ну, щуп самодельный, палка с проволокой и наушники. Постоянно я надевал их, постоянно сигнал дает. Пищит, пищит. Вот ходил где-нибудь, «пи-пи-пи». А как только наткнется на металл, прекращает пищать, значит ищи.

Ну, здесь они что нашли: где сейчас кафе в сторону Тосно с левой стороны, рядом водоем был, там нашли много снарядов русских от сорокапятки пушки. И потом в Тосно как ехать, километра два от Нурмы мостик такой маленький, там ручей протекает, там разминировали они.

Мне было шестнадцать лет. Я пошел в Тосно паспорт получать. Документы взял и пошел. А на обратном пути шел, курил. И как раз у этого мостика они разминировали. Но был перекур, и я как раз махорки у них закурил. У них было много мин противотанковых из ручья, из водоема натаскано, помню это хорошо. Немецкие мины. Это уже был 1951-й год, наверное. Я помню это, я перекурил и пошел дальше.

Оружие мы находили. Первое в Нурме нашли. За баней в лес пошли и пулемет нашли. В лодкеволокуше пулемет Дегтярева. Лодка-волокуша - это фанерная лодка. Обычно раненых таскают и продовольствие. Этот пулемет стоял. Мы этот пулемет взяли и притащили домой. Притащили домой, а затвор нам никак не оттащить было. Дергали - никак. Пошли за Сашкой Григорьевым. Он в Горках, сам 1929 года рождения. Пришли, его позвали. Он быстро догадался, топор взял и топором отбил затвор. Мы несколько раз стрельнули из этого пулемета. Потом последний раз стреляли, и Сергей Смирнов шел с обеда. Услышал выстрелы и прибежал. У нас забрал этот пулемет, выкинул его в карьер, в болото. Мы за ним шли, куда он его денет, прятались от него. Он дошел до карьера, с плеча в воду бросил. Там и лежит до сих пор. А куда он денется?

Ну, потом винтовки находили, автоматы находили. Немецких автоматов ни одного не находили, пистолетов тоже. А в основном было мин минометных много, патронов, ленточные патроны ящиками были. Этого хватало добра. Гранаты немецкие были. Много было, ящиками. «Толкушка» назывались. Касок было много. У меня каска есть немецкая, полно их было.

А вот уже находили винтовки и автоматы, ремня не было. Противогазов было много, немецких - цилиндры такие. Тоже ремней не было. А на касках все ремни были целые, такой маленький кусочек, кому он был нужен? Я теперь уже начитался в книгах, что солдат убитых раздевали.

И я сейчас вспомнил, что, когда мы трупы находили, никогда не было на них ни сапог, ни ботинок, не шинели. Голые. Ну, кости уже были. Мяса уже не было. Хоть бы шапка была. Ничего. Лежит: позвонок, голова и кости - ни валенок, ни сапог. И много таких не захороненных находили. Больше всего за баней. Наступали наши со стороны Шапок.Вот на Гладком болоте нашел только масленку, масло два рожка - оружие чистить, а труп голый. Немцев трупов не было тут. Единицы были. За кислым болотом у пулемета немец лежал, тоже ничего не было из одежды.

А я с одним в Ленинграде работал, он работал в подмастерьях у сапожника. С фронта был мужик, с ранением инвалид. Он был сапожником. И дали пацана ему обучать и помогать. Так вот, он говорит, что валенки сшивали разрезанные. Привезут такое рваное все, а они вот сшивали все. Ну, где взять столько.

Вот здесь за линией, я сам эту ямку видел, а за Нечепертью и в Жоржино. И там два ящика патронов мы взяли. Винтовок мы не нашли. Так эта ямка и осталась. Потом не интересовало. Мы не копались. А там уже кусты, снег пошел. Заросло все. Потом мелиорация пошла. А мелиорация пошла, из армии пришел, трактор работает и работает. А чего я пойду там делать? А потом уже началось. Я Масольчику рассказал, где. Солдаты в яму были сброшены и чуть присыпаны землей. Может быть, от снаряда яма была, может, копали.

Я в поселке Горки бегал, и мужчина подошел. Такой черный, здоровый. И говорит: «Слушай

мальчик, не знаешь, где тут захоронение на горковском поле?» Я говорю: «Нет, не знаю. Такого нет, что обелиск стоит или что-то. Не стоит!» «А у меня тут брат погиб, а мать сидит в Тосно на вокзале, если найду, я ее доставлю сюда!» Я говорю: «Нет!» И он уехал, а через месяц мы нашли захоронение. Так бы я привел его. Я адрес не взял его, и карандаша-то не было у меня. Не стал бы и записывать.

А как перезахоранивали из Нурмы в Шапки, я не помню, потому что я как раз раненый был. Говорят, экипаж на Горки с правой стороны. Там из досок обелиск был сколочен, и как раз захоронение там было, ну, тумбочка со звездочкой. Кто-то в войну сколотил, когда хоронили. Еще разговор ходил, что кто-то видел, что там даже женщина была в танке в экипаже. И как раз захоранивали, когда подорвались на лошади. А я был в больнице, я там не участвовал. В этот период как раз стали выкапывать и захоранивать в Шапках, этот экипаж танковый выкопали.

Только я запомнил то, что с этого танка пулемет Дегтярева уже сняли. Он был помятый, но пацаны утащили. Мотора не было на танке. Куда он делся? Мне сейчас запомнилось, днища не было - отвалилось. Башня была целая, ствол был целый, коробки передач не было, двигателя не было, из гусениц ни одного трака не было и звездочек ходовых не было. Куда они делись?

В 1944 году освобождали, зима, ну что будешь с мотором там делать? Я сам водителем был. Траки были дефицит, подобьются, менять нужно было, и звездочек ходовых не было. Значит, танкисты сами сняли. А потом, когда минеры были, этот танк взяли и взорвали. Стоял он - весь корпус целый, я как раз шел около переезда. Они как грохнули! Заложили взрывчатку, башня подлетела и стволом в землю попала. Сейчас там к железной дороге асфальтная дорога проложена к пункту диспетчера. А эту башню никто не возьмет, а кранов тогда не было. Приехали на тракторе газом резать. И помню, Колька Ефимов, я был, Витька Петров, стали смотреть, как резать будут. Лом понадобился рабочим, а у Колькиного отца был лом. Они говорят: «Принеси!» А у них были лыжи. «Дайте, - говорит, - на лыжах съезжу!» Договорились мы, что возьмем лыжи и поедем. Ну, короче говоря, удрали. Витьку Петрову нашли, он рассказал, кто взял лыжи, и отобрали лыжи. Вот этот танк они резали кусками и руками на сани-волокуши положили. Какие куски по сто килограммов, какие - по двести килограммов, вот так этот танк пропал.

Потом на угольных, в конце кладбища, была пушка. Это правее, там дачи теперь. По-нурминскому так называется - «угольное». Где Малиновка, там «пеньки» называли. Коров, когда пасли после войны, «пеньки» называли. В лесу же пасли коров, на поле не давал совхоз. Туда в обед коров пригоняли, и хозяева приходили, доили коров. А от «пеньков» влево уходило кладбище. К Лаврентьеву заводу уходила эта тропинка. Там пушка немецкая стояла, ее разрезали тоже. А больше не было техники, немцы не оставили ничего. А у нашей пушки под Нурмой в конце ствол был оторван, сорокапятка валялась. Больше не было ничего.

Мы свои находки в секрете держали, потому что, если доходило до взрослых, то приходили и пугали, что заберут вас в милицию, отдайте. Ковалев был Николай Иванович такой. И его сын Миша Ковалев у меня спросил ППШ автомат: «Дай сходить в лес!» Дал ему, он стрельнул несколько раз. И его засек Маши Кондратьевой брат. Пришел, отобрал у него.

Валентин Кузьмич был мужчина один. Он с медалями ходили, одна или две медали. Только помню разговор, что он пьяный в Рыбацком упал в лужу и умер. Правда, или нет - не знаю. Разговоры только. А самой старой была учитель Наталья Федоровна, седая такая. Замятина Наталья Федоровна была заведующей школы. Она здоровая такая, грозная была. Я плохо учился, хвастать не буду, пятерок у меня не было.

Да, чего-то находить было интересно. Пропадали после школы - по лесу ходили, по бункерам лазали. А бункеры везде по лесу были. Я считаю, что их русские делали. Немцы так не делали, они делали комфортнее. К Нечеперти русские были в основном. Оттуда шли через Синявино на Нурму.

По архивам считается, что они шли вдоль речки Гурловки, к Нечеперти, а потом к Нурме, видимо, по лежневке без разведки и попали под немецкий огонь. Это восемнадцатая стрелковая дивизия. Лежневка у них была до Нечеперти сделана. Колонной шли, потому что думали, немцы наступили. А у немцев тут пристреленные рубежи, у них было оставлено прикрытие, и восемнадцатая понесла потери.

Дорога лежневка была от нашего дома через переезд железнодорожный, дом Карповых стоит, можно сказать, на этой дороге. И так она за ним и пошла по полю, а потом круто направо поворачивает, на Жоржино. Два моста были сделаны хорошие, там низкие места где, на Жоржино, и от Жоржино на

Нечеперть, а где асфальтная дорога - железная дорога была у немцев, вот сейчас асфальт.

Мы приехали уже в 1945 году. Ни одной шпалы, ни одной рельсы не было. Я потом узнал: солдаты пришли, разобрали и увезли на Московскую ветку этот материал. Ничего не было, нам не попадалось даже заклепки, вот такие дела.

В Нурме я закончил четыре класса. Пятнадцать было человек, если не больше, а потом в Тосно. В Тосно отучился два года. Там жили на Балашовке. В одном время ездили, в одно время жили там. В общем хорошего было мало, учись, как хочешь, жрать себе сам готовь. Плита тоже одна, как в общежитие, а дрова как - не помню, сами искали или давали. Ходить было далеко: от моста шоссейного и к рынку сюда ходили. Да еще жрать было нечего. И матери нечего было дать. Ни магазинов, ни денег - ничего.

Да, я сейчас говорю, как семьям дают гуманитарную помощь. Нам-то никто ничего не дал. Ничего. Как хочешь, выживали. Ни бани, ничего.

После войны совхоз был. Совхоз Ушаки, как и сейчас, одно время было подсобное хозяйство. Свиней держали. Работала и там недавно умерла Крысанова Валя из Горок. Ее мать работала, они там и жили. Довоенный чей-то частный был сарай какой-то. Там проживали, подсобное хозяйство там было, поросят держали, коров не было. А потом был совхоз Ушаки. Характерно то, что выкопают картошку, а потом приходили мы - собирать и перекапывать. Так на лошади верхом приедут, гоняют. Нарочно что ли делали - умирайте и все.

Дико прямо. Что у русских за такая манера: выкину, но не дам тебе. Дурь какая-то. Скотину стали давать, покосы не давали. Кто мог из Ленинграда возили. Коров только в лесу пасти, в глухом лесу. Заставили уже при мне в 60-х годах от кладбища нурминского загородить жердями, а то коровы отходят по сторонам, траву жрут. А надо, чтобы по прогону шли прямо в лес. А я уже работал шофером, так привозил сено. Машину просили, выписывал, справки делал, что вот я взял, накосил, в Купчино косили, в Сортировке, люди косили. А потом, кто на железной дороге работал, уже выделяли землю в Славянке, а в Нечеперти на охоту ходил, так поля все оставались. Вот где сейчас каменный дом в совхозе в Горках двухэтажный, примерно метров сто вглубь шлагбаум ставили и будку. И там сидел сторож. Повезешь оттуда - закрыт. Шлагбаум попробуй сломай. Там тоже участковый, привлекут к ответственности. Если там украдешь, все отбирали.

Помню у Чулковой Тамары был муж Анатолий. Толя такой был. Тоже корову держал. Сено уже заготовил, натаскал на коляске потихоньку. И уже осень, отаву косил. И идет по дороге, отаву везет. Останавливается машина: «Куда везешь?» А он так: «Какое твое дело? Что, каждому докладывать?» И матом. Ну и все, машина проехала. Он поехал и коляску завернул. А они остановились и смотрели, куда. И приходят уже с участковым. А это директор ехал из Ушаков или парторг. Пришли: «Документы на сено!» А у него сено на чердаке, а документов нет. «Отобрать сено!» Приехали на лошадях. Стали сено отбирать. Он слезами. Участковый говорит: «Срок получишь!» И отобрали. А мы тут тоже косили, тоже приехали на машине, взяли охапку и забрали. Ну, видят, берут. А как скажешь: «Мое, куда берешь»?

Особенно голодали с 1945 до 1948 года. Помню, матери дали талон на ботинки, не было в магазине, хоть и деньги есть. Не пойдешь и не купишь. Пошел в Тосно пешком. Пришел в магазин, талон отдал. И дядька какой-то сзади. Ну, справедливая женщина, нет? Говорит: «Мальчик вперед вас!» Одна, наверное, была пара.

Потом косу ходил покупать. Косить-то надо. Козу купили. Тут, на торфу, давали какие-то участки косить. А дадут, какой-нибудь наглый мужик обкосит еще, прихватит. Чего стоит бабу обмануть или меня, пацана?

А козу купили у бригадира Полякова Никанора Ивановича. Он в Никольское потом уехал, здесь работал, они жили, где Саидова Маша, рядом, тот дом и сейчас там. У них была коза. Они продали. Пасли коз в лесу тоже. Тут уже хлеб появился. Банку молока - литр или пол-литра, кусок хлеба имели. Уже нормально. Мать уже бутылку наливала и на работу брала. Потом одну курицу купили, а потом стало больше кур. Потом яички были.

Потом в 1953 году я пошел работать на завод «Большевик». Восемнадцать лет мне было. Двадцать пятого августа устроился, с восемнадцати лет пошел, а там меня с «Большевика» в армию забрали, прослужил в армии, приехал опять сюда.

В городе не имел ничего, общежития не имел, ездил сюда ночевать. На работу никуда не брали, после блокады не было ничего. Что в Германии был в оккупации — скрывали. Анкету заполнял - не указывал. Тем более «Большевик» - военный завод. Я на «Большевик» по блату попал. Еще и не брали.

Ни на Ижорский завод, никуда не устроиться было, это только разговоры, что пришел - и все.

Сестра хотела в ремесленное училище - никуда не взяли. Там таких миллионы были без работы. Пацаны везде бегали. Вот тут в Нурме сколько - никто ничего не получил. И в общежитии жили, считанные два-три человека. Вот Веры Макаровой брат - он прописался в 1946 году в общежитие и до 1985 года. Так дали в Колпино, Козлов тоже стоял, а остальные все нурминские - так не дали жилья.

Хотел водителем устроиться - тоже никак. Дают машину, а она разобрана вся: кабина валяется, рама, ни одного колеса нет. Собирай и работать будешь. Она не заводится. В такси не брали, в автобус не брали с загородной пропиской. В дальние рейсы вообще, можно сказать, не брали. Потом хотел на авторемонтный завод устроиться на улице Фрунзе. Ремонтом машин заниматься. Там мастер ОТК садится в отремонтированную тобой машину, и ты с ним едешь. Тоже туда не берут - должен в Ленинграде быть прописан.

В Тосно гаражей ни одного не было, автобуса никакого не было. А воительскую специальность в ДОСААФ приобрел. Выпускали - и все, иди. При коммунистах ДОСААФ были. Выучил, права получил. Три месяца, по-моему, учились, чтобы права получить. Потом в Тосно-2 мост делали. Я туда песок возил. Такой был Антонов Алексей Иванович мастер. Я говорю: «Алексей Иванович, узкий мост делаете!» «Не твое дело, тебе надо инженером работать, а не шофером!» Потом он умер. Он никто. Конечно, ему как сказали ширину, так и делал. Здесь дорогу через Иголинку вели. Взяли трубу такую и положили. Я говорю: «Что вы делаете? Весной такой паводок идет!» «Иди на фиг!» Ну и как весна пришла, всю дорогу смыло. Теперь они думают, речушка - что канава, а из леса туда столько воды идет.

За Горками, перед Жоржино, был бункер на горе. Плита стоит в наклон. Там мину взорвали. Так плита вывернулась и так стоит. К лесу ближе туда, там не было мин, гранат, винтовок - ничего не было. За Жоржино были русские бункеры, а так не было там. В прошлом году Фокин подослал одного мужика, чтобы со мной встретиться. Говорит: «Брат у меня в Кантулях погиб, есть там захоронение?» Я говорю: «Нет, как зарывали, выкопают, где попало, и зарыли, а то так бросали в канаву». Нет там обелиска. Нет и где Синявино, Невский Пятачок. Какие там захоронения - так бросали.

Вот Федя Минаев рассказывал: послали похоронную команду таких молодцов - человек по двести в яму закапывали. Кто найдет проволоку - тащит, а кто палку сломает, зацепит за что-то - и волоком. Силы не было таскать на себе или на носилках. Так, по грязи или по снегу тащишь, затащил в кучу - и бросил.

В Нурме не было похоронных команд, тут, я помню, так валялись черепа да кости. Из армии когда пришел, ходил на охоту, иду - череп валяется. Я мох раскопаю и мхом закрою. Человек все-таки. За баню как в лес ходишь и до самого торфоболота много было. Там, где казарма дальняя железнодорожная в кустах на помойке, было много медальонов немецких, мы не знали, что это такое - алюминиевые с номерами. Это сразу после войны. А кто их выкинул и зачем они там? Мы не знали, что это за медальоны.

В Бабино было кладбище немецкое. Там оно, наверное, километр на километр. Там работали женщины - песок сеяли, цветы сажали. Я, когда здесь работал, возил дробину с завода «Степан Разин», а там были с «Восхода» шофера. Пока ждем очереди, болтали. И говорили, что дома стоят на том кладбище, так там немцы приезжают из Германии, платят деньги: дома перемещают и выкапывают трупы свои. Я не проверял, так говорили. А там же, где вторую ударную окружили, там же много трупов было, конечно, немцев мало били, но откуда-то их доставляли.

Пока мы жили, по реке Равень на моторных лодках раненных привозили - это я сам видел. Плотина была у моста железнодорожного, дальше лодке не пройти, тут их носили в машину и возили в госпиталь. А госпиталь был, где до войны была десятилетка. В Бабино школа была, там был у них госпиталь. Вот умирали, и на этом кладбище хоронили. А может, с фронта привозили. Там один раз был разговор, что крупного чиновника убило. Посреди кладбища его похоронили и поставили стелу такую, цветы в горшках кругом. Сколько-то пробыл, а потом увезли в Германию. Как проверишь, увезли или нет. Народ болтал, что увезли. Командующий был какой-то. Выкопали и увезли.

Госпиталь был, где сейчас фабрика «Север». Вот здесь еще было кладбище. К Саблино ехать, где бетонка, там тоже карьер. Мост сделали, озеленяли, там тоже было кладбище у немцев. А здесь, у церкви, из госпиталя хоронили. В Нурме не было кладбища ни русского, ни немецкого.

Еще говорят, что рядом с домом Шурыгина, это Жора Абрамов рассказывал, что был немец похоронен. Он возил на лошади почту. На борах стрельнули, и лошадь его притащила сюда. И

похоронили его, где пруд, в деревне, не доходя Ижоры, с правой стороны пруда.

Юра Ковалев рассказывал, что за малешкой похоронили офицера. Поймали офицера, еврея какого-то, политрука. Тоже расстреляли и туда зарыли, а кто зарыл, не знаю. Может, сами немцы, а может, жители. А потом здесь у поворота на станции трех немцев похоронили. Тоже елочки были посажены. А елочек сейчас нет, вот где-то тут. А тут же была железнодорожная станция и ветка на Нечеперть. Самолеты бомбили, и трех немцев убило, здесь похоронили.

Суровикова Мария Степановна

Я, Суровикова Мария Степановна, родилась 2 октября 1936 года в Куйбышевской области Сергиевского района, поселок Дачный. В Красный Бор я приехала в 1956 году, 23 января вышла замуж. До замужества я там работала шесть месяцев в Сергиевском районе в семилетней школе пионервожатой, еще вела уроки пения. Потом вышла замуж. Приехали в 1956 году 23 января, мы приехали в Ульяновку и жили в Ульяновке. Потом, когда я устроилась на работу, из Ульяновки переехали в Красный Бор, снимали на Народной комнату в частном доме.

В школу я пришла 17 сентября 1956 года, школа была семилетняя деревянная, ее привезли и собрали из старья в 1948 году. Отопление было печное, в классах были печки, так мы работали. Директором тогда был Гордеев Семен Александрович. Затем, когда жители возвращались из эвакуации - строили дома, дети рождались. И в эту школу не помещались классы, приходилось арендовать классы в частных домах. Частный дом арендован был на проспекте Ленина, на Культуре, на Марата и на Красноборской улице - вот сколько было. И в этих арендованных помещениях были начальные классы, затем начали строить на девятой дороге школу.

Учителей было не так много. Работала у нас учителем Валентина Антоновна Перямкова, Кустова Анастасия Ивановна, потом Нина Ивановна в начальных классах. В старших классах русский язык вела Лидия Владимировна, Герта Михайловна Петрова - тоже русский язык. Таисия Федоровна математику вела, Владимир Федорович вел физкультуру, Маргарита Георгиевна историю вела, географию вела Петрина Вера Васильевна. Вот начинаю вспоминать сейчас, кто вел немецкий язык - не помню, из города ездила женщина. В школе был только немецкий язык.

Все мероприятия культурные мы организовывали в Доме культуры, который тоже привезли. Он был деревянный, потом сгорел. Школа была маленькая, коридор узкий, потому все мероприятия в Доме культуры проводили. Проводили праздники пионерской организации, выходили 19 мая по ту сторону линии, была площадка, мы там праздновали день пионерской организации. А все остальные мероприятия праздничные в Доме культуры.

Занимались озеленением. Улицы все немцы сожгли. В первую очередь стали сажать деревья по улице Культуры, потом парк около вокзала восстановили. Советский проспект, Красноборский проспект, улицу Боскова - это все мы со школьниками озеленяли. Сажали деревья, привозили из леса. Вот этот парк - все нами школьниками посажено.

Каждый год 9 мая мы занимались восстановлением кладбища. У нас дружина была имени Панфилова, а он был летчиком, его подбили немцы в Подобедовке, там он был похоронен, мы перенесли его прах. На Красноборском кладбище могила его так и есть. Ухаживали со школьниками, ухаживали за всеми братскими могилами. И на Красноборской улице которое находится, на Карла Маркса - это все тогда делали мы. Ходили, убирались, сажали деревья, сажали цветы, за могилами ухаживали. Потом через военкомат много находили сведений о погибших солдатах

С родственниками встречались очень много, с матерью Панфилова. Они жили в Москве, мы ее приглашали, устраивали праздники. Были встречи с участниками войны, герой Советского Союза был Блинников, вот мы с ним часто встречались. Он в Тосно жил. Поэт Дудин воевал здесь в Красном Бору, мы его приглашали. Интересных встреч у нас было очень много тогда. Очень много. С участниками войны, которые воевали в Красном Бору, с родственниками тех, которые здесь погибли. Занимались розыском. Помню, один раз мы захоронили тринадцать гробов, собрали останки и тринадцать гробов сразу захоронили. Музей Великой Отечественной войны создали. Собирали материал, но музей уже в основном был на Девятой дороге. Очень много встреч было с интересными людьми

Металлолома много собирали, макулатуру много собирали. У нас был объявлен конкурс между классами. Кто первое место занимал, на линейках благодарности вручали и экскурсии куда-нибудь за счет денег, что получали за металлолом. Кружки были, была лыжная секция - Владимир Федорович занимался. Танцевальный кружок был, я сама его организовывала. Больше не было кружков, не было в этой школе условий. Негде было. Школа в две смены работала, и даже в этих арендованных зданиях тоже в две смены. Параллельных было много классов, потому в две смены работала школа.

Мы помогали строителям строить школу на девятой дороге. С учениками ходили и кирпичи таскали. И потом, когда школу сдали, благоустраивали территорию: сад сажали, спортивную площадку сами делали. Потом здесь уже на Девятой дороге была восьмилетняя школа. Здесь, конечно, было

лучше, был спортивный зал, все мероприятия проводились в спортивном зале - все линейки дружинные и вообще все. Подводили итоги каждый месяц, какой отряд получал первые места.

Дружина работала, так и оставалась дружиной Панфилова до конца. Школьников часто вывозили на экскурсии, в туристические походы ходили со школьниками. Четвертый, пятые классы - на трехдневные, которые постарше - на десять дней ходили. Во Дворец пионеров часто ездили. У меня же награда из Москвы: я лучшая вожатая. Это уже в новой школе было, на Девятой дороге. Награду вообще вручали в Тосно на учительской конференции, какой год, я не помню.

Я работала до 1969 года. Тринадцать лет, или сколько там, в 1969 году я ушла. Я начинала работать с Гордеевым Семеном Александровичем, потом директора менялись. Потом был Самауков - он до войны работал директором средней школы, с ним я работала, потом директором был Воронько Олег Георгиевич, Белоусов был последний директор. При нем я уходила. И еще был директор, он работал завгороно, потом стал директором.

Евграфова имела звание «заслуженный учитель», Таисия Федоровна тоже заслуженная учительница, имели звания. В Тосно жил и работал завгороно, Горбо, по-моему, его фамилия, а потом, когда Самаукова убрали, его поставили. А потом он заболел, у него был туберкулез, он умер. Временно был Князев Евгений Петрович, он физику вел, он был временно исполняющим, а потом Воронько. А потом Воронько повысили, он был завгороно, и Белоусов пришел.

Маргарита Георгиевна была завучем. Киселева Маргарита Георгиевна была завучем по старшим классам, а когда перешли на Девятую дорогу, там завуч еще был в начальных классах - Новикова Нина Николаевна. Потом она была председателем горкома профсоюза. Она потом в Тосно работала в гороно, все правильно. Белякова Валентина в библиотеке работала. Ну, вообще коллектив у нас был очень дружный, сплоченный такой.

Открытых уроков было много. Преподавали больше всего в начальных классах учителя. В основном открытые уроки Евграфова преподавала. Сильный была учитель, потом в гороно работала, потому что у нее признали что-то с легкими, и ей с детьми не разрешили работать. Она на пенсию ушла оттуда из гороно. А в старших классах больше давали открытые уроки такие учителя, как Таисия Федоровна, она математик, а физику Евгений Петрович Князев вел. Ну, а тут остальные учителя менялись - биологи, химики, их присылали из города, они долго не задерживались. В основном вот этот костяк был.

Белякова Таисия Федоровна, Бабкина, Суворов Владимир Федорович - все до пенсии доработали, Евграфова Нина Ивановна. А остальные все, кто уходил. Сначала Юлия Ивановна - с ней работала, она тоже математику вела, когда классы уже увеличивались. Русский язык еще Лидия Владимировна такая вела. Она 1922 года рождения, вроде.

Родительские собрания были. Родители появлялись в школах на собраниях. Меня потом Горбо уговорил классное руководство взять. Новые учителя молодые приходили, не справлялись с седьмыми классами. Меня уговаривали, и я вела классное руководство. Мне приходилось ходить по родителям. В основном учителя в контакте с родителями были. Сами ходили, посещали, особенно когда были трудные дети. А трудные дети были после войны на Культуре. Школу когда открыли, много переростков было. В первые, вторые классы приходили после десяти лет. Но семь классов все заканчивали. Вечера хорошие устраивали, торжественно все было. Даже на Культуре всегда торжественные выпускные вечера были.

По тем временам на Культуре, конечно, школа была бедная после войны. И не оборудована никакими пособиями. А когда перешли на Девятую дорогу, здесь уже были пособия, оборудование. Было все: кабинеты были - кабинет физики, химии со специальным оборудованием. Учителя говорят: самое главное - доска и кусок мела.

День учителя всегда отмечали, было очень торжественно и хорошо, банкет устраивали, торжественную часть устраивали. В основном эти учителя принимали участие, учителей наряжали в форму, в галстуки. Таисия Федоровна с барабаном ходила, Елена Ивановна с горном. Вспоминали детство. Комсомольская организация была у нас хорошая. На Культуре была комсомольская организация, но там мало было комсомольцев, в основном большая комсомольская организация была уже на Девятой дороге.

Было хорошо, так хорошо! Все с рвением шли в школу, ждали первое сентября, встречи с учителями. Коллектив небольшой, но дружный был. Со всеми учителями я тоже была в контакте, потому что мне приходилось со всеми классными руководителями работать. Всякие мероприятия проводили, как, например, Дружба народов. Каждый класс готовил какую-нибудь республику в костюмах, концерты устраивали, интересно было.

Учитель музыки у нас был Владимир Вячеславович, он преподавал у нас на баяне, потом ушел - они уехали с женой. Хор в школе был, когда уже взяли музыкантов.

Школьная форма была такая: платье коричневое с белым воротничком, с белыми манжетами и черный передник. Парадная форма была - белая блузка, черная юбка и все. Пилотки были. А у мальчиков - белая рубашка, черные брюки. А обычная форма - они ходили в темных рубашках. Пионеры в галстуках ходили, комсомольцы со значками, вот. Если вечера устраивали в школе, то никаких нарядов, только в школьной парадной форме.

Да, строго у нас было. Но Гордеев Семен Александрович не только строг был с учениками, строго был с учителями: губы красить нельзя, макияж никакой нельзя. Не разрешалось. Одежда должна быть или черный костюм, или черной платье - строгая одежда. «Пример вы показываете школьникам!» Он строго относился к этому даже летом. Я однажды пришла в открытой такой блузке типа футболки. И он меня выгнал переодеваться.

Девочки ходили с косичками, с бантиками, мальчики были подстрижены. Мы проверяли, даже руки проверяли, чтобы ногти были пострижены, руки чистые. В классах было самообслуживание, в классах убирали, мыли сами. На приусадебном участке летом работали.

У нас биолог была сильная такая - Петрова Мария Васильевна. Она из города ездила, ей администрация отвела место, и там эксперименты проводили: выращивали на выставку и снопы, и тыкву, овощи - все на выставку возили в Никольский Дом культуры. На районной выставке мы первые места занимали, у нас биолог была строгая такая и умница такая большая, и вот там мы работали. А около школы выращивали в основном цветы. Новые деревья были посажены, они и сейчас там стоят – яблони.

На Девятой дороге для питания детей был организован буфет привозной. А на Культуре ничего не было, дети со своей едой приходили. Стоял в коридоре титан, можно было горячей воды набрать, кипятка налить. А так нет. А что можно было взять? Пирожки, винегрет, ну, сардельку заказать можно было, а привозное все было, из столовой привозили.

Продленка была, я там два года работала. В радиоцентре снимали, в клубе помещение, и в столовую водила детей питаться. Специально готовили на них, многодетным были льготы, а которые так - собирали деньги, и я платила. Горячим обедам кормили.

Все пережили! Грязь месили, и в сапогах резиновых ходили. Ни одна дорога не была асфальтирована, здесь по Культуре от вокзала были положены доски. Настил из досок. А по остальным дорогам ходили в сапогах резиновых.

После войны все разбомбили, все в руинах было. В 1956 году возрождалось еще. Возвращались из эвакуации в это время, стали брать в банке кредиты, дома свои восстанавливать стали. А так только один дом был в Подобедовке, там жила Денисова, ее немцы не тронули. Там всю войну прожила, там был ее дом. А прежде в Подобедовке много народу было, там же был поселок большой.

Нижняя Подобедовка и Верхняя дорога - все наши дороги с Первой по Одиннадцатую все Подобедовкой считается. В Нижней Подобедовке ничего не восстановили. Там только останки поднимали. Тельмана распахали и ничего не восстановили. Почему мы останки Панфилова и перенесли на Степановское кладбище. Мы сделали подход к могиле к приезду матери, а потом нам пришлось перенести останки. Там стали пахать поля, и мы перенесли. И поставили ему обелиск, он сейчас тоже стоит на Красноборском кладбище.

Сухова (Шитова) Надежда Михайловна

Я, Сухова Надежда Михайловна, девичья фамилия Шитова. Родилась двадцать второго мая 1940 года в Тосно по улице Ленина, дом 91. Родители мои: мама - Екатерина Алексеевна Шитова, папа - Шитов Михаил Александрович. Мама находилась дома, не работала. А где папа работал, я не знаю.

У мамы было шесть детей. Я шестая, а седьмая Валентина родилась - 30 ноября 1941 года, уже немцы в доме стояли. Шитов Александр 1928 года рождения, сестра Мария 1930 года рождения, 1932 года рождения Елена, Евгения 1934 года рождения, 1937 года рождения Сергей, 1940 года рождения Надежда и 1941 года рождения Валентина. Кто роды принимал у мамы, не знаю даже. Приходили бабки или нет. Умерли уже два брата и две сестры, осталась в Москве Евгения. Валентина и я, 1934 года рождения, 1940 и 1941 года остались.

Война. Двадцать второго июня 1941 года отца призвали в армию, а в августе уже Тосно заняли немцы. И пришли квартироваться в наш дом. Они заняли первый этаж, большую комнату, в маленькой комнате деда с бабушкой оставили. Дедушку звали Александр Яковлевич, он дожил до 1963 года, бельмо на глазу было. А на втором этаже - мама, шесть детей, и седьмой ребенок в ноябре родился. Они к нам наверх не приходили.

Этот дом наш фамильный - Шитов дом. И деды или двоюродные или родные строили этот дом. Две капитальных стены, видно, что дом разъезжался. И были обе стороны Шитовы. И в 1931 году дед Александр Яковлевич подписал отцу дом. У меня была справка. Вот половина: ровно в три окна, низ и верх.

Я помню, что в нашем доме были две русские печки: на втором этаже и на первом. На втором, где мы жили, до 1953 года печку сохранили. К нам записывались к Пасхе печь куличи. Я часто на этой

печке оставалась спать. Там пальтишки были брошены, печка топилась, было тепло, я там спала часто.

Как в войну мы жили - ничего не помню. Мама не рассказывала. После войны все рты закрыли насчет этого. Только что брата 1928 года попросит немец помыть котелок, один даст кусочек какой-нибудь, а другой под жопу даст. Он придет — плачет. А мама говорит: «Сказала, не ходи!»

Как мы выжили-то? Чем питаться? В лес не пускают. Раз пошла группа в лес по ягоды. За ягодами собирались пять - шесть человек. А свекровь мамина взяла мою маму за шиворот и говорит: «Ты что, хочешь ребят сиротами оставить?» Ее вернула, а группа не вернулась. Не пустила свекровь мою мать. Кто говорит, что и наши партизаны могли их не выпустить, а кто говорит, что и немцы могли расстрелять.

А еще случай. Наш дом на Московском шоссе близко стоял. Наши бомбили дорогу, и осколок попал вот так с угла, на косую ушел. Пробил тонкую перегородку и в капитальную стенку ушел. А мы играли на полу, и никого не задело.

Мама рассказывала, как немцы жили в доме: были два дома наших соединены воротами, топитьто надо было же чем-то, круглая печка у нас была и русская печка. И вышел немец пилить эту воротину, чтобы топиться. Мама подошла, ему по спину рукой похлопала и говорит: «В комендатуру жаловаться пойду». Немец ушел, ничего ей не сделал. А она кого-то взяла, пошла пилить, он тоже подошел, похлопал: «Матка комендатура». Это мама так рассказывала.

Потом, говорят, дед Александр Яковлевич переживал, видимо, что кушать нечего было, а детей много. Он повесился. Его сняли, немцы же его вылечили. Его сняли ребята, они на Максима Горького

жили, немного родственники были. Сейчас в налоговой работает Баранов Владимир, заведует налоговой. Они были родственники, прадед или прабабушка и его дети. Уже были переростки по 15-16 лет, и вот они кричат, что Александр Яковлевич повесился. Но здесь его успели снять.

Внесли его в спальню, где бабушка жила, положили на пол. Вызвали немца врача, он ему чем-то пятки намазал и показал на часы, что в полночь брысь-брысь, вроде, кошек гонять будет. Ну, он когда проснулся, бабке говорит: «В туалет хочу». А ту-

алет у нас был наверху с коридора, а первый этаж - через улицу идти. Бабка его одела и повела. Аон говорит: «Чего-то пятки жжет». Она ему и рассказала, что он вешался, ему пятки намазали. Он так стал пугаться немножко потом, до 1963 года прожил. Белена на глазу, а читал, рюмочку одну-вторую выпивал.

Помню, когда нас отправили в Латвию, в Приекуле, вроде. Мама говорила, что приехали работников набирать, и всех разобрали, а у мамы куча детей. Рабочей силы нет, маму оставили. И мама говорит: «Я осталась здесь и плачу. Ребятишки здесь и есть хотят». Подошел мужчина: «В чем дело?» Она говорит - так и так. «А чего вы не уехали?» «А никто не взял!» «Понятно. У меня, - говорит, - нет хозяйства. У меня домик, две дочки - Зента и Велта, есть корова ,лошадь и жена. Ну, я выделю комнату вам, детей постараюсь пристроить».

Вот он брата Сашу пристроил возить хозяина на лошади. Саша любил лошадей. Саше тринадцать лет было. Потом и всю жизнь он с ними был. А сестры Мария, Лена и Евгения пасли скот. А с мамой были Сергей, Валентина и я. Ну, она, может, помогала по хозяйству. Тоже уже стали молоко да творог оставаться. Мама раз поросенку выкинула, хозяйка увидела. «Так не положено, скисшее можно в блины или еще что-то, а чтобы так вылить поросенку - нельзя!»

Помню, была такая сковородка: наливаешь, нажимаешь, и такими кубиками блины получаются. У них была такая ручная машинка, и блины были кубиками. Сметана была. А хозяин коммунистом оказался. Берзин фамилия.

Знаю, потому что после войны сестра Мария поехала в Лиепае, а Лиепае был заграничный доступ. Не доезжая до какой-то станции, садились на паровоз, и их довозили. Мамина сестра осталась жить в Лиепае и в паспортном столе вот эту Зенту встретила. Они были наши, какие они были русские, но считали, что он взял русских, пристроил. Кто-то говорит, что он прятался, а чтобы не сидеть без дела, надевал женскую одежду, чтоб сено убрать, коров почистить. Самые лояльные были латыши, потом эстонцы, а потом литовцы.

Еще рассказывали про Шурку. Было уже снятие блокады, только перегнали паровоз и погнали нас в эту сторону. А Шурка уже был пятнадцатилетий, большой. Он, видимо, ходил и где-то промышлял. Они увидели, как латыши прятали лошадей, какой-то сарай был двустенный. Когда наши пришли, Шурка им показал, где спрятали лошадей. Говорят, латыши его искали, хотели наказать. Так женщины в мешках, в тряпках его прятали.

После войны дом-то продавался, Некрасов его купил, он был начальником «Стройдетали». Получил потом жилье, когда дома стали строить. Потом продали - Рыжиковы купили. Рыжиковы построили себе – продали. И вот Хайкович купили и низ, и верх. Савелий был такой, Лазарь нашего возраста. И вот Вера с Лазарем жили на втором этаже, а на первом свекровь ее с братом.

Папа пропал без вести. А если отцы пропали без вести, ни копейки не давали. Мама не получала на детей. Брат на лошади работал в сельпо, развозил продукты. Пришел военком: «Саша, надо бревна привезти!» Строились уже все. Он говорит: «Не поеду, матери не дают пенсию до сих пор!» «Да как же так, отец погиб!» А потом документы поднял и говорит: «Саша, есть указ: без вести пропавшим на детей не положено». Мы не получали.

Старшие Лена и Мария пошли работать. И Саша работал. Ну, он пил. Но зато на работе лошадку умел

содержать. Как знали, что себе нальет и лошадке всегда поесть даст. И груз всегда привозил. Порядочный, честный. Продавщица одна приходит навестить его и маленькую приносит. Мама ей: «Что же ты принесла? Кому ты принесла?» «А что я ему принесу? Какую радость? Маленькую и закусон».

В 1954 году он умер. У него сердце больное было. В 2000 году старшая сестра умирает, теперь в 2005 году брат 1837 года рождения. А Лена 1932 года рождения умерла 8-10 лет назад, а мама умерла в 1983 году скоропостижно тоже, на 75-м году жизни.

Мы приехали зимой 1944 года, дом бы занят нашими, немцы ведь не выгнали. Почему никому не нравится: немцы не выгнали на улицу, а наши заняли и верх и низ. Сказали, что НКВД, был занят дом. Может, и меры поэтому не применяли к ним. У нас баня была, где сейчас стоит Дом культуры. Баня была на Максима Горького - по-черному, без трубы то есть. И вот мы там две зимы и жили.

Власти не преступили, в школу пошли, старшие ходили Лена и Мария, Саша, наверное, не ходил. А меня сколько раз выносили? Задохнусь этим дымом - вынесут, отдышусь, и снова внесут. Почерному топится, и дым идет в избу, хоть и дверь открыта. Так две зимы жили, и только в январе 1947 года открыли второй этаж, пустили. Вот это я помню, как я забежала из этой черной бани. В окошко поглядела, вижу напротив, где стоит горком, а здесь дома стояли - Чернышевы жили, у них сосны еще росли, зелень и сосны, до сих пор помню со второго этажа это все. Вот, второй этаж открыли, а на первом замок был повешен. Мама говорит: «Вы не попадете, ну и я не попаду!» Мама свой замок повесила на первый этаж. И когда вещи стали вывозить, им не попасть было. А у мамы были целы документы на дом. Здесь в прокуратуру, может, и вызвали, а у мамы документы, что дом подписан. И они стали выселяться и вывозить мебель.

Стали вывозить мебель, а мама стоит, плачет. А сосед вышел: «Катя, ты чего?» «Мебель вывозят!» «Твоя мебель?» «Моя!» Стал швырять мебель с телеги. Вышвырнул, помню, шкаф был, еще что-то выкинул, и стали мы там жить. На первый этаж потом приезжали маминого мужа дочки. Одна пожилая дочь, папина сестра, пока не выстроила дом, а потом замуж вышли.

Туалет был второго этажа из коридора прямо, он как бы стоял. А с улицы только первый этаж пользовался. Там, видимо, отделялось досками или чем-то. Выгребные ямы были. Выкачивали по весне. Во-первых, даже если помои собирали, весной шел участковый, чтобы ямы очищены были, забор покрашен, стояла бочка с водой, ящик с песком и горбыль висел на стенке. Это безопасность противопожарная.

После войны молодежь организовала между нашими двумя домами танцевальную площадку. Сковородка была. Между этим домом и нашим, а вот здесь скамеечка. Мама сидит, бывало, идет участковый: «Екатерина Алексеевна, доброго здоровьица!» Участковый, как сейчас помню, руку поднял,

сумка такая кожаная висит. Мама на этой скамейке сидела, всегда любила короткие рукава. «Мама, ведь холодно же!» «Нет, тепло!» Идет, и вот здесь была сковородка, гармошка играла.

А потом двоюродный брат, папиной сестры сын, Лешка, схулиганил. У нас квартировала женщина, которая делала дезодорацию, у нее была качалка такая и бочка воды. Он взял и облил с бочки.

А мама дождалась пособия по погибшему отцу. Это год был 1980. Она переехала из дома, ей дали однокомнатную квартиру. И был такой указ: «Дать вдовам, не вступившим в повторный брак, пособие за погибшего». Мы пропустили этот указ. Три месяца прошло, приходит Валя и говорит: «Есть указ такой-то, давай сходим!» «Да стыдно, столько детей! Что, мать не прокормим что ли?» «Нет, пойдем!» Пошли в архив, там все документы. Так мама плакала сидела.

Таран Лазарева Евгения

Я, Таран Евгения Лазаревна, Лазарева - моя девичья фамилия. Я родилась в 1940-м году в декабре месяце в деревне Дроздово, Трубникоборский район. Отца звали Лазарев Лазар Степанович, а маму - Родина Мария Федоровна. Они работали в совхозе. Бабушек и дедушек с нами не было, я их

1926 году бров сказ воде ли, ч нояб был

Лазарев Александр Лазаревич 1923-1944

вообще не знаю. Еще были дети кроме меня: старшая была Лазарева Вера, 1926 года рождения, Александр Лазарев – брат, который погиб в 1944-м году, был 1923 года рождения.

В 1941-м году его отпустили в Тосненский военкомат, он ушел добровольцем, у меня есть бумага даже. Ушел добровольцем, потому что ему сказали, что нас расстреляли в 1941-м году. Он работал на Кировском заводе токарем, собирался в мае приехать, посмотреть на нас. А ему сказали, что нас расстреляли. Он призван в ноябре, ему исполнилось шестого ноября восемнадцать лет, а девятнадцатого его забрали добровольцем. Он был в Ленинграде, был там ранен, лежал в госпитале, это мы только потом узнали по интернету. Мы вообще ничего не знали про него, а он про нас. Он так и не знал, что мы живы. И он, хотя его комиссовали, ушел на фронт, только там узнал, что мы живы. Служили деревенские с ним, ему сказали. В 1944-м году он в Венгрии погиб.

Лазарева Надежда Лазаревна, Лазарева Елена Лазаревна, Лазарева Нина Лазаревна, Лазарев Михаил Лазаревич.

Были деревни, когда были большие очень расстрелы. Расстреливали немцы жителей. У меня там, где жили мамины двоюродные сестры, многих расстреляли. Двоюродных теток расстреляли. Мама умерла у меня в 1961-м году, а отец - в 70-м году. Так что разговоров у нас не было. Под конец только, сестра кое-чего рассказывала - и то мельком.

Мне рассказывала самая старшая, остальные вообще молчали. Рас угнали, потом было не устроиться на работу. И помню, поступали в кулинарку в 1958-м году, и то писали а анкете, что мы нигде не были и ничего с нами не было. Иначе никуда не брали.

Мы все были угнаны. Я самая младшая была. Обратно приехали в 1945-1946 году. Нас в Тосно сюда привезли. В деревню мы не вернулись, немцы сожгли дом, все сожгли. Вообще вся деревня со-

Померанье

жжена была. Были дома, оставшиеся, наверное.

Я только помню, что дали землю, 12соток. Отец забил четыре кола, и это оборона раньше была: первая, вторая оборона, дальше туда. Назывались обороны, что рыли оборону. Эту землю пластами укладывали и смазывали коровьим навозом с глиной.

Здесь мы прожили. Из Латвии мы приехали, нам дали за хорошую работу корову. И вот благодаря ей мы все это лепили. Ну, молока мы не видели. Надо было все сдать, так

что только навоз был. И соседи до сих пор вспоминают, что всегда приходили за навозом. От коровы один навоз только оставался. Столько лет прошло.

Вот когда уже Сталин умер, стало полегче. А то, бывало, идем, несем бидон молока по полю, а нужно было сдать. У речки молокозавод был. Идем и плачем с сеструхой – нам-то тоже хочется молока. Это ужас. Так вот, бывало, картошку сажаем, мама скажет: «Вы смотрите, чтобы было два ростка!» Шелуху, клали, чтобы было два росточка. В лунку кладешь, так разглаживали, чтобы ровненько было. Вот это хорошо запомнилось.

Но было как-то весело, и на улице тоже. Не знаю, не то, что сейчас. Правда, все время на улице проводили. Потому что в доме-то негде. Какое там - лишь бы переспать, да опять на улицу. Негде спать-то было - столько народу. Потом уже брат в школе учился здесь в железнодорожной.

У отца была астма легких и сердца, так что он даже ходить, пройти три шага не может. У станции была чайная раньше. Зеленое такое длинное здание было и три столика там. Он здесь поработал, как говорится, лакеем немножко поработал, но не мог дольше, потому что надо много ходить, а ходить он не мог. Потом на железную дорогу устроился. И потихоньку стал работать там, где сейчас казармы. Что где печное - там чистил. Он не мог много работать.

А казармы вдоль путей стояли. Вот сейчас там сохранилась казармы, в Колпино, где тюрьма, на-

зывались казармы. Длинные эти здания назывались казармы, там жили люди. Он туалеты там чистил, где полку прибивал, так и работал. Хоть и не мог ходить, но, бывало, идет.

Яблони семя бросали, они же вырастали, он выкапывал и приносил домой. У нас потом яблок было много, а мама плакала, потому что налог был на яблони, на каждый кустик. А потом, когда Сталин когда умер, мы и яблочки поели, как говорится, нормально. На картошку налога я что-то не помню. А так на все кустики, на клубнику был налог.

Мама не работала, дома была. Нас всех в школу надо собрать. Старшая уехала в Ломоносов, там она медсестрой стала. Вторая в Ленинград уехала на ткацкую фабрику. А потом и Миша закон-

Рытье окопов. 1941 й год

чил школу. В железнодорожной школе он отучился и в ремесленное училище поступил. Мы, бывало, его ждем у калитки, когда он принесет нам хлеба. А хлеб-то кидали те, которые хорошо жили. Они хлеб бросали, не доедали. И он приносил нам в этих сетках с дырками. А мы стоим и ждем, когда он принесет нам хлеб.

В школе было весело. Я пошла в 1948-м году в первый класс в деревянную школу. Где церковь, рядом двухэтажное деревянное здание было. Мы учились пятый и шестой класс, седьмой. А потом нас перевели за мост, где теперь миграционная служба.

Вот как раз медаль получила учительница Черток, а мы участвовали. Самодеятельность была в классе, мы играли на гармони. В школе я не помню, чтобы что-то давали. Все покупалось. Помню только, что болезненная пошла в школу, лицо было покрыто коркой, это я хорошо помню. Надеть было нечего. У мамы потом молоко-то пошло, она отвезет молоко, ей что дадут передник там или платье, вот мы уже одетые идем в школу. Тяжело, но чего-то было весело, не знаю.

Валенки были с дырками, помню хорошо, отец все чинил. Я даже

Дроздово, Трубниковский район, 1940 й год

и не помню, что от кого достанется, не обращала внимание. У мамы были одни парусиновые туфли, которые ей были малы. Но она всегда их держала, мало ли куда, потому что в 1945-м году второго декабря ее наградили орденом «Материнская слава» третьей степени. Она в Москву, вроде, ездила, и ей вручали там этот орден. Орден нашел ее только в 1950-м году. И вот в 1950-м году пришел этот орден, получила позднее.

Отец пошел на пенсию, стаж не выработан - и все. Написано: дети есть трудоспособные и земля. Так что вам хватит пенсии. Что пенсия у него была? Небольшая. Так вот и жили.

Но весело было, как-то интересно было. Помню, Нелли Сенашкина один раз у нас вела хор. Она преподавателем была. Провела, наверное, урока два-три, сразу ушла. Только помню одну песню, мы все время пели: «Скворцы прилетели, скворцы прилетели». Вот эта песня на всю жизнь. Она ушла и в железнодорожной школе работала.

Семь классов мы закончили с сестрой и пошли в Белую школу. Мы с сестрой всегда участвовали во всех соревнованиях. Вот в хоре не удалось попеть. Хотя у меня мама хорошо пела и отец, они в городе пели в Александро-Невской лавре. Мама хорошо пела, сестра, которая вторая, другая, 1928 года рождения, тоже очень хорошо пела. Она даже на радио пела русские народные песни. Все поколение по материнской линии было певчее. Как-то было интересно ходить. Я вот чего-то не помню, чтобы было скучно, воевали с мальчишками.

Учились я не хорошо. Математика не шла. Но математика потом никак не пошла, и спасибо учительнице, хотя сейчас говорят, что тех, кто

Рытье окоповТрубников Бор 1941 й год

Семья Павловых. Тосно., улица Серова

плохо учится, надо оставлять на второй год. Не оставили на второй год, а это как тяжело было бы маме. Мы не соображали, а куда же ее денешь, если она не шла. Если у меня внуки и дочь соображают в этом деле, то я вообще не понимаю и сейчас тоже. Что я могу сделать?

Я училась с Ниной Антроповой. Она сейчас Алексеева, живет в Тосно-2. У нее шла хорошо математика. Мы с ней с первого класса. И учительница Черток меня сажала за ней, чтобы я могла списать у нее. Учительница маму нашу знала и жалела.

Мы были веселые все,

нормальные. Сама лично бегала с мальчишками. Играли, гонялись. На дорогах машин не было. Лошадь если проедет, повозка, - и все. Много играли в лапту, вообще в такие игры играли веселые, подвижные. Не сейчас - по углам все сидят, площадку пустая. Единственное, не любила Белую школу, перешла сюда, а не любила. А чего-то она мне не любилась никак. Помню хорошо Румянцева. Мы с Ниной Коньковой дружили, она хорошо бегала сто метровку, а я не могла. Могла длинные дистанции, конечно, я отставала. Я не могу так быстро сразу, а она моментом пробежала.

Мне запомнился русский язык, русский хорошо шел. Нам с сестрой нравился русский, как-то мы писали лучше, потом мне понравился немецкий. Учительница была немка по национальности. Я на слух-то немецкий слышала, и вот эта разговорная речь в голове сидела. Но не переводила, старалась все, что говорит, запомнить.

Тимофеева (Семенова) Зинаида Петровна

Я, Зинаида Петровна Тимофеева, девичья фамилия Семенова. Родилась я 4 ноября 1932 года в Псковской области. В селе я родилась, а станция Дедовичи. Мама Александра была у меня. Отца звали Петр. Папа был в то время не очень грамотный, но к нему ходили дети, задачки он помогал решать. Он работал, сначала было счетоводом. Где-то в начальстве был. Мама работала в колхозе, ей за это хотели орден дать. А она говорит: «За что орден, не золотой крест!» Ее чуть не посадили. Хорошо, что папа за столом сидел, тоже как начальник был. А какой был начальник - не могу сказать. Ну, все упросили, чтобы не посадили ее. Она просто была безграмотная. Под гармонь песни пела хорошо, но не понимала политики.

В семье росла я одна. Была первая девочка, год прожила и умерла. Я была вторая. А потом еще было два мальчика. Умирали дети. Первая девочка родилась, мама как раз беременная была, когда немцы уже были у нас. Она родила и после войны, война закончилась. Эта девочка тифом заболела, врачей не было, жили в бункерах.

До войны я первый класс закончила, по улицам бегала. У меня бабушка была, она меня растила. А мама встала и пошла работать. Ничего не успевала по дому. Бабушка была в огороде, я с ней росла. Мы хорошо кушали, я только сладкое ела. Помню, папа принесет, на печке поставит сахара. Это вот такие куски с кулачок. Я поменьше возьму. В школу, когда я пошла, то помню, что с сахарком. Баловали меня, корову имели, овечки были, курочки были. Так все было. Чего-то и ткали. Зимой-то не было работы такой, мама ткала. Лен растили. В Псковской лен хороший. Лен и картошка была. Поля как посеют! Я помню - ветерок, лен так качается, а мы любуемся, бывало.

В школу в другую деревню ходили - километра два, может, больше. Знаю, что горы, речки. Вот идет Северка речка, а тут Шалонь. Вот так. У меня тетка в город уехала. Как мне в школу идти во второй класс, она мне все купила: и рейтузы, и кофточку, шапочку фетровую, я была одетая, да. Она жила в Павловске. Они с молодежью уехали в Питер на заработки. Они же молодые девчонки - собрались и уехали. В колхозе не захотели работать и поехали в город. Кто в няньках работал, кто что, начинали-то когда. Да так потом и жила там после войны.

В нашем классе много было человек. Да, много - со всех деревень. Может быть, не сорок, а двадцать с чем-нибудь. Вот так стояли парты - первый класс, а тут третий класс вот так был. А во второй половине дома - там второй и четвертый. Коридор один, а помещения туда и сюда. Заходим в коридор - направо один класс, налево другой класс. Лампа керосиновая была. Нравилось учиться, но не очень хотелось. Я не понимала тогда еще. Это сейчас не такие дети, как мы, мы же были тупые. Когда там было мне заниматься, я и днем успею, чего там первый класс.

Папа очень много читал газет, политикой занимался все время. Мама ругала, что, мол, сидишь, время проводишь. А она была неграмотная.

Как началась война - и поехали, поехали. Сначала наши отступали, не стреляли, ничего не было. Войска не было. Просто наши скотину убирали - колхозный был скот, угоняли. Тогда техники не было никакой, машин-то не видели, не было никаких в деревне машин. Взяли всех мужчин в армию. Только постарше остались, а так всех взяли в армию. У меня и отца взяли. Сразу же немцы взяли Прибалтику и Псковскую область. Танки ехали по нашей дороге, а мы, как вороны, все время, смотрели. Дети-то собирались и смотрели. Машины груженые. Они сидят на машинах на грузовых немцы-то.

Потом немцы по дороге ехали мимо и ехали. Их рисовали в газетах таких страшных. А потом видим - люди как люди. Потом, бывало, и конфеткой угощали. «Комрат, бом-бом», - и давали нам. Конфеты - это «бом-бом». Стекляшечки такие в полосочку. Ну что, мы-то дети. У него тоже оставшись там дети. Молодые-то не давали. А у кого дети - так давали.

Немцы ехали вперед. Ну, им воевать не с кем тут было, одни женщины да старики. Проездом все вперед ехали-ехали. А куда - не знаю. Местные, которые молодые парни, еще в армию их не взяли, они

же тоже прятались от немцев. Старики такие, которых не взяли с возрастом, тоже ушли в партизаны.

У нас гористая местность была. Как только наши увидят, что едут немцы, они подскажут, так мы в баню прятались. Боялись немцев-то, так же все уходили. А мы остались. Как раз мама была беременная, она родила еще девочку.

А потом уже деревню сожгли, партизаны потому что были. А чего? Немцы поехали, партизаны их из винтовки пук-пук. И нашу деревню сожгли. Чтобы не было тут партизан. Сожгли деревню без людей, мы ушли все. Что сгорело, что закапывали в землю, все равно потом кто-то взял. А у мамы маленький ребенок.

Везде почти пешком ходили, ничего не было же. Мы уехали в другую деревню, где жили у мамы два брата. Пешком шли до другой деревни. Мы там год жили. Оттуда мы ушли в партизаны. Они нас взяли туда. Братья были старые, в армию не взяты. Были их сыновья взяты в армию. Вот у одного было пять девчонок, дочки были, а у другого сын, он только закончил школу, а второй у них был летчиком, дома не жил. Один был взят в армию, такой молоденький. Он сразу погиб, сразу застрелили. Чего же, они глупые были.

Мы с партизанами в лесу жили одно лето. У нас был отдельный шалаш, чтобы жить. У каждой семьи свой шалаш. Елок набрали, да поставили - так и жили в летние месяцы. Травы накосили - и спали так на сене. Тогда ничего не было. Только мы лето пожили. Куда деваться, если сыроежки, заячью капусту, собирали и ходили. С сестренкой ходили. Партизаны не жили, проездом только были. Потом уже на другой стороне речки мост построили. Строили наши, и там были склады оружия, снаряды хранились. Мама, бывало, после боя пойдет туда, где они постреляют. Лошади же были - мясо, конину, принесут, наварят. Разделят по кусочкам, кормили нас. Ночевали в лесу, в шалашике.

Мы в лесу или грибы сырые соберем и поедим, то ягоды какие. Игр не было. Какие там игры. Сидим или лежим, а стреляют по лесу - страшно там. У нас как стреляют -сбивают даже, падают деревья . Всякое было. Глядишь, макушка с дерева падает. Немцы все время простреливали места, где партизаны находились. Много нас было. Может, не одна была даже деревня. Боялись немцев и шли к партизанам. Ну а куда кормить, куда девать-то? А потом партизаны говорили: «Больше мы вас держать не можем, выходите к немцам. Некуда с вами, кормить надо и семьи же». Все с деревни с детьми были. Мы и пошли все... И вот вышли, руки поднимали - и к немцам.

Это как раз на берегу речки. Немцы увидели, что выходят люди, и забрали нас. И повели. И пошли мы. До нашей деревни недалеко. Повели в сарай. Думали, что сожгут, но нет. Мама говорит, как отвернулся конвоир: «Доченька, иди, беги в канавы и сядь, будто писать хочешь. И присядь глубоко. Потом беги в деревню нашу, скажи бабушке или тетке, что меня с маленьким ребенком повели и всех остальных в сарай колхозный. И только сейчас не вылезай, только кода увидишь, что ушли. И ты тогда иди вперед по канавке и потом выйдешь на дорогу. И сходи к бабушке, скажи, дядя Ваня дома». Дядя Ваня был сосед наш, он не был в армии. Полицаем он был. Ну, я все-таки понимала уже. И так они и ушли.

А тетка, которая в городе жила, пешком пришла домой из Павловска и жила в деревне. Бабушка не была у партизан. Бабушка с теткой оставались в бане, немцы не трогали их. А мы же с мамой и с маленьким ребенком ушли и поехали туда к братьям ее. Я пришла, сказала бабушке, что нужно сказать дяде Ване, что маму угнали. Нас поймали и угнали, я объяснила. Пошли к полицаю, где он жил, и он сразу туда пошел. Маму отпустили, а остальных закрыли в сарае, ничего не сделали им.

И мы поехали к тетке. Там жила папина сестра, она была замужем. Тетка жила ближе уже к станции, туда и пошли жить. Они же не выгнали. Там деревни те, еще в школу ходила там. Год, наверное, там прожили. Деревня Борок. В 1943-м году или пораньше. А потом осенью, когда время уже проходило, стали молодых забирать и отправлять в Германию. Молодежь стали набирать. И тетку, которая из Павловска, она же была молодая, хотели взять. Так она отдала браслет, хороший браслет золотой, она была еще не замужем, молодая, и ее не взяли, сказали, что болеет, придумали и оставили ее тоже.

А старики, чтобы никуда не отвезли - опять в лес. Строили уже в лесу - и баньку, и воду вы-

копали. Что было, то из дома все таскали, по ночам в лес носили, собирались там пока жить. Я была с ребенком, а мама помогала, кому что посеять. Землю копали, чтобы можно было посеять. Нужно было есть. Картошку сажали. А в деревне был такой дурачок, ходил все. И он вышел и немцам рассказал, где мы собрались.

Немцы приехали и опять нас забрали. И мы в сарае ночевали, а потом увезли нас. На лошадях везли, потом в поезде. Мы были в Литве. Город забыла какой уже. В рабочих вагонах были, в сарае тоже ночевали там где-то. То в одном, то в другом городе останавливали. Приезжали литовцы и брали работников. Ну и нас взяли тоже с мамой, мама свинаркой работала.

Нас взяли вчетвером, а потом нас разделили: мама, я и маленькая - у одного хозяина, а бабушка - у другого. По соседству мы были. В Латвии и в Литве по хуторам разбирали рабочих. Я сидела с девочкой их. И заставляли тоже работать: пололи свеклу, поля. Дом был большой, хозяин был богатый. Нас не обижали, была комната отдельная, две кровати, мама с маленькой отдельно спали. Мама работала свинаркой и коров доила, все делала.

Была у них дочка. Она ткала зимой шерсть, а я сукала цевочки. Такие штучки ставила, и я крутила ниточки, а она ткала. Из шерстяного материала костюмы шили, потом отдавали. И сын был, одна дочка училась в Вильнюсе, а вторая учительницей была, вроде. Они дома и не жили, они несколько раз приезжали, пока там мы были. Приедут к родителям, те, наверное, дадут им что-то. Коров много, свиней много было - продуктов да еще чего. Ели мы за одним столом, не отдельно. Кормили.

Где-то были бои, пока ехали, а мы были в стороне. Где дороги есть, там были бои. А мы были в стороне. Люди по хуторам жили, у каждого своя земля, работали, все в доме делали. Вот так жили. Так мы не видели немцев. А потом уже наши пришли, ходили по хуторам. Спрашивали, как относились. А когда пришли, хозяин один раз спрятался под маминой кроватью. Спросили, где хозяин, она сказала, что он уезжает все на лошадях, потом приедет. Что там делает, он нам не говорил. Торгует, продает, что-то купит, принесет. Все свое хозяйство-то было. Вот так было. И меня так спросили, а я не знаю, где. Мама сказала: «Скажи, что не знаешь ничего, нянькаешься - и все».

А дальше они побыли, спросили и ушли на другой хутор. Человек пять наших солдат ходили по хуторам. Чего они делали, не знаю. Нормально все было. Они ушли, а мы так и остались жить. Потом домой мы поехали. Хозяин нас отвез, дал нам корову, ехали на платформах. Вот собрали на станции русских, тех, кто захотел, отправили домой. Корову не отняли. Был гусь в коробочке положен. Так ночью ходили, жрать нечего, и украли его у нас. А так хлебец – да и все.

Приехали домой. А чего дома - голый камень, все сожжено. Мы жили в бункерах немецких. Немцы сделали бункеры в земле, потому что через мост дежурили, караулили снаряды. Они караулили, и вот эти ямы с той стороны речки и с другой были. Мы и жили в этих бункерах. Ну, а старики, которые остались в деревне, они из моста бревна разбирали, избушки делали, сена накосили, шалаши наделали. Вот так и жили. И мы так стали жить.

Стала в школу ходить. Учительницы была Евгения Андреевна и Зоя Сергеевна, вот помню их уже. Так в школу походила немного. Тиф начался, уже папа пришел, война закончилась. Папа был в госпитале, был ранен. Он писал, что семь немцев в плен привел. И его ранили, плечо было пробито, голова и рука. Писал, что он в госпитале.

Мы уже дома были, а тетя так осталась. Она приехала, а хозяйка дала ей мешок зерна. Рожь или пшеница, не знаю, что там было. На дороге ехали, а наши отобрали. Это уже на границу приехали. Но папа был грамотный у меня, он написал, забыла куда, Ворошилову что ли, написал, что пришел из армии, есть нечего, а у тетки, что дала зерна, его отобрали. А он солдат, пришел, поесть нечего, семья голодная. Ну написал, что было. И оттуда приказ дали, чтобы вернули, что взяли. Вернули ему, отдали.

Потом тетка опять уехала в Прибалтику, в Литву, к своей старой хозяйке. Ну они же вообще жалели людей, она там жила. Мы к ней с папой приезжали. Сестренка моя маленькая умерла, тифом заболела, когда я была в Прибалтике. А врачей не было, больниц не было. Жили-то как. Папа с моста брал доски, когда шалаш сделал, внутри досками обделал, а потом сеном закрыл. Печку сложил. И

жили мы. Оттуда тетка поехала в Павловск. А у нее там уже ни паспорта, ничего не было. А потом работала, и паспорт дали.

Уже война закончилась. Зиму прожили. Тяжело жили, мама пошла работать. Копали весной, лопатами по четыре сотки в день вскапывали. Как сейчас дача шесть соток. А голодные же были в колхозе. Потом корову дали. У меня у тетки был муж, она уже получила похоронку, что муж погиб. Ей дали корову, так как у нее трое детей было, а еще маленькие были они, одна только родилась, как моя сестренка, я нянчилась все с ней. Где лошади остались, так когда-нибудь дадут одну лошадку. Вот так начинали.

Потом ожили немного, старались люди, работали и стали жить. Я подросла. Лен обрабатывали, все вручную делали со льном. Повыдергаем лен осенью, головки-то обчешем, семечки смолотим, а потом раскладывали и толстым слоем расстилали на земле прямо. Он вылеживается долго - месяца два, наверное. Потом уже к осени начинает замерзать, уже глубокой осенью. Потом граблями собирали, ставили осенью, чтобы высох и связывали его. И отправляли, возили на завод в Дедовичи, там его обрабатывали. Некоторый лен мочили, который нет. Но не мочили, который сдавать. Некому было работать в колхозах-то.

В Дедовичах был районный городок такой небольшой. Там был завод у нас, на завод возили и там обрабатывали. А для дома высушим, помнем, причешем - пряли и вязали. Пряли на таком уже гребешке, прялочки были такие. Который не хороший был, тот в паклю идет. А хороший - уже как крепдешин будет. Крепдешин делали изо льна. Дома были ткацкие станки.

Масло делали изо льна. Сначала в ступках таких толкли, потом в корыто деревянное, сделанное из бревна. И трут эти семечки, потом в мешочки вот эти льняные сотканные. Поджаривают, подогревают и насыпают в мешочек уже тертые семена, столченные в ступе, а поджаренные, чтобы вкуснее было. А когда оно подогретое, очень душистое. Мешочки вставляют между бревен, потом стягивают - и клином, чтобы сжимать. Жим-то делают, и масло вытекает.

Сколько классов удалось закончить? Да почти нисколько - четыре кое-как. То там поживем немного у одних, потом куда-нибудь. В Литву уехали, какая школа. И потом приехала когда, уже маленькие первоклассники все ходят, и я там четвертый заканчивала, мне уже стыдно было с ними. Ну, я не одна была, таких много у нас было.

Потом я работала в колхозе. А потом замуж вышла молоденькая. В Тосно я с 1954 года.

Турыгина (Сысоева) Зоя Степановна

Я, Зоя Степановна Турыгина, в девичестве Сысоева, родилась 9 января 1938 года. У матери было рождено восемь детей. Осталось потом пять, потом четверо, теперь я одна. Я самая младшая в семье. Мама в колхозе работала, сколько могла, а потом, как от такой своры уйти?

Мама стала домохозяйкой. Мы были примерно погодками, через три года все родились. Сперва первая сестра - 1922 года рождения, а после нее трое умерли. Следующая сестра - 1929 года рождения, потом ребенок 1932 года рождения, 1935 года рождения. И я - 1938 года рождения. Мамина девичья фамилия Шилова. Дядька Шилов умер - в Саблино жил после войны, в милиции был. Умер последний из Шиловых.

Когда война началась, мне было три с небольшим года. Отец - Сысоев Степан Иванович, 1898 года рождения, работал здесь. Был тут колхоз «Красный пахарь». Отцу было жалко сдать лошадь свою, и он пошел в колхоз вместе с лошадью. Потому что отец его, Сысоев Иван Васильевич, работал мастером на пороховом заводе в динамитном цехе. И брат его, Петр Иванович, работал нумеровщиком на том же заводе. А папа пожалел лошадь и пошел в колхоз.

А до колхоза отец в армии был, потом в кооперативе работал. Лошадь купил, стал строить дом отдельно от родителей - семья уже разрасталась. Они на двух лошадях возили бревна для строительства дома. Наш дом, где Есины жили, это деда нашего дом, а наш - на речку смотрел. Отец построился там, потому что с землей было тяжело. Ему жалко было лошадей в чужие руки отдавать.

А в 1941 году его призвали в армию. Папа был на рытье окопов, заграждений в Колпине. И пришел на ночь к жене. Ему тогда сорок лет было. А в это время принесли повестку. Он по повестке пошел. Моя родная старшая сестра, Сысоева Ольга Степановна, 1922 года рождения, работала тоже на пороховом, их цех эвакуировали в Пермь.

Когда война началась, нас со своего дома выгнали немцы. В доме остались, конечно, все овощи, мать зарезали овец, мясо спрятала. Но нас из дома выгнали, взять с собой ничего не дали. Поселили русских фрау туда, а нас - в Мишкино. Мать - уроженка Мишкина. Вообще-то наши предки завезены из Подмосковья. Мамины в Мишкине были, там пра-, прародители возили бут в Питер на строительство. Была на Песчанке сделана печка, выжигали и делали известь. Так что мамины родственники из Мишкина, а папины - из Никольского.

В Мишкине родительские дома стояли, там два дома. Маму туда заселили, а там Ижорский батальон рядом. Стреляли и оттуда, и отсюда. Потом помню, как началась бомбежка. У мамы был сделан окопчик у речки - нас засыпало песком. Я, конечно, плакала, чего же, мне всего три года. Потом, помню, сестра сходила на пороховой, принесла глицерина, и мы наелись глицерина. Мы не отравились, но у меня от ступней до коленок были болячки, до сих пор есть пятна. У брата на голове были, у меня на ногах.

Ну, мама у старосты выпросилась. Он говорил, что ее в свой дом не пустят. А в родительском доме жила тетка, но она уехала на саночках во Псковскую область. Дядька уехал на саночках с семьей в Калининскую область, сейчас Тверская, - переехал линию фронта, и его там забрали на фронт. Победу он встретил на Кавказе.

Мама упросила за два мешка картошки. В Никольском, напротив церкви, был попов дом, и там жил внизу Сысоев Анатолий, а нас поселили на чердак. Мама говорит: «Хоть на чердак, но подальше от грохота». Все равно начали здесь тоже на кладбище и траншеи взрывать, и все.

А потом нас начали вывозить на работу. Работников-то не было, мама одна. Мама походила на работу - литр баланды на нас разольет. Кто постарше спросит: «Мама, а ты?» «Да я ела дорогой!» Так ела, что слегла - пошла работать сестра. Детская бригада здесь была, они чистили дороги от снега, укладывали дорогу. Что дети могут? Но была такая бригада, в ней трудились мальчишки, девчонки.

Сестра 1929 года рождения ростом маленькая - ее не взяли. Взяли сестру 1932 года рождения, покрупнее была она. У нее был паек побольше, чем у взрослых. Потом нас отсюда увезли, сперва под Гатчину, в карело-финскую деревню недалеко от Никольского, потом дальше повезли.

Возили-возили, в Прибалтике никто не берет нас. Привезли в деревню - тоже не нужны, работников нет - нас четверо, мама пятая, бабушка восьмидесятилетняя шестая. Это мать отца.

И про куклу еще. Была кукла, возила я ее. Тряпочная такая кукла. Не было же больше ничего. Эстонская девчонка приехали в гости к нам, увидела: «Отдай мне ее». Так за кусочек сала и муку отдала, продалась. Все есть хотели. И, помню, эстонский дед заставлял нас чесать ему спину.

Хорошо чесотка не пристала ни к кому из нас. Мы же чесали так: чешем-чешем, а дед говорит: «Посильнее!» А что у нас сил-то? Мне лет пять уже, наверное, было. Потом дед берет чесалку, у нее металлические штыри такие, и мы проводим этой чесалкой по спине. Оттого у него такая с синевой кровь идет, вот тогда он успокаивался

В одной деревне дом был богатый, а детей не было. И вот эта молодая схватила меня и поволокла по всем комнатам. Я помню только, что двери белой краской накрашены, она меня и туда, и туда и говорит: «Отдай, отдай!» Мама говорит: «Как я отдам, у меня муж воюет, он мне только и наказывал, что беречь детей, как я отдам?! Возьми руку, один палец отруби - больно же. Не отдам». И нас сразу везли. Я тогда маленькая была.

Привезли в Эстонию, город Пярну, в лагерь. А лагерь как был сделан - был сделан фальшивый лагерь: аэродром с одной стороны, бараки фанерные. А с другой стороны - как цистерны, тоже фанерные, но, видимо, разведка работала - не разбили. Один только разбили какой-то на крыше - и все.

Как питались... Эстонцы ловили рыбу на моторных лодках. Как приедут, салака блестит наравне с бортами, они лопатами выгружают. А мы стоим: «Дяденька, дай рыбки, дай рыбки». Какой-то не выдержит, лопатой выбросит рыбы на берег, и мы в лагерь. На воде приготовим. А мамы на аэродроме работали: где разбомбят, где постирать надо, где на кухне помочь. Их гоняли кого куда взрослых. Там была цыганская семья: тринадцать человек - мать, отец и дети. Детей полно.

Нас уже освободили в сентябре 1944 года. Посадили в товарняк - и сюда. В Саблино нас привезли 9 января 1945 года, еще шла война. Приехали - в свой дом не пускают, там школа солдатская. Мама поехала в Тосно. Ей говорят: «А зачем вы приехали?» А она отвечает: «Немцы погрузили - нас не спросили, русские тоже погрузили - не спросили да и привезли. Я в свой дом приехала, у меня муж на фронте и дочка! И дочка с завода на Урале».

Мы еще не знали, что отец погиб. Дом освободили. Пустой дом, где-то заклеены были окна. Пережили зиму. А в Никольском было мало домов оставшихся, мы считали -где-то около тридцати домов частных, а было двести пятьдесят до войны. Некоторые разобрали на бункера немцы. Машинами разбирали, а не в ручную: тросами зацепляли и растаскивали.

Вернулись все, и бабушка тоже. Бабушка еще сестру на год пережила. Сестра умерла в октябре 1952 года, а бабушка - в декабре 1953 года. Ей уже было прилично лет. Все на старом кладбище похоронены. У меня и мама на старом, и муж на старом. Церкви уже не было. Не было никаких стен. Только было типа фундамента, народ тут шустрил, у которого силы были. Здесь же папины одногодки - Новики называли их. У нас в Никольском все по прозвищам, Сысоевых много же. А мы Волковы, и прозвище было Волковы. А почему Волковы? А какой-то пра- пра- был Волков.

В 1945 году я пошла в первый класс. Школа была там, где сейчас. На Октябрьской улице стоял двухэтажный учительский дом. И вот в первый класс я туда ходила. На первом этаже нас учили, школа была двухэтажная, печки были, была первая учительница Мария Арсеньевна. Потом нас уже перевели в эту деревянную школу, а тот дом сделали медпунктом. Василий Николаевич Быстров был заведующим этого медпункта, фельдшер, очень опытный. Семен Ульянович Лившиц там жил, Анна Алексеевна, Николай Иванович там жили. А уже потом приехала Зинаида Ильинична, она вышла замуж за Колю Сысоева.

Их семейство на кухне жило. А потом приехали Тамара Николаева Поспелова, Зинаида Ильинична, Татьяна Александровна.

Я закончила в 1952 году семь классов. Тут как раз умирает моя сестра старшая, которая была на Урале. Остается дочка у нее, ей три года. Мама забирает ее.

У сестры, которая 1932 года рождения, мужа забирают в армию. Тоже ребенок остается. Мама

держала корову, и я начала ездить в Питер с молоком. До Поповки пешком, а когда речка разольется, значит до Саблина.

Начала в Саблине ходить в школу в восьмой класс. Во вторую смену была школа. Я утром сбегаю, молоко разолью в Питере, потом приеду, все брошу, портфель в руки - и в школу. Месяц я отъездила, а когда сестра умерла, бросила школу. Так я ездила больше года с молоком, а потом пошла в восьмой класс. Сперва в деревянную, а потом открыли эту школу. Школа-то, как дворец, была! Полы были такие - натирали паркет, и люстра, конечно.

Я закончила десять классов. В новой школе классный руководитель был Павел Андреевич Филимонов, а жена его, Елизавета Ивановна, была завучем. А Тихонов был директором школы, Семен Андреевич. Где седьмой класс я заканчивала, Поспелова Тамара Николаевна преподавала русский, а в новой школе - не помню.

Когда в семилетней школе училась, рядом со школой у нас был пришкольный участок, а руководила всем этим Анна Алексеевна. Мы вырастили очень хороший урожай пшеницы, ездили в Дом пионеров в Ленинград. С той школы нас возили в театры и в музеи. Все-таки, когда появились учителя, возили нас. Добирались от Ивановской от Саблина. В Ивановской начали машины ходить, когда уже завод появился, в 1955 году. Сюда мало машин ходило на Поповку, там маленькая была производительность кирпича, да и дороги здесь не было. На Захожье была дорога лучше, потому что там у немцев стояла дальнобойная - такие тяжелые машины шли со снарядами.

На Поповку ближе. Или на Саблино, когда разольется речка. И на Саблино тоже моста же не было. Надо было идти через Гертолово, там бревно было проложено через речку. Переправлялись ползком по бревну. Потом сделали деревянный мост. Он выходил к Соколу. А потом, когда уже солдаты здесь стояли, это уже ближе к 1950 году, построили мост у нас через ручей, который сюда идет, и на Саблино мост построили.

В 1952 году я семь классов закончила, в 1956 году, наверное, десятый. В 1955 году «Ленстройкерамику» запустили, там я и работала, и сестры работали там.

Старшие сестры, 1929 и 1932 года рождения, работали на старом поповском заводе. А в 1955 году запустили этот, и я пошла на завод. Проработала три года. Поступила в техникум, закончила техникум по контрольно-измерительным приборам, автоматике. И уже пошла техником на керамический. Проработала там всю жизнь. Оттуда пошла на пенсию. И на пенсии тоже работала.

В кипе я проработала год на пенсии, потом началась перестройка, сто с лишним человек у нас пошло под сокращение. А потом завод разделился на цеха, меня в цех позвали, а внук уже был. Пришли меня звать на работу, меня не было дома. Внуку говорят: «Скажите бабушке, что пускай на работу собирается» А внук говорит: «А сколько платить будете? Будете миллион платить - отпущу!»

А об отце так всю войну ничего не знали. Он писал сестре в Пермь, когда был в Вологде, что его отправляют под Москву. Тогда он так думал. И написал, что посылает ей часы и деньги, что у него были. А он ведь охотник, да в армии служил, был обучающим. Сестра ничего не получила - ни часы, ни деньги. Но письмо получила. А отца отправили не под Москву, а под Сталинград. И вот под Сталинградом, на тракторном заводе, там есть деревня Орловка. Наши шли отсюда, а немцы были, где тракторный завод, и их расстреляли. Мы туда с сестрой съездили, с той, которая с 1929 года, когда наши тосненские нашли, где он погиб. Так он был похоронен с воинскими почестями. В Орловке обелиск сейчас поставили мраморный уже. А когда мы ездили, не было обелиска, и фамилий не было.

Там была путаница в годах сначала. Похоронки две в Тосно пришли: в одной он 1897 года рождения, в другой - 1898 года рождения, но один и тот же человек. И потом район указан. Как они шли с того района, тот район и указан. Когда здесь опубликовали в газете, мы поехали. «Нет у нас такой деревни!» Нас к военкому. Тот открыл карту и говорит: «Езжайте туда-то!» Мы приехали. Там как раз увидела нас жена председателя этой деревни. Она нас к себе пригласила, и председатель пришел. Они стали смотреть книгу памяти, так нашего отца там нет. «Будет!» - говорит. А больше мы не собрались, одна теперь не знаю, как поехать.

Хозяйчикова Валентина Михайловна

Я родилась в городе Кемь, Карельская ССР. И река там Кемь. Родилась в 1941-м году 30 января. Пять месяцев мне было, когда началась война. Нас было двое, еще был брат Михаил 1939 года рождения. Отца взяли. Он был и на Финской войне, его снова забрали в армию. Мама осталась с нами, но нас эвакуировали в Вологодскую область. Как мама рассказывала, ехали больше, чем полгода. Потому что уже бомбили, здесь уже немцы стояли. Мы добрались и жили в Вологодской области, село Георгиевское. Я там мало чего помню.

Потом отец за нами приехал в 1945-м году, забрал нас. Здесь стали определяться. Его направили на работу. Он был специалист по сплаву. У него было техническое образование, и его взяли в наше Тосненское управление. Когда приехали в 1945-м году, мы жили за Тосно, был такой участок там. Получилось, что заготовки же делают зимой, чтобы к весне их отправить, и мы жили в Федосьино, тоже Тосненский район, это южнее. А потом, когда сплав начался, нас отец привез сюда, в Никольское, на прогон, в 1946-м году, в мае где-то.

Дом, в котором мы жили, был довоенный. Папушины там жили и Жертуны там жили. У них там дом. Бабушку, у которой мы снимали, звали тетя Шура. Эти дома были довоенные. Это были, если смотреть от «Сокола», получается, по левую сторону. А потом сплав прошел, освободилось в Перевозе уже, и мы к осени переехали и жили в немецком бункере, на берегу. Это в конце деревни, за тетей Полиной. Немолотовых дом остался довоенный по берегу, мы жили там. Были два кирпичных дома, это оставшиеся Кенинские дома, хозяева были живы, но они не вернулись.

Отец был с ними связан. Они то ли снимали, то ли арендовали, то ли еще что. Вот в этом доме, где Сорокины, мы жили. Мы комнату занимали, а все остальные помещения - рабочие. Шел сплав, весной и летом больше народа. Была и пекарня там, где был сарай, кирпичный, были пекарня и магазин в Перевозе. В Перевозе, пока сплав шел, там всегда было все свое. До 1951-1952 года был сплав. Поэтому не страдали, там магазин был. Много было воды. Ведь речка наша до двадцати метров глубины, есть, где мелко, у отца все было замерено. Потому что сплав он идет, а сортировали здесь в нашем Перевозе, где Кенинский дом, здесь и сортировали. Широко там, широкая река. А бревна здесь выпиливали, где-то за Любанью, Федосьино я называла, оттуда все шло. Приходили буксиры, баржи, когда плоты, они сортировали и отправляли куда нужно.

А в Перевозе у нас только Кенинские дома остались. Когда мы пришли, Штадлеры жили сразу после войны, Ладневы на берегу. Жоховы приехали уже позднее, они как бы остановились где-то в Саблино, когда вернулись. Потом они приехали, построились не на своем месте. Место их, где Немолотовых, рядом с нами дом, это их родовое было.

А Манюнины на своем. У Манюниных же был дом до войны. Манюнин Сергей Григорьевич имел свой пароход, он же был капитаном, занимался пароходством. У него даже основание стояло долго, потом его уже распилили на берегу прямо здесь, где Манюнины. При моем детстве стояло это основание. Владимир Иванович Ценко вообще до войны жил, вот там, где сейчас лесом называем, там, где улицы. Песчанка как бы верхняя, а там первая улица, вторая улица, четвертая, Николаевский проспект. Вот там он и жил. Там было много разных поселений. В основном это были завезённые Петром немцы, и они там жили.

После войны там страшные бои шли. Все раскатали. Из Колпино стреляли. Федоровы построились на Песчанке, у ручья, были Левочкины, Макаровы и Федоровы - три семьи. Ценко вернулся в дом, где сейчас Котиковы живут. Это дом брата его. Звали дядя Федя. Они жили здесь, и тетя Таня с ними была, она за ними ухаживала. Владимира Ивановича жена и дочь погибли. Попал снаряд, и дом сгорел. Они погибли.

В 1946 году начали завод восстанавливать. Видимо, под руководством Ценко. Потом тоже возили кирпич, приходили баржи, машин-то после войны не было. Где-то в 1949-м году уже жили в своем

доме. Да, наша река судоходная.

Школа была вот здесь, ходили в школу в Никольское. Речку переходили по перемычкам. И дом там стоял на берегу, там жили Ладневы. Наверное, самое тихое место, такая извилина. Ну, конечно, ходили мы по берегу речки. Много нас ходило. Вот Ландграфы были, помню, Манюнины, Юрка был. Жоховы позднее, а потом Васильевы, это вот Васильев дом, где сейчас двухэтажный, Люся Алексеева, Валя Назарова, Широковы, Люся и Рая Борисовы, они тогда на Горке жили.

От поселка Бадаево что-то оставалось. Завод там были приличный, что-то стояло, насколько помню. Потом стали его разбирать. На нужды свои, и потом с Чагоды приезжали и разбирали рабочие. Машины были, они жили здесь. Стекольный был завод. Там папа погиб при разборке кирпича. Упал, придавило.

А в школе из учителей помню вот Татьяну Александровну, Зинаиду Ильиничну, Тамару Ивановну, Антонину Ивановну Кистеневу. Семен Ульянович был директором, а Анна Алексеевна была завучем в этой школе. Кто еще-то был? Екатерина Григорьевна уже была позднее. А, Антонина Григорьевна Курочкина-Петрова еще была. Она, кстати, и до войны работала. Она из старых учителей, а все остальные-то приехали.

Я пошла в школу в 1948-м году. Потом болела еще. И ходила я новую с четвертого по восьмой класс. Я вообще училась восемь классов, так как бы семь, по диплому семь классов закончила. Мне не нравилась математика. Все время сажали цветочки, все кустики сажали, уроки такие были. У школы сажали, наши классы ходили, цветники все делали.

Обычно к празднику готовились - стихи читали, а потом физкультура. Ее Вера Ивановна вела, я все время ходила к ней на занятия дополнительно. Как праздник, мы фигуры показывали. Среднее образование получено. В 1959 году я пошла работать на «Сокол». Так и осталась, взяли меня. Я же маленькая. Еще жив мой первый начальник - Борисов Анатолий Михайлович. Я пришла с подружками, там открывался цех эмали, проводки делали там.

Первый день. Познакомились. Он приглашает в кабинет. Подходит и говорит: «Знаете, идите туда, в контрольной ОТК, в эмаль-цехе будете работать». И там так и осталась. Там я отработала прилично, лет тринадцать, а потом перешла в ОТК на первую категорию, и в общей сложности я отработала тридцать пять, из них тринадцать - первой категории. Мой любимый завод, директора хорошо знала, часто меня подвозил, Анатолий Павлович был замечательный директор, Константин Сергеевич тоже. Кроме Обогревова, он был не очень. Константин Сергеевич идет и всегда здоровается.